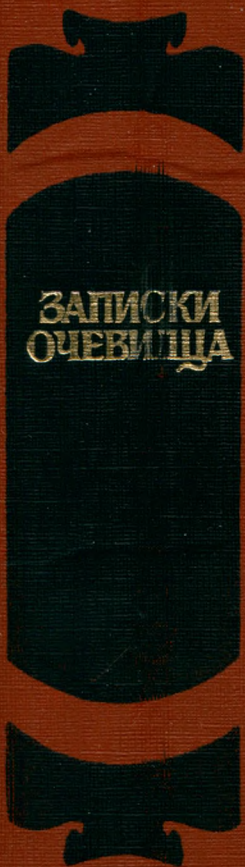

ПОВЕЩЬ

ЗАПИСКИ
ОЧЕВИДЦА

Воспоминания

дневники
письма

ЗАПИСКИ
ОЧЕВИДЦА

**ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА
ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКИ,
ПИСЬМА**

АНДРЕЙ
БОЛОТОВ

Памятник претекущих
времен, или
Краткие исторические
записки о
происшествиях и
несибившихся в народе
слухах

ПИСЬМА
1812 ГОДА

М. А. Волковой

В. А. Ланской

**ИВАН
СТОЛЯРОВ**

*Записки русского
крестьянина*

**ДНЕВНИК
НИКОЛАЯ II**

**ВЛАДИМИР
КОРОЛЕНКО**

*Письма к
Луначарскому*

**ЕВГЕНИЙ
ГНЕДИН**

Седя не потерпеть...

ББК 84Р7

3-32

Редактор-составитель *Михаил Вострышев*

3-32 Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма/Сост. М. Вострышев.— М.: Современник, 1989.— 719 с.

ISBN 5-270-00970-6

В сборник вошли мемуарные произведения, имеющие большую историческую или художественную ценность. Это дневник 1796 г. тульского писателя и естествоиспытателя А. Болотова, письма 1812 г. московской великосветской барышни М. Волковой, «Записки русского крестьянина» И. Столярова, дневник последнего российского императора, письма замечательного русского писателя Владимира Короленко к Луначарскому, документальное повествование Е. Гнедина о допросах и пытках, перенесенных им в 1939—1941 гг. в московских тюрьмах.

3 4702010000-275 КБ—48—63—88
М106(03)-89

ББК 84Р7

ISBN 5-270-00970-6

© Издательство «Современник», 1989

Многих читателей в последнее время увлекла отечественная история как стародавних времен, так и недавнего прошлого. Романы и повести о государственных деятелях и первопроходцах, о революционерах и ученых стали чрезвычайно популярны. И все же художественное произведение — это выдумка более или менее добросовестного сочинителя.

Для изучения пути, каким через ошибки и героические поступки человечество идет к нравственному совершенству, необходимо знание мемуарной литературы. Воспоминания, дневники, письма нужны нам не столько даже для того, чтобы узнавать новые факты, сколько для понимания этих фактов, для возможности судить о прошлом не с современной точки зрения, когда мы знаем последствия того или иного события, а с точки зрения очевидца.

В сборниках «Записки очевидца» читатели познакомятся с воспоминаниями, дневниками, письмами наших соотечественников, узнают о том, что думали и чувствовали современники исторических событий.

Все эти произведения написаны не из притязания на известность, а единственно вследствие внутренней потребности оставить память о событиях, значительных и важных для автора.

АНДРЕЙ БОЛОТОВ

*Памятник претекших времен,
или
Краткие исторические записки
о бывших происшествиях
и о носившихся в народе слухах*

Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833), чье 250-летие было отмечено 18 октября 1988 года, родился в родовом сельце Дворянинове Тульской губернии (умер там же). В двенадцать лет оставшись круглым сиротою, он в 1755 году поступил на действительную военную службу, участвовал в Семилетней войне. В 1762 году вышел в отставку в чине капитана и поселился в деревенской глуши, время от времени навещаясь в русские столицы.

Деятельность Болотова была весьма разнообразна, он был агрономом, заведовал дворцовыми именьями Тульской губернии, издавал книги и журналы, сочинял комедии и стихи, занимался живописью и медициной, изобрел множество оригинальных научных приборов, приспособлений для сельского хозяйства (например, астролябию, особую садовую тележку).

Рукописное наследие Болотова, лишь частично дошедшее до нас, поражает своей обширностью и разнообразием. Кроме многочисленных работ по земледелию и садоводству, это и несколько исследований по естествознанию, и художественные переводы с иностранных языков, и многотомные автобиографические записки «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

Большинство произведений Болотова до сих пор остаются неизданными. Среди них: «Современные известия о первой французской войне» (1805—1810) в пятнадцати частях, «Описание последней французской войны» (1811—1815) в тридцати частях, «Собрание мелких сочинений в стихах и прозе» в семи частях, «Мысли о романах» в двух частях, «Собрание анекдотов о князе Потемкине»...

«Памятник претекших времен...» представляет собой дневник Болотова за 1796 год. Россия к этому времени представляла собою могущественное монархическое государство с тридцатипятимиллионным населением, разместившимся на огромном пространстве с довольно прочными, безопасными границами.

Тяжелый труд простолюдина и многочисленные войны, способствовавшие внешнему блеску императорского двора и возвышению мирового

значения русского государства, одновременно истощали народные силы. Бесконечные рекрутские наборы, крестьянские волнения, пожары, несообразные с силами рабочего человека налоги, казнокрадство и взяточничество привели к разладу внутреннее состояние империи.

О положении России в 1796 году историк В. Ключевский писал: «Екатерину любили, как любят артиста, открывающего и вызывающего в нас нам самим дотоле неведомые силы и чувства; она нравилась потому, что чрез нее стали нравиться самим себе. С Петра, едва смея считать себя людьми и всего менее считая себя европейцами, русские вдруг почувствовали себя не только людьми, но и чуть не первыми людьми в Европе. За это забывали ошибки внешней политики и не замечали недостатков внутреннего положения. Смелые и широкие реформы пока не давали осязательных желанных плодов. Видели внешние успехи и терпеливо выносили внутренние неудобства».

Первая часть дневника Болотова 1796 года посвящена последним месяцам царствования Екатерины II (скончалась 6 ноября). Вторая — первым дням правления ее сына Павла I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1796 г.

В Богородицке

ГЕНВАРЬ

I

О состоянии России и отношении к прочим государствам

При начале сего года отечество наше было все еще в прежней славе и уважении у иностранных. Флот наш в Англии и обещание Цезарю¹ 30 000 войска означало, что мы в войне французской брали деятельное соучастие и гремели. Раздел Польши кончился наконец². Начинаются дела персидские. Слух о езде Суворова на шведские границы.

О внутреннем спокойствии

Внутри все спокойно. Не было нигде кровопролития и войны. Опасались только, не будет ли персидской войны. Говорят, что Гудович¹ уже пошел с 18-ю тысячами, и хан Бакинский с народом своим присягнул государыне; и что пойдет туда Суворов².

О продолжении рекрутского набора

Рекрутский набор продолжен, маленькое всем беспокойство наводящий.

О занимании провиантскими делами

Все занимались провиантом, учреждением магазинов¹ и сбором. Худое рачение и забота казенных палат и недостатков в распоряжениях о успехе сего сбора.

Об окончании ревизии и наживах при том

Ревизия оканчивалась. Как наживались при оной казенные палаты и как много бумаг изошло! Неизвестно еще, сколько прибыло народа.

О недоимках подушных

В подушных многие были недоимки и умышленные, худо очень понуждаемы были земскими судами; а некоторые статьи, за разбегом крестьян и переселением в южные

провинции, и платить было некому. Прибавка подушных не произвела ничего и ропота никакого, а желали хоть бы более, но чтобы не платить хлеба.

7

О винных откупах и прибыли откупщиков

Винные откупы шли своим чередом. Вино можно было покупать дешево. Стало смирнее. Откупщики набогачались; и польза только та произошла, что медь опять проявилась. Заводов стало меньше; но пили и пропивались так же.

8

О выборе тульском и переменах и распрях (1795)

В Туле, в конце прошлого года, была перемена судьям. Приезжало от часу меньше; со многих уездов было очень мало. Выборы происходили порядочно: наместник¹ не мешался. Распря при выборе губернского предводителя, а потом дворянского секретаря: громкое и смешное было это дело. Сделались две партии, и дворяне, в угодность новому губернкскому предводителю², выбрали было, на место прежнего Григорова, г. Нестерова; но противная партия возбудила наместника, и он некстати вмешался в сие дело и наконец принужден был уступить; и утвердился новый.

ГЕНВАРЯ 8-ГО

9

О погодах в конце 1795 и начале сего года

Погода странная и зима дурная. Сначала было стало хорошо; потом частые делались оттепели; и в начале сего годá великая оттепель: весь снег почти сошел, и вдруг, под Крещение, замерзло и обледенело все; так что вся земля покрылась льдом и казалась рекою,—чего давно не было. А под самое Крещение была страшная буря и метель холодная во весь день. Опасались, чтоб не сделалось вреда хлебам.

О расстройке оружейного завода

Оружейный завод в Туле в расстройке; все командир¹ переменил, и все — шильничества². Замешались фавориты корыстолюбивые и самому наместнику пятно делали.

О вызове колонистов в Вознесенское наместничество

Вызывание происходило людей для населения Вознесенской новой губернии; страшные обещались выгоды; выбирались наместниками люди для уговаривания охочих.

О количестве ассигнаций

Открыты об ассигнациях розыски: о количестве их и недостатках денег.

О шампанском

Шампанские все еще есть и пьются, и все воровские.

О пышности дворян и шубах

Пышность и роскошь дворянства умножилась; шубы носили чрезмерно богатые.

О продаже рекрут

Рекрут продолжают покупать.

О худом состоянии училища тульского

Училище в Туле в худом состоянии и от нерасторопности губернатора¹ и нерадивости директора²; и нет надежды к поправлению.

О вновь вышедшей карте польской (1794)

Карта о разделении Польши вновь вышедшая.

ГЕНВАРЯ 9-ГО

Об оттепели и погоде

Переменяющаяся то и дело стужа с великою оттепелью в начале генваря всех озабочивала; и дело было необыкновенное.

О начале приема провианта

В Богородицке прием провианта начался только прямо с 9-го генваря; как же можно было весь оный к 15-му кончить? А при всем том не было еще магазейна, куда его класть.

Молва о губернаторе

Слух о пожаловании губернатора Лопухина в тайные советники и кавалерию чрез плечо и будто определится он на место Дурова к оружейному заводу; а на его место калужский губернатор Облеухов в Тулу.

Молва о малости гвардейского выпуска

Разносилась молва, что гвардейский выпуск в сей год был очень малый, и будто причиной тому граф Суворов и приезд его в Петербург.

Молва о генерале-прокуроре

Носилась молва, что генерал-прокурор якобы у нас иной и вместо Самойлова¹— Исленьев, Петр Алексеевич².

О подтвердительном и строгом указе о провианте

В Тулу прислан, около сего времени, страшный, подтвердительный сенатский указ о скорейшем собирании провианта, дабы не поморить войска с голода. Сим оказалось, что правительство действительно сделало ошибку и, понадеясь на сей провиант, не сделало обыкновеннаго подряда; отчего страшных надлежало ожидать последствий, ибо чтоб провиант сей был везде собран и на место, в надлежащее время, был доставлен,— это было совсем невозможное дело. Казенные палаты, наместнические правления, а особливо земские суды поворачивались очень худо. Здесь не было еще сделано расписание — кому куда везти, и был страшный беспорядок. Уже вице-губернатор¹ запер на 3 дня всю казенную палату, чтоб сделать репартицию²; а тульский нижний суд весь разослан вытуривать, и в помощь даны квартальные. Требовалось в Москву к 20-му числу 1000 кулей, а по сие время и 200 в собрании не было. Приставы были разосланы, но у них не было ни людей, ни магазейнов, ни рогож, ни списков, и они были бедные люди. Словом, дело сие очень всех озабочивало. По сие время никто не вез; а теперь вдруг всех стали выгонять.

О посылке директора в Петербург с подарками

Директор¹ отправлял в Петербург сына с подарками, людьми и вещами, для закупки которых поехал в Тулу тайком.

Еще об оттепели

Крайне непостоянная и переменчивая погода, как давно не было. На одном дне и стужа крайняя, и метель, и ясно, и тепло, и дождь, и капель; и такие перемены происходили то и дело. Давно такой зимы не было. Путь был хорош, но мясам и рыбам было очень накладно.

ГЕНВАРЯ 11-ГО

Еще об оттепели

Опять сошел от превеликого дождя весь почти снег, и все обледенело; целый день лил дождь. Такие явления в генваре необыкновенны. Все начинали опасаться вредных следствий.

О недоумении и незнании, куда девать провиант

Магазейн здешний¹ почти полон; в другом — на полу вода и класть не можно. Дождь льет, крупа мерится и сыпается на дождь. Приходится класть некуда. Со всех сторон повезли и навезли множество, без порядка и без всякого назначения; была повестка. Пристав не знал, что делать: у посыланного с представлениями взяли только пакет и его без всякого ответа назад прогнали. Дело сие в крайнем беспорядке. Наша казенная палата упустила время и была слишком нерасторопна. Путаница сильная!

О половоди

Редкая посреди зимы половодь. Была несколько дней сряду странная перемена погоды: то вдруг оттепель и таль¹, то суровая стужа и мороз; и как более тепло и дождь, то вдруг весь снег сошел; поля обнажились, а вода, не могши уйти в обледеневшую до того землю, произвела всюду реки, озера и моря! Ни ходить, ни ездить сделалось не можно. Все ложки и вершки не только наполнились водою, но ревели более, нежели в половодь; везде страшные зажоры; реки наполнились; сломало иные мосты и мельницы; вся езда остановилась. Давно такова зла не бывало! — К вечеру опять мороз и все льдом покрылось.

29

О вздорожании ржи

Рожь дорожала в степях. Сперва была она, к удивлению, довольно дешева; но около сего времени, в самом Ельце, покупали ее в 3 рубля; на Морше — была с лишком в три рубля. Обозы, везущие ее, подмочило.

30

Слух о скупании здесь пеньки в Херсон

Ждали офицеров для скупки сей во флот, а может быть, и для торговли.

О новых газетах

Новые газеты такие ж во всем, как прошлого года; новая печать. Наши наполнялись известиями о французах и кораблях.

Об издании «Полезное и приятное предпровождение времени»

Издание «Полезное и приятное препровождение времени» продолжено, но другими уже издателями. Прошлогоднее было хорошо, преисполнено прекрасными местами в стихах и прозе; издавал более г. Подшивалов¹; ныне какой-то университетский профессор²; по началу судя, с великим и тонким духом и редкими способностями.

О выдумке секретаря почтамтского

Секретарь почтамтский, Лукьян Яковлевич Яковлев, титулярный советник, предлагает пересылку книг. Дело важное; многие тем довольны; хочет все книги ко всем пересылать, и за 200 верст — даром, а более — по 10-ти коп. с рубля; далее 700 — по 20-ти коп.; далее 1 200 — по 30-ти коп. с рубля. Возьметь может полезные действия.

О продаже дома и книг Новикова¹

Славного Новикова и дом и все имение и книги продаются в Москве из магистрата, с аукциона, — и типографии, и книги, и все. Особливое нечто значило. По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых, — сего восстановителя литературы.

О злоупотреблении выпусков гвардейских

Все такие же злоупотребления: выпускались в капитаны невежды, ребятишки, не служившие вовсе и не могущие еще служить. История сих выпусков, и как обязано все дворянство Толстому. Какой смеха достойный образец! нигде нет тому подобного; последствия от того дурные и вредные.

О половоди совершенной

11-го была совершенная почти половодь и в Туле превеликое разлитие, и Ока прошла: так чудно подействовала оттепель.

О покраже в Петербурге ассигнаций 600 тысяч (1795)

Пред Рождеством, в Петербурге случилась покража ассигнаций из заемного банка одним кассиром. Один кассир заемного банка подтибизил было сам у себя 600 тысяч ассигнаций и дал было с ними тягу. Деньги сии были какие-то резервные и, будучи однажды пересчитаны советником и запечатаны казенною печатью и надписаны, что считаны, так всегда и свидетельствовались; и все думали, что они целы. Но господин кассир подделал казенную печать, все их вынул и вместо их положил и запечатал мягкие бумаги и сам дал было стречка; но Архаров¹, не выпустив его из Петербурга, поймал, и открывалось, что тут такая же почти история, как Неженцова, и были переводы сим деньгам и связи.

ГЕНВАРЯ 14-ГО

История славного купца и фабриканта Походяшина

Отец и основатель сего дома был простой ямщик, или извозчик, возивший, подряжаясь, на нескольких подводах медную руду из рудников на заводы в Сибири. Некогда, едучи на семером с работниками своими, остановились они в одном лесу ночевать, спутали лошадей, пустили на траву, сварили кашу, наелись и легли спать. Ночью лошади распутываются и уходят. Путешественники просыпаются, не находят лошадей, разделяются на три партии и идут в разные стороны их отыскивать. Сам хозяин идет лесом, долго, долго; находит наконец следы лошадей по росе и, следуя ими, выходит на берег одной речки и тут их находит. Обра-

довавшись, излавливает их всех, схватывает за повод, хочет умыть лицо в реке и вдруг видит камень, похожий на руду медную; смотрит,— узнает, что наилучшая руда; идет далее,— находит более и более и открывает, что берег той речки на несколько верст укрыт медною рудою, лежащею на самой поверхности; он испытывает копать и открывает еще того больше. Он затевает великое дело. Возвращается по своему следу, замечает оный, уговаривает товарищей своих поставить на сем месте крест; утаивает от них; возвращается в свое место; едет в губернский город; справливается о узаконениях; предлагает губернатору; обещает ему выгоду, ежели он поможет; грозит ехать в Петербург и подкупать там. Губернатор соглашается, представляет берг-коллегии; та велит об нем проведать и, в случае безопасности, дать ему 25 тысяч на заведение завода. Он едет на лучший завод, подговаривает наилучших мастеровых, едет с ними и заводит завод. И оказывается, что нигде не было еще столь изобильной и хорошей медной руды; и он, в короткое время, делается страшным богачом и начинает ворочать миллионами. Ныне дети его уже служат и майорами, богачи; один из них подарил Новикову 300 тысяч рублей и за то истязание имел; другой продал завод сей казне почти даром, но получил миллион, и казна все выплачивает ему.

39

О Языкове-писателе

В Петербурге есть один молодой гвардейский офицер, Языков, упражняющийся в науках и пишущий хорошо. Догадывались, что оный хочет выдавать тамошний журнал «Муза».

40

О сочинении «Глас Москвы» Волкова (1795)

Известный генерал Волков сочиняет стихотворение «Глас Москвы», привозит оное к переплетчику, велит богато в парчу переплести и никому не показывать. Однако у него тайком списывают и обнародывают. Сочинение против французов и чтоб выгнать их из Москвы. Но, отправленное, пропадает без вести.

Об оттепели еще

Теплота и таль, к общему удивлению, продолжались; реки большие прошли; и все опасались неурожая ржи на будущий год. Вся почти коммерция остановилась.

О сочинителе Кованьке

В Тамбове, молодой человек Кованько — хороший поэт и сочинитель, но бедный и несчастный. Подкрепляет его некто Полетаев, его приятель и дворянин тамошний, с 300-ми и более душами.

О детях Походяшина

У Походяшина два сына; оба служили, Николай и Григорий; один попал в мартинизм и впал было в беду оттого. Оба молодцы, но попромотались. Один женат на совершенной красавице, но больна. Завод продали в казну на 1 миллион и дохода имеют по 50 тысяч на год.

О мужике убившемся об лед

В Никитском убивается мужик об лед, в вершине упавши.

О убившемся при колодезе мещанине (1795)

В Богородицке, один серпуховской мещанин убивается оцепом от колодезя. Горшечник-старик лишается одного

[сына] уже в дороге; остался другой — малый ражий и хороший. За несколько недель до сего, будучи в Богородицке, пошел старик доставать себе воды из колодезя. Сын, увидев отца, хочет отцу подслужиться и говорит ему: «Где, батюшка, тебе трудиться, сем я». Но не успел он начать, как оцеп как-то отрывается и его убивает до смерти. Бедный старик лишается сим страшным случаем и другого сына и неутешен от печали.

46

О смерти Писемского

.....

47

О Дмитриеве пиите

Славный новый наш поэт, г. Дмитриев¹ уже не молод; имеет сына, и он сам гвардии офицер и друг Карамзину².

48

Державин-татарин

Славный наш пиит, Гаврила Романович Державин¹ — не русский, а татарский дворянин с Низу и потому называется мурзою; учился в семинариях и как-то происходит в люди и делается стихотворцем; был страшный безбожник, но после покаялся.

49

О Селивановском

Селивановский, купец и типографщик, вместе с Яковлевым, почтамтским секретарем, заводят рассылочную по почте продажу книг, и он собственно, а не Яковлев, производит это дело.

О Бабарыкиной (1795)

Бабарыкина, девушка богатая, выходит за доктора, слюбившись с оным; и доктор делается помещиком, и поручик немец у них управителем. Подлый ея поступок с похотением утаить взятые деньги от Перхурова и уговаривание прежнего управителя Дзинелевича, чтобы заперся в принятии оных, и обещание заплатить ему половину.

О третейских судах и важности их

⟨...⟩¹ велит избирать оные, для скорейшего окончания сего дела.

О Скабовском в Москве

Скабовский великий безбожник, и без места, учит людей в Москве.

О Зильбере

Зильбер, немец, великий художник в Москве, старичок-циник, сделавший новые открытия в воздушном насосе и живущий у Федора Григорьевича Орлова¹.

О попе калужском Афанасии

Афанасий, поп в Калуге, ученый, хороший и красноречивый проповедник, любви достойный муж, но не христианин: — запивает.

История, случившаяся с жидом осенью 1795 г. в Петербурге

Жид сей едет из Польши с товаром в Петербург, на 4-х подводах и 5-й кибитке. Упрашивает его один бедняк офицер с мальчиком свезть его с собою. Тот рад. Едут; приближаются к Петербургу, и перед Рождественном, Петербургской губернии, жид 4 подводы тяжелые отпускает наперед; сам едет после. Офицер всклепывает себе нужды, расстаётся с ним и едет вперед; присылает слугу назад сказать жиду, что он обоз его остановил и хочет привезть в таможду и объявить, что у него есть заповедные товары, буде он с ним не помирится и не даст ему чего-нибудь. Жид думает, смущается, боится не столько о 4 подводах, где ничего не было, как о своей кибитке он опасался более; наконец решается мириться, хоть и бранится, и велит ему приезжать. Офицер приезжает, бессовестно требует с него 500 рублей и получает; потом едет с ним вместе. Отъехавши немного, — опять его турбачит¹, говорит, что жид его обчел, давши только 500, но не 1 000 рублей, и требует еще 500 рублей. Жид спорит, но наконец и то дает. Приезжают в Гатчино; подводы останавливает, побуждает офицера доложить великому князю²; тот не хочет будить, отсылает их и говорит: «Подите вы прочь! на то есть таможди». Приезжают в Петербург; офицер уходит, но приступают 4 извозчика к жиду; говорят, за что он дал офицеру 1 000 р.? У них товары добрые везены, и они бесчестие терпеть не хотят; а пойдут и сыщут офицера и отдадут в управу благочиния. Жид трусит, чтоб не дошло до него дело, уговаривает их; они не слушают; он дает им по 200 р., и они ушли; однако сыскали офицера и хотят его вестъ в полицию за то, что взял с жида 1 000 рублей. Тот туда, сюда; нечего делать, и платит по 200 р. еще и остается при 200 р.; а те по 400 рублей сдули.

История, случившаяся с жидом и одним русским купцом (1795)

Жид сторговал у купца русского 400 пар перчаток и хотел на другой день принесть деньги и взять перчатки; но

пришел, передумал и не хотел брать более половины. Купцу сие досадно: он предъявляет недосуг, велит прийти ему на другой день, а между тем распарывает связки, разбирает перчатки и складывает так, чтоб все были на одну руку; и пришедшему жида отдает сколько ему хотелось. Тот рад и спешит брать; но, начав продавать, видит свою ошибку: никто не покупает; бросается к купцу и поневоле другую половину покупает, и еще дороже прежнего. Следовательно, русак обманул и самого жида.

ГЕНВАРЯ 19-ГО

57

О г. Болховитинове (1795)

В Воронеже, префект Болховитинов¹, белец² и умный и прилежный человек, трудящийся в науках, перевел Попия в прозе и обожает онаго; но защитник ептинизма³ и желания; затевает печатать сию малую книгу.

58

Молва о наместнике тульском и кошельке

Слухи, что наместник еще в Москве и что прислан к нему якобы кошелек пустой — старинная басенка; а живет в оной за болезнью.

59

Молва о неизбежности войны шведской

Слух, что война у нас со шведом неизбежна; но причины неизвестны.

60

Все обледенело и лед на деревьях

Обледенело все и сучья на деревьях, и льдом все деревья книзу пригнуло и переломало.

Слух о возмущении в Крыму

Слух о возмущении в Крыму, и что татары взбунтовались и скольких-то наших перерезали, как скоро Гудович поудалился в Грузию и повывел оттуда войска, и что будто 15 тысяч положили наших на месте.

О Попове Дон-Кишоте

Поехал от нас Попов¹. Замечание о сем странном человеке, служащем загадкою.

Ода «Счастье» Державина (1795)

Носилась в народе ода «Счастье»¹ морганически², сложенная Державина, и она уже, говорили с год...

О Чекмазове-голове

В Дедилове, голова Чекмазов — славный плутец, нажившийся очень и разоряющий всю слободу. Новый исправник грыз на него зубы, поехал было за ним с тем, чтоб сменить и сковать; было его и сменил, но сам за то потерпел от казенной палаты и ничего не сделал; а мог бы получить с него тысячу, другую: поспешил и погорячился!

Слух о миропомазании и будущей свадьбе Константина Павловича

Слух, что в феврале будет миропомазание Кобургской принцессы¹ и бракосочетание в. к. Константина Павловича².

О великом инее

Страшный и необыкновенный иней. Сгибаются деревья до земли и очень толстые; сперва лед, а потом снег много, вреда делал, ломал деревья.

О пропивании излишнего провианта

Остальной провиант отдатчики продавали дешево и пропивали. Новый хабар¹ откупщикам и случай продавать вино, а городским дешевою ценою покупать муку и крупу и запастись оною.

О прибытке малым городам, где есть магазейны

Малым городам, где основаны магазейны, превеликая прибыль от стечения народа, от найма ими квартир, покупания провизии, вешания приватно своих кулей с мукою, за что они по грошу и более с куля платили, и покупания остатков, отдачи сараев и амбаров внаймы и подрядов для возки.

ГЕНВАРЯ 22-ГО

О подряде Ослопова

Ослопов известный человек, Маркел Иванович, — новопеченный офицер, подрядил, вытребовал многих мужиков, обобрал у них паспорта и держал две недели в Туле, без дела; тем сделалось несносно; приступают они к губернатору. Губернатор призывает Ослопова; сей запирается и бесстыднейшим образом говорит, что он мужиков сих не нанимал и их не знает; те его уличают; он стоит в том. Губернатор сам не знает, что делать, поручает разобрать их городничему в управе благочиния. Но сей был друг и покровитель Ослопова.

О числе провианта, в Москву назначенного

Из провианта здешнего 21 тысяча кулей назначалась в Петербург, а около 30-ти тысяч в Москву; и магазейны богородицкий, ефремовский, новосильский и часть тульского назначались в Москву, а белевский, алексинский, каширский и тульский — в Петербург; и хотели его сухим путем до Шоши или Гжати.

О болезни наместника в Москве

Наместник еще в Москве; занемог и был все болен. Молва носилась, что прислан ему будто был кошелек; но думаю, что вранье.

О величине выпуска

Выпуск большой из гвардии опять. Сын наместника в бригады; Крюков, не бывавший в Петербурге, — в премьер-майоры; и ребяташки — в капитаны; и множество мелюзги всякого рода.

Обряд наших помолвок

Жених приезжает с родным кем-нибудь; сидя говорят; родственник его отводит отца, переговаривает с ним, требует решения и, получив слово, рекомендует жениха всему семейству, и они ужинают и условливаются о сговоре и назначают день. Ничего более в сей день не происходит. Обыкновенная компания.

О распутице и всему остановке

Распутица и оттепель нынешняя сделали во всей коммерции великую остановку и навели купцам страшные убытки. Многие обозы на дороге остановились; извозчики ушли и сани с товаром покидали; другие перемочили пеньку и прочие товары. Сало нельзя стало наливать в бочки — не стыло; рыба вся испортилась. Словом, вред неописанный.

В Орле мельница знаменитая и спуск судов

Самая последняя на Оке мельница и пруд находятся в городе Орле, внутри самого города. Плотина сделана каменная, стоящая тысяч двадцать; а мельница, дающая дохода более 20 тысяч, о многих поставках, принадлежит какому-то дворянину, имеющему привилегию¹ даже от Петра Первого на нее. Без плотины и пруда его в летнее время нельзя б судам ходить по Оке; глубина сей реки не ближе как за 17 верст зачинается от города, а тут она мала и мелка. Суда приготавливаются пониже плотины, на суше и на подпорах; и когда время настанет их отправлять, то судовщики нанимают у мельников воду, делают с ними в гражданской палате порядочную запись, чтоб они неделю ничего не мололи, и дают за сие по 1 000, и по 2 000, и по 2 500 рублей и больше; и когда вода запрется, тогда готовят и нагружают суда; а потом велят пускать накопленную воду, и суда поднимутся и те 17 верст перейдут благополучно.

Молва о великих князьях

Слухи о несогласии в Петербурге: что великий князь Александр Павлович формально и почти на коленях от наследства отказался¹ и что императрица на него за то гневается и назначает в наследники Константина и для того его и женит. А Александр сделался любимцем цесаревича.

О указе и комиссии о покраденных деньгах

Указ о похищении банка и определении комиссии, и Державина тут же, для исследования важного.

Стихи на пляску великих княжен

Стихи на пляску великих княжен чьи-то¹.

ГЕНВАРЯ 24-ГО

О указе сенатском, чтобы по старой ревизии собирать деньги

Указ из сената, чтоб не производить ничего по новой ревизии, а все еще до указа по старой: неизвестно для чего¹.

О чрезвычайности инея

Иней еще увеличился больше и сделался необыкновенным: на иных деревцах и веточках, где много было проходного ветра, вырос он вершка в два длиною, в одну сторону, наипрекраснейшими и регулярными фигурами, а особливо на гороховике. С удовольствием даже в садах гулять было можно.

О полагании провианта в бунты

Провиант собираемый принуждены были класть в бунты: магазейнов нет, амбары все полны. Деревень ста два наехало; стояли, дожидались. Приезжал сам советник и решился класть в бунты, на площади, и укрывать рогожами.

**История Маркова в Петербурге,
за несколько лет до сего бывшая**

Молодой человек составляет фальшивое свидетельство от гражданской палаты на свое имя, в деревнях, каких не было на свете; подписывается так искусно, что сами судьи своими руками почитали; заказывает одному иностранцу вырезать казенную печать, под предлогом якобы потерял; выпрашивается в Нарву, а скачет в Москву. Приезжает в ломбард, просит взаймы 15 или 18 тысяч; денег не случилось. Он задобривает швейцара; сей прискивает ему купца; он с ним сходится, дает ему более процентов. Делается проформа: купец вносит в ломбард; а ломбард отдает Маркову, но не забывает и сам себя, но берет не только лишние проценты, но, главное, еще полторы тысячи схватывает. Деньги даются; молодец скачет в Петербург, транжирит: бархатные шубы не шубы,— принцом живет; на два месяца не стало! Между тем ломбард пишет в Петербург в гражданскую палату о наложении запрещения. Он знает, что будет сие писано; подбивается под секретаря почтового, преклоняет его отдать ему сей пакет; тот отдает, видно, будучи задобрен. Ломбард ждет; — пишет в другой раз. Палата получает, отвечает, что она ничего о сем деле, и Маркове, и закладе не знает. Ломбард присылает нарочнаго с подлинником; судьи дивятся своим рукам. Марков всем известен тут, в Петербурге отыскивают, секретно схватывают, и он признается. Ведут его из чужого дома, с обнаженными шпагами, мимо дома, где жил брат его родной, едва от тяжкой болезни обмогаться начинающий. Брат, увидя брата в окно, в таком позоре, упадает в обморок и едва не погибает. А того берут, следуют и по достоинству наказывают.— И таких обманов очень много.

ГЕНВАРЯ 25-ГО

83

**Молва, что беспокойно
и в Вознесенском наместничестве**

Слух, что и в самом Вознесенском наместничестве что-то беспокойно и нехорошо; но слух глухой и темный.

О постановлении в новый год, в клубе, в Москве, бюста

В новый год, в Москве, в клубе или в дворянском собрании, поставлен был императрицын мраморный бюст, под балдахинем и на троне. Гремела музыка, и 20 певиц пели сочиненные оды в ее славу.

ГЕНВАРЯ 26-ГО

Молва, якоб в Вознесенском наместничестве зараза

О Вознесенском наместничестве еще худший слух, якоб там зараза. Боже упаси нас от того! Другие продолжали твердить, что наших в Крыму 18 тысяч положено на месте и что будто сделали сие турки из Бендер. Также носится слух, что у турков очень много французских офицеров и что Бендеры укреплены еще более, нежели они когда-либо были. А приезжие в Тулу морские офицеры говорили, что там все тихо и хорошо. Не знали, кому верить.

ГЕНВАРЯ 27-ГО

Сговоры как производились дворянские

Условливаются обо дне, и жених приезжает с одними ближними своими родными в дом к невесте, где также в собрании ближние родные. Бывало сие обыкновенно к вечеру, и поп бывал в готовности. Поговоря несколько о погоде, по взаимности приветствий, предлагает старший из родных жениховых старшему с невестиной стороны, чтоб начинать дело. Тогда выводится невеста, и старший из ее фамилии берет ее за руку и, вручая жениху, становится рядом. Поп начинает читать краткую молитву и отпуск; потом берет образ, вручает его отцу невесты; сей благословляет жениха, а потом невесту; потом берет образ старшая из дам или мужчин жениховых и благословляет их также. После чего начинаются поздравления и взаимные рекомендации и поздравления и целования; потом подается

шампанское и все бокалом пьют за здоровье сговоренных. Там подают чай, конфеты; усаживаются; жениха сажают с невестою в большое место; а потом, буде есть музыка, начинается бал, и оный открывает жених с невестою. Бал продолжается, при продолжаемом подчивании, до полночи; после того этикетный и торжественный ужин и питье за оным здоровья сперва сговоренных, там особ с его стороны, а потом с невестиной; и тем сей день кончится. На утрие приезжает жених с подарками всякий день и гостит, только не ночует.

ГЕНВАРЯ 28-ГО

87

Еще слухи о болезни наместника

Слух, что наместник в Москве очень занемог и болен, и говорят, что обстоятельства его сумнительны.

88

Об опустошении засек

Засеки¹ продолжали рубить, опустошали страшно ближние. За бездельное количество денег можно доставать целые сотни дерев стрелой и сажень дров. Сокровище сие государственное расхищалось; а все та [часть], которая отдана Дедиловским.

ГЕНВАРЯ 29-ГО

89

О восстановлении зимы

По долговременном бесснежини, снег со вчера пошел; давно так много онаго не ждали, как в сей раз, и ночью выпал, и сделался прекрасный путек: снег мягкий, ровный, хороший; все обрадовались.

Злоупотребления при магазинах

Несмотря на всю строгость, установленную указами, чтобы не было ни малейших притеснений, произошли тотчас превеличайшие беспорядки, злоупотребления и всем уездным жителям притеснения. Во-первых, причину подали к тому начальство и казенная палата своим непроворством и мешканьем сделания нужных к тому распоряжений: кому куда свозить провиант и куда оный класть. К 15-му генваря велено было сбор кончить, а у нас к сему числу не сделано было еще распоряжений об устройении магазейнов, и помышляемо почти не было. Велено было городничим нанять у жителей амбары, но не справились наперед: были ли они в городах; оказалось, что их не было, или были, но такие, в кои войти могло очень мало и кои тотчас наполнили и не знали, куда девать хлеб. Произошла от того остановка. Стали переписываться; переписка медленная; обо всем думанье, делания определений, подтверждения пустыя; но наконец посылается на самые места ассессор сам казенной палаты. Сей думает и гадает и решится наконец делать то, что необходимость заставляла сначала уже делать, то есть класть на дворе в бунты или стопы и укрывать соломою и рогожами. Во-вторых, уезды все перемешали и раздробили, поручено комиссией сделать росписание губернскому землемеру, не разумеющему аза в глаза и пожалованному в сей чин за сестру свою, будто бывшую на постели у прежнего наместника. Сей ездил только по гостям, играл в карты и поручил дело сие ученикам своим, кои всего меньше заботились о поселянах, а росписывали селения как им вздумалось; многие совсем пропустили, иные назначили в разные уезды, иные раздробили, иным велели везть назад и везде сделали и путаницу самую. Замешались при том просьбы откупщиков, просящих, чтобы назначить в те города, где у них откупы, поболее уездов и селений, дабы им можно было, при отдаче провианта, воспользоваться множайшею продажей вина; и так вышла неровность: в иные магазейны назначено слишком много, а в иные меньше. Все сие дело замедливало. В-третьих, упустив время и получив из сената подтвердительный указ о скорейшем сборе, вздумало правительство, чрез земских исправников, высылать жителей скорее. Сии рассеялись, гнали всех с головы на

голову, не назначая ни дня, ни недели, отчего съехалось вдруг деревень по 200 и более, и никак успеть было не можно принимать скоро и у всех; и принуждены были жить недели по две и по три, кормить лошадей и убытчиться. В городах было по несколько сот приезжих, по несколько сот или тысяч лошадей; весь овес и сено было поедено; все вздорожало; жители грабили за посто́й и провизию; не напекались калачей; а кабаки опоражнивались от вина и пива. Все кричали и роптали, а ко всему тому присовокупилось и мошенничество провиантских приставов и их писцов и приемщиков. Они завели канцелярии свои в своих домах и отдачиков не обирали, а грабили, и каждый, приехавший с хлебом, не мог добиться до того, чтобы приезд его был записан; надлежало наперед копеек 5 или гривну дать человеку приставов за то, чтобы доложили о нем, а там не менее как 25 за то, чтобы приезд его записали; потом приказывалось ему ждать очереди, и будет хотел скорее, то надлежало делать приносы: давать деньги, крупу, мясо и что иное; такие предпочитались другим, и у них принимано было без брака; а у не делавших того и мука, и крупа, и кули были бракованы и не приниманы. Принимать пристава заставляли людей своих; сии также обирали и грабили. Произошли ссоры у приставов с депутатами и предводителями; сии заступались за поселян; приставы жаловались на них. И все худо и дурно. Вкрались при том и охотники подряжаться становить муку и крупу, брали по 60 и 65 с пуда. Словом, конца не было мытарствам и мошенничествам. Приставы сих наемщиков прижимали; а на брань их с предводителями другие терпели; а о перевозке сих магазейнов и помышляемо не было. У всех отдачиков оставались излишки муки и крупы; сии излишки продавали они дешевою ценою городским жителям; сии у них скупали и употребляли в поставку, а вырученные за то деньги пропивали. Пьянство было бесконечное, и города, где были магазейны, пользовались чрезвычайно.

ГЕНВАРЯ 31-ГО

91

Вьюга превеликая и мятель

Радовались все, что путь напал; но радость не надолго: ввечеру опять тепло и опять дождь. Чудные и странные были перемены; все не могли довольно им надивиться.

О распрях приставов магазинных с депутатами и предводителями

Притеснения, делаемые приставами отдатчикам, возбудили депутатов и предводителей; они стали унимать приставов, а сии — в гору и не слушаются, нейдут под их команду, и за пустяки сущие — вражда и ссоры, а самому делу делалась остановка; провиант лежал на выюге и под дождем.

ФЕВРАЛЯ 1-ГО

93

Слухи о чуме в Херсоне

Слухи о чуме умножались. Говорили, что писано было некоторыми, что завелась она будто в Кинбурне, а потом в Херсоне, и что принуждены были вывести оттуда войска; все страшились, чтобы не дошла она и сюда.

94

Молва о бунте польском

О бунте польском¹ молва все продолжалась; говорили, что давно писано было оттуда, что очень к бунту склонны поляки и что их всего более побудил к тому рекрутский набор; но обстоятельно ничего было еще неизвестно.

95

О наклонности к бунтам яицких казаков

Приезжие оттуда рассказывали, что казаки сии, называемые ныне уральскими, очень беспокойны и наклонны весьма к возмущению и что с ними очень мудрено обходиться: мало не так, так они и мятутся!

О миропомазании великой княгини будущей

Писали из Петербурга, что будет оно 2-го февраля, а о свадьбе говорили, что будет 13-го февраля¹.

Молва о московском командире, не очень выгодная

О московском начальнике¹ молва стала делаться, что он великий хват и стал брать и спешить наживаться; но неизвестно, правда ли то или нет; много и ввали, и что будто прошено было с игрока Волжинского 25 тысяч, чтоб не сослали, и что с других также; но может быть, и лгали.

Молва об игроках

Опять молва, что играют по-прежнему, и не столько в Москве, сколько в самом Петербурге.

ФЕВРАЛЯ 2-ГО

Об отъезде Безбородки из Москвы

Первый наш министр граф Безбородко¹ приезжал, около сего времени, в Москву, зачем? — неизвестно; утверждали более, что для смотрения строящегося дома; пробыл тут недели три или четыре; все его угощали; поел всех стерлядей; дороги были ужины. Носился слух, что он отбивался от министерства и хотел в отставку, но трудно было тому верить; поехал опять в Петербург.

Обряд выбора хана Киргиз-Кайсацкого (1795)

Нынешним летом избран был с церемониями новый хан киргизский, по воле императрицы. Странная церемония:

султаны или начальники их сажали его на особом войлоке, называемом ими кошмою, на лошадь; потом снимали долой и, посадив на войлок сей, долгое время качали, говоря что-то; потом посадив опять на лошадь, а войлок в клочки расщипывали и по себе разделяли. Ему же отдавалась честь княжеская и от своих и от наших войск. Платье богатое парчовое, шапка от двора лисья черная бурая, полукафтанье бархатное; и процессия пышная. Но он мало уважался своим народом.

101

О губернаторе пермском генерал-майоре Вязмитинове¹ (1795)

Молва и приезжие сказывали, что он очень хороший человек и, однако, тамошнего исправника изготовил в ссылку за взятки; сей даже до того забылся, что при ревизии брал с души по рублю с тамошних чудных и диких и глупых народов, и набрал многие тысячи²; а исправник сей какой-то Петров.

ФЕВРАЛЯ 3-ГО

102

О попах низовых и взятках их

Сказывали приезжие, что они страшно обогащались от тамошних глупых народов, носящих только имя христиан, а в самом деле идолопоклонников. Приезжают к ним в великий пост, говоря: «Вы молоко ели,—эта корова моя». — «Твоя, бачка». — «Эта лошадь моя». — «Твоя, бачка». И так далее; обирают, не учат, а мирволят и худо пекутся.

103

О низовых народах заволжских

Многие кочуют летом в горах и оставляют свои деревни без одного члена, а на зиму приходят зимовать туда.

О заводчиках медных

Медных заводов много; заводчики живут как господа, имеют свои собственные почты, получают почты и газеты и живут славно.

Об илецкой соли

Копают ее каторжные, получают по денежке с пуда. Подле сего места, на ровном месте, есть гора алебастровая, круглая и на ней батарея для защиты, и всегда часовой, и называется *Защитою*. Соль идет в Петербург и копаются много.

О корпусе Оренбургском (1795)

Корпус не велик,— 3 только полка: 1 конный, 2 пехотных и 6 батальонов тысячных. Много в них офицеров сверхкомплектных из гвардии; туда не велено выпускать более; много охотников, и все сверхкомплектные — на жалованье.

О мордве

Весь сей народ трудолюбив, хорошие хлебопашцы и хозяева, и торгуют хлебами и богаты, а прочие ленивы.

О дешевизне сена в Москве

В Москве сей год сено было очень дешево и по 12 к. пуд. На разлитии Оки, много сенов унесло и сено подмочило.

О дороговизне пшеницы

Пшеница отменно дорога: рублей по 12 четверть; покупщики встречали далеко от Москвы. Говорили, что оттого, что велено ее за море отпустить; думать надобно, в Англию.

О возвращении флота

Слух, что флот возвратился в Ревель, а десант оставил в Англии, и путь будто называется секретным, и неизвестно что с ним хотят, и велено всякий час быть в готовности к выходу, и чтобы тотчас идти, как велят.

Анекдот о воре киргизском

Анекдот рассказывали приезжие об одном киргизе. Один пригнал баранов променивать в Оренбург и, оставя их на меновом дворе, отлучился; а другой тамошний какой-то пришел и променял их купцу. Хозяин пришел, вспрынулся, ищет, находит своих баранов; тот сказывает, что их выменял, и указывает у кого. Тот сказывает брату его и жалуется; тот велит его убить; тот не убивает. «А когда так, то у нас в роду воров не было и не будет!» — и сам обухом убил его до смерти. Вот и весь суд!

О судящихся киргизах

Судиться ездят вместе; кидают жребий, чьей быть повозке, и едут к исправнику: он их судья. Дорогою разговаривают, кто что везет, и другой, услышав, что меньше, возвращается, чтоб еще взять более судью дарить.

О грабительстве исправника пермского (1795)

О беспримерном грабительстве исправника Петрова, какого-то городка в Перми, был даже двор и сама императрица известны. Носилась молва, что она шутя жаловала какого-то бедняка генерала в пермские исправники.

ФЕВРАЛЯ 4-ГО

114

О восстановлении стужи и зимы

Стужа восстановилась с 1-го февраля; были большие морозы и ясная тихая погода; но снегов очень мало. Поля почти голы; везде лед; дороги легки, но опасны.

115

О киргизских яргаках

Сим званием называется у них род тулупов, сшитых из кож маленьких жеребят шерстью наружу и подбитых байкою; рукава длинны и наставлены байкою; и не узнаешь, что не калмыцкий черный мех. Таковой яргак стоит до ста рублей; дождь ничего сему платью не делает, и мех сей от мокроты не портится. На плечах и на спине вшивают полосы с гривкою жеребят; это портит их вид.

ФЕВРАЛЯ 5-ГО

116

О вздорожании хлеба

Хлеб до сего времени был нарочито дешев, а теперь вдруг поднялся и стал дорожать весьма.

О жестокости морозов

Прежнюю оттепель заступили жестокие морозы; в сей день, при тихом воздухе, простирался он до 19 градусов.

О генерал-прокуроре, пекущемся о сборе провианта

Молодые наши вельможи, заварив сию кашу, не знали, как расхлебать: провиант они попреж того не подрядили, а понадеялись на сборный, и теперь боятся, чтобы не уморить армию с голоду: без памяти заботятся. Генерал-прокурор разослал к губернским прокурорам ордер, чтоб они пеклись неусыпно о скорейшем сборе и, в противном случае, будут ответственны. Сии ордера разослали к стряпчим, и все ничего не делали — «успеют»! Везде, однако, в других наместничествах, он собран, однако, еще не был. Рассылались то и дело судьи и заседатели для высылки с провиантом; но онаго и так навезли столько, что принимать успевать было не можно. Великую сделали ошибку, и вышел Новосильцов¹ прав.

О совете и Комиссии для установления подати провиантской (1795)

Говорили, что сначала как умницы наши, молодые вельможи, государыне предложили, чтобы наложить сию подать, то она никак не хотела взять сие дело на себя, а нарядила комитет и велела им о сем думать, все соображать и себе потом предложить.

Комитет сей составлен из затеявшего сие и предложившего Пассека¹, генерал-прокурора Самойлова, Зубова², генерал-провиантмейстера Новосильцова и некоторых других. Долго о сем думали, и рассуждали, и на большую часть схватывали только верхи. Один только Новосильцов шел насупротив всего того: предусматривал все могущее воспо-

ледовать, и все остановки и дурное; но его не хотели слушать, и он входил даже с голосом, но сочли ему сие в пристрастие. А теперь выходит, что он был прав: собрать-то соберут, а как доставить? и дойдет ли он в свое место? и не дороже ли станет казне? — то был другой вопрос, и все вопросы еще нерешимые.

ФЕВРАЛЯ 7-ГО

120

О шутихе императрицы Матрене Даниловне

Она¹ была очень любима; какая-то купеческая; была знакома императрице еще в то время, когда она была великою княгинею; родом из Ярославля. Государыня ее очень любит: она разумна, но очень хорошо шутит и ловко говорит. Ныне она богата: имеет каменный дом и много бриллиантов, и ходит все в государственном платье, даваемом ею от нее, и всякий день во дворце, и государыня ее любит и чрез нее узнает многое.

121

Анекдот о шутихе с великим князем Константином Павловичем

Когда привезли саксен-кобургских принцесс, для выбора ему невесты, то Матрена Даниловна подступила к нему с вопросами: «Что, батюшка, каковы тебе кажутся?» Великий князь засмеялся и сказал ей: «Молчи, ведьма!» — «Я? я ведьма? — сказала она, — нет, сударь, я не ведьма; если б я была ведьма, то был бы у меня хвостик, а у меня его нет. — И, оборотясь, продолжала: — Не изволите ли посмотреть, я покажу Вам, ежели хотите». Нечего было делать; великий князь, как ни был остер, но принужден был прочь, застыдившись, отойти.

122

Анекдот о шутихе с государынею

Когда была шведская война и морская баталия неподалеку от Петербурга, так что вся пальба была слышна и все

стекла дрожали, то шутиха сия насмерть перестрашчалась и, пришед потом к государыне, говорила: «Ну, матушка, хороша твоя роденька-то, хорош братец». — «Кто такой?» — спросила государыня. «Да королишка-то негодный, шведский; настрашал меня насмерть!» И начала его далее ругать всячески: такой, сякой, и так, что государыне было прикро¹, и она, разгорячившись несколько, сказала: «Матрена Даниловна, лучше бы тебе иное что говорить, а не касаться до него». — «А для чего? — спросила она, — разве он того не стоит, негодяй? Легко ли! настрашал меня насмерть; и кто же мне заплатит за занавес?» (О сем занавесе рассказывала она другим, будто она со страстей и весь оный штофный занавес испортила.) Потом говорила: «У нас и у самих такие негодные родные есть; чего на них смотреть? Вот хороши братцы: сперва один, а потом другой — войну объявил да из столицы выгнать хочет. Прах их побери!»

123

Еще анекдот о сей шутихе

Нередко говорила она государыне, а особливо когда она ее о том спрашивала: «Что у вас говорят и слышно?» — «И, матушка! вы думаете, что мы и не знаем, что у вас делается; вы думаете, что у вас все секреты да секреты; а мне нужно приехать домой, к своему Вознесению, и ко мне придут богаделенки — Марья, да Авдотья, да Татьяна, так у нас все наперечет, и все знаем». Потом рассказывала она, что слышала; и государыня нередко приходила в удивление, услышав, что действительно иногда наисекретнейшие вещи были уже всей публике сведомы и известны.

124

Еще анекдот с шутихой

Как кончилась шведская война, и по заключении мира, король шведский прислал в подарок императрице некакие вещи и сосуды дорогие, и между прочим некакий, дорогой и изящной работы кувшинчик, то государыня, увидев Матрину Даниловну, сказала ей: «Ну, Матрена Даниловна, ты вот

все бранила да бранила шведа-то; поди-ка погляди, что он ко мне прислал». — «Пойдем-ка, пойдем, — сказала она... — Хорошо, хорошо, а особливо этот кувшинчик; но хорошо, если прислал он это от доброго сердца, так исполать, а ежели не так, так черт его побери и с ними!» — «Да что так гневна, Матрена Даниловна, на твоего шведа?» — «И, матушка! да ведь он немец, а у нас на Руси о немцах таких мыслей были, что когда придет к кому в дом немец, так вымывали и вытирали и крюк дверной, за который он, растворяя дверь, хватался». — «Ха, ха, ха», — рассмеялась государыня.

125

Анекдот у государыни с великим князем Константином Павловичем

Некогда случилось государне оговорить в чем-то Константина Павловича и сказать, что она советует впредь сего не делать, а перенимать все у Николая Ивановича Салтыкова¹, своего дядьки. Константину Павловичу было сие прикрб. Что ж он сделал? На другой день, пришедши к государыне, начал то и дело подергивать штаны и кривлять плечами и руками, так точно, как делал то всегда Николай Иванович, ибо сия была у него повадка. Таковое необыкновенное явление тотчас замечено было императрицей; она, удивившись, спросила его: «Что это такое?» — «Государыня, — сказал он, — вы изволили мне вчера приказывать перенимать все у Николая Ивановича, а он делает сие ежеминутно».

126

Анекдот о Константине Павловиче

При некотором случае, как оговаривали его за что-то и хвалили ему великую княжну Александру Павловну¹, говоря как она разумна, скромна, хороша со всеми, сказал он: «Чему дивитесь, что сестрица умна? ее воспитала и учила такая разумная женщина²; а мне у кого было перенимать и научиться? — у Николая Ивановича? он сущий дурак и сам; чему же мог он научить?» Столь худое имел он о нем мнение.

Анекдот о государыне

Вскоре после возвращения государыни из своего последнего путешествия в Крым¹, случилось ей, будучи во дворце, жестоко ушибиться: восхотелось ей идти в баню; баня была в нижних комнатах, и лесенка вела узенькая; государыня, не хотя подождать любимицу свою г-жу Перекусихину² или хотя сделать ей сюрприз, пошла туда одна; но, зацепившись за что, с самого верха полетела вниз и расшибла себе лицо, в левый висок, ужасно больно; так что Перекусихина нашла ее тут, почти без памяти лежащую. Наутро, как пришел к ней с делами Новосильцов, и увидя ее обвязанною, удивился, то спросила она: слышал ли он, что с нею вчера случилось? Сей, хотя уже все то от госпожи Перекусихиной слышал, но сказал, что не знает, и тогда сказала государыня: «Чего, Петр Иванович, я вчера убилась, оступилась с лестницы и полетела так, что думала, что во мне не останется ни одной живой кости». Некоторые утверждали, что государыня долго была больна после сего случая и что поражение сие было так велико, что Однако все сие прошло благополучно.

О государыне и ее щедрости

Говорили, что примечено, что со времени последней турецкой войны¹ сделалась она гораздо скупее и бережливее прежнего на деньги, и всегда, когда подносились ей доклады о выдаче каких-нибудь денег или о пожаловании кому оных, принимала она с особливим неудовольствием, а особливо при случае докладов о выдаче денег на дворцовые свои расходы. Нередко, взяв бумагу, бросала она ее на стол и говаривала: «Кто на вас наготовится денег? даю, даю; пишу, пишу, а все мало!» Но на другой день подписывала обыкновенно, ибо вспыльчивость ее недолго продолжалась. Может быть, происходило сие оттого, что ей известно было, как бессовестно ее обкрадывали и грабили на дворцовые расходы: одного угля на самовары расходилось в год на 50 тысяч рублей, а кофе и прочего — страшные суммы, и такие, что ужасаться надлежало и верить было не можно.

Анекдот о государыне и Левашове

Некогда случилось государыне ездить прогуливаться и при ней быть Левашову¹. Государыня, увидев в таком месте, где, как ей известно, были прескверные домишки, — два огромные и прекрасной архитектуры — каменные дома, стоящие друг против друга, сказала: «Боже мой! как еще строят здесь и какие хорошие строения! Давно ли сие место было скверное, а теперь какие стоят дома». — «Так, государыня, — сказал Левашов, — но жаль что фундаменты у обоих сих домов очень слабы». — «Как слабы? — спросила императрица. — Место, кажется, здесь сухое и высокое». — «Так, государыня, однако один из них построен на фундаменте из кофея, а другой на фундаменте из углей». — «Как это?» — спросила, удивясь, монархиня. «А вот так, что сей дом вашего кофешенка, получающего жалованье 200 рублей; а сей комиссара угольного, получающего жалованья только 150 рублей в год; дом же один приносит до 7 000 рублей ежегодного дохода».

Государыня не преминула сие заметить.

О фаворитке государыни Перекусихиной

Госпожа Перекусихина, Марья Савишна, была наипервая фаворитка и любимица императрицына; она удостоивала ее своею дружбой и доверенностью во всем; и госпожа сия производила многие дела, и самые лучшие вельможи добивались ее дружбы и приятства.

О плутовстве приставов и депутатов магазинных

Все и везде пристава магазинные, ничего не видя, исплутовались, а вместе с сим иные и самые депутаты или предводители. В иных местах брали по 2 и по 3 копейки с души; в других, как в Ефремове, рублей по 5 и 6 с 10 кулей и прочее; а в Кашире так заплутовались, что уже попали и

депутаты и пристава в уголовную палату и под суд. Рассказывали, будто бы открыл сие дело весьма искусно наш губернатор Лопухин¹. По дошедшим до него слухам, отправил будто он бывшего губернского стряпчего Колзакова для изведания о том, в Каширу. Сей приезжает туда, переодевается мужиком, привязывает себе бороду и приходит к подьячим и просит о записке себя, приехавшего будто с провиантом. Те просят с него 5 рублей. Он идет в таком же одеянии к приставу; находит его, едящего блины, со штофом вина перед собою; жалуется ему, что не записывают и просят 5 рублей. «А сколько у тебя кулей?» Тот говорит, что 30. «Так что ж; разве тебе кажется это много? Приходи-ка, дружок, завтра и приноси 25 рублей, так примем». Колзаков идет прочь, объявляет о себе, отыскивает всех, кто что дал, делает страшный реестр и представляет рапортом: и те волокутся в уголовный суд.

132

О башмаках женщин петербургских

В Петербурге все женщины носили башмаки вовсе без каблучков, какие были и у великих княжен.

133

О дополнительных сказках

До сего времени не было еще валового счисления народа; теперь требовалось обо всем и всех; однако все еще неаккуратно.

ФЕВРАЛЯ 8-ГО

134

О дворянском подворье

Ныне в Туле губернским предводителем был г. Исленьев, Александр Алексеевич; и в форме предводитель! С новым секретарем своим тотчас принялся за дворянскую, до того размытариваемую, сумму; начал оправлять стоявший до

того пустой Демидовский дом и, выделив под ним лавки и погреб для отдачи внаймы из дохода, хотел продать сей дом, а купить дешевою ценою Лугининский, где бы можно было приставать дворянам приезжим. Все предводители уважались при нем.

135

О новых дворянах из однодворцев

При нынешнем переборе дворян, весьма многие однодворцы, бывшие в древности дворянами, получили опять свое дворянское достоинство, а особливо род Чернопятых в Крапивенском уезде. Они просили сенат, и сей представлял обо всем государыне; и она решила сие дело и возвратила им опять дворянство.

136

Об остановке наместника в Москве

Поехал давно, но в Москве будто болен, и все еще и поныне живет, и все еще не едет. Разные были толки: иные утверждали, что действительно не ехал он за болезнью; другие говорили, что не смеет ехать и выжидает время, третьи — что поедет, но не скоро, и пробудет до великого поста.

137

О кивотках ассигнационных

Помогали разорванным, огибая их бумажкой, и они были так, как в кивотках¹; и бумажки скверные и глупые.

138

О погублении грека прошлым летом (1795)

Богатый грек отправляет племянника с 20-ю тысячами по почте, в Херсон. Сей принимает в товарищи бедного

офицера Павлова с дорожною и везет его на своем коште¹. Между Клином и Тверью, извозчик соглашается с Павловым, и грека убивают; завозят в лес, привязывают ко пню и задушают. Грек в Петербурге дожидается писем из Херсона; не получает, усомневается, отчаивается; посылает искать по дороге, по следам; отыскивает всех извозчиков, возивших его, и находит место, где след его исчез. Расспрашивая, кто его вез и кому сдал, находят, кто последний его сдавал, но сей сдал незнакомому, и так не нашли. След Павлова найден уже одного его, а без грека; а потому и узнали. Павлов мотает в Серпухове и подговаривает многих людей; в Туле каким-то образом арестовывается; сажается под караул; но из-под онаго уходит и пропадает. Убитого грека находят месяца через три совсем сгнившим, и одни только кости, в его платье. Девчонки ходили за грибами и нашли в кармане его паспорт, и потому узнали, кто таков. А найден и ящик: не утерпел, стал мотать; и слышно, что он получил только 300 рублей от Павлова.

Анекдот о Константине Павловиче

В то время, когда он был еще ребенком, случилось ему, вместе с Александром Павловичем, обедать у себя. Николай Иванович (Салтыков) сидел посредине; Александр Павлович — по правую с своими кавалерами, а Константин Павлович — по левую руку с своими кавалерами. В самое то время прислала государыня к ним тарелку шпанской земляники с веточками. Николай Иванович разделил ее им пополам. Константин Павлович, будучи великим охотником говорить и всякого обо всем и фундаментально расспрашивать, заговорился с кем-то и в самое то время, ошипывая стебельки, ел землянику и всю ее поел. А Александр Павлович спросил Николая Ивановича: не дозволит ли он ему свою землянику съесть с молоком? И как он дозволил и велел подать сливок, то стал ягоду по ягоде ошипывать. Как сие было при окончании обеда, то сие побудило Николая Ивановича Салтыкова, увидевшего, что Константин Павлович свою землянику всю съел, оговорить его за поспешность и баловство во всех случаях. «Вот,— сказал он,— ваше высочество, ну что вы теперь станете делать,

пока ваш братец станет кушать? Не должны ли вы его ждать?» — «Как это, — вдруг и в тот момент ответствовал он, — вы такого худого мнения о моем братце, что он не похочет со мною поделиться! Ведь он видел, что я не гулял, а три дела вдруг делал: и говорил, и ощипывал, и ел; а он ничего не делал, как ощипывал». Сие замечено было тотчас и донесено государыне.

ФЕВРАЛЯ 9-ГО

140

Молва в Туле о перемене наместника

Все твердили, что этого наместника — будто прочь и что будто велено ему лечиться в Москве; а на его место будто будет сенатор Семен Александрович Неплюев¹. Тотчас зачали, ничего не видя, говорить о его фаворитах и что будто Верещагин² подарил наместнику 5 000 за то, чтобы быть ему в милости и первым у наместника, чему статься не можно; а то только правда, что он был очень далек, а вдруг почему-то сделался очень близок.

141

О подряде провианта в Тамбовском наместничестве

Приезжие рассказывали, что в Тамбове никто провианта сам не становится, а взялся весь поставить купец Токарев, по 80 к. за пуд, за все его хлопоты. Можно ли так грабить и за 15 к. собирать по 80 к.

142

О грабеже магазинных приставов в Ефремове

О ефремовском приставе говорили, что он, с сообщниками своими, драл немилосердно, а особливо с однодворцев, коих там тысяч 16; и что будто он наживет в один год тысячи три; и что будто у них и собрано уже было для уголовной палаты 1 500 руб.; и что они, по самому тому, и не боятся дурить, в надежде, что их помилуют. Но сему худо можно было верить: много и приклепывали; а что он лупил немилосердно деньгами, так то правда.

О расхищении засек (генварь)

Засеки, а особливо одоевскую, лупили и опустошали без милосердия; вместо подбирания валежника, какой-то купец, видно сообщник вальдмейстера¹, лупил ее с корня в 400 топоров, и только треск стоял.— Изрядные хозяева!

Поп опивается в Богородицке

Духовенство наше все еще худо; все еще много пьяниц, все учились сему ремеслу в семинариях и все делались там негодяями. Пропадай все науки и все! Нужно в попе стало,— и все беги в воду! В Богородицке был ученый поп — семинарист, но пил почти без просыпа и, Бог знает, как служил. Протопоп молчал и потворствовал. Пил, пил, все дивились, как давно не спился с кругу. Вчера был на сговоре у мещанина, пил вино и до тех пор, покуда тут и умер; а товарища его, старика дьякона, сын насилу водою отлил. Досадно, что прикрывает лекарь, сказал неправду: будто умер от болезни; и похоронили. И тем зло умножилось только, а надлежало бы наказывать за то.

ФЕВРАЛЯ 10-ГО

Зима наконец совершенная

Снега навалило много и мягкого, с мятьелью, и путь переменялся, сделался тяжел.

Магницкий Михаил славился своими стихотворениями

Молодой человек, воспитанник и пансионер университетский, к тому же гвардейский офицер¹, славился около сего времени стихотворениями; сочинял стихи на бюст, в

клубе, императрицы и в журнале — ода «Страшный суд», наполненная высокими мыслями.

147

О Рикере-лекаре и его проворности

Был сперва лекарем в Крапивне и довольно славен своим искусством; походит более на русского; лечит хорошо, а в обхождении дружелюбен, компаньон, игрок карточный; стал входить во всякие промыслы; перевелся в Тулу; построил себе дом; стал покупать и продавать рекрут, покупать и продавать из барышей деревни, входить в разные поставки и подряды; нажился. Сущий провор! и прославился тем. Ныне подрядился перевозить провиант из Богородицка в Москву; везде суется, везде мечется.

148

Случай с господином Дуровым и о мнимой пропаже его сына

Отправил курьером с депешами в Петербург; но, по счислении времени, не было от него писем почту, другую, третью, четвертую; считает его погибшим, с ума почти от печали сходит; посылает офицера вслед его искать. Все сомневаются, все почитают его погибшим. Но причина тому — почты: он приехал благополучно и писал письма в свое время; но письма не доходили; и почта привозит вдруг два письма; где лежали — неизвестно. На почтах много происходит плутней.

149

О дорожании хлеба

Цена хлебу час от часу возвышалась, а особливо пшенице; самая гречиха была 1,60, а стала 2,50 и более.

Простые мещанские свадьбы и тазы

При случае свадеб простых мещанских в городах обыкновение было: когда сговор, то собирается множество знакомых девок и летом пешком ходят, а зимою на санях ездят гурьбою с невестой и одне; поют песни и подлаживают к ним звон в тазы, косы, ножи большие; — гром такой! Это повторяют всякий день до свадьбы.

Молва бурная, якобы в Москве чума (генварь)

Глухая молва носилась о сем, но почиталась пустою, ибо приезжие не то говорили, а болезни были многие — то правда. Также говорили, что в Херсоне и в Вознесенском наместничестве нездорово.

О подговорщиках селиться ехать в Вознесенск

Как велено было уговорить по 1 000 душ с наместничества в Вознесенск, с великими выгодами, и писано было о том от Зубова¹ к наместникам, то отправлены были по всем уездам особые чиновники уговаривать добровольно казенных крестьян и однодворцев. Они ездили по всем деревням с исправниками и заседателями, убеждали всячески; но худой успех имели: мешали им бездельники попы: жалея расстаться со своими прихожанами, их отговаривали и их стращали; и они более слушались попов, нежели посланных судей. Многих и склонившихся уже — развратили; а делали инде и целовальники кабацкие тоже и внушали, что их обманывают и что они там все погибнут.

О электрическом лечении, входящем в моду

Многие стали уважать сие врачевание, и машины час от часу входили в употребление.

Изобретение новой машины (генварь)

Учиненное сыном моим. Дельный — и очень способный.

О короле польском, как живет (1795)

Приезжие из Польши сказывали, что живет он¹ в Гродне очень весело и с почестью; квартирует во дворце. К нему ходит на караул рота с белым знаменем; все караульные офицеры и многие другие с ним обедают; стол хорош, — по 50 тысяч на месяц. У Репнина² обедают и весь день пробывает всякое воскресенье, и живет спокойно.

О Репнине, в Польше как живет (1795)

Репнин живет пышно; — главный командир 50 тысяч войска и всей Литвы; живет в загородном доме, а сперва жил во дворце. Всякий день у него стол на 60 и на 70 кувертов¹; балы и танцы часто, у короля обыкновенно 2 раза в неделю; всеми любим и почитаем. Завел было интригу с одною знатною польскою госпожою, покуда не приехала княгиня², и делал для нее часто балы и пирушки; сие пресеклось, как княгиня приехала.

О Бардакове-игроке и прочих там живущих (1795)

Все наши в Польше и Литве живут весело и спокойно, а особливо в Гродне. По 900 человек ходит на караул, часто бывают балы и вечеринки и на них большие игры, так что иной вечер тысяч 100 в игре. Прославился там игрою в особенности некто Бардаков, генерал-майор, бывший сперва ничего незначащим человеком и артиллерийским офицером; разыгрался, сделался богат очень и пышно живет; перебил

у князя полячку, делает для нее балы и пирушки и проживается. Дивизионные командиры живут понедолгу, а сей живет уже 3 или 4 месяца.

158

О полячке знатной и богатой (1795)

О полячке оной знатной говорили, что она в Гродне играет первую роль; Бардаков около ее сватается. Однажды делала она торжество в день рождения своей матери, и был славный пир. Обыкновение у них есть дарить всем гостям золотые кольца с надписью и надевать на палец каждого; и это она делала; и за все сие заплатил Бардаков: — это стоило великие суммы. Ходили там все наши червонцы.— Поляков много выехало к туркам и французам.

159

Еще о засеках и угольях (1795)

Контракт о сжени сего угля делан был еще прошлого года весною, но не состоялся за спором бывшего директора Дурова, не хотевшего подписать определение о том; а заключен уже по отъезде его в Петербург и без него. Заключен он с оружейником Свечниковым или именем его. Ассесор Юрин входил голосом, что не можно с Свечниковым иметь дело, поелику он прежде перевозил железо из Алексина и оказался неисправным поставщиком, а с таковыми, по правилам казенных палат, не велено иметь дела и допускать их к торгу; но наместник не велел голос сей уважить, поелику-де пустое; тут верить можно: деньги наперед не будут даваться. В рассуждении поставки и сжени уголья, по-видимому, соблюдены все наружные выгоды для казны; причина придана прекрасная: подрядился он поставить в 3 года 30 тысяч четвертей, по 10 на каждый год; нажечь оный из валежника, валежник сей собирать своими людьми и пережигать, и поставить на своих подводах, и получить за каждую четверть только по 16 копеек. Кажется, ничего нет лучшего; но прибавлена к тому кляуза, что ежели он поставит уголь свой из своих купленных лесов, то волен он за то взять из собранного валежника столько

сажень дров, сколько на то употреблено; а пропорция сия положена только по 6 четвертей из сажени, вместо того, что по опыту деланному и известному каждому хозяину, выходило онаго по 16 четвертей из сажени; но это за то, что валежник не таков хорош и может-де случиться иной внутри гниль; а он условился жечь из годного валежника. Кроме сего выговорено, чтобы в случае если он в 3 года не успеет сего сделать и сажений своих выпродать и вывезти, то дозволить ему и четвертый год. А за всем-де тем, чтоб более не набирать валежника и не порублено было с корня, смотреть самому вальдмейстеру. А как он сам-то под именем Свечникова и подряжался, то более сего и не надобно было. Под именем валежника, рубил он сколько хотел стоящий, торговали прямо лесом и опустошал по произволу; в 400 топоров лупили. Уголь жгли 300 угольников; навалили его горы на оружейников, хотя навалить силою и брать с них дорого; но они не хотят, а желают лучше сами покупать от себя; и так лучше: казне угля его не надобно, и не знают, что делать. А лес рубится и формально распродается. Каждый сторож должен давать объездным офицерам по рублю всякую неделю. Вор на воре; и все исплутовались.

ФЕВРАЛЯ 12-ГО

160

О худобе наших ружей

Приезжие из Польши из полков офицеры, присылаемые из своих полков, для подряду пóлок, сказывали, что ружья, отпускаемые им из Тулы, были самые негодные; не успеют полных зарядов раз пять, шесть выстрелить, как их разрывало; а пóлки от 5 и 6 раз портились, и пружины их лопались; почему с ними служить никак не можно; и что хорошие полковники уже сами от себя переделывали и подряжали покрепче.

161

Мещанские и купеческие свадьбы

Купеческие свадьбы были очень убыточны, а все были глупые и вздорные: все пьянство наиболее. Наивеличайший

пир был у них на другой день — княжий пир. Сколько есть лучших людей в городе, собирались и с женами своими. Весь день происходил сей съезд, и всех их поили чаем, пуншем и водкой. Превеликое множество расходилось питей. Потом начинались дары: — дарили всех гостей платками; целый сундук оных был в готовности, и даров множество; все отдаривали, — убытки пустые. Обед начинался уже ночью, часов в 9; наготовлено всего пропасть; и всю ночь пируют, пьют, пляшут, скачут и колобродят; ежели музыка есть, то играют им русские танцы.

162

О перемене погоды

Недостаток прежних снегов заменился вдруг многими и почти ежедневными мятелями: и снегу много, и дороги переменялись.

163

О провианте и подряде поставки его в Петербург

В Москву поставить подрядился Демидов по 2 р. 60 к. с куля; — довольно дешево. Суда в Алексине будут; судна два уже есть, а там еще более будут. А из Богородицка старались о том Игнатъев, зять мой, и Рикер вместе подрядиться; и остановилось было за ними по 22 копейки за пуд; но один ямщик, наипаче подпущенный Свечниковым мужик, перебил и остановил. И прислали из казенной палаты ассессора нанимать из казны: многие и нанялись по 2 р. с куля, и хотели отправлять; но успех вряд ли может быть хороший.

ФЕВРАЛЯ 13-ГО

164

Слух о скором отъезде Суворова

Писал Исленьев, дежурный генерал Суворова, что они с ним скоро из Петербурга поедут, куда — неизвестно.

А поелику многие генералы из знаменитейших назначены в южную армию, то думают едва ли не против турка; едет опять Валериан Зубов воевать безногий¹.

165

О болезни П. С. Потемкина

Потемкин, Павел Сергеевич, которого велено судить¹, прямо и очень болен в Москве. Жена его, славная красавица, растрепанная, простоволосая, с воплем и слезами, приходила к Иверской поднимать сей образ и относила к себе в дом еще молебствовать.

166

Об образе Иверской Богородицы

Образ сей славен был издревле; он стоял в воротах куретных¹, между обоими воротами, в сделанной часовне, и у нее была непрерывная служба. Вся Москва имела к образу сему веру; все больные и в нуждах находящиеся поднимали его к себе и молебствовали; и все обогатили оный алмазами и брильянтами, власно² как бы то нужно было Богородице, и оная столь же брильянты уважала, как и мы. Если бы все сие обращемо было в деньги, и сии деньги употребляемы были на содержание и пропитание бедных, и сделан был бы штрифт [?], то было бы сие гораздо лучше: и Богородице приятнее, и для людей полезнее, а то иногда стыдно ажно пред безбожниками.

167

Об экзекуции в Москве над иностранцами за подделку ассигнаций

Приезжие рассказывали, что готовились там делать экзекуцию по-русски, или сечь кнутом и рвать ноздри, над какими-то иностранцами, делавшими фальшивые ассигнации.

Об отъезде Безбородки из Москвы

Он бы пробыл далее; но прислан был за ним особый курьер, чтоб поспешил, поелику на него возложено попечение о приуготовлении всего нужного к бракосочетанию Константина Павловича, долженствующему быть самое сие число, то есть 13-го февраля; и что к сему готовлен там и фейерверк и все прочее.

ФЕВРАЛЯ 14-ГО

169

О снеге и навалении множества онаго

Сколько мало было до сего снега, столько теперь и около самого сего времени навалило его множество. Февральские снега сдержали свое обыкновение.

ФЕВРАЛЯ 15-ГО

170

О провианте и перевозке

С перевозкою провианта ужасная от сената строгость. Загорелось от одного купца тверского, подрядившегося перевезти откуда-то хлеб и прискакавшего в Петербург и вздумавшего там скупать, и оголодил было Петербург. Узнали; хотели было кнутом и помиловали, а разрушили контракт и взяли предосторожность: во все места разосланы строжайшие повеления, чтобы смотреть, чтобы провиант действительно был тот, который собирался, и чтобы послан был с ним солдат. А то было многие стали подрядяться перевозить, и брызгнули закупать в Рыбное там хлеб, а здешний распродавать и перепаривать на заводах. Всем сим разрушены все замыслы прибыльщиков; велено губернаторам входить в казенные палаты и смотреть за подрядами, а казенным палатам предписаны цены, и сказано, если дороже наймут, то все засудятся и лишены будут мест. От сего пошло иначе: казенные палаты не стали отдавать валовым подрядчикам; разослали во все магазин-

ны своих членов; велели нанимать и при себе с солдатами отправлять; но солдат мало собирают из городов; а чтобы в Москве не было простоя, отправили туда прокурора и еще офицеров; велели встречать провиант и стараться, чтобы не держали ни одного дня. Наемка пошла дешево, отправление пошло небольшими транспортами с солдатами.

171

Об орловской казенной палате и найме перевоза и провианта

Орловская подрядила было по 3 р. 10 к. за куль до Петербурга, но для помянутого указа принуждена была остановиться; а то бы пришелся он дорого очень казне: 3 р. 10 к. за доставление в Петербург; гривен 8 и 9 платили за доставление из уездных магазейнов на берег; а как и при съезде в Петербург водою, пропала бы, по крайней мере, четвертая доля на водах, то обошелся бы он рублей 5 казне. Теперь неизвестно чем-то орловская решится; а велено только не свыше 2-х рублей из Орла, и судьям обещано отрешение от должности.

172

Отправление провианта из богородицкого магазейна

14-го числа февраля отправлены первые транспорты и кулей тысячи две, по 97 к. с куля до Москвы; деньги давались здесь половина; другая в Москве должна выдаваться; здесь давались накладные и реестр, а туда посылалась бумага.

173

О замешательстве во всем государстве по провиантским делам

Везде теперь происходили недоумения и расстройки; везде подряды и мошенничества; везде движение. Как-то исправится! Не оголодали бы армии и Петербурга! Едва ли

во многих местах провиант не завеснует. Правительство само не знает как быть: затеяно дело и чем-то кончится? не разрушится ли и не велят ли деньгами брать? А то злоупотреблений очень много: приставы везде грабили, палаты мошенничали; везде замыслы, ковы¹ и плутовства и упущения.

174

Об опасностях при перевозке провианта водою

При везении онаго водою подвержен он бывает во многих местах опасности. Во-первых, на озере Ильмене: тут надобно баркам переплывать ровно 7 верст чрез озеро, но сии семь верст достаются им соком; надобно, чтоб погода была тихая: а ежели случится хоть маленький ветер, то начнется тотчас волнение, и барки опрокидывает вверх дном, и мука упадет в воду, чего ради барки и принуждены иногда дней десять стоять и дожидаться тихой погоды. Но как они и тогда принуждены на гребле и 7 верст перейти не всегда могут, то случается, что ветер застаёт их посреди озера и опрокидывает, и потому сие всегда бывает опасно и бедственно. Во-вторых, терпят оне на боровицких известных порогах, и многие барки разбивает, и мука в воду повергается. В-третьих, терпят оне и в самой Неве: от малейшего волнения и ветра с моря опрокидываются оне вверх дном, как скоро не успеют войти в канал. И тут на Неве много провианта погибает, ибо кули сии хотя и достаются во всех сих местах почти все и немногие совсем разбивает, но мука сверху намокает, и необходимость заставляет перебивать ее из кулей в кули, а чрез сие и пропадает когда не четвертая доля, так пятая конечно; а крупы — и очень много, ибо та погибает вся.

175

Об убытке, причиненном зимнею половодью на Дону (генварь)

Бывшая ныне в генваре половодь произвела неописанные остановки и убытки, и в торговле и в транспортах — ужасные остановки. Сошедший вдруг весь снег и сделав-

шаяся грязь остановили всех извозчиков. Купцы подрядились поставить товары на срочное время; другие подрядили и наняли извозчиков. Извозчики приехали и либо наложили, либо, еще не накладывая, требуют отправления. Купец их гонит, а им за грязью ехать нельзя. В пень все стали: иные бросали сани, покупали дорогою ценою опять телеги, а там опять сани... Убытки ужасные! а никто не виноват; а виновата была оттепель. Реки все большие и малые прошли, унесли все, что на них было; перевозки и переезды опасные, множество людей потонуло; убытки и расстройки ужасные.

176

О донской рыбной продаже

На Дону, в крепости святого Дмитрия¹, бывает около сего времени ужасная торговля мелкою рыбою, а более лещами и судаками. Ее ловят тут с перевозимья и кладут на лед и замораживают. Для покупки ее съезжаются со всех сторон многие тысячи подвод (для раскупки оной) и развозят ее по всей России. Покупается там дешево: по 1 рублю воз и не многих денег стоит, но провоз дорог. Нынешняя оттепель погубила рыбы очень много. Дон весь прошел и унес с собою всю изловленную рыбу; подвод наехало тысячи четыре в крепость; всю ее объели; поели весь овес, сено и хлеб; обер-комендант принужден был выгонять вон; и все претерпели крайний убыток. Которые и повезли, рыба перепортилась; уже дорогою морозили и сушили на морозе.

177

О причинах, для чего взят в Петербург Архаров (1795)

Носилась молва, что монархиню принудило взять в Петербург Архарова и поручить ему должность генерал-полицмейстера то, что в Петербурге умножились уже слишком много разбои и грабительства. Всякий день происходили шалости, и наконец дошло до того, что одного какого-то генерала, ночью на улице, остановили и, разграбив до ру-

башки, отпустили. Словом, был сущий стыд в рассуждении иностранных; и более терпеть было не можно, и самая необходимость уже заставила употребить к пресечению всего того Архарова, как славного в старину полицмейстера.

178

Об отыскании похищенных из банка 600 000 рублей (генварь)

Архаров, Державин и прочие члены, определенные в комиссию для исследования сего дела, поступили с такою прилежностью, что уже здесь, 15-го числа февраля, носилась молва, что деньги сии все до копейки отысканы; что открылось, что замешались в том английские богатейшие конторы и что в наказание за то принуждены они были заплатить вдвое. Итак убыток сей возвращен с лихвою; а чем и как виновные наказаны, о том было еще в сие время не слышно.

179

Об испортившихся вообще подрядах

Все казенные подряды сделались уже давно и были около сего времени ни к чему годными; и было везде плутовство на плутовстве; везде мытарство; везде сплетни, скопы и заговоры; везде ополчения и скопища, замышляющие ограбление казны. Зло сие хотя уже и давно внедрилось повсюду, однако винили, более всего, покойника князя Потемкина и друга его задушевного Фалеева, бывшего тогда всеобщего, на все про все, подрядчика и поставщика, и делившегося с ним во всем пополам. И чего они в свое время не делали? — Например Фалеев подрядился на всю армию ставить сено по 30 копеек пуд; а сам давал в полки только по гривне, чтобы покупали по местам. И полки брали охотно, ибо покупали дешевле или более грабили. Везде было зло. Но как бы то ни было, но Фалеев удерживал в кармане по 20 копеек за пуд; а сколько таких пудов было?! Сей пример переучил многих, подобным тому образом, плутовать и от таких подрядов в короткое время наживать тысячи и миллионы; а казна везде терпела. Не было почти никакой поставки, ни подряда, где бы не замешалось какое-нибудь злоупотребление.

Слух об оказавшейся в Новосильском уезде шайки разбойников

Носилась молва, что явилась тут немалая и в человеках якобы шестидесяти состоящая партия, снабженная ружьями, пистолетами и другими сбруями; и что будто она разбивает и нагоняет тем страх на места тамошние.

О бывшем за несколько лет до сего за Москвою воре

За несколько лет до сего, и кажется года за три, был за Москвою вор и разбойник, прославившийся весьма особливými своими делами. Он, имея превеликую партию, разбивал многие дворянские дома и ограблявал, а в иных наказывал только господ и госпож, за жестокость к людям, и делал многие пакости. Часто бывал в Москве, хаживал в офицерском мундире, покупал ружья и сабли, говаривал с самими городничими и наконец очень, очень ославился. И долгое время не могли его никак поймать; но и удивительно ли? Его несколько раз и лавливали, и он был уже однажды в тюрьме, но каким-то городничим за 5 000 выпущен. Послали будто его с пересылкою, и он ушел от солдата. Однако как зло сие слишком усилилось и сделалось втерпеж, то наконец его поймали, и тем шайка сия рушилась. Что с ним сделано — неизвестно.

О посылке мяса в Петербург

Управлявший волостями¹ начинал всячески пользоваться непопозволенными выгодами, например: всех своих лошадей назвал казенными; приставил к ним казенных конюхов; стал кормить казенным кормом, в дом свой брать свечи, покупаемые из казны в канцелярию; хлебом пользовался казенным; накупил кому-то свиных мяс и отправил в Петербург

бург на казенных лошадях и с вахмистром; солдат и канцелярских служителей употреблял себе, вместо слуг, в услужение. Все хотя безделицы, но до сего небывавшие.

ФЕВРАЛЯ 18-ГО

183

О запрещении вывозить из Москвы хлеб

Носилась молва и за верное уверяли, якобы к главному московскому командиру прислано именное повеление, чтобы не выпускать из Москвы никакого хлеба. Это было страшное, никогда не бывалое дело; и потому тотчас весть сия загремела. Твердили все, что в Москву пожалуй себе вези и продавай, а из Москвы — ни одного воза. Но сего недовольно: прибавляли к тому, что предписано остановить и разрушить и самые ближние заводы винные, если Измайлов почтет которые Москве предосудительными. Разные были о сем толки, но все более заключали, что произошло сие от прибыльщиков, закупающих конечно хлеб для поставки вместо провианта; и сделано для того, чтобы тем вдруг пресечь все их воровские замыслы и плутни, и не взогнать в Москве и в других больших городах, в северных провинциях, цену хлеба до чрезвычайности; ибо цена стала вдруг и скорыми шагами возвышаться; а сие произвело вдруг, что она тотчас упала, что и натурально. Купцы и прибыльщики и на это хороши: они везде выдумают злые козни. Теперь все любопытны были видеть, чем все сие кончится и какой успех возымеет транспорт провианта в Москву и в Петербург.

184

О московских болезнях (генварь)

Говорили пошептом, что во время бывшей необыкновенной оттепели в генваре в Москве великое множество было болезней и даже умирающих, так что походило и на чуму самую; а многие шептали, что едва ли не была и она самая, и однако сие скрыли и утаили.

О пространстве бывшей оттепели (генварь)

Особливого примечания было достойно, что бывшая, в начале или в середине генваря, у нас необыкновенная оттепель не только была во всей России и наделала дела и бед великое множество, но простиралась даже и далее. Около сего времени писано было в газетах, что в самое сие время и в самой Англии была ужасная, необыкновенная и даже такая оттепель, что самые деревья даже развернулись; и там трепетали, чтобы не сделались морозы и не погубили все их произращения.

О купце Васильеве, в Москве уступившем долги

Некто из московских купцов, а именно Васильев, недавно, то есть в начале сего года, сделал славное и такое дело, которое достойно записано быть в летописях, для ведома позднейшим потомкам, а для славы России — писано быть в газетах во всем свете. Он, имея великую торговлю и нажив себе хороший достаток, публиковал в прошлом году, в июле месяце, что он хочет перестать торговать и расплатиться со всеми своими должниками, и чтоб они пожаловали явились к нему или прислали поверенных, для получения зарплаты. Ныне же публиковал он также особым листом при газетах, что теперь он со всеми своими кредиторами совершенно расплатился и никому не остался должен, со всеми во всем расквитался и ни с кем и никаких не имел связей. Учинив сие и будучи стар и приближаясь к концу жизни, хочет и далее себя успокоить и оставляет всех тех, кои ему по векселям и с поручителями должны, без взыскания, — и имена их публикует. Сих людей избралось 43 человека; но число суммы всей простиралось не менее как на 92 530 рублей. Такую сумму партикулярному человеку уступить своим должникам, и уступить не малыми кушами, а кому 1, кому 2, 3, 4, 5 тысяч, кому 20, а одному 27 тысяч, — дело было до сего неслыханное и необыкновенное и делающее честь отечеству.

О развозе посуды каменной

Как в самое сие время, так уже за несколько десятков лет, однако не более как лет за 25, вошло и было у нас в употреблении, вместо прежней оловянной посуды, на столах, в дворянских домах, употреблять глиняную, деланную у нас на Акжельских¹ заводах, по форме и под вид фаянсовой английской и голландской. В немногие годы была посуда сия везде и везде, где белая, где палевая, где гладкая, где с каемкой, и довольно дешево; но жаль, что делалась дурно, ненадежно; скоро лопалась и билась. Ее не столько продавали по городам, сколько развозили всюду и всюду по деревням крестьяне, торгующие ею из барышей и продававшие целыми сервизами. Они возили же и хрустальную русскую посуду и чашки. Через сие олово стало у нас раскупаться меньше, и это хорошо; но жаль, что не старались делать лучше и что привычка употреблять сию глиняную посуду побудила многих, наскучивших скорым разбиванием оной, покупать и снабжать дома свои английскою фаянсовою посудой. И от сего произошел новый убыток для государства, до сего небывалый. Всякое доброе дело у нас испортят и из добра выльется зло.

ФЕВРАЛЯ 19-ГО

188

О строении домов дворянских

Около сего времени вошло обыкновение у дворян строить сельские дома их с антресолями; но от сего их воля заставляла их переделывать настоящие покои домов своих, делать высокими и сверх того надробить еще много сверх потолка и без нужды много терять леса. Обыкновенные дома состояли из лакейской, залы, буфета, гостиной, спальни, уборной, столовой, кабинета, девичей и детской, кладовые делались, но не везде; сеней двое; на антресоле более для детей и девок. Спальни делались с диванами, а иногда диванная делалась особая. Везде почти делались коридоры, отчасти длинные, отчасти короткие: сии коридоры пошли недавно; прежде их не знавали. Фундаменты дельвались, кто мог, каменные и под полом иногда выходы и омшеники¹

..... Крыльца — внутренние; а подъезды, бывшие недавно, почти переводились; делались навесы для дождя; иногда сени выпускные с Вместо окон слуховых недавно были окошечки узенькие в стенах выше обыкновенных окон; а ныне стали делать большие окна сверх потолка в фронтоны, итальянские, полуциркулярные дугой. Пышность час от часу более вкрадывалась во всем в рассуждении строения: многие разорялись и в долги впадали от сего. Вместо обоев более внутри штукатурили и расписывали на клею, наподобие альфреско². Печи делали, где обливные, где кафельные простые, и потом на молоке расписывали красками; окончины³ большие, все убыточные и дурные. Кровли делали низкие и красили красными.

О зимних экипажах дорожных дворянских

Зимние экипажи или повозки у дворян, в здешних тульских местах, были: 1) кареты, называемые возками, хотя оне нимало на прежние возки, которые совсем перевелись, не походили; а были сущие кареты, сделанные на полозьях; но сии были у немногих и дорогие, и двухместные и четвероместные; 2) кузова карет, поставленные на зимние ходы, и более четвероместные; сии были у множайших в употреблении. Однако как не у всякого они были, да и не повсюду в них ездить можно было, то множайше разъезжали в кибитках. Кибитки сии дельвали хотя глупо, низко, вверху широки, а внизу узки и беспокойны; но от глупых украшений стоивали дорого, — рублей по 50 и более: простейшие продавались рублей по 30 и по 20 и оне оклеивались клеенкой. В сих-то кибитках разъезжали по гостям и мужчины и женщины, и не стыдились ездить в них и самые генералы. Из открытых повозок, для езды в городах, дельвались так называемые городовые двухместные и одноместные санки: двухместные сколько-нибудь были лучше, но зато дороги; продавались рублей по 150 и по 120 и по 100; а одноместные разных манеров и самые туртыжные¹. К числу же простейших принадлежали все еще так называемые очаковские, — самые глупые и беспокойные и составлявшие кузов телеги, поставленный на дровни, и раскрашенные. Наконец весьма многие в простых санях, розвальнях, стоивших в прежние времена рубля 2 или 3, а ныне — рублей

5, 6 и 7; к ним приделывались кряковки², обшитые чем-нибудь. Наконец, хотя очень редко, но употреблялся уже некоторыми и выдуманный мною новый экипаж,— полувозочек раскрывочный—экипаж спокойнейший и безопаснейший из всех прочих, но мало еще известный.

ФЕВРАЛЯ 20-ГО

190

О г-не Семенове, московском частном майоре

Около сего времени славился в Москве некто Александр Алексеевич Семенов, надворный советник и полицейский командир 1-й части или самого Китая-города. Человек сей отменную имел способность к полицейским делам и отысканиям; тотчас все находил и вышаривал; был отменно строг и горяч, и хотя наживался очень от купцов, но купцы его крайне любили; словом, он составлял собою в малых чинах, что некогда составлял Архаров. Сожалели только, что он был слишком горяч; но много и выигрывал своею строгостью. Вот купцы у него не куркали; и он соблюдал отменным образом во всем порядок и тишину; и какое бы происшествие ни случилось, но он тотчас в состоянии был отыскивать.

191

О воровствах в калужском наместничестве (генварь)

В окрестностях Калуги жаловались, около сего времени, на оказавшиеся многое воровство и кражу лошадей; чего до сих времен никак не было. Приписывали то наиболее рекрутам и худому за ними смотрению.

192

О квартальных офицерах, наживающихся от рекрут

Как все, отдаваемые в наместничествах в зачет, рекруты отдавались в команду и смотрение особых, определенных к ним, квартальных офицеров,— то сии пользовались от них

непозволенным образом великими прибытками. Они брали смелость отпускать их в дом их, для свидания с сродниками, — кого на неделю, кого на две и на три. Но сие дуракам — беднякам рекрутам очень дорого становилось; и за один недельный паспорт давали они рублей по 6 и по 7; а за двунедельный того еще более.

193

О злоупотреблениях при рекрутских наборах и неравности везде

Удивительное дело, что государство одно, законы и указы — одни, а не везде все одинаково происходит. В одном наместничестве — так, а в другом иначе; в одном — народу легче, а в другом — тяжелее и хуже. В пример тому — нынешний рекрутский набор; он невелик — с 500 душ и складки меньше рубля, и только 74 к., но в ярославском и костромском наместничествах складка сия была несравненно отяготительнее и простиралась даже за два рубля и более, но отчего? — оттого что у нас выбраны комиссары собирать деньги сии и раздавали сами господа предводители; а там дана воля всем самим себе сыскивать складчиков; и сие наводило двойное затруднение и тягость, ибо всякий совался без души и рад был кого бы ни найти; а те прижимали и требовали высокую пену¹; а просить нельзя; и не на кого и некого. А к тому замешивались и палатные, и часто и соединившихся разрывали и заставляли сыскивать оных, ибо сии им были неугодные, а за непринуждение к тому получали мзду и корысть. А в тамбовском наместничестве бывали такие обряды, что в настоящее число в рекруты в приемку, хотя и назначит рекрутская экспедиция, но собирать сии деньги предоставляется самим отдатчикам; это и того еще гаже, ибо для получения своих денег, а иногда очень немногих и маловажных и ничего стоящих сумм, должен иной из края в край по всему наместничеству ездить, скакать несколько сот верст, отыскивать и расспрашивать жилища и потом кланяться и просить, чтобы деньги отдали; а те и не думают. И как таковые езды дороже самых денег становились, а тем, кои еще не платили, земские суды, умеющие только обирать, не делали никаких понуждений, — то у множайших все таковые деньги совершенно пропадали, а они сами, будучи им не рады,

онья, во избежание хлопот, не взыскивали. Но и самые комиссары хороши только там, где за ними смотрели. А в прежние годы и у нас, при самых сих комиссарах, распало сих денег несколько десятков тысяч; ибо собрать-то они собрали, а раздавать-то не раздавали; а со многих и самый сбор, за упущением и худым понуждением, земских судов производим не был. Но тогда был один общий комиссар, а не в каждом уезде и не у каждого предводителя свой. Словом, рекрутство было неизбежное зло, а нам делали его вдвое и втрое тягостнейшим; и по сие время все еще не уладят.

194

О злоупотреблениях при выборах и балотировании (1795)

При бывшем, в конце прошедшего года, в Туле выборе и перемене судей происходили такие же злоупотребления, какие бывали прежде. Предводители по-прежнему выходили из границ и мытарили и хотели, чтобы выбираемы были те, которые им были надобны. Они делали с друзьями своими скопы и заговоры; собирали дворян к себе на квартиры; уговаривали, просили и приказывали иным того и того выбрать; а те, коим хотелось, кланялись и упрашивали. Потом, когда собирались в палату, то пойдут таковые ж уговаривания, просьбы от губернского предводителя, от прокурора, от подсыльных, от наместника и прочих. Шуканье, шептанье, приневоливание, заставляние, почти поневоле, класть шары свои направо или налево, и прочие такие вздоры происходили публично. А ввели еще манер: подносить все белые шары, кого хотелось,— чего нет и в законе. Словом, вся святость балотирования не соблюдалась; а оттого и судьи выбирались все по пристрастиям и, по большей части, негодные; и часть сия, час от часу, более портилась.

ФЕВРАЛЯ 22-ГО

195

О переломанном инеем лесе

На березовые деревья жалко было смотреть: всех их, а особливо стоящие в лесах с краю, бывшим необыкновенной

величины инеем перековеркало и переломало; которую — поперек; которую пополам да надвое; у иной верхушка снесена; у иной — целая половина; иная вся расщеплена надвое; иная расщеплена удивительным образом. И было странно и удивительно на них смотреть. А прочим деревьям иней сей ничего не сделал. Снегов, около сего времени, было много очень, а особливо в лесах; а бугры иные все еще были голы.

ФЕВРАЛЯ 22-ГО

196

О приумножении снега

Снегов, час от часу, умножалось, и как сначала было мало, так теперь много. В сей день была большая и обыкновенная февральская метель, но кратковременно, — меньше суток. Дороги все испортились, сделались ухабисты и мелились; и все сие затрудняло обозы.

ФЕВРАЛЯ 23-ГО

197

Анекдот о великом князе Константине Павловиче, о подарке отцу денег (генварь)

Носилась молва, что недавно и перед тем, как быть сговору, спросила государыня императрица у Константина Павловича: что ж, чем он подарит свою невесту? «А чем мне подарить? — сказал он, — у меня ничего нет». — «Возьми из моего кабинета вот столько-то тысяч». Великий князь и не преминул сего сделать; но, получив деньги, куда же их дел? — отдал своему родителю. Все сие узнали и перевели императрице; и она, чрез несколько времени, спросила опять у него: что ж, подарил ли он чем-нибудь невесту? «Что мне ее дарить, она по милости вашей, бабушка, и сыта, и одета, и всем снабжена». — «Да куда же ты дел взятые деньги?» — «Я их отдал одному нужному человеку, обремененному великим семейством и многими долгами и имеющему в деньгах крайнюю нужду»¹. — «Но кому ж такому?» — «О, пожалуйста, бабушка, не спрашивайте меня о том человеке; а довольно будьте уверены, что я их не про-

мотал и не употребил все». — «Однако скажи — кто ж такой этот человек?» Долго продолжались таковые спрашивания, и наконец принужден был он сказать. Тогда поступок сей так тронул императрицу, что она заплакала; а таким же образом проливал слезы и великий князь; и она тотчас велела отослать к цесаревичу 50 тысяч рублей. Таковой поступок и пример сыновней любви к отцу был для всех очень чувствителен и делал Константину Павловичу особливую честь.

198

Анекдот о великих князьях и отзывы их о том, как они владеть бы стали

Говорили, что некогда императрице, разговаривая с обоими внучатами своими великими князьями, случилось их спросить, как бы они стали править государством, если б им случилось быть на престоле? Великий князь Александр Павлович, будучи уже старше и благоразумнее, сказал, что он во всем бы стал подражать примерам государыни и последовал премудрым ее правилам. А когда дошла очередь говорить Константину Павловичу, то он, без дальнейших церемониалов, сказал: «А я стал бы так государствовать, как Петр Великий...» Черта, доказывающая характер сего молодого князя.

199

Молва о цесаревиче, великой княгине его супруге и любимице Нелидовой

О великой княгине Марии Феодоровне, как началась с начала ее привезения в Россию, так продолжалась и поныне всеобщая молва, что она была добродушная и всеми добродетелями украшенная и ни к чему худому нимало неползновенная государыня. Что же касается до великого князя, ее супруга, то за несколько до сего уже лет начала носиться в публике не то справедливая, не то несправедливая молва, что он имел несчастье влюбиться в одну девушку, воспитанницу в Смольном монастыре, из

фамилии Нелидовых¹, лицом хотя очень, очень некрасавицу, но разумом и способностями своими к наукам превзошедшую всех своих совоспитанниц и, по самому тому, взятую ко двору во фрейлины. Присовокупляли к тому, что сей несчастный случай нарушил толь славную до сего супружескую верность в обоих супругах; и что несчастная страсть сия сделалась в нем непреодолимою и подавала много поводов к разного рода неудовольствиям, несогласиям и огорчениям в императорской фамилии. Потом носилась молва, что в то время, когда, при рождении одной из последних великих княжон, великая княгиня долго очень мучилась родами и находилась в опасности жизни, будто бы, по увещанию старика митрополита Гавриила, цесаревич восчувствовал свой проступок и, раскаявшись, решился г-жу Нелидову оставить и отлучить от двора, если только великая княгиня останется жива; и что как она, в самый тот момент, и разрешилась благополучно от бремени, то будто бы и действительно обещание его было выполнено, и г-жа Нелидова удалена была от двора. Правда ли все то или нет — неизвестно; достоверно и то только неложно, что после того, несколько лет, не было о Нелидовой и о сем деле никакого слуха и в народе молвы. Ныне же опять как-то молва сия возобновилась, и были люди, кои утверждали, что любовь сия не погасла, а продолжается даже до того, что помянутая госпожа Нелидова взята по-прежнему ко двору. Присовокупляли к тому, что великая княгиня не однажды не только говорила, но и просила сию госпожу, чтобы она связь сию разрушила; на что будто она всегда ей отвечивала, что она может сие, конечно, сделать и уговорить цесаревича ее оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было бы хуже, и что сие единое и почтение ее к ней ее от того удерживает.

200

О Салтыкове, Николае Ивановиче, и жене его

О дядьке великих князей, Николае Ивановиче Салтыкове, государство было как-то не весьма выгодного мнения; но многие относились о нем, как о простом и не слишком дальнего быстрого ума человеке. А того хуже отзывались о жене его, называя ее женщиной гордой, вздорной, бранчивой, халдой¹ и прочими такими именами; и что она нравом

своим много вреда самому ему делала. Некогда разгорячась и рассердясь, сказала она публично, браня мужа, что он всех подчиненных своих и даже великих князей избаловал; и сие тотчас было узнано и [говорили], что ныне не слишком в хорошем фаворе был оттого и сам муж ее и, как говорили, прихрамывал. Она была сестра князя Юрия Владимировича Долгорукова.

201

О прежней болезни императрицыной и Зубове (1795)

Говорили в народе, что как в последний раз императрица была очень больна и многие начинали опасаться, чтобы не пресеклась достохвальная жизнь сей великой государыни,— то будто и первый фаворит ее сего времени, г. Зубов, того же опасаясь, хотел было удалиться от двора и просился на теплые воды в чужие края поездить; но что он не был отпущен и за то принужден был несколько времени терпеть гнев от императрицы.

202

Молва о будущих новых трех фельдмаршалах

Везде, около сего времени, говорили, что вскоре иметь мы будем трех новых фельдмаршалов, а именно: князя Репнина, Николая Ивановича Салтыкова и Зубова. О первых обоих никто ничего не говорил; а о последнем, как человеку бывшем, за немногие до сего годы, ничего незначащим, низким человеком, говорили, что фельдмаршальское его достоинство многим старым слугам императрицыным будет очень прикро и неприятно; и что сей случай возбуждет в них великое негодование. Произведения сего ожидали еще в новый год; но ныне ждали при случае бракосочетания.

ФЕВРАЛЯ 24-ГО

203

О Клушине, писателе (1795)

За несколько лет до сего, при случае издавания в Петербурге журнала «Российского Меркурия»¹, прославились в нашем ученом свете два молодые россиянина: — Крылов²

и Клушин³. Как при конце сего журнала упомянуто было, что они, по воле императрицы, отпущены путешествовать в чужие края, то все и почитали их теперь находящимися в путешествии и ожидали от них таких же любопытных описаний, как от Карамзина; но в том вся публика обманулась. Они остались и не поехали, по причине, что промотали денежки взятые. Что касается до одного из них, а именно Клушина, то он низкого происхождения: — подьяческий сын, из Твери; ничему порядочно не учен. При открытии наместничества был, с пятью другими, определен для разбора старых архивных дел провинциальной канцелярии и, по молодости, был так дерзок, что отдавал в ряды купцам целые подлинные дела, в архиве бывшие. Судье какому-то случилось увидеть в рядах сии акты. Началось следствие, и Клушин попал в беду. Надлежало его осудить и дело решить бывшему тогда наместником князю Николаю Васильевичу Репнину. Он, видя его молодость и примечая в нем редкие способности, взял его к себе в канцелярию и от наказания избавил. Тут и находился он долго; и в ней от писания привязался к книгам, чтению и сам собою и слогу, и всему, и поэзии, и даже французскому языку научился и сделался потом изрядным бонгустистом⁴ и сочинителем. Он попал потом каким-то образом в Петербург и там, вместе с Крыловым, издавал «Меркурия» и сделался известен. Но все в низком чине и все еще каким-то канцеляристом. Думать надобно, непостоянство мешало ему произойти в люди, как и езде его в чужие края воспрепятствовало; все полученные на то из казны деньги он ухлопал и теперь находится в нужде в Орле, где у него есть брат каким-то судьей, но также человек бедный. Он упражняется и теперь, денно и ночно, в литературе и сидит на письме и книгах и отговаривается, что будто для того не ездил еще в чужие земли, что хочет научиться и немецкому языку, которому и действительно сам собою учится. Словом,— человек странный, молодой и с редкими достоинствами и дарованиями и рожден к наукам, но без призрения.

ФЕВРАЛЯ 25-ГО

204

О бале, бывшем в новый год в Петербурге (генварь)

Особливого примечания на сем многолюдном бале было то, что герой наш старик граф Суворов, будучи на оном,

раз двадцать танцевал, как бы молодому человеку свойственно было; а особливо с двумя какими-то знатными польками, тут бывшими. Он был в гвардейском мундире, одет и напудрен порядочно, и с своей брильянтовой петлицей на шляпе. Государыня пожаловала ему в сей день табакерку с своим портретом, богато усыпанным крупными брильянтами. Он всем ее показывал и всякий раз, принимая, целовал. Нередко подзывала его к себе играющая в карты императрица и с ним шутила и разговаривала. Что касается до императрицы, то она была, благодаря Бога, такова ж свежа и бодра, как при проезде чрез Тулу. Она два часа была тут и играла в карты с Зубовым, цесарским и английским посланниками; и нередко, положив карты, по несколько минут вела речь и разговаривала. А за другим столом играла великая княгиня. И бал был очень пышный, и императрица отменно была весела.

205

О графе Суворове

Граф Суворов находился, около сего времени, в Петербурге; жил в Таврическом дворце, где все у него было дворцовое: и кушанье, и прислуга, и экипажи, и все, и все; жил как в гостях. Посылан был осматривать шведскую границу: проездил 10 дней, ничего с собою не имея; везде был; все крепости осмотрел, обходил; нашел где-то старика штаб-офицера, служившего 40 лет, и все с ним разговаривал. Везде его хозяева кормили, поили. Ныне, скоро куда-то едет, и ждут его в Москве; думать надобно — к югу: либо против турков, либо персов. Везде и поныне ходит все припрыжкой и скучает, что нет войны.

206

Молва о персидских делах

Молва носилась, около сего времени, не очень хорошая. Говорили, что где-то сделан тамошними народами на наши пределы набег и уведено наших тысяч с 12 в неволю; будто за сие Гудович отставлен, а посылается на место его безногий граф Валериан Александрович Зубов; и что ему приготовлен уже и дом в Москве.

Молва о турецкой войне

Молва о приближающейся турецкой войне все продолжалась, а о шведской утихала, хотя приезжие и сказывали, что много к шведским границам отправлено амуниции.

Молва о пышной будущей церемонии в Петербурге, при надевании литовской короны

Говорили, что вскоре будет торжественный акт в Петербурге: привезут литовскую корону; и она торжественно поднесена будет сенатом государыне; и она на себя ее возложит, приняв титул великой княгини литовской; и при сем случае много будут пережалованы, в том числе и новые фельдмаршалы: — Репнин¹, которого для сего и ожидают в Петербург.

О кассире в почтамте, проигравшем в Москве деньги (1795)

Незадолго пред тем временем, как в прошлом году сделано было запрещение играть в карты, кассир московского почтамта проиграл 26 тысяч рублей казенных денег и, опившись яду, умер; но оставил после себя реестр, с кем и с кем он играл. Сим реестром воспользовались; и московский командир Измайлов тотчас расчислил сию сумму по всем игравшим и тотчас ее собрал. Говорили, что многие нашлись в реестре сем такие, которые и в глаза сего кассира не знали; также, что самое сие, между прочим, побудило Измайлова представить об игроках государыне.

О состоянии нынешних игор в Москве

Хотя переврали, будто опять игры в Москве завелись, но неправда. Приезжие уверяли, что наблюдается величай-

шая строгость; что завели было какие-то приказные с оставными офицерами игру в доме, — так всех забрали; и тех, кои офицерских чинов — на три месяца в смиренный дом, а нижних — публично на перекрестках плетью наказывали; далее, что всем квартальным майорам дана привилегия в частях своих въезжать в дома, как скоро где усмотрят они собрание и карет много, и посмотреть, в чем упражняется хозяин. Сие очень всех останавливает.

211

О предосторожностях в Москве во время оттепели (генварь)

Как в бывшую необыкновенную оттепель мяса и рыбы испортились, то, в предупреждение вреда, сам начальник ездил в ряды мясные и рыбные и где продавали дичь и осматривал и все испортившееся приказывал зарывать в землю.

212

О болезнях, бывших в Москве, во время оттепели (генварь)

Болезней было, около сего, много и опасность самая. У одного господина Загряжского из 29 человек, с ним бывших, осталась одна кормилица, а прочие все были в горячке с пятнами; и он принужден был нанять иной дом и жить в двух домах. Многие и умирали действительно. А были также болезни и в Петербурге, где 3 недели не было ни клока снега; но Нева не прошла; там более все болели горла.

213

Об отъезде из Москвы тульского наместника

Наконец, по долговременном пребывании в Москве за болезнью, выехал сей старичок в Петербург, около 15 февраля; и слух прошел, якобы опять за болезнью остановился он в Твери; а однако другие, ехавшие из Петербурга, повстречались с ним около Торжка.

**О выдаче Демидову денег, якобы в долг,
тульской казенною палатою**

Тульская палата сшалила и за то получила от наместника великую гонку. Стараясь о доставлении провианта в Петербург и подрядив по 2 руб. 60 к. с куля г. Демидова, отважилась она выдать ему наперед 40 тысяч; а сему молодцу были только и надобны деньги, а провиант хотел он тут весь размытарить. Да и денег выдавать никак вперед всех не следовало; однако палата сделала переворотом: дала ему займы из оружейной суммы, взяв в залог имение,— но из суммы такой, из какой не велено выдавать никому ни полушки: раздавали только ту, которая дана на построение нового завода, а не из той, которая была старинная оружейная; а они выдали из сей, и за то и была им брань, и было за что.

**О приеме провианта,
привозимого из магазинов в Москву**

Приезжие и видевшие сей прием рассказывали, что принимали скоро, привозимых не задерживали, прикидывали только воза через четыре один. Однако нашли один куль в 6 пудов, и открывается, что был то румянцовский; да и в прочих его кулях недоставало фунта по 3 и по 4. Стыдно даже было сие прочим.

О московском начальнике и его правлении

Говорили, что старик сей очень часто по Москве ездит; недавно был в надворном суде; и сам везде и все осматривает и печется о Москве более, нежели все думали и гадали. Сие приносило ему честь.

О причинах запрещения вывозить из Москвы хлеб (генварь)

Приезжие рассказывали, что повод к сему запрещению подал московский начальник своими представлениями императрице, ибо он обо всем и обо всем с нею переписывался и, как видно, сделался муж по ее сердцу. И как скоро стал в Москве хлеб становиться дорог, и более оттого, что тверские и вяземские заводчики тут на винокурни хлеб скупали и вывозили,— то и отписал он о том. А потому и велено ему хлеб туда не выпускать, а заводы ближние, подрядившиеся ставить вино на один год, по его рассмотрению, уничтожить.

О делаемых приуготовлениях к торжеству в Москве

Приезжие рассказывали, что во всей Москве делались великие приуготовления к торжеству бракосочетания великого князя Константина Павловича. Пред многими домами готовились иллюминационные щиты, а на Москве-реке пред воспитательным домом¹—фейерверк, и из иллюминаций славилась в особенности у графа Орлова, Алексея², пред домом его, где бывали беги: она составлена из трех щитов с разноцветными фонарями; и ее уже пробовали. О купечестве говорили, что оно не хотело давать маскарада, говоря, что и прежде за такой маскарад его бранили; а они лучше употребят деньги сии на лучшее и назначают 20 тысяч на искупление бедных и несчастных из тюрем и сделают 100 свадеб на своем коште и дадут невестам приданое; сие в самом деле едва ли не лучше маскарада.

О собачьем зрелище в Москве

Недавно приехали в Москву иностранцы с учеными собаками, обирать наши деньги. Собаки ходят по канатам; балансируют всячески; берут город, ездят в карете и ее возят

и стоят позади; прислуживают двум обедающим обезьянам, и на приступ одна всходит по лестнице задом; наконец зазвонит хозяйин в колокол,— все оне поднимают такой несносный лай и вой, и город разваливается, что все зрители опрометью уходят. Зрелище продолжается два часа; и охотников много терять рубли и полтины. Пристали и показывали они сие в доме Бориса Михайловича Солтыкова; нарочно для таких спектаклей построенном и ему великий доход дающем.

220

Об отсрочках бракосочетания великого князя Константина Павловича

Бракосочетание назначено было быть 13 февраля; и с сего времени должны были продолжаться пиры и праздники до самой масляницы; но заболели у невесты зубы, и отложена свадьба до совершенного освобождения, сперва по 15-ое, а там далее; и опасались также, чтобы не захватил и великий пост

221

О стуже при начале масляницы

В первые дни масляницы стояла прекрасная ясная погода, но морозы страшные и почти нестерпимые. В понедельник был мороз 15 градусов, на ветре, и очень холодно. Дороги худы и ухабисты; обозов много.

ФЕВРАЛЯ 26-ГО

222

Об обыкновении сажать зайцев

Древнее и любимейшее у многих, а особливо знатных господ, обыкновение травить изловленных, кормленных заперти и перед собаками пускаемых зайцев,— господствовало и поныне еще во всей силе. Собирались превеликою гурьбою; выезжали на ближнее просторное место; выводили

с собою лучших своих собак и, пуская пред ними бедного заключенного животного, смотрели травлю, любовались удалством своих собак и называли все сие сажанием зайцев. Каково и сие обыкновение ни дурно, но все оно несравненно лучше и терпимее, нежели рысканье по полям; тут еще более навеселиться можно, а опасности нет никакой.

ФЕВРАЛЯ 27-ГО

223

О начавшейся тали

Как погода, около сего времени, стояла все ясная и по ночам были морозы, а днем пригревало очень солнце, то оказывались уже первые от солнца тали; и погода была самая масляничная и хорошая.

ФЕВРАЛЯ 28-ГО

224

Молва об уничтожении судейского жаловья

Носилась молва, что хотят сделать, чтоб уездные все судьи получали жалованье не из казны, а от дворян, яко от них для суждения своего избираемые.

225

О городе Ржеве-Володимирове

Бывшие там не могли довольно расхваливать построение сего города: и как он хорош, и сколь процвел, в недавние годы; от торговли пенькою, салом и юфтями, купцы тысячу на тысячу получали. Три реки, Гжать, Волга и еще [пропуск] делали место сие центром торговли; и мило смотреть, какое там множество пристаней и судов; и как прибыльно там дворянам, строящим в своих дачах барки и продающим; у одного поделаны каналы и места для строения удобные.

Молва об уничтожении сбора хлебного

Носилась молва, что провиантскую хотели совсем уничтожить и что будто определяется выдавать корпусным командирам деньги, дабы они сами о запасении войск своих провиантом пеклись и помышляли. Но слух сей мало имел вероятия; а сие могло стать, что, с провиантом наскучивши сборным, его отменяют.

Слух о скором проезде Зубова

Здесь ожидали на сих днях графа Валериана Александровича Зубова, едущего командовать армиею, назначенною в Персии.

Еще молва о провиантских делах

Записанная молва о провиантской произошла, как думать надобно, оттого, что минувшею еще осенью г. Новосильцов, генерал наш провиантмейстер, умирающий за казенное, вышедши из терпения от ужасно высокой цены, показываемой полковниками полков, а особливо конных, при покупке и подряде ими провианта и фуража, и дивясь, откуда они брали такие высокие справочные цены, так что собственные его комиссионеры гораздо дешевле доставали, и видя явный грабеж и обворовывание казны, как то и действительно было,—решился представить о том самой государыне и предложить, не угодно ли будет повелеть: всем господам полковникам не делать самим собою подрядов и покупок, а представлять о том на рассмотрение и цены свои своим дивизионным командирам и тогда уже заключать контракты, когда ими апробовано будет; словом, чтоб наложить на полковников узду. На это и впоследствии именное повеление, чтоб этому так и быть. Многие

обвиняли г. Новосильцова, что он ничего иного не сделал, как, отняв хлеб у полковников, дал оный дивизионным командирам; но он говорил: «Как бы то ни было, но я очистил свою душу».

МАРТА 2-ГО

229

О маслянице

Во всю масляницу стояла наипрекраснейшая, ясная погода: не было ни слишком холодно, ни слишком тепло; редко бывало такая; но увеселений в городе мало.

230

Об экономическом обществе и о 50-й части Трудов его

Общество¹ продолжало свои Труды², но медленно печатало. Вышла 50-я часть и новое продолжение. Заглавный лист к ней печатался у Шнора; и там вещей полезных мало. Писало ко мне, жаловалось, что наши никто не присылает, и просило, чтоб писал. Успех слаб, побуждений мало; все лучшие корреспонденты не награждены; всякий презирал и не хотел по-пустому трудиться.

231

О Таганроге и оттепели там (генварь)

Приезжие рассказывали, что бывшая там оттепель наделала ужасный вред, ибо наготовлено было множество рыбы; море волною разбило, рыба потонула, и с нею до 1 000 человек погибло будто б.

232

О попе, издававшем книгу «Пространное поле», и пожаловании ему 1 000 рублей (февраль)

Один поп вздумал издавать в Москве большую книгу под названием глупым: «Пространное поле, обработан-

ное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь». Уже года два тому, как начал; пренумерации¹ мало; он стал в пень; отважился послать обе первые литеры напечатанные к государыне, видно, чрез кого-нибудь; получил благоволение; дано 1 000 рублей. Дашкова² на 10 экземпляров подписалась; еще просится о пренумерации; но стоит 36 или 45 рублей, и охотников мало. А другим и нужнейшим побуждения никакого нет. О сем опубликовано было особливим листком при газетах.

233

О княгине Дашковой (февраль)

Сия все еще была директором академии и чинов и титулов имела множество: была действительная статс-дама, русской академии председатель, ордена Екатерины кавалер, член императорской Эрлан. [?] академии, Санкт-Петербургского общества экономического, Берлинского испытания природы и Филадельфического в Америке. Но при всем том академия была упущена и ничего не производила хорошего.

МАРТА 9-ГО

234

О мужике, убившем в Иевлеве

Масляница в сей год в простом народе не прошла с миром: вина выпито очень много; в драках и безумиях не было оскуднения; а были и здоровые люди, не дождавшиеся поста. В волостном селе Иевлеве, два мужика, свата, были друг у друга в гостях; пили, пили, но того недовольно: — надобно было одному звать другого к себе еще. Тот нейдет. Другой, вышедши уже вон, его зовет сквозь двери и, схватя за полу, тащит идти нехотящего. Тот упирается ногами в дверь, нейдет. Сей тащит; тащил, тащил; рука сорвалась; он упадает в сених затылком на какой-то чурок и головою вниз; голова проламывается, мужик лишается языка и чрез сутки и совсем умирает.

Об обыкновении пить и кататься еще в понедельник

В некоторых городах, однако не во всех, было обыкновение еще приобщать и понедельник первой недели к маслянице и, под именем промывания горла, и сей весь день проводить в пьянстве. А инде катались все на горах от мала до велика, вытаскивая даже самых старух и стариков. Сим обычаем в особливости славился город Алексин.

Об обыкновении крестников ездить к отцам крестным

В среднем классе людей и низком, было в сие время обыкновение, чтобы, в последние дни масляницы, всем крестникам, с отцами своими и матерями, приезжать прощаться с отцами крестными и матерями. Они привозили им обыкновенно, чем Бог послал, на поклон безделок; а те отдавали крестников своих, и всегда больше. И потому, у кого много крестников, тем было иногда и накладно: всех надобно было не только дарить, но и подчивать.

МАРТА 4-ГО

О нескором сыскивании подвод к возке провианта

Сколько транспорты провиантских магазейнов из Богородицка были успешны, столько затруднительны из Ефремова и Новосия. Отсюда уже более 6 000 кулей было отправлено; а из Ефремова — только 200; а из Новосия — еще ни одного. Происходило сие от мытарств приставов, непроворства ассессоров и разных шиканств¹. Казенная палата очень озабочивалась; хотел ехать сам вице-губернатор, и приезжал директор экономии в Ефремов, чтоб поспешествовать сему делу. Время осталось немного и всего три недели, а возки еще очень много.

Еще слухи о персидских делах

Уже носилась молва, что наши имели будто бы с персами где-то и дело и что начало сие было для нас очень неудачно. Было будто в деле 6 полков наших; и персы как-то так наших где-то прижучили, что два целых полка совсем отхватили и до одного человека перерезали, не взяв ни одного в полон; а достальные 4 насилу успели уйти. Говорили, что рассказывал сие один выезджий оттуда офицер, бывший будто сам на сражении. Впрочем и он подтверждал, что командовать сим корпусом назначен Валериан Александрович Зубов, туда едущий, и что многие полки теперь туда идут.

239

О смерти несчастного пристава провиантского (февраль)

О том глупце, приставе магазейнов Каширском, о котором упоминаемо было выше, слышно только было, что он не доехал до уголовной палаты и до Тулы; но на дороге еще со страстей умер; пил чай и тут и умер. Все не сомневались, что он опился¹.

240

О треске необыкновенном слышанном

В Богородицком уезде, в окрестностях реки Красивой Мечи и села Лутова, в самые заговины¹, марта 2-го, около полуночи, многими слышан был в западной стороне необыкновенный треск, так как бы батальный огонь и вдали стрельба; иногда очень громко, иногда тише; и продолжалось сие часа три. Все дивились и никак не могли понять, что бы такое было: земля ли от морозов трескалась, но коих тогда не было, или в воздухе что. Расстояние казалось за версту; но другое село слышало также, и сему казалось еще далее. Очень было странно и удивительно.

О тали рановременной

В начале марта дни стояли очень ясные и теплые; морозы по ночам были, но не очень сильные, а в красные дни тепло, уже 3-го и 4-го были лужицы; и снег по дороге мягок и мокр. Все необыкновенно рано.

МАРТА 6-ГО

242

О книжке «МиLINE» (февраль)

Все ждали от Карамзина чего-нибудь важного или, по крайней мере, 3-й части «Аглаи»¹; но он дурно соответствовал ожиданию публики; выдал две маленькие книжечки: одну своего сочинения², а другую сию³. И в первый раз в сей появился у нас формат карманный, но напечатан дурно и крупно, да и историйка ничего не значит.

243

О возражении на «Глас невинности» (февраль)

Обвиняемый грабежом и убийством, граф Потемкин¹ издал стихи под названием «Глас невинности». Ему отвечал кто-то возражением на то, очень едким, колким и ядовитым; и листок сей летал всюду по Москве и читан был многими.

244

О митавском университете (генварь)

Писано было в газетах, что из митавской гимназии хотят сделать университет; и курляндское дворянство собрало 100 тысяч талеров на основании онаго, дабы интересами его могли 50 отроков воспитываться дворянских.

О поступке клубистов в Москве (генварь)

Члены московского клуба или благородного собрания собрали 2 000 и отдали в приказ общественного призрения, на употребление для бедных; и сей определил содержать на оные при университете бедных дворянских детей в pensione. Сделано сие при постановлении императрицына бюста в зале собрания; и это хорошо и похвально, но жаль, что мало.

МАРТА 7-ГО

О Костюшке (генварь)

О Костюшке¹ писано было в газетах, что ему дозволено допускать к себе людей и давать столы; и он почти на свободе, в неволе своей.

О дипломах, даваемых императрицею на дворянство

Монаршее снисхождение к дворянам было так велико, что она всякому, желающему и неимеющему диплома на дворянство и герба, оные давала. Некоторые, пользуясь сим, выходили даже из мер по своему любочестию и, будучи простыми дворянами, заказывали приуготовлять себе на своем коште такие дипломы, какие не постыдными были самим герцогам и графам. Состояли из нескольких пергаментных листов, которые переплетались в глазет; и каждый лист перелагали зеленым гарнитуром; все листы сии обведены были великолепнейшими рамами, рисуемыми из золота и краски наилучшими миниатюрными мастерами, а заглавный лист особо украшенный портретом императрицы и всеми гербами и рисованный наподобие финифти очень хорошо. Писали все наподобие истинно гравировки; титул золотыми, крупными литерами, а прочее — чернилами, печать в особливом капсуле или ковчеге, серебряном и вызолоченном, с крышкою и на золотых веревках, с двумя боль-

шими золотыми кистями. За одно письмо давали по 150 рублей, за рисовку 60, и совсем становился более 450 рублей. И императрица подписывала, но не приказывала именно так делать, а зависело сие от произвола хозяина, а потом и все стали думать, что сама государыня так приказывала: сим образом обманывали потомство.

МАРТА 8-ГО

248

Молва о персидских делах

Говорили, что не наших, а грузин будто побили 12 тысяч; о наших же не слышно; а паче говорили, что наши имели уже многие там сшибки и что там порядочная была уже война; и что Дербент и вся Баку нам уже поддались¹; и делают туда великое вооружение; и ехал командовать туда всеми Валериан Александрович Зубов; с ним генералы все молодежь: Платов², Корсаков³, Козицкий; и ехал около сего числа: 60 лошадей было поставлено; везде встречали, везде ждали. Что-то будет?

МАРТА 9-ГО

249

Об ожидании Зубова

Все ждали здесь, в Богородицке, Зубова и говорили, что он тут ночевать будет. Однако ожидание было пустое; ехал один его штаб, а сам он поехал чрез Коломну; а здесь ехала одна его свита.

МАРТА 10-ГО

250

О мятели страшной

Против всякого чаяния, сделалась в сей день обыкновенная страшная февральская мятель. Началась с половины дня и была страшная; не было ни зги не видно; но сначала тепловата; к вечеру поуспокоилась, но в ночь опять зачала бить и уже с северным ветром и стужею и продолжалась целые сутки.

О бракосочетании великого князя Константина Павловича и петербургских торжествах (февраль)

К сему торжеству назначено было сперва 13-е февраля, но невеста занемогла зубами, и оно совершилось уже 15-го числа, в церкви зимнего дворца, со всем пышным придворным этикетом и обыкновенным великолепием; но ничего особенного не было. Продолжалось сие торжество несколько дней сряду. В первый день, поставлены были все, находившиеся в Петербурге, команды и полки в строй, на площади перед дворцом и по ближним улицам. В 10 часов, съехались все знатные во дворец обоюга пола до 5 класса и чужестранные министры, в русском платье; и по собрании всех, изволила государыня, со всею своею императорскою фамилиею, шествовать в придворную церковь, обыкновенным церемониалом. Все шли по два в ряд, и младшие наперед, а старшие — после. Между тем продолжалась пальба из пушек. Императрица была в малой короне и в императорской мантии, у которой шлейф несли шесть камергеров; за нею шел цесаревич с супругой; за ним великий князь Александр Павлович с супругой; а за ним жених с невестой; а за ними — великие княжны; там статс-дамы и фрейлины и генеральша Ранье. У дверей церкви, встретило духовенство в облачении, со крестом и святой водой, и, благословив их, шло пред ними.

По пришествии в церковь, императрица, взяв за руку, повела жениха и невесту и поставила на венчальное место, против царских дверей, пред амвоном, покрытое малиновым бархатом. Пред ним был налож с евангелием и с крестом, а по сторонам — два серебряные геридона, и на них — венцы на золотых блюдах. Благословение брака совершалось обыкновенным порядком Восточной Церкви. Венцы держали: над женихом — оберкамергер Шувалов¹, а над невестой — граф Зубов. В ектеньях², до евангелия возглашаема была невеста — великой княжной, а по евангелии — великой княгиней.

По окончании свадьбы, новобрачные и родители их приносили императрице благодарение. Потом служили благодарный молебен, и при многолетии, началась пальба с обеих крепостей и от войск беглым огнем; а в церквях начался колокольный звон, который продолжался во все три дня.

Архиерей и духовенство поздравляли всю императорскую фамилию.

После чего началось таким же порядком шествие в комнаты, чрез кавалергардскую, где поздравляли чужестранные министры, а великий князь цесаревич возвратился в свои комнаты и принимал поздравления от синода и чужестранных министров.

Стол дан был в егорьевской зале. Императорская фамилия кушала на троне, под балдахинном, во всей пышности; прислуга была от камергеров. Для прочих были два фигурные стола: один — для дам 4-х классов, а другой — для кавалеров; кушанье носили пажи. При сем играла вокальная и инструментальная музыка; а при питье здоровья, играли на трубах, били в литавры и производилась пушечная пальба: сперва за императрицыно здоровье 51 выстрел, потом цесаревича, там Александра Павловича, а там новобрачных, а там великих княжен, и за все по 31-й пушке.

По окончании стола, императрица тем же порядком шла в свои покои; а с 8 часов дан бал, для чужестранных послов и своих знатных особ, в новом зале.

По окончании бала и уже ночью, все особою и пышнейшею церемонией и порядком, во множестве карет и великим кортежем, повезли новобрачных в мраморный дворец. Великий князь Александр Павлович отправлен был наперед для принятия новобрачных. По отвезении, возвратились все опять таким же порядком назад. Государыня туда не ездила. Все сие происходило в пятницу.

На другой день, в субботу, приезжали поздравлять молодых все духовные и светские 5 классов особы. А потом поехали они на княжий пир, в большой зимний дворец, который стол дан был в кавалергардской; и за столом были дамы первых двух классов; прислуживали, по-прежнему, знатные, и производилась пальба из пушек. Вечеру был бал в старой галерее и ужин в новой зале, за фигурными столами, для 4-х классов и чужестранных министров, по билетам. Перед балом, цесаревич и великая княгиня принимали от всех поздравления. В тот же день, в 4 часа, приезжали новобрачных поздравлять в мраморный дворец иностранные министры.

На третий день было отдохновение.

В четвертый день, в 10 часов, съехались все знатные во дворец, и в 12 часов даны были народу жареные быки и виноградное вино. А потом императрица, с цесаревичем и великой княгиней, поехала в мраморный дворец, ибо в

сей день обед был у новобрачных, при пушечной пальбе.

В пятый и шестой день было отдохновение.

В седьмой день, кушала вся императорская фамилия у цесаревича в комнатах, и с нею только те, кои были приглашены от них; а ввечеру был у них в комнатах бал.

В осьмой день было отдохновение.

В девятый день, был обед и подчивание, а потом ввечеру — бал у великого князя Александра Павловича.

В десятый день, что было в мясные заговины, был маскарад для дворянства и купечества.

В одиннадцатый день — отдохновение.

В двенадцатый день, во вторник на маслянице, был бал в старой галерее и ужин, по билетам для 4-х классов и чужестранных министров, в новом зале.

В тринадцатый день, февраля 27-го, фейерверк, на Неве-реке, против зимнего дворца; причем обе крепости и город были иллюминированы.

Сим образом производилось сие торжество; но примечания достойно, что никто, во все сии дни, не был жалован никакими чинами и ничем.

МАРТА 11-ГО

252

Молва о приезде императрицы в Москву (февраль)

Молва, уже несколько раз до сего бывшая и всегда оказывавшаяся пустою и неосновательною, а именно, что императрица будет в Москву, для сложения своей короны и отдания оной наследнику, ею назначенному, возобновилась опять, около сего времени; но, по всем обстоятельствам, была такая же пустая и неосновательная, как и прежде. И Богу известно, с чего это люди брали и разглашали.

253

О недостатке подвод под провиант

Сколько до сего было много охотников возить из Богородицка в Москву кули с провиантом, столько вдруг сделался в них, около сего времени, недостаток: никто не приезжал и не являлся. А как провианта еще много не

перевезено, а путь начинал уже портиться, и от бывших талей снег, во многих местах, с гор сполз, а в вершинах и логах были воды, что более и удерживало всех, то все очень озабочивались о провианте и не знали, что делать. Из Ефремова отправлено еще очень мало, а из Новосила еще и вовсе ничего. Едва ли не завеснует провиант здесь.

254

Еще о персидских делах и шахе

В Москве въявь и все громко говорили, что у нас с персами уже началась война и что были у наших войск с ними многие стычки, в Грузии и где-то; что приехавший в Петербург персидский принц признан императрицею и провозглашен персидским шахом¹ и что скоро оттуда отправится и поедет, чрез Москву, к нашим войскам, туда наряженным; и что они, вступя в Персию, все на его имя отбирать станут. Между тем утверждали, что действительно Дербент и Баку нашему оружию уже покорились и вся побочина Каспийского моря нам уже дружелюбна. Следовательно, если и будет дело, так уже далече и внутри самой Персии.

255

Молва о турецкой войне

О турецкой войне говорили, что якобы она неизбежна и непременно будет и что будто бы за персов; что по последнеписанным известиям в газетах о примирении их с персами, и вероятно, и войска из Польши наши действительно туда подвинулись и стояли в том краю наготове.

256

О Мордвинове вице-адмирале (генварь)

Известно, что всем нашим черноморским флотом командовал вице-адмирал Николай Семенович Мордвинов¹. О сем Мордвинове говорили, что он отменный и великий человек. Поелику отец его был адмиралом, то он почти родился и вырос на кораблях; отменно знает свое ремесло; сидит на

книгах и в науках упражняется, и великий флагман. Некто из друзей его, г. Петров², сочинил ему, около сего времени, прекрасную оду и напечатал только для друзей своих, а не для продажи. Ода прекрасная и без лести и делала честь и сочинителю и предмету.

257

Молва о принятии королем прусским титула короля польского

Глухая молва была и о короле прусском¹; и все опасались, не будем ли мы иметь дело и с ним, по причине будто бы он затеял принять на себя титул короля польского; а сего нам никак допустить не хочется. Но молва сия едва ли не пустая.

258

Молва о короле шведском и разрушении его сговора (февраль)

Приезжие из Петербурга привезли весть в Москву, якобы, вскоре после Святой недели, будет у нас еще свадьба; и что будто двор наш смастерил так, что свадьба и сговор короля шведского¹ на мекленбургской принцессе разрушается, и он вознамеривается, во избежание войны с нами, жениться на нашей принцессе Александре Павловне. Слух — невероятный еще; но диковинка будет на весь свет, ежели сие сделается и если нашей монархине удастся сотворить и сие чудо.

259

О Константине Павловиче (февраль)

Вся Москва наслушана была анекдотами и слухами о великом князе Константине Павловиче. Говорили, что он от часу более выкидывал о себе так называемых штучек: везде ходил переодевшись в простое платье; везде все расспрашивал и выведывал и о всех беспорядках доносил

государыне; и что многие бедные тем воспользовались; и что народ его отменно полюбил; и молва начинала носиться, что в нем не умирал Петр I и что он будет точный он во всем.

260

О катанье Константина Павловича (февраль)

Говорили в Москве, по слухам из Петербурга, будто бы Константин Павлович не успел жениться, как тотчас и сделал уже штуку. Подхватив свою молодую и посадя в открытые сани, один, без кнехта¹, без всяких дальних сборов и церемоний, ну по городу, масляницею, ездить и кататься и всем свою молодую показывать; а народу то и любо было. Сказывали, что сие узнала императрица и ей было неугодно, что он нарушил этикет, так что она не приказала ему, без своего ведома, давать лошадей.

261

Дополнение к анекдоту, описанному выше сего под № 197-м о великом князе Константине Павловиче (генварь)

Об анекдоте известном с деньгами, отданными им отцу своему, о котором сообщено было выше, говорили иные иначе и рассказывали, что будто бы он, переодевшись в простой сюртучок, пришел в военную коллегию и, будучи никем неузнан, нашел там какого-то штаб-офицера или полковника огорченного. Расспрашивая его, узнал он, что он просит пенсию за свою службу и раны, но два года не добывающегося того, не имеющего никакой заступы, ни дядюшки, ни брата. Великий князь соболезнует о нем, говорит, что готов бы ему услужить, но не в силах, однако есть у него знакомый камер-лакей во дворце, у которого он проживает; так он поговорит ему о нем; и чтоб он пришел сам во дворец. На вопрошание — как ему отыскать его, велел он прийти и сказать только у одних ворот часовому, а он ему прикажет уже о себе. Офицер так и сделал: приходит ко дворцу и сказывается часовому; сей тотчас отсылает его к унтер-офицеру, и сей ведет его прямо вверх и во внутренние чертоги. Тот дивится и спраши-

вает: куда он его ведет? «Пойдем,— говорит,— не бойся». Он ведет его далее и далее и в самые комнаты царские; тот пятится, удивляется и запинается; сей внушает в него смелость, и вдруг вводит он его в комнаты Константина Павловича; и он узнает в нем его. Сей извиняется пред ним, что его обманул, и, схватя за руку, ведет его к императрице и говорит: «Вот, бабушка, что у нас делается и происходит: человек, служивший столько-то лет отечеству, израненный, изувеченный, не имеет, чем себя питать, просит пропитания и в два года не добьется и почти по миру ходит». Императрице было сие очень приятно. Она пожаловала тотчас сему человеку пенсию и сделала Константина Павловича тайных своих милостей раздавателем и велела ему отпустить 30 тысяч, для таковых же раздач. И он сию будто деньги отдал своему родителю, и так далее.

Сим образом рассказывали сию историю; но как бы то ни было,— но случай сей и изображение Константином Павловичем всей нужды, претерпеваемой цесаревичем, толико тронули императрицу, что она приказала тотчас отпустить ему 50 тысяч, а иные говорили 500 тысяч. Но что всего лучше, то говорили, якобы сей случай подал повод к примирению бывших несогласий и что, с сего времени, цесаревич сделался несравненно важнее прежнего, как до того было.

МАРТА 12-ГО

262

О болезни императрицы (февраль)

Около сего времени, опять стали говорить, что императрица была больна и что оказалась опять водяная болезнь и вошла уже из ног в живот. Вести сии были крайне всем неприятны и огорчительны.

263

О Потемкине, Павле Сергеевиче, и о сатирах на него (февраль)

Он все еще был болен очень в Москве и отлынивал от суда. Говорили все, что он опился ядом и медленно кон-

чает и умирает. О возражениях, сочиненных на его стихи — «Глас невинности», говорили, что было их три: одно сочинено Державиным и умеренно, а оба другие ужасно едки и дерзки; и что доискиваются, кто их сочинил: дурно уже очень.

О сатирических картинах (февраль)

Никогда не было в народе и в Москве столько едких сатир и пасквилей, как ныне. Вошел и у нас манер осмеивать и ругать знатных картинами. Оне были рисованные и с девизами карикатуры, но так, что, по сходству лиц, стана, фигур и платья, можно тотчас распознавать, о ком шло дело. Все и многие знатнейшие фамилии были перебраны; и начато с главнокомандующего Москвою, г. Измайлова. Он изображен был в своем точном виде, как по утрам сидит в шлафроке; в руки дана ему азбука с указкою, указывающей на литеру «глаголь»; генерал Михайло Львович Измайлов стоит позади с хлыстом и учит будто его грамоте; секретарь предлагает ему бумаги для подписывания, а другой рукой зажимает ему глаза; женщина с мешком денег тут же изображена, подающая оные и старающаяся подкупить.

Другая карикатура изобразила генерала князя Юрия Владимировича Долгорукова¹, во всех его орденах и нарядах, покрытого смурым² кафтаном, сидящего на бочке вина и окруженного подлым народом, которому будто кричит: «Сюда, сюда, ребята! вино дешевое, хорошее. Авось не узнают, что я генерал». Друг и сообщик его, князь Сергей Сергеевич Гагарин³ выгребает у него из под ног деньги. Оба сии наказаны по достоинству.

Третья карикатура изображала графа Орлова (Чесменского), гонящего своих лошадей и занимающегося сим делом, с надписью: «Гоняю лошадей, могу гонять и людей»⁴.

Сим и подобным тому образом изображаемы были многие и другие из знатных, отличавшихся какою-нибудь особенностью; и более сорока фамилий сим образом разруганы. О всех сих карикатурах говорили, что они якобы присланы были из Петербурга и продавались в нюрнбергской лавке; и всех их с строгостью отыскивали и отбирали.

О дороговизне хлеба на Морше в Тамбове (генварь)

Никогда еще в Морше так хлеб дорого не был, как ныне. Цена была самая тульская: рожь продана по 3 рубля по 50, 60 и 70 копеек, но крупа почти в 4 рубля. Причиною тому наиболее недород в тамошних местах ржи.

О московских торжествах бракосочетания великого князя Константина Павловича (февраль)

Москва при сем случае старалась возможным образом ознаменовать свое усердие к императорской фамилии. Известие об оном получено 23 февраля, но празднества начались 25 или в понедельник на маслянице. В сей день было торжественное молебствие в соборе, при пушечной пальбе; была превеликая церемония: служили три архиерея, множество архимандритов; вся знатность была тут; проповедь сказывал Амвросий, иеромонах академический, и проповедь была прекрасная. И в сей день был весь город иллюминирован; но по несчастью мешал ветер.

На другой день праздновали купцы свой праздник: они обвенчали 24 свадьбы еще в воскресенье, и сии дни молодые праздновали по домам; а в сей день, в палате шести-гласной думы, дали они всем сим новобрачным обед славный, на серебряном сервизе; все были убраны и одеты; множество было зрителей знатных. После обеда они угощали гостей, и был ужин; а при роспуске каждому дано по 10-ти рублей награждения; а обедало около 100 человек, ибо каждой паре дано было позволение привести еще пару. В сей же день выкупили купцы 150 человек, сидящих в тюрьмах за долги, не свыше 300 рублей.

В среду был обед и бал у графа Алексея Григорьевича Орлова, и после фейерверк славный и прекрасная иллюминация. Стечение народа было превеликое. Лошади взбесились и наделали кутерьму: одну боярыню задавили; она, испугавшись, выскочила из кареты и попала под лошадей.

В четверг было отдохновение и было благородное собрание в клубе.

В пятницу — обед и бал у наместника; а ввечеру весь

Кремль был иллюминирован более нежели 70 тысячами площадок; и перед Кремлем, на Москве-реке был хороший фейерверк, и тем празднество сие кончилось.

Словом, праздник был очень хороший, и как присовокупились к тому и прочие масляничные увеселения, то такой масляницы никогда в Москве не было, и все завеселилось в прах.

267

О театрах московских

В Москве, около сего времени, было 15 театров, из коих только один был большой, всенародный, а прочие все частные, в домах. Многие из богатых щеголяли и проматывались на них. Славнее всех был из них театр графа Шереметева; после него — князя Волконского; там — Столыпина и прочие. Некоторые из прочих были театрики маленькие, и на них играли очень хорошо. На большом же славились актеры: Померанцев, Лапин, Шушерин, Ожогин.

268

О музыке в Москве

Музыка в Москве очень была в моде. Считали до 10 тысяч всех музыкантов, и во многих домах были прекрасные музыканты и виртуозы. В особенности щеголял музыкою генерал Гаврило Ильич Бибииков. И музыка доводима была до совершенства: множество музыкальных лавок и с продажными нотами свидетельствовало в том.

269

О славном московском проповеднике

Из всех проповедников славился около сего времени, в Москве, молодой священник в церкви Ивана Воинственника¹ Матвей Михайлович. Со всех сторон приезжали его слушать, и он был модный; но знающие дело сие дивились, что он более был славен, нежели то заслуживал: проповеди

его не наполнены были ни красноречием особым, ни говором хорошим; он читал их более, и всякое слово только, как молотком, пригвазживал; впрочем, были очень сухи. Но характер сего священника хороший, жития очень хорошего, и дохода получал множество, и на досуг ездил по домам учить детей закону.

270

О денном маскараде (февраль)

Доселе наивеличайший маскарад в Москве бывал на маслянице, в пятницу; а ныне более славился денной¹, в воскресенье: все знатные и наилучшие люди на оный съезжались, и он был достопамятнейшим.

271

О скупании хлеба князем Гагариным (1795)

Князь Сергей Сергеевич, сей сильный богач, не преставал по-прежнему ковать себе разными образами деньги и подавать повод смеяться своему ремеслу. В последнюю осеннюю ярмарку, в городе Ефремове, где он был откупщиком, приезжал он туда и, смолвившись с друзьями своими, такими же жидами и проходимцами, Темешовым и Иваном Борисовичем Игнатьевым, хотел было насильно унизить цену хлеба и приневолить народ продавать его себе дешево. Они сговорились не давать более полутора рубля за четверть и грозили купцам, чтоб они не покупали дороже. Однако сии не испугались и продолжали скупать, и чрез это самих их наконец принудили заплатить себе по три рубля за четверть. Все происки и хитрости мерзкие и гнусные, нимало ни с порокою, ни с чином его несогласные. Он таскался по ярмаркам и по рынкам как и терпел всякую нужду и беспокойство, для наживы еще множайших тысяч.

272

Об архимандрите Донского монастыря

В Москве, в сие время, славился в особливости смиренною и благочестивою жизнью старичок-архимандрит Донского монастыря.

О молве, что игроки простятся (февраль)

В Москве, в сие время, носилась молва, что в мае выйдет манифест, и все сосланные игроки будто будут прощены. Говорили, якобы у некоторых был уже и сей неизданный еще манифест; но явная была то ложь.

О пензенском купце и славном богаче Злобине

В России, а особливо в столицах и самом Петербурге, славился, около сего времени, великим богатством своим один пензенский купец, Василий Алексеевич Злобин¹. История его достопамятна и достойна быть записана в летописях российских. Следующее взято и пишется на собственном его самом о себе рассказывании.

Отец его не что иное был, как экономический крестьянин в пензенском наместничестве; но имел как-то счастье столько разбогатеть, что обоим своим сыновьям оставил по себе 6 000 рублей, кои они после смерти его разделили между собою по 3 тысячи, и разошлись врознь от своих жен, не могущих ужиться вместе. Сей продолжал быть крестьянином, был даже сам головою крестьянским, потом в городе Питере торговал разною мелочью, в лавках; продавал всякую посуду, харч и прочие неважные вещи; но был так счастлив, что через год увидел себя в 5 тысячах. Потом отважился он снять какой-то подрядец небольшой, который ему так удачен был, что он при конце года увидел себя в 15 тысячах. Сие побудило его снять еще какой-то подряд поболее, и сей был ему еще того счастливее, и так что он, чрез другой год, увидел себя в 50 тысячах; и как мог он иметь у себя верных приказчиков, то с того времени пошел он торговать, входить в большие подряды. Его взяли в часть откупщики петербургские, и он стал ворочать и так проворить, что в 17 лет нажил более 2 миллионов и был в состоянии пожертвовать 80-ю тысячами, для получения себе только медали. Был какой-то важный подряд поставки провианта; все торговавшие просили дорого: он приходит к г-ну Новосильцову и говорит, что он из всех просимых цен готов взять 80-ю тысячами и менее, если только государыня

пожалует его золотою медалью, для ношения на голубой ленте. Г. Новосильцов подавал о сем записку государыне; и медаль ему золотая действительно дана, и он ее на голубой ленте носит ныне. И так богат, что, помышляя несколько раз о пресечении своих промыслов и торговли, говаривал, что не может отстать от них по одной только привычке; а то может он, совсем более не трудясь, получать ежегодного дохода по 90 тысяч. Достопамятно, что, при всем таком богатстве, ходит он все еще в русском платье и в бороде, а жена его в превеликом кокошнике и телогрее, хотя все сие залито золотом и усыпано премоножеством больших драгоценных камней и самих солитеров-бриллиантов. Кокошник у нее так велик, что в двери пройти не может, а входит она боком; а бриллиантов у нее так много, что унизана ими даже телогрея, и в сем одеянии своем она сущая шутиха. Сам он, хотя очень умен, но дурен, толст, красен, кос и при том еще превеликий заика. Можно сказать, что счастье было слепо и нечаянно на него набрело. Впрочем, он сам о себе говорит, что в обоих тамошних наместничествах нет его богаче. И сей человек и поныне все еще занимается разными подрядами и поставками; и в Петербурге всем знатным очень знаком и ими, по богатству своему, любим и почитаем.

275

О Мацневе, славном хлебопашце

Лет за 25 до сего, из всех российских экономов никто так славен не был, как г. Мацнев, по имени Спиридон Тимофеевич, орловский помещик. История сего человека также достопамятна и достойна записана быть в летописях.

Он породю свою происходил из однодворцев и был не что иное, как секретарь в орловской провинциальной канцелярии, в которой должности был он 18 лет; не хотел и не добивался никаких чинов, но умел столь много отчасти наворовать, отчасти действительным и славным своим хозяйством и хлебопашеством, в немногие годы, нажиться и разбогатеть, что накупил себе более 6 000 душ и имел лесную дачу, в 18 тысячах десятин состоящую. Хозяйство его было действительно славное и безпримерное. Он ведал существенно состояние всех своих крестьян, самые их нужды были ему сведомы; ни один крестьянин не должен был ни

за чем ездить в город, но у него все нужное было для них продажное; все и все у самого его покупали. На полях он встал и лег, смотрение было ужасное, и самым тем отменным рачением своим столько он прославился, что повсюду называли его первую хлебную маткою. Но что же он сам был, при всем своем превеликом богатстве? — мужик высокий, с лысиной во всю голову; ходил в простейшем платье, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками; морил себя голодом. Наилучшая езда его на поле была в холстинном халате и облитом масляною краскою, на седле трех денег не стоящем. Сего довольно для описания его наружности. Что касается до нравственности, то она была еще хуже: он притеснял всех и гнал ближних своих родных варварски, был сущий бездельник. Да и ждать хорошего ничего было не можно.

Чем же все сие кончилось? — все не пошло впрок! — Был у него сын один; но и тот при нем еще умер. Теперь остался один внук, который, хотя к богатству сему присовокупил было еще больше, женившись на родной сестре Ланского, бывшего славного любимца¹, и во время самого случая², но всего сего бесчисленного богатства не стало ему и на немногие годы: он все оное промотал; ныне за ним осталось только душ 400, а долгов на нем более, нежели все имение его стоит. Он и теперь еще прокурором губернским в Орле. И так все пошло хинею³.

276

О возвратившейся зиме (марта 13-го)

После бывших великих талей и начала повреждений путей и уже после сороков¹ возвратилась зима и стужа; 10-го, 11-го и 12-го была мятель и жестокая стужа и не походило на весну, а равно как посреди зимы. И 13-го числа было холодно и мятельно.

277

О нижегородском вице-губернаторе, князе Долгорукове

В Нижнем Новгороде был, около сего времени, вице-губернатором некто князь Долгоруков, полковник, Василий

Иванович. Он прославился и сделался даже в самом Петербурге известен. Но чем же? — странною и необыкновенною выдумкою, — сочинением самому к себе фальшивых писем, будто все от знатных и сильных и, между прочим, от самих любимцев и фаворитов государыни, писавших якобы к нему с каждою почтою и просящих его то о том, то о другом по тамошнему наместничеству. Он показывал товарищам своим в казенной палате, но не всем, а кому судил за лучшее, вскользь сии письма, устроая дело сие так, что будто бы они при них к нему присланы были. Читая, пожимал плечами: «Вот просят!.. вот велят, вот то-то и то-то сделать!.. Как изволишь ослушаться? как не сделать? — хоть не хочешь, а делаешь». А все было плутовство, все притворство, все мошенничество, все обман! И ему удавалось чрез сие убеждать своих сочленов и производить многие странные дела по тамошней губернии и наживаться по многим обстоятельствам. Некогда вздумалось ему, пользуясь сею же необыкновенною уловкою, съездить посетить и обобрать находящиеся там раскольнические в лесах скиты. Он выдумал и написал сам к себе письмо якобы от Зубова, в котором писано было, якобы дошел до государыни слух, что у них в губернии есть скиты раскольнические, и что они распространяют свою секту и делаются опасными, и что ему препоручается втайне постараться о укрощении оных. Он действительно отправляется сам туда; записывает свой отъезд; приезжает туда, нагоняет на раскольников страх и ужас, схватывает с них несколько тысяч и соглашается будто им попотворить и всего не следовать, а советует быть помирнее. Дело сие после открывается, и публично говорят и сказывают о том самому Трощинскому¹ в Петербурге. Вот какие люди! и в чем и чем не затевают промышлять и чем и чем не наживаться!

278

О пропаже у г. Разумовского 20-ти тысяч душ без вести (1795)

К числу странных московских происшествий принадлежит и пропажа целых 20-ти тысяч душ у нашего богатого, старого вельможи, графа Кирилы Григорьевича Разумовского¹. Известно, что он имеет многие тысячи душ за собою и целые сотни тысяч, а особливо в Малороссии, но сам

худой хозяин, да и разума не очень пылкого; господа управители хозяйствуют над ним, по своей воле, и наживаются страшным образом. А сим образом и пропало у него как-то, между четвертою и пятою ревизиею ровно 20 тысяч душ, но сделано сие так искусно и скрыто, что по множеству деревень и дознаться было не можно, ибо пропали они не в одном месте, а понемногу в разных местах. Только хватились,— ан 20-ти тысяч нет! Думают, что смастерил сие его управитель, снюхавшись с его любовницею, какою-то графиней, и что они улетели к ним обоим. Вот каковы у нас знатные наши лорды и бояре!

279

Анекдот у Разумовского с бедняком

Вышеупомянутый наш большой боярин и старинный фельдмаршал Разумовский, сколь был ни прост и как ни считали его многие дураком, однако имел доброе и к благодеянию очень склонное сердце. Около сего времени произвел он одно дело, которое может почестся прекрасным анекдотом. Какой-то бедный дворянин жил в соседстве его какой-то отдаленной и в 200-х душах состоящей деревне, где имел он своего управителя. Управители знатных господ имеют, как известно, везде обыкновение обижать и теснить своих соседей, а особливо бедных. Понадобились ему какие-то 10 или 15 десятин, очень нужных тому бедняку дворянину. Он выжучивал, выжиливал их от него, и не только отнял, но и всячески еще и так несносно утеснял и обижал, что сей принужден был наконец писать к графу и просить его на управителя; но письмо его было перехвачено и до графа не дошло. Он писал ему вторично, и то пропало; он писал в третий раз, и то не дошло. Сие принудило его самого в Москву приехать. Он хотел было идти к графу; но тут все уже его знали, и все настроено было так, что его никак до графа не допускали и вон-таки выгоняли, сколько раз он ни приходил к графу. Наконец, вышед он из терпения, решается на отважность: выжидает такое время, когда граф сидит под окном или подле окна; он бросается с улицы к окну, выбивает окно и подает ему челобитную. Граф спрашивает его, что тому причина. Он сказывает всю свою нужду и то, что его никак не допускали. Граф прочитывает, расспрашивает его обо всем и велит ему приходиться через

3 дня, за приказом в ту деревню. Он говорит, что его не пустят. Он велит стучаться и греметь и кричать, чтоб он только услышал, а то он велит уже его впустить. Офицер приходит, его не пускают действительно; он поднимает гвалт, кричит, вопит и делает так, что граф, услышав, спрашивает, что такое. Ему сказывают, что какой-то бедняк лезет. Граф велит впустить и тотчас отдает ему бумагу, сказывая, что это приказ в ту деревню и чтоб он шел и был спокоен, ибо он будет удовлетворен совершенно. Бедняк кланяется и отходит и, пришед домой, из любопытства рассматривает, что за приказ. Но как удивился он, увидав, что то была крепость и купчая на самую ту всю деревню ему. Он не верит сам себе, думает, что то сон; бежит назад к графу, упадает к нему в ноги. «Помилуйте, что такое?» — говорит. Граф говорит, что для него деревенька сия ничего не значит, — она отдаленная, — а его она может осчастливить. «Умилосердитесь, — говорит тот, — возьмите хоть управителя вашего назад». — «И того таки не надобно. Я и его тебе отдаю в руки; а ежели похочешь, то ты сам можешь с ним что хочешь сделать, хоть на волю отпустить». Вот пример, достойный вечности и составляющий бессмертный монумент сему глупому боярину; и двадцать умненьких того бы не сделали; а он великое дело сделал и славное.

280

О Мусине-Пушкине, другом богаче (февраль)

Сей составлял истинный контраст предследующему. Он был сын графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, богат и пребогат сам по себе; а женившись на единородной дочери графа Брюса, сделался еще того богаче и получил за нею 12 тысяч душ, а за собою имел более 20-ти тысяч. Но как же он проживал свое богатство? Он был во всех щегольствах и во всем луксусе [?] первый во всей Москве. Никто не равнялся с ним ни в экипажах, ни в нарядах, ни в образе жизни. Одному управителю давал он, в каждый месяц, по тысяче; а сыну управительскому дал на одне лакомства и увеселения 3 тысячи. Вот примеры нынешней расточительности!

О великом луксе и расходе всему

В некоторых домах, в Москве, одних свеч в сутки сожигалось 6 пудов, а дров — целых 10 сажень, для единого истопления всех печей. По сему можно уже судить, сколь великому надобно было быть дому.

Анекдот о Константине Павловиче

Недавно, ходячи по дворцу, увидел он одного молодого, вытянутого, распудренного, шарфом украшенного и по сему наружному виду бравого и собой прекрасного молодого офицера, ротмистра какого-то конного полка. Полюбовавшись видом его и говоря: «Вот бравый молодой офицер!» — подходит он к нему, спрашивает, которого он полка, и потом вдруг его спрашивает: небось он очень хорошо умеет ружьем делать; и, не дожидаясь ответа, приказывает часовому подать ружье и заставляя его делать экзерцицию¹. Но офицер отмалчивается и пьтится и отнекивается. Тот удивляется и привязывается к нему еще более; тот отнекивается и стыдится сказать, что не умеет; но наконец принужден сознаться, что он вовсе ружного дела не умеет, и по вопросу почему? выводит наружу, что он вовсе не служил, что он из купцов и что чин сей получил чрез деньги. Великий князь, услышав сие, бежит к государыне, пересказывает все сие; государыня принуждена приказать произвести строгое исследование, каким образом сей произошел, не служа, в офицеры и при том еще из купцов.

О тульском экономии директоре (февраль)

Вновь определенный и пожалованный экономии директором, Александр Дмитриевич Хрущов был не лучше прежних. Он не успел войти в свою должность, как и загремела об нем слава, что он стал драть со всех немилосерднейшим образом; и в короткое время столько уже успел нахватать,

что затевал уже себе купить дом в несколько тысяч рублей. Переменил везде голов и везде писарей; и те и другие должны были ему давать; придирался ко всему и везде и все отыскивал, чем бы нажиться и заплатить то, что ему сей чин в Петербурге стал. Говорят, что он, вместе с губернским прокурором Верещагиным, с славного дедиловского головы, из плутов плута, Чекмазова, сорвал по 1 000 и защитил его от суда; однако никак не мог уберечь его, чтоб он не попал в уголовную палату, под суждение. Итак, кого ни пожалуй в директоры, все будут хороши.

284

О перевозке провианта из Ефремова (март)

Как в сем перевозе не было никакого успеха, то приезжал сам директор домоводства и всячески старался однокорпусов и экономических уговорить. Поили мужиков вином, уговаривали и почти силою принудили по 1 р. 25 к. за куль. Мужики друг другу давали сплату и помогали.

285

О пензенском вице-губернаторе Долгорукове-Губане (февраль)

В сие же время был и в пензенском наместничестве вице-губернатором князь же Долгоруков, но бригадир, по имени Иван Михайлович, по прозвищу Губан, потому что у него нижняя губа очень выставлялась вперед и была велика. Сей также на проказы был ходок и по нынешним провиантским делам и подрядам для перевозки что-то напакостил, так что на все государство разруган от сената.

286

О сгорении винного завода у Верещагина

За несколько дней до сего у губернского тульского прокурора, славного проходимца Верещагина, разбогатевшего в немногие годы и правыми и неправыми путями, а более

от винных заводов и участия в откупях, сгорел его винокуренный завод; и сделало ему расстановки до 16-ти тысяч: тысяч на 6 всего сгорело хлеба, посуды, строения, а на десять претерпел он убытка по поставке, ибо лишился сего куска, не могли подряженного уже вина выставить. Сгорела у него также и ветчина вся коптившаяся: он выкормил было на заводе 30 свиной и, посолив их, коптил. Все сгорело и уничтожилось. Сей пример доказывал уже непрочность сего промысла.

287

О возвратившейся зиме (март)

Зима возвратилась, и погода настоящая зимняя. Всякий день заметь и мять; дороги испортились от снега; тройкой ездить нельзя было, а большие дороги ухабисты. И похожего не было на приближение весны нашей.

288

О «Водопаде» державинском

Около сего времени носилось в народе прекрасное державинское стихотворение, под именем «Водопада», сочиненное на случай кончины князя Потемкина¹, где он изобразил и Румянцева² и сего вождя приличными им красками; также и красу славного нашего водопада в Олонецком уезде. Сочинение прекрасное.

289

О сочинении «Человек»

В сие же время носилось и другое, его же Державина, и прекраснейшее новое стихотворение под названием «Человек»: короткое, поразительное.

О еженедельнике петербургском «Муза» (генварь)

В Петербурге некто господин Мартынов с товарищами выдавал в сей год новое ежемесячное, периодическое сочинение, под названием «Муза». В сравнении с московским журналом, выдаваемым при газете, было сие очень дорого. Оно наполняемо было стихами и прозаическими пьесами; и те и другие были хороши, но не все, находилось более сантиментального; началось путешествие Филоново; а что всего лучше,— были тут и стихотворения державинские.

О упадке в Москве танцев (февраль)

Особливого примечания достойно было, что всю зиму, в Москве, в публичных собраниях, в клубе и в маскарадах, а особливо на сих последних, вовсе почти не танцевали. Презирали даже тех, кои затевали иногда танцы. Самая музыка вовсе стала и часа не играла. Плясывали иногда по-русски; но и тут с топаньем и кричаньем, и дурно; менуэты давно брошены; польские — так, схватясь рука с рукою, и пары четыре или пять друг за другом ходили, а контротанцы — разве при разъезде, и то небольшие и немногие. Словом, вышел контраст против прежнего; и танцевание не в моде и употреблялось на одних только балах в домах; и танцмейстеры сделались не таковы важны, как были прежде. Танцующих называли деревенщиной. И собрания скучные.

О Кротком (15 марта)

Из всех известных у нас наиболее экономов никто так в сие время не славился, как некто господин Кроткой, низовой помещик. Говорили, что он превеликий эконом и в короткое время хозяйством своим нажил великое богатство и многие тысячи душ. Но для многих удивительно было и непонятно, как бы можно прямою и честною экономиею, без всяких побочных источников богатства, скоро разбога-

теть. То по крайней мере известно, что сей эконом был только экономом для своего кармана, а не для соотчичей своих и отечества; не было от него ни одной строчки о хозяйстве его сообщено свету. Итак, от экономов таких невеликая польза!

293

О сочинении «Пострижение овечки»

Около сего времени летало по народу сочинение еще в стихах, под названием «Пострижение овечки». Говорили, будто сочинено оно очень замысловато и хорошо.

294

О продолжающейся стуже (март)

Как ожидалось, так и делалось. Применившиеся к погодам предвозвещали, что бывшие оттепели и ранние тали заменятся стужами при конце зимы. Так и делалось: время теперь уже к тому, чтобы быть таям и приближению весны, а у нас и похужего на то еще нет: продолжалась стужа и совершенная зима; и что всего удивительнее, то и самых грачей еще не было, хотя б им давно прилететь надлежало. И по всему видимому зима продлится за Благовещение.

295

О сочинении «Немогузнайка»

Говорили, что есть еще прекрасные стихи, сочиненные в честь Суворова и в некоторое оправдание нелюблениа его, если кто скажет: не знаю или не могу сказать. Говорили, что в оном очень много хорошего сказано относительно к нашей молодежи.

296

Об издателе журнала московского под названием «Полезное препровождение времени»

Журнал сей продолжался и в сей год, но издатель был уже другой, а не прежний г Подшивалов, определившийся

ныне цензором в воспитательный дом, а некто из университетских профессоров, г. Сахацкий. При начале казался он несколько в приятности уступающим, но после час от часу становился лучше. Явились хорошие сотрудники, и стали появляться прекрасные сочинители; а что всего лучше, то не было в нем ничего соблазнительного, а, напротив того, много набожного и сентиментального. Некто господин Ханенко в особенности отличался прекрасными набожно-чувствительными и очень хорошими сочинениями, каких у нас по сие время еще не доставало. И все желали, чтоб оный и далее таков же хорош был.

297

Слухи о войне шведской (17 марта)

Приезжие из Петербурга и знающие сказывали, что недавно приехал из Швеции курьер к шведскому резиденту, с какими депешами неизвестно, а то только вышло, что на другой же день отдан был от императрицы всем гвардейским полкам приказ, чтоб из каждого полка по одному батальону были б совсем в готовности к походу, дабы, в случае повеления, могли б чрез 24 часа выступить. Из чего заключали, что у нас с шведами несогласно и что война с ними неизбежна. И уже говорили и о предводителе сею армиею, но в людях ошибались и говорили разно: иные утверждали, что пошлется Николай Алексеевич Татищев¹, а другие назначали к тому г. Кутузова, Михаила Родионовича², правящего кадетским корпусом, и более думали, что будет сей главным командиром.

298

Об отъезде Суворова из Петербурга (март)

Приезжие из Петербурга за верное сказывали, что Суворова не было уже в Петербурге, но будто бы он поехал и поскакал к турецким границам, где обстоятельства становились отчасу сомнительнее. Турки делали страшные вооружения; и многие не сомневались почти, что и с ними вскоре начнется война и что армиею против их командовать будет Суворов.

О проезде свиты Зубовской в Персию и в армию

К персидским границам и для командования назначенным в Персию корпусом, в 30-ти тысячах состоящим, проскакал чрез Коломну славный наш генерал Зубов, Валериан Александрович, безногий. Сперва ждали его по воронежской дороге, и во всех станциях выставлено было по 60-ти лошадей из ближних селений; и для учреждения оных присланы квартальные офицеры из Тулы, и весьма строгие и такие приказания были, как бы ехала сама государыня. Однако здесь проскакали только свиты его некоторые молодые генералы и провезли в двух партиях казну: сперва 200, а потом 400 тысяч, на курьерских лошадях и с такою поспешностью, что велено, в случае нужды, брать встречных и поперечных. Выпрягли где-то из-под самого обер-прокурора сенатского, г. Мясоедова, 8 лошадей из-под кареты. Словом, скакали все сломя голову к Кизляру и спешили поспевать к открытию кампании, где слух носился, якобы наши бомбардировали Дербент, и куда скоро повезут и молодого, нами признанного, персидского шаха.

300

О назначении одного батальона из Москвы в Персию (март)

Война персидская и предводительство Зубова были так лестны, что многие офицеры шли и метались своею охотою и хотели туда ехать. В Москве более 200 охотников было, просивших Зубова взять их с собою, и он им был уже и не рад! А таким же образом и один из батальонов, бывших в Москве,— или паче начальник его,— выпросился с ним служить, и говорили, что оный отправится из Москвы водою на судах, до самой Астрахани.

301

О состоянии здоровья императрицы (март)

В контраст прежней молве о болезни государыни, рассказывали приезжие вновь из Петербурга, что государыня

находилась в совершенном здоровье и что в последний день масляницы изволила кататься в санях по Петербургу.

302

О занимании Зубова и генерал-прокурора (март)

Тоже приезжие из Петербурга рассказывали, что все вельможи заняты в Петербурге важными заботами; и генерал-прокурор всякий день у Зубова, который ныне в великом уважении; и что более всего озабочиваются по провиантским делам. Видно, что чувствуют уже плоды своей неосторожности и боятся, чтобы не поморить войск с голоду новым своим провиантом.

303

О начале весны и конце зимы

Зима наша и хороший зимний путь продолжались в сей год до 17 марта. И тут вдруг и наискоропостижнейшим образом сделалось тепло, переменялась погода: прилетел теплый ветер; снег размяк и тотчас, и с такою скоропостижностью, стал везде претворяться в воду, что к вечеру уже потекла с гор вода. Итак, поутру сего дня была совершенная и холодная зима, а ввечеру уже было начало половоди.

МАРТА 18-ГО

304

О первом громе в 1796 году

Вчерашнее тепло не только не уменьшилось, но 18 числа поутру был уже и гром, три раза довольно громкий, и тучи то и дело с дождями; отчего молодой и рыхлый снег так скоропостижно растаял, что в сей день к вечеру была уже везде вода, и путь зимний, бывший до сего очень хорошим, в один день и час рушился, и вся езда остановилась.

О захваченном половодью недозезенном провианте

Сделавшееся скоропостижно разрушение пути воспрепятствовало перевезть весь провиант из богородицкого магазейна в Москву; и более 1 000 кулей осталось онаго здесь. А последний обоз, отправленный вчерашнего дня, едва ли уже и дойти может, ибо половодь захватит его на дороге.

МАРТА 19-ГО

306

О половоди рановременной

От продолжающегося тепла снега столько растаяло, что 19 числа поутру была молния и густейший туман; а к вечеру вдруг привалила страшная и такая вода, что подобной никто лет за 30 не помнит. Многие мосты и мельницы переверкало и переломало, и путь рушился совершенно; и не можно изобразить, какую сделало сие всему остановку и помешательство. Никто не думал, не гадал; вдруг подкралось, и вода большая сделалась слишком рановременно. Двумя неделями не угадали!

307

О Маврине и его комиссии

Слух тот подтвердился, что отправлен в Вятку комиссионер, для исследования тамошних бездельничеств губернатора и директора и грабительства; но разница только та, что не два сенатора, а один туда отправлен и уже ныне находился там. В дополнение истории сей слышно было следующее еще:

У вятских господ правителей и начальников затеяно было, в самом деле, уже непутное и чрезвычайное. Грабительство сие над тамошним бедным народом было беспримерное и выходило уже из границ. Более 400 тысяч находилось там государственных крестьян, бессловесных и беззащитных. Они ограбляли их как хотели. Кружки при

рекрутских наборах сделаны были действительно, и собиралось по 3 рубля на губернатора, по 2 на вице-губернатора и по 1 на директора; сверх того сему последнему, сговорившемуся жениться на губернаторской дочери, собрано было на свадьбу по 15 копеек; и того составилось ровно 60 тысяч. Вот главные черты, умалчивая о прочих. Губернатор был генерал-майор, или действительный статский советник, Федор Федорович Желтухин; вице-губернатор — бригадир Петр Абросимович Горихвостов; а экономии директор — надворный советник Яков Алексеевич Голохвастов; все — кавалеры владимирские. Словом, все грабили страшным образом и наживались. Самые исправники наживали там тысяч по 30, коих и определение одно становилось тысяч по пяти. Со всем тем и господам главным не давалось сие даром: они сами принуждены были вышних над собою и весь Петербург закупать. О губернаторе говорили, что он всякий год цугов по 12-ти посылал наилучших лошадей туда для подарков, умалчивая о прочем, а экономии директор там и жил по несколько месяцев, а особливо для разнюхивания, нет ли каких просьб и для уничтожения оных; но всеми предосторожностями своими не могли успеть. Собралась шайка доносчиков на них. Какой-то мужичок, долженствующий по какому-то подряду заплатить 15 тысяч, был как-то уже слишком угнетен и, собрав партию из 6 человек, поехал просить самую императрицу. Некто купец, прозванием Головизнин, предводительствовал ими. Директор, живучи в Петербурге, пронюхал сие и уже успел пятерых мужиков перехватить и в кибитках отправить из Петербурга. Сам заводчик был уже пойман и схвачен, коему, к несчастью их, удалось уйти. Он написал письмо к императрице и из предосторожности два: из них положил одно подать государыне, а другое, для предосторожности, — послал по почте. Для подачи государыне помянутый мужик искал случая, при помощи того купца, у некоего г. Арбузова, коллежского советника и кавалера, Петра Антоновича, находящегося при кабинете, для рассматривания счетов, который, видно, был ему знаком и чрез коего старался он наперед мужика с директором примирить. Сей Арбузов приехал к директору Голохвастову и говорит, что поэлику он знал его отца, когда он был при фарфоровом заводе, то хочет его остеречь, что готовится на него страшная просьба, и что нельзя ли затушить сего дела мировую, и что-де просят только за то десять тысяч. Он обещал даже ему достать прочесть и самую просьбу сию. Да и действительно

то сделал; но он, прочитав и списав ее, как-то поупрямился и не согласился, и вместо того чтоб помириться, поехал с жалобой о том к генерал-прокурору, который, как подозревать было можно, держал его сторону и ему некоторым образом покровительствовал. Сей вступился было горячо, велел подать к себе обо всем том письменное объяснение и хотел ехать к императрице и обо всем ее предварить. Однако г. Голохвастов раздумал сие делать, видно чувствуя свою неправость. Между тем крестьянин нашел средство доставить письмо и просьбу сию до рук монарших: он съездил в Софейск¹ и там отдал оное на почту; и оное дошло до императрицы. Сия, заставив читать оную господина Трошинского, поразилась всеми прописанными в письме том грабительствами и, прогневавшись на всех вятских начальников, вознамерилась послать туда, для исследования сего дела, сенатора; но недоумевала, кого бы назначить к сему делу из сенаторов повернее. При вопрошании о том господина Трошинского, сей отважился предложить ей господина Маврина², бывшего до того генерал-провиантмейстером. Он хотя и знал, что императрица была тогда, по какому-то случаю, не весьма выгодного о нем мнения, да и вся публика не весьма хороших была о нем мыслей и почитала его корыстолюбцем и не совсем хорошим человеком,— но и то было о нем известно, что его ничем не можно было подкупить, и он шел прямою дорогою, и его уже ни в чем не перепретишь. А в сходствие чего и сказал он императрице, что она, может, имеет свои неизвестные ему причины к невыгодному о нем мнению, но он другого способнейшего к тому не находит; и монархиня, согласясь на его предложение, и повелела написать ему указ. В самое то время, как он от нее вышел, приезжает генерал-прокурор, за которым было посылаемо, и входит к государыне. Она гневалась на него за такие в губерниях беспорядки и сказала, что она избрала, для исследования сего дела, Маврина. Генерал-прокурор поразился, сие услышав, и, вышедши, не мог довольно изъявить господину Трошинскому своего удивления о том, что государыня сама, говоря дня за три до того весьма худо о Маврине, вдруг теперь избирает его к тому; а того более еще удивился, когда услышал, что ему уже велено и указ о том написать. Но как бы то ни было, но г. Маврин получил сию комиссию и тогда же, начав тут дело сие следовать, открыл многое о господах Арбузове и Голохвастове и, сделав о многом монархине донесение, при конце онаго упомянул: два-де коллежских советника, оба —

кавалеры владимирские, оба — готовые вступить на высшие степени, вот чем занимаются.

И о сем то господине Маврине, Савве Ивановиче, было теперь известно, что он отправлен в Вятку, с двумя статскими советниками; и дана ему великая и такая власть, что он может там кого хочет от места отрешать и других на те места определять; и что для самого того приданы ему и товарищи его, чтоб мог он ими те места занять. Самого губернатора, г. Желтухина, дана была ему воля отрешить от команды, если найдет он за нужное. Говорили теперь, что он и находился уже давно там и что везде деланы были ему великие и торжественные встречи. В Казани, выезжал сам губернатор встречать его за город; также явились к нему и все тамошние межевые; и оних рассказывали следующий анекдот. Он спросил их, что они делают? — Господа межевщики: межуют-де. «А зимою-то что?» — спросил далее г. Маврин. — Чертят-де в чертежной. «Ну, ну, — сказал он сим господам, — чертите, чертите! но не долго вам так-то чертить!» — давая тем разуместь, что черчение он разумеет совсем иное. И они все весьма от того задумались. Далее рассказывали и еще один случай, а именно что он, едуци из Казани, наехал в каком-то селе на охоту губернаторскую, в 500 собаках состоящую, и, при расспрашивании, услышал, что нынешнюю зиму была очередь за сим селом кормить и содержать всю сию огромную губернаторскую охоту, а до того кормили ее другие села. Одно к одному! А что там будет, уже неизвестно. И все теперь ожидали с любопытством, чем важное сие следствие и дело кончится.

МАРТА 20-ГО

308

О межевании на Низу (1795)

По носящимся слухам и по рассказываниям приезжих с Низу, не можно изобразить, как господа межевщики воровали и ограбляли там всех по межеванию. Народ там глупый и невежда; и дворяне с межевщиками, одни сии, что хотели то делали: бедных простаков ограбляли и обманывали. А все проклятая корысть!

Слух о персидских делах

Некоторые около сего времени говорили, будто бы персиянам удалось взять у нас какой-то городок, неподалеку от Астрахани. Но слух сей был сомнительный.

Слух о милостивом указе

Приезжие из губернских городов распускали слух, будто есть какой-то уже милостивый указ; но достоверного не было еще ничего известно.

Об остановившейся половоди

Вода была хотя и превеликая, поломавшая мельницы и мосты, и всковеркавшая лед на реках, и разрушившая весь путь,— но продолжалась самая большая только несколько часов или полсутки; а там она тотчас уменьшилась и сделалась уже гораздо меньше. Тепло и таль продолжались и в сей день.

МАРТА 21-ГО

О восстановившейся стуже

В ночь под 21 число, сделался опять мороз и застудило, и вода остановилась, но путь испортился и поля почти оголились. Днем хоть и таяло, но мало, а в последующую ночь пошел опять снег и шел всю ночь и всю землю укрыл; и казалось, зима восстановилась опять, и похожаго не было на половодь. Но зима сия на час.

Анекдот о Разумовском и армейском офицере

Граф Кирилло Григорьевич Разумовский, сей малороссиянец, достигнувший из простых певчих¹ до фельдмар-

шальского чина, и наживший несметное богатство и многие сотни тысяч душ, и провождающий старость свою спокойно, не мешаясь ни в какие далекие дела, и имея всегда открытый стол человек на сто (и вольно было всякому, кто хочет, к нему приезжать и обедать; и он никого не спрашивает и говорит отменно мало), — был превеликий ходок на делание и производство разных анекдотов. Из множества сих носился слух в публике о следующем:

Случилось быть в Москве одному армейскому офицеру, приехавшему для приема амуниции, человеку бедному, но умному и проворному. Сей, услышав об открытом столе графа Разумовского и что вольно было всякому туда приезжать и приходить обедать, решился воспользоваться сим случаем и ходить к нему всякий день обедать. Он оделся порядочно и в обыкновенное время пошел к нему. Никто его не спрашивает; народа много; он вмешивается в оный и садится на самом последнем месте, на конец стола и против самого графа, и, отобедав, уходит в свое место. Отобедавши сим образом удачно, продолжает он ходить таким же образом и всякий день: ходит неделю, ходит месяц, ходит другой, ходит третий и садится все на одном и власно как на откупном месте. Однако во все сие время не случилось ему ни однажды молвить слова с графом; да и сей, хоть всякий день его видел, но никогда его и ни о чем не спрашивал. Наконец пришло время ехать ему в полк: он отправляется из комиссариата и отъезжает из Москвы; и место его при столе Разумовского занимает уже другой. Не успело сие воспоследовать, как граф, заприметив сие, призывает к себе управляющего столом и спрашивает: «Что это? вон там сидело все одно; а теперь, вижу я, сидит другое. Где тот? не болен ли и не занемог ли он? Выправьтесь». Тотчас начали выправляться: узнали, кто он таков был; бросились в комиссариат и узнали, что он дня за три до того отправлен с амуницією в полк. Все сие доносят графу. «Как же это так?! — сказал он, — три месяца мы его кормили и поили; а он уехал, не простясь и не сказав нам за нашу хлеб-соль и спасибо!.. Пошлите за ним курьера и воротите ко мне его назад». Курьер поскакал, догоняет офицера и, будучи снабжен ордером как от фельдмаршала к нему, принуждает его, сдав вещи бывшему с ним унтер-офицеру, возвратиться. Он представляется графу; и сей выговаривает ему за его неблагодарность. Бедняку не оставалось другого, как кланяться, признаваться виноватым, извиняться одною своею несмелостью утруждать его и просить прощение. Граф

расспрашивает, чтоб была за причина тому, что он ходил к нему всякий день обедать? — Он рассказывает ему, что, с одной стороны, принудила его к тому великая бедность и недостаток во всем, а с другой — известная и славимая его ко всем бедным милость и дозволение всякому у него обедать; и как он не мог сам себя порядочно питать, то и решился он воспользоваться его гостеприимством, во все время пребывания его в Москве. Все сие удалось ему так хорошо и трогательно пересказать, что граф стал его далее расспрашивать: «Ну, что ж ты теперь станешь есть?» — «Ничто иное, кроме солдатских сухарей!» — «Что ж, на чем же ты едешь? повозка, что ли, у тебя есть?» — «Какой быть повозке?! на тех же подводах присаживаюсь». — «Ну, постелишка, что ли, у тебя есть?» — «Есть, но и постелишка походная с подушонками; и ее тут же где-нибудь привязывают». — «Вот то-то, — сказал наконец тронувшийся граф, — как бы ты не был таков и не уехал, не сказавши ничего, а поблагодарил бы меня за мою хлеб-соль, — так бы дал я тебе хлеб-соль и на дорогу!» — «Что говорить! — отвечал офицер, — виноват, ваше сиятельство! и без оправдания виноват! простите мне сие великодушно!» — «Ну, братец, отобедай же с нами и сегодня». Офицер остается и садится опять на свое прежнее место; а после обеда подходит к графу и откланивается и благодарит. Но граф говорит ему: «Ну, не ездь уже сегодня; а приходи ко мне и отобедай еще завтра». — «Хорошо», — сказал офицер; и приходит. Отобедавши, при прощании сказал ему граф: «Ну, прости! но сем-ка я тебя провожу! пойдем-ка со мною на заднее крыльцо». Тут находят они прекрасную коляску, запряженную в четыре лошади, с кучером и лакеем, и снабженную спокойною постелью, сундуком, наполненным всяким бельем и платьем, и укладкой, наполненною всякою провизиею и всеми нужными для походного офицера потребностями. «Ну вот, мой друг, — сказал граф, — поезжай-ка в этой повозке: будет поспокойнее, чем на возу ехать. Она и с лошадьми, и с людьми, и со всем, что в ней есть, — твоя; а сверх того, на проезд тебе, вот и денег 500 рублей». Бедный офицер не опомнился от радости и удивляется, не верит сам себе и не знает, как благодарить графа; но сей понуждает его ехать скорее и желает ему благополучного пути. Более нежели на две тысячи всего того было, что дал ему граф; и поступка таковая достойна славы и незабвения.

О снеге молодом

Половодь наша не только остановилась, но в сей 22 марта выпал превеликий снег, шедший во всю ночь и так укрывший землю, что и похožего не было на начинающуюся весну. Но жаль, что пролежал он недолго и менее половины дня: теплый день и ветер распустили его в один миг, и к вечеру не осталось ничего, и сделалось грязно.

О пойманном обманщике и подговорщике

22 числа марта, в Богородицке, открыт и пойман разъезжавший по Богородицкой волости обманщик, слуга господина Хомякова, Александра Федоровича, служивший прежде у князя Оболенского и купленный им у кого-то. Сей бездельник, по имени Алексей Якимов Волков, снюхался как-то с некоторыми бездельниками, волостными мужиками, самыми негодяями и проходимцами, нагородил им турусу на колесах, надавал обещания постараться об них и сделать, чтоб им прибавили земли, и просил с них 15 тысяч; ездил по некоторым селам, заставлял собирать сходы: дураки-мужики, разинув рот, его слушали; но, по счастью, не дали ему ничего, а обещали; но совсем тем не поймали и не представили. А дело сие сделалось громко.

**О следствиях бывшей дружной
и равновременной половоди**

Как упомянутая выше сего, чрезвычайно дружная, преждевременная и превеликая вода была всего менее в сие время ожидаема, то наделала она множество вреда и была многим людям бедственна. Она поснесла и разломала многие большие мосты, перековеркала мельницы. Мельницы стояли в воде, и сами мельники спасались на креслах. Вдруг залило. Из проезжих многие перетопли. На ульской

гати ехал какой-то на почте и подъехал к мосту, в самое то время, когда оный уже залило, хотел еще переехать чрез оный, но попал мимо и утонул; вытащили едва дышащего. В Михайлове, говорили, утонуло 7 человек в Проне, также переезжавшие. Г. Измайлов, Лев Дмитриевич, славный буян и забияка, поехавший, в самое сие время, в Персию воевать с Зубовым, — едва было не утонул: перетопил лошадей, но множеством людей спасен. А подобных сим много и других случаев было.

317

Еще нечто о Клушине и его моральном характере

В дополнение к прежнему замечанию о сем нашем молодом писателе, замечается еще следующее: родом он из дворян; но отец его служил канцеляристом; у него жива мать и не стара еще. Ничего он не имеет: продал последние душонки; живет о Христове имени. У наместника Беклешова он в уважении: предлагал ему место ассессорское в палате (он — поручиком), но он смеялся и не хотел променять вольность и быть связанным. Умен, хороший писатель, но... но сердце имел скверное: величайший безбожник, атеист и ругатель христианского закона; нельзя быть с ним: даже сквернословит и ругает, а особливо всех духовных и святых. Матери своей он часто говаривал: «Дивлюсь, матушка, и не могу надивиться, как вы, будучи еще в сих летах и так здоровы, а не имеете любовника! Ведь я ведаю, каковы вы, женщины, и что вам желалось бы иметь любовника». Мать его бранит и ругает. Упражняется в писании: пишет какое-то сочинение для государыни и говорит, что если он будет счастлив и сие сочинение примется, то тогда только сказать он может, что пишет. При дворе имеет он надежду на любовницу графа Безбородки, которой прислужился каким-то сочинением и стихами.

МАРТА 23-ГО

318

Опять о навалившем снеге

Чудное было начало весны в сей год! — вдруг половодь ранняя и вода чрезвычайная; снег почти весь сошел; и

опять навалил мокрый снег, и много; сей обратился в воду. А в сей 23-й день напал опять превеликий снег, и опять мокрый, и опять в воду начинал обращаться. Не будет после засуха! И сей снег не пролежал и суток, но тотчас сошел. Стало к вечеру 24-го студить, но уже поздно.

О бывшем у нас магнетизировании и сомнамбулизировании

Славное в Европе и вскружившее было всему Парижу, в 1784 году, голову магнетизирование, производимое там г. Масмером¹ и гремевшее чрезвычайно повсюду, достигло было в наши пределы российские. За несколько до сего лет, завелось было и у нас, в Москве, а более в Петербурге, магнетизирование. Некто майор, по имени Бланкеннагель, производил оное над несколькими особами. Но в особенности славен был и гремел пример, сделанный с одною бригадиршею, госпожою Ковалинскою, подвергавшеюся несколько раз сомнамбулизму. У ней был чем-то болен сын; и как его лекари лечили и не могли вылечить, то решилась она или, может быть, уговорена была дать онаго в волю г. Бланкеннагеля. Он магнетизировал его несколько раз; старался довести до сомнамбулизма, дабы чрез то от самого ребенка сего узнать, какая у него болезнь и чем его лечить. Говорят, что ребенок сей и доводим был несколько раз до сомнамбулизма, и говорил, и сказывал что-то; но г. Бланкеннагель был тем недоволен и объявил, что он слишком еще молод и не может совершенно быть намагнетизирован, и потом уговорил наконец самую его мать, хотя она была совсем здорова, дать себя магнетизированием довести до сомнамбулизма, дабы она могла во сне пересказать все желаемое и чем и как лечить ребенка. И сей-то пример был наигромчайший из всех. Она не только сонная будто говорила и многим, не только присутственным, но, при вопрошании магнетизатором, и самым отсутственным, находившимся за несколько сот верст, сказывала, больны ли они или здоровы, и чем больны, надобно ли им или нет лечиться, и чем именно; но не только сие, но сонная будто написала даже удивительные стихи. К случаю сему приглашены были многие из их знакомых; был будто и самый граф Заводовский²; и что самому ему она сказывала, что он бо-

лен, и что если не будет лечиться тем-то и тем-то, то будет дурно. Рассказывали бывшие при сей процессии, что как скоро, при магнетизировании, начала она засыпать, то поведена она Бланкеннагелем в ниш и положена на постель; и положили подле ее бумагу и карандаш; и что было сие ввечеру, при огнях и почти в темноте. Множество было людей и знакомых довольно; и она при всех их сонная была обо всем и обо всем магнетизатором спрашиваема и на все отвечала; и потом изобразила чувствования свои карандашом на бумаге, о которых молва уже прибавила, что были то прекрасные стихи, хотя оне нимало на стихи не походили; а все сие маранье состояло в следующих только словах:

«24 октября я была в сомнамбулизме, а послезавтра опять буду. Чувствие живое, чувство истины, чувство премудрости! ты, которое никогда не умираешь! которое есть жизнь, едина существенная жизнь человеков! буди мне всегда вождь в пути жития! Да слышит сердце мое глас твой непорочный! — О вы, предстоящие и с удивлением взирающие на спящего человека! отжените от себя движения телесные, чувствования преходящие, ощущения временные, понятия земные, низу поникшие помышления! упраздните от суетных занятий! уразумейте, что есть Бог!»

Вот что называли стихами, и чудились, как могла сонная написать их. Но если все сие и прочие обстоятельства сообразить и сравнить с истинным магнетизированием и присовокупить к тому еще и то, что все сказания и предсказания сей пророчицы не сбылись: и ребенок ее умер; мать, которой она скорую смерть предвозвещала, и поныне жива; мнимые ее больные совершенно здоровы и проч. и проч., — то все сие очень пахнет явным и умышленно затеянным обманом.

Но как бы то ни было, но дело сие сделалось так громко и наделало столько шума, что принуждены были доложить о том императрице; и монархиня повелела господину магнетизатору сказать, чтоб он ремесло свое покинул или готовился бы ехать в такое место, где позабудет свое магнетизирование и сомнамбулизм. И тем вся история сия кончилась и замолкла. — Сказывали, что госпожа Ковалинская принуждена была с полгода сидеть дома и от стыда никуда показаться не смела. — А в Москве лечили будто какую-то девицу от глаз, и лечение не удалось: ей глаза перевернуло. Все сие, говорят, и произвело наконец-то, что весь гром о

сем явлении утих; и у нас дело сие так замолкло, что около сего времени никто и ничего уже о сем явлении не говорил.

320

О спрашивании и высылке гвардейцев из отпусков

Слухи о предстоящей у нас шведской войне час от часу увеличивались. Около сего, вдруг загредело везде, что в Москву наслано повеление о высылке всех гвардейцев, находящихся в отпусках, к полкам их, в самой скорости, ибо с 1 апреля выступить велено гвардии в поход к шведским границам. И на всех гвардейцев напали заботы, более же всех на измайловских.

321

Слухи о персидских делах

Около сего числа, пронесся слух, что персидская война наша якобы совершенно кончена, что Гудович успел уже все сделать: туда ходил, персов разбил и довел до того, что они все желаемые нами провинции нам отдали и согласились на все нами требуемое; и что, возвратившись оттуда, просится теперь в отставку, не снося обиды, сделанной ему чрез препоручение тамошнего корпуса Зубову; и что стыдится остаться на границе с 4 тысячами.

322

О титуле Валериана Зубова

Новый наш молодой, прославившийся от дурасти отстреленною в Польше ногою и сделавшийся знаменитым не столько по своей храбрости и отменному искусству, сколько потому, что был он родной брат нынешнему фавориту, — генерал-поручик, граф Валериан Александрович Зубов, бывший за несколько лет до сего малозначащим человеком, а ныне — первый из генерал-поручиков, удостоенный ордена Андрея Первозванного¹ и того, что ему вверена

вся персидская экспедиция, — носил на себе, около сего времени, пышный титул, а именно: от армии генерал-поручик, главнокомандующий над каспийским и тифлисским корпусом, флотом и флотилиями на водах каспийских, ее императорского величества генерал-адъютант, военного ордена полка шеф, измайловского гвардии полка секунд-майор, орденов — Андрея Первозванного, Александра Невского, великомученика Георгия 3-й степени и прусских — Черного и Красного орла кавалер. — Что-то удастся сему младому герою сделать? и чем-то — оправдать толикия чести и достоинства?

323

Анекдот о Тихоне, епископе Воронежском

О бывшем в Воронеже и довольно славном епископе Тихоне, переведенном потом в Астрахань и там недавно скончавшемся, носился следующий анекдот. — Как он был хороший проповедник и по очереди надлежало ему приехать в Петербург, для служения, — то случись с ним, при первом разе, когда надлежало ему, в присутствии государыни, говорить проповедь, такое несчастье, что он, вышедши и сказав: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — вдруг все позабыл и никак самого начала приготовленной проповеди не мог вспомнить. Воротился в алтарь; и от того стыда несколько недель был болен. Но после многими и прекрасными своими проповедями загладил не только сей стыд, но и приобрел себе славу. Самая первая его проповедь «О властях» так понравилась государыне, что она приказала ее напечатать.

324

О упражнении императрицы и чтениих

Великая наша монархиня, несмотря на всю свою старость, несла еще всю тягость бремени государственного правления. Не проходило дня и почти часа, в котором не занималась она трудами. Она вставала обыкновенно в 5 часов и тотчас садилась в кабинете своем за бумаги и дела и писала, что ей надобно. В часу девятом приезжал к ней

ее секретарь, Дмитрий Прокофьевич Трошинский, со всеми вновь вошедшими письмами и делами, и она занималась несколько часов с ним чтением оных. Всех их обыкновенно читывал он; и монархиня так была милостива, что всегда заставляла его читать сидючи, и тотчас против себя сажала. А иногда сама вставала и ходила по комнате и слушала; а он, сидючи, читал и имел волю иногда останавливаться, высмаркивать нос, нюхать табак и проч. Много времени иногда проходило в том, что она, услышав иногда что-либо, останавливалась и вспоминала случившиеся за несколько лет до того подобные тому с нею случаи и дела; рассказывала все их происхождение и решения и занималась тем иногда с четверть часа и полчаса. Случалось иногда так, что г. Трошинский опаздывал и приезжал позднее обыкновенного времени; и монархиня, хотя раза по два иногда об нем спрашивала, но столь была милостива, что у приходящего его никогда отчета о том не требовала и не гневалась. Часу в 11 и в 12, приезжали к ней уже знатные и министры, по важнейшим государственным [делам]: генерал-прокурор, граф Безбородко и прочие; и она занималась уже ими. А там принимала она аудиенции; а после полудня брала она сколько-нибудь себе времени; а там занималась решением прежних дел. Говорили, что она писала также собственную свою историю, а особливо живучи в Царском Селе, где имела она более свободы. Словом, государыня была беспримерная и переносящая труды, силы почти человеческие превосходящие.

325

Анекдот о Разумовском и одном из его управителей

Одному из управителей сего богатого российского лорда, управляющему какими-то отдаленными его вотчинами, случилось замотаться. Ему докладывают, что такой-то управитель мотает и играет в карты и проматывает его деньги; — он молчит. Ему доносят другой раз — он молчит или говорит лаконически: ну что ж? Наконец сказывают ему, что мотает он непутным делом и промотал и проиграл целых 50 тысяч его денег. «О! это уже много! — сказал граф, — пошлите за ним». Поскакал курьер и приволок сего молодца. «Что это ты, брат?!» — «Виноват!» — «Да умилосердись! как это мог ты отважиться? ведь деньги-то мои». —

«Виноват!» — «Да как тебе это пособило?» — «Что делать! случилось нечаянно». — «Да как же? разве ты позабыл, что деньги-то не твои, а мои?» — «Нет, позабыть — не позабыл; а понадеялся на ваше счастье и проиграл!» — «Как это?» — «Случилось мне играть по глупой привычке, и вздумалось поставить карту на счастье вашего графского сиятельства, она мне и выиграла; я, понадеявшись на то и что вы во всем счастливы, поставил еще, и к несчастью убили, я и проигрался!» — «Ха, ха, ха! вот еще диковинка! Нет, нет, брат! вперед на мое счастье не играй и не надейся — я несчастлив. Слышишь?! пошел!»

Как сим все дело сие кончилось и игрок сей ничем за то наказан не был, то удивились все чрезвычайно, и главный управитель не преминул [выразить] своего удивления и сказать, что сим подаст он повод и другим делать такие вольности и что это не годится. «Это ты так думаешь, — сказал граф, — а я иначе. Ну что ж прикажешь, чтоб я сделал?» — «Отбросить его, определить другого». — «Но другой не так же ли и не пуще ли еще станет еще воровать? этот, по крайней мере, нажился уже и наворовался и, может быть, посовестится воровать впредь; а определи-ка другого, так и не того я еще лишусь. Нет, нет! пускай опять едет на свое место: он обещал мне не ставить более карт на мое счастье».

326

Анекдот о Разумовском и гайдуке

Рассказывали, что некогда, когда граф сей был, в зимнее время, в Петербурге и во дворце, то гайдук его, бывший с ним, заигрался с прочими в карты и проиграл его соболью шубу богатую. Граф, вышедши из дворца, вдруг спросил шубу; тогда гайдук притворился спящим, и будто у сонного его ее украли. Хвать, — шубы нет! Где шуба? шуба пропала! шубы нет! — Гайдук повалился в ноги; виноват! заснул! шубу унесли! «Этакой ты! ну, пошел, — отвори карету». Словом, граф принужден был ехать домой без шубы. Гайдук заботится: знает, что шубу у него спросит дворецкий или казначей. «Как быть? — говорит он графу, — как быть? ваше графское сиятельство! Вы меня милуете; но там-то, дома, шубу-то у меня спросят. Что мне сказать?» — «Скажи, что шуба где, о том граф знает». Хорошо. Как сказано,

так и сделано. Спросили тотчас: «Где шуба?» — «Граф о шубе знает». Но тот, у кого платье на руках, был недоволен; он докладывает графу: шуба-де с вами была соболья и не привезена назад гайдуком; он ссылается на ваше графское сиятельство. «О, шуба! это знает гайдук о шубе и где она». Пошли опять к гайдуку; тот опять говорит тоже, что граф знает, где шуба. Графа опять спрашивают, тот опять отсылает к гайдуку. И сим образом пересылались они раза три; наконец наскучило сие вопрошавшему; он приступил уже непутным образом к графу; и сей сказал наконец: «Ну, что ж! граф и гайдук знают, где шуба; а вы сделайте другую и более о том не говорите». Сим и кончилось все.

МАРТА 28-ГО

327

О выпавшем третьем снеге, после половоди

Никогда так рановойременной воды не было и никогда так много раз зима, при последнем своем издыхании, не возобновлялась, как ныне. 27-го и в ночь на 28-е выпал в третий уже раз и в таком множестве снег, что укрыл всю землю; но жаль, что был все мокрый и начал опять тотчас сходить.

328

Анекдот о Фалееве

Многие за верное сказывали, что слышали от самовидцев, видевших своими глазами, что сей славный, бывший любимец и во всех таких наживах сотоварищ князя Потемкина¹, до того даже, в тогдaшнее время, простирал свою власть и могущество, что землю в деревнях своих пахивал плугами на рекрутах. Некогда случилось, что был скотский падеж в тамошних пределах, и все волаы у него передохли, на которых он пахивал землю, и как пахать было не на чем, то, сказывают, запрягаемо было вдруг человек по 16 рекрут, и они принуждены были тащить плуг и пахать сим образом землю. Не удивительно ли сие, когда в состоянии он был красть целыми сотнями или паче тысячами рекрут себе и населять ими деревни?! Власть его была беспредельна, и

никто не смел и рта разинуть, в тогдашнее время, против сего, бывшего сначала ничего не значащим купчишком и получившего, чрез князя, в короткое время, себе и чины, и ордена, и богатства несметные.

329

Анекдот о Потемкине, Павле Сергеевиче

О сем довольно славном, но не столько храбростью, сколько корыстолюбивым своим характером, генерале, бывшем в свое время, по родству его с князем Потемкиным, довольно знаменитым человеком, управлявшим некогда целою южною стороною России, прикосновенною к кавказским горам и к Персии,— уверяли многие заподлинно, что жадность его к корыстям простиралась даже до того, что он променивал косяками людей и солдат на косяки горских лошадей и овец, которые ему были надобны, и не жалел подданных России и своих соотечественников отдавать в неволю, для бездельной своей корысти. Поступок, почти всякое вероятие превосходящий, но, по его известному характеру и скряжничеству, не так невозможный, каковым кажется.

МАРТА 29-ГО

330

Об отыскивании в наместничествах старых солдат

Рассказывали, что в рязанском наместничестве, около сего времени, пересматривали всех штатных солдат и всех тех, которые хотя несколько еще годны к отправлению службы, отбирали и назначали для отправления в черноморский флот; а оставляли самое лишь ни к чему годное старье. Все сие пахло войною с турками и необыкновенностью.

МАРТА 30-ГО

331

О выпавшем четвертом снеге и ростополи

Наконец, 30-го числа марта, ночью выпал четвертый снег, и в множестве; но сей был такой мокрый, что поутру

же весь сошел: пошедшая вновь слякоть, с туманом и дождем, согнала его, а вместе с ним погнала и прежний оставшийся. Расступилась земля, и сделалась грязь и самая ростополь, и дороги все испортились; казалось, что теперь только начиналась настоящая половодь.

332

Слухи о персидском мире

Около сего времени, пронесся вдруг неожиданный и громкий слух и подтверждался от часу больше, что якобы персидская наша война уже и кончилась и будто бы состоялся с Персиею мир. Говорили, что генерал Гудович успел уже всю войну сию кончить до приезда Зубова: ходил в Персию; имел великое дело с тамошними народами; разбил оные в прах; был даже в самом сердце Персии; овладел столичным их городом Испаганем; и персы, соглась на все наши требования и отдав нам все, что только нам хотелось, заключили с нами мир. Все любопытны были слышать дальнейшие подтверждения.

333

Анекдот о императрице и комоде ее

Видавшие самолично рассказывали, что монархиня сия имела обыкновение между всеми, получаемыми на свое имя письмами и бумагами, делать разбор. У нее в спальне или кабинете стоял особый комод, за ее собственным замком, со многими ящиками; и она всякий раз, прослушав или прочитав бумагу, клала ее, подумавши и с рассмотрением, в который-нибудь из сих ящиков. Ежели дело требовало скорого распоряжения и решения, то клала она его в самый верхний, ежели не так скоро и оно терпело сколько-нибудь время, то клала во второй; а ежели которое могло еще долее отложено быть, то в третий; а такие, которые не требовали никакой поспешности, в самый нижний. И несчастны были те, кои попадали в сей, ибо, как она рассматривала и решала их по очереди, то до сих не доходило иногда очень долго дело, и оне лежали по году и более, но что по великому множеству дел и не удивительно.

О производстве в наместники и губернаторы

Как около сего времени, во многих наместничествах, опростались наместнические и губернаторские места, то недавно было им немалое производство; и многие пожалованы были вновь в наместники или правящие их должность, а другие — в губернаторы. Бывший в Архангельске наместником, Коновницын умер; а в Харькове и в Воронеже пожалован наместником brave генерал Андрей Яковлевич Леванидов; а в Рязань — в губернаторы тот самый г. Ковалинский, которого жена прославилась сомнамбулизмом. И много кой-кого и других пережаловано.

МАРТА 31-ГО

335

О первом земляном паре

Первый пар от земли не прежде в сей год нами усмотрен, как 31-го марта, поелику около сего времени погода переменялась, стала становиться ясная и теплая. Снег последний стал сходить, и вода опять стала прибавляться. Начало весны можно считать с сего дня.

АПРЕЛЯ 1-ГО

336

О начавшейся настоящей половоди

Начало настоящей половоди воспоследовало 1-го числа апреля, при ясной погоде, произведшей таль; но вода была очень невелика и путек санный все еще по черепу¹ длился.

337

Молва о Гудовиче, генерале

Народная молва гласила, что в деле Павла Потемкина, толико в нынешнее время громким, замешан якобы был и

сам рязанский наместник и командир кубанских войск, генерал Гудович. Говорили, что будто и он имел соучастие в грабительстве персидского шаха, и что, по участию сему, легко и он мог подвергнуться неприятным по сему делу следствиям, и что будто самое сие и побуждало его идти в отставку.

338

Замечание о городе Григориополе¹

О славившемся до сего, новом пограничном, на Днестре, городе Григориополе, населенном армянским архиепископом, самые бывшие там и видевшие все совсем не то и не так говорили, как сам оный армянин. Но паче за верное утверждали, что весь сей славимый город был ничего не значащим: населен несколькими насильно почти из Молдавии и Валахии вызванными армянскими семьями, разбегающимися уже опять, и что самый сей славный архиепископ был сущий буян и ветрогон; обольстил только наше правительство, ввел оное в превеликие убытки, старался о собственной своей наживе; и все заводимые им там сафьянные фабрики, от которых предвозвещал он неизмеримые пользы, были ничего незначащими; одним словом, что все обещания его были весьма на слабом фундаменте и что из всего сего вверенного ему дела едва ли что-нибудь хорошее и прочное выйти может.

339

Анекдот о императрице и ее сказочке

Секретарь ее, г. Трошинский, рассказывал, что некогда случилось ему прийти к ней с обыкновенными докладами и письмами и увидеть ее, ходящую взад и вперед по комнате, в важном виде и власно как в некаком гневе говорящую с собою и произносящую следующие слова: «Либо царь умрет, либо слон умрет, либо я умру». Господин Трошинский притулился к стенке, дивился и не понимал, что сие значило. Императрица его усматривает и, по обыкновенной своей милости к нему, говорит ему: «Ты, думаю, не пони-

маешь того, что значат слова, которые я говорила». — «Не понимаю, государыня, если не изволите объяснить их более». — «А вот я тебе объясню. Это я читала. А дело сие происходило в Персии, с одним шахом: у него был один, любимейший и всеми сему зверю свойственными совершенствами одаренный, слон, которого он отменно кормил и берег. Некогда, разговаривая с приставом, его хранившим, спросил он его, как он о его слоне думает? и не находит ли в нем какого несовершенства?» — «Всем он хорош, — сказал сей, — и все имеет совершенства; но одного только ему недостает». — «А чего такого?» — «Того только, что не умеет он говорить человеческим голосом». — «О, да это дело невозможное!» — «Не так невозможно, как вам кажется. Я почти взялся б его научить говорить, если б только...» — «Что только?» — «Заплачен бы я был довольно за труды свои». — «Да я бы не пожалел неведомо чего, если б только ты мне сие сделал. Скажи что тебе за сие надобно?» Тогда начался у них договор; и они условились на том, чтоб приставу сему дать в задаток 1 000 монет тамошних, да за науку 30 000, и сумму сию расчислить на 30 лет, ибо прежде того сделать сего не можно; и чтоб всякий год за труды ему давать по 1 000, да сверх того на корм слону, которого он возьмет к себе в дом, для удобнейшего научения, отпускать деньгами, по положенной цене, чего стоит его пропитание. Все сие было выполнено со стороны шаха: слона доставили ему в дом, дали 1 000 монет и стали уплачивать погодно положенный участок всей суммы. Прошел год, прошел другой, прошел третий. Слон стоит. Пристав, получая множество денег, разбогател, живет славно и хорошо и говорит, что слона учит. Наконец приезжает к нему один приятель, дивится его славной и роскошной жизни и спрашивает: что его слон?.. «Слон? мой слон стоит себе и ест». — «Но что ж, начинает ли говорить?» — «Как это можно!» — «Да как же, ведь ты взялся его выучить и обещал сие, под смертную казнию: ты сам казнен будешь, ежели сего не сделаешь». — «Все это так; но я обещал сие сделать в 30 лет; а в сие время, либо царь умрет, либо слон умрет, либо я умру. Как же ты так глуп и не догадешься, что у меня и на уме не было выполнить своего обещания! А я живу себе теперь в довольствии, быв прежде в самой крайней нужде, и богатею».

Рассказав сию басенку, сказала наконец императрица: «Вот, так-то и меня стараются теперь обалахтать¹; но я не шах! и меня не обманут и не проведут».

Что такое и какого сорта было то дело, о котором она говорила, было неизвестно, и г. Трошинский не мог о том узнать более ничего.

340

Анекдот о погребении собаки тремя дворянами

Следующая странная история рассказываемая была многими, как действительно недавно и за немногие до сего годы бывшая, не то в Володимирском, не то в другом недалежном наместничестве.

Трое молодых дворян, холостых, любящих псовую охоту и опоражнвание рюмок и стаканов и довольно зажиточных, жили неподалеку друг от друга; были друзья-соохотники, часто съезжались, пивали вместе до безумия и делали все шалости и беспутства, какие людям сего разбора только свойственны.

Некогда, умри у одного из них, и, как думать надобно, у богатейшего и распутнейшего, любимая борзая собака. Все сокрушались об ней, как об некаком сокровище, и все старались потопить горести и печаль свою в стаканах пунша и шампанского. В сем пьянстве и сумасбродстве, пришла им странная и с распутством и безумием их сообразная мысль — погребсть сию собаку со всеми, подобающими только человекам и христианам, почестями, и не только в гробе, но и с попом и со всею погребательною церемониею. <...>

АПРЕЛЯ 2-ГО

341

Анекдот об обманутом и в дом сумасшедших посаженном купце

Приезжие из Петербурга рассказывали, будто там произошло следующее происшествие. Один из господ замотайлова десятка и проходимцев приходит в ряды, для покупки себе кое-каких, хотя дорогих, но не весьма крупных вещей, набирает их на 1 000 руб. и, отдав в задаток 50 руб., говорит купцу, что с ним теперь денег нет, а чтоб он пожаловал, потрудился, сходил с ним к нему на квартиру. Купец на

сие согласился; и товары были отпущены и покупающим с слугою отправлены куда надобно. Но купец, вместо дома, сим молодцом приводится в дом сумасшедших, к доктору сего дома, и доктор сей упрасивается, чтоб он сему человеку, яко сумасшедшему и помешавшемуся только на том пункте, что все твердит о тысяче рублях и о проданных будто товарах, кинул кровь и полечил, и за то обещается 50 руб. Доктор тому рад: не внимает ничего от купца; велит его вязать, сажать; кидает ему кровь и сажает на цепь, как сумасшедшего. И бедняк сей ждет месяц, другой и третий; и никто того не знает. Наконец узнает его один из знакомых и освобождает из неволи, уверив, что он никогда сумасшедшим и не бывал.

АПРЕЛЯ 8-ГО

342

Об охотниках переселиваться в новую Вознесенскую губернию

Старания посыланных, для отыскивания и подговаривания ехать на новое поселение в Вознесенское наместничество, не были тщетны. Из разных деревень экономического ведомства и из однодворцев отыскивались и записывались многие целыми дворами и сотнями душ. Но нельзя было и не прельщаться необыкновенными выгодами, обещаваемыми сим переселенцам; ибо, во-первых, как они отыскивались более в таких деревнях, кои были малоземельны, то остающиеся в них так были рады их землям, что сами еще давали им рублей по 20-ти на душу подмоги. Сверх того могли они продавать свои дворы и самый хлеб, в земле посеянный, и молоченый, и немолчоченый, и на том выручить себе множество денег. Со стороны же казны обещевалось им с самого того дня, как они выедут из своего селения и приедут на новые места, давать каждой душе мужеска и женска пола, от 15-ти лет и далее, по 25 коп., а от 15-ти ниже по 12 коп. на день. Перевозимы они будут на казенном коште. Там приготовлены уже для них будут, полные и всеми нужными потребностями снабженные, крестьянские дворы, и им стоит будет только войти в них. Земли дано будет по 15-ти десятин на каждую душу; и для обсеменения оной — хлеб казенный. Питать их будет целый год провиантом казна и 4 года не брать с них никакой подати; а сверх того, кому

надобно, дает на завод по 50 руб., с возвращением оных в 10 лет, по прошествии 4-х лет льготных. Возможно ли быть множайшим выгодам? и удивительно ли, что многие отыскивались охотники? — Но чего же все сие и стоить будет казне! Переселение сие чрезвычайное и крайне убыточное, но польза едва ли произойдет ожидаемая. Идут туда на большую часть ленивцы, негодяи и здесь уже обеднявшие и промотавшиеся люди, такие, которые не успели объявить своего желанья, как пустились уже в пьянство и во все распутства и бесчиния. Во всякой деревне происходили от них даже бунты и мятежи: они почитали себя уже свободными, а посему и там мало добра от них ожидать можно. Говорили, что, вместо назначаемых с здешнего наместничества 1 000 душ, отыскалось охотников несравненно больше; и писано было уже к наместнику, в Петербург, что с ними делать.

АПРЕЛЯ 4-ГО

343

Об окончании зимы

Прямое окончание получила в сей год зима не прежде, как 4-го апреля, от переменившейся из ясной в самую осеннюю, ноябрьскую, дождливую погоду и от пошедшего и целые сутки шедшего мелкого дождя; от чего снега, сколько ни было еще кое-где, не очутилось нигде и осталось только кое-где в сугробах, бывших подле заборов; и грязь сделалась превеликая и дружная. Давно начало весны таково грязно не было, как ныне.

АПРЕЛЯ 7-ГО

344

О слухе, касающемся женитьбы короля шведского

Около самого сего времени, возобновился слух о том, что король шведский переменил свое намерение жениться на принцессе мекленбург-шверинской и расположился действительно, по желанию нашего двора, соединиться союзом с нашею императорскою фамилиею, женясь на принцессе нашей Александре. Писали, что сие будто бы уже

воспоследует, и скоро, и будто ждали его вскоре в Петербурге, для обручения с оною. Известие сие было тем для нас приятнее, чем огорчительнее были прежние слухи о неизбежной у нас с шведами войне и о делании приуготовлений к оной. Может быть, самые сии приуготовления произвели сию великую и славную перемену, могущую произвести великую перемену и во всех европейских делах. Дай Боже! чтоб сие совершилось и чтоб великой нашей монархине удалось, при конце жизни ее, сделать и сие славное дело и увенчать последние дни свои миром.

345

О смерти Павла Потемкина

Наконец решилась судьба сего знаменитого человека, и весь этот громкий суд над ним кончился, прежде начала его, его смерти! Он умер от своей болезни, так как ожидали того все в Москве, и вся его непомерная алчность к богатству легла с ним в гроб.

346

Слухи о персидских делах и турецких

Молва, что персидские дела приходили уже действительно к окончанию, продолжалась: писали о том из Тулы. А тоже говорили и о турецких: а именно что хотя у нас и выставлено против их 100 тысяч, однако все думали, что войны с ними никак не будет и все это для единого устрашения.

АПРЕЛЯ 9-ГО И 10-ГО

347

О пятом снеге

Весна вскрывалась, по-видимому, очень сначала хорошо: земля слишком напавалась водою; грязь была чрезвычайная, и дожди перепадавали частые. Апреля 8-го был первый сильный дождь тучею; а под 9-ое число выпал превели-

кий снег: это был уже пятый, после первой половоди; а третья была 3-го числа апреля. Трава, однако, еще не оживала. Снег сей тотчас же сошел; а 10-го числа выпал 6-й снег, превеликий; и было холодно.

АПРЕЛЯ 12-ГО

348

О начале оживания травы

Особливого примечания достойно, что каково начало весны пестро ни было, но трава начала оживать точно в те же самые числа, как и во все предыдущие 4 года, а именно с 12-го числа апреля. Но в сей год было еще повсюду, в сие время, очень грязно, и по дорогам были еще кое-где остатки льдистого черепа; а в лесах снега были малые остатки; ржи еще были буры и начинали только что оживать. Погода хорошая стала восстанавливаться; но все еще было холодно.

349

О новом светлейшем князе

Около сего времени разнеслась молва, что Россия опять возымела в недрах своих одного светлейшего князя и что один из сынов ее почтен был сим достоинством от императора германского¹. Но жаль, что сие относилось некоторым образом к стыду России, потому что дано сие величайшее достоинство не по заслугам и не по достоинствам. бывшему лет за 5 до сего ничего не значащему человеку и ничего знаменитого не сделавшему. А все, что хорошее в сем случае было, состояло в том, что сей случай вновь доказывал, в каком высоком уважении находилась у императора наша великая монархиня. Новый сей князь был наш молодой фельдцейгмейстер, Платон Александрович Зубов. Но как об нем ничего худого было не слышно, то сие было еще сколько-нибудь сносно и не так прикро.

Еще о персидских делах и награждении Гудовича

12-го числа сего месяца разнеслась здесь молва и получены известия, что мир с Персиею действительно воспоследовал и что дела сии кончились, и с великою выгодною для России. Говорили, что как скоро начали назначать в экспедицию сию Зубова, то граф Разумовский¹, тесть генерала Гудовича, отправил к нему с известием сим курьера; и сей, получив онаго, решился во что бы то ни стало, и с одним своим передовым из 8 000 только состоящим корпусом, идти и сделать решительный поиск над персами, и оный был ему так удачен, что он, разбив персов, не только все то получил, что хотела только и приказала императрица, но сверх того еще две лишние провинции, какие-то неизвестно еще; но думать надобно, что сделал он великое, славное и отменно выгодное дело, потому что награжден он за то прямо по императорски: он пожалован графом Дербентским; дано ему 4 000 душ и 50 тысяч рублей денег, и, по желанию его, отставлен. Все любопытны теперь были узнать о сем деле обстоятельнее.

АПРЕЛЯ 16-ГО

351

О пережаловании всех министров по иностранным делам (март)

Особливого примечания было достойно, что около сего времени пережалованы были в Петербурге все вельможи, трудившиеся по иностранным делам, отменными императорскими милостями: князь новый Зубов — драгоценным камнем в 300 тысяч; граф Безбородко — многими десятками тысяч червонцев; господин граф Остерман¹ — также множеством червонцев; господин Марков² — графом и червонцами; самый советник Вейдемейер³, управляющий делами иностранными, — великою суммою денег, и все червонцами, против всегдашнего обыкновения. За что оказана им сия милость, неизвестно еще; а заключали, что надобно было быть чему-нибудь важному, ими сделанному. Некоторые догадывались, что конечно за пременение дел по обстоятель-

ствам шведским и за склонение короля к женитьбе на нашей принцессе. А другие думали, что за дело персидское или паче за окончание и совершение польских дел. Но как бы то ни было, но милость государская, оказанная им, была чрезвычайна и умножила их богатство.

352

О сдаче Остерманом фамилии своей Толстому (генварь)

Рассказывали, что вице-канцлер наш, граф Остерман, будучи чрезмерно богат, а при всем том бездетен, упрочивал все свое богатство племяннику своему, молодому Толстому, сыну Ивана Матвеевича Толстого,— и что благовременно подарил его тысячью душами и упросил монархиню, чтоб дозволено ему было сдать свое графское достоинство сему своему наследнику и чтоб он назывался графом Толстым-Остерманом. Отец сего молодого человека с достоинствами был лучшеньким нашим артиллерийским генералом и братом бывшего до сего и славного гвардейского майора, Федора Матвеевича Толстого, обязавшего так много все российское дворянство записыванием их малолетних детей в гвардию и жалованием их в унтер-офицеры и сержанты и введшего сию славную и необыкновенную эпоху и странное дело в России, которому потомки наши будут не верить и не престанут удивляться.

353

О запрещении записывать в гвардию малолетних (март)

Наконец воспоследовало то, чему давно бы надлежало воспоследовать и чего все благоразумные давно уже ожидали, а именно: запрещение имянным указом записывать в гвардию малолетних и сущих младенцов и жаловать их в чины и сержанты. Писано было о сем из Петербурга; но что подало к тому повод и как воспоследовало сие запрещение, того было еще неизвестно; а только писали, что с сего времени записка малолетних сделалась не только трудна, но и совершенно невозможна,— запрещение, которое давно,

и рано ли или поздно, ожидали, ибо дело и беспорядок сей давно уже вышли из пределов и так были испорчены злоупотреблениями, что долее терпимы быть никак не могли

354

Об осуждении в Туле всего уездного суда под суд уголовной палаты губернатором

В Туле произошло, около сего времени, громкое и славное дело: весь уездный суд, со всеми заседателями и бывшими в нем от оружейников депутатами, осужден губернатором, за неправильное решение одного дела, под суд уголовной палаты. Всех необыкновенность сия весьма поразила. А дело сие относилось до господ Вельяминова и Михайлова и было давно уже в Туле громко. Суд уездный провинился тем, что явное, бездельническое, воровское и доказанное и обличенное дело не осудил с должною строгостью, а определил участникам в оном ведаться формальным судом, то есть пустил в бесконечность.

355

О происшествии у господина Вельяминова с г-м Михайловым (1795)

Упомянутое выше сего, бывшее в тульском уездном суде дело было следующего существа. В Туле, около сего времени, находился некто господин Вельяминов, по имени Степан Иванович, служивший в гражданской палате советником и происшедший в чины не по достоинству, поелику был он сущий невежда и величайший только карточный игрок, а по брате своем, бывшем прежде сего, в Туле, вице-губернаторе и у прежнего наместника любимце, Николае Ивановиче Вельяминове. Впрочем, человек недалней премудрости и известный более своим ветреничеством и забиячеством, нежели хорошими какими качествами. Сей человек имел хотя жену, но сверх того жил с одною своею рабою, женщиною замужнею, но молодою, ходившею за его женой и имевшею все ее бриллианты и лучшие вещи на руках. В сию женщину случилось влюбиться или ею прельститься, другому тульскому жителю, одному приставу оружейников, человеку такого

ж разбора, но при всем том пронырливому, бойкому и сущему провору, по прозванию г-ну Михайлову, и в Туле, по его бездельническим делам, довольно известному. Сей ни от чего разбогатевший негодяй, не будучи всем незаслуженным счастьем своим доволен, восхотел даже пуститься в дела, отважностью уже меру превосходящие. Ему восхотелось удовольствоваться скотскую страсть свою в рассуждение помянутой женщины и, как бы ни сделать и во что бы то ни стало, получить ее в свои объятия. Будучи не в силах преодолеть свои вожеления, призывает он из подкомандующих своих двух проворных оружейников и убеждает их услужить себе и, подговорив оную женщину, привезти к себе; но был он к неправильным приобретениям очень падок, то восхотел, чтоб и привезли они ее к нему не с пустыми руками, а уговорили ее взять с собою и все госпожи своей бриллианты и лучшие вещи. Сии бездельники и сделали то, что ему хотелось, и, по желанию его, доставили ему сию красавицу и со всеми бывшими на руках у ней бриллиантами. И он держал ее у себя три дня и три ночи. А между тем г. Вельяминов встрянулся¹ своей наложницы, почитает ее убегающею, подает явочную челобитную, показывает, что она снесла бриллиантовых вещей на 2 000 р. денег, а сам приказывает ее всюду искать и про нее лазутчикам пронохивать. Сим удастся наконец отчасти узнать о месте ее пребывания. А и там узнали, что их подозревают: нельзя стало долее держать женщину сию в доме, надобно было куда-нибудь ее деть. Вздумали отвезти в какую-то деревню: ее отправляют; но бриллианты остаются у подговорщика в доме: каким-то образом будто пропали со столика, где они лежали. Наконец г. Вельяминов женщину сию отыскивает, представляет ее к допросу, узнает все дело и происшествие. Встречается на улице с похитителем; и оба они схватываются не только ругаться, но и драться. Вышла из того история, и началось исковое дело и челобитье. Дело сие продолжалось долго: многие старались их помирить; некоторые брали сторону Михайлова, а другие — Вельяминова. Выбраны были посредники: все они не согласились, и вышла распря. Потребовали Михайлова и подсыльных его в суд. Начались допросы: все показали истину, и все признались подсыльные в подговаривании, по приказанию Михайлова. Жена призналась в похищении и приносе к Михайлову бриллиантов; сей сам проговорился в управе благочиния, что он посылал увозить ее. Словом, дело Михайлова дурно! он готов был помириться, давал даже

3 000 руб. Вельяминов узнал о том, заупрямился еще более и говорил, что не возьмет он и десяти тысяч; а требовал, чтоб Михайлова, как подговорщика, похитителя и вора, судили. Нашлись люди, защищавшие Михайлова; в том числе и вице-губернатор, как его командир. Губернский прокурор Верещагин вмешался также в сие дело; и иное дошло до сената; и как суд уездный поотворил Михайлову и не осудил его, по всей строгости законов, то он протестовал. И потому-то и попал весь уездный суд в уголовную палату; и дело сие сделалось громко.

356

О слухах, что будут в Москву великие князья (апрель)

Около половины апреля, была в Туле великая молва, что в нынешнее лето будут в Москву оба великие князья, Александр Павлович и Константин Павлович, с их супругами, не видевшими еще никогда Москвы. Далее говорили, что Константин Павлович, не преминет побывать и в Туле, для осмотра оружейного завода; и что тут помышляли уже о приуготовлении для него подарков. Но сия была только молва, о достоверности которой не можно было еще никому поручиться.

357

О пожаловании великим князьям конных полков (март)

Говорили, что за несколько уже времени до сего, императрице нашей угодно было обоим своим внукам, великих князей Александра и Константина, сделать шефами над двумя конными полками и отдать им оные в команду, для занятия ими и увеселения. И сие было правда точная, а равномерно и то, что, около сего времени, по заказу их, делали в Туле в их полки особливые мундштуки, по образцам, присланным от них; и что от наместника прислано для сего 1 000 рублей из Петербурга.

Разные слухи о тульском наместнике (апрель)

О тульском наместнике, Евгение Петровиче Кашкине, поехавшем в Петербург, были, около сего времени, в Туле и в Москве, разные и несогласные слухи. Сей добродетельный и разумный вельможа в особливости был несчастен: рассказывали, что во всей Москве не было почти дома, где б не было об нем чего-нибудь худого не говорено; и Богу известно, чем и чем его не обвиняли, хотя он и тысячной доли того не заслужил. Теперь повсюду разносилась молва, что он просится и идет в отставку; и что уже на его место назначен, и за верное будет, прежде бывший здесь губернатором, Иван Александрович Заборовский¹. Однако все такие слухи были неосновательны; а он находился в Петербурге и с самого приезда был очень болен. Писали оттуда, что у него был на бедре какой-то великий нарыв и что делали над ним операцию и разрезывали; и вышло множество материи; и что с того времени сделалось ему легче. Далее была молва, что жена его представлена была императрице и принята будто была очень милостиво и что он сам хотел вскоре выезжать. Но правда ли то или нет, неизвестно; а только то было достоверно, что он все еще очень болен и с самого приезда своего никуда не выезжал и ни у кого не был; и что об отставке его опять слух миновался.

О том, когда ожила трава и рожь в сем году (апрель)

Трава ожила, а вместе с нею и ржи позеленели не прежде, как около 18-го апреля, в которое время начала и черемуха напуковаться; и натура не многим чем в сей год опоздала против прежних годов. Все открытие весны было беспорядочное и странное: половодь несколько раз делалась и мокроты и дождей довольно; словом, весну почитать можно было мокрою.

О болезнях в Москве (апрель)

Носилась, около сего времени, молва, что зима и весна сего года в особенности была нездорова для Москвы; и что в ней свирепствовали многие и опасные болезни, а особливо гнилые горячки с пятнами, от которых умирали очень многие люди. Некоторые перешептывали, что оказывалась было самая чума; но ее с самого начала успели прекратить, и дело сие было скрыто и утаено; однако сие невероятно; а что болезней было много и многие дома были заперты, то неоспоримая правда. Но по такой беспорядочной зиме и по дурному началу весны иного и ожидать было не можно, всегда сие в больших городах бывает, и сие не в диковинку.

Об отставке Заводовского (апрель)

К важным сего года при дворе происшествиям, между прочим, можно причислить и отставку первейшего из сенаторов и, так сказать, дельнейшего и разумнейшего из них, графа Заводовского, Петра Васильевича. Он просился сам в отставку и уволен, но сего бы не сделали, если б не было на него гнева от императрицы, по случаю похищения из банка кассиром 600 тысяч денег. Поелику граф сей был, между прочим, и главным директором над банком, то чем-то таким обвиняем был, при исследовании сего дела, и сам он. Писали, что комиссия сия была уже окончена, и все ждали, что многие по сему делу будут несчастны и претерпят зло. В особенности же устрашало всех то, что императрица не пожалела и самого близкого к ней человека и важнейшего из сенаторов и самого члена собственного ее верховного совета.

О рановой грозе в сей год (апрель)

Особливого замечания достойно, что громовые тучи в сей год показались очень рано. Кроме бывшего уже давно и

слишком рановременного небольшого грома, 22-го ночью была страшная гроза с проливным дождем. Да и во весь тот день ходили тучи, и гроза возобновлялась несколько раз. От сего ожила не только вся трава, но и ржи гораздо начали оправляться; но накладно было только земле, напитывающейся с излишком водою.

363

О топях, бывших весною сего года, и о погодах (май)

Особливого примечания достойно, что ни в который год не было весною таких вязкостей и топей, как в сей год. В конце апреля и в начале мая не было почти нигде проезда: на самых ровных местах, на лугах насытилась так земля, что лошади и повозки увязали, и езда была везде очень трудная. Впрочем, с весны были частые стужи и ненастья, отчего травы засели хороши и сена были прекрасные и изобильные; но хлеба озимые не весьма хороши, а в подмосковных местах совсем плохи, и год был неурожайный. Сады были не сильны от стужи и бурь и дождей во время цвета деревьев. В мае было много громовых туч с бурями и с перунами зажигающими. Семя родилось отменно много.

364

О ярмонке лебедянской сего года (июнь)

Славная наша лебедянская ярмарка была в сей год отменно многочисленна, и съезд на нее дворянства был превеликий; и лошади были дешевы. Она никак не упала, однако и не приходила в лучшее состояние.

365

О неперевозе всего провианта (июнь)

Собранный в Тульском наместничестве податной хлеб, как ни спешили и ни старались наймом доставить и перевезть, однако никак не успели; а множество его осталось в

Богородицке, с которым не знали, что и делать. Но откупщик здешний, г. Игнатъев, тотчас и тут подвернулся и чрез разные происки, и хотя не скоро и с трудом, однако добился до того, что казенная палата отдала ему весь оный для переваривания в вино, а его обязала контрактом количество таковое ж поставить в Москву и заплатила ему за мнимый провоз превеликую сумму. Однако хлеб весь был истрачен, а о поставке в Москву ничего было не слышно. И всего легче! он и там хлеб сей переведет как-нибудь на бобы.

366

О магазейнах хлебных для податного хлеба (октябрь)

Долго не знали и ничего было не слышно: будет ли в сей год такой же сбор хлеба, как в прошлогодний; и потому во все лето никто не помышлял о построении магазейнов. Но наконец, когда прошло лето и настала осень, и уже поздняя самая, тогда вдруг возобновилось сие дело: публиковано было опять о сборе хлеба; а казенным палатам велено стараться о скорейшем построении магазейнов, но время было упущено и им охотников к построению сыскать и в скорости взять было негде. Принуждены были почти кланяться и просить, чтоб кто-нибудь взялся магазейны сии построить, а помянутый г-н Игнатъев подоспел и к сему и не упустил и сего случая. Он тотчас подрядился построить, но взял и цену почти втрое против настоящей, и строил их на живую нитку, не осенью, а уже зимою, и едва-едва успел сгородить оные как-нибудь. Казна и в сем случае претерпела очень много, и не прошло и тут без воровства и мошенничества.

367

О поэме в честь Суворова (июнь)

В сей год, в literalном¹ нашем свете, явилось явление необыкновенное и до сего небывалое. Некто из приверженных старику нашему Суворову, а именно г-н Завалишин, сочинил ему целую поэму, в трех превеликих песнях состоящую, и прославил тем навек его победы. Он назвал ее «Суворойдою»². Сочинение хотя посредственное³, но де-

лающее честь сочинителю и герою. Никто еще не удостоен таковой чести, из всех наших бывших до сего полководцев; и сей монумент лучше всех мраморных пирамид.

368

О зарезавшемся рекруте (июль)

Из числа набранных в сей год рекрутов один, бывши в Деделове, в такую тоску впал, что хотел было уйти; но как его усмотрели и стали ловить схоронившегося в каком-то хлеве, то он, испугавшись и, думать надобно, наскучив жизнью, схватив нож, перерезал себе горло. Однако его успели схватить и горло зашить, и потом так удачно вылечили, что он остался жив.

369

О буянстве Игнатьева (август)

Известный буян и головорез, г-н Игнатьев, откупщик питейных сборов, прославился вновь одним деянием, которое ему мало чести приносило, но увеличило уже давнишнюю о буйном, беспокойном и скаредном его характере [славу]. Поелику он жительство свое имел неподалеку от Тулы, то случилось в лесные его угодья зайти тульским оружейникам. По несчастью сих, как-то он узнал, что они ловят в лесах у него маленьких птичек, так как они до них были охотники. Он счел сие величайшею себе обидою: велел их переловить и, по любимому обыкновению, так хорошо отстрепал их плетью, что один из них на другой день после того умер. Все думали, что г-ну Игнатьеву от того превеликая беда будет; но он, при помощи богатства и проворства своего, и от того увернулся. Убивство было хотя явное и неоспоримо доказанное; но он умел как-то все сие дело так перековеркать, что не вышло из того ничего. А говорили только, что ему дело сие более тысячи стоило и что единственно помогло ему то, что он, истираненных оружейников связав, сам привел в земский суд с объявлением, будто он поймал их в воровстве коров, к которым они, по его приказанию, были и привязаны. Словом, на все такие дела был господин Игнатьев великий человек.

О войне персидской (октябрь)

Война наша персидская, хотя продолжалась во все сие лето, не принесла нам никакой чести; но была несчастна так, как и все прежние в сей стране бывшие. Отдаленность, трудность в проходах и коммуникации и доставлении провианта и всего нужного, а всего паче нездоровый тамошний климат, нимало нашему народу несвойственный и несносный, — были тому причиной, что мы, не дравшись почти, и хотя прошли далеко, захватили несколько городов; но сами потеряли всю тамошнюю армию. Носились слухи, что вся она почти померла от голода, недостатка в провианте и от болезней смертоносных, похищающих солдат целыми сотнями. А сверх того и самые тамошние горские народы причиняли иногда вред своими нападениями. Словом, война сия, начатая почти из единого любославия, и продолжаемая, как многие говорили, в удовольствие господ Зубовых, и для доставления им случая прославиться и нажать себе, по примеру князя Потемкина, и сокровища и лавры — была совсем безуспешная и более нам бесчестия, нежели славы принесшая. Самому младому и безногому предводителю сей небольшой армии не удалось нарвать себе столько лавровых ветвей, чтоб можно было сплести из них себе венки. О самом оном пронеслась молва, якобы он был изрублен; а иные говорили, что будто бы заколола его девка. Однако слух сей оказался после несправедливым, а утверждали только, что один наш только небольшой корпус захвачен был как-то тамошними народами и, со множеством офицеров, наголову изрублен; но, по неписанию ничего от правительства и по отдаленности, ни о чем в точности не было известно; и мы, живучи внутри России, ничего не чувствовали, что есть ли у нас война или нет.

О Гудовиче (сентябрь)

О сем, бывшем главном начальнике над кубанскими войсками и тамбовском и рязанском наместнике, носились разные слухи. Сперва разнеслась молва, что он, прежде еще приезда на смену ему графа Зубова, успел наголову раз-

бить персов и принудит их к заключению весьма выгодного с Россиею мира; все обрадовались сему известию и думали, что через то экспедиция персидская кончится и Зубов принужден будет ни с чем назад возвратиться; и говорили, что якобы Гудович за сие получил великое себе от государыни награждение; но после оказалось, что все сие совсем было выдуманное и несправедливое, а война нимало не пресеклась, но Зубов пошел, взял Дербент и некоторые другие места и наконец Баку самую; а г. Гудович остался командиром только над одною кубанскою линиею и тут находящимися немногими и только тысяч до двух простирающимися войсками. Далее говорили, что произошли на него от Зубова якобы жалобы в неоставлении войскам, в походе находящимся, провианта и в прочем во многом; и что будто он подпал за то под гнев императрицы; и что велено ему к ответу явиться. Но как бы то ни было, но то справедливо, что он во все лето пробыл на кубанской линии; и ничего об нем было не слышно; а по наступлении осени, прошел слух, что он действительно в Россию возвращался; как и действительно поставлены были уже под него подводы; что все, казалось, и подтверждало слух оный; но вдруг, при перемене правительства, все прекратилось¹.

372

Об остановке, сделавшейся в перевозе провианта в персидскую армию (июль)

Как к запасению персидского корпуса нужным провиантом не сделано было никаких заблаговременных распоряжений и приуготовлений, а востребовался он вдруг, и востребовался вдаль и за границу и в таких местах, куда проезд был не только труден, но и для перевоза сего, в тамошнем пустом краю, никаких подвод взять было негде,— то произошло оттого великое замешательство и зло, от которого многие воронежские богатые купцы разорились и сделались банкротами. Причина тому была следующая: провиант сей подрядились воронежские купцы поставить из Воронежа в Дмитровскую крепость¹. Они и отправили первый транспорт онаго на нанятых подводах. Сии не успели туда приехать, как и получено из армии и от Гудовича повеление, чтоб доставить провиант сей, как возможно скорей, на границу и к армии. Такое скоростижное и строгое

требование привело тутошних командиров в недоумение как им быть; ибо сколько они ни старались сыскать нанять подвод, но никто не хотел ни за какие деньги ехать в такую дальнюю, пустую, а при том и опасную степь, где они всякий час подвержены были опасности от нападения лезгинцев. В сей крайности находясь и опасаясь, чтоб не поморить армию без хлеба, и решились они неволею протурить² самые те подводы, которые привезли хлеб из Воронежа. Но самым тем и испортили все дело: ибо как сии на большую часть в сем вояже растеряли и волов своих и лошадей, да и сами многие погибли, и слух о том распространился всюду, то никто и ни под каким видом не нанимался уже у купцов везти прочий провиант из Воронежа до Дмитровской крепости; ибо всякий не хотел погибать и терять своих волов, лошадей и повозок и себя подвергать опасности. И как чрез то купцы, против хотения своего, не устояли в слове и не доставили провиант в свое время в крепость, то там принуждены были на счет их покупать тройною ценою и чрез то бедняков сих приводить в сущее разорение. Вот что делает неосмотрительность командиров и непомышление заблаговременно обо всем, случиться могущем.

373

В Украине прославляется лекарь (1796)

В Малороссии, около сего времени или паче уже года за два до сего, прославился чрезвычайно один отставной из армии лекарь, прозывающийся Трофимовичем и живущий своим домом, на свободе, в малороссийском местечке Сорочинце. К сему человеку съезжалось всякий год, со всех сторон, такое великое множество дворянских, немоществующих разными болезнями, фамилий, и он с толиким успехом некоторых из них вылечивал,— что слава возгремела об нем повсюду, и он редкий год не получал тысяч по десяти и более дохода. Самое местечко Сорочинцы от того процвело, ибо всегда живало в оном множество господ. И особливо примечания достойно, что врач сей всех вообще начинал лечить особливо странною методою, а именно: становлением всякий день на 3 минуты ног в лед, также заставлял он иных купаться в тамошней реке и тереться в воде песком. Впрочем, давал он почти всем пить настойку из некоторых

трав, ему только известных; и настойка сия известна была под именем *сивушки*. Смесь трав сих, искрошенная очень мелко, продавалась в аптеках особливыми картузцами в лубках¹ и при том дорогою ценою. Сим образом наживался он сам и кормил аптекарей; а знание и искусство его увеличивала более слава.

О европейской войне (1796)

Между тем как вся Россия наслаждалась миром и тишиною, прочая часть Европы стояла в огне и в пламени, по причине продолжающейся еще революционной французской войны¹. Ни в который год из всех предследующих не происходило столько великих происшествий, не было столько больших и малых сражений, не погибло столько от меча народа и не происходило столько в военном счастье перемен, как в сей год. Французы никогда еще так счастливы не были, как в оный; а император² никогда еще в такой опасности и утеснении не находился, как в сие лето. Французы не только овладели всею Италиею, принудили с собою сардинского короля и многих других итальянских князей помириться, не только выгнали цесарцев совсем почти из Италии, овладев их миланским герцогством,— но возвратили и на Рейне, все захваченное цесарцами, в минувшую осень. А тем еще не удовольствуясь, перешли в двух местах чрез Рейн и с такую скоропостижностью врезались в самое сердце Германии и, как быстрая река при наводнении, разлились повсюду,— что захватили почти целую половину Германии и угрожали посещением императора в собственных его землях и в самой столице. И чрез все то привели императора в такую расстройку, что он принужден был, будучи оставлен и выдан, как на корабельную доску, от всех своих, воспрять прибежище с просьбою о вспоможении к нашей монархине; и сия обещала ему оную и повелела тотчас вступить войскам своим в Галицию. Но, по счастью, сцена неожиданым образом переменилась и счастье в Германии обратило лицо свое к цесарю. Французы еще того скоропостижнее были опять из Германии выгнаны и приневолены с великим уроном переправиться обратно за Рейн. А сие и остановило и наши войска, ибо в них сделалась

уже не столь великая нужда, какая была прежде. Да и все обстоятельства от сего переменились и взяли иной вид.

375

Шведский двор начинает с нашим сближаться (август)

Уже с самого начала сего года, паче с начала весны, начали час от часу более поговаривать, что чуть ли не происходит между шведским и нашим двором сватовства и переговоров о том, чтоб младому королю шведскому жениться на старшей из наших великих княжен. Вся Европа также о том поговаривала и устремляла любопытные взоры на север. Возвышение посланника нашего при шведском дворе, Будберга, в сан полномочного посла, уважение онаго при шведском дворе и благосклонный ему прием и многие другие обстоятельства производили сию догадку и заставляли всех ожидать скорого сему делу разрешения. Однако, по неизвестным причинам и, как думать надобно, от происков других дворов, а особливо прусского, старающегося начинающееся сие дело разрушить и разбить, протянулось сие далее, нежели все думали, и доходило даже не один раз до того, что слухи о сем сватовстве умолкали, а начались иные, совсем оным противоположные, и что якобы у нас неминуема будет война с шведами. И в таковом недоумении находился весь свет и вся Россия во все лето. Но в начале августа вдруг обрадована была вся Россия одним письмом, присланным от императрицы к московскому начальнику, г. Измайлову, которым весьма милостиво извещала она его, что шведский посланник приезжал к нашему вице-канцлеру, с объявлением, что его государь намерен посетить нашу императрицу, буде ей то будет не противно, и приехать в половине августа месяца. Государыня присовокупляла к тому, что она охотно на то согласилась и что король приедет не под своим именем и пробудет до половины сентября с великою свитою и будет жить в доме у своего посланника. Наконец просила не дивиться, когда услышат, что в Петербурге много будет пляски и веселья, ибо-де молодежи будет много. Сие письмо разрешило наконец все сомнительства; и все с того времени стали за верное полагать, что наконец шведский двор с нашим породнится и наша великая княгиня будет на престоле шведском.

В Петербург делаются великие приготовления к приему и угощению знаменитых гостей (август)

Не успело прибытие короля шведского сделаться достоверным, как весь Петербург закипел деланием разных приготовлений к приему и угощению такого великого и знаменитого гостя и к доставлению ему возможнейшего удовольствия пышными пиршествами и торжествами. Императрица, при преклонности своего века, вознамерилась показать ему весь свой двор, прямо в императорской пышности и славе; и потому не только, по велению ее, деланы были при дворе приготовления к разным празднествам и увеселениям, как-то: к пиршествам, балам, маскарадам, гуляньям, театрам, фейерверкам и иллюминациям, — но и всем знаменитейшим вельможам приказано было готовить у себя таковые ж пиршества, ибо монархиня намерена была сама, с гостями своими, у всех их побывать и удостоить их своим посещением. А посему все они, друг пред другом, надрывались в сих приготовлениях и теряли на то не тысячи, а целые десятки тысяч; и слух носился, что им дано на то и из казны по несколько десятков тысяч. Все, что только могло ослеплять зрение свое пышностью и великолепием и приводить в приятное изумление, выдумывано было и готовится. И как государыне, по причине болезни в ногах, трудно было всходить на высокие крыльца и лестницы, то некоторые переламывали даже вхожие части домов своих и делали их для монархини спокойнейшими. Некоторые готовили для пиршеств свои городские дома, а другие — загородные и на своих дачах. Из сих никто так не отличился, как граф Безбородко. Говаривали, что он в две недели произвел сущее чудо и воздвиг снаружи сарай огромный ничего не значащий, а внутри — райское обиталище, украшенное мраморами, золотом, серебром, хрусталем и всем, что только может выдумать пышность и великолепие. Всем господам предписано было являться, при сем случае, не в ином каком одеянии, как только в греческом, как в великолепнейшем из всех; и госпожи с ума даже сходили на придумываниях, чем себя украсить лучше. Что касается до фейерверка, то готовлен был такой, какого никто не запомнит, и который, как говорили, и один стоил 170 тысяч. Словом, приготовления во всем деланы страшные и такие, которые неминуемо должны были пленить юного шведского монарха; и на все оные не жалеемо было денег.

Король шведский приезжает в Петербург и угощается (сентябрь)

Наконец точно в назначенное время, день и час, впоследствии действительно прибытие в Петербург юного шведского монарха¹. Он приехал сухим путем из Выборга, вместе с дядею своим и регентом шведским, герцогом Зюдерманландским, и немалою свитою, составленною из молодых вельмож шведских. Оба они приняли на себя иные имена, и король, по примеру отца своего, назвался графом Гагою, а регент — графом Вазою. Въезд их был совсем не пышный и так, как простых графов; и оба ехали в небогатой открытой коляске, и наш ямщик стоял позади: сие удивило многих наших, не знающих тому причины, и подало глупцам повод к грубым насмешкам. Остановились они у посла своего, Штедингга; и в первый день он отдыхал и ездил по городу; а уже во второй, и ввечеру представлен был государыне. Сия избрала местом для сего первого свидания свой эрмитаж и приняла его сперва одна и одного только с дядею. Говорили, что она обрадовалась, нашед в нем разум, превосходящий его лета, и не могла с ним довольно наговориться, и не так как с ребенком, а как с возмужалым и степенным человеком. Первое сие свидание и разговор сей продолжались у них недолго, а потом повела его государыня в другую комнату, где находилась вся императорская фамилия, его во всей своей пышности дожидаящаяся, — и представила его оной. После чего представлена была ей и всей ее фамилии королевская свита. А наконец отворены были двери в большой зал, где находились уже в готовности все знаменитейшие ее слуги обоих полов, во всей пышности и славе. Императрица представила ему их; и не успел он откланяться, как загрела вокальная и инструментальная музыка, и начался бал, который открыл сам он с великою княгинею Елисаветою Алексеевною². По продолжении бала сего несколько времени, приглашен он был к вечернему столу, а после онаго — в театр, где представлена была опера «Иван Царевич»³ и где не позабыто было также все, что могло только служить к очаровательной пышности и великолепию. Словом, и самым сим первым блеском король так поражен был, что можно было заметить отменное его удовольствие, которое тем было более, что лучше всех великолепий понравилась ему беспримерная красота назначаемой

ему невесты, великой княжны Александры Павловны, в которую он с той же минуты влюбился. За сим первым торжеством последовали непосредственно другие и почти непрерывные: то угощала его императрица у себя, то великие князья, то первейшие ее вельможи, граф Безбородко, Самойлов, Нарышкин⁴, Остерман, Строгонов⁵ и многие другие. И празднества сии продолжались с некоторыми промежутками, назначенными для отдохновения, ровно две недели, в которые почти всюду и всюду ездила с гостями своими сама императрица: повсюду угощаема была наивеликолепнейшим и таким образом, что король и вся его свита не могли довольно надивиться блеску и пышности как императорского двора, так и самых придворных и знаменитейших вельмож. Наконец, после нескольких прогулок и посещений достопамятнейших мест, кончилось все сие сожжением помянутого фейерверка; и не только шведы, но и россияне, бывшие в сие время в столице, очарованы были сими редкими и достопамятными торжествами, которые случайным образом сделались и тем достопамятными, что были последними в жизни императрицы, и она делала их равно как на прощание с любезною своею Россией и отправляясь из нее в высшие пределы; хотя сие никому не было известно, ибо никто не мог того предвидеть, что воследовать должно было вскоре.

378

Сватовство и расстройка, сделавшаяся неожиданным образом (сентябрь)

Как скоро помянутые торжества и всенародные потехи кончились, то начались при дворе уже келейные съезды и переговоры; и любопытство всей публики напряжено было до чрезвычайности. Все заключали, что началось тогда и происходило самое сватовство; и все ждали сговора. Но вдруг как все не только замолкло, но стали перешептывать, что чуть ли дело наше не разойдется, что и в самом деле было. Но что подлинно было хотя и неизвестно, но носилась молва следующая: говорили, что назначен был уже и день сговора, и что съехались уже все ко двору, и невеста была убрана, как вдруг прислано было от короля сказать, что он занемог и приехать не может. Сие поразило не только весь двор, но и самую императрицу, ибо она того всего меньше

ожидала; и как явно было, что болезнь сия была вклепана и притворная, то привело сие монархиню в превеликое замешательство и гнев. И вдруг разнеслась молва, что приехал будто к королю шведскому курьер от короля прусского, с предложением, чтоб он никак на нашей принцессе не женился, и что он обещает ему 6 миллионов, да турки дают 8 миллионов, да французы — 10 миллионов помощных денег, для выдержания войны, буде она за сие воспоследует; и что самое сие будто короля и смутило, а того больше его дядю, которому сей союз был нимало неугоден; и что самое сие так раздражило государыню, что она публично сказала, что — «пускай себе едет домой, но что вслед за ним отправится 100 тысяч войска в Швецию и что за обиду таковую не останется и камень на камне в Швеции». Сим образом тогда повсюду говорили; а после стала носиться о сем замешательстве другая молва, а именно: что как уже условлено было обо всем нужном к начинаемому делу и все пункты написаны были, которые королю надлежало, прежде сговора, подписать, то пред самым тем временем, как начинаться сговору, отправлен был к нему управляющий иностранными делами министр, г. Марков, чтоб он предложил ему сии пункты для подписания. Но сей будто сам собою включил в договор сей такую статью, о какой ему ни от кого не было приказано, а именно, чтоб король приехал сам к нам в Петербург и тут бы венчался, чего от него никак было и не требовано; да и ему обещать и сделать того никак было не можно. Король, увидев сие, тотчас смутился и прямо сказал, что ему сего подписать и сделать никак не можно; и по самому тому сказанному больным. Тогда увидел г-н Марков, но уже поздно, что он сделал ужасную проступку и шалость непростительную. Он бросился к Безбородко; но сей, ужаснувшись, никак не хотел входить в сие дело и говорил г. Маркову, что как он сам напакостил, так бы сам и доносил о том государыне и сам бы отвечивал. От сего бросился он к князю Зубову и просил доложить о том ожидающейся с нетерпеливостью короля государыне; но и сей сказал ему сам то же и что он никак не войдет в сие страшное дело. И так стал г-н Марков как рак на мели и не знал, что делать. Но как сказать государыне необходимо было надобно, то пошел уже сам. Государыня не успела его увидеть, как спросила: «Что король? подписал ли?» — «Нет-де, и занемог». Ответ сей так поразил государыню, что она в тот же миг упала в обморок. Вот что наделал г-н Марков! — Но неизвестно в точности, который из обоих сих на-

родных слухов был справедливый¹. Легко статься может, что и то и другое было правда и что самый сей Марков был подкуплен остановить и замешать сие дело; а легко статься может, что и оба сии слуха были несправедливы. Но как бы то ни было, но то известно, что сговора в тот день не было; да и был ли он после, того в точности неизвестно, хотя и говорили, что чрез несколько дней все сие опять было переделано и выведено наружу, что Маркову совсем того было не приказано, и что он сам собою то сделал, и за то откинут от двора,— как то и действительно сделалось,— и что наконец король согласился переписанные статьи подписать и на великой княжне помолвить и с нею обменяться перстнями, как то и писано было в иностранных ведомостях. У нас же ничего о том в публику было не объявлено; да и не слышно было, чтоб происходил и при дворе какой-нибудь торжественный акт; а был ли или не был, так разве инкогнитный и сокровенный. А то только известно, что после того давал пиры у себя великий князь и наследник и что происходили с обеих сторон дарения и отдаривания.

379

Король шведский отъезжает из Петербурга (сентябрь)

Пребывание шведского короля в Петербурге, после вышеупомянутого происшествия, не продлилось уже слишком долго; а около 20 числа сентября воспоследовал и его отъезд, и опять тем же путем, как он приехал. Сей случай произвел также разные слухи. Говорили, что он отъезжал на короткое только время и скоро хотел опять приехать и что оставлял тут свою свиту,— а иные прибавляли, что самого дядю; иные рассказывали совсем другое; но все оказалось сие пустое. Он уехал со всею свитою и условившись, чтоб жениться ему в непродолжительном времени на нашей принцессе и венчаться заочно, по примеру иностранных, чрез поверенных. Отъезд его был так поспешен, что он не захотел остаться даже праздновать день рождения великого князя, и что страннее всего,— то удивились многие,— что он в самый сей день поехал из Петербурга, и опять чрез Выбург.

Венчание вознамериваются произвести новым и у нас необыкновенным образом (сентябрь)

Вместе с слухом об отъезде короля шведского распространился повсюду слух, что скоро воспоследует и действительная свадьба и король шведский совокупится браком на нашей великой княжне Александре Павловне; и что свадьба сия будет заочная, и венчание будет происходить в Петербурге, чрез поверенного шведского, и в будущем уже октябре или ноябре месяце. Носилась в народе даже и бумажка, подтверждающая молву сию, а именно рапорт синодского обер-прокурора о том, каков выдуман и установлен синодом обряд для сего случая. Синод должен был для сего собираться и трактовать, при присутствии Славянского архиепископа; и положено, чтоб венчанию происходить по обряду обыкновенному, как оный напечатан в служебнике, а только: 1) поверенному стоять не рядом с невестою, а несколько назади, отступя несколько шагов от места женихова; 2) на ектеньях упоминать не имя поверенного, а самого жениха; 3) при вопрошаниях отвечать поверенному именем жениха, а не от себя; 4) венец не надевать, а носить и держать в руке; 5) при хождении кругом, идти поверенному стороною и нести венец в руках; перепоя чтоб не быть. Бумажка сия была очень любопытна, но только носился слух, что будто бы ее в Москве отыскивали, как несправедливую, и отбирали, буде у кого находили. Однако в ней не было ничего предосудительного. Правда, многим незнающим, что сие в других землях водится, казалось сие странно и удивительно; но сии говорили, сами на зная что; и сие происходило от невежества.

О подарках, бывших с обеих сторон, при отъезде короля шведского (сентябрь)

Носилась молва, что во время сего пребывания короля шведского в Петербурге, не только он, но и вся свита его одарена была от императрицы очень богато и прямо императорскими подарками и что сам он между прочим подарен был звездою во 100 тысяч рублей, а не преминул также и он

одарить всех первейших наших вельмож и придворный штат, частью табакерками и разными другими вещами, а при оскуднении уже оных, и деньгами. Но обо всех его подарках вообще говорили, что они были очень умеренные и даже, в сравнение против наших, бедные; но что нимало и неудивительно: король сей далеко не таков богат был, как наша императрица. Пуще всего странно многим казалось, что он на всех придворных лакеев и официантов дал только 1 000 червонных, и сии зазнавшиися уже господа были так недовольны, что даже презирали сии подарки; но дело сие было от них крайне непохвальное.

382

Анекдот с фридрихсгамским исправником (сентябрь)

Рассказываем был следующий анекдот о фридрихсгамском исправнике. Был он какой-то бедняк и не дальней замысловатости офицер,— голь перекатная, но со всем тем сделал громкое и честь отечеству нашему приносящее дело. Как ему, по должности его, надлежало короля провожать до самой шведской границы, то король, при расставании с ним, хотел и его, по обыкновению, чем-нибудь подарить; но как все заготовленные вещи были уже растрчены, то послал он к нему 100 червонных. Для него хотя довольно и предовольно было и сего подарка, но он, однако, совсем его пренебрег и не только не принял, но просил отнесть оный королю обратно и сказал, что он никакой не имеет нужды в деньгах, но, по милости монархини своей, получает жалованье и оным доволен, и если б король подарил его какую-нибудь вещицею, так бы он охотнее ее принял и стал бы хранить, как достопамятность, детям и внучатам своим, на память милости королевской. Королю было сие и стыдно и приятно: он приказал ему себя извинить, что он ничего подобного тому теперь при себе не имеет, но как скоро возвратится в Стокгольм, так не оставит к нему прислать подарок. Тем тогда сие и кончилось; но дело сие сделалось громко и дошло тотчас до сведения императрицы: и сия милостивая монархиня не успела о том услышать, как послала к нему тотчас табакерку в 3 000 рублей и в ней 100 червонных и повелела объявить ему свое благоволение.

О портрете короля шведского (сентябрь)

Говорили, что когда шведского короля водили по всем достопамятным и обозрения достойным местам и по академиям в Петербурге, то где-то, и не то в Эрмитаже, не то в Академии художеств, посажены были за ширмами живописцы; и велено было тотчас срисовать с него портрет, точно в том платье и убранстве, в каком он тогда был. Портрет сей не только был срисован, но очень и потрафлен и тотчас потом выгравирован искуснейшим художником и напечатан. И все сие происходило так скоро, что король крайне удивился, когда, при посещении его Академии художеств, он ему был уже поднесен, с надписью российской, что означал он графа Гагу. Портретик сей был маленький, но в самом деле очень хорошо выработан; и многие его потом имели; и сие относилось к великой чести нашей Академии художеств.

О кончине тульского наместника (октябрь)

Наконец оказалось, и все не хотевшие сначала верить принуждены были поверить, что болезнь почтенного и любви достойного тульского наместника, генерал-аншефа Евгения Петровича Кашкина, была непритворная, а действительная; ибо оный в начале октября от оной кончил свою жизнь, к истинному сожалению всех его знавших и почитавших по достоинству. Он был истинно разумный и многими великими сведениями одаренный и при том весьма хорошее сердце имевший человек. Болезнь его была сначала хотя совсем не такова, чтоб можно было опасаться смерти, но господа наши медики, врачи и операторы¹ скоро сделали ее не только важною, но, изрезав, измучив и даже истиранив его до чрезвычайности, довели его и до гроба. Страдание его было неописанное и, что всего страннее,—невольное. Говорили, что императрица, любя сего верного своего слугу и искренно о нем жалея, приказывала ежедневно ездить к нему своим лейб-медикам. А против сих и не можно было ему ни в чем спорить, но он принужден был дать им волю делать с собою и себя мучить и тиранить, как им

хотелось. Они несколько раз делали с ним операции и резали столько его лядвию², что наконец лишился он всей своей задней части. Он был до самой кончины своей в совершенной памяти; лежал в постели одне только сутки и читал себе отходную. Наилучшее качество сего почтенного вельможи состояло в том, что он украшен был истинным благочестием и был прямой, но не суеверный христианин. Он оставил по себе всеобщее сожаление и многочисленное семейство,— жену, двух сыновей и многих³ дочерей, но которые все не оставлены были нашими монархами.

385

О рекрутском последнем и особливом примечания достойном наборе (сентябрь)

Особливого примечания было достойно, что, во время самого пребывания короля шведского у нас в России, вдруг и против всякого ожидания, издан был указ о новом наборе рекрут, и наборе чрезвычайно большом, а именно со 100 душ¹. Неожиданное повеление сие поразило все государство прискорбием и смущением, и тем паче что никто не знал и не усматривал причины, на что бы такой великой набор был надобен: все отечество наше находилось в глубочайшем мире и спокойствии, кроме одной, но совсем ничего не значащей, персидской войны, и которая никак не требовала столь великого вооружения. Многие догадывались, что не досада ли на прусского короля и не желание ли отомстить ему за его мытарства и старание разбить свадьбу были тому причиной, и повсюду носилась молва, что у нас с Пруссиею неизбежная будет война. Другие подозревали, что государыня делала сие наиболее для устрашения короля шведского и для сильнейшего побуждения его жениться на нашей принцессе, и на случай ежели ему вздумается отказать, то войска бы были уже готовы. Давно уже твержено было о 100 тысячах, долженствующих посетить Швецию в нужном случае. Но все сии слухи были недостоверные и основывались на одних догадках, но как бы то ни было, но рекрутский набор, тотчас по опубликовании указа, начался и производим был с великою поспешностью; и все государство воскипело заботами, ездами, посылками и хлопотами по сему случаю; и вкупе полились везде слезы и начались оханья и горевания. Деяние сие было почти по-

следнее от императрицы, относительно до ее подданных; и особливого сожаления достойно, что, правительствуя толь многие года столь милостиво, в последнее свое время ожесточила она так, без дальней нужды, своих подданных.

386

О разнесшемся слухе о разрыве с шведским двором (октябрь)

Не успело несколько времени пройти после отъезда короля шведского из Петербурга, как вдруг начали перешептывать, и стала разноситься секретная молва, что чуть ли наше дело с шведским двором не разорвется. Говорили, что он не успел возвратиться в свое отечество, как и писал к государыне, что он занемог и чтоб бракосочетание отложить до мая месяца. И как сие походило более на совершенный отказ, то говорили, что сие раздражило до бесконечности государыню, что она гневалась ужасно и приказала делать все нужные приуготовления к шведской войне. И с того времени стали все твердить, что у нас война с шведами неизбежна. Нельзя изобразить, как поразителен был сей слух для всех истинных сынов отечества и как много начали многие озабочиваться о будущей судьбе нашего отечества. Всем явно было, что сим случаем легко могла подвергнуться Россия весьма в критическое и такое положение, в каком она никогда еще не бывала; ибо за верное можно было полагать, что, в случае возгоревшей войны с шведами, пристанет к нам и король прусский и турка, следовательно, нам надобно будет воевать вдруг с тремя важными державами, а с четвертою Персиею. Но к выдержанию такой страшной четвертой войны, при старости и слабости государыни, при престарелости наилучших ее полководцев, при оск дении в деньгах и при всеобщей расстройке всего в государстве, была она совсем неспособна, и все опасались, чтоб конец правления нашей великой монархини не сделался столь же бесславен, как славно было все ее правление. Но как бы то ни было, но с того времени рекрутский набор стал нам казаться не столь ненадобным, а еще и нужным, и всякий стал охотнее давать своих рекрутов. Но подлинно ли так было, как носилась тайная молва, было совсем неизвестно; но говорили, что в Петербурге все с того времени закипело, ибо госуда-

рыня проговорила, что за сию обиду не оставит во всей Швеции камня на камне: однако сие легко было говорить, нежели произвести в действо.

387

Россия совсем внезапно лишается великой своей монархини (ноябрь)

Вскоре и очень вскоре после помянутой, разнесшейся молве о разрыве с шведским двором и о начинаемых военных против Швеции преуготовлениях и посреди недоумения всего народа и озабочения многих умов о предстоящих и, может быть, бедственных и несчастных временах,— вдруг все слухи сперва замолкли, и все, по-видимому, утихло опять и успокоилось, кроме прозводимого рекрутского набора; а потом поразило неописанным образом все государство нечаянным и всего менее ожидаемым известием о кончине великой своей обладательницы и бессмертную славу во всем свете приобретшей государыни и великой монархини Екатерины Вторья и о вступлении на престол сына и наследника ее, государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. Известие сие было тем для всех поразительнее, что весь народ нимало не был к тому приуготовлен, ибо не было ни малейших слухов о болезни государыни. Хотя после известно сделалось, что она целых две недели, после помянутого получения известия из Швеции, была очень больна и из покоев своих не выходила, однако не так больна, чтоб можно было опасаться кончины; но, напротив того, она от сей болезни освободилась и сделалась опять здорова. Как и накануне того дня или последний день своего царствования препроводила она в совершенном здоровье: ввечеру была очень весела и играла с маленькою компаниею в карты и спокойным образом могла почивать; и всю ту ночь спала спокойно; да и поутру встала, по обыкновению своему, рано и, напившись горячего, села за свой стол и несколько времени упражнялась в писании и сочинении давно начатой ею сочинять российской истории. И все сие спокойное состояние продолжалось по 9-й час несчастного 5-го числа ноября месяца; а в сей навеки Россиею незабвенный несчастный час постиг ее прежесточайший удар паралича, лишивший ее в один миг употребления всех чувств, языка и памяти, а чрез 36 часов потом и самой жизни.

О причинах таковой скоропостижной кончины носились разные слухи; но более утверждали, что произошла она от дурного затворения ран на ногах, которыми она уже давно страдала и которые лейб-медики ее никак затворять не отваживались; но как она ей наскучила, то решила она вверить себя какому-то медику, французу, бравшемуся ее вылечить и раны сии затворить. Он и учинил сие, чрез становление ног ее или сажание всей в морскую воду; и государыня была тем так довольна, что не упрекала своих лейб-медиков, что они не умели и не могли ее так долго вылечить, а помянутый лекарь вылечил ее в самое короткое время. Но наилучший ее лейб-медик Рожерсон прямо ей сказал, что он опасается, чтоб не произошло оттого бедственных последствий и самого паралича; и что он мог бы скоро вылечить, но того только поопасся. Но монархиня смеялась только сим, по мнению ее, отговоркам; и потому никак не хотела последовать их совету и в том, чтоб кинуть из руки кровь, которая, может быть, спасла б ее еще на несколько времени, как о том писано было в иностранных газетах, где упоминалось вкупе, что у государыни были опухлые ноги, что она принимала от того лекарства, но что стала чувствовать оттого частые колики, от которых наконец она и скончалась. Но как бы то ни было, но, по вскрытии тела и по исследовании внутренностей, оказалось, что паралич и произошел от прервавшейся в мозгу жилки, произведшей ту кровь, которая в устах ее оказалась. Далее писано было, что в желчном пузыре найдено было у ней 2 камня, от которых, заключали, делалась ей колика.

Особливого примечания достойно, что собственно того, как она поражена была параличом, никто не видал; почему и неизвестно, в которую точно минуту получила она сие несчастье; а писано было только, что как она сидела одна в кабинете и писала и никто, не будучи позван колокольчиком, не отваживался к ней войти, то вдруг будто почувствовала она и, что потому, оставив свое писание, тотчас она встала и спешила находящееся в маленьком побочном покойце; но не успела туда войти и дверь затворить, как вдруг без памяти упала на пол. Всего того никто не знал и не видал, ибо не прежде государыни встренулись, как по прошествии получаса времени; да и то, потому что пришли вельможи докладывать ей о чем-то и надобно было заглянуть в ее кабинет; но как ее там не увидели и долго ждали и не дождались, то отважились войти и ее повсюду искать начали. Тогда-то, а не прежде, увидели под двери

кабинетца, который отворить было не можно, ее, лежащую на полу, и в таком положении, что она ногами своими уперла в двери. Все перепугались от того неописанным образом и не знали, что делать и как туда войти. Но наконец каким-то образом отворили сии двери; нашли ее, лежащую без чувств; подняли, положили на постель. Побежали за медиками и лекарями; и сии употребляли все, что можно было, к возвращению ей чувств и памяти, кидали пять раз кровь; приложили к разным частям ее тела шпанские мухи¹; давали ей рвотное, но без пользы. Правда, сперва оказался было малейший луч надежды к приведению ее в память; однако и тот тотчас опять исчез, и к вечеру не было уже никакой надежды.

Между тем от князя Зубова, пораженного сим случаем, власно как громовым ударом, отправлен был курьером родной его брат² в Гатчину к великому князю³; но как сей ни спешил, и были хотя подставлены и переменные лошади,—но, по причине крайней дурноты дороги, не прежде мог поспеть великий князь, как уже в 9 часов того вечера, и тогда уже, когда не было к возвращению жизни ни малейшей надежды.

Со всем тем государыня, в таком несчастном положении, протрадала и проборолась с смертью до самого десятого часа последующего за тем шестого числа ноября; и тогда уже испустила великий дух свой, к общему сожалению всех ее верных подданных и соболезнованию всей России.

Невозможно изобразить, сколь чувствительна была потеря сия для всех ее вельмож и придворных, а особливо тех, которых она отменно жаловала. Весь двор погрузился оттого в глубочайшую и неизобразимую печаль; и слезы из всех очей текли струями.

Сим образом окончила жизнь свою великая сия монархиня. Для всех, искренно ее любивших и почитавших, собственный образ кончины ее был чрезвычайно прикр и сожаления особливого достоин. По великим ее делам и той бессмертной славе, какую приобрела она во всем свете, и по редким и чрезвычайным ее дарованиям, качествам и свойствам и по всему тому, что она хорошего в жизнь свою сделала, достойна она была не такой кончины, но драгоценная ее для многих людей жизнь заслуживала лучшего и не с такими прикрыми обстоятельствами сопряженного окончания, какое она имела. Но так угодно было, видно, уже судьбе, чтоб между славною жизнью ее и ее концом был совершенный контраст; и она принуждена была ли-

шиться всех тех выгод, какими пользуются и последние из христиан при отхождении из временной жизни в вечность.

Впрочем, неизвестно, может быть, все сие случилось еще к лучшему и что Провидение и Промысл Божеский восхотел оказать тем особливую ко всем россиянам милость, что устроил и расположил конец сей великой монархии точно сим, а не иным образом. Ежели б имела она обыкновенное жизни своей окончание и не столь скоропостижное, а с предшествовавшею наперед и несколько недель, или хотя дней, продолжающеюся болезнию, если б пресечение жизни не было столь дружное, а медлительное, с употреблением до самого конца жизни всех чувств, всего разума, памяти и языка,—то почему знать?—может быть, произошло бы что-нибудь, при сем конце жизни, такое, что произвело бы в государстве печальные и бедственные какие-нибудь последствия или бы какие несогласия и беспокойства, неприятные всем россиянам. Носившаяся до того молва, якобы не намерена она была оставить престол свой своему сыну, а в наследники по себе назначала своего внука,—подавала повод многим опасаться, чтоб чего-нибудь тому подобного, при кончине государыни, не воспоследовало. И все содрогались от одного и помышления о том. Но судьба все сии сомнительства и опасения вдруг и единым разом разрушила и уничтожила, сделав чрез скоропостижную и непредвиденную кончину императрицы то, что на престол ее вступил, без всякого помешательства и оспаривания, законный и самый тот наследник, который и по родству, и по закону, и по всем правам должен быть таковым и который к сему еще от рождения своего был назначен. И вступление сие было столь мирно, спокойно и для всех, а паче всего для всего народа, радостно, что от самого того и печаль и сокрушение о потере толико великой императрицы для всех вообще менее были поразительны и чувствительны, нежели сколько по великим ее к России благодеяниям и заслугам быть долженствовала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого

1

Государь изъявляет знаки искренней сыновней любви к своей родительнице

Государь находился, в то время, в любезном своем обиталище, увеселительном замке Гатчине, когда поразил несчастный и бедственный удар августейшую его родительницу великую Екатерину в Петербурге. И хотя расстояние помянутого места от резиденции и не слишком было велико; хотя отправлены были к нему и от начальника петербургского, господина Архарова, и от фаворита императрицы, князя Зубова, и от самого внука ее, великого князя Александра Павловича, многие курьеры, скакавшие наперерыв друг перед другом¹; хотя он, по получении известия сего, нимало не медлил, но поспешал колико можно приездом своим в Петербург; однако застал покойную императрицу уже едва только дышащую и давно безгласною. Уверяли все, что он, при сем последнем свидании своем с нею, оказал ей все, что только можно требовать от чувствительного и искренно мать свою любящего сына: он ринулся к ней с возможнейшими изъявлениями всей детской своей любви, плакал, рыдал, целовал у нее руки и все члены, омочал их сыновними слезами и, при оказании всех знаков истинного сокрушения сердечного, находился безотлучно при ней, до самой минуты переселения ее в вечность, что воспоследовало через два часа после его прибытия². Сим изъявил он ей последний долг истинно любившего и почитавшего во всю ее жизнь сына и самым сим поступком приобрел уже первую себе похвалу и одобрение.

2

Государь приступает с благоговением к ношению возложенного на него Небом бремени

Как скоро великий дух императрицы Екатерины возлетел на небо и лишенное уже чувств ее тело обмыто было иск-

ренными сыновними слезами; то первейшее дело наследника ее и преемника престола было то, что он поспешил в придворную церковь, куда не успел войти, как поверг себя пред царскими вратами и пред престолом Всемогущего и, распростершись с искренним и сокрушенным сердцем и с льющимися из глаз слезами, просил Царя царей благословить всемогущею десницею Своею его, вступающего в новый подвиг в жизни, и помочь ему носить великое бремя царствования над толь многими миллионами людей, ему в управление святыми судьбами Его вверенных. Несколько минут продолжалась сия его достопамятная молитва, составившая весьма трогательное зрелище для всех при том присутствовавших. Потом не преминул он приложиться ко всем местным образам и, отдав сей первейший долг Всемогущему и побывав опять при теле августейшей своей родительницы, вошел уже в тронную, где ожидали уже его первейшие государственные чиновники: граф Безбородко, как верховнейший министр, и граф Самойлов, как генерал-прокурор и предводитель сената. Тут, взошед на прародительский престол, объявил он себя императором и самодержцем всероссийским и изъявил желание, чтоб все учинили ему в верности присягу.

Носилась молва, но справедливая ли или нет, того уже неизвестно, что будто в самое сие время подступил к нему помянутый первенствующий министр, граф Безбородко, и, со всем должным к нему подобострастием, представил, что все они готовы ему присягнуть, но требуют наперед, чтоб благоволил вначале учинить он сам начало сему торжественному обряду. Говорили, что государь якобы удивился сему неожиданному предложению и тотчас спросил: «Как мне самому присягнуть? Кому и как?» Но ему сказано было в ответ, что дело сие не новое, что все предки его сей обряд торжественно производили и ему следовало только последовать их примеру и пред Всемогущим присягнуть в любви своего отечества, в хранении закона праотцов своих, в защищении своих подданных, в доставлении им всякого правосудия и поспешествовании всеми силами своими благосостоянию государства и блаженству своих подданных. После чего предложена была ему та клятва, которою клялись и своеручным подписанием утвердили все его предки. И государь толико был тем растроган, что того ж момента приказал подать налож с евангелием и крестом и с особливом благоволением исполнил сие отребование; и, подписав

оний клятвенный лист, сам тотчас паки его в конверт запечатал и отдал для хранения по-прежнему в государственный архив.

3

Государь самые первейшие минуты своего правления знаменует милостью

Не успел государь вступить на свой прародительский престол, как излил уже от себя потоки милостей и щедрот к своим подданным, а особливо к тем, кои изъявляли до того к нему свою приверженность да и при сем случае изъявили первые к нему свою преданность. Из числа сих, первый воспользовался милостью нового монарха караульный гвардейский капитан, господин Талызин, поздравивший его первый императором: он получил от монарха то, чего всего меньше ожидал, а именно орден святой Анны. Явление сие было для всех новое и необыкновенное; но никто не знал, что у государя орден сей давно уже разделен был на три класса и уже готовы были все к тому знаки; как и помянутый капитан получил не первый, а один из меньших сего ордена классов¹. В тот же день пожалованы уже были и многие другие, как важными чинами, так и орденами.

4

Государь изъявляет кротость и незлопамятство при первом своем шаге

Рассказывали, что в то время, когда покойная императрица скончалась, то нечаянность и скоропостижность сей неожиданной кончины так сильно поразили находившегося при ней безотлучно последнего ее фаворита, имперского князя Платона Александровича Зубова, что ему сделалась дурнота и он упал в обморок. Сие перетревожило всех тогда тут случившихся, и как было и всех людей немного, то государь, случившийся быть при том же, толикую изъявил кротость и доброту души своей и сердца, что забыл всю досаду и неудовольствие, какие он имел и должен был иметь на сего молодого вельможу, подавал даже сам воду в

стакане, нужную для брызгания ему в лицо, чтоб привести скорее в чувство. Действие — доказывающее черту великости души и особливую доброту сердца и человеколюбивое чувствование.

5

Государь изъявляет чувствование негодования к неблагодарным

В самое то время, когда при кончине покойной императрицы, огорченный до крайности любимец ее, князь Зубов упал в обморок и все, случившиеся тут, бросились и спешили ему помогать, и когда сам государь был толико снисходителен, что подавал в стакане воду, в самое сие время приметил он, что некто из фаворитов и более всех облагодетельствованный сим князем, случившийся быть тут же, оказывал к нему уже хладнокровность и неуважение или паче некоторый род презрения. Государю явление сие было толико чувствительно, что он не утерпел тогда же, обратясь к сему человеку, сказал: «Ах неблагодарный! Ты ли не взыскан был сим человеком? И ты ли не обязан к нему всею благодарностью? К чему можешь ты быть годеи? Поди и удались от моих взоров». Пример сей довольно доказывал, сколь великую имеет государь доброту сердечную, а вкупе и обнаружение им малодушного труса и лицемера, надеявшегося, бессомненно, подслужиться государю притворным своим сего князя неуважением, но в том обманувшегося.— Говорили, что был то г. Колычев, служивший при дворе гофмаршалом и в тот же день откинутый и определенный к статским делам.

6

Государь оказывает отменный знак любви и благодарности к полку своему

Известно, что государь, в то время, когда он был еще цесаревичем, имел у себя свой собственный кирасирский полк, в экзерцировании которого находил он себе отменное удовольствие. Сему полку, трудившемуся довольно во все

годы пребывания под его командою и оставшемуся под оною до самого дня вступления на престол государя, восхотел он, при сем случае, оказать отличный знак своей любви, уважения и за все перенесенные им труды благодарность. За полком сим, стоявшим около сего времени за несколько десятков верст от Петербурга, по винтер-квартирам¹, отправлен был тотчас курьер, с повелением чтоб он тотчас шествовал в Петербург; и государь не успел услышать о приближении его, как тотчас сам поскакал к нему за город еще навстречу и, обнажив шпагу, поздравил оный с новым императором; и, приняв от всего его себе искренние поздравления и присягу, ввел его сам, как бывший командир его, в город и поздравил тут оный с получением достоинства наравне с его гвардией². А вскоре после того пережаловал всех своих офицеров чинами и почестями.

7

Государь делает детей своих соучастниками в трудах своих

Первейшим почти деянием государя, по вступлении его на престол, было то, что он, в противность всех прежних обыкновений, сделал тотчас обоих сыновей своих соучастниками в трудах своих и власно как помощниками. Он не только сделал всех трех полковниками разных гвардейских полков и отдал одному семеновский, а другому — измайловский полк, а третьему — конную гвардию¹, но старшего из них, провозгласив своим наследником, сделал еще своим первым генерал-адъютантом, военным губернатором петербургским и шефом всего российского войска; а сверх того восхотел, чтобы самые первейшие, с новым титулом подорожные, даваемые первым отправляемым всюду и всюду курьерам, подписываемы были самим им и все приезжающие в Петербург представляемы были ему, а им уже самому государю, буде кто хотел его видеть или имел к нему какую надобность. Словом, он препоручил ему столько дела, что он ни минуты почти не имел его праздного и начал привыкать к трудам уже в самые юношеские свои лета.

Государь принимает присягу от гвардии на балконе

Приведение к присяге гвардейских полков, производимое пред самым дворцом и в присутствии самого государя, стоявшего на балконе, доставило всем зрителям наитрогательнейшее зрелище: приводили полки сии к присяге новые их полковники сами, и зрение на сыновей, стоявших на коленях и присягающих отцу своему и государю, извлекло слезы удовольствия из очей многих зрителей.

Государь окружает себя новыми и ему верными и знакомыми людьми

К первейшим деяниям государя, по восшествии на престол, относилось и то, что он тотчас окружил себя людьми умными, проворными, имеющими великие дарования и ему довольно известными. В совет при себе верховнейший определил он одного из лучших и вернейших своих друзей, князя Куракина; и как сей находился в сие время в Москве, то отправил в тот же час за ним курьера, который, получив письмо о том, кинулся в тот же час в сани и поскакал в Петербург¹. Кроме сего, определил он в совет господина Васильева², человека известного всем по великим своим дарованиям и управлявшего, при покойном князе Вяземском, всеми делами, до государственных доходов относящимися, и по добродетели своей славного. Третьим членом пожалован г. Храповицкий³, известный также по своим достоинствам и способностям и бывший прежде сего секретарем и докладчиком у императрицы.

Для управления собственными своими делами и канцелярией избрал он г. Трощинского, человека, славящегося также хорошим своим характером и бывшего в милости и первым секретарем и докладчиком у покойной императрицы. Сего человека, пожаловав чином и украсив орденом, снабдил он 4 000 руб. на канцелярию и учредил, чтобы был он пред ним всякий день и составлял одного только почти докладчика.— Министерию иностранную вверил он опять известных уже способностей графу Безбородке, сделав его

вице-канцлером и министром первого ранга, наравне с фельдмаршалами; а престарелого вице-канцлера, графа Остермана⁴, пожаловал в канцлеры. Говорили и писали около сего времени, что при государе только два человека — Безбородко и Трощинский; один министр, а другой секретарь; и что все другие докладчики замолчали. К самому хозяйству двора своего определил он совсем других и ему известнейших людей, отлучив наперед в первый же день прежних, коих характеры были ему не угодны. Бывшее до того во всем и во всем явное грабительство и сущий разбой при дворце были ему довольно и предовольно известны. Сие ли самое или какие иные причины побудили его избрать в первые чиновники, при дворцовой экономии и хозяйстве, людей не только ему коротко известных, но притом еще и богатейших: обер-гофмаршалом сделал он первого богача в России, графа Шереметева; гофмаршалом — г-на Тизенгаузена⁵, а гофмейстером — известного богача, провору и скупца, князя Сергея Гагарина⁶. Адъютантами при себе сделал он многих, и хотя молодых, но ему коротко знакомых и одаренных великими способностями людей⁷. А сим и подобным сему образом, переменял он людей и при других важнейших должностях и окружал себя людьми достойными.

10

Государь оживотворяет всю военную дисциплину и доводит ее до совершенства

Как государь отменную, с малолетства своего, имел склонность к военной эрзерции и дисциплине, которая обратилась даже в привычку и страсть, так что он наилучшее свое удовольствие находил в управлении своим полком и другими некоторыми войсками, в его воле находившимися, в экзерцировании и муштровании оных и во введении строжайшей дисциплины, — то и по вступлении на престол первое его деяние было приняться за сию, отчасти до того дремавшую, как в гвардии во всей, так и в других войсках, в Петербурге находившихся, он начал, с самого первого уже дня, переображать и переделывать все и все в сих войсках и подвергал сам себя всем бесчисленным трудам и беспокойствам с сею реформою сопряженным, не жалея ни трудов, ни бдения, ни беспокойства. Время было тогда хотя наисуровейшее в году и самое зимнее, однако он не ставил

себе в труд присутствовать самолично всякий день, и без шубы, а в одном сюртуке, при разводе и при смене караула и иметь при себе обоих своих сыновей и всех к себе приближенных, а вкупе и всех гвардейских офицеров того полка, долженствующих забыть также о своих шубах, муфтах и каретах и привыкать ко всей военной нужде и беспокойству. В шесть часов поутру должны были уже все быть на съезде двора; и в шесть часов приезжали уже туда самые великие князья, и с того времени до самых полдней, все должны быть в строю и на стуже. Словом, перемена во всем произведена преужасная; и все военные, а особенно гвардейские, оживотворились и стали совсем иные. Толико действует пример самого монарха на подданных.

11

Государь изъявляет свой миролюбивый нрав

Носилась повсеместная молва, что государь, в самые первейшие дни своего царствования, отзывался первейшему своему министру Безбородке, а потом и публично многим и другим, а особливо своим военачальникам, — что теперь нет ни малейшей нужды России помышлять о распространении своих границ, поелику она и без того довольно уже и предовольно обширна, а потому и он никак не намерен распространять свои границы, а удержать их верно постарается и обидеть себя никому не даст; и в сходстве того хочет он все содержать на военной ноге, но при всем том жить в мире и спокойствии. Черта характера миролюбивого и намерение наиблаженнейшее из всех для России!.. Все порадовались, сие услышав, и молили Бога, чтоб оное совершилось в самом деле; ибо нам и действительно ничто так не нужно было, как мир, спокойство и тишина.

12

Государь в первые дни своего царствования производит хотя необыкновенное до сего, но такое дело, которым он всем подданным своим доставил превеликое удовольствие и осушил у целых миллионов людей слезы, из глаз текущие

В самое то время, когда скончалась покойная императрица, находились все пределы обширной России в крайнем

огорчении и в превеликих заботах, суетах и беспокойстве, по причине начатого уже и производимого рекрутского большого набора, который, незадолго до сей кончины, был установлен и тем для всех россиян чувствительней, что никто не усматривал необходимости в оном и той причины, для которой столь великий и тяжкий набор был установлен и набирался¹. Миллионы сердец поражены были везде и везде от того горестью и прискорбием. Тысячи потоков горьких слез текли повсюду из глаз матерей, жен и ближних родственников отдаваемых в рекруты. Бесчисленное множество людей находилось в движении, заботах и суетах. Все расставались с соболезнованием и огорчением, с наилучшими своими людьми. Весьма многие не знали, где им взять к тому годных и способных людей и принуждены были разорять и расстроивать наилучшие дворы и семейства. Богатые не жалели ничего и употребляли последние деньги на спасение своих людей, а крестьяне — детей и сродников: они платили ужасные суммы продающим людей в рекруты; все прочие стонали от многочисленной и дорогой складочной цены и не знали, где доставать потребные к тому деньги. Повсюду была скачка и гоньба; повсюду — озабочивание несказанное; повсюду — оханье и гореванье. Одни только моты, корыстолюбцы да доктора и лекаря в губернских городах, вместе с подьячими при рекрутских наборах, да директоры домоводства² радовались и веселились: к сим, со всех сторон, стекались струи золота и серебра; и они едва успевали только опоражнить свои, всякий день набиваемые, карманы. В таковом-то положении находилась Россия, как вдруг воспоследовала кончина императрицы, и вмиг почти за оною — высочайший от нового императора указ³, разрушивший как все сие зло, так и всю горесть и печаль в сердцах стесненных оным, истребивший и души всех подданных наполнивший радостью и удовольствием. Повелевалось набор сей не только остановить, но совсем уничтожить, распустить даже набранных уже рекрут. Нельзя изобразить, какое приятное действие произвел сей благодетельный указ во всем государстве, — и сколько слез и вздохов благодарности испущено из очей и сердец многих миллионов обитателей России. Все государство и все концы и пределы онаго были им обрадованы, и повсюду слышны были единые только пожелания всех благ новому государю. Сего, может быть, побудило к тому вышеупомянутое миролюбивое расположение его нрава, а может быть, и то, что хотел он, при первом шаге своего вступления на

престол, произвестъ радость во всей России; а легко статья может, что и причина та уничтожилась, для которой назначался сей страшный рекрутский набор. Но как бы то ни было и каково ни необыкновенно было сие деяние, но оно привязало весь народ к государю любовью и сделало его к нему приверженным

13

Государь дозволяет к себе всякому доступ с просьбами, дабы тем обуздать судей и поспешествовать правосудию

Вскоре после вступления государя на престол, разнеслась повсеместная молва, что в самые первые уже дни его царствования обнародовано было в Петербурге, что государь, желая всем подданным своим доставлять возможнейшее правосудие и покровительствовать всем от всяких обид и несправедливостей, дозволяет всякому приходить к самому себе с просьбами словесными и письменными,— и что, для выслушивания первых и принятия последних, назначено будет по два дня в неделю и часы, в которые всякому к нему приходить свободно. После прибавляли к тому, что мужчины должны приходить с просьбами своими к самому государю, а женщины к императрице и что как для тех, так и для сих назначены входы и комнаты и часы, где они должны собираться и ожидать прибытия государева. Но как о сем печатного указа еще не было, то неизвестно подлинно ли все сие так и не прибавлено ли к тому чего или не убавлено. Но как бы то ни было и сколь верить и ожидать того не можно, чтобы бремя сие государя не отяготило слишком, и потому едва ли удобопроизводимо,— однако если и что-нибудь похожее на то установится, так уже и то возложит узду на всех неправедных судей и всех, которые б захотели кого-нибудь обижать или делать какую неправду. Словом, все и все должны будут остерегаться, и одно уже слово, что всякий может и государя самого о том просить, в состоянии устрашить всякого и побудить к оказанию справедливости.

**Государь оказывает уже в первые дни
своего царствования важный опыт своего правосудия**

Не успел государь взойти на престол и несколько дней поцарствовать, как некто из купцов, в надежде, как думать надобно, на упомянутое в предследующей статье дозволение, отважился утруждать государя письменною просьбою на знатную и такую особу, которая тогда в особливой была милости у государя, а именно на самого петербургского генерал-губернатора Николая Петровича Архарова. Сей вельможа был купцу сему должен деньгами, и сумма, бывшая на нем, простиралась до 12 тысяч. Купец, сколько ни докучал ему своими просьбами о возвращении оной, но не мог никак добиться. Сперва отбоаяриван он был одними завтраками, а потом выталкиваниями в шею и наконец и самыми побоями.— Самое сие, может быть, и побудило купца сего просить государя; и он, прописав все то в своей просьбе и выбрав такое время, когда государь находился при разводе и вместе с ним был и самый его должник, г. Архаров, подает челобитную прямо государю в руки.— Государь, развернув сию бумагу и по прочтении нескольких строк увидев, что она была на любимого им вельможу, поступил в сем щекотливом пункте так, как только требовать и желать можно было от благоразумнейшего государя. Он подзывает к себе самого господина Архарова и, подавая ему бумагу, ласковым образом ему говорит: «Что-то у меня сегодня глаза слипаются и власно как запорошены, так что я прочесть не могу. Пожалуй, Николай Петрович, прими на себя труд и прочти мне оную». Архаров принимает, начинает читать и, смутившись при усмотрении, что то была челобитная на самого его, запинается и читает столь тихо, что едва было слышно.— Но государь напоминает ему, чтоб он читал громче, приводя в предлог, что будто он в сей день как-то и не хорошо слышит.— Архаров возвышает хотя голос, однако не более как только так, чтобы мог слышать то один только государь.— Но сей и тем был еще недоволен; но ему хотелось, чтобы читано было так громко и с такою расстановкою, чтоб все бывшие при нем и окружающие его могли все то слышать. Нечего было тогда господину Архарову делать: он принужден был хотя с трепещущим сердцем, но прочесть всю челобитную во весь голос и наивысшейшим образом. «Что это? — сказал государь по

окончании чтения,— это на тебя, Николай Петрович?» — «Так, ваше величество», — ответил сей смущенным голосом. «Да неужели это правда?» — спросил далее государь; и Архарову не оставалось иного сказать, что: «Виноват, государь!» — «Но неужели и то все правда, Николай Петрович, что его за его же добро, вместо благодарности, не только взашей выталкивали, но даже и били?» — «Что делать! — сказал, покрывшись стыдом и с крайним смущением, Архаров, — должен и в том, государь, признаться, что виноват! Обстоятельства мои к тому меня принудили. Однако я, в угодность вашему величеству, сегодня же его удовольствую и деньги заплачу». Государю приятно было такое чистосердечное признание, и сие избавило господина Архарова тогда от его гнева, ибо была ему за то после какая гонка или нет, то уже неизвестно; а тогда кончилось все только тем, что государь сказал: «Ну хорошо! когда так, так вот слышишь, мой друг, — обратясь к купцу он примолвил, — деньги тебе сегодня же заплатятся. Поди себе! Однако когда получишь, то не оставь прийти ко мне и сказать, чтобы я знал, что сие исполнено». Сим словом связал он господина Архарова больше всех обязательств; а случаем сим и на всех прочих знатных господ нагнал страх и опасение. И так просьба сия натурально должна иметь великие последствия.

15

Государь преодолевает искушение и одно великое зло разрушает в самом его начале

Пользуясь свободою и дозволением всякому просить самого государя, затеяли было и господские лакеи просить на господ своих и, собравшись несколько человек ватагою, сочинили челобитную и, пришед вместе, подали жалобу сию государю, при разводе находившемуся. В оной, очернив возможным образом своих господ и взведя на них тысячи зол, просили они, чтоб он освободил их от тиранства своих помещиков, говоря прямо, что они не хотят быть в услужении их, а желают лучше служить ему. Государь тотчас проникнул, какие страшные, опасные и бедственные последствия могут произойти, если ему удовольствоваться их просьбу и сквозь пальцы просмотреть или еще одобрить их дерзновение; а потому поступил и в сем так, как от самого

премудрого монарха требовать и ожидать бы можно было. Он, прочитав просьбу и обзрев окружающих его, подзвал к себе одного из полицейских и приказал, взяв сих людей и отведя на рынок, публично наказать нещадным образом плетьюми и столько, сколько похотят сами их помещики. И, не удовольствуясь сим, на самой их просьбе написал: дерзновенных сих, в страх другим и дабы никто и другой не отваживался утруждать его такими не дельными просьбами, наказать публично нещадным образом плетьюми.

Сим единым разом погасил он искру, которая могла бы развести страшный пожар, и прогнал у всех слуг и рабов [желание] просить на господ своих. Поступком же сим приобрел себе всеобщую похвалу и благодарность от всего дворянства. Все сии не могли довольно восхвалить его за сие и желали, чтоб он и впредь был толико же благорассудительным и мудрым.

16

Смелый ответ одного гвардейского офицера государю

При делаемой государем скорой и великой во всем реформе по гвардейским полкам, хотя всем изнежившимся до того гвардейцам и не весьма приятна была она, а особливо приучивание их к прямой службе и ко всем трудам с оною сопряженным, но необходимость самая заставляла всех их не только все свое негодование сокрывать глубоко в сердцах своих, но казаться еще охотно все то делать старающимися, что государю было угодно. Всем им довольно и предовольно известно было, что государь отменно любил порядок и наблюдение во всем точности, а особливо в службе к исполнению повеленного, и что повелениями его никому играть не годилось; а по всему тому и помышлял каждый только о том, как бы угодить чем-нибудь государю и получить от него благоволение. Сим в особливости ознаменовался один гвардейский капитан, господин Левашев Василий Иванович. Сему офицеру, из угодности к государю, восхотелось, при ведении команды своей на смену и на плац-парад, не только быть без шубы и плаща, как повелено было, но, несмотря на всю жестокость мороза, даже и без самых перчаток; а из подражания ему сделали то же и все другие бывшие с ним офицеры. Явление сие сделалось тотчас государю, бывающему всякий день при разводе,

приметно; и сей, удивясь оному, не преминул, тотчас подошел к господину Левашеву, сказал: «Что это, Василий Иванович? ты уже в такую стужу и без перчаток? к чему это так?» — «Государь! — ответствовал ему г. Левашев, — перчатки вот у меня здесь в кармане; а мы сделали сие единственно, чтоб вам тем более угодить». Монарху крайне было приятно такое их старание о угождении ему; он изъявил ему за то свое благоволение и дозволил им надеть перчатки. А господин Левашев, имевший способность прищучивать, воспользовавшись тогдашним веселым расположением государева духа, отважился шутя сказал ему то, чего бы иной сказать никогда не отважился, а именно: «Мы все, государь, в угодность твою сделаем; не торопи только ты нас». Монарх захохотал, сие услышав; а легко статья может, что словцо сие, сказанное в шутку, и позаметил.

17

Гвардия оказывает особливое старание о угождении государю, и он тем отменно доволен

Как государю весьма хотелось, чтоб во всей гвардии экзерциция ружьем была колико можно скорее переменена и была такая, какую он жаловал, то гвардейские полки, а особливо Измайловский, толикую оказал в сем случае ревность и готовность выполнить волю монаршую, что в одну ночь выучился сей новой экзерциции, или так называемому артикулу, и только тем обрадовал и удивил монарха, что он плакал даже от удовольствия и не преминул публично благодарить за то; и в самом приказе повелел изъявить к полку сему особое свое благоволение. Что же касается до офицеров, произведших сие трудное дело в одну ночь; то сих не преминул он за то наградить чинами.

18

Государь прекращает грабительство купцов и полагает пределы их алчности к корысти

Обстоятельство, что, по случаю кончины покойной императрицы, надлежало во всем государстве быть трауру, и оный установлен был глубочайший, возбудило во всех пе-

тербургских купцах обыкновенную и свойственную им жадность к прибытку. Они, ведая необходимую надобность всем в черных сукнах и других материях, восхотели воспользоваться сим случаем и, продавая оные тройною или четверною ценою, набить, иждивением ближних, в короткое время весьма туго свои карманы. Возвышенная сия цена сделалась всем крайне чувствительна, а для многих небогатых — и над меру уже отяготительна: то сукно, которое до того продавалось по 5 и по 6 рублей, вдруг поднялось до 25 рублей. Сколько все того ни ожидали, однако столь высокая цена произвела во всех ропот и негодование, и оное сделалось тотчас государю известно; а оный и не укоснел¹ зло сие в самом начале разрушить и непомерной сей алчности корыстолюбивых купцов положить пределы, повелев чрез полицию наистрожайшим образом всем купцам подтвердить, чтоб никто не дерзал продавать черные сукна и другие материи выше той цены, по которой продавались они до кончины императрицы. Купцам было сие хотя крайне неприятно, но известное всем обстоятельство, что государь любил точность в исполнении всего им повелеваемого, принудило их беспрекословно на то согласиться; а государь получил за то от всех великую благодарность.

19

Государь старается уменьшить цену продаваемому в Петербурге хлебу

Как уже за несколько лет до кончины императрицы, цена всему хлебу возвысилась по всему почти государству, и натуральным последствием от того было и то, что поднялась цена и на все, и во всем сделалась дороговизна, а особливо в столицах и Петербурге, где продавался куль муки по 8 и 9 рублей, и оттого содержание себя всякому становилось очень дорого и было всем крайне отяготительно, — то государь, по вступлении своем на престол, не упустил и на сей пункт обратить попечительное свое око и употребить все, что только было возможно, к облегчению сего отягощающего весь народ зла. И тотчас пронеслась повсюду молва и писано было многими из Петербурга, что и цена хлебу двумя рублями с куля сбавлена и что нехотевших было купцов продавать хлеб сходнейшею ценою убедил

государь сперва отворением своих запасных магазинов, а потом особливым с знаменитейшими из них разговором, описанным в нижеследующей статье. И тем всем петербургским жителям произвел великое удовольствие и к себе благодарность.

20

Достопамятный разговор у государя с первейшими из купцов петербургских

Вскоре по вступлении государем на престол, восхотели петербургские купцы изъявить ему свой подданический долг и, отобрав нескольких знаменитейших и умнейших людей из своего сословия, отправляют к нему депутацию для поздравления со вступлением на престол и для поднесения хлеба и соли на золотом блюде. Депутация сия представляется государю и принимается от него с благоволением. Однако тем дело не оканчивается, но государь, имея обыкновение со всякими людьми говорить и входить даже в самые подробности, восхотел и сих купцов удостоить своим разговором. Он, отблагодарив их за их хлеб-соль, примолвил, что все сие хорошо и ему приятно, но неприятно то, что они его не любят. Купцы поразились словом сим, как громовым ударом, и разумнейший из них, собравшись сколько можно было с духом, отважился уверять государя о противном тому и что все они не менее искреннею и подданическою любовью к нему привержены, как и все прочие его подданные. «Нет! — повторил государь, — это неправда! А вы меня действительно не любите». Сие подтверждение еще более смутило купцов: они не знали уже, что сказать ему на то, и, по несколько молчании, велеречивейший из них, по изъявлении сердечного своего о таких мыслях об них государя своего сокрушения, отважился спросить: почему бы они так были несчастны, что его величество заключает об них столь невыгодно? «А вот я вам и изъясню сие, — сказал государь. — Я заключаю о любви каждого ко мне по любви его к моим подданным и думаю, что когда кто не любит моих подданных, тот не любит в лице их и меня. А вы-то самые и не любите их, не имеете к ним ни малейшего человеколюбия; стараетесь во всем и всячески их обманывать и, продавая им все неумеренной и над меру высокую ценою, отягощать их выше меры, а нередко бессовест-

нейшим образом и насильно вынуждать из них за товары двойную и тройную цену. Доказывает ли все сие вашу любовь к ним? Нет, вы их не любите; а не любите их, не любите и меня, пекущегося об них, как о детях своих». Что было на сие ответствовать купцам? они стояли в глубочайшем безмолвии и не отваживались выговорить и единого слова к своему оправданию. Наконец прервал молчание сие государь восприятием на себя благосклоннейшего к ним вида и сказал: «Таким-то образом, мои друзья! Ежели хотите, чтоб я уверен был в любви вашей ко мне, то любите моих подданных и будьте к ним человеколюбивее, совестнее, честнее и снисходительнее и лишнее все оставьте, а удовольствуйтесь во всем умеренными себе прибытками. Сим одним докажете вы мне любовь свою и заслужите от меня благоволение». С сими словами отпустил он их; и немногие слова сии сделали такое впечатление в купцах петербургских, что с самого того времени все товары стали становиться дешевле, и жить стало в Петербурге не так дорого. Так по крайней мере было слышно.

21

Государева особливая склонность к наблюдению во всем порядка обнаруживается уже на другой день по восшествии на престол

Известно, что во время тихого и кроткого правления великой Екатерины как генералы, так и офицеры, служащие и неслужащие, не всегда нашивали свои мундиры, но иногда одевались и в другое разных цветов и пышнейшее пред мундирами платье. Сие, как видно, было государю давно уже не угодно; и потому не успел он вступить на престол, как на другой же день воспоследовало уже именное повеление, чтоб никто из служащих генералов и офицеров, ни в каком случае, иного одеяния не носил, кроме своих мундиров; а первые и мундиров разных не надевали, а избрали бы себе уже один из дозволенных и оный бы уже всегда носили. Повеление сие означало сколько любовь к порядку, столько могло много подействовать и на сокращение разорительной и до высочайшей степени достигшей нашей роскоши, которая бессомненно монархом замечена также в уме своем.

Государь собирает из отлучки всех гвардейских офицеров

К числу многих беспорядков, господствовавших в гвардии, принадлежало и то, что все гвардейские полки набиты были множеством офицеров; но из них и половина не находилась при полках, а жили они отчасти в Москве и в других губернских городах и вместо несения службы только лытали¹, вертопрашили, мотали, играли в карты и утопали в роскошах; и за все сие ежегодно производились и с такою поспешностью в высшие чины, что, меньше нежели через 10 лет, из прапорщиков дослуживались до бригадирских чинов и по самому тому никогда и ни в которое время не было у нас так много бригадиров, как в последние годы правления покойной императрицы. И служба гвардейская, а особливо офицерская, потому наиболее для всякого была лестна, что нужно только было попасть в гвардейские офицеры, как уже всякий и начинает, так сказать, лететь и, получая с каждым годом новый [чин], в немногие годы, и нередко лежачи на боку, дослуживался до капитанов; а тогда тотчас выходил либо в армейские полковники и получал полк с доходом, в нескольких десятках тысяч состоящим, либо отставлялся бригадиром. На таковое страшное неустройство смотрел государь уже давно с досадою; и ему крайне было неприятно, что тем делалась неописанная обида армейским и действительную службу и труды несущим офицерам. Но как, будучи великим князем, не в силах он был сего переменить, то и молчал до времени, когда состоять то будет в его воле. А посему не успел вступить на престол, на третий уже день, чрез письмо к генерал-прокурору², приказал обвестить всюду и всюду, чтоб все, уволенные на время в домовые отпуска, гвардейские офицеры непременно и в самой скорости явились к своим полкам, где намерен он был заставить их нести прямую службу, а не по-прежнему наживать себе чины без всяких трудов. И как повеление сие начало, по примеру прочих, производиться в самой точности, то нельзя изобразить, как перетревожились тем все сии тунядцы и какая со всех сторон началась скачка и гоньба в Петербург. Из Москвы всех их вытурили даже в несколько часов, и многих выпроваживали даже из города с конвоем, а с прочих брали подписки о скорейшем их выезде; и никому не давали покоя, покуда не исполнится в самой точности повеление государское.

Государь уже в первые дни своего царствования приступает к уменьшению роскоши, повсюду в высочайшем градусе господствующей, и начинает то со своих гвардейских офицеров

Всем известно было, что гвардейская офицерская служба сколько была до сего лестна, столько с другой стороны для самих их крайне убыточна. Для содержания себя в Петербурге гвардейскому офицеру требовалось очень многое. Ему нельзя было обойтись без содержания шести или, по крайней мере, четырех лошадей; без хорошей и дорогой новомодной кареты, переменяемой когда не в каждый год, так по крайней мере чрез два или три года; без многих мундиров, из коих и один не менее стоил 120 рублей; без множества иной и дорогой одежды; без нескольких помодных и дорогих фраков, без множества дорогих жилетов, без хороших сюртуков, дорогих плащей и великой цены стоящих шуб, без множества исподнего платья, шелковых чулков, башмаков, сапогов, шляп и прочего. Сверх того надобно было иметь хорошую квартиру, не гнусный стол, многих служителей, одетых порядочно; также либо егеря, либо гусара, облитого золотом и серебром и в такой одежде, которая и одна несколько сот стоила. Кроме сего, потребно было множество и других вещей, которых господствующая роскошь и пышность требовала уже необходимо. И как на все сие требовались многие сотни и тысячи рублей, то и добивались в гвардейские офицеры чины только богатые и такие дворяне, которым было чем себя содержать. Другие же, не столь богатые, но долженствовавшие во всем подражать прочим или не хотевшие по крайней мере от них отставать и навлекать на себя чрез то презрение, принуждены были входить оттого в многочисленные и нередко неоплатные долги и оттого разоряться. В таком-то положнии застал государь свою гвардию, при вступлении своем на престол прародительский. И как ему все сие было довольно и предовольно известно, и он ведал, что проистекало зло сие от усилившейся выше меры повсюду роскоши и великолепия, а сия ему была крайне неугодна,— то и восхотел он, по вступлении своем на престол, нимало не медля, благоразумным и удобопроизводимейшим образом посократить оную и избрал для начала к тому сих гвардейских своих офицеров. Под видом, что сама служба и военный порядок того требовали, уничтожил он вдруг и одним

разом все сие, толико всех угнетающее зло, переменяв сперва у всех гвардейских офицеров мундиры и вместо прежних дорогих приказав сделать их из недорогого темно-зеленого сукна, подбитые стамедом¹, с белыми пуговицами и столь недорогие, что мундир не стоил более 22 рублей; а потом запретив носить всякое другое одеяние и самые шубы и дорогие муфты². Вскоре потом убавлено было и по паре лошадей из кареты, да и в сей ездить дозволено было только женам офицерским; самим же ехать либо верхом, либо в санках, либо в дрожках, да и то без всякой пышности и великолепия. А немного погодя не дозволено было иметь за собою и слуг, одетых в егерское, или гусарское, или казачье платье, а особливо дорогое. А все сие и тому подобное, а особливо и некоторые строгости, употребленные с непослушными кстати, и произвели все желаемое государем действие, к великой и существительной пользе всего государства: ибо как скоро пресечена была роскошь в гвардии и молва о том разнеслась повсюду, то отчасти в угодность государю, отчасти и опасаясь, чтоб не нажить себе каких неприятностей, начали и все другие мало-помалу бросать таковые излишности и придерживаться более во всем умеренности и степенности. А из сего и оказалось, что помянутая, употребленная с гвардиєю, мнимая жестокость была не тщетная, но очень нужная и надобная; и сделано сие не просто и не без мыслей, но зело сие было давно уже и здраво обдуманно и составлено звено в цепи новой системы во всем правлении государевом.

24

Государь не только награждает своих друзей, но не забывает и друзей родителя своего

Государю не только угодно было разными почестями и чинами наградить собственных своих друзей и знакомых, в коих приверженности был он удостоверен, но, по доброте своего сердца, не позабыл и о друзьях и приверженных покойного своего родителя. Ко всем к ним или к тем, кои находились еще в живых и знаменитые были прочих, отправил, тотчас по вступлении своем на престол, нарочных курьеров с лестными для них письмами и пожалованными им великими почестями, коих они уже всего меньше ожидали. К числу сих в особливости принадлежали: барон

Унгерн-Стернберг¹, генерал-майор князь Иван Федорович Голицын², генерал-майор Андрей Гудович³. Всех сих, служивших при родителе его генерал-адъютантами, не только произвел он в генерал-аншефы, но одарил их и орденами Александра Невского, хотя они давно уже от службы были отставлены и жили в старости уже в деревнях своих. Он изъяснял им, в письмах от себя, наполненных монаршим благоволением, что доставляет им, как сын, то, чего имели бы они право ожидать от отца его. Легко можно всякому вообразить, сколь великое удовольствие произвел он сим в сердцах сих престарелых слуг отца своего и коlikою благодарностью к себе обязал всех оных.

25

Государь делает новое и хотя до сего необыкновенное, но похвальное и нужное дело

Известно, что при всех бывших до сего государях российских духовный чин, а особливо знатнейшие и именитые из них особы хотя и не оставляемы были совсем в забвении, но некоторые и достойнейшие из них награждались некоторыми пред другими почестями, но как все сии не таковы были, чтоб могли производить в других соревнование и быть пружиною, могущею сильно побуждать их к деяниям похвальным и к рачению по их должностям,— и в таковой сильнодействующей пружине был еще недостаток,— то восхотел государь и сей недостаток исправить и произвесть сию побудительную пружину таким деянием, которое всего меньше было ожидаемо, а именно: награждением достойнейших из них такими же орденами, какими награждались светские чиновники. И в сходстве того, не успел вступить на престол, как излил потоки щедрот и милостей и на духовный чин и, в самые первые же дни своего государствования, наградил некоторых духовных особ орденами Андрея Первозванного, других — орденами св. Александра Невского, а третьих — орденами св. Анны, повелев носить оные на шее, а звезды — на мантиях и рясах. Первым из них украсил он престарелого и первейшего в России прелата новгородского митрополита Гавриила¹, вторым — архиепископов казанского Амвросия² и псковского Иннокентия³; а третьим 2-го класса — протопопов гатчинского Исидора и преображенского Лукьяна. Явление сие было совсем новое, до сего

невиданное, но могущее произвести великое действие; а побужден был к тому, как думать надобно, государь, с одной стороны, своею набожностью, а с другой — люблением и уважением сего сана; а наконец желанием привязать к себе и сей чин любовью и усердием⁴.

26

Государь освобождает некоторых важных заключенных

К числу милостей, оказанных государем, в первые дни его царствования, принадлежало и то, что ему угодно было повелеть освободить из заключения некоторых именитых особ, имевших несчастье подвергнуть себя гневу покойной императрицы и претерпевших до сего отчасти заточение, отчасти удаление от двора и резиденции, а отчасти содержались под арестом. Достопамятнейшим из них был известный господин Новиков, содержавший до сего университетскую типографию и прославившийся восстановлением нашей литературы и приведением оной, в короткое время, в цветущее состояние. Все почти почитали его уже в числе мертвых; однако оказалось, что он был еще жив, хотя имел несчастье повредиться несколько в своем разуме¹. Государь вспомнил об нем, при самом почти вступлении своем на престол, и повелел освободить не только его, но некоего белорусского дворянина Лаппу, также князя Трубецкого и многих других, им подобных². Все они не только были освобождены из неволи, но получили повеление предстать пред самого государя; а вместе с ними, как слух носился, освобожден был и славный польский бунтовщик Костюшко, наведший толь много дела России и бывший причиною великого кровопролития.

27

Государь прежде всего принимается за тульский оружейный завод и помышляет о приведении его в лучшее состояние

Не успел государь вступить на престол, как, к удивлению всех, на другой же день, повелел генерал-прокурору отправить нарочного курьера за тульским вице-губернатором¹, с приказанием, чтоб он тотчас и немедленно приехал

к нему, со всеми нужными о состоянии тульского оружейного завода бумагами. Известная ли ему уже давно расстройство сего завода его к тому побудила или иное что, — уже неизвестно; а носилась только молва, что перед самою кончиною покойной императрицы случилось быть в Петербурге нескольким человекам оружейников и подносить самому государю, бывшему тогда еще великим князем, некоторые вещи; и что с ними, несколько дней сряду и по несколько часов, разговаривал и расспрашивал у них обо всем подробно; и что они насаказали ему множество всяких вещей, до завода относящихся, а что всего важнее, наболтали все, что только знали о беспорядках и расстройке, в оном господствующих. По молве сей все заключали, что, конечно, самое сие обстоятельство напомнило государю так скоро завод тульский и побудило, нимало не медля, за оный хватиться. — Повеление, присланное к вице-губернатору о сем, не только смутило его до чрезвычайности и заставило несколько дней денно и ночно писать и работать, приготавливая потребные бумаги, но потрясло и всю Тулу, а особливо всех оружейников. Завод сей находился в самом деле в расстройке и весьма в худом состоянии. Покойный наместник Кречетников² хотя и основал, за несколько лет до сего, новые в нем распорядки и хотя и привел в нем реформу, но любимцы и фавориты его испортили опять все дело. Они вмешались в заводские дела и наделали множество пакостей и сим загваздали и замарали и самого наместника и себя. А то же самое происходило и при последнем наместнике Кашкине: он имел также слабость определить к некоторым важным должностям отчасти негодных родственников, отчасти любимцев своих; и сии хозяйствовали также более себе в карман, нежели для пользы заводской. Словом, завод сей находился в жалком положении. Растеряны и положены на него огромные суммы: и всеми ими ничего действительно полезного не сделано; а завод доведен до совершенного почти разрушения. Засеки, сие важное государственное сокровище, — истреблены и опустошены были жалостным образом; самые те, которым об них попечение вверяемо было, не только всего меньше об них думали, но еще сами ими пользовались и набивали себе карманы; а о прочем и упоминать нечего. Словом, все засеки преданы были всемирному расхищению; и тот только не опустошал, кому самому разве не хотелось. Нельзя изобразить, каких и каких не делано было с ними, а особливо в последние годы, злоупотреблений; а всему проклятая мзда и бездель-

ная корысть были причиною! — Что касается до бедных оружейников, то сии, с одной стороны, отягощены и отягощаемы были ежедневно множеством работ, а с другой стороны, утесняемы и обижаемы были всеми: нижние начальники грабили их бессовестнейшим образом, а высшие лишали их всех жалованных им, в разные времена, денег и определенных разных выгод. Все сие производило в них крайнее неудовольствие и всеобщий ропот и негодование; и от всех слышимы были жалобы на начальников, которые бесспорно сделались и государю известными. При таковых-то обстоятельствах потребовался к отчету обо всем к нему самому вице-губернатор тульский господин Бобарькин, — добрый, но вялый, нерасторопный и весьма к таковым объяснениям неспособный, а что всего хуже, как носилась молва, и не совсем также чистый, но нижними начальниками и плутами запачканный человек. Все знающие его сожалели об нем; и он отправился в сей путь с твердым намерением рассказать государю, как самому Богу, всю истину без малейшей утайки и, буде в чем сам виноват, признаться ему чистосердечно: — сим надеялся он преклонить государя на милость или, по крайней мере, избежать его гнева.

28

Государь оказывает уважение к заслуженным престарелым военачальникам

К числу слуг Екатерининных, отличившихся долговременною и бесспорною службою, принадлежал и гвардии преображенского полка подполковник, генерал-поручик Николай Алексеевич Татищев. Он взят был покойною императрицею из армейских полков и, за особливую исправность, определен был в гвардию в майоры, а потом, управляя оною с похвалою несколько лет, дослужился он и до подполковничьего чина; и потому самому был любим и почитаем и самим государем и в то еще время, когда был он великим князем. По вступлении же на престол и когда сей господин Татищев пришел к нему, для подачи о благосостоянии своего полка, как полковнику и шефу, рапорта, восхотел государь оказать престарелому и заслуженному сему воину отменное уважение; ибо как он, по подаче рапорта, по обыкновению, на несколько шагов от государя отступил, — то сей, подошед и взяв его ласковым образом за руку

и подведя к себе ближе, сказал: «Таким старым, почтенным и заслуженным мужам, каковы вы, Николай Алексеевич, надлежит быть ближе к государю. Пожалуйте-ка сюда!» Старика тронула такая особливая милость государская, и многозначащее его слово всеми похвалено и одобрено было: чего оно было и достойно, ибо натурально могло произвести оно великие по себе последствия и подействовать в других очень много. Носилась молва, что господин Татищев с того времени не только никогда не отдалялся от государя, но всегда убеждаем был им, во время пребывания его при нем, сидеть, несмотря хотя б сам государь, иногда стоячи, с ним разговаривал. Толико-то уважал государь старость и достоинства; и черта сия его характера обещала весьма много хорошего.

29

Государь одним милостивым деянием побуждает всех к любимому и чистосердечному во всем признанию

Все знававшие государя еще великим князем уверяли об нем, что он всегда отменно жаловал и любил, если кто ему в чем чистосердечно признавался, против того не мог терпеть лукавства и заpiresательства. Черту сию характера заимствовал он, может быть, от прадеда своего, государя Петра Великого; но как бы то ни было, но он, по вступлении своем на престол, восхотел при одном случае публично доказать, что ему таковые чистосердечные признания отменно милы и угодны и тем побудить и всех к оному. Случай сей был следующий: как государю угодно было в гвардейских полках всех бывших до того гвардейских секретарей, обозных и комиссаров уничтожить и повелеть поместить их в ротное число офицеров,— то один из них, человек слабый и весьма худо должность свою и без того, за слабостью здоровья своего, исправлявший,— стал государя просить, чтоб он уволил его в отставку. Но как государь подумал, что он просится из досады на отрешение, и стал предлагать ему другое место, то сей чистосердечно признавался государю, что он к той должности почитает себя неспособным, и что и прежнюю исправлял с крайнею нуждою, и что самое сие убеждает его проситься о увольнении в отставку. Государю угодно было таковое признание: он похвалил его за то и присовокупил к тому, что единственно за его чистосердеч-

ное признание он не только его увольняет от службы, но жалует его еще пенсиєю; и действительно приказал ему определить оную. Тотчас разнеслась о сем молва; и все, заметив сие, стали помышлять о том, чтоб ни в чем не записаться пред государем, но сказывать ему всю истину.

30

Государь наблюдает, чтобы все повеленное им исполняемо было в точности, и наказывает непослушных

Как государь, с самых молодых лет своих, любил во всем порядок, а особливо точность в исполнении всего им приказываемого, то и по вступлении своем на престол не преминул в особливости о том стараться, чтоб все его повеления выполняемы были в точности: — что для наших россиян, привыкших уже издавна не слишком уважать, а иногда и вовсе пренебрегать государские повеления, и очень было нужно. А чтоб скорее и с самого начала приучить к тому всех своих подданных, то не упустил с самого начала и наказывать всех неповинующихся его приказаниям или, по крайней мере, оные не столько уважающих, сколько было надобно. Однако он и в наказаниях своих наблюдал все правила благоразумия и кротости. Случай был следующий: как государь, с самого начала государствования, запретил всем военнослужащим носить шубы или, по крайней мере, показываться в них на улицах по-прежнему, — то некто из гвардейских его офицеров отважился как-то не уважить сие его запрещение и в шубе попался где-то государю на глаза. Государю крайне было сие неуютно; и он над первым над ним восхотел оказать примерное наказание и тем вдруг всех прочих отучить от такого неповиновения. Но чем же наказал он сего ослушника? не чем иным, как приказанием бывшим за ним снять учтивым образом с него шубу и отдать случившемуся тут в близости будочнику. «Возьми ее себе, — сказал государь, — тебе она приличнее, нежели солдату; ты не воин, а стоишь целый день на морозе и зябнешь; а солдату надобно приучаться и привыкать к стуже, а того более слушаться своего государя». Пример сей тотчас сделался всем известен и толико подействовал, что никого уже с того времени не видно было в шубах.

Достопамятное обещание государя

Носилась молва, что в то время, когда государь, вскоре после вступления на престол, устанавливал то неслыханное и необыкновенное у нас дело,— чтоб каждый имел свободу и мог подавать самому ему свои прошения и приносить просьбы, и назначал к тому по два дня в неделю,— отзывался он пред всеми публично, что он, во время государственного своего, не будет иметь у себя фаворитов и при себе особых таких людей, чрез которых доставляемы б были к нему от подданных просьбы, но он хочет принимать их сам и не доводить никому, чтоб по несколько недель, месяцев или годов самых принуждено было того добиваться, как то бывало прежде. Обещание по истине великое и достойное славы! Но дай Боже! чтоб могло оно быть выполнено и чтоб монарх, к поднятию сего бремени, имел довольно крепости и силы душевной и телесной!.. Присовокупляли к тому, что якобы на вопрос, сделанный ему при сем случае, до какой степени людей повелит он сим образом к себе допускать и кто может сею милостью пользоваться? — отвечивал он: «Все и все: все суть мои подданные, все они мне равны, и всем равно я государь; так хочу, чтоб и никому не было в том и возбраняемо».

Государь, несмотря на всю суровость зимнего времени, ежедневно имеет выезды

Не успел государь нескольких дней поцарствовать, как вся столица поражена была удивлением, и из ней писано было всюду и всюду, что новый наш монарх толико был трудолюбив, неутомим и бдителен над соблюдением и установлением во всем порядка, что все не могли тому довольно надивиться, а особливо тому, что он всякий день, когда не по два так по одному разу, несмотря на всю суровость погоды, разъезжал по городу и по всем местам, и не в пышности и великолепии государском, а просто когда верхом и, несмотря на всю стужу, в одном сюртуке, а когда в небольших санках. Зрелище сие было поистине необыкновенное и потому наиболее для всех поразительное, но вкупе и такое, которое производило великие последствия.

**Государь изъявляет,
уже в первые дни государственования своего,
попечение о своей супруге и наследнике**

Как государь, до вступления своего на престол и будучи еще великим князем, имел довольно времени и случая, собственным своим примером, узнать, сколь скучно жить, не имея достаточное число денег на все нужные расходы, и сколь неприятно в них нуждаться,— то, по вступлении своем на престол, первейшим почти долгом своим поставил попещись¹ о том, чтоб во время его царствования не могли таковой же нужды в деньгах претерпевать его супруга и наследник. И потому всем им определил тотчас достаточные жалованья, а именно: супруге своей по 200 тысяч, а наследнику и старшему сыну по 120, а супруге его по 50 тысяч в год². Однако хотел, чтоб все они жалованье сие недаром получали, а назначил и поручил им разные и приличные должности: супругу свою, императрицу, сделал он директрисой над славным Смольным монастырем, где воспитывались благородные девицы; а наследника и сына своего сделал при себе генерал-адъютантом и осыпал разными и не беструдными должностями, как о том упомянуто уже в другом месте.

Государь сокращает домашние расходы при дворе

На содержание дворца исходили до того преогромные суммы, которые не столько употреблялись на необходимые надобности, сколько расхищаемы были всеми дворцовыми нижними чиновниками. Обстоятельство сие всем и всем довольно известно, а равно было довольно ведомо и государю. Самое сие и побудило его, с самого начала вступления своего на престол, о истреблении или, по крайней мере, о уменьшении сего зла возможнейшим образом стараться. И первое, употребленное им к тому средство состояло в том, что он установил, чтоб, с сего времени, не было при дворе столь многих разных столов, как было до того времени; и на то производимы были бесчисленные издержки; ибо известно, что до того у государыни был особливый стол, у цесаревича

особливый, у великих князей особливый, у великих княжен особливый и так далее. Все сии разные столы были уничтожены, и государь повелел, чтоб быть только одному общему столу для его и всего его семейства и ближайших особ его окружающих да другому, так называемому кавалерскому, для прочих, безотлучно при нем бывающих чиновников и офицеров. И как повеление о первом придворных его удивило, то, при сем случае, изъявляя и с своей стороны удивление, сказал он: «И последний дворянин находит удовольствие в том, чтоб есть всегда вместе с его детьми и семейством; для чего же и мне того не делать? — Я такой же отец семейства и хочу также иметь удовольствие обедать и ужинать вместе с женою и всеми моими детьми». Изречение достопамятное, могущее подать многим хороший пример и служить наставлением: — как всякому жить со всем семейством своим в согласии и иметь оное всегда пред глазами своими, умалчивая о том, что чрез то сохраняемы быть могут и многие излишние издержки и убытки.

35

Государь учреждает особливый порядок в приватной своей жизни и всему назначает часы и наблюдает все в точности

Установленный государем порядок во всех его упражнениях и наблюдаемый им самим, в первые дни его государствования, в точности достоин особливого примечания. Вставал государь обыкновенно очень рано и не позже пяти часов и, обтершись, по обыкновению своему, куском льда и одевшись с превеликою поспешностью, препровождал весь шестой час в отдавании ежедневного долга своего Царю царей, в выслушивании донесений о благосостоянии города, в распоряжении своих домашних дел, в раздавании разных по сей части приказаний и в прочем тому подобном. К началу седьмого часа должны были быть, в назначенных к тому комнатах, уже в собрании все те из первейших его вельможей, которым либо долг повелевал быть, всякое утро, у государя, либо кому в особливости быть, накануне того дня, было приказано. Первейшим из числа сих долженствовал быть генерал-прокурор, также первый министр, граф Безбородко, и многие другие из сенаторов или министров. Ровно в 6 часов должны они быть уже все тут, и госу-

дарь, вышедши к ним, занимается с ними наиважнейшими делами и разговорами, до правления государственного относящимися, и препровождает в том весь седьмой и восьмой час. В восемь часов стоят уже у крыльца в готовности санки и верховая лошадь; и государь, распустив своих бояр, для исправления в тот день приказанного, садится либо в санки, либо на лошадь верхом и, в препровождении очень немногих, разъезжает по всему городу и по всем местам, где намерение имеет побывать в тот день, и между прочим заезжает иногда и в тот гвардейский полк, где в тот день разводу и ученью быть случится. В обозрении таковом и разъезжании препровождает он ровно два часа, т. е. девятый и десятый. В десять часов возвращается он во дворец свой и, обогрвшись несколько, выходит пред оный к находящемуся уже в готовности к сему времени гвардейскому разводу. Тут, со множеством своих вельможей и офицеров, занимается он весь десятый и одиннадцатый час в учении и мунштровании своей гвардии, в принятии подаваемых ему иногда челобитень и в разных с военачальниками своими разговорах; и часы сии посвящаются военным упражнениям. В одиннадцать часов возвращается в свои комнаты, и вместе с ним приходят к нему и все бывшие при разводе и находят расставленные уже столы с закусками и водку; и все подчуются оными. В сие время свободно входит в комнаты его даже самим армейским офицерам и иметь удовольствие слышать государя своего разговоры, а иногда счастье говорить с самим оным. По расшествии оных, остается государь с одними своими и теми, коим приказано быть или остаться при столе. Стол уже накрывается, и ровно в 12 часов государь садится уже за оный, как упомянуто, со всем своим семейством. После стола распускает он всех и берет себе отдохновение на короткое время; ибо в 3 часа готовы уже опять санки и верховая лошадь, и государь отправляется опять в путь и разъезжает, либо в санках, либо верхом, по городу и провождает в езде свой четвертый, а иногда и пятый час. В пять часов должны быть опять уже в собрании в комнатах его министры и государственные вельможи; и государь, по возвращении своем, занимается опять с ними важными, государственными и до правления относящимися, делами весь шестой и седьмой час. Восьмой час посвящается опять его семейству и домашним упражнениям; а в 8 часов государь уже ужинает и ложится почивать; и в сие время нет уже и во всем городе ни единой горящей свечки.

Сим образом провождал государь первое время своего царствования; и как с тем должествовали соображаться и все прочие знатные господа и чиновники, то в немногие дни переменялся в Петербурге совсем весь род жизни; и день сделался опять днем, а ночь — ночью; и весьма многим полюбилось сие самим, и столь много, что они не могли довольно ухвалиться.

36

Государь особливым средством и без жестокости приучает вельмож своих себе к повиновению и исполнению в точности своих приказов

Государь, учредив описанный в предследующей статье во всем порядок, хотел, чтоб оный и наблюдаем был всеми в самой точности; и дабы, в самом начале, побудить и самых первейших вельмож к неупустительному и точному всего выполнению, не упустил он употребить самые действительные к тому, однако такие средства, кои нимало не могли почтены быть жестокостью; однако произвели во всех более влияния, нежели самые жестокие. Случай к тому еще в самые первые дни подал генерал-прокурор, граф Самойлов. Сему знаменитому и толь великую должность отправляющему вельможе случилось, как-то однажды, несколько минут поопоздать и не приехать во дворец ровно в 6 часов поутру, как всем было приказано. Государь, вышедши по обыкновению в 6 часов к своим министрам, заметил тотчас, что генерал-прокурора еще не было между ими. Он вынимает часы и начинает то и дело на них посматривать; но как прошло четверть часа и прошло полчаса, а генерал-прокурора все еще не было, — то подзывает он к себе одного из адъютантов и приказывает сойти на низ, поставить у крыльца офицера, приказать смотреть, как граф Самойлов поедет, и дать себе тотчас знать, когда он усмотрится. Все сие в точности было и исполнено; и что ж государь сделал, услышав о его приезде? Вместо всякого гнева и жестокостей, пошел только сам к нему навстречу, в комнату, в другую, третью и четвертую; тут встретил он его учтивейшим образом, как гостя, и, не дав выйти ему еще из смущения, которым он поразился, показал ему часы и сказал только сии слова: «Теперь уже, граф, седьмой час в половине; и все то, зачем нужны были вы, я уже сам, вместо вас, сде-

лал; и теперь вы мне не нужны. Извольте ехать обратно и приезжайте уже ввечеру в назначенное время». Немногие сии слова поразили графа как громовым ударом и произвели то, что с того времени не только он, но и все прочие знатные господа позабыли долго покоиться на своих постелях, но принуждены были, по примеру государя, вставать ранее и в назначенное время во дворец приезжать неупустительно. Толико то подействовала и одна почти благовременная шутка.

37

Государь искусным образом приучает и штатских помнить свои должности

Как государь ежедневно бывает при смене караула, или так называемом разводе, и зрелище сие, по причине присутствия государева, сделалось столь интересно, что многие люди всякого сорта прихаживали оное смотреть, то случилось некогда прийти посмотреть то и одному штатскому чиновнику, служившему в Петербурге, в каком-то приказе или палате. По мундиру петербургского наместничества, бывшему на нем, сделался он тотчас государю приметным; и сей восхотел тотчас полюбопытствовать и узнать об нем короче. Он подходит к нему и ласковым образом начинает с ним говорить. «Конечно где-нибудь здесь, в гражданской службе, служите?» — сказал государь. «Так, ваше величество», — отвечал сей и сказал ему то судебное место, где он был членом. Государь, увидев, что он в мнении своем не ошибся, ничего более ему не сказал, как, вынув только часы и показав ему, промолвил: «Вот видите, — одиннадцатый уже час в половине. Прощайте! мне недосужно и пора к своему делу». Молвил сие и пошел государь действительно прочь; а не стал долее тут стоять и помянутый чиновник, но сломя голову побежал к своему месту, в суд; ибо он не так был глуп, чтоб не мог понять, к чему и на что показывал государь ему часы свои: ибо не трудно было всякому догадаться, что как деянием сим, так и немногими теми словами напоминал он, что всякому надлежало помнить свою должность и в то время, когда должно быть в судах и присутствовать, не лытать в других местах и не ротозейть. — Анекдот сей, каков ни мал, но разнесся тотчас, не только по всему Петербургу, но и по всей России, и по-

действовал столько, что все судьи, с того времени, стали быть осторожнее и в Петербурге перестали уже съезжаться в полдни, но, по примеру государеву, вставать ранее и рачительнее исправлять свои должности.

38

Государь употребляет особливое, побудительное средство к долговременной и беспорочной военной службе

Как государю было известно, что у нас в войске не доставало еще хорошего и убедительного средства, для всех нижних чинов, к побуждению их к долговременной и беспорочной службе,— ибо хотя, в преднедавном времени и сделано было положение, чтоб всем солдатам не долее служить 25 лет, а по прошествии оных всякий имел право проситься в отставку¹,— но как о уставновлении сем не все одинаково думали, но иные почитали его полезным, а другие, вопреки тому, вредным и сие, может быть, известно было и государю,— то сей не успел вступить на престол, как не преминул и на сей важный пункт обратить свое внимание и, к побуждению всех нижних военных чинов не только к долговременной, но и беспорочной службе, сделал нигде до сего хотя небывалое, но прекрасное и такое установление, которое могло производить великие и многообразные полезные действия, а именно: чтоб всякий унтер-офицер, капрал и солдат, прослуживший 20 лет беспорочно, получал отличный за то, на мундире своем, и такой знак, который бы не только приносил ему особливую честь и всякому издали уже доказывал, что он старый и добропорядочный воин, но доставлял ему и ту великую и для солдата бесценную выгоду, что он освобождался уже от всякого телесного наказания и не мог уже страшиться ни палок, ни батошьев, а пользоваться мог почти преимуществом дворянским. Наконец, и что всего лучше, то самый знак сей был весьма приметный и состоял хотя в сущей безделке и одной только ленточке в петличку, но ленточка сия была анненская и точно такая же, на какой носятся ордены святой Анны, то есть алая с желтыми каемками; следовательно, все одаряемые ею, делались власно как полукавалерами.

Никто почти не сомневался, что сия, ничего почти государю не стоящая, безделка произведет великое в солдатах действие: и кому б не служить, тот будет служить; и кому б

не быть добрым человеком, так будет из пожелания украситься сим, честь и выгоду приносящим, знаком.

39

Государь повелевает учредить особый порядок в рассуждении приезжих в Петербург

Как государю довольно известно было, сколь великое множество дворянства, всякий год, для разных своих нужд и надобностей, приезжает в Петербург и сколь многие из них, имеющие по судебным местам дела, по медленному течению и не скорому решению дел, принуждены будучи жить долгое время в Петербурге и, по известной всему дороговизне в оном, совсем оттого разоряются и проживаются,— то, желая сколько-нибудь сему злу пособить и всему дворянству, а равно и другим именитейшим людям, доставить некоторое в таковых случаях облегчение, установил он тот достопамятный, с самого начала своего правления, порядок, чтоб всякий дворянин или и другой, сколько-нибудь от подлости отличающийся, при въезде своем, на заставе останавливался и, сказав кто он таков, объявлял вкуче, где он и стоять будет; и чтоб о сем дано было тотчас знать полиции; а сей дано было повеление ко всем тем, кои сколько-нибудь покажутся замечания достойными, когда не в тот же, так по крайней мере на другой день, посылать своих чиновников и чрез них расспрашивать, зачем именно и для каких нужд приехали; и буде окажется, что приехал кто для просьбы в каком-нибудь приказе или судебном месте, то объявлять бы им, что буде они чрез две недели не получат решения и не будут в просьбах своих удовольствованы, то приходили б к одному из государевых адъютантов и о том объявляли б. А сей долженствовал уже их представлять к самому государю; а дабы и в том не могло быть беспорядка, то всем сим адъютантам разделены разные должности и сорта дел, по которым всякий должен был докладывать: а чтоб знал о том и приезжий, то полицейский чиновник сказывал бы ему и то, к которому именно из государевых адъютантов должен он будет тогда адресоваться. Иных же и чиновнейших приезжих велено было тотчас доставлять к самому цесаревичу Александру Павловичу; а сей всех тех, кто желал бы видеть государя или имел до него нужду, представлял тотчас самому монарху.— Нельзя довольно изобразить, какие хорошие действия могло произвести сие благодетельное учреждение и сколь многих судей побудить к скорейшему разбирательству и решению дел и тяжб.

Один офицер наказывается за негу и небрежение своего чина

Носилась молва о следующем происшествии с одним армейским офицером, но достоверность которого подвержена была еще сомнению. Говорили, что некогда случилось государю, во время своих разъездов по городу, замечать одного армейского офицера, идущего по улице без шпаги, и за ним солдата, несущего, в некотором отдалении, его шубу и самую шпагу. Государю крайне было неуютно, что офицер сей так был небрежлив к своему сану и притом столь нежен, что шпагу считал себе отягощением; и он восхотел напомнить о том ему особливым и таким образом, который бы мог сделать во всей армии великое впечатление и приучить офицеров лучше уважать свое достоинство. Он, миновав сего офицера, возвращается назад, подходит к упомянутому солдату и спрашивает: чью несет он шубу и шпагу? «Офицера моего, — сказал солдат, — вот самого сего, который идет впереди». — «Офицера! — сказал государь, удивишься, — так поэтому ему стало слишком трудно носить свою шпагу и ему она, видно, наскучила. Так надень-ка ты ее на себя, а ему отдай с портупеею штык свой: он ему будет покойнее». Сим словом вдруг пожаловал государь солдата сего в офицеры, а офицера разжаловал в солдаты; и пример сей, сделав ужасное впечатление во всем войске, произвел великое действие: всем солдатам было сие крайне приятно, а офицеры перестали нежиться, а стали лучше помнить свой сан и уважать свое достоинство. Впрочем, неизвестно, уже осталось ли сие на том или государь хотел только тем пострашать офицера и вскоре опять его помиловал и простил.

41

Государь делает одного гвардейского сержанта, за догадливость и старание ему угодить, счастливым

Сколь государю отменно было приятно, если кто старался ему угодить, доказывает нижеследующий анекдот, случившийся, в первейшие дни его царствования, с господином Чулковым, одним гвардейским сержантом. Сему молодому,

собой видному и исправному дворянину, случилось быть в разводе и, по чину своему, стоять на краю шеренги и, по прежнему еще обыкновению, имел на себе хороший и сшитый из тонкого сукна мундирец. Государь, будучи при разводе, подходит к сему младому воину, осматривает его с головы до ног, любуется его станом, видом и опрятностью, поглаживает на рукаве его сукно и говорит: «Какое прекрасное суконце! небось оно не дешево куплено! — почем заплатил ты за аршин?» — «По шести рублей», — сказал сержант. «О! поэтому, — подхватил государь, — весь мундир тебе дорогонько обошелся; а небось одного-то на год мундира мало?» — «Конечно мало, ваше величество! — отвечал Чулков, — а мундира два надобно». — «Прибавь к тому и третий, хоть подносок, — сказал государь. — Но сколько за тобою, друг мой, душ?» — «Сорок только», — сказал Чулков. «Сорок только! — подхватил государь, — ну жалок же ты мне! как ты, бедненький, и пробиваешься еще?» Более сего государь ничего не сказал, а пошел прочь. Но Чулков не так был глуп, чтоб не мог догадаться, к чему все сие говорено было; но он, проникнув мысли государские и наслышавшись, может быть, что государь — гонитель был на всякую роскошь и отменно любил простоту, спроворил так хорошо, что к утруму поспел у него совсем новый мундир, сшитый порядочно, но из самого простого солдатского сукна; и как он ведал, что государь будет опять при разводе то, одевшись в него и вытянувшись, стоял в своем месте и дожидался, чтоб государь его увидел и приметил. Сие действительно последовало действительно. Государь тотчас его усмотрел; и как он его совсем уже в ином мундире увидел, то сие так было ему угодно, что он подошел к нему и, полюбовавшись вновь его станом и видом, потрепал его по плечу, весьма милостиво ему сказал: «Ну, спасибо! что ты так примечателен и так скоро постарался сделать мне удобное. За таковое твое внимание и старание мне угодить хочу я и тебе сделать такое же удовольствие, какое сделал ты мне сим своим поступком: поздравляю тебя с сего часа офицером гвардии моей! А приди ко мне во дворец, и я новый твой мундир украшу орденом». Он и действительно пожаловал его в тот же еще день орденом св. Анны третьей степени и сим деянием своим возбудил во всех такую ревность и старание угождать себе во всем, что все наперерыв о том начали стараться.

Умеренность государя в рассуждении поступков его с последним фаворитом императрицы

Не успела покойная императрица переселиться в вечность, как все россияне крайне любопытны были узнать, что учинит государь с последним ее любимцем и фаворитом, господином **Зубовым**; и что воспоследует с сим младым и на высшую степень чести возведенным и все почти в руках своих имевшим светлейшим князем. И как, с известием о кончине императрицы, пришло известие, что государь велел всю его канцелярию и все письменные его дела опечатать, то все почитали его уже погибшим и тотчас после того начали переговаривать шепотом, что якоб уже нет его и в живых и что он отравил себя ядом. Однако, к удивлению всех, молва сия скоро оказалась ложною; а, напротив того, сделалось известно, что государь не оказал ему никакой жестокости, а назначил только быть ему генерал-адъютантом..... так как он был при ее жизни. К сему хотя и прибавляли словцо, что более ничего, однако иные уверяли, что он якоб оставлен при всех своих важных должностях и бывал ежедневно с государем при разводе. Но все сие было не достоверно, а все оставались с ожиданием что будет впредь, по окончании печальной церемонии. То только достоверно, что с братьями его не только ничего не сделано, но оба они еще благодетельствованы были новым государем; и один из них украшен орденом святого **Андрея Первозванного**, а к другому, производителю персидской экспедиции, послан орден св. **Георгия первой степени**¹. Что же касается до опечатания его канцелярии и письменных дел, то сие требовали самая необходимость и государственная надобность.

**Государь учреждает некоторые новые чины и должности;
и оказывается, что он все производимые им перемены
делал по давно сделанному уже плану**

Как государь все первые дни своего государствования посвятил на разные благотворительства и на изливание милостей на своих подданных, то в числе воспользовавшихся

оними был и брат любимого им вельможи, г-на Архарова, Иван Петрович¹. Сего знаменитого человека угодно было пожаловать государю военным губернатором в Москву и сказать притом, чтоб он, нимало не медля, к должности своей и отправлялся; но как чин сей был совсем новый и до сего неслыханный и неизвестный², то господин Архаров, отблагодарив государя за милость, прямо ему сказал, что он хотя и тотчас в Москву отправится, но признается, что не знает, в чем состоять будет его должность, и потому просить ее объяснить. «Очень хорошо,— сказал государь, рассмеявшись,— о сем вы можете узнать в моем кабинете: подите туда, и там вам покажут». Господин Архаров идет в кабинет, рассказывает о пожаловании себя в военные губернаторы и о разговоре своем с государем и просит о показании ему его должности. Кабинетские тотчас бросились, отыскиали ему те бумаги, где было сие написано, и тогда увидел господин Архаров и узнали все, что распоряжение о том сделано и подписано было государем еще в 1784 году, следовательно, уже за 12 лет до сего времени.

44

Государь изъявляет благодарность свою всем московским жителям

Как скорейшее приведение к присяге новому императору всего нужнее было московских жителей, то как с известием о вступлении на престол, так и для сего приведения к присяге избран и отправлен был гвардии капитан Митусов. Москва приняла известие сие с изъявлением особой радости и не только целых три дня торжествовала празднествами и радостными огнями, но и присланного, для изъявления усердия своего к государю, одарила столь многими и важными подарками, что составила ему на век счастье. Начальник московский¹ подарил его дорогой цены серебряною стопою на блюде, насыпанною золотом; губернатор² — табакеркою с бриллиантами; полицмейстер³ — часами с осыпью⁴; московское купечество поднесло ему на серебряном блюде тысячу червонных; а все дворянство — десять тысяч ассигнациями; английский клуб⁵ поднес от себя 5 000 рублей; Платон⁶ — дорогую и осыпанную бриллиантами трость; и так далее: словом, всего надарили ему ты.

сяч на тридцать. И государь столь был доволен как сим, так и скорым приведением к присяге, что не успел г. Митусов возвратиться и о том ему донести, как самого его пожаловал в генерал-майоры, а в Москву послал благодарительное письмо к начальнику, повелевая объявить признание свое и благодарность всем чинам, в Москве пребывающим, как гражданским, так и воинским, также дворянству, купечеству и прочего сословия жителям, и уверить их о продолжении к ним своей милости и благоволения. Москва весьма была тем обрадована, и начальник ее постарался часа в три, чрез квартальных, известить о том весь город.

45

Государь воспоминает бывший за несколько лет до сего рекрутский набор с женами разворванный

Всем известно, что во время, обладавшего всем, князя Потемкина, за несколько лет, был у нас один рекрутский набор с женами рекрутскими и что весь он был, как им, так креатурами и любимцами его, разворван; и женатые сии рекруты, вместо поселения в Крыму, поселены в деревнях княжеских и других господ, тогда великую власть имевших. От государя, как думать надобно, сие тогда не утаилось, но он по сие время молчал; но ныне, по вступлении своем на престол, тотчас о том вспомнил и, находившегося при кабинете покойной императрицы и бывшего до сего любимца и фаворита княжеского, генерал-майора Попова, уже в первые дни своего государствования, спросил: не знает ли он, куда делся тот набор, который был с женами? Г-на Попова поразил вопрос сей, как громовой удар, ибо в числе расхитителей был и сам он и рекрутами сими населил себе богатые деревни; и как не признаться не было возможности, то, не долго медля, пал он пред государем на колени и прямо признался и сказал, что великое множество и у него оных. Что государь далее с ним говорил и что сделал? — о том уже неизвестно; а только то знаемо, что в числе пожалованных господина Попова не было, да и в кабинет определены были уже другие люди.

**Государь воспоминает престарелого
и на лаврах своих покоящегося,
славного российского полководца, графа Румянцева
и приглашает его к себе**

Не успел государь вступить на престол, как в первейшие почти минуты вспомнил престарелого воина и толь великую славу приобретшего и в сие время живущего уже в слабости, в своих деревнях и на лаврах своих покоящегося графа Румянцева, и в тот же час отправил к нему нарочного курьера как с извещением о своем на престол вступлении, так и с приглашением сего славного старца к себе. Он написал к нему, в лестных для него выражениях, письмо и звал к себе приехать. Но как обрадованный старик извинялся своею слабостью, а особливо болезнию ног своих, делающих его ко всему уже неспособным, то носилась молва, что государь писал к нему вторично: приглашал его к себе вновь, отзываясь, что ему не ноги его нужны, а его мудрые советы. Словом, убеждения государевы были столь велики, что сколь ни слаб и ни древен был граф сей, но согласился наконец удовлетворить желание нового своего государя и к нему приехать. Толико-то уважал государь старых и опытных полководцев, оказавших отечеству своему истинные заслуги¹.

**Государь оказывает снисхождение
к имеющим слабое здоровье**

Как служение в зимнее время, при жестоких морозах, без шуб, так как хотел того неотменно государь, всем почти не нравилось и многим, а особливо зябким и слабого сложения людям, действительно было весьма отяготительно и даже несносно, и потому многие на сие втайне роптать начали, и негодование сие дошло до сведения государя,— то он, в рассуждение слабого здоровья людей, тотчас и предлагал вспомогательное средство. «Сим,— говорил он,— кто воспрещает надевать под камзолы теплые фуфайки? Я даже позволяю самые камзолы подбивать мехом и оный покрывать сверху стамедом; а и с самыми сюртуками можно то

же сделать: для самого того и мундиры сделаны просторные и такие, чтоб могли сверху по пояс застегиваться; а не по-прежнему разнополые и петиметрские»¹. Словом, сим и подобным сему образом старался государь зажать рот у негодующих на то; а как сверх того не отнимал он ни у кого воли идти в отставку, буде кто не в силах себя находит служить и выносить всю военную нужду, то и нечего было более говорить: и все принуждены были, замолчав, начинать привыкать к прямой нужде и службе.

48

Один просрочивший гвардейский офицер выключается из полка

Одному гвардейскому офицеру, г. Чиркову, бывшему в отпуску в Москве, случилось как-то не успеть к полку к назначенному сроку; а как государю, в подаваемых ежедневно рапортах, тотчас сие было и показано, то государь тогда же приказал его из полка, как нерадивого, выключить, что тотчас и сделано. Но как г. Чирков, просрочивший не от шалости, а по необходимости, и приехавший чрез три дня после того в полк, был весьма исправный офицер, — то нашлись люди, которые отважились доложить об нем государю, донести, что просрочить довела его сущая необходимость, что он спешил и ехать, но успеть никак не мог; и государь не успел о том услышать, как приказал ему к себе явиться и милостиво расспрашивал его о причинах, ему мешавших явиться в полк в назначенное время; и как оне были действительно законные, то государь тотчас отменил свое приказание и опять его в полк приказал причислить.

49

Некоторым господам запрещается ко двору ездить

К числу первых достопамятных деяний нового монарха, по вступлении его на престол, принадлежало и то, что он торжественно обнаружил нетерпимость свою всякого непотребства и распутной жизни, которая весьма уже и до само-

го высокого градуса у нас усилилась, и дабы то доказать самым делом, то учинил он первое начало к тому запрещением ко двору своему приезжать трем знатым господам, ославившимся распутною и слишком своевольною жизнью, не уважив нимало, что были они именитых фамилий. И как молва о сем разнеслась повсюду, то многие тотчас начали воздерживаться и привыкать к жизни порядочной.

50

Государь изъявляет негодование свое на самовольные разводы и непозволенные женитьбы

Как в последние года правления покойной императрицы самовольные между супружниками разводы и недозволенные женитьбы как на близких родственниках, так и от живых мужей и жен весьма сделались обыкновенны и умножились, так что и слышать было о том прикро и дурно и все сие государю, еще до вступления его на престол, было известно, то, вступив в правление, восхотел он, и в рассуждение сего пункта, оказать публично крайнее свое негодование и то, что он таких беспорядков терпеть никак не хочет. Случай к тому подала, как носилась молва, жена ославленного и сделавшегося всей России известным господина Игнатьева, Афанасья Ивановича. Сей зажиточный дворянин, за два года до сего, сделал славное дело и ушел от жены своей, вдавшейся в явное почти распутство. С полгода не было об нем ни слуха ни духа, и все почитали его погибшим; но наконец отыскан он был в Украине, где недавно женился он публично на дочери киевского обер-коменданта, нимало не тая, что его жена была жива. И сия-то распутная жена подала государю о сем просьбу; государь вступился за сие очень горячо и приказал тотчас отыскать как самого господина Игнатьева, так и всех в сем соучаствовавших, а особливо того, кто венчал и сватал, чтоб поступить с ним со всею строгостью и тем унять и пресечь сие зло. Происшествие сие наделало много шума и грома и возымеет, может быть, свое действие.

**Государь все первейшие дни своего государствования
ознаменует милостями и разными во всем реформами
и новыми распорядками**

Нельзя почти исчислить все те милости, которые оказал государь многим частным людям в первейшие дни своего государствования и во все почти течение ноября месяца. Не проходило ни единого дня, в который бы не пожалованы были многие как в знатные и великие чины и достоинства, так средственные и нижние и как по военной, так и по штатской и по придворной службе; и не было ни единого дня, в который бы не сделано было им каких-нибудь новых распоряжений и реформ как по войску, так и по другим служениям. Всякий день производил он многим радости; а того множайших приводил бдительностью, трудолюбием и расторопностью своею в удивление и в живность. Благоразумными своими поступками удалось ему в немногие дни вперить в сердца всех почти подданных к себе любовь и усердие к повиновению и угождению себе. Некоторые строгости, употребленные им по необходимости, были очень к стати и производили удивительное действие и во всех быстрою перемену: все почти ожитворились и все забывали почти себя и метались всюду и всюду, желая угодить государю. Военных жаловал он обыкновенно, при отдавании пароля, и обнародовал то не указами и манифестами, а в письменных приказах, отдаваемых ежедневно в гвардию. С реформою сей занимался государь, в первое время своего царствования, всего более. Он не только ее вдвое почти умножил, поместив в нее и свой павловский гарнизон и лейб-гусарский и казацкий полк, но разделил вновь на шестиротные батальоны; придав каждому особливых шефов, приказал называться им по именам их шефов; и присовокупил еще к числу их егерский и артиллерийский батальон, и сделал в них совсем новые пред прежними распорядки, чины и должности. А при всем том в особливости старался ввести наистрожайшую военную дисциплину, употребляя к тому необходимо нужную строгость. И всеми сими делами обратил на себя внимание всего государства. Все и везде с неописанною алчностью жаждали слышать о сих новых переменах и распоряжениях, и как не проходило ни единой почты, которая б не привозила с собою множества новых вестей, то рассевались оне в единый миг в народе, и все

едва успевали впечатлеть все слышанное в свою память: толь великое было их множество. Словом, вся публика и всякого состояния люди занимались единственно только о том разговорами и суждениями.

52

Государь, для понуждения к ревностной службе своих подданных, употребляет особое средство

Особливым и весьма сильно действующим орудием к побуждению своих подданных, а особливо служащих в войсках, к ревностной и усердной службе и к старанию себе угождать, а вопреки тому к воздержанию себя от всего дурного, употреблял даваемые гвардии своей ежедневно письменные, при пароле, приказы¹. В них упоминалось не только о всех, в тот день, пожалованных и о других милостях, оказанных государем, но и о самых наказаниях, сделанных заслужившим оные государем, а равномерно и прощениях, оказанных на первый случай; наконец, упоминаемо было и о всех, сделанных вновь, распорядках и повелениях. И как приказы сии сделались крайне важны и любопытны и интересны для всех, то списки с оных летали всюду и списываемы были с великою жадностью: а чрез все то и производили государевы повеления во всех великое действие.

53

Государь воспоминает прежнего своего учителя, а нынешнего митрополита Платона и приглашает его к себе

Государь не успел вступить на престол, как вспомнил уже прежнего своего учителя закона, Платона. Сей достигши, в тридцатичетырехлетнее царствование покойной императрицы, до высочайшей почти степени духовного сана и будучи уже московским митрополитом, находился, по особой своей привязанности к своему августейшему ученику и по причине всегдашнего его любления, в некотором от двора отдалении и во все последние годы жил в своей Сергиевской Лавре¹ и наслаждался уединенною и тихою

жизнью и спокойствием. Государь тотчас отправляет к нему курьера и на милостивейшим писанием приглашал его к себе. О письме сем носилась повсюду молва, что написано оно было в на милостивейших выражениях: государь изъянял в нем всю свою к нему приверженность и желание видеть его старость и облобызать его седины; и при заключении называл себя верным его другом; словом, содержание всего письма было для него крайне лестное. Однако сей старец, по носящейся молве, отказался от езды в Петербург, извиняясь будто бы своею слабостью и болезнями и тем, что будто ему в Петербурге жить было негде. После сего говорили, что государь и замолчал; но как скоро наслано было повеление съезжаться всем архиереям для погребения покойной императрицы, то не отрекся нимало и Платон от сего долга и, невзирая на всю свою слабость, в путь сей охотно отправился.

54

Государь печется о скорейшем доставлянии своих повелений во все концы государства

К числу первейших деяний государя относилось и попечение его о том, что все повеления его не только исполняемы были в точности, но и скорее всюду и всюду были доставляемы. Важнейшие из повелений сих, как известно, разваживались до сего курьерами сенатскими; но число оных было очень невелико; и государь, предусматривая, что количество их далеко не будет достаточно к тому, умножил тотчас количество оных, и как слух носился до 120 человек, а сверх того, для побуждения их к скорейшей и исправнейшей езде, увеличил он и жалование оных. А сие и произвело то следствие, что никогда так скоро курьеры не разъезжали, как в сие времена, и от Петербурга до Москвы не более почти двух суток им было надобно; а в сравнении с сим и в прочие места. Словом, никогда так много курьеров во все стороны не рассылалось, как в сие времена, и никогда, в такое короткое время повеления государские всюду и всюду доставляемы не были, как в сей достопамятный период; а много поспешествовало к тому и то, что подорожные их

подписываемы были самим наследником престола, как главным начальником и военным губернатором петербургским.

55

Государь печется о восстановлении курса деньгам и серебру

Известно, что за несколько уже лет до кончины покойной императрицы курс на наши деньги крайне унизился и упал, так что иностранные принимали рубль наш не более 60 копеек или еще меньше; а серебро внутри государства сделалось так дорого, что лаж¹ на серебряные рубли, возвышаясь с часу на час, достиг уже до 45 коп. и на том остановился. Причины тому были многие и разные, но важнейшие из всех были следующие: во-первых, упадок нашей коммерции и потеряние баланса. По обстоятельству, что к нам на несколько миллионов рублей товаров из других государств привозилось более, нежели мы в оные отпускали, принуждены мы были доплачивать им за них наличными серебряными или золотыми деньгами; и оне, пользуясь сим случаем, полагали им такую цену, какую хотели, и более для того, чтоб тем вынудить из нас наше серебро и золото, которые от самого того сделались дороже. Во-вторых, делание фальшивых ассигнаций, а особливо иностранными, и выменивание на них свои земли. Бездельниками сими рассеяны были по всему государству комиссионеры и менялы, выменивающие всюду и всюду серебро и доставляющие к оным. В-третьих, дошедшая до высочайшей степени роскошь и пышность в нашем народе: все не только знатные и богатые, но и самого посредственного состояния люди восхотели есть на серебре; и все затевали делать себе серебряные столовые сервизы. Не можно изобразить, какое великое множество серебра употреблялось на сию роскошь и обращалось действительно в мертвый капитал и какой великой вред проистекал от того всему государству, ибо как мастеровым такое количество серебра взять было негде, сколько надобно было оно на сии сервизы, также и другую серебряную посуду, а не менее и самые утвари церковные, умножающиеся также с часу на час, то другого не оставалось, как делать все сии работы из монет и переплавливать к тому оные. А как таким же образом переплавли-

валась и медная монета, на винокуренные кубы и посуду, то чрез все то и уменьшилась так серебряная и самая медная монета, что было оной всюду уже очень малое количество в остатке, и все богатство всего государства превратилось в бумажное и состояло в одних только ассигнациях, а непосредственным следствием от того было и то, что цена на все вещи поднялась и все вздорожало. Все сие было государю, до вступления еще на престол, известно; и как все дурные следствия от того были необозримы и бесчисленны, то, по вступлении в правительство, первейшим почти долгом почитал он себе приложить старание о истреблении и сих всех злоупотреблений, вместе с прочими многими, а паче всего о восстановлении порядочного курса нашим монетам и о придании серебру и золоту надлежащей цены. Ничто так не достопамятно, как изреченное им по сему случаю слово. Носилась молва, что он, в разговорах о сей материи, торжественно сказал, что он согласится до тех пор сам есть на олове, покуда не восстановит нашим деньгам надлежащий курс и не доведет до того, чтоб рубли наши ходили рублями. Изречение божественное и достойное великого государя! А дабы показать, что он не остается при одних словах, а хочет произвести то самым делом, то и повелел он не только остановить переделывание монет в уменьшительные, которое было уже и началось, но бить рубли почти такие же, как прежде, и для наделания оных во множайшем количестве собрать многочисленные серебряные сервизы, разосланные до сего по наместничествам и по большим боярам; а о рублях тотчас разнеслась повсюду молва, что не велено брать ни малейшего лажа; и молва сия подействовала так много, что вдруг хождение рублей остановилось, и никто не хотел не только давать за них по-прежнему лаж, но и принимать оные: толико то сильно подействовала государева воля!

56

Один ямщик приходит к государю с хлебом и солью

Еще в самые первые дни правления государева, пришел во дворец один простой ямщик, принесший хлеб и соль и просивший допустить его до государя. Его начали выталкивать вон и говорить; куда он, мужлан, суется и свое ли затевает? Однако он никак не отставал от своей просьбы,

а требовал усиленно, чтоб его допустили до государя, говоря, что государь его знает и чтоб сказали только, что пришел такой-то ямщик. Услышав сие, принуждены были просьбу его исполнить и доложить об нем государю. Сей повелевает тотчас его впустить и, увидев его, весьма милостиво его принял: благодарил его за хлеб и за соль; усмехнулся, услышав поздравляющего его с радостью по простоте крестьянской; спрашивал, все ли он здоров, пожаловал его к руке, и как случилось тут же быть государыне императрице, то спрашивал оную, узнала ли она сего мужичка? И как сия ответствовала, что не знает, то сказал государь: «Как это, матушка, ты позабыла! Не помнишь ли, как мужичок сей нам однажды в долг на две тысячи рублей лошадей поверил?» Тогда вспомнила его и государыня и была столь милостива, что, подошед к нему, пожаловала ему поцеловать свою руку и благодарила его за тогдашнюю его доверенность. Государь подтвердил тоже, говоря, что как теперь и у самого его денежки водятся, то, в случае нужды, может, и он его одолжить деньгами и чтоб он приходил к нему тогда. «Сохрани Господи! — сказал на сие мужичок, — статочное ли дело, государь! У меня по милости Господней деньги на нужду есть. А разве вам, государь, когда понадобится, так готов до полушки все отдать вам». Государю крайне было приятно таковое мужичка сего к себе усердие, он возблагодарил его вновь и, пожаловав еще к руке, отпустил с приказанием, чтоб он приходил к нему почаще, когда ему вздумается. Толико то государь был чувствителен ко всем к нему усердствующим.

57

На расхитителей казны нападает страх

Не успел государь, вступая на престол, препоручить главную дирекцию или начальство над Смольным или Вознесенским¹ монастырем, где воспитывались и обучались благородные девицы, своей августейшей супруге, государыне императрице Марии Федоровне, — как и произошло уже одно громкое и достопамятное происшествие в оном. Государыня, желая видеть сей монастырь и живущих в оном воспитанниц, приезжает в оный и находит все в превеликом небрежении и беспорядке: девушки, воспитываемые в оном, не только не пользовались всеми выгодами, кои долженст-

вовали им доставляемы быть, но не имели на себе даже порядочного платья. Сие удивило государыню до бесконечности; она призывает имеющего там начальство и в своем ведении отпускаемую на содержание дома сего казну, некоего г. Боголюбова², и приказывает подать себе обо всем отчет, ибо хотела сама видеть все расходы и, будучи хорошо хозяйкой, распоряжать впредь сама оными. Но г. Боголюбову со счетами сими показаться никак было не можно: у него хвачено и промотано было из монастырской суммы несколько десятков тысяч; и приказание сие поразило его как громовым ударом. Он, не долго думая, отыскивает себе нож и черк им себе по брюху; но, к несчастью его, успели как-то скоро сие увидеть, поспешить к нему на помощь, зашить разрезанное его брюхо; однако всем тем не спасли его от смерти: чрез несколько дней, как носилась молва, он от того умер и чрез то избавился заслуженного наказания. Толико то действует и один страх и угрызение совести над бездельниками.

58

К Архарову, московскому военному губернатору, приставляется дядька

Носилась повсюду молва, что как государь пожаловал сего чиновника в новую и до сего неслыханную должность, то есть в военные губернаторы в Москву, то сей, отправляясь в свое место, признавался прямо государю, что как он, живучи многие годы уже дома, давно отвык от ружья и от всего военного, то и не надеется никак по желанию во всем угодить его величеству. «Ну хорошо,— сказал на сие государь,— я тебе дам человека, который в том тебе помогать будет». Как и действительно тотчас пожаловал в плац-майоры московские одного старичка-полковника, пруссака, по прозванию Гессе¹ и отправил в Москву с г. Архаровым, которого в Москве и видали всегда с ним разъезжающего и пребывающего безотлучно везде, а особливо при разводах, при оном. И его-то называли все его дядькою.

**Государь шуткою побуждает
этого своего обер-гофмаршала к строгости**

Известно уже, что государь, еще в самый первый день своего правления, переменял дворцового хозяина или бывшего обер-гофмаршала, князя Борятинского, и, откинув его, как негоднейшего из всех придворных, определил на его место богатейшего и такого человека, о котором можно смело надеяться, что не украдет он ни полушки, а именно графа Николая Петровича Шереметева. О сем носился в народе следующий любопытный анекдот: говорили, что как прошло уже недели две или три, после вступления его в сию должность, то спросил некогда его государь: каково идут его дела? «Худо,— отвечал сей прямо,— сколько ни стараюсь истребить все беспредельное и бесстыднейшее воровство и сколько ни прилагаю всех моих стараний о истреблении всех злоупотреблений, вкравшихся во все дворцовые должности, не могу сладить! и все старания мои как-то ни ползут ни едут». — «Ну так надень, Николай Петрович, шпоры; так и поедут поскорей!» — сказал государь и, рассмеявшись, пошел прочь. А сего словечка и довольно уже было к побуждению г. Шереметева к употреблению множайшей строгости с придворными ворами и бесстыднейшими расхитителями; и ему действительно в короткое время удалось когда не совсем разрушить, так по крайней мере уменьшить сие зло, достигшее до высочайшей уже степени, и довести до того, что расходов стало несравненно меньше расходиться.

**Государь отрешает все прежние подряды
и поставки во дворец
и приказывает покупать все с рынка**

Как до сего нигде такого воровства и плутовства не было, как при дворце, и главнейшим поводом и источником всему злу были делаемые всем вещам и провизии подряды и поставки; ибо подрядами сими пользовались все от мала до велика и плутовали не токмо нижние чины, но и сами начальники над ними; и злоупотребления при том до-

стигли до высочайшего градуса, так что мошенничество в подрядах и в поставках и в чинимых расходах было уже слишком явно и наибесстыднейшее в свете: в чем всякому уже по одному тому судить можно, что одних сливок во дворце расходилось на 250 тысяч рублей да угля на одно разжигание щипцов парикмахеров на 15 тысяч, чему никак статья не можно; а сходственно с сим и всех прочих вещей становилось в расходе в десять или во сто раз более, нежели сколько действительно расходилось; — то государь, увидев всему тому счеты и ужаснувшись, восхотел, по обыкновению своему, одним разом подсесть все сие древо зла под самый корень и тем уничтожить одним ударом все злоупотребления. Он ничего иного не сделал, как не приказал ничего впредь подрывать, а велел все нужное покупать всякий день на рынке, по ценам обыкновенным; а почем на торгу все вещи продавались, приказал подавать себе таксы и справки. Чрез сие положил он преграду всем мошенничествам и плутовствам и как сим, так и уничтожением излишних столов и наблюдением во всем лучшей экономии сберег в течение и одного уже месяца более 200 тысяч рублей излишних расходов; следовательно, если б и впредь так пошло, то сохранилось бы во весь год около полутретья миллиона, который до того почти весь расхищался мошенническим образом низко придворною челядью.

61

Государь приводит себя в безопасность от гвардии особливым средством

Всем известно, что гвардейские наши полки, во все те многие годы, покуда продолжалось у нас женское правительство, мало-помалу приходя от часу в вящее уважение, а особливо чрез действия ее [т. е. гвардии] при бывших переворотках и переменах правительства, достигла наконец до такого уважения, что ровнялась некоторым образом почти с турецким янычарским корпусом, так что сами государи причину имели иметь к ней некоторое уважение и некоторым образом ее опасаться. Государю обстоятельство сие довольно было известно; и как он, будучи еще наследником, мог и в рассуждении себя иметь от нее некоторое опасение, то не упустил он уже заблаговременно предпринять против нее некоторые меры и, еще задолго до вступления

своего на престол, запастись хотя небольшим числом к себе преданного и верного войска. По причине делаемых ему в том всегдашних помешательств, произвести сие было для него хотя и трудно, однако он успел нарочито в том и войска сего имел до 3-х или до 4-х тысяч¹; и оно, будучи известно под именем павловского гарнизона, состояло из пехоты, отчасти из конницы, и снабжено было как егерями, так и гусарами, и казаками, и артиллеристами, и морскими. На сие-то свое собственное войско, также и на кирасирский свой полк, и полагал он всю надежду и потому не успел на престол вступить, как на четвертый же день по приходе к нему оных не только поверстал он всех их наравне с гвардейскими полками, но формально поместил их в старинную гвардию и порядочно перемешал с нею; а чрез самое сие и подсек он ей все крылья; ибо если б и восхотелось ей что-нибудь дурное затеять, так, будучи перемешана с новыми сими войсками, не могла на то отважиться. А самое сие развязало вкупе государю руки к давно замышляемой им с гвардией великой реформы и к уменьшению ее силы и могущества; что он, нимало не опасаясь, и учинил в самые же первые дни своего царствования, как о том упоминается ниже.

62

Государь предпринимает совершенную реформу всей гвардии и разрушает единым разом все бывшие в ней злоупотребления

Нельзя изобразить, в каком странном и удивительном положении была до сего гвардия и коль многие злоупотребления во всем господствовали в высочайшей степени в оной. Ежели б все то изобразить, то составила бы прелюбопытная картина для потомства; и потомки наши не только б стали удивляться, но едва ли б не в состоянии были поверить, чтоб все то существовало в самом деле, и скорее могли бы подумать, что то выдуманная баснь и совершенная небывальщина; ибо что касается до самых рядовых, то они, живучи толь многие десятки лет неподвижно на одном месте и неся единое только почти звание службы и отправляя единые только караулы, совсем изнежились и так избаловались, что с трудом можно было с ними ладить. Многие из них обзаводились целыми домами и жили в таком доволь-

ствии, какого никакие иные войска не имели; другие распускаемы были в отпуски по домам и не живали совсем при полках своих, а оттого и происходило, что полки хотя счислялись в комплекте, но налицо бывала едва ли и одна половина оных, но как жалованье отпускалось на всех, то командиры находили в том свои счеты и из жалованья распущенных скопляли превеликие экономические суммы. Но все сие злоупотребление далеко не столь было важно, как относящееся до дворян, записывающихся в гвардию и носивших на себе звание унтер-офицеров и сержантов; сих набилось в гвардию бесчисленное почти множество; и в одном преображенском полку счислялось их до несколько тысяч, а во всей гвардии тысяч до двадцати; но что со стороны их было и неудивительно. По неслыханному злоупотреблению милости государской, сделалась гвардейская служба для всех так лестна, что не только все дворянство за первый себе долг почитало записывать детей своих в гвардию и, чрез самое короткое время, выводить их в люди и в чины, но, смотря на них, начали таким же образом записывать в гвардию детей своих и самые купцы, секретари, подьячие, мастеровые, духовенство, а наконец, и самые управители и городские люди и, чрез деньги и разные происки, доставлять им такие же выгоды, какими пользовались дворяне. Что ж касается до сих выгод, то были оне чрезвычайные, ибо злоупотребление достигло до такой степени, что можно было записывать не только взрослых и больших, но самых и маленьких и не только детей, но и самых еще младенцев грудных; и бешенство сие достигло до того, что отыскивались такие, которые записывали и совсем еще не родившихся и получали на них паспорта с оставленными для имени пустыми местами. И вся мелюзга сия не только записывалась, но жалована была прямо либо в унтер-офицеры, либо в сержанты; но и сим еще многие не довольствовались, но хотели, чтоб ребятишки их и самые иногда малейшие дети включались в действительную службу, и чтоб им почти от рождения шло старшинство, и чтоб можно было, чрез происки, потом самых ребятишек брать в выпуск капитанами. Что же касается до взрослых, то и из них большая часть вовсе не служила, а все жили по домам и либо мотали, вертопрашили, буянили, либо с собаками по полям только рыскали да выдумывали моды и разнообразные мотовства; однако, несмотря на то, чрез происки и деньги, еще скорее самых служащих доставали себе либо поручичьи, либо капитанские чины и, будучи сущими ребя-

тишками и молокососами, выпускаемы в сих чинах в армейские полки, перебивали у действительно служащих линию и старшинство, к неописанной досаде и огорчению сих действительных, все тягости военной службы носящих. Нельзя изобразить, какое великое множество выпускалось таких мотов, невежд и сущих молокососов ежегодно в армию. Не успевало 1-е число генваря настать, как целыми сотнями выходили они из гвардии; и не только офицеров, но самых штабов столько нажаловано, что в армии не знали, куда с ними деваться; и не было полка, в котором бы не было множества их сверх комплекта, а, несмотря на то, получающих жалованье. А какое злоупотребление было с унтер-офицерами и сержантами, такое же точно было и с гвардейскими офицерами. В сии добивались с возможнейшими усилиями все те, кои были зажиточные и кои могли по несколько тысяч проживать и проматывать в Петербурге; но им добиваться была причина, ибо как и из офицеров ежегодно множество выпускалось и в армию и к штатским делам и в отставку штаб-офицерами, то производство и офицерское летело как птица на крылах и так скоро, что многие от прапорщиков до полковников и до бригадиров дослуживались не более как лет в 7, 8 или по высокой мере 10, а что всего удивительнее, то иногда вовсе почти не служба, а лежачи на боку и живучи в деревне. Словом, нужно только было попасть в офицеры, как всякий потом и начал лететь и со всяким годом получать новый чин; и не успеешь оглянуться, как уже являлся он в капитанах и из них в выпуске либо полковником, либо бригадиром в отставку или к штатским делам. Самое сие и причиною было, что никогда и ни в какое время не было в российском государстве так много бригадиров и полковников молокососов, как в сей период времени; а число гвардейских офицеров было почти несметное, ибо, кроме выпускаемых ежегодно десятками целыми, и в полках было их множество сверх комплекта.

В таком-то беспорядке находилось все в гвардии и единственно от злоупотребления непростительного милости государственной. Монархиня у нас была милостивая и к дворянству благорасположенная; а господа гвардейские подполковники и майоры делали что хотели; но не только они, но даже самые гвардейские секретари были превеликие люди и жаловали кого хотели за деньги. Словом, гвардейская служба составляла сущую кукольную комедию и походила не на дело, и на детские игрушки. В таковом-то положении застал

гвардию государь, при восшествии своем на прародительский престол, и как ему все сии злоупотребления в самую точность были известны и он давно уже помышлял о том, как бы и чем все сие зло искоренить и таковой постыдной пред всем светом кукольной комедии конец сделать, то и не преминул тотчас приняться за сие великое дело, как скоро вступил в правление и полную власть получил в свои руки. Он прежде всего начал вышеупомянутым перемешанием всей гвардии с своим собственным войском, а потом пробуждением всех гвардейцев из прежнего их дремания и сна, так и неги и лени. Все должны были совсем позабыть прежний свой и избалованный совсем образ жизни, но приучить себя вставать очень рано, быть до света еще в мундирах, перестать кутаться в шубы и муфты, разъезжать по примеру бояр в каретах с егерями, гусарами и гайдуками, но наравне с солдатами быть ежедневно в строю, ходить в одних мундирчиках пешком или ездить на извозчиках и, несмотря на всю зимнюю стужу и морозы, учиться ружьем и экзерцироваться, при присутствии самого государя. Но сего было еще недовольно, но государь для дружного и единовременного разрушения всех господствовавших до того зол переменял даже фундаментальное чиноположение и весь образ службы и не только велел учиться совсем новой экзерциции, но, расписав всю гвардию на дивизии и батальоны новым манером, уничтожил совсем некоторые чины, как-то: из нижних сержантские и из офицерских — секретарские, обозничьи и некоторые другие, и вместо их ввел некоторые новые; всех же вообще унизил из прежнего их высокого чина. До сего всякий гвардейский солдат почитал себя не иначе как наравне с армейским прапорщиком; а сержант с капитаном; а он, согласно с установлением еще Петра Великого, положил, чтоб и самим офицерам быть одним только чином выше армейских. Но что всего для них было неприятное, установил, чтоб впредь из гвардии в армейские полки вовсе никого не выпускать; да и в отставку отставлять не армейскими, а гвардейскими ж чинами; и чрез все то сделал, что гвардия потеряла всю прежнюю свою важность и высококость и, унизившись, сделалась ничего почти незначащею. А дабы всему тому и наружность ее соответствовала, то учинил великую перемену и в ее мундирах и из прежних пышных и дорогих сделал совсем простые и дешевые, но зато теплейшие и спокойнейшие. Словом, во всем и во всем произвел он превеликие перемены и всех гвардейцев не только спознакомил с настоящею

службою, но заставил нести и самую строгую и тяжкую и, позабыв все прежние свои шалости и дури, привыкать к трудолюбию, порядку, добропорядочному поведению, повиновению команде и почтению себя старейшим и к несению прямой службы¹.

63

Государь сзывает всех отлучных гвардейских и производит тем великое движение во всем государстве

К числу первейших и таких деяний нового монарха, которые наделали всего более шума и движения в государстве, принадлежало и сзывание его всех отлучных гвардейцев, находящихся в домовых отпусках и пребывавших в рассеянии во всех концах и пределах государства. Он, в первые еще дни государствования своего и наистрожайшим образом, повелел обнародовать повсюду в государстве, чтоб все находящиеся в домовых отпусках и в отлучках гардии обер- и унтер-офицеры непременно явились, в самой скорости, к полкам и командам своим; и восхотел сим пробудить сих господ, живших до того в совершенной праздности по городам и по деревням и не о службе, а о том только помышлявших, как бы им вертопрашить, мотать буяннить, рыскать с собаками по полям, бегаться на бегунах, плясать и танцевать в собраниях и производить бесчисленные шалости, молодым необузданным людям свойственные. На всех их вознамерился государь наложить уздечку и, чрез самое то, нанести чувствительный удар нашему мотовству, пышности и роскоши, достигшей до высочайшей уже степени и о уменьшении которой он равномерно вознамеривался стараться; и как ему известно было, что сему злу все сии молодцы делали с своей стороны великое поспешествование и многие роскоши от самих их и начало свое воспринимали, то отвлечение их от публики и надеялся он положить первую сему злу преграду.

Слух о сем повелении распространился как электрический удар, в единый почти миг, по всему государству и, подобно ему, произвел сильное во всех потрясение. Не было ни единой губернии и ни единого уезда и ни единого края и угла в государстве, где б не было таковых отлучных и находящихся в отпусках. Повсюду находилось их множество,

и когда не больших и взрослых, так по крайней мере малолетних; и все вообще до крайности перетревожены были сим всего меньше ожидаемым повелением, которого строгость молва повсеместная увеличила еще того более. Говорили, что велено тотчас и нимало не медля к полкам своим ехать и явиться неотменно на срок; а буде кто не явится, то все такие не только будут исключены, но сообщатся имена их герольдии¹, дабы впредь не были они никуда определяемы. Сей и, может быть, совсем еще неосновательный или надмеру увеличенный слух нагонял на всех страх неописанный; и нельзя изобразить, какое началось повсюду скакание, какое горевание и какое сетование ото всех из числа отлучных сих. Многие, живучи многие годы на свободе в деревнях, даже поженились и нажили уже детей себе и сих также имели уже в гвардию записанных и в чинах унтер-офицеров, хотя и сами еще не несли никакой службы. Все таковые сходили с ума и не знали, что им делать и как появиться пред лицо монарха; они должны были бросать молодых жен своих и спешить в столицу. Другие, и того множайшие, кусали и губы и пальцы у себя, досадуя на самих себя, что, по примеру прочих, не вышли уже давно в выпуски или в отставку, а проживали несколько уже лет в сержантских чинах, дожидаясь все гвардейского офицерства; все сии завидовали прочим и с неописанною досадою на самих себя и раскаянием, что упустили из рук блаженные времена, ехали и готовились нести все трудности нынешней службы. Третьи, и также очень многие, наверное полагали, что в нынешнем же году будут они либо гвардейскими офицерами, либо капитанами, и, вдруг увидев себя в лестной сей и бессомненной почти надежде обманувшимися, не знали от стыда куда деваться и отправлялись в путь с повесившими головами. При отправлении же прочих и не достигших еще до такого возраста, чтоб можно было им переносить всю тягость службы, сходили отцы и матери с ума от горести и сожаления. Но из всех никто так поражен не был, как отцы и матери всех малолетних и совсем еще к службе неспособных детей, записанных также в гвардию. К крайнему огорчению всех их и по особой ошибке гвардейских майоров, требованы были и они все, яко отпущенные до окончания наук в свои дома. Все не знали, что им с малютками сими начать и делать. К вящему несчастью многие из них по жалости родителей и по непростительным проискам, счислялись давно уже в действительной службе, а иным, того еще хуже, приклепано было более годов, не-

жели сколько они действительно от рождения имели: и были примеры, что иные по спискам полковым были 16-ти или 18-летними, а им и десяти лет еще не было; и со всеми такими не знали отцы как и показаться. Словом, везде и везде слышны были одне только сетования, озабочивания и горевания, везде вздыхания и утирания слез, текущих из глаз матерей и сродников: никогда такое множество слез повсюду проливаемо не было, как в сие время. Со всем тем повеление государское должно было выполнить! Повсюду были они отыскиваны и высылаемы; и все почти хотя с крайним сожалением, но принуждены были ехать и отправлять детей своих, в случае когда самим было не можно, с матерями или сродниками их. Все большия дороги усеяны были кибитками скачущих гвардейцев и матерей, везущих на службу и на смотр к государю своих малолеток. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сделалась дороговизна в наемке лошадей и повсюду неудовольствие! Сим-то образом наказано было наше дворянство за бессовестное и бесстыдное употребление во зло милости прежней милосердной монархини, через записку сущих младенцев в гвардию и за обманы их непростительные.

64

Государь с чувствительностью принимает сыновнее повиновение и изъявляет ему за то свою любовь

Еще задолго до кончины покойной императрицы, носилась по всей России повсеместная хотя и тайная молва, что государыня, для каких-то неизвестных причин, неохотно хотела оставить свой престол своему сыну, а назначала его охотнее внуку своему, великому князю Александру Павловичу, которого отменно за доброту и кротость его нрава любила. Говорили даже, что якоб написана была уже и решительная на сей важный случай духовная и что якоб она уже некогда вручала и повеление свое о том генерал-прокурору, для предложения сенату, и что сей якоб, упав пред нею на колена, никак не отважился сего сделать и повеление сие принять отрекся. Справедлива ли сия молва была или нет, того уже подлинно неизвестно; но то только было достоверно, что все трепетали и от помышления одного о том: ибо всякий благомыслящий сын отечества легко мог

предусматривать, что случай таковой мог бы произвести бесчисленные бедствия и подвергнуть всю Россию необозримым несчастиям, опасностям и смутным временам и нанести великий удар ее славе и блаженству, и потому чистосердечно радовался и благословлял судьбу, что сего не совершилось, а вступил на престол законный наследник, и вступление сие не обгарено было ни кровью, ни ознаменовано жестокостью, а произошло мирно, тихо и с сохранением всего народного спокойствия. Все радовались сему и не сомневались уже в том, что помянутая молва была пустая. Однако, чрез короткое время, не преминула она некоторым образом восстановиться; и носился между народом анекдот, о котором хотя также неизвестно было, справедлив ли он или нет, однако, в случае неложности, означалось, что было нечто похожее на то действительно. Говорили, что якобы покойная императрица и действительно не только сделала помянутое важное завещание, но чрез генерал-прокурора, графа Самойлова, и доставила оное в сенат, для вручения оно, по смерти своей, ее внуку. И некоторые догадывались, что не за самое ли сие и назначила она помянутого г. Самойлова пожаловать орденом и 4 000 душами; ибо, по молве, известно было, что государь в сем случае выполнил только волю императрицы. Но как бы то ни было, но прибавляли, что завещание сие и вручено было действительно великому князю Александру Павловичу, как скоро государыня скончалась. Но сей достойный внук Екатерины Великой поступил при сем случае так, как только великим душам свойственно. Он предпочел долг сыновний собственной своей выгоде и завещанию своей августейшей бабки и, не хотя и мыслить об оскорблении родителя своего, пошел прямо к нему, держа пакет сей запечатанный еще в руках, и, поднося ему оный на коленях, сказал достопамятные сии слова: «Се жертва сына и долг к отцу! Делайте с сим и со мною что вам угодно». Говорили, что благородный поступок сей толико тронул государя, что он обнял его с изъявлением наинежнейшей любви и, расцеловав с пролитием слез радости и удовольствия, спрашивал его, чтоб хотел он, чтоб он для него сделал. И сей пожелал только быть начальником над одним из гвардейских полков и пользоваться его отеческою любовью. Прибавляли, что самое сие и побудило государя в тот же час пожаловать его в Семеновский полк полковником и, объявив торжественно его своим наследником, одному ему придать титул цесаревича; а сей, получив сие достоинство, и спешил выйти пред собранною уже пред

дворец для присяги гвардию; и, вышед к ней сам, оной объявил как о кончине государыни, так и о том, что вступил на престол его родитель, что пожаловал его в гвардию полковником и что ей следует теперь присягать ему и последовать в том его собственному примеру, ибо он первый идет к сей присяге.

Вот что говорили в народе; но справедливо ли все сие и не выдумано ли кем с достоверностью — неизвестно. Но как бы то ни было, но то было всем известно, что государь, по вступлении своем на престол, отменно стал жаловать цесаревича и препоручил ему наиважнейшие должности, чего многие никак не ожидали, но чего сей младый и великими качествами одаренный князь, по справедливости, был и достоин, а особливо если все вышеупомянутое было в самом деле¹.

65

Государь великодушно прощает врага отцу своему

К числу именитых людей, о которых по вступлении государя на престол наиболее в публике говорено было, принадлежал и известный граф Алексей Григорьевич Орлов, прославившийся морейскою своею экспедициею¹ и многими другими деяниями. Как всем не безызвестно было, что сей человек был причиною то все и интересовались более оным и с особливым любопытством старались узнать, как с ним поступлено будет при нынешней перемене; почему и не удивительно, что носились об нем в народе многие и разные анекдоты, но которые по большей части были выдуманные и несправедливые, а сколько-нибудь вероятнейший был следующий:

Сей знаменитый вельможа, препроводивший почти все годы долговременного царствования Екатерины Великой в совершенной праздности и занимаясь только беганием на бегунах и лошадиною скачкою и другими подобными, нимало великим мужам несвойственными ничтожностями и самыми почти детскими игрушками, предвидя, может быть, приближающийся уже конец жизни императрицы, своей благодетельницы, и опасаясь, чтобы, по кончине ее, не претерпеть за прежние свои дела какого истязания, вознамерился уже заблаговременно убраться к стороне и удалиться в страны отдаленные и в земли чуждые; и в сходстве того,

минувшею еще осенью, под предлогом будто некоторых неудовольствий, собрался совсем в сие дальнее путешествие и отправился из Москвы в Петербург. Он уехал бы и оттуда, если б судьба не восхотела остановить его, власно как для доказательства, что и самые сокровеннейшия преступления не остаются никогда без наказания, но скоро ль или не скоро получают всегда мзду свою. Его остановило сначала на короткое время прибытие в Петербург короля шведского и бывшие, во время пребывания его, торжества и праздники; а потом наставшая дурная осенняя погода задержала его от продолжения своего путешествия, и он отложил езду свою до зимнего пути. Но воспоследовавшая в начале ноября нечаянная болезнь и кончина императрицы разрушила все его планы и намерения. Он принужден был остаться в Петербурге и претерпеть за давнишнее свое злодеяние особый род наказания, которое для него было тем чувствительнее, что оно сделалось всему государству известным и покрыло его стыдом и раскаянием, но уже поздним. О происшествиях с ним рассказывали наиболее следующее.

Говорили, что когда покойная императрица вдруг и так опасно занемогла, то из первейших вельмож, окружавших ее во время сей ее болезни, находился безотлучно при ней, во все продолжение сей болезни, и сей граф Орлов. Как все его счастье и благоденствие произошло и зависело от ней, то никому не была болезнь ее толико чувствительна и прискорбна, как ему: он плакал, терзался и препроводил целые две ночи без сна, без пищи и питья и в неописанной горести и сокрушении; и по отвычке уже своей к таковым беспокойствам так оттого изнемог, что не в силах был дожидаться до ее кончины, но, за несколько часов до оной, уклонился на свою квартиру, чтоб дать хоть несколько ослабшим своим силам, посредством сна, подкрепление. В самое сие время и посреди самого сего кратковременного его успокоения, прибегают к нему с известием, что государыня скончалась; а вслед за сим вестником непосредственно прибегает другой, с повелением от нового монарха, чтоб он тотчас явился для учинения ему присяги. И то и другое поразило сего, и до того уже до крайности изнеможенного, старика так сильно, что он не в состоянии был никак тотчас исполнить повелеваемое, но присланному сказал, что как теперь ночь, а он, от препровождения двух суток без пищи и без сна, совсем изнемог, как то самому государю известно, то не может он никак в самую ту минуту выполнить повеление государское; а как скоро рассветет, то

ни малейшим: в том свидетельствуюсь всем светом. Ныне же, если угодно будет вашему величеству употребить меня к чему, то клянусь жизнью моею посвятить все достальные дни жизни моей наиревностнейшей службе вашей и охотно пролить всю кровь до последней капли за вас, моего монарха и государя». Сим кончилась тогда сия сцена. Государю угодно было такое сие признание, и он не только не учинил с ним ничего дальнейшего и не только его совсем не отринул, но удостоил еще той чести, что при погребении императрицы назначено было ему несть императорскую корону³. По окончании же печальной церемонии, отпустил он его попрежнему в Москву, куда он вскоре и приехал. А были ль с ним еще какие происшествия, о том в первые дни с достоверностью было неизвестно; а носилась молва, что московский военный губернатор, г. Архаров⁴, публично и пред многими отзывался, что все носящиеся и невыгодные для сего графа слухи были совсем неосновательны и что он им удивляется; и буде станут далее такие нелепости распускать, то имеет он средство зажать рот таковым затевальщикам совсем небывалого.

66

Государь изъявляет соболезнование свое о сокрушении первого императрицына министра

К числу наиболее о кончине покойной императрицы плававших и искренно сокрушавшихся принадлежал и первейший ее министр, известный граф Безбородко. Сей человек и имел к тому причину. Будучи монархиною сею извлечен из ничтожества, удостоен величайшей милости и доверенности, осыпан, так сказать, с головы до ног бесчисленными благодеяниями, возведен на высочайшую почти степень достоинств и славы, обогащен до избытка и содержим так, что он, при всей своей многотрудной должности, мог, однако, наслаждаться и всеми приятностями жизни и пользоваться прямо счастливою жизнью,— натурально должен он был чувствовать, сколь много потерял он чрез кончину августейшей своей благодетельницы и производительницы всего счастья его. Он и изъявлял непритворные чувствования свои толикими слезами, таким сокрушением и горестью и таким надрыванием даже себя печалью и рыданиями, что

сам государь об нем наконец соболезновал и сам несколько раз утешать и уговаривать его предпринимал. Но все сии утешения и уговаривания, и не только сие, и самые милости, оказанные ему уже новым монархом, и оставление его не только при прежней должности, но самое повышение его на степень высочайшую по государе и в чине генерал-фельдмаршала,— не могли и не в состоянии были никак утолить горести и печали его. Он только твердил непрестанно, что он лишился матери, благодетельницы, зиждительницы всего его счастья и блаженства, и такой монархини, которую он никак позабыть не может, и что все его слезы и рыдания далеко недостаточны к тому, чтоб могли составить жертву его благодарности, и так далее. На уверения государя, что и он будет к нему милостив, отвечал он, что о сем не сомневается он нимало; но самому ему не можно уже так государю служить, как служил он покойной императрице. «Почему же так?» — спросил государь удивившись. «Потому,— отвечал он,— что все мои лучшие лета уже миновали, и теперь я уже одряхлел и состарился, и я не в силах перенести столько тягости и трудов, сколько нужно будет при служении вашему величеству и сколько бы я хотел переносить сам, по моему усердию к вам и ревности к службе. Возложенная на меня вице-канцлерская должность уже слишком для меня тяжела, и бремя сие превосходит все мои силы и возможности, почему и прошу о увольнении меня от оной». Граф и говорил в сем случае самую истину: ему, как второму Сарданапалу¹ и утонувшему до того в роскошах и неге, действительно было трудно привыкать вставать в 5 часов поутру, или еще ранее, и трудиться до поту лица своего и позабыть всю прежнюю свою роскошную и любострастную жизнь. Со всем тем, как он уже многие до того годы непрерывно и один отправлял должность первого министра, и ему все государственные тайны и наиважнейшие дела, а особливо относящиеся до связи с иностранными державами, были известны, а сверх того издавна славился он чрезвычайною памятью,— то государю он был крайне нужен; и ему никак не хотелось с ним расставаться и его отпускать; то и старался государь его всячески удержать и шутя ему сказал: «Нет, нет, Александр Андреевич! я тебя никак от себя не отпущу. Ты останься при мне; трудись по силе своей и возможности и будь по крайней мере моею архивою. Ты мне нужен; а чтоб тебя облегчить, то избавлю я тебя от вице-канцлерской должности»². Что и действительно учинил тогда же и важную сию

должность препоручил другу своему князю Александру Борисовичу Куракину.

67

Государь вознамеривается воздать достойную честь праху отца своего, которой лишен он был при своем погребении

Всей России известно, что покойный его родитель, государь император Петр Феодорович, по несчастной и бедственной своей кончине, не только не удостоен был и по смерти той почести, какая следовала ему, как бывшему законному императору и внуку Петра Великого, но как простой приватный человек, и погребен был не там, где погребались его предки, но в Невском монастыре, и не только без всякой церемонии, но и вне церкви и с толиким небрежением, что не сделано было даже никакого мавзолея на его могиле. Государю, как видно, было сие крайне чувствительно и больно; и он, по вступлении своем на престол, первейшим почти долгом почел постараться поправить сие небрежение и, исполнив упущенное, изъявить тем к оставшемуся праху родителя своего должное сыновнее почтение и воздать оному всю императорскую почесть. Словом, он вознамерился произвесть дело, хотя неслыханное и необыкновенное, но весьма громкое и такое, которое неожиданностью своею всех толико удивило, что никто не хотел верить первым разнесшимся о том слухам, а именно: вынуть из земли уже 34 года покоившийся прах родителя своего и, воздав оному всю императорскую почесть, перенести его в Петропавловский собор и поставить, для вечного погребения, в том же месте, где покоились прахи августейших его предков. Были ли к тому, кроме сыновней любви, какие и иные побудительные причины, уже неизвестно: но со всею вероятностью можно было заключать, что надлежало быть каким-нибудь важным причинам, побудившим благоразумного государя к предприятию сего громкого и необыкновенного дела; и к числу их принадлежало, может быть, и то, что простой наш народ, даже и до сего времени, не совершенно еще был уверен в его кончине, но многие были еще такие глупцы, кои твердили, что он еще жив и находится в заточении. Следовательно, и сама политика требовала удостоверить в том

народ наиторжеотвеннейшим образом. Но как бы то ни было, но то известно было, что намерение государево приступить к сему делу обнаружилось еще в самые первейшие дни его государствования; и для скорейшего и торжественного удостоверения всей России о действительной кончине, повелено печальной комиссии обнародовать в газетах о возложении годичного траура не об одной скончавшейся императрице; но вкупе и о императоре Петре Федоровиче. Впрочем, носились о сем случае в народе разные слухи, но которым не всем можно было верить. Говорили, что якоб государь, тотчас по вступлении своем на престол, имел о том весьма важный разговор и совещание с первым своим министром графом Безбородкою, и что сей отваживался оспаривать государя и представлял, что пренесение праха родителя его в Петропавловский собор было предосудительно, потому что там погребались только одни помазники и коронованные главы; родитель же его, как известно, был при жизни еще не помазан и не коронован,— и что, как сей пункт привел и самого государя в некоторое недоумение, то якобы самый сей граф предложил ему то редкое и необыкновенное до сего средство, чтоб прах сей, по вынужти из земли, прежде пренесения, порядочно короновать и привести для того из Москвы императорскую корону. Говорили, что предложением сим граф Безбородко в особенности угодил государю и что тотчас положено было совету сему последовать и отправить в Москву за короною нарочных. Но как бы то ни было, но то известно, что из Москвы корона была привезена. И как скоро во дворце, в печальной зале, катафалк и все прочее было изготовлено, то гробница императора Петра III была в Невском монастыре открыта, из земли вынута и потом, со всею императорскою помпою, перенесена во дворец и поставлена на одном катафалке и рядом с гробницею императрицы, а потом вместе с оною со всем великолепием, приличным государю, перенесена и погребена в Петропавловском соборе. Далее говорено было, что якоб, по открытии гробницы в Невском монастыре, вынимал оную из земли государь сам с обоими сыновьями своими и что, по пренесении оной в церковь сего монастыря, стояла она в оной несколько дней, покуда привезена была корона; что потом была она вскрываема; и как оказались в ней единые только уже кости и волосья, то государь смочил оные своими слезами и потом возложил на голову корону и, положив гроб в другой, серебряный, с пышною церемониею препроводил оный сам с детьми своими во дворец. Тут встречали его су-

пруга его императрица с дочерьми своими и проводила его до катафалка. Но подлинно ли все сие происходило так и не прибавлено ли чего лишнего, о том с достоверностью не было известно¹. Но как бы то ни было, но намерение государское было выполнено в точности, и прах сего несчастного государя приобщен к прахам пресловутых его предков.

.....

Государь, по вступлении своем на престол, восхотел, между прочим, почтить память о родителе своем и тем, что не только изъявил отменное свое благоволение ко всем тем, которые, при случае несчастья его¹, отличили себя от других непоколебимую своею верностью и усердием к нему и кои за самое то претерпевали гонение и несчастье, излив на них свои щедроты и пережаловав в чины, как о том упомянуто в другом месте,— но изъявил напротив того негодование свое и ко всем тем, кои ему тогда изменили и были несчастию его наиглавнейшие поспешествователи. К числу сих, в особливости, принадлежали две знаменитые особы: бывший его любимец и благодетельствованный им г. Измайлов, Михаил Львович, сделавшийся потом первым соорудителем его несчастья, и известная княгиня Дашкова, Екатерина Романовна, дочь г. Воронцова и сестра любимицы государевой, помогавшая, как известно, столь много покойной императрице, при тогдашнем случае. Обоим сим дал государь ныне почувствовать, сколь тогдашние поступки их были ему неуютны. И об обоих их разнеслась тотчас молва, что за ними присланы были, по имянному указу, нарочные; и первый якоб за нехотение ехать повезен даже под караулом в кибитке; а в славное его село Дедново (которое все называли селом поелику он с тем договором и согласился ехать арестовать государя, чтоб села сего достальная половина была ему отдана, ибо одною половиною он уже владел, по милости государской) не велено будто б было ему и въезжать. Но все сии слухи были по большей части неосновательны; а обнаружилось наконец, что весь гнев государя состоял только в том, что повелел он обоим их выслать из Москвы с тем, чтоб никогда не въезжали они в столицу при присутствии монарха, а жили бы в отдаленных своих деревнях: и что они принуждены были тотчас сие исполнить и вытерпеть сей постыдный и чувстви-

тельный для них удар и стыд пред всею публикою. При котором случае носился в народе о последней, то есть княгине Дашковой, следующий анекдот:

Говорили, что к сей бойкой и прославившейся и разумом и качествами своими госпоже, носившей столько лет звание директора академии и находившейся в самое сие время в Москве, приехал сам главный начальник московский и, по повелению государя, у ней спросил: помнит ли она день вступления на престол покойной императрицы, и что сия прямо героического духа женщина, нимало тем не смутясь, ответствовала ему, что она день сей всегда помнила, всегда помнит и всегда, покуда жива, помнить будет. А когда после сего сказано ей было, что воля государя есть, чтоб она из Москвы чрез 24 часа выехала, и, сим нимало не смутясь, она сказала: «Я выеду не в 24 часа, а чрез двадцать четыре минуты и повеление государское теперь же при вас еще исполню». Потом, кликнув служителя, приказала тотчас запрягать лошадей и действительно выехала из Москвы в тот же час и убедила просьбою приезжавшего к ней дожидаться ее выезда².

69

Государь наблюдает, при изливании милостей своих, отменный порядок и придает им чрез то более уважения

Между прочими злоупотреблениями, вкравшимися у нас и производившими многие беспорядки, было и то, что в чины, как в штатские так и военные, а особливо маленькие офицерские, жаловали всех одним только именем наши монархи, а в самом существе раздавали их, по своей воле и хотению, штатские господа наместники, губернаторы, генерал-прокуроры и сенатские обер-секретари, и на большую часть за деньги и наживаючи чрез то многие тысячи; а военные полковники, генералы, фельдмаршалы и военная коллегия, а в гвардии секретари, майоры и подполковники; и многие из них также не даром, а из похлебства¹ и пользуясь интересом. Словом, в рассуждении множайших употреблялось одно только имя государское, а в рассуждении других подписываемы были только государями представляемые им от помянутых разных начальников списки и доклады; и кому в сии написану быть случится, тот и был счастлив. А сверх того и самое производство в чины бывало

в одни только какие-нибудь большие праздники и торжественные дни, как, например, в новый год, в день восшествия на престол, рождения и тому подобное; и представляемые в таких случаях государям списки и доклады бывали так велики, что им и прочитывать оные было слишком затруднительно, а не только чтоб узнавать, по достоинству ли кто жалуется. А все сие и подавало повод к бесчисленным несправедливостям, обидам и злоупотреблениям. В чины, как в низкие, так и средственные, а иногда и в самые высокие, производились не те, коих производить следовало и кои того были б достойны, а те, кои имели у себя знатных покровителей, находились у начальников в фаворе или кои умели чрез разные происки и хитрости чины себе доставать, или имели деньги и оными подкупали тех, кои производили самое дело. Все же достойные, честные и такие люди, кои не разумели таких непозволенных хитростей или не хотели ползать и раболепствовать пред боярами, оставались нередко совсем без производства. Словом, повсюду замешалось зло, и дошло наконец до того, что все почти чины доставаемы были чрез деньги; а чрез самое то и не уважалась нимало милость государская, а всякий за полученный чин или какое достоинство почитал себя обязанным либо своим деньгам, либо тем вельможам или любимцам их, которые помогли ему оные получить, а не государю. А вельможи и господа толико иногда забывались, что прямо брали то на себя и говаривали, что они дали такому-то и такому чин или надели на того и того кавалерию; ибо с раздачею сих, а особливо низких степеней, происходил такой же беспорядок и было такое же злоупотребление, к толикой досаде всех честных и добрых людей, что многие говаривали, что всем добрым и честным людям служить почти не было уже возможности.

Все сие было государю довольно известно, и всему тому, будучи толь многие годы великим князем, имел он время и досуг довольно насмотреться, а может быть, и надуматься о том, чем бы и как удобовозможнее было сему злу положить преграду и сему делу помочь; и как чинопроизводство и раздача честей были в самом деле вещь наиважнейшая в государстве и составляли главнейшую пружину, которую могут государи, без всякого себе убытка, побуждать и заставлять действовать все машины и производить и ревность к службе и усердие к себе и самую прилежность в отпращивании дел всякого рода, то и обратил государь, по вступлении своем на престол, тотчас и на сей важный пункт свое внимание и для возможнейшего уменьшения, буде не со-

вершенного истребления помянутого зла, принял в чиновном производстве и раздавании честей и милостей своих совсем новую методику. Он хотел, чтоб все производимые не только важные и большие, но и самые низкие офицерские чины были не кому иному, а одному ему за то обязаны и чтоб они все чувствовали и знали, что государь сам их в те чины облачает и жалует, и за то чтоб были не иному кому, а ему благодарны. В сходстве чего и лишил он всех вельмож своих, да и самые важнейшие правительственные места, прежнего права жаловать и производить кого они хотели, а положил принять сам на себя одного сие не безотяготительное бремя. А дабы ему сноснее и удобнее было оное на раменах² своих носить, то и уничтожил он прежнее обыкновение предоставлять таковые производства в чины в какие-нибудь праздники и торжественные дни и накоплять их к одному времени многия, а положил жаловать почти всякий день понемногу или когда лишь только случится к тому оказия и повод. А от самого того и произошло, что не только самые первые дни его государствования ознаменованы были многими милостями, но и во все последующие за ними изливал государь почти ежедневно свои милости и жаловал многих не только высокими, но и самыми низкими чинами. И как обо всех их обнародовано было и в газетах, то обстоятельство, что всякий жаловался имянным указом, и придавал сему производству великую цену, и оное обращалось уже гораздо более в побуждение каждому нести и отправлять должность свою с усердием. Одно слово, что государь сам пожаловать изволил, было для всякого уже лестно и могло не только делать во всех великое впечатление, но и производить великие действия. Всем же вкравшимся до того бесчисленным злоупотреблениям положила тем одним разом преграда и остановка.

70

Государь жалует бригадира Бобринского графским достоинством, именитыми волостями и огромным в Петербурге домом

Уже за несколько лет до кончины покойной императрицы и почти с самого начала ее правительства, носилась в народе тайная молва, что находящаяся в тульской губернии

и прославившаяся во всей России Бобриковская, а после и присоединенная к ней знаменитая Богородицкая, также и прикупленная на доход с сих третья Киясовская волости назначались некакому неизвестному воспитаннику в кадетском корпусе и потом путешествовавшему по всей Европе и, по возвращении своем, отставленному из ротмистров конной гвардии бригадиром и в Ревеле, в некотором удалении, живущему, господину Бобринскому, Алексею Григорьевичу¹. Звание его, сходственное с Бобриковскою волостью, и отменное от всех прочих казенных деревень управление сих волостей, называвшихся все время правления покойной императрицы ее собственными, украшение их разными зданиями, несмешивание доходов с них ни с какими иными государственными, а достанавливание оных в особо назначаемые места и, наконец, препоручивание оных всегда особым командирам и содержание их во всем почти на дворянском праве — подавали повод к таковым заключениям, и все почти не сомневались, что они выбудут некогда из казенного ведомства и пожалованы будут помянутому знаменитому воспитаннику. Однако, сколько ни ожидаемо было сие, в последние годы жизни императрицы, но не воспоследовало. Не успела же она скончаться, как и промчался потаенный слух, якоб осталось в сенате, относительно до сих волостей, императрицыно завещание, в такой силе, чтоб оне отданы были в вечное и потомственное владение оному господину Бобринскому. Но справедлива ли сия молва была или нет, уже неизвестно; а достоверно было то, что в шестой день после кончины благоволил новый монарх пожаловать сего бригадира не только помянутыми тремя волостями, но сверх того еще огромным каменным, а прежде того князю Григорию Григорьевичу Орлову принадлежавшим, в Петербурге домом, называемым Стегелманским², а сверх всего того украсить еще его достоинством российского графа: милость необыкновенная и знаменитая и поступок, приносивший великую честь и похвалу сему новому монарху. Все благомыслящие почитали деяние сие особливою чертою его благоразумия, и все единогласно оное одобряли. Непостижимое для многих было только то, что о делах сего, совершенных уже лет и не только незадолго до того женившегося, но имеющего у себя уже и сына, повелено государем иметь попечение одному из придворных знаменитых вельмож, графу Петру Васильевичу Завадскому, у которого он и до того состоял под некоторым родом опеки. Впрочем, вскоре после того сделалось известно, что государь принял

его опять в конногвардейскую службу штабом³; а носилась молва, что и малолетнего сына его определил рейтаром⁴ в ту же конную гвардию.

Государь повелевает учинить обоим августейшим родителям великолепнейшие похороны

Государь, вознамерясь воздать телам обоих своих переселившихся в вечность августейших родителей прямо императорскую погребальную почесть, уже в самые первые дни своего государствования, повелел учинить все нужные к тому приготовления. Тотчас учреждена была так называемая печальная комиссия и ею сделаны все нужные к тому приготовления. И как потребны были к погребению все государственные, хранимые в Москве, регалии, то отправлен за ними особый отряд кавалергардов. Взятие и вывоз оных из сей древней столицы происходил с великою и пышною церемониею. Для отвоза и положения оных сделан был особый длинный и драгоценною материею обитый ящик, и повезли его покрытый драгоценною парчою, при охране скачущих по обеим сторонам, и спереди и сзади, многих кавалергардов во всем их пышном убранстве. Вся Москва любовалась сим зрелищем, а о начальнике московском, престарелом господине Измайлове, носилась молва, что он до бесконечности испуган был неожиданным приездом сих кавалергардов, подумав, что они присланы были за ним из Петербурга, и насилу отдохнул, узнав, зачем они были присланы. Между тем как сие происходило тут, возложен был на весь двор в Петербурге наиглубочайший траур, и тело покойной императрицы, до 15 ноября, в полном убранстве, оставлено лежавшим в ее почивальне, при полном дежурстве фрейлин и придворных кавалеров и при ежедневном отправлении божественной службы, по обряду восточной нашей церкви. Помянутого ж 15 числа ноября, перенесено было тело покойной императрицы, в провожании всей императорской фамилии и всех придворных дам и кавалеров, из почивальни в тронную комнату и возложено на парадную, поставленную на сем троне и богато драпированную малиновым бархатом с серебряным флером и украшенную золотою бахромою и кистями кровать, в головах у которой вышит был золотом российский императорский

герб, а по бокам кровати вензелевое высочайшее ее имя. Тело же покойной императрицы облечено было в русское платье из серебряной парчи, с золотою бахрамою, с поендеспаном¹ и с весьма длинным шлейфом, распростертым до самого наложья, на котором поставлен был и образ. Наложья же сей, равно как и другой, на котором вместо Псалтыря читано было непрерывно Евангелие, покрыты были также малиновым бархатом и обложены золотым позументом. Поднимали же и переносили тело 8 камергеров, при помощи 4 камер-юнкеров, кои несли шлейф усопшей; а по положении оного на помянутую парадную кровать, поставлена она была на трон и поставлены к оной, для стражи, в головах, гвардии капитан и капитан-поручик с их эспантонами², обвитыми флером³. Несколько шагов отступя от оной, по обе стороны и вдоль всей кровати, стояли 6 кавалергардов с карабинами на плече, равномерно и у обеих дверей на часах по два кавалергарда, внутри комнаты: все сии кавалергарды, равно как состоявшие на часах и в кавалергардской комнате, имели на шишаках своих черные флеры; а у ног, также в нескольких шагах, стояло 4 паж. Кавалергардская же комната обита была вся, с полом и потолком, черным сукном; и во все время лежания тела на сем месте, дежурили денно и ночью при оном по 8 дам первых 4 классов, в том числе и 2 фрейлины, и по 8 кавалеров, в том числе по одному камергеру и по камер-юнкеру; и производилась церковная служба, и в каждое утро от 9 часов до 1 часа, а после обеда от 3 часов до 8 вечера. Допускаемы были к руке покойной императрицы всякого чина обою пола люди, кроме только крестьян.

Между тем приготовляема была траурная или большая тронная зала и в ней великолепный катафалк, или так называемый каструм долорис, также и гроб. И как скоро все сие изготовлено было, то съехались опять все знатнейшие особы и все знатное духовенство и, последуя за всею императорскою фамилиею, вошли в тронную, где со всею церемониею, по установленному обряду восточной церкви, тело покойной императрицы поднято было теми же 8-ю камергерами и 4 камер-юнкерами и положено во гроб. Потом возложена была государынею на главу усопшей императрицы корона; и как скоро сие учинено было, то теми ж камергерами перенесен был гроб в печальную залу, а крышка оного и покрывало 4-мя камер-юнкерами,— и поставлен на каструм долорис, и четырьмя старшими камергерами покрыт покрывалом, а крышка возложена на особый стол, поставлен-

ный в стороне; и тотчас после того отправлена была торжественная панихида; и как в сие же время перенесена была гробница и покойного императора Петра Феодоровича и поставлена тут же, то все прежние особы, находившиеся на страже и дежурстве, были удвоены.

Тут стояли оба сии гроба до самого дня печальной процессии и переноса их в Петропавловский собор для погребения; и во все сие времена продолжалась не только по-прежнему ежедневная служба, но денно и ночью по-прежнему — дежурство и допускание всех к руке, в такое ж время и таким же порядком, как упомянуто было выше. Что ж касается до самой погребальной церемонии, то об оной упомянуто ниже в статье особой.

72

Государь воспринимает намерение в непродолжительном времени короноваться в Москве и повелевает делать к тому все нужные приготовления

Вскоре по вступлении государевом на престол, сделалось всем известно и воспрятое им намерение в непродолжительном времени, по примеру августейших своих предков, короноваться и для сего отправиться в древний столичный город Москву. Молва о сем тотчас разлетелась по всему государству, и вкупе о том, что государь, будучи врагом всякого излишества и бережливым на все ненужные расходы, повелел наблюдать, при делании в Москве всех нужных к тому приготовлений, возможнейшую бережливость и экономию и удаляться от всех излишностей в сем случае. Но как надлежало при сем случае быть и войскам, то и стали тотчас говорить о походе гвардии в Москву и присланных уже, для занятия квартир и прочего, передовых. Твердили, что Преображенским назначено выступить уже на другой день после погребения и что велено было идти к Москве несколькими армейским полкам и расположиться в окрестностях оной, по ближним уездам. Таким же образом разнеслась повсюду молва, что назначились в Москве и дома, где жить государю и его придворным; и сначала твердили, что назначен был к тому дом Чернышевский, на Тверской, где жила до того Московские начальники¹, но вскоре потом сделалось известно, что назначен был дом, для пребывания государя, в Немецкой слободе, принадлежащей гра-

фу Безбородке и почитаемый, по величине и по внутренним своим украшениям, первым и наилучшим домом во всей Москве. Но как оный был отчасти тесноват, а отчасти и не весь еще совсем отделан да не было по близости и церкви, то с великою поспешностью и начали его отделять и пристраивать к нему деревянную церковь и все недостающее к оному. О сей пристройке говорили, что занимались ею целых 1 600 человек, работающих денно и ночно со свечами и что нужные к тому издержки повелел государь употреблять из почтовых денег, пропадавших до того без всякой пользы. Деяние сие в особенности всем нравилось, и все не могли довольно расхвалить оное.

73

Государь заставляет генералов и офицеров одинаково одеваться

Государь, предприяв вооружиться всячески против зла, отягощающего наиболее его подданных и не только весьма глубоко в лучшей части оных укоренившегося, но достигшего до высочайшей уже степени, а именно роскоши со всеми ее отродиями, как-то: непомерной пышности во всем, щегольства, ежечасной почти переменчивости мод, мотовства, расточительности и прочего тому подобного, и тем учинить высочайшее государству своему благодеяние когда не совершенным оного истреблением, так, по крайней мере, приведением всех зол сих в теснейшие пределы и сокращением жестокости оных,—приступил к сему великому и достохвальнейшему делу уже при самом вступлении своем на прародительский престол; и особого замечания достойно, что первейшие повеления его, наклоняющиеся к сей цели, воспоследовали уже на другой день по вступлении его в правление. Начало к тому учинил он с своих генералов и офицеров. Как те, так и другие проматывались до сего почти, между прочим, и на своих мундирах и платье; ибо что касается до первых, то не было почти дня, в который бы не видны они были в мундирах разных. Все они особое щегольство поставляли в том, чтоб иметь их множество различных и носить их попеременно, когда тот, когда другой, когда третий; временем же, вместо их, совсем фраки и штатскую одежду. И сие производило то, что иногда никак и ничем генерала распознать было не можно; а о том, чтоб

можно было оных различать от каких они корпусов и от пехоты ли или от конницы, и помыслить было не можно; а им в беспорядке сем подражали некоторым образом и офицеры, и не только нашивали разные мундиры, но всего чаще фраки и штатское платье. Все сие натурально не только производило беспорядок, но и самим им обращалось в убыток и отягощение; и самое сие вознамерился государь тотчас разрушить и восстановить в сем пункте порядок, приличный военнотружущим и могущий положить всему сему злу одним разом преграду. Учинить сие стоило ему нескольких только слов, и он произвел сие отданием при пароле в приказе, чтоб с того времени все генералы никаких иных мундиров не носили, кроме того, который подтвержден для тех корпусов, которыми они командуют; а в случае если командуют они разными, то из мундиров тех корпусов избирали бы уже себе единожды один и таковой бы уже всегда носили; а офицеры — чтоб никогда ни фраков, ни иного какого платья не носили, а всегда бы ходили в своих мундирах. Сим единым разом положил он преграду всем их затеваниям и излишнему щегольству и издержкам; и как повеления его были святы, и он паче всего старался довести всех до того, что были оне исполняемы в точности, то все господа сии и принуждены были оставить все свои фраки и разные мундиры и одеваться всегда одинаково и чрез то быть и государю и всем приметными. А вскоре после того разнеслась молва, что и всем, имеющим право носить мундиры, повелено быть всегда в оных, а не проматываться на разных фраках и одеждах.

74

В гвардейских нижних чинах делается государем достопамятная перемена

К числу первейших деяний государевых, по вступлении на престол, принадлежала и сделанная им достопамятная и великая перемена в нижних чинах гвардейских: некоторые из них угодно было ему вовсе уничтожить, а другие вновь учредить. К числу первых принадлежали из офицерских: чины секретарские и обозных, комиссарские и казначейские; а из унтер-офицерских: фурьерские, подпрапорщичьи, каптенармусские и сержантские; ко вторым же или вновь учрежденным принадлежали из офицерских: квартирмейстеры и аудиторы, а нижних: гефрейт-капралы, фельд-

фебели и в инфантерии — портупей-прапорщики, а в кавалерии — штандарт-юнкеры. Всем же бывшим до того фурьерам, подпрапорщикам, каптенармусам и сержантам повелено называться просто общим званием унтер-офицеров¹. Какая б, собственно, была тому причина, уже неизвестно; а, вероятно, побудило его к тому наиболее то обстоятельство, что помянутые чины и должности занимали наиболее молодые дворяне и, за частою оных переменою, весьма худо бывали исправляемы; а ему желалось, чтоб нужнейшие из сих должностей отправляли люди степенные, черные, трудолюбивые, никогда не переменяющиеся и дело свое разумеющие и к нему привыкшие, о сем можно было заключить потому, что в самые квартирмейстры и аудиторы, также в гефрейт-капралы и фельдфебели повелел он выбирать и определять не из дворян, ако не идущих в производство наравне с дворянами; а для сих предоставил только чины унтер-офицерские и портупей-прапорщичьи, из которых производиться должествовали они уже прямо в офицеры. А чрез несколько потом времени уничтожил он и самые полковые канцелярии и прежние письменные обряды; а велел сноситься во всем по новому изданному им уставу, о котором говорили, что у него оный, уже до вступления еще на престол, был сочинен и уже напечатан.

75

Государь, ко всеобщему удовольствию, не лишает дворянство дарованной родителем его ему вольности

Ничто так, при перемене правительства, не озабочивало все российское дворянство, как опасение, чтоб не лишиться ему дарованной государем Петром III драгоценной вольности, и удержание той привилегии, чтоб служить всякому непринужденно и по удовольствию, новый монарх, при самом своем еще вступлении на престол, а именно на третий или на четвертый день, увольнением некоторых гвардейских офицеров от службы, на основании указа о вольности дворянства, и доказал, что он никак не намерен был лишать дворян сего драгоценного права и заставлять служить их из-под неволи¹. Нельзя довольно изобразить, как обрадовались все, сие услышав, а особливо когда и после того производились почти всякий день таковые ж увольнения

и тем сие намерение государское подтверждалось от часу больше. Совсем тем многие опасались, чтоб некоторые из молодых и к праздности привыкших дворян, служащих в гвардии, от нехотения нести прямой службы, неблагоприятными своими просьбами о увольнении в отставку, государя не разгневали и сего дела не испортили.

76

Государь полиции градской придает вид военный и учреждает некоторые новые чины

К числу первых же деяний государевых принадлежало и то, что он и в полиции градской, а особливо в столицах и в знаменитейших городах, сделал великую реформу и повелел учредить ее повсюду на ногу военной. Сие доказывало определение во многих знаменитейших городах не только новых и важных чиновников, под именем военных губернаторов, долженствующих пещись о наипрожайшей везде полиции, но под ними,— обер-комендантов и комендантов, также плац-майоров и плац-адъютантов, из которых первые и последние чиновники были совсем новые и до того неслыханные. Все любопытны были узнать, в чем собственно состояли их должности, но хотя оные сначала были еще неизвестны, но никто, судя по прочим деяниям государя, не сомневался, что и сие все сделано было им для блага отечества и для какой-нибудь великой цели.

77

Государь отличает усердных к службе пред прочими и тем побуждает и прочих к подражанию их примерам

Как намерение у государя было вперить во всех военнo-служащих истинную ревность и усердие к службе, то, с одной стороны, сколько был он строг на всех небрежливых к своей должности и оных неукоснительно наказывал по достоинству, столько был милостив и благосклонен к тем, которые оказывали особое усердие и ревность к службе и старание рачительно исполнять свою должность. Он не только изъявлял им публично свое благоволение и осыпал их похвалами, но и удостоивал даже иных, отличившихся

чем-нибудь особливым, целованием и неукоснительным награждением их за то чинами. Наипервейший почти и достопамятный опыт оказал он над одним гвардейским офицером, некаким князем Волконским. Он не только произвел его в поручики, но и приказал отдать в приказе, что он пожалован за отменную ревность к службе; а как сие напечатано было и в газетах, то сделалось сие очень громко, принесло сему князю особливую честь и послужило всем прочим деятельнейшим поощрением подражать его примеру.

78

Государь изобретает особливый признак для отличия гвардейских унтер-офицеров

При делании совершенной с гвардиею реформы, восхотел государь всех гвардейских унтер-офицеров и сержантов избавить не только от того великого убытка, какой они претерпевали от шитья себе мундиров из самого тонкого и лучшего сукна, приказав шить и носить им оное из сукна простого и дешевого,— но и от тех издержек, какие они должны были иметь от покупки и всегдашнего возобновления на обшлагах своих золотого позумента, которого, по великому числу их, расходилось на одно сие превеликое множество золота и серебра, и сие служило ко вреду государства, то восхотел государь и в сем случае сделать маленькую экономию и все таковые золотые галуны вовсе отменил, а вместо их приказал всем унтер-офицерам делать на обшлагах по две маленьких только золотых нашивочки и тем отличать себя от рядовых. Сим преградил он и в сем пункте их пустое щегольство; и хотя им сие было не очень приятно, однако обращалось сие в пользу государственную, ибо серебро и золото сие могло уже обращаться на иные и необходимейшие надобности; а тут пропадало оно без всякой пользы.

79

У штаб-офицеров отнимаются ординарцы

Как в гвардии, так и в армейских полках господствовало исстари до сего обыкновение, что при каждом штаб-

офицере, а особливо при выездах их, бывали ординарцы, и по большей части из унтер-офицеров; а смотря на них, делали то же иногда и офицеры, а особливо ротные командиры, и содержали при себе таких же ординарцев, под именем вестовых. Государю было сие негодно; может быть, почитал он сие не слишком нужным, а излишним; а может быть, почитал он, что солдаты отвлекаются тем от службы и употребляются под сим именем на private услуги. Но как бы то ни было, но чрез неделю по вступлении на престол воспоследовало от государя повеление, чтоб всем штабам ординарцев у себя на мнимые рассылки не иметь и с ними никуда не ездить, а употреблять к тому своих денщиков, которые для самого того как им, так и офицерам от государя и даются. Многим сие не очень было приятно, но они принуждены были повиноваться государственной воле. Господам же унтер-офицерам и солдатам сделано чрез то облегчение, ибо с сего времени престали многие, лежучи на боку или живучи дома, считаться у штабов и генералов на ординарцах.

80

Государь учреждает гвардейский генералитет и многих полковников

К числу совсем новых распоряжений, деланных государем в первейшие дни государствования своего с гвардейскими полками, принадлежало, между прочим, и то, что он повелел всем тем штаб-офицерам, которые имеют генеральские чины, именоваться с сего времени гвардейским генералитетом, в число которое поместил он и бригадиров, о которых разнесся было сначала слух, что их вовсе не будет и они уничтожатся¹. Но сего было еще не довольно; но он пережаловал многих гвардейских капитанов полковниками, но оставив их по-прежнему при их ротах командирами и новые чины сии употреблять только при строе. Сие дело было совсем новое и до того необыкновенное; но все, не понимающие сего, заключали, что оно сообразовалось с общим и неизвестным еще планом или системою военного чиновначальства, вводимого государем. Таким же образом учредил он при гвардии новые чины, под именем штабов и командиров батальонных и эскадронных, и выпускал даже сими чинами иных в отставку,— что для слуха всех

было новое и необыкновенное. У себя же умножил он еще число адъютантов с различием таким, чтоб иной был от инфантерии, другой от флота и так далее.

81

Один гвардейский сержант дерзнул поневежничать пред государем и за то наказан по достоинству

Один молодой тульский дворянчик, довольно достаточный и служивший в гвардии сержантом, будучи одним только сынком у матери и привыкнув, живучи всегда дома и в необузданной свободе, не ставить никого ни во что и всех, на балах и редутах тульских цыганить, пересмехать и себя почитать лучше всех, хотя нимало того не стоил, а не имел ни фигуры стройной, ни разума отменного, ни звания, ни качеств отличных и ничего иного, кроме необузданности в преимуществе пред другими,—восхотел, по привычке может быть, помянутое глупое ремесло свое оказать и пред самим государем; но наскочил в сем случае как коса на камень и обжегся так, что и вылечиться было трудно; и пятно от обжоги сей осталось навек и нанесло ему бесчестие пред всем государством.

Несчастливец сей был из фамилии Горскиных; и дело состояло в следующем. Он приехал в Петербург незадолго до кончины государыни или во время самого сего происшествия, и приехал не за тем, чтоб нести службу, о которой он, по-прежнему обыкновению, всего меньше помышлял, а за тем, чтоб попроворить и сработать, чтоб, в приближающийся новый год, попал он в доклад и был бы произведен в гвардейские офицеры либо выпущен в армию в капитаны. Но несчастная судьба его приготовила ему другой жребий. Поелику, по сделавшейся перемене в правительстве, все многочисленные товарищи его принуждены были расстаться со всеми прежними своими мыслями о выпусках, докладах и офицерских чинах, а помышлять о прямой службе, потом как бы им скорей и лучше научиться новой экзерциции ружьем и уметь порядочно маршировать с солдатами наряду, к чему все они ежедневно были приучаемы,—то принужден был и сей бедняжка, хотя с крайним нехотением, но последовать их примеру. И особливо его несчастье восхотело, чтоб быть ему наряженному в разводе, на караул,

еще в самые первейшие и те дни правительства новаго монарха, в которые преимущественно присутствовал он сам, при каждой смене караула, или так называемом разводе; и лично сам мунштровал своих гвардейцев и старался, чтоб они скорее в экзерциции и маршировании дошли до желаемого им совершенства. Господину Горскину случилось, при сем случае, маршировать наряду с прочими, во второй шеренге, и каким-то образом выдаться более вперед, нежели сколько надлежало. Неизвестно уже от небрежения ли он то сделал, или от легкомыслия, или непривычки и оплошности, но как бы то ни было, но государь, находившийся тогда при сем разводе и все в точности примечающий, тотчас сие приметил и закричал: «Унтер-офицер во второй шеренге худо равняется». Всего б стоило господину Горскину только на несколько вершков податься назад и против других выравняться: дело бы бесспорно тем и кончилось. Но сему молодцу пришла горячка в голову: ему показалось напоминание сие обидно; и он, по прежней своей привычке не уважать никого, вздумал еще оправдаться и начал с государем самим спор. «Нет! — сказал он, — я равняюсь прямо и против первого человека». Не успел он его выговорить и государь сего услышать, как пришел он вне себя. Ничем не можно было государя так скоро и сильно раздражить, как таким упорством, оспариванием и неповиновением его воле и приказанию. Бедный господин Горскин, может быть не знавший того да и всего меньше того ожидавший, вострепетал, увидев в тот же миг государя, к себе бегущего и в крайнем гневе к нему кричащего: «Ах, дерзкий! как ты смеешь пред самим государем твоим так невежничать и говорить». Что было тогда делать господину Горскину? Он так смутился и испужался, что, вместо того чтоб признаться в вине своей или замолчать, он еще вздумал проступок свой прикрывать наивною ложью и тем гнев государев еще более увеличивая: «Я... я... — говорил он, запинаясь и будучи едва в силах говорить, — я никак не думал, чтоб это ваше величество говорить изволили; а думал, что сказано то фельдфебелем». — «Врешь, негодница! — закричал государь, раздражившийся тем еще больше, — этому быть не можно: фельдфебель стоит от тебя через человека, и тебе не было нужды так кричать! Да хотя б сказал то и фельдфебель, то как можно тебе и пред ним так невежничать? Ты должен помнить, что он командир твой. За фронт сего момента! и сорвите с него позументы». Бедный г. Горскин встрянул тогда, но уже поздно наложить на язычок

свой уздечку. Вне себя и будучи покрыт срамом и стыдом, при присутствии великого множества знатных господ и бесчисленного народа, принужден он был выходить из шеренги, шествовать за фронт и дать обрывать с себя позументы. Он раскаивался тысячу раз в необузданной своей дерзости, досадовал сам на себя; но все сие было уже поздно! Правда, несчастье его не продолжалось долго, и, как уверяли, не далее двух дней; ибо государь скоро его опять простил, и, как носился слух, по усиленной просьбе старика-подполковника сего полка, г-дина Татищева, представлявшего государю, что учинено им то по неведению и поелику он еще впервые от роду был тогда в строю. Однако, как о сем самом прощении извещена была вся гвардия, чрез упоминание в письменном от государя приказе, что унтер-офицер Горскин, на первый случай прощается, но чтоб имели только за ним господа генералы и штаб и обер-офицеры впредь прилежное смотрение,— то сего пятна смыть и загладить никак было уже не можно. Происшествие сие сделалось очень громко, и, к особливому несчастью господина Горскина, копии с приказа сего разлетелись вскоре по всему государству, будучи списываемы и посылаемы кой-кем в Москву и в другие города, к своим родственникам; и повсюду и везде говорено было о господине Горскине. А что того еще хуже, что самую сею дерзостью своею побудил он государя в самый тот же день приказать написать в приказе и другое весьма важное и, для всего российского дворянства, по существу своему, весьма благодетельное извещение и напоминание и всем прочим служащим в гвардии молодым дворянам,— состоящее точно в следующих достопамятных и важных словах, а именно: гвардии унтер-офицеры из дворян если будут неприлежны по службе или невежливы, носить фраки и делать шалости по городу, то будут выписаны в солдаты, без выслуги, в полевые полки. Слова, достойные написанными быть золотыми литерами, потому что ожидать можно было от них бесчисленных, полезных следствий. Всем известно, что ничто все благородное российское юношество так много не портило, как гвардия; в ней-то служа, делались они и повесами, и шалунами, и мотами, и расточителями имения своего, и буянами, и негодьями; словом, гвардейская служба, в которой утопали они только в роскошах и беспутствах, была для них сущим адом и отравою; а как вышеупомянутые слова служили от яда сего бальзамическим и весьма целительным лекарством и составляли пилюлю, для молодцов сих хотя очень горькие и невкусные,

но в самом деле крайне для них здоровые и полезные, то всем благосмыслящим не можно было никак, чтоб их не одобрить; и все истинные патриоты тысячу раз благославления государя за наложение такой прекрасной уздечки на необузданное наше юношество.

82

Государь расписывает гвардию свою на бригады и дивизии, а флот на дивизии и эскадры

К первейшим и вскоре, по восшествии на престол, принятым деяниям государя принадлежало и особое росписание, сделанное самим им, гвардейских полков на бригады и дивизии и назначение каждой особых начальников и командиров, также флота своего — на дивизии и эскадры и назначение к оным также особых начальников. Звание же генерал-адмирала удержал государь сам на себе до времени и был ко всем морских, как прежний их командир, в особенности благосклонным¹.

83

Государь изъявляет письменно благодарность свою цесаревичу за исправность полку его развода и жалует солдат рыбу

Было сие 20 ноября, что бывший в сей день развод Семеновского полка исправностью своею в особенности угодил государю. Он так был доволен оным, что не только изустно благодарил цесаревича и великого князя Александра Павловича, но не оставил и письменно, в приказе того дня, изъявить торжественно ему за то свою благодарность; солдат же всех наградил по рублю на человека, а сверх того пожаловал еще рыбу. Явление особое и необыкновенное, подтверждающее, по-видимому, некоторым образом тот носившийся повсюду слух, что государь, между прочим, вознамеривается поддержать возможнейшим образом и нашу религию и довести до того, чтобы она не так была презираема, как прежде, но все установления и предписания оной были нами по достоинству уважаемы. И как, между прочим,

вкравшееся почти во все лучшие классы людей неуважение постов и постных дней было в особенности соблазнительнейший пункт, то намерен был поддержать с своей стороны и оный и приучить народ уважать посты сии более; и дабы более и скорее в сем достохвальном намерении своим успеть, то не только в пост, но и в среды и пятницы не велел и на собственный стол подавать ничего иного, кроме рыбы, на тот конец, чтоб, смотря на него, и другие тоже делали. Молва почти невероятная, однако весьма многими подтверждаемая; а как и помянутое 20 число ноября было уже в начале филипповского поста¹, то пожалование государем не мяса, а рыбы что-нибудь похожее на то означало; и деяние сие всеми благомыслящими было по достоинству одобряемо.— Что же касается до отменной исправности семеновских солдат, сделавшейся толико угодною государю, то произошло сие, может быть, от особого усердия и любви семеновских солдат к своему августейшему полковнику, молодому великому князю и цесаревичу. О сем гремела повсюду молва, что он особливим своим благодушием, кротостью, милостивым и ласковым со всеми обхождением толико пленил сердца всего народа, что оный любил и почитал его почти до самого обожания; и говорили, что не успевал он на улицы показываться, как повсюду кричали: ура! и благословляли его наилестнейшими названиями и именами. Далее носилась молва, что он, по кроткому и человеколюбивому своему характеру, и самих солдат своего Семеновского полка старался скорее выучить и до желаемого родителем его совершенства довести не столько строгостью, как ласкою и с просьбою соединенными убеждениями своих подчиненных о том, чтоб они постарались, из любви к нему, сделать угодное его родителю и скорее выучиться; тех же, которые, несмотря на все сие, были нерадивы или в чем-нибудь проступились, не чем иным уграживал, как отосланием в Измайловский полк. «Ну, право! — говаривал он, — если вы не хотите слушаться, то отошлю вас к брату Константину: там скорее вы научитесь». А таковыя и подобные сему убеждения, может быть, и побудили солдат в скорейшем научении, даже надрываться в угодность к сему обожаемому начальнику и доставили чрез то и себе и ему толь лестную и громкую похвалу от государя.

Государь повелевает старинный летний дворец, в Петербурге, именовать Михайловским

Тоже 20-е число ноября сделалось достопамятно повеле-нием от государя, чтоб с того времени находящийся в Петербурге старинный летний дворец на Фонтанке¹ называть навсегда Михайловским. Повеление сие было для всех сущею загадкою: никто не знал истинной тому причины и для чего б именно таково придано сему дворцу сие звание и сие совсем обветшалое уже и нежилое здание удостоилось толь отменного внимания от государя. А носилась только странная и почти совсем невероятная молва в народе. Говорили, что будто случилось, в окрестностях сего старинного дворца, с одним, стоявшим на часах, солдатом необыкновенное и странное приключение, похожее на некое чрезвычайное явление. В самую глухую полночь является будто пред ним, в темноте, некакий сединами покрытый старец, вида важного и почтенного, и, по возбуждении его от дремания, повелительным образом ему сказал, чтоб он неотменно сказал своему новому государю, чтоб он велел на самом том месте немедленно воздвигнуть храм, во имя Николая-чудотворца, с приделом архистратига Михаила-архангела. Смутившийся от такого необыкновенного явления часовой не знал, что делать, но, собравшись с духом, в ответ ему говорил, что как ему можно сие сделать? и как отважиться подступить к государю с таким предложением, не подвергнув себя за то истязанию? «Не опасайся ничего,— сказал на то будто старец,— тебе никакого зла за то не будет; и ты напости только государю о том, а он сие уже и сам знает». Некоторые присовокупляли к сему, что будто старец сей ко всем вышеписанным словам прибавил и следующие, отходя прочь: «Скажи же и примолвь и то, что я государя чрез тридцать лет опять увижу». Сказав сие, пропал будто он с такою скоропостижною из вида у часового, что сей почел его исчезнувшим и самим сим толико был встревожен и смущен, что не преминул обо всем том донести своему капралу, как скоро он сменился, и виденное и слышанное подтвердить страшными клятвами. Сперва не хотел никто тому верить, но как он и сержанту, а потом и караульному офицеру самое то же под клятвою рассказывал, то сочли они за нужное донести о странном приключении сем высшей команде и чрез них, в тот же день, довести

историю сию и до самого государя. Но сей, услышав о сем, будто сказал: «Да, это я уже знаю!» — и что в то же время приказал, находившееся на назначенном стариком месте, деревянное здание начать ломать и на том месте заложить церковь во имя Николая-чудотворца, с приделом архангела Михаила; а ввечеру того же дня приказал отдать в приказе, чтоб дворец сей помянутым образом с того времени называем был Михайловским². Вот что говорили в народе и какая молва носилась о сем случае, но надобно признаться, что надобно иметь великую веру, чтоб не почесть все сие выдуманною басенкою, или, по крайней мере, какую-нибудь политическою стратагемою. Но как бы то ни было, но повеление называть дворец Михайловским дано было действительно, и не только в приказе, но и напечатано в газетах; и потому судить надобно, что государь имел к тому какие-нибудь да особливые причины³.

Государь уменьшает в войсках количество музыкантов

К числу вкравшихся, во время многолетнего правления покойной императрицы, в армии и во всех войсках, разных излишностей и злоупотреблений принадлежало и заведение во всех полках огромных музык. Вместо положенного по штату и прежде бывшего немногого числа полковых музыкантов, составляющих очень умеренную духовую музыку, состоявшую только из двух трубачей, 2 волторнистов, 2 гобоистов и 2 фаготистов,— музыки полковые, час от часу увеличиваясь, сделались уже самыми огромными, и не только в инфантерии, но и в самой кавалерии, где, кроме трубачей, и вовсе никакой музыки не положено; а таким же образом проявились оне и в артиллерийских и фузилерных¹ полках, егерских батальонах и корпусах, и всюду и всюду большие, состоящие из нескольких десятков человек, а в иных полках во сто и более человек, ибо все полковые и батальонные командиры щеголяли музыками своими друг пред другом и не только снабжали себя полною духовою музыкою, но заводили даже и самые смычковые, а в иных местах и полках даже самые многочисленные роговые, умалчивая уже о янычарской и других многих новых инструментах, вводимых ими в употребление и делающих не столько складу, сколько грома и шума. И как все таковые многочисленные

музыканты не только содержимы были на казенной пище, но и богато еще одеваемы, возимы и всякий год снабжаемы струнами, новыми инструментами и нотами музыкальными и певческими,— ибо во многих полках не позабыто было и о певческих хорах,— и за все про все должна была казна ответственать, и на содержание их и необходимо нужных для них капельмейстеров и учителей расходились ежегодно превеликие суммы,— пользы же от них никакой иной не происходило, кроме того, что увеселяли они и забавляли полковников и других командиров, а прочие солдаты должны были их обслуживать,— то и нужно было, по самой справедливости, злоупотребление сие посократить и всему тому положить пределы. Государь, от которого и сие зло не утаилось, и намерен был, как видно, давно уже сие сделать, а дожидался до поры и времени и до удобного только случая. Оный и явился к тому, помянутого ж 20 числа ноября, сделавшагося многими происшествиями достопамятным. Государю случилось в сей день видеть который-то гвардейский полк, весь в собрании и в строю; по носящейся молве, был то собственно его, то есть Преображенский, в котором, как известно, была преогромная музыка. Государь, увидев тут музыкантов целую превеликую толпу, на фланге стоящую, притворился будто не знающим, какой это народ, и спросил у командира: «А это что за войско?» Музыканты-де, ответствовано ему. «Как? неужели это все музыканты? — спросил он далее.— Да тут их превеликая толпа!» Точно-де так. «Э! Э! — продолжал государь, удивляясь, и, подошед ближе к оным, стал кричать: — Лучшие два волторниста, выходите сюда! — Потом закричал: — Лучшие два кларнетиста, выступайте вперед! — А наконец: — Лучший самый фаготист, выходи вон!» Как скоро все сии 5 человек вышли вперед, то сказал он: «Вот и сих довольно будет. Вы оставайтесь музыкантами; а прочих поместите-ка в ротное число, и пускай-ка они будут солдаты и несут наряду с прочими службу». Повеление сие поразило полкового командира, г-на Татищева; ему неведомо как жаль было расстаться с сими выученными людьми, и потому отважился он подступить к государю с униженною просьбою и представлениями. «Ваше величество, — сказал он, — дозволейте мне доложить, что в числе сих многие и певчими». — «Певчими! — подхватил государь, будто удивившись, — да на что это?» — «Чтоб петь в нашей преображенской церкви, которую ваше величество соизволили переименовать собором гвардейским». — «Да там, кажется, есть штатные дьячки и

пономари». — «Есть, ваше величество». — «Ну, так я того штата никак не уничтожаю; а солдатам там нечего делать; пускай-ка они знают свое ружье и служат». На сие нечего было уже более сказать; и дело тем было кончено. Словом, государь не только при том остался, но в тот же вечер подтвердил приказание свое в письменном приказе и установил, чтоб во всех полках музыкантов было только по 5 человек, а в артиллерии во всей только 7 человек; и так единым разом и сие зло разрушил и умножил не только число служащих целыми тысячами, но и сохранил в казне и превеликие суммы, на них употребляемые.

86

Государь старается в гвардии, во всех частях, установить порядок

К числу отяготительных беспорядков, вкравшихся в гвардию и господствовавших в ней до сего времени, принадлежало и то, что в нарядах на караул, во дворец и в прочие места не наблюдалась никогда между всеми служащими строгая и беспристрастная очередь; но многие из всех чинов, при таковых нарядах, обходились и, под разными предложениями, и от сей единой и легкой службы отлынивали и отбывали, — что им тем удобнее было делать, что наряду сии производились со всего полка и изо всех рот; а от сего и происходил тот беспорядок, что службу сию не все равно несли, но одни более, а другие меньше. Обстоятельство сие было государю также известно; и он, приводя все в надлежащий порядок, пособил и сему злу: сперва росписанием всей гвардии на батальоны, а потом данным повелением, чтоб впредь наряды на караул производились не изо всего полка, а по батальонно, и в один раз с одного, в другой раз с другого, а там с третьего и так далее; а наконец — чтоб и в одном батальоне наряд производился по беспристрастнейшей между всеми очереди и никто из служащих пропускаем не был. А как и очередь между полками и самими батальонам назначалась и наблюдалась самим им и, при каждом отдавании ввечеру пароля, назначалось с которого полка и из чьего батальона быть наутро разводу, то всем сим и истребил он помянутый беспорядок и довел вдруг и одним разом до того, что все стали равно отправлять службу и нести тягости с нею сопряженные, и никому

пред другим не было обидно, а при всем том произошла оттого и та выгода, что всякому стало доставаться гораздо реже на караул, нежели как было прежде.

87

**Одному проступившемуся гвардейскому офицеру
выпрашивают все офицеры у государя прощение;
а другой, за дурное поведение, исключается из службы**

Как государь, для поддержания и утверждения наилучшей военной дисциплины, за неперменное почти правило положил всех преслушников своих повелений и от дурного поведения отстать не желающих, по мере их преступлений, наказывать разными наказаниями и, паче всех, исключением из службы за негодность и нанесением чрез то виновникам вечного стыда и позора, — то случилось какими-то проступками подпасть под гнев государский и одному поручику гвардейскому, Ляпунову. Но как сей офицер был в прочем человек добропорядочный и всем собратиям его жаль оного было, то отважились они все просить об нем государя; и сей толико был к ним милостив, что, по просьбе их, сего г-на Ляпунова простил; однако не оставил без того, чтоб о том чрез приказ не известить всю гвардию, а именно что он, по просьбе господ офицеров, прощен и чтоб старался впредь заслужить свой проступок. — Но не так счастлив был другой офицер Семеновского полка, из фамилии Елагиных: сей дурным своим издавна уже поведением, необузданным буянством и разными шалостями довел себя до того, что все штаб- и обер-офицеры его возненавидели; и как государь на него за дурное поведение прогневался и повелел из службы исключить, то не только никто об нем не заикнулся, но все еще рады были, что избавились от такого негодяя.

88

**Государь не оказывает охоты
продолжать персидскую войну**

Как кончина императрицы Екатерины II воспоследовала в такое время, когда, доведенная ею до высочайшей степе-

ни славы, Россия не повсюду еще наслаждалась блаженным миром, а на юге продолжалась еще война с Персиею, начатая незадолго до ее кончины и нарочитое число российских войск, под предводительством брата последнего ее фаворита, генерал-поручика Валериана Зубова, находилось в персидских пределах; и в самое сие время успехи войны сей были сомнительны и войска не только претерпевали нужду, но и от тамошнего вредного климата без пользы во множестве погибали; да и вообще вся война сия не обещала никаких дальних выгод и такова ж почти несчастна для нас была, как прежняя персидская¹, то государь, по вступлении своем на престол, не изъявлял ни малейшей охоты к продолжению оной; но охотнее хотел одарить всех новых подданных своих вожделенным и блаженным миром. Однако, чтоб не остаться, дружным пресечением оной, в стыде и не подать чрез то повода к каким-нибудь предосудительным последствиям, то повелел наперед тотчас совету своему рассмотреть: нужно ли продолжение оной или нет и о том себе представить.

89

**Государь принимается за приведение
государственной экономии в лучшее состояние
и поправляет некоторые важные погрешности,
сделанные во время прежнего правительства**

Известно, что горные дела, мануфактуры и коммерция составляли и составляют всегда наиважнейшие части государственной экономии во всех государствах; почему все владельцы и принимали и принимают их в величайшее уважение и удостоивают их особливым своим вниманием. Государь, по вступлении своем на престол, между прочими своими великими предприятиями, вознамерился и в сем случае подражать примерам славнейших государей и сходствие того обратить и на сии важные части государственной экономии особливое свое монаршее внимание. И как со всеми ими, в минувшее правление покойной императрицы, учинена важная ошибка и погрешность, произведшая во всех сих частях некоторый упадок, то, без упущения ни малейшего почти времени, принялся за поправление оных. Все сии важные части управляемы были, со времен государя Пет-

ра I по 1775 год, особыми государственными коллегиями, из коих одна называлась берг-коллегия и имела в ведомстве и попечении своем все находящиеся в России рудокопные и другие заводы; другая мануфактур-коллегия и имела в ведомстве своем все находящиеся в государстве фабрики и мануфактуры; а третья комерц-коллегия и имела в ведомстве своем как иностранную, так и внутреннюю торговлю, также как портовые, так и прочие таможи. И доколе сие продолжалось, до тех пор все сии дела шли с довольным успехом, и более потому, что каждая из помянутых коллегий имела о вверенной себе части надлежащее попечение и заботу и обо всем нужном относилась от себя сенату и самим государям. Но в помянутом 1775 году, при случае сделанного тогда вновь всему учреждения¹, угодно было покойной императрице все сии три важных коллегии разрушить и все бывшие в ведомстве их дела, раздробив, препоручить в ведомство и в попечение казенным палатам тех губерний, где которые рудники и заводы, также фабрики и мануфактуры и самые торговые обороты находились. В самом том и состояла помянутая ошибка; и вместо ожидаемой лучшей пользы произошел во всех их чувствительный вред и убыток; ибо как помянутые казенные палаты были и без того слишком обременены многими другими делами; директоры же домоводства, до которых наиболее относились сии дела, не повсюду определялись верные, знающие таковые дела и способные люди, а наиболее добивавшиеся сих мест для наживы и помышлявшие только о набивании своих карманов, — то и не можно было никак быть частями сими порядочному управлению, умалчивая уже о том, что, по случаю помянутого раздробления на многие части и места, независимые друг от друга, не было и общего о каждой части попечителя и старателя. А все сие и производило не только бесчисленные упущения и остановки, но и самый во многих вещах, относящийся до них, упадок. Словом, все они пришли в чувствительный беспорядок, который и продолжался с помянутого 1775 года по самую кончину императрицы. Но как скоро государь вступил на престол, то, ведая все помянутые обстоятельства довольно, восхотел он тотчас помянутую погрешность исправить и постановить все оное на прежнюю ногу. Вследствие чего, уже 19 ноября, и повелел он возобновить опять все оные три коллегии и все, бывшие до того в их ведомстве, дела, отняв от казенных палат, препоручить их попечению; а дабы попечение о сих важных частях государственной экономии

могло быть колико можно лучше, то и определил президентами в оные людей не только знающих те дела и довольно испытанных, но и таких, на которых мог он положиться, а именно: в берг-коллегию — известного основателя экономического общества и прославившегося особливими знаниями своими в рудокопных делах, г. генерал-майора Андрея Андреевича Нартова², мужа испытанной верности и рачительного, взяв его из отставки; в коммерц-коллегию — господина Соймонова³, мужа также достойного и многими, а особливо до коммерции относящимися, знаниями одаренного; а в мануфактур-коллегию — князя Юсупова⁴, также человека знающего и к тому способного. А дабы и прочие чиновники в способностях им не уступали, то повелел самим им оных для себя набрать и, учинив штаты, предложить себе на конфирмацию.

90

Старейший наш и славный пиит награждается государем

В числе воспользовавшихся, в первейшие дни, милостью государскою был и старейший из наших стихотворцев, а притом славнейший из всех их, г-н Херасков¹, куратор нашего московского университета. Он повышен был также чином и пожалован тайным советником, или в чин генерал-поручика. Произошло сие еще 19 ноября, и получил он награждение сие, как думать надобно, за прекрасную оду, которою он первый воспел императора, от лица московского университета и от себя; и тем угодил государю. Ода сия была тотчас напечатана и всеми читана и одобряема. Она наполнена была не столько лестью, сколько наставлениями государю и начертанием образа, каким ему быть, и была очень нравоучительна. Но как бы то ни было, но все, упражняющиеся в науках и литературе, радовались, что почтенный старец сей не забыт был государем, но при старости утешен удовольствием. А как, около сего же времени, определен и к Петербургской Академии наук, вместо княгини Дашковой, новый директор, господин Бакунин², о котором носилась молва, что он был человек к тому способный, — то из сего многие заключали, что и часть ученая не совсем позабыта была у государя. Однако, с особливым любопыт-

ством, всеми литературистами ожидаемо было, что учинено им будет по сей части далее и какие перемены впоследствии.

91

Государь наказывает одного из ближних своих вельмож за необузданность языка

Долгое время, по вступлении государевом на престол, не слышно было ничего о господине Державине, сем славнейшем нашем и великом стихотворце и прославившемся в особливости своим патриотизмом, неуступчивостью ни пред кем и многими другими знаменитыми деяниями муже. По особливым его и великим дарованиям и способностям к штатской службе, по известной его ревности ко всему справедливому и по обстоятельству, что он не только покойною императрицею любим и во всю свою жизнь защищаем был от всех его злодеев и врагов, но по обстоятельству, что он женат прежде был на дочери кормилицы государевой¹ и потому довольно известен был и самому государю, а паче всего и потому, что он был у нас наилучшим стихотворцем и мог удобнее всех воспевать и прославлять нового монарха,— не сомневался никто, что верно не будет и он позабыт государем; но дивились только, что ничего об нем было не слышно. Но, к крайнему сожалению всех знавших, любивших и почитавших сего милого и любезного певца и российского Барда, возгремела наконец молва и об оном, но молва неприятная и для него крайне обидная и невыгодная! Начал летать и списываться везде клочок бумажки, содержащий в себе копию с одного именного и в немногих только строках состоящего государева указа; все содержание оного состояло только в следующем: «Тайный советник Гаврило Державин, определенный правителем канцелярии совета нашего, за непристойный ответ, им пред нами учиненный, отсылается к прежнему его месту, 22 ноября 1796». Таковое совсем неожиданное явление поразило многих: все увидели, что и он действительно не был позабыт, но весьма близко приближен к себе государем и поставлен на такую степень, по которой мог бы он скоро достичь до высочайших достоинств; но крайне сожалели, что великий муж сей потерял себя и в сем случае тою ж своею слабостью, которая и до того была много раз ему бедственна, а именно — излиш-

нею своею смелостью и отважностью в словах. Какой собственно помянутый непристойный ответ был сделанный им государю, хотя в точности не был известен, но говорили только, что якоб государь, может быть из любви и сожаления об нем, стал ему некогда напоминать, чтоб был он скромнее и терпеливее и не так дерзок на словах; а он будто б, не перенеся сего напоминания, дерзким образом ему отвечал что он себя переделать и столь терпеливым быть никак не может, каков терпелив он, государь; а сие якоб государю крайне было и неуютно, и за самое сие он его от себя и откинул. Справедлива ли сия молва была или нет — неизвестно; но в том сомневаться было не можно, что надобно чему-нибудь быть особливому и такому, что в состоянии было побудить государя послать в сенат указ помянутого содержания, могущий составить сему великому мужу вечное пятно, и сделать ему все чины и должности ненавистными, и погасить в нем все прежнее его усердие к службе; и без особой и достаточной причины, верно б, государь не поступил так с сим заслуженным и, по многим отношениям, нужным человеком. Но как бы то ни было, но многие весьма сожалели о несчастьи сего вельможи и напоминали ту старинную и весьма справедливую пословицу, что «погибла птичка от своего языка», и совершившуюся толь ясно в его примере.

**Государь увековечивает место
прежнего своего пребывания
превращением оного из села в город**

Всем известно, что у государя было до сего особое и собственное его село, известное под именем Гатчины, в котором наиболее он всегда жил и украсил оное прекрасными садами и зданиями. Сему прежнему своему обиталищу восхотел он, тотчас по вступлении своем на престол, сделать честь и, на память жилища своего в нем, обратить его в город¹ и сделать в нем совсем новое учреждение, в образец всем прочим; так, по крайней мере, носилась повсеместная молва в первейшее время его государствования.

Государь одобряет одного камергера, его опасавшегося

Рассказывали везде следующий любопытный анекдот о поступке государя с одним из камергеров придворных. В то время, когда государь был еще великим князем и правительствовала покойная императрица, камергер сей большого двора говаривал о государе что-то дурно и для него предосудительное и столь при том неосторожно, что дошло сие до сведения и государя. Чрез несколько времени потом узнал и самый сей камергер о том, что великий князь сие ведает; почему, как скоро государь вступил на престол, то поразил его страх и ужас: он не иначе думал, что государь станет ему мстить за сие; но у сего всего меньше было о сем на уме; и он, увидев камергера сего, с зазираемою совестью¹ от взоров его прячущагося за людей и от него удаляющагося, подошел к нему и, милостивым образом улыбаясь и взяв его за ворот, сказал: «Что вы так тулитесь и прячетесь все от меня? Поверьте, что все то, что великий князь знал и слышал, о том он не скажет императору». Слова, достойные всеобщего одобрения и похвалы; он ими камергера сего власно оживил как из мертвых и превратил из прежнего к себе недоброхота в верного и усердного подданного.

Государь доводит и самых знатнейших господ до тщательного исполнения своих должностей

Как у государя главнейшее намерение было довести все судебные места и начальства до того, чтоб дела производимы были в них скоро и исправно, всю же прежнюю медленность течения оных приписывал он нерадивости присутствующих, поздним их в суды и приказы приездом и невхождению самих их во всю точность дел, но препоручению всех оных секретарям и обер-секретарям, и сии трудились и работали столько, сколько сами только хотели,— то восхотел государь и в сем пункте сделать важную реформу и вперить во всех присутствующих такую же ревность и усердие к службе, какую вперял он в военных; и дабы

скорее и с лучшим успехом сие великое дело произвести, то положил он при начале не щадить нимало никого и приняться за самых главных начальников. Производство сего великого дела не стал он отлагать надолго, но оказал уже многие примеры того в самый первый месяц своего правительства. Из сих достопамятен был в особенности следующий. Он, увидев, что в самой государственной военной коллегии, несмотря на все его подтверждения, дела текли и производились далеко не так скоро и поспешно, как ему хотелось, а по-прежнему обыкновенно вяло и нескоро, вознамерился однажды заехать в нее сам и посмотреть: приезжает ли президент ее и новопожалованный им генерал-фельдмаршал, граф Николай Иванович Салтыков, в коллегию в свое время? Он приезжает в нее уже в 7 часов и не сомневался, что он найдет г-дина Салтыкова в оной; однако в сем ожидании своем он обманулся: он не находит в ней еще никого из присутствующих или как другие говорили, застаёт одного только члена, господина Простоквашина¹. Натурально, что нерачение таковое и неисполнение повеления его и самими начальствующими было ему крайне неприятно; однако он скрывает досаду свою и дожидается час и дожидается другой приезда графского. Наконец в 9 часов приезжает и президент сей; и государь толико раздражен был сим случаем, что не уважил и сего престарелого и важного вельможу, воспитателя собственных детей его, но, встречая его, ему сказал: «Николай Иванович, по такому позднему приезду вашему заключаю я, что, конечно, должность сия наводит вам отягощение; ежели это так и она вас обременяет над меру, так лучше советую вам ее оставить и взять покой». Выговор такой нимало был сим большим боярином не ожидаем: он извинялся пред государем и просил прощения, которое хотя и получил, с условием, чтоб впредь быть к должности своей рачительнее, однако происшествие сие сделалось очень громко и произвело во всех присутствующих не только тут, но и в других местах величайшее влияние. Все говорили: когда сим образом поступлено с Николаем Ивановичем, то что остается уже другим делать? Надобно, хотя и не хотелось бы, но приучить себя вставать ранее и приезжать в присутственные места в назначенное по регламенту время.

Государь посещает Святейший Синод и входит в прения

Носилась молва, что таким же образом нечаянно заезжал государь и в Святейший правительственный синод. Но тут господа члены были уже осторожнее, и государь не только всех их, но и самого первенствующего члена митрополита Гавриила находит заседающими в полном присутствии. Сие было ему в особливости угодно, и он похвалил их за их прилежность и усердное наблюдение их должности; а потом спросил, все ли у них хорошо и все ли порядочно происходит в государстве, в вещах, имеющих до них свое отношение. Ему ответствовано было вскользь, что все, кажется, идет порядочно и хорошо; но он не успел сего услышать, как вопреки тому сказал, что он и наслышался и уверен совсем тому о противном и что в делах, относящихся до религии, происходят многие беспорядки и ненаблюдения того, что законами предписано. Потом зачал им исчислять все известные ему злоупотребления, вкравшиеся и господствующие и с сей стороны в народе; а паче всего стал в пример приводить то, что множество мужей женятся от живых жен, а жены выходят замуж от живых мужей; и духовные власти не только не стараются сие зло прекращать, но поспешествуют еще ему даванием дозволения расходиться. На сие вздумал было престарелый президент коллегии сей благоверный митрополит Гавриил ответствовать ему ссылкою на кормчую книгу, таковые разводы позволяющую; но государь, вопреки всем приводимым ею статьям, предполагал другие места, приводимые им из самого Священного писания и Библии, и с толиким основанием, что не только удивил всех своими знаниями, но заставил молчать всех до единого. Со всем тем всем своим долговременным прением никого из присутствующих не оскорбил; а дал только почувствовать, что и он, в рассуждении дел их, не совсем незнающ, и тем побудил их к исправнейшему впредь наблюдению всего того, что предписывает им долг и закон самый. Многие говорили, что при самом сем случае говорено было и о упомянутой в ином месте¹ женитьбе г-дина Игнатьева, и что от самого того дело сие загорелось, и велено было оное наистрожайшим образом исследовать. Но подлинно ли было сие так, о том неизвестно; а только происшествие сие подавало повод заключать, что государь

не оставит и духовных дел без внимания, но доберется когда-нибудь и до них и постарается о истреблении и с сей стороны вкравшихся в народ злоупотреблений, в бесчисленном множестве; а не менее коснется, может быть, и до самых консисторий² и до симоний³, в столь высоком градусе повсюду господствующей.

Государь наказывает примерно одного вельможу, за нескорое выполнение его повеления

Государь, вознамерившись оказать милость некаким, содержащимся под стражею, преступникам, дал о том именно свой указ генерал-прокурору; но как сей носил должность сию, на большую часть, только по одному имени, а всеми его делами управлял и, в существе самом, всю генерал-прокурорскую должность нес некто господин Ермолов¹, сделавшийся всей России, по великой своей силе, по безмерной горделивости и по беспредельному грабительству и лихоимству, известным,— то генерал-прокурор поручил сей указ сему горделивцу, а сей, не предвидя, может быть, от арестантов сих никакой себе прибыли или по иным каким неизвестным причинам, толико был небрежлив к скорейшему выполнению государской воли, что целых 8 дней прошло, а арестанты сии были не выпущены. Наконец доходит сие до сведения государя; и как сей ничем так не раздражался, как нескорым себе повиновением и неисполнением в точности своих приказов, то повелел он тотчас исследовать, кто таковому медлению был наиглавнейшею причиною; и как оказалось, что то был господин Ермолов, которого характер, может быть, и государю был не менее известен, как и прочим, то вознамерился он сего небрежливца, в страх и в пример другим, наказать особливым и примерным образом; и, призвав его, ему сказал, что как те арестанты, по его только небрежению, просидели целых восемь дней лишних, под стражею и в неволе, то должен он заплатить им точно таковую же монетою и посидеть сам 8 дней, на их месте, в неволе и чрез то узнать, каково то всякому приятно. Наказание таковое было до сего неслыханное и необыкновенное; но господин Ермолов, несмотря что был бригадирского ранга и, пред недавним только вре-

менем, украшен был орденом Владимира второй степени, принужден был шествовать на гауптвахту, а по утверждению некоторых в Петропавловскую крепость, и просидеть там 8 дней, на месте помянутых арестантов. А чтоб жена его не могла от того слишком перетревожиться, то государь с самого начала послал нарочного ей сказать, чтоб она ничего, в рассуждении мужа своего, не опасалась и что ему ничего худого не будет. Сим-то образом наказал государь горделивца и грабителя сего по достоинству. Все благомыслящие не могли довольно восхвалить государя за такое образцовое наказание; а как после того открылось, что у г-дина Ермолова не одно сие, а и несколько десятков именных повелений были невыполнены, а лежали под сукном, о которых сначала уже государю и не доносили,— то носился слух, что господин Ермолов не стал после сего долго медлить, но убрался заблаговременно в отставку. Сим образом лишился сенат сего недостойного своего члена и в делах своих соучастника, ко всеобщему удовольствию всех патриотов.

97

Одна вдова благодарит государя за неисполненное дело и тем подает повод к отставке генерал-прокурора

Вскоре после того уволен был от службы и сам генерал-прокурор, граф Самойлов. Повод к сей ожидаемой уже многими, да и самим, может быть, им, отставке, по носящейся молве, подала одна какая-то небогатая вдова, просящая, за несколько до того времени, государя о повелении решить ее, давно продолжающееся в сенате, дело. Государь, по выслушании ее просьбы, призывает г-дина Самойлова и, вручив ему ее, приказал решить сие дело как возможно скорее и бедную сию вдову удовлетворить; но генерал-прокурор каким-то образом сим делом не поспорил: может быть, и состояние оно было таково, что не можно было оное так скоро решить, как государю хотелось. Но как бы то ни было, но прошла неделя и более, а дело сие все еще решено не было. Вдова, видя сие и боясь, может быть, такой же опять долговременной проволочки, как прежде, решила предстать еще раз пред лицо государя, но не с просьбою уже о скорейшем решении, а с благодарением за его повеление; выдумка довольно была хитрая! Го-

сударь, узнав ее и увидя благодарящую, восхотел, по милостивому своему ко всем расположению, удостоить ее своим разговором и спросил: довольна ли она и в ее ли пользу решено то дело, но удивился крайне, услышав, что дело еще было не решено и не кончено. «Да за что же ты меня благодаришь, старушка?» — спросил государь. «За то, государь, что вы всемилостивейше повелеть соизволили решить сие дело, в чем я и не сомневаюсь». Но государь легко мог усмотреть, к чему благодарение сие клонилось; и, как к несчастию, в самое то время случилось прийти к нему самому генерал-прокурору с какими-то представлениями, то он только прогневался на него, что прямо ему сказал, что не надобны ему ни представления его, ни сам он. А сим самым и кончилось сего вельможи знаменитое служение: он уволен был от службы, а на его место определен младший брат государева друга и любимца, князь Алексей Борисович Куракин, — человек к должности сей несравненно способнейший, нежели г. Самойлов.

Государь принимается за сенат и старается всячески о скорейшем решении дел в оном

Всем известно, что сенат завален был толиким множеством дел, и производство и решение оных происходило толь медленно, что не было никому почти способа дожидаться решения одного, буде не имел кто каких-нибудь особых предстателей или довольного числа денег, для задаривания и подкупания тех, которым над производством оных наиболее трудиться надлежало. Бесчисленное множество челобитчиков жилось всегда безвыездно в Петербурге, и многие из них проживались и проедались до сущего разорения; а несмотря на все, решения своих дел никак иногда добиться и дождаться не могли. А от самого того и происходило то пагубное следствие, что все апелляции в сенат, по судным своим делам, как огня боялись; а бездельники и ябедники, все имеющие или защищающие дела неправые, тому и радовались и умышленно, при всяких случаях, старались, посредством бездельнических своих апелляций и всячески, доводить дела свои до сената; ибо удостоверены были в том, что нужно было только какому делу попасться в сенат, как и пошло оно на бесконечные века, и решения

оного не иначе как чрез несколько лет дожидаться было можно. Почему многие принуждены бывали иногда отступаться от самых справедливейших претензий и охотнее соглашались чем-нибудь пожертвовать, нежели ехать в Петербург и там жить по нескольку лет безвыездно и оттого в прах проживаться и разоряться или нанимать дорогою ценою стряпчих и вверять им судьбу свою, а при всем том оставаться в недостоверности решения в свою пользу. Словом, зло сие было неописанной великости и, так сказать, на небо вопиющее. Но пособить тому не было почти способа; ибо от медленности решения дел, господствующей в сенате, уже со многих лет количество оных уже так велико накопилось, что хотя б и хотеть их перерешить, но не было к тому возможности. Произошло же зло сие наиболее от следующих причин: во-первых, от чудного и странного обыкновения, господствовавшего уже издавна, чтоб в сенаторы определять не лучших, искуснейших и рачительнейших людей, а самых худших и таких генералов, которые ни к каким иным должностям уже не годились и с коими не знали куда деваться. Во-вторых,— от совершенного несмотрения за господами сенаторами и допущения до того, что они весьма редко съезжались все для выслушивания дел, но большей частью присутствовали очень немногие, да и те приезжали часу уже в одиннадцатом или двенадцатом и просиживали только час, другой или третий, а не более; общие же собрания, в которых многие дела должныствовали решаться, бывали чрезвычайно редки; а все неважные протоколы, для подписывания сенаторам, носились по дворам. Небрежение сие господ сенаторов простиралось даже до невероятности и до того, что иные лет по пяти сряду в сенат не приезжали и не заглядывали в оный: а посему какого можно было ожидать успеха? В-третьих, как большая часть сенаторов были незнающими и одними почти послухами и все дела принуждены были обрабатывать только немногие, и те из них, которые сколько-нибудь были поумнее, то сии обрабатывали и решали наиболее только те дела, которые для самих их, по каким-нибудь причинам, были нужны, о которых были сильные и достаточные просители или при решении которых находили они свои счета. В-четвертых, и что всего важнее, оттого, что как из господ сенаторов очень мало бывало таких, которые либо были б в состоянии, либо хотели сами входить во всю подробность дел и их производство, то самое образование и все обрабатывание оных препоручалось наиглавнейше одним только госпо-

дам обер-секретарям: а сии почти все до единого были люди пристрастные, алчные к прибыткам, хитрые и на всякие бездельничества искусные и способные и всем делам давали такой вид, какой сами хотели или какой нужен был в пользу нежалеющих себя, а подкупавших их челобитчиков, а нередко и самих их наставляли, как дела запутывать и так перековеркивать, чтоб сенаторы приходили от того в недоумение, а сим можно б было в сей возмущенной воде ловить рыбу и наживать себе деревни и богатства. В-пятых, наконец, оттого, что лихоимство вкралось во все чины до такого высокого градуса, что никто не хотел ничего без денег делать и все вообще шло на деньгах и на закупании. Все сие и как памянутая медленность, так и причины оной были государю давно уже отчасти известны, и он хотя давно помышлял о уменьшении сего зла в то время, когда взойдет на престол, но никогда в необходимой надобности того так удостоверенным не был, как по действительном своем уже вступлении в правление. Тут начал только он получать о великости сего зла прямые понятия, и как он увидел, что зло сие даже до того простиралось, что по собственным его имянным повелениям и указам происходили, по прежней привычке, очень медленные решения и производства, то не стал он ни минуты долее медлить, но приступил к предприятому давно намерению — уменьшить сколько-нибудь все помянутые злоупотребления. И первейший его приступ к тому состоял в том, что он посадил в сенат несколько человек наилучших и таких вельмож, которых о верности и искусстве, прилежности и рачительности он был удостоверен. Потом переменял он помянутым образом самого генерал-прокурора, как важнейшую в сенате особу, и определил лучшего и способнейшего. Далее отлучил от сената неспособных и лихоимствующих, отставил прежнего рекетмейстера¹ Терского², имевшего также руку с ящиком, и на место его, как весьма важное, определил из обер-секретарей г. Палицына³, единого такого, которого называли эссенциею добрых и честных людей и доказавшего тем, что, будучи сенатским секретарем, не взял ни с кого и калача и жил в бедности: что прямым чудом почесть можно было. Переменяв сим образом важнейших людей, предписал он имянным своим своеручным указом оставить все пустые письменные и только медленность производящие обряды и в таких делах, на которые все сенаторы были согласны, не дожидаться съезда всех, а приступать к исполнению, хотя б и три только сенатора подписали; по

дворам же протоколов отнюдь для подписания не носить. Потом сделал он, чрез нового генерал-прокурора, предписание сенату, чтоб все господа сенаторы не ленились и съезжались бы ранее и сидели долее; а буде кто когда не придет, то обер-прокурорам всех департаментов присылать к самому ему о том записки с означением, почему и по какой причине кто когда не приехал. Далее предписал он, что для решения дел по имянным его указам, не терпящих времени, съезжались бы господа сенаторы и в самые праздничные и торжественные дни, а прочие и терпящие время решали бы при первом собрании. Наконец наистрожайше подтвердил стараться как можно о перерешении всех прежних дел и назначал даже к тому им срок. Сими и подобными предписаниями и стараниями о том, чтоб оне выполняемы были в точности, оживотворил он не только петербургский, но и самый московский сенат; и чрез самое короткое время произвел то, что дела возымели невероятно скорое течение, и не только в Петербурге, но и в Москве начали господа сенаторы съезжаться очень рано, сидеть еще со свечками и с толикою прилежностью трудиться, что и на один день дел по шести и более приводили к решению и оканчивали. Толико-то подействовала государева строгость и гнев его на пренебрегающих его повеления. Все благомыслящие подданные его, слыша все сие, не могли довольно нарадоваться и желали от всего сердца, чтоб Всемогущий помог государю в таких полезных предначинаниях.

99

Государь заезжает в один трактир и делает славное и полезное дело

Как государь, не употребляя сам в питье ничего, кроме воды, не мог терпеть не только пьянства, но и самого винного духа от людей, к нему приближающихся, тоже ему было довольно известно, что благородное российское юношество, служащее в его гвардии, между прочим, проматывалось и на напитках, при частом посещении трактиров и препровождении в них наиболее своего праздного времени, то, имея давно благодетельнейшее намерение поуменшить все роды роскоши и мотовства и вооружиться всеми силами на истребление сего зла, наиболее его подданных отягощающего, восхотел, между прочим, коснуться и до

вышеупомянутого зла, разоряющего и вредящего младым его воинам, и поуменьшить несколько привычку их посещать часто трактиры и в них проматываться на напитках и делаться оттого не только расточителями, но буянами и негодниками. В сем намерении, ездивши однажды по городу, заезжает он в один трактир, и, может быть, такой, о котором ему было известно, что он всего чаще и более посещаем был гвардейскими унтер-офицерами и другими молодыми людьми; и как случилось сие совсем нечаянно, то и находит он их тут множество. Все перетревожились от того до бесконечности; однако государь ничего почти им не сказал, кроме того, что желал бы он, чтоб они праздное свое время в чем-нибудь лучшем и полезнейшем проводжали; но вместо того призвал трактирщика, расспрашивал у него в подробностях, какие и какие вина он у себя содержит и почем продает оные; и так много удивился высокой цене оным и наглому грабительству, что в тот же день, чрез квартальных, приказал все заготовленные в сем трактире напитки обобрать и чего они стоят заплатить, бутылки все перебить и трактир сей уничтожить, дабы и другим неповадно было так нагло молодых людей ограблять и столь бессовестным образом принуждать их платить себе за все тройную или четверную цену. Сим образом говорили о сем происшествии; а другие прибавляли, что якобы с того времени и всем трактирам предписано не иметь у себя никаких вин и напитков в продаже. Но правда ли все то и не выдуманно ли — было еще неизвестно; а достоверно только то, что в сии первые времена правления государева разглашаемы были многие и совсем ложные слухи и рассказываемы дела и происшествия, которых никогда не бывало и не происходило.

100

Государь разговаривает с одним экономии директором и требует от него отчета

Всем известно, какие были у нас люди, носящие на себе звание директоров домоводства, или экономии, а особливо в последние годы государствования Екатерины Великой. С каким хорошим намерением они сначала учреждены были, с столь худым успехом исполняли они свои должности; и поступками своими скоро довели до того, что все

благомыслящие стали их называть директорами не домоводства, а пустодомства: сего они по справедливости, и когда не все, так на бóльшую часть, и стоили; ибо они всего меньше помышляли о какой-нибудь экономии или о произведении в государственном хозяйстве чего-нибудь нужного и полезного, но, напротив того, разрушали и опустошали и последнее, что где еще было похожее на экономию государственную: а все их старание и все помышление и попечение было только о том, как бы набивать себе скорее и полнее карманы или как бы проматывать и расточать паки все ими неправильно нажитое. Несмотря на то, за все сие получали они превеликое и такое жалованье, какого многие другие и важнейшие судьи не имели. Произошло все зло сие более оттого, что, при самом еще установлении и учреждении оных, сделана наивеличайшая ошибка в том, что предписано им уже столь много должностей, что никому выполнить их все не было возможности, и возложены и возлагаемы были на рамена их толь тяжкие бремена, что не было почти человеческих сил, удобных к поднятию и ношению оных. А сие и произвело то следствие, что они, видя, что всего исполнить было не можно, решились уже вовсе ничего не исполнять, а брать жалованье совсем попусту или еще за то только, что умели очень проворно и искусно воровать и все казенное расхищать, куда могли только они подпустить руки. Другая причина, производившая страшное сие зло, была та, что правительство никак и нимало не старалось делать между людьми, назначаемыми к сей должности, выбор и определять в оные достойных или способных сколько-нибудь к сей части, а что всего хуже, то определяемы были в чины сии либо любимцы и фавориты наместников, либо такие, которые, жадничая корысти, сами оных всячески добивались и не жалели терять даже целые десятки тысяч на закупание всех тех, от коих определение сие зависело и с коими они потом делились; а потому, добившись в чины сии, воровали явно, как хотели и нередко без всякого зазрения совести. Словом, вся часть сия находилась у нас в чрезвычайном неустройстве и таком упущении и беспорядке, которых никак изобразить не можно. Государю все было отчасти, а может быть, и довольно известно; а как он намерение имел и в сем случае все зло поисправить, то самое сие и подало повод говорить ему с петербургским директором домоводства, господином Татариновым¹, человеком еще умным и тысячи преимуществ пред многими другими директорами имеющим. «Вы господин директор эконо-

номии?» — спросил государь, его увидев однажды. «Так, ваше величество», — отвечивал сей. «Но, пожалуйста, скажите мне, в чем состоит наша экономия? давно ли вы занимаете сие место?» — «Пять лет, ваше величество». — «Ну, в сии пять лет, что ж такое вы сделали особенного по вашей экономии? что полезного и нужного? что в пользу государственную? какие заведения? какие перемены? Покажите мне, пожалуйста, что вы хорошего сделали». Что было на все сие г-ну директору отвечать? Он стал в пень и не знал, что сказать и отвечать; ибо и действительно сказать было нечего, а показать и того меньше: он стал было ссылаться на кратковременное еще свое служение, но сделал тем еще и того хуже. Государь смял и спутал его совсем многими новыми вопросами; он хотел было поправить свою ошибку, упомянув нечто о предместнике; но тем и все дело испортил. Государь, привязавшись к тому, стал спрашивать об оном и что такое тот сделал; но как г. Татаринову и об оном сказать было нечего и он совсем стал в пень, то кончил государь разговор сей тем, что сказал: «Поэтому и все вы ничего не делали и не делаете; так на что же вы? и зачем же вам и быть?» Из сего стали тотчас заключать, что директора уничтожатся², и молва о сем рас-сеялась тотчас повсюду.

Декабрь 25—1796

ПИСЬМА 1812 ГОДА

М. А. ВОЛКОВОЙ К В. А. ЛАНСКОЙ

Мария Александровна Волкова (1786—1859) — выпускница Смольного института, московская великосветская дама. Ее письма (на французском языке, что было в обычае того времени) к петербургской подруге и родственнице Варваре Александровне Ланской занимают видное место в отечественной эпистолярной литературе. Они дают наглядное представление, как война 1812 года превратила беззаботную барышню в патриота и гуманиста, являются ценным материалом для характеристики московского дворянского общества начала XIX века. Главное же — эти письма знакомят нас с размышлениями, убеждениями, страстями типичного русского обывателя, человека, далекого от официального мира.

Письма Волковой были в руках Льва Толстого, когда он задумал роман «Война и мир», и послужили ему материалом для изучения людей 1812 года. В ранних редакциях романа письма Марии Болконской к Жюли Карагиной почти дословно повторяют письма Волковой к Ланской.

Чтение писем Волковой сродни путешествию в прошлое. Бытовые подробности, народные слухи, искреннее, подчас наивное девичье отношение к происходящим событиям, создают подобие непосредственного, подлинного общения с давно минувшими годами; зовут к глубоким раздумьям над судьбами Родины и людей, ее населяющих; помогают понять дух прошедших времен, докопаться до истинной истории.

Москва, 11 апреля

Вчера мы снова появились в свете, на ужине у графини Разумовской: это был день ее рождения. Я слышала у нее Штейбелта, который, однако, отнюдь не привел меня в восторг. Что касается игры, то он Фильдова мизинца не стоит. При этом хвостун, всех презирает, лицо у него преротивное и окончательно не понравилось мне. Вот какое впечатление сделал на меня ваш лучший петербургский артист. Кроме него, я слышала братьев Бауер, из которых один играет на виолончели, а другой на скрипке. У первого действительно прекрасный талант. Я слушала его с большим удовольствием, несмотря на то, что друг Ромберг избаловал

мой слух. Вечер закончили длинным и вовсе неинтересным макао¹. Нынче я еду ужинать в небольшом обществе у графини Соллогуб, которая сидит постоянно дома, так как собирается родить. Мама отправляется на ужин к Апраксиной, и я очень рада, что могу провести вечер у Соллогуб, которая жалуется, что я совсем у нее не бываю. Мне очень весело в ее обществе.

Говорят, что на Пасхе в собрании будет большой праздник в честь статуи императрицы Екатерины. Если это правда, то я буду иметь случай обновить мой шифр².

Москва, 22 апреля

Христос воскрес, мой милый друг. Вчера был праздник в собрании³, и весьма неудачный. Граф Мишо очень дурно распорядился, так что празднество это своею нелепостью вполне соответствовало уродливым украшениям залы. Вообрази себе тысячу особ, разряженных как куклы, которые ходят из одного угла в другой наподобие теней, не имея другого развлечения, кроме заунывного пения хора, состоящего из тридцати человек. Не было ни ужина, ни танцев, словом — ничего. Двенадцать болванов⁴, стоящие во главе нашего бедного собрания, вчера вполне выказали свою глупость. Надеюсь, что нынешний год будет последним годом их царствования. Четырех уже сменили, и поступившие на их место хотят начать с того, что велят нынешним летом уничтожить страшных чудовищ, поставленных в виде украшения их предшественниками.

Как видишь, я весьма неудачно дебютировала с моим шифром.

Вот тебе новость. Камер-юнкер Муханов женится на маленькой княжне Мещерской, племяннице графини Головкиной, которая, следовательно, приходится тебе сродни.

Москва, 29 апреля

Нынче вечером Пушкина выходит замуж за Гагарина. Мама, в качестве тетки жениха, будет присутствовать на свадьбе, которая будет пышная и великолепная, наподобие свадеб, которые праздновали пятьдесят лет тому назад. Пушкина непременно хочет показать все кружева, купленные ею в приданое дочери, и ради этого наши маменьки должны подчиниться несносному этикету. К счастью моему, я исключена из этого праздника, чем и воспользуюсь, чтобы провести вечер у г-жи Соллогуб, которая еле двигается;

она жестоко обсчиталась, предполагая, что родит в конце марта.

Графиня Сен-При, приехавшая из Каменец-Подольска, распустила слух о моей свадьбе с герцогом де Граммон, отцом г-жи Давыдовой. Когда это известие, облетев всю Москву, дошло до меня, я от души посмеялась. Впрочем, я понимаю, в чем дело. Герцог в родстве с семейством Полиньяк. Фамилии перепутали и произвели меня в герцогини. Что за страсть приискивать мне женихов!

Москва, 6 мая

У нас нет других новостей, кроме дуэли Мордвинова с Шатиловым (в которой первый вел себя прескверно, а последний был ранен), и еще свадьбы Даши Нащокиной с Бахметьевым, которого здесь мало знают, но известно, что у него прекрасное состояние.

У Гудович родился сын. Все наши дамы беременны. Нынешнее лето акушерки заработают много денег.

Москва, 9 мая

Меня очень рассмешило все, что ты написала про Марию Гагарину. Родные ее говорят, что она скоро вернется сюда. Будь уверена, что мы ее проучим; она должна будет изменить свое обращение: иначе ей придется всюду быть одной или сидеть дома. Она принуждена будет сделаться обходительной, чтобы ей не приходилось на бале весь вечер не покидать своего кресла. Впрочем, мне бы хотелось, чтобы она на первых порах выказала свою спесь; мне желательно видеть, какой она придаст ей вид. Она и без того далеко не красива собой.

Москва, 13 мая

Я вовсе не знаю молодую Мещерскую, жених же ее совершенный олух. В начале зимы мы имели удовольствие видеть его почти на всех наших вечерах, и он постоянно служил предметом насмешек. Особенно потешались над ним брат мой Николай и Олсуфьев; однако, несмотря на свою глупость, он делает прекрасную партию. Истинная правда, что дураки самые счастливые люди на свете.

Отправляюсь на бал к г. Архарову⁵; он нынче именинник. Много будет народу, много шуму и, по всей вероятности, мало удовольствия.

Прения в собрании окончились сменой всех прежних

старшин. Новых выбрали из числа самых почтенных, уважаемых и известных в городе лиц. Толстый граф Мишо пришел в такую ярость, что даже жаловался брату своему. Последний похорохорился, надеясь этим помешать высказаться всеобщему недовольствию, но, по своей неловкости, навлек лишь на себя неприятности и решился сидеть смиренно, предоставляя дворянству действовать, как ему вздумается.

Москва, 18 мая

Если ты хочешь знать московские новости, скажу тебе, что соседка наша Соковнина при смерти вследствие родов. Соллогуб родила сына. Вот неделя, как я не видела Вяземских. И муж и жена оба больны. На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день.

Нынешний год мы впервые уезжаем в деревню, к великому неудовольствию наших ежедневных посетителей. Даже Апраксина, несмотря на свою гордость и богатство, сознается, что не знает, куда ей деться на будущей неделе, так как она привыкла ужинать у нас каждый Божий день.

Из этого ты можешь заключить, дружок, что мы играем маленькую роль и кое-что значим для некоторой частицы московских жителей.

Высокое⁶, 26 мая

Мы уже повидались со всеми соседями. Нынче ждем к ужину Соймоновых, Соловую и Левашеву. В конце недели приедет дядя Кошелев; тогда я не ведаю, что с нами станется, так как при нем все и всё подчиняются его воли. Мать моя с детства воспитывалась в его доме и почитает его как отца; потому когда он бывает у нас, то его воля служит законом для всех. Со смерти отца он всегда был защитником и благодетелем нашей семьи.

Высокое, 1 июня

Соллогуб родила в день нашего отъезда из Москвы. Желая иметь известия о ее здоровье, я написала ей после девяти дней. Сегодня получила от нее письмо, в котором она говорит мне, что она и сынок ее здоровы и что московские обитатели ломают себе голову, стараясь отгадать, кого назначат на место друга твоего Гудовича, который, получив

отставку, отправляется в имение свое в Малороссию, где и намерен поселиться.

Ты, верно, уже слышала, что соседка наша Соковнина умерла от последствий апоплексического удара. Муж ее в отчаянии. Она оставила трех дочерей, из которых старшей четыре года.

Высокое, 7 июня

Вообрази, Ростопчин⁷ — наш московский властелин! Мне любопытно взглянуть на него, потому что я уверена, что он сам не свой от радости. То-то он будет гордо выступать теперь! Курьезно бы мне было знать, намерен ли он сохранить нежные расположения, которые он выказывал с некоторых пор. Вот почти десять лет, как его постоянно видят влюбленным, и, заметь, глупо влюбленным. Для меня всегда было непонятно твое высокое о нем мнение, которого я вовсе не разделяю. Теперь все его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей в Москве. Надо признаться, что он и не искал их, делая вид, что ему нет дел ни до кого на свете. Извини, что я на него нападаю, но ведь тебе известно, что он никогда для меня не был героем ни в каком отношении. Я не признаю в нем даже и авторского таланта. Помнишь, как мы вместе читали его знаменитые творения.

Высокое, 14 июня

Приезд дяди расстроил порядок моих занятий. Знаешь ли, что я начинаю привыкать к дяде: я даже не раз пускалась с ним спорить. В будущую среду мы должны быть в Москве, чтобы свидеться с семейством Виельгорских.

Мне интересно знать подробности перевода «Дмитрия Донского»⁸ на французский язык. Признаюсь, я не высокого мнения об этом произведении.

Москва, 24 июня

Вот я снова в Москве, мой милый друг. Я познакомилась с моей невесткой и со всем ее семейством. Они все очень приятные люди. Жена Михаила Виельгорского более дитя, нежели обыкновенно бывают в ее годы; но она так мила, так старается всем угодить, что невольно находишь прелесть в ее наивности. Пока я еще не могу произнести определенного суждения о моей будущей невестке, Даше.

Она исключительно занята моим братом. Впрочем, из всего, что замечаю, я вывожу заключение, обещающее много хорошего в будущем. Надеюсь, что я близко сойду с нею.

Мы дожили до такой минуты, когда, исключая детей, никто не знает радости, даже самые веселые люди. Нас, быть может, ожидает страшная будущность, милый друг! Безграничная покорность воле Господней, совершенное, слепое подчинение Его неисповедимым приговорам — единственные чувства, могущие успокоить нас в такое время, когда страх весьма основателен. Будем молиться, милый друг! Предстоящая война причиняет мне много беспокойств. Нынче писала к Сен-При⁹, прося его взять к себе брата моего Николая в адъютанты. С минуты приезда моего сюда я не слышу другого разговора, как о войне.

Я каждый день выдаю с семейством Виельгорских, даже с Иосифом, который перестал дичиться и решился появляться в обществе. Я также часто видела Софью Оболенскую, но теперь она на неделю уехала в деревню. Третьего дня вечером у нас был Ростопчин и просидел несколько часов. Мундир его не украсил, и он ужасно уродлив без пудры. Громадный лоб его весь открыт. До сих пор им довольны, может быть, потому, что все новое нравится; впрочем, я никогда не сомневалась, что у него в тысячу раз более ума и деятельности, чем у бывшего нашего фельдмаршала. Остается знать, как он будет действовать. Вчера я провела день в Царицыне. В субботу я опять отправляюсь туда, так как это будет день именин дяди Валуева, и, по всей вероятности, там соберется весь город. Мне также предстоит ехать в Петровское к гр. Разумовскому, чтобы быть представленной сестре его, г-же Загряжской.

Дядя мой, Кошелев, не любит долго сидеть по вечерам, и потому мы вечером никого не принимаем, кроме Виельгорских.

Поговорю с тобой о трех жалких парочках: о Гагариных и Соллогуб. Князь N в то время, как мы были в деревне, давал ужины, на которые истратил 120 тысяч рублей. Жена его ужасно безумствует, но нельзя не пожалеть о ней, видя, как мало муж обращает на нее внимания. Правда, что сама-то она мало это замечает и совершенно бывает довольна, говоря о своей беременности и о 70 тысячах мужнина дохода. Но ежели муж ее будет продолжать играть, то она лишится удовольствия хвастать своим богатством. Гагарины тоже достойны сожаления. Кн. Андрей решается отправиться в поход и предоставляет жене справиться с ро-

дами, как знает. Он да П. развратили Соллогуба, который, будучи недалекого ума, может быть, не вдался бы в излишества, если бы эти господа не увлекли его. О жене его жалешь более, чем о других, так как с ее умом, тактом и вообще умением держать себя ей должно казаться невыносимым все, что ей приходится видеть.

Это общество мужей-холостяков устроило за городом пикники, на которые дам не приглашают, а на место их берут цыганок, карты, и вообще не стесняются. Спрашиваю тебя, каково видеть это женщине, у которой есть хотя сколько-нибудь чувства? Не слишком глупа и безалаберна, а Гагарина слишком молода, чтобы видеть вещи в надлежащем свете. Одна Соллогуб все понимает. Я ее застала с опухшими глазами; но я готова пари держать, что толстый граф причина ее слез. Меня приводят в негодование подобные вещи. Спрашивается, как же не бояться замужества, имея подобные примеры перед глазами.

Свадьба моего брата назначена 5-го июля.

Москва, 1 июля

Ты, вероятно, тревожишься о своем брате и потому не пишешь мне, милый друг.

Мы здесь все грустны и приуныли. Я нахожусь в постоянном страхе. До сих пор до нас доходят лишь ложные слухи. В Москве говорят, что французов побили раз пять или шесть. Хорошо бы, если бы мы в действительности одержали хотя одну победу, тогда бы мы скоро отделались от жестокого врага человечества. Следует желать, чтобы в настоящем случае оправдалась русская пословица: глас народа — глас Божий. В настоящее время я чувствую более, чем когда-либо, какое счастье не быть лишенной веры в Провидение: она не дает впасть в отчаяние, что непременно случилось бы, если бы полагались на силы и гений жалкого человечества.

В пятницу вечером мы были в гостях у гр. Ростопчиной, которая пленила меня. До сих пор я видела ее лишь вскользь и потому не могла о ней судить. Но этот раз, застав ее одну, мы с мамá просидели у нее довольно долго, и я была в восторге от ее беседы. Она мне нравится в миллион раз более мужа своего, который тоже выходил к нам; он ужасно теряется при сравнении с женою. Впрочем, до сих пор им очень довольны в нашей доброй Москве. Он очень деятелен, справедлив, и если не изменится, то его очень полюбят здесь.

В субботу, в Петров день, дядя Валуев был именинник, и я обедала у него в Царицыне. Было множество гостей. Вчера я ужинала в Петровском у Разумовских. Кроме нас, гостей никого не было, так что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-жой Загряжской, о которой я постоянно слышала разговоры с тех пор, как себя помню, и которую мне вчера пришлось видеть в первый раз. Недоставало четвертого партнера, и меня усадили играть в бостон с ней, с Апраксиной и с самим графом Львовым. Это три особы, несколько не похожие друг на друга, но все они так любезны, что я с удовольствием играла с ними в скучнейшую игру, которую я очень плохо знаю.

Москва, 8 июля

Тебе интересно знать мое мнение о семействе Виельгорских. Вот три недели, как я вижусь с ними с утра до вечера и потому могу судить о них. Жена В. прелестный ребенок, но не более, как ребенок, которым необходимо руководить; ей нужно давать советы, сдерживать ее подчас, так как у нее довольно упрямый характерец; я замечаю, что в семействе о ней имеют мнение одинаковое с моим. Муж ее — добрейший из людей, но бесхарактерный; ему не справиться с ней, тем более что он дает вертеть собою как угодно, почти всегда исполняет волю Катиши, и я ему предсказываю, что через два или три года он постоянно будет плясать по ее дудке. Впрочем, она очень мила и в обществе весьма приятна. Что же касается до ее ребячества, не могу дать тебе лучшего образчика его, как рассказав, что она понять не может, почему настоящая война всех интересует. Я из сил бьюсь, объясняя ей, что от этого зависит общее спокойствие; слова мои даром пропадают: она гораздо более думает о кружевах и тряпках, нежели о судьбе страны, в которой живет. На первых порах я заметила в ней желание разыгрывать петербургскую барыню (впрочем, со мной она всегда очень вежлива) в отношении некоторых особ, которых она даже оттолкнула своим обращением. Третьего дня, оставшись одна с ней и Дашей, я начала разговор о том, какое неприятное впечатление производит важничанье особ, приезжающих из Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смешно нам, москвичам. Я прибавила, что такие особы обыкновенно бывают всеми покинуты, так как у нас не любят тех, кто высоко задирает нос.

Мы очень хорошо знаем, что говорится про нас в Питере;

но так как это не мешает ни нашему счастью, ни спокойствию, ни удовольствиям, то мы мало обращаем внимания на то, что о нас говорят. Но, коль скоро попадают в наше общество, мы хотим, чтобы действовали по-нашему. Катиша разделила мое мнение, и до сих пор мы с ней большие друзья. Что касается Даши, она так кротка, так добра, что такого рода мысли ей и в голову не приходят. Из младших братьев я больше всех люблю Матвея. Иосиф слишком дик. Впрочем, теперь он более общителен; прежде, говорят, он, кроме как со своей сестрой, ни с одной женщиной не разговаривал. Самый младший — премилый. Вообще, все семейство приятное; они все дружны между собою, что так редко встречаешь в нашем веке. Мари Гагарина уже приехала. Я не берусь ее вразумлять, пусть над этим потрудится ее муж. Он, говорят, собирается увезти ее на некоторое время в дальнее имение к матери своей. Сердца, ум и глаза устремлены у всех на берега Двины. Только об этом и говорят.

Москва, 15 июля

В течение прошлой недели я столько видела, слышала и перечувствовала, что при всем моем желании, милый друг, я не могу передать тебе словами всего мной испытанного в последнее время. Я всегда была того мнения, что не должно слишком заботиться о будущем; нам сказано: довольно для каждого дня своей заботы. Никогда я так живо не чувствовала справедливости сих слов, как в настоящее время. Что Богу угодно, то и случится, говорю я себе, не делаю никаких предположений и лишь стараюсь как можно полезнее проводить время, которым могу располагать. В понедельник была свадьба брата. Во вторник и среду у нас были семейные обеды, и в среду же вечером дядя и брат Николай отправились в имение в Смоленскую губернию. Через два часа по их отъезде мы получили известие о прибытии государя императора. Его ожидали в четверг вечером, и все дворянство собралось в Кремле. Его Величество прибыл ночью. Его Высочество Великий Князь тоже здесь со вчерашнего дня. Никто наверное не знает, сколько времени они пробудут и куда отправятся отсюда. Я ни разу не была ни при дворе, ни в соборе, и никуда мне не хочется: много охотниц и без меня. Собор всегда набит здешними барышнями. Пусть так, а мне дома покойнее. Государю я искренно, от души желаю всякого счастья и молиться за него всегда и везде готова, что и могу делать в других церквях;

но толкаться, лезть в толпу и духоту не вижу никакой нужды. Матвей Виельгор. вступил в казачий полк, сформированный кн. Оболенским; туда, в качестве офицеров, принимают лишь молодых людей, имеющих какой-либо гражданский чин. Все семейство Архаровых здесь, но я еще с ними не виделась. Не до визитов.

Москва, 22 июля

Спокойствие покинуло наш милый городок. Мы живем со дня на день, не зная, что ждет нас впереди. Нынче мы здесь, а завтра будем Бог знает где. Я много ожидаю от враждебного настроения умов. Третьего дня чернь чуть не побила камнями одного немца, приняв его за француза. Здесь принимают важные меры для сопротивления в случае необходимости; но до чего будем мы несчастны в ту пору, когда нам придется прибегнуть к этим мерам. Все в руках Божьих; следовательно, пока зло не совершилось, мы не должны отчаиваться и сомневаться в Божьем милосердии.

В Москве не остается ни одного мужчины: старые и молодые все поступают на службу. Везде видно движение, приготовления. Видя все это, приходишь в ужас. Сколько трауров, слез! Бедная Муханова, рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человек уцелел в деле Раевского¹⁰, выказал храбрость, так что о нем представляли кн. Багратиону; но в тот же вечер он отправился на рекогносцировку, одетый во французский мундир, и был смертельно ранен казаком, принявшим его за неприятеля. После этого он прожил несколько дней и скончался на руках шурина своего, который прибыл сюда два дня тому назад, чтобы сообщить грустное известие матери и сестре. Последняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

Москва, 29 июля

Мы все тревожимся. Лишь чуть оживит нас приятное известие, как снова услышим что-либо устрашающее. Признаюсь, что ежели в некотором отношении безопаснее жить в большом городе, зато нигде не распускают столько ложных слухов, как в больших городах. Дней пять тому назад рассказывали, что Остерман одержал большую победу. Оказалось, что это выдумка. Нынче утром дошла до нас весть о блестящей победе, одержанной Витгенштейном. Известие это пришло из верного источника, так как о победе этой рассказывает гр. РаSTOPчин, и между тем никто не смеет верить. К тому же победа эта может быть полезна

вам, жителям Петербурга; мы же, москвичи, остаемся по-прежнему в неведении касательно нашей участи. Что относится до выборов и приготовлений всякого рода, скажу тебе, что здесь происходят такие же нелепости, как и у вас. Я нахожу, что всех одолел дух заблуждения. Все, что мы видим, что ежедневно происходит перед нашими глазами, а также и положение, в котором мы находимся, может послужить нам хорошим уроком, лишь бы мы захотели им воспользоваться. Но, к несчастью, этого-то желания я ни в ком не вижу и признаюсь тебе, что расположение к постоянному ослеплению устрашает меня более, нежели сами неприятели. Богу все возможно. Он может сделать, чтобы мы ясно видели; об этом-то и должно молиться из глубины души, так как сумасбродство и разврат, которые господствуют у нас, сделают нам в тысячу более вреда, чем легионы французов.

Москва, 5 августа

Мы с мамá приобщались нынче. По моему мнению, теперь самая пора для покаяния, потому что лишь искренним раскаянием в грехах можем мы умиловить Бога. Мне вполне понятно твое беспокойство о нашем родном городе. Будем надеяться, что в нем есть люди, коих молитвы дойдут до Всевышнего и спасут всех нас. Народ ведет себя прекрасно. Уверяю тебя, что недостало бы журналистов, если бы описывать все доказательства преданности Отечеству и Государю, о которых беспрестанно слышишь и которые повторяются не только в самом городе, но и в окрестностях, и даже в разных губерниях.

Узнав, что наше войско идет вперед, а французы отступают, москвичи поуспокоились. Теперь реже приходится слышать об отъездах. А между тем вести не слишком утешительны, особенно как вспомнишь, что мы три недели жили среди волнений и в постоянном страхе. В прошлый вторник пришло известие о победе, одержанной Витгенштейном, и об удачах, которые имели Платов и граф Пален. Мы отложили нашу поездку в деревню, узнав, что там происходит набор ратников. Тяжелое время в деревнях, даже когда на 100 человек одного берут в солдаты и в ту пору, когда окончены полевые работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастных отрывается от сохи. Мужики не ропщут; напротив, говорят, что они все охотно пойдут на врагов и что во время такой опасности всех их следовало бы брать в солдаты. Но бабы

в отчаянии, страшно стонут и вопят, так что многие помещики уехали из деревни, чтобы не быть свидетелями сцен, раздирающих душу. Мама получила ответ от С-н-При: он с удовольствием принимает на службу брата моего Николая. Придется расстаться с милым братом; еще прибавится горе и новое беспокойство!

Каждый день к нам привозят раненых. Андрей Ефимович опасно ранен, так что не будет владеть одной рукой. У Татищева, который служит в Комиссариате и, следовательно, находится во главе всех госпиталей, недостало корпии¹¹, и он просил всех своих знакомых изготовить ему корпию. Меня первую засадили за работу, так как я ближайшая его родственница, и я работаю целые дни. Маслов искал смерти и был убит в одной из первых стычек; люди его вернулись. Здесь также несколько гусарских офицеров, два или три пехотных полковника; все они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненых, только и слышишь, что об них. Как часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя с ними свыкнуться.

Соллогубы совершенно разорены. Все имения графа находятся в Белоруссии между Могилевом и Витебском. Сама посуди, в каком виде они должны быть теперь. Бедную Соллогуб ужасно жалко. Она выдана замуж в расчете, что у мужа ее будет 6 000 душ крестьян, и вот теперь у них у обоих всего 6 000 рублей дохода; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстого, женатого на Кутузовой, восемь человек детей, и вообрази, что из 6 000 душ у него осталось всего триста душ в Рязанской губернии, так как его имения тоже в Белоруссии. Как ни вооружайся храбростью, а, слыша с утра до вечера лишь о траурах да о разорении, невозможно не огорчаться и не принимать к сердцу всего, что видишь и слышишь.

Москва, 12 августа

Душевно рада, милый друг, что вы отчасти успокоились; что же касается до нас, мы тревожимся более, чем когда-либо, и готовы решиться на все, лишь бы избежать ужасной участи, которую нам готовят. Моли Бога, милый друг, чтобы Он простил тех несчастных, которые продают свое Отечество. Вот все, что могу сказать тебе касательно положения, в котором мы находимся. Я не смею сказать тебе, что мы предвидим в будущем, ежели Господь не сжалится над нами и не пошлет нам неожиданной помощи.

Нынче утром я пошла в ту церковь, где мы были с тобой в прошлом году; она была полна народу, хотя сегодня нет праздника. Все молились с усердием, какого мне не приходилось еще видеть, почти все обливались слезами. Не могу выразить тебе, до чего я радовалась этому усердию, потому что я твердо убеждена, что лишь искренними молитвами можем мы снискать милосердие Божие. После обедни одна женщина с мужем своим служила молебен Божией Матери. Муж, одетый в военный мундир, по-видимому, готовится поступить на службу. Он и жена оба плакали. У меня болезненно сжалось сердце при виде горьких слез бедной женщины! Я сама теперь ежеминутно готова плакать; с трудом удерживаю слезы и иногда поддаюсь этой слабости человеческой. Если через неделю ты не получишь от меня другого письма, значит, меня уже не будет в Москве. Куда мы поедem, не знаю, а равно не ведаю, каким образом буду получать твои письма и сама писать к тебе.

Объявляю тебе, что я вполне разделяю мнение твоего мужа о г-же Сталь. Она неделю пробыла в Москве, бывала в знакомых мне домах, и я не имела ни малейшего желания видеть ее и ничуть не искала встретиться с нею. Что же она сделала такого прекрасного, чтобы возбуждать восторг! Сочинения ее безбожны и безнравственны или безалаберны (*extravagantes*); последние, по-моему, лучше, по крайней мере, они никого не совратят с истинного пути. Свет погиг именно потому, что люди думали и чувствовали так, как эта женщина. Я почти того же мнения о Коцебу. Правда, они оба известные писатели; но, признаюсь, не стоят того, чтобы ими восхищались.

Сию минуту узнала, что Кутузов назначен главнокомандующим¹². Поблагодарим Бога за Его милосердие и будем усердно молиться о будущем.

Москва, 15 августа

По всему видно, что нам приходится поплатиться за безрассудство двух наших главнокомандующих и за несогласие, возникшее между ними вследствие нового порядка, отменившего старшинство по службе и уничтожившего всякое подчинение между генералами. Платов, старший из них по службе, находится под командою у двух главнокомандующих; а Барклай, который по службе моложе Платова, Багратиона и двенадцати генерал-лейтенантов, которые

у него под командою, заведует всем войском и так себя ведет, что возбудил к себе общую ненависть. Если так легко было нашему доброму царю уничтожить порядок, существовавший испокон веку, с другой стороны, не легко будет нашим генералам свыкнуться с порядком, по которому вчерашний начальник сегодня поступает под команду к своему подчиненному. Такие правила невыносимы для нас, русских, тем более, что они взяты у французов. Негодяи, продавшие себя Наполеону, не имеют у нас влияния над войском, и потому неудивительно, что оно отвергает нововведения тех злодеев, которые исключительно овладели умом нашего бедного монарха. Дело в том, что так как отдельные корпуса действовали несогласно и каждый хотел делать по-своему, то мы и потерпели страшное поражение под Смоленском. Французы провели наших, как простаков. Была бы возможность поправить дело, если бы друг другу помогали или бы нашелся человек, который, заботясь обо всех, никого не обрекал бы на неизбежную жертву. Но дело повели таким образом, что город, который в состоянии был сопротивляться шесть месяцев, взят в три дня, и вот теперь наше войско и французы в 300 верстах от Москвы, и оба войска на расстоянии 7 верст друг от друга. Теперь тебе должно быть ясно, почему мы так радуемся назначению Кутузова. Он один будет начальствовать, и в его интересе заставить всех одинаково хорошо действовать. В последнем деле очень обвиняют Багратиона, который, желая присвоить себе славу освобождения Могилева, отнял защиту у Смоленска с одной стороны, а Барклай сделал тоже с другой стороны города, так как ему нужно было вести войско на Витебск. Французы воспользовались оплошностью и ударили в центр. Их было 100 000 под начальством Наполеона против 30 000 наших, которые три дня сопротивлялись и разбили бы их, если бы получили поддержку. Но так как у нас в войске принято действовать по русской пословице: «Каждый за себя, а Бог за всех», то этих несчастных кинули на произвол судьбы. Когда французы подожгли Смоленск, наши принуждены были удалиться; по крайней мере, они могут смело сказать (таково общее мнение), что заслужили бессмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнее всего для нас убеждение, что причиною несчастья была измена одного известного бездельника, служащего у Барклая. Отряд корпуса сего последнего отбил багаж маршала Нея, и в его бумагах нашелся полный план, который уже был представлен Наполеону. Еще никого не

называют, но подозрение падает на адъютанта Государева Вольцогена. Вот тебе все новости из армии. Ты можешь их считать достоверными, так как я с утра до вечера вижусь с людьми, находящимися в служебных сношениях с армией. К тому же и главная квартира близко от нас, в Дорогобуже, в 20 верстах от огромного имения дяди Кошелева. Вчера утром приехала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имения. Несчастные бросались к нему в ноги, прося о помощи, как будто он может помочь им и оградить их от разорения в случае, ежели по глупости или вследствие измены их предадут огню и мечу. Надо видеть уважение этих бедных людей к верховной власти. Один из мужичков объяснял мамá, что они бы бежали, чтобы спастись, но указ царский не позволяет им бросать свои избы, пока французы не сменят наших войск. Посуди, до чего больно видеть, что злодеи, вроде Балашова и Аракчеева, продают такой прекрасный народ. Но уверяю тебя, что ежели сих последних ненавидят в Петербурге так же, как и в Москве, то им недобровать впоследствии. Растопчин очищает Москву от подобных исчадий. Он выслал отсюда Ключарева, почт-директора, и одного из его помощников, Дружинина, которые находились в близких отношениях с Сперанским. Растопчин перехватил переписку Ключарева, весьма подозрительного свойства. Кроме того, ежедневно ловят французских шпионов. Народ так раздражен, что мы не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить, так как не раз уже ловили французов, одетых крестьянами или в женскую одежду, снимавших планы, занимавшихся поджогами и предрекавших прибытие Наполеона, — словом, смущавших народ.

Вчера мы простились с братом и его женой. Они поспешили уехать, пока еще есть возможность достать лошадей, так как у них нет своих. Чтобы проехать 30 верст до имения Виельгорских, им пришлось заплатить 450 рублей за девять лошадей. В городе почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцом для изображения бегства египетского. Ежедневно тысячи карет выезжают во все заставы и направляются одни в Рязань, другие в Нижний и Ярославль. Как мне ни горько оставить Москву с мыслию, что, быть может, никогда более не увижу ее, но я рада буду уехать, чтобы не слышать и не видеть всего, что здесь происходит.

Рязань, 20 августа

Почти два часа, как мы приехали в Рязань. Я узнала, что завтра идет почта в Москву, и пользуюсь случаем, чтобы написать тебе, дорогой друг. Скрепя сердце переезжаю я из одной губернии в другую, ничего не хочу ни видеть, ни слышать. 16-го числа нынешнего месяца выехала я из родного, милого города нашего. Сутки пробыли мы в Коломне; думаем пробыть здесь завтрашний день, а потом отправимся в Тамбов, где поселимся в ожидании исхода настоящих событий. Мы едем благополучно, но ужасно медленно двигаемся, так как не перемещаем лошадей. Везде по дороге встречаем мы только что набранных солдат, настоящих рекрутов, и города в центре страны имеют совершенно военный вид. Не могу выразить тебе, какое неприятное впечатление все это производит на меня. В особенности беспокоит нас, что, отдаляясь от Москвы, мы лишаемся возможности получать известия. С пятницы мы решительно ничего не слышали и не знаем, что делает армия. Нам предстоит пробыть в неведении еще с неделю. Хорошо бы было услышать добрые вести! Я смертельно тоскую, но здорова. Из четырех ночей я лишь одну спала как следует и, несмотря на то, не чувствую усталости. Не буду рассказывать тебе, как мы расставались с матушкой-Москвой. Дай Бог, чтобы никогда более не пришлось мне испытать что-либо подобное. Бывают до того горькие минуты, что о них тяжело вспоминать. Прощай, мой милый друг; в настоящее время я не желаю другого счастья, как только снова увидеть московские стены.

Тамбов, 27 августа

Вот уже шесть часов, как я в Тамбове, милый друг. Пятидневное путешествие наше было весьма неприятное; наконец мы дотащились сюда и намерены здесь ожидать решения нашей участи. Если матушка-Москва счастливо вырвется из когтей чудовища, мы вернемся; а ежели погибнет родимый город, то отправимся в Саратовское наше имение. Не могу выразить тебе, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли. В Рязани мы нашли семейство Кологривовых; они третью неделю живут там по делам. Хотя мы никогда с ними не были дружны, а в нынешнем году у нас даже много было причин для ссоры; но, узнав, что мы приехали из Москвы, они явились узнать, что нового, любопытство взяло верх; сами же они насказали нам такое множество грустных новостей, что у нас чуть голова не заку-

жила. Под этим впечатлением мы выехали из Рязани. Погода была дурная; ехав все на одних лошадях, мы принуждены были останавливаться в течение пяти с половиной дней. Не можешь себе представить, чего мы натерпелись на грязных станциях. Самая плохая лачужка в окрестностях Москвы — дворец в сравнении с здешними избами. Нам приходилось сидеть среди кошек, свиней, телят, кур; мы задыхались от дыму; блохи, тараканы и всевозможные насекомые не давали нам покоя. Все это, конечно, не могло нас развеселить. Мы отдохнули только в Козлове, красивом городке Тамбовской губернии. Тут услышали мы приятные вести; впоследствии они оказались ложными, но на минуту они нас успокоили, и нам даже захотелось осмотреть городок. Он наполнен пленными турками, которые, завидев красивые дорожные кареты наши, пришли на них полюбоваться и уверяли, что они никогда не видывали таких экипажей. В четверть часа нас окружило до 50 мусульман; все они проклинали французов и с радостными возгласами повторяли, что теперь они наши друзья, так как мир с ними заключен. Двое из них влюбились в Полину Валуеву и в меня и пришли предложить мамá обменять нас за двух полковников. Матушка заметила, что дружба их зашла слишком далеко, и отослала нас.

Наконец нынче утром мы приехали сюда, где нам подтвердили известия, сообщенные Кологривовыми, еще с некоторыми прибавлениями. Мамá выбрала Тамбов для местопребывания потому, что здесь в суде служит бывший адъютант отца, преданный душой и сердцем всей нашей семье. Этот добрый человек немедленно посылает нам все известия, получаемые по почте из Москвы. Вести нерадостны; но можно надеяться, что, когда удалят подлых начальников, ход дел изменится. Впрочем, будет, что Богу угодно. Вся наша надежда на Его милосердие. Раstopчин отлично действует; за это я его полюбила более, чем ты когда-либо любила его. Не можешь вообразить, как все и везде презирают Баркляя. Да простит ему Бог и даст ему сознать и раскаяться во всем зле, которое он сделал. Вот три недели, что я не имею о тебе известий; жду будущей почты и приезда Сержа; в пятницу или субботу он должен быть здесь; авось он привезет мне от тебя весточку.

Тамбов, 3 сентября

Здесь мы узнали, что Кутузов застал нашу армию отступающую и остановил ее между Можайском и Гжатском,

то есть во ста верстах от Москвы¹³. Из этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспешил сдать французам все, что мог, и если бы имел время, то привел бы Наполеона прямо в Москву. Да простит ему Бог, а мы долго не забудем его измены. До сегодняшнего дня мы были в постоянной тревоге, не имея верных известий и не смея верить слухам. У нас дыбом стали волосы от вестей 26 и 27 августа. Прочитав их, я не успела опомниться; выхожу из гостиной, мне навстречу попался человек, которого мы посылали к губернатору, чтобы узнать все подробности. Первую вест, которую я услышала, была о смерти братца, Петра Валуева, убитого 26-го. У меня совсем закружилась голова; удивляюсь, как из соседней комнаты не услышали моих рыданий несчастные двоюродные сестры. Дом наш не велик; я убежала во двор, у меня сделался лихорадочный припадок, дрожь продолжалась с полчаса. Наконец, совладев с собой, я вернулась, жалуясь на головную боль, чтобы не поразить кузин своих грустным лицом. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастных моих кузин. Они не получали известий от матери ясно почему. Каждую минуту жду, что кто-нибудь из семьи придет с горестным известием; больно видеть, как они тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умею притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

В моем грустном настроении я далеко не благосклонно встретила твои размышления о г-же Сталь. Скажи, что стало с твоим умом, если можешь ты так интересоваться ею в минуты, когда нам грозит бедствие. Ведь ежели Москва погибнет, все пропало! Бонапарту это хорошо известно; он никогда не считал равными наши обе столицы. Он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва, а блестящий, нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествия нашего, даже здесь, вдалеке от театра войны, нас постоянно окружают крестьяне, спрашивая известий о матушке-Москве. Могу тебя уверить, что ни один из них не поминал о Питере. Жители Петербурга, вместо того чтобы интересоваться общественными делами, занимаются г-жею Сталь; им я извиняю это заблуждение, они давным-давно впадают из одной ошибки в другую; доказательство — приверженность ваших дам к католицизму. Но ведь твоим, милый друг, редким умом я всегда восхищалась, а ты поддаешься влиянию атмосферы, среди кото-

рой живешь! Это меня крайне огорчает. Я этого от тебя не ожидала. Да что же такого сделала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторг? Коринна сумасшедшая, безнравственная; ее бы следовало посадить в дом умалишенных за ее сумасбродство и за бегание по Европе пешком с капюшоном на голове, в намерении отыскать своего дурака Освальда. Последний — такая личность, которой я не могу себе вообразить; он меня бесит, я не терплю этих нерешительных характеров, которые вечно колеблются; в мужчине это более чем нестерпимо. Дельфина, по-моему, в тысячу раз хуже Коринны. Этот отвратительный роман представляет смесь беззаконий и сумасбродств, его и нельзя читать хладнокровно. Можно ли восхищаться женщиной, осмелившейся изобразить такую скверную сцену в церкви, а именно: женатый Леонс требует от Дельфины клятвы перед алтарем, что она будет принадлежать ему? Разве это не отвратительно? И ты восторгаешься автором такой гадости? Меня это крайне огорчает; я понимаю, что муж твой должен радоваться, что ты против собственной воли излечилась от этого восторга! Если Бог даст нам встретиться в более счастливую пору, я обещаю доказать тебе, что роман этот с начала до конца представляет собрание самых ужасных идей; в нем все никуда не годится, даже слог, которым он написан. Сделай милость, поверь мне, что не обстоятельства мешают мне восторгаться госпожею Сталь. Во всякую другую пору я была бы настолько же справедлива в отношении к ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. Как он ни дурен, все же он гениален, он гадости говорил и проповедовал прелестным слогом; но и этого достоинства нет у г-жи Сталь. Я сделала усилие над собой, чтобы толковать с тобой о постороннем предмете: лишь одно занимает меня; я не знаю ни минуты покою, и если бы не вера в Божие милосердие и убеждение, что Богу все возможно, я бы сошла с ума, как Зинаида.

Тамбов, 17 сентября

Что сказать тебе, с чего начать? Надо придумать новые выражения, чтобы изобразить, что мы выстрадали в последние две недели. Мне известны твои чувства, твой образ мыслей; я убеждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатление, но не могут твои чувства равняться с чувствами лиц, живших в нашем родном городе в последнее время перед его падением, видевших его постепенное

разрушение и наконец гибель от адского могущества чудовищ, наполняющих наше несчастное отечество. Как я ни ободряла себя, как ни старалась сохранить твердость посреди несчастий, ища прибежища в Боге, но горе взяло верх: узнав о судьбе Москвы, я пролежала три дня в постели, не будучи в состоянии ни о чем думать и ничем заниматься. Окружающие не могли поддержать меня, как я предвидела: удар на всех одинаково подействовал, на лице всех сословий, всех возрастов, всевозможных губерний, произвел ужасное впечатление. Известие о битве под Можайском окончательно сразило нас, и с этих пор ни одна радостная весть не оживляла нас. До сих пор нам еще неизвестны все жертвы 26-го августа. Нам назвали Валуева, Корсакова-старшего и Кутайсова. Пока не предвижу возможности получать здесь новости и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мне как можно более сведений об убитых и раненых. Сообщения с Москвой прерваны; не знаем, откуда получать известия, к кому обратиться; события так быстро сменяются; мы даже не знаем, что случилось с лицами, которых мы оставили в Москве. Надо полагать, что вам известно более, чем нам; вы должны знать хотя число убитых. В положении, в котором мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ее ни себе, ни другим, по крайней мере, не следует слишком сожалеть о тех, кого Бог к себе призывает: они умирают, исполняя самый священный долг, защищая свое Отечество и правое дело, чем заслуживают благословение Божие. Я стараюсь проникнуться этим чувством, а равно и внушить его моим бедным кузинам Валуевым.

Тамбов битком набит. Каждый день новые лица. Несмотря на это, жизнь здесь очень дешева. Если не случится непредвиденных событий и обстоятельства нам позволят сидеть спокойно, мы проведем зиму в теплом и чистом домике; в прежнее время мы бы нашли его очень жалким, а теперь довольствуемся им. Кроме нашего семейства, здесь находятся Разумовские, Щукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много других москвичей, которых мы мало или почти вовсе не знаем. Все такие грустные и убитые, что я стараюсь ни с кем не видаться: с меня достаточно и своего горя.

Меня тревожит участь прислуги, оставшейся в доме нашем в Москве, чтобы сберечь хотя что-нибудь из вещей, которых там тысяч на тридцать. Никто из нас не заботится о денежных потерях, как бы велики они ни были; но мы не

будем покойны, пока не узнаем, что люди наши, как в Москве, так и в Высоком, остались целы и невредимы. Когда я думаю серьезно о бедствиях, причиненных нам этой несчастной французской нацией, я вижу во всем Божию справедливость. Французам обязаны мы развратом; подражая им, мы приняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их почерпнули мы все дурное. Они отвергли веру в Бога, не признают власти, и мы, рабски подражая им, приняли их ужасные правила, чванясь нашим сходством с ними, а они и себя, и всех своих последователей влекут в бездну. Не справедливо ли, что, где нашли мы соблазн, там претерпим и наказание? Одно пугает меня,— это то, что несчастья не служат нам уроком: несмотря на все, что делает Господь, чтобы обратить нас к себе, мы противимся и пребываем в ожесточении сердечном.

Тамбов, 23 сентября

От времени до времени сюда приезжают курьеры из армии то за провиантом, то за лошадьми. Нам от этого не легче, потому что они или ничего не говорят, или слова их, повторяемые одним лицом другому, доходят до нас совершенно искаженными. Да и что могут знать провиантские или комиссариатские офицерики? Итак, мы пробавляемся слухами, распускаемыми в народе, которые большею частью не что иное, как выдумки. Судьба Москвы и армии нам одинаково неведома. Каждый день слышишь новый рассказ.

Тамбов наполнен московскими купцами; многих из них я знаю, разговаривала с ними, ни один ничего не ведает. Дня два повторяют, что следует ожидать чего-то важного. Да избавит нас Бог от известий вроде всех предыдущих!

В числе других приятностей мы имеем удовольствие жить под одним небом с 3 000 французских пленных, с которыми не знают, что делать: за ними некому смотреть. На днях их отправят далее, чему я очень рада. Все солдаты: поляки, немцы, итальянцы и испанцы. Больше всего поляков, они дерзки; многих побили за шалости. Офицеров человек 40 и один генерал. Последний — француз, равно и человек 10 офицеров. Нельзя шагу сделать на улице, чтобы не встретиться с этими бешеными. Его Высочество, принц Гогенлоэ, тоже здесь содержится. Нынче утром я его встретила; бежит по улице, а за ним гонится солдат. Впрочем, самые многочисленные отряды пленных отправили в Нижний, там их умирает по сотне ежедневно; одетые кое-как, они не выносят нашего климата. Несмотря на все зло, кото-

рое они нам сделали, я не могу хладнокровно подумать, что этим несчастным не оказывают никакой помощи и они умирают на больших дорогах, как бессловесные животные.

Я совсем глупа стала. Ум, понятие, все, все на свете в милой Москве оставила.

Тамбов, 30 сентября

Наш милый, родимый город, некогда приют мира и счастья, представляет лишь груды пепла! Два или три купца, бежавшие из Москвы 15-го, 17-го и 19-го чисел нынешнего месяца, сообщили нам подробности, способные растрогать каменное сердце. Неудавшие бежать из города до вступления врагов постоянно подвергаются ужасным пыткам. Они лишены способов существования; одежду у них отобрали и беспрестанно заставляют их работать, обращаясь с ними варварски. Несчастные умирают от голода. В их глазах жгут и разоряют дома их господ, для спасения коих многие из них остались. Все наши церкви обращены в конюшни. Наполеон, иначе сатана, начал с того, что сжег дома с их службами, а лошадей поставил в церкви. Знаешь ли что: несмотря на отвращение, которое я чувствую к нему, мне становится страшно за него ввиду совершаемых им святотатств. Нельзя было вообразить ничего подобного; нигде в истории не встречаешь похожего на то, что совершается в наше время. Об армии мы ничего не знаем. В Тамбове все тихо, и если бы не вести московских беглецов да не французские пленные, мы бы забыли, что живем во время войны. До нас доходит лишь шум, производимый рекрутами. Мы живем против рекрутского присутствия, каждое утро нас будят тысячи крестьян: они плачут, пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря, что не о чем горевать, видно, такова воля Божия. Чем ближе я знакоюсь с нашим народом, тем более убеждаюсь, что не существует лучшего, и отдаю ему полную справедливость. Здесь климат гораздо теплее московского. До сих пор мы проводим полдня с открытыми окнами. Каждое утро ходим пешком к обедне в монастырь, который находится в версте от города; я ничего не беру с собой, кроме шали, и той почти никогда не надеваю.

Мы готовим корпию и повязки для раненых; их множество в губерниях рязанской и владимирской и даже здесь в близких городах. Губернатор посылает наши запасы в места, где в них наиболее нуждаются. Так провожу я время, друг мой; даю также уроки Мишелю. Признаюсь: в состоя-

нии, в котором нахожусь, я неспособна к большой умственной деятельности. Дом наших Пушкиных был одним из первых сгоревших домов.

Тамбов, 7 октября

С третьего дня мы подверглись нового рода мучению: нам приходится смотреть на несчастных, разоренных войной, которые ищут прибежища в хлеботорговых губерниях, чтобы не умереть с голода. Вчера прибыло сюда из деревни, находившейся в 50 верстах от Москвы (по Можайской дороге), целых девять семейств: тут и женщины, и дети, и старики, и молодые люди. Все помещики, имевшие земли в этой стороне, позаботились вовремя о спасении своих крестьян, дав им способы к существованию. Государственные же крестьяне принуждены были дожидаться, покуда у них все отнимут, сожгут их избы, и тогда уже отправились, по русской пословице, куда глаза глядят. Крестьяне, виденные нами вчера, были разорены нашими же войсками; мне их стало еще жалче оттого, что, рассказывая о всем с ними случившемся, они не жаловались и не роптали. В такие минуты желала бы я владеть миллионами, чтобы возвратить счастье миллиону людей; им же так мало нужно! Право, смотря на этих несчастных, забываешь все свои горести и потери и благодаришь Бога, давшего нам возможность жить в довольстве посреди всех этих бедствий и даже думать об излишнем, между тем как столько бедных людей лишены насущного хлеба. Пребывание мое в Тамбове, при теперешних обстоятельствах, открыло мне глаза насчет многого. Находишься здесь в другом положении, думай лишь об удовольствиях и приятностях жизни, мне здешние добрые люди непременно показались бы глупыми и очень смешными. Но, прибыв сюда с разбитым сердцем и с душевным горем, не могу тебе объяснить, как благодарны были мы им за ласковые к нам поступки. Все наперерыв стараются оказать нам услуги, и нам остается лишь благодарить этих добрых соотечественников, которых мы так мало знаем. Правда, здесь не встретишь молодых людей, которых все достоинство заключается в изящных манерах, которые украшают своим присутствием гостиные, занимают общество остроумным разговором, но, послушав их, через пять минут забудешь об их существовании. Вместо них сталкиваешься с людьми, быть может, неуклюжими, речи коих нецветисты и неигривы, но которые умеют управлять своим домом и состоянием, здраво судят о делах и лучше знают

свое отечество, нежели многие министры. Сначала, привыкшие к светской болтовне, мы их не могли понять, но мало-помалу мы свыклись с их разговорами, и теперь я с удовольствием слушаю их рассуждения о самых серьезных предметах. Здесь есть один дорогой в этом отношении человек; как и мы, он несчастный эмигрант. Это г. Мертваго¹⁴, некогда занимавший довольно значительные посты и вынужденный оставить службу. Я редко встречала такой возвышенный ум и светлый разум, беседа его приятна и значительна. Он часто нас посещает и вполне очаровал меня. Разумовские тоже поселились здесь на всю зиму. Граф — премильный, жена далеко не стоит его. Каждый раз, когда мы встречаемся, она выводит меня из терпения. Они занимают самый большой дом в городе, и, несмотря на это, графиня вечно недовольна и все ворчит. Богатство избаловало голубушку.

Тамбов, 15 октября

Ты и не подозреваешь, добрый друг мой, что в настоящую минуту я нахожусь под одним кровом с Шаховскими. Признаюсь тебе, я не воображала, что меня может ожидать что-либо приятное, и потому вся эта неделя исполнена радости для меня. Шесть недель не имели мы известий от сестры, и, наконец, в прошлый вторник я получила от нее длинное письмо, которому очень обрадовалась. Теперь мы убедились, что есть возможность переписываться с близкими людьми, в чем мы уже начинали отчаиваться. В среду мы получили письмо от нашего толстого дворецкого, о котором мы ужасно тревожились. Этот честный человек дождался последней минуты, и 2-го сентября в 11 часов утра, когда войска наши, возвращаясь с Бородинского поля, проходили через Москву, в которую должны были вступить французы, он оставил город и отправился вслед за войском. На улицах была такая давка: тут шли полки, везли пушки, бежали жители, тащились раненые, так что от нашего дома до Владимирской заставы он пробирался целых шесть часов. Перед выходом из города он услышал первый выстрел французской пушки на Кремлевской площади. Письмо его раздирает душу; он описывает чувства свои; в эту минуту, верно, у него совсем закружилась голова, потому что, находясь на Тамбовской дороге, он сбился с пути и попал во Владимир 10-го сентября. Часть дороги прошел он пешком, неся с собой бумаги и деньги. Во Владимире он заболел лихорадкой, и потому мы долго не имели о нем известий. Все-

таки в нашем доме еще остались двое или трое старых служителей с женами; они говорят, что слишком стары, потому французы не возьмут их в солдаты; а они все же хотя что-нибудь да сберегут в доме. Имение наше, говорят, уцелело; а все находившееся в Москве сожжено, потому я надеюсь, что люди наши перебрались в Высокое. Я в жизнь свою не утешусь, ежели хотя один из них погибнет от руки бешеных злодеев. С Москвой же надо навеки проститься, милый друг. Не выскажешь всего, что там творится. Ежедневно сюда являются беглецы; последние из них оставили Москву 26-го сентября. Своими глазами видели они, как французы обращали церкви в кухни и конюшни; иконы употребляли на дрова или бросали в ретирады, обобрав все украшения. Они обедают и ужинают на престолах и всячески святотатствуют. Легко вообразить, чему подвергаются наши соотечественники, попавшие в руки этих злодеев. Шаховские еще остаются здесь на сегодняшний день, следовательно, мы все будем вместе. Завтра они едут к сестре во Владимирскую губернию, а зиму еще не знают, где проведут. Валюевы все с нами. Тетка пишет им из Владимира, но не говорит им о брате; по слогу я вижу, что она знает о смерти сына, но дочерям желает сообщить как можно позднее это грустное известие. Нам говорят, что, между тем как вся Россия в трауре и слезах, у вас дают представления в театре и что в Петербурге в русский театр ездят более чем когда-либо. Нечего вам делать! Не знаю, как русский, где бы он ни был теперь, хоть в Перу, может потешаться театром! Не так смотрят на вещи в других местах. Шаховские, прибывшие издалека, рассказывают, что взятие Москвы привело всех в крайнее отчаяние, в самых отдаленных местах. Говорят, что в какой-то газете пишут, что Москву сдали опустелую, увезя из нее все до последней нитки. Видно, что кто эти газеты пишет, у того в Москве волосу нет. Французы, несмотря на то, что они негодяи, не так судят. Поймали нескольких курьеров, отправленных во Францию, между прочим, одного, посланного до вступления французов в Москву. Он вез письма, в которых эти подлецы обещали своим соотечественникам описать подробно все удовольствия, ожидавшие их в столице России, воображая, что они будут там танцевать и веселиться. Они говорят о своем нетерпении увидеть самых хорошеньких женщин. Другой же курьер, отправленный уже из Москвы, вез известия иного рода. Они писали, что не видывали более варварского народа, что он все покидает лишь бы не поклонить

колен перед неприятелем, что легче покорить легион демонов, чем русских, если бы даже вместо одного было десять Бонапартов. Когда слышишь это и читаешь петербургские вести вроде вышеупомянутой, руки упадают. Но не угодно ли подивиться этим негодьям французам, называющим нас варварами, потому что мы не принимаем ни их любезностей, ни их законов? Можно ли завираться до такой степени! Как осмеливаются они называть варварами народ, сидящий тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападают, и скорее соглашается всего лишиться, чем быть в порабощении. Образованными они зовут орду бродяг, вырвавшихся из ада, чтобы жечь, разорять и проливать кровь. Что они ни говори, а быть русским или испанцем есть величайшее счастье; хотя бы мне пришлось остаться в одной рубашке, я бы ничем иным быть не желала, вопреки всему. Знаешь ли, что наш генерал, у которого в турецкую кампанию ноги были в параличе, окончательно лишился одной из них в битве 26-го сентября. Брат его, женатый на Нарышкиной, был контужен в голову и оглох. Понемногу узнаем о судьбе знакомых, но далеко не всех. Мы часто видимся с Разумовскими. Граф теперь неоцененный собеседник. Везде ему рады, куда он ни придет. Двое или трое людей из его прислуги, оставившие Москву по вступлении французов, привезли известие, что дома его в городе и Петровском истреблены со всем, что в них находилось, то есть миллиона на два вещей. Это несколько не омрачило его. Он по-прежнему всегда добродушно-любезен, за что все и любят его. Скажи мне, видела ли ты Раstopчина? Каков он? Его потери тоже значительны.

Тамбов, 22 октября

Французы оставили Москву¹⁵. Раstopчин пишет из Владимира, что, вместо того чтобы ехать в Петербург, он намерен вернуться в Москву. Хотя я убеждена, что остался лишь пепел от дорогого города, но я дышу свободнее при мысли, что французы не ходят по милому праху и не оскверняют своим дыханием воздуха, которым мы дышали. Единодушие общее. Хотя и говорят, что французы ушли добровольно и что за их удалением не последовали ожидаемые успехи, все-таки с этой поры все мы ободрились, как будто тяжкое бремя свалилось с плеч. Намедни три беглые крестьянки, разоренные как и мы, пристали ко мне на улице и не дали мне покою, пока я не подтвердила им, что истинно в Москве не осталось ни одного француза. В церквах снова

молятся усердно и произносят особые молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботит каждого русского. Не выразишь чувства, испытанного нами нынче, когда после обедни начали молиться о восстановлении города, прося Бога ниспослать благословение на древнюю столицу нашего несчастного Отечества. Купцы, бежавшие из Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути, посмотреть, что с ней случилось, и по мере сил восстановить потерянное. Можно надеяться взглянуть на дорогие места, о которых я старалась не думать, полагая, что придется навеки отказаться от счастья вновь увидеть их. О! как дорога и священна родная земля! Как глубока и сильна наша привязанность к ней! Как может человек за горсть золота продать благосостояние Отечества, могилы предков, кровь братьев — словом, все, что так дорого каждому существу, одаренному душой и разумом. Раstopчин пишет Разумовскому, что каким-то чудом дом его уцелел, зато в нем все вдребезги разбито до последнего стула. Письмо это привез Ипполит, которого ты, верно, встречала у графа Льва в Москве. Он сказал нам также, что Наполеон обещает три миллиона тому, кто принесет ему голову Раstopчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Раstopчину; не то что отличие, оказанное некоторым личностям, которых дома остались неприкосновенными потому, что у дверей расставлены были часовые, лишь только французы вступили в Москву. Не знаю, известна ли тебе прокламация Раstopчина, привешенная у его церкви в Воронове? Перед тем как удалиться нашим войскам, в ожидании приближения французов, граф сжег все, что ему так дорого стоило, все избы крестьянские, отправил крестьян в воронежское имение и напечатал лист, в котором высказывает французам свое удивление тому, что они повинуются негодяю и насильнику, каков Наполеон, и что он сам сжег все ему принадлежащее, чтобы этот ужасный человек не мог похвастаться, что сидел на его стуле. По-видимому, Наполеону не по вкусу пришелся комплимент, и с этой поры, надо полагать, ему захотелось достать голову человека, который так верно его ценит. Шаховские уехали в среду утром. Михаил Виельгорский уже три дня как здесь, и нынче едет в пензенское свое имение, где оставил жену, и намерен пробыть там до зимы. Вероятно, по первому снежному пути вернется в Тамбов. Катиша, Даша, Валуевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжем. В нынешнее переходное время надо ко всему привыкать.

Теперь это служит нам развлечением, а со временем, быть может, станет необходимостью. Вообрази, что дом Разумовских¹⁶ со всем, что в нем находилось, остался нетронутым; так как его начали разламывать для перестройки, то французы вообразили, что в доме без окон верно ничего нет и не совали туда носу. Это удивительное счастье, что он и не сгорел; все цело, даже вино в погребах. Зато Петровское все разорено; шуточка эта стоит миллион. О нашем доме мы не ведаем; Бог с ним, лишь бы французов истребили.

Тамбов, 28 октября

Ни от чего я так не страдаю, как от холода. Как нарочно, я попала в Тамбов в такие холода, которым сами старожилы дивятся. Все дома насквозь проморожены. Наш как погреб. Мы все спим в одной комнате и льнем к печкам. Вот каково наше житье, дружок. Все это испытания; их надо переносить терпеливо и покорно, ожидая лучшего в будущем. Наконец Валуевы узнали о смерти брата; их так жалко особенно потому, что он умер вдалеке от семьи.

Со времени сражения под Малоярославцем мы ничего не слыхали о нашей армии.

Несколько дней тому назад я ужинала у губернаторши; там я слышала прекрасную музыку, которая, напомнив мне прошлое, причинила мне страдание. Наполеону мы обязаны тем, что страдаем от того, чем прежде наслаждались. Впрочем, все, что нам суждено испытать, не от нас зависит, а назначено свыше.

Тамбов, 11 ноября

Я чувствую, что с июня месяца состарилась на десять лет. Все, что вижу, до сих пор не таково, чтобы мне помолодеть. Письма твои принесли мне большую пользу: они вывели меня из глубокой грусти, в которую я была погружена. Увы, милый друг, как и ты, я в постоянной сердечной тревоге. Брата Николая назначили адъютантом в 6-й саперный батальон, которым командует храбрый Эммануил Сен-При. 29-го октября получили мы известие об этом назначении. Брат наскоро экипировался, что стоило ему большого труда, ибо здесь в степях ничего нельзя достать, и уехал третьего дня вечером. Сначала он отправится в Москву, оттуда на 3 или 4 часа съездит в Высокое; потом поедет вслед за армией, которая, вероятно, очень уже далеко ушла, потому

что 26-го октября она находилась в окрестностях Смоленска, а с той поры она не переставала идти усиленным шагом.

Двоюродные братья мои Валуевы теперь у родителей. Мы ежедневно ожидаем Александра, который должен приехать за сестрами. С 30-го октября тетка моя в Москве. Лишь по прибытии ее в разоренный город объявили ей о смерти сына, и впечатление, произведенное этим известием, было тем ужаснее, что она окружена была развалинами; письмо ее полно отчаяния. От дома ее остались лишь стены; службы все сгорели, и ей пришлось остановиться в Запасном дворце у Красных Ворот: это единственное казенное здание, оставшееся неповрежденным. Поэтому все городские власти, как высшие, так и низшие, поместились в этом дворце; всех их там человек до 500. Тетке пришлось перейти в дом Яковлева в Леонтьевский переулок. Сыновья ее должны будут отправиться в окрестности Ярославля. Когда началось всеобщее вооружение, они поступили в полк, который Мамонов начал организовывать на свой счет; тут случилась московская катастрофа, полк этот был отправлен в Ярославль, где должен был найти все способы для окончательного формирования.

При воззвании Раstopчина двоюродные братья мои, равно Лунин и Баранов, просили о переводе их в армию. Им было отказано, потому что, будучи придворными, они были не подвластны ни Раstopчину, ни кому другому. Тогда они поодиночке вышли в отставку, а потом снова вступили в свой полк. Потому я и полагаю, что им придется тоже последовать за армией, что приводит сестер в отчаяние, то есть Аннеты и Полину, потому что Софи ничего не чувствует: пока другие плачут, она позвала к себе парикмахера, бежавшего из Москвы как и мы, велела обрезать себе волосы и завивается. Мне кажется, что она кончит тем, что сойдет с ума, как ее старшая сестра. Что касается двух других, на них жалко смотреть. Они так и убиваются, страшно исхудали. Кстати, о полке Мамонова: в нем находится большая часть известной московской молодежи; тут Левашов, Гусятников и кн. Вяземский. Сей последний¹⁷ возымел дерзкую отвагу участвовать в качестве зрителя в Бородинском сражении. Под ним убили двух лошадей, и сам он не раз рисковал быть убитым, потому что Валуев пал возле него. По окончании сражения он вернулся в Москву. Не слыхав никогда пистолетного выстрела, он затесался в такое адское дело, которому, как все говорят, не было подобного. Не понимаю, как это несчастное сраже-

ние могло хотя на минуту обрадовать вас. Хотя по словам лиц, в нем участвовавших (некоторых я встречала), это не потерянное сражение, однако на другой же день всем ясны были его последствия. В Москве напечатали известия, дошедшие до нас, в которых говорилось, что, после ужасного кровопролития с обеих сторон, ослабевший неприятель отступил на 8 верст, но что для окончательного решения битвы в пользу русских, на следующий день, 27-го, сделают нападение на французов, дабы принудить их к окончательному отступлению. Таково было официальное письмо Кутузова к РаSTOPчину, которое и поместили в печатное известие. Вместо всего этого, 27-го наши войска стали отступать, и доселе неизвестна причина этого неожиданного отступления. Тут кроется тайна. Быть может, мы ее когда-нибудь узнаем, а может, и никогда; но что верно и в чем мы не можем сомневаться, — это в существовании важной причины, по которой Кутузов изменил план касательно 27-го числа, торжественно им объявленный вечером 26-го числа.

Как бы то ни было, мы не имели даже и тени надежды на блестящую победу; ибо три дня спустя по прочтении вышеупомянутого известия мы узнали, что войско находится в 15-ти верстах от Москвы, а 7-го сентября получили ужасное известие о гибели дорогого города. В течение шести недель мы постоянно находились в тревоге и глубокой горести, не получая ни единой отрадной вест.

После сражения под Малым Ярославцем¹⁸ мы стали получать более удовлетворительные новости: неприятель не мог идти на Калугу и должен был возвращаться по той же дороге, по которой пришел, теснимый со всех сторон. В Белоруссии французов ожидают наши войска, так что вряд ли они ускользнут от нас. Надо надеяться, что они будут окончательно разбиты. Я не прихожу в отчаяние насчет нашей будущей, надеясь на Божие милосердие. Не тревожься и ты о будущей весне, милый друг.

Я не сержусь на РаSTOPчина, хотя знаю, что многие им недовольны. По-моему, Россия должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, зато сохранили некоторого рода внутреннее спокойствие. Ты не знаешь, что было в Москве с конца июля. Лишь человек, подобный РаSTOPчину, мог разумно управлять умами, находившимися в брожении, и тем предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва действовала на всю страну, и будь уверена, что, при малейшем беспорядке между жителями ее, все бы всполошились. Нам всем известно, с какими вероломными намерениями явился Напо-

леон. Надо было их уничтожить, восстановить умы против негодя и тем охранить чернь, которая везде легкомысленна. Растопчин прекрасно распорядился. Чтобы успеть в необходимом, пришлось пожертвовать богатствами, потому что, если бы для сохранения их он напугал заранее толпу, Бог знает что бы из этого вышло. Притом же как ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузов, едва прибыв в армию, писал к жителям Москвы и клялся, что он не подпустит врагов к стенам древней столицы? Письмо это было напечатано, всеми читалось и, без сомнения, имело более весу, нежели могли иметь слова Растопчина, который, однако, никого не удерживал и радовался, видя, что господа и прислуга уезжают из города. Он напечатал объявление, которое я читала и в котором он говорит, что его удивляют слухи, будто он препятствует выезду жителей из Москвы, что ему это и в голову не приходило; напротив, он рад был, что уезжают люди, опасавшиеся остаться. Между тем он знал то, чего вы не ведали, а именно, что крестьяне во всей Московской губернии, удивленные и испуганные множеством людей всех сословий, бегущих из Москвы, говорили дерзости проезжающим и могли бы зайти далее, если бы за ними не было бдительного присмотра. Ты знаешь, что я никогда не была ослеплена Растопчиным, потому не можешь упрекать меня в лицемерии. Но, уверяю тебя, что я чувствую к нему величайшую благодарность и вижу Божие милосердие в том, что во главе Москвы в тяжелые минуты находился Растопчин. Будь у нас прежний начальник, Бог знает что бы с нами было теперь: всех бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ее последствия. Наполеон это хорошо знал и обратился не к Петербургу, а ударил в сердце России.

Я бы желала, чтобы ты послушала, как говорят здесь о Москве, здесь, то есть в губерниях, составляющих коренную Россию, где почти не подозревают о существовании иной столицы, кроме Москвы, к которой питают какое-то священное благоговение. Что касается недовольства Растопчиным, оно меня несколько не удивляет; к несчастью, люди никогда не видят вещей в настоящем их свете. Мы досаждаем на свои потери и ищем, кого бы за это обвинить, несколько не руководствуясь справедливостью в обвинениях наших.

Наш московский дом сгорел в ночь с 4-го на 5-е сентября; сгорел также дом Шаховских и все смежные дома. 2-го числа вечером несколько голодных негодяев пришли

просить хлеба у наших людей и у дворецкого. Утолив голод, они ушли. Точно та же история повторилась на другой день, причем они украли вещи дворецкого, который имел глупость разложить их перед их глазами. День прошел довольно спокойно. Ночью подожгли Немецкую слободу и лавки. 4-го числа пришли требовать вина; у нас в погребах было много вин и варенья, потому угощение долго продолжалось, и гостей было много. Потом они все обобрали у людей и велели открыть кладовые; не найдя в них ничего съедобного, они ничего не взяли, хотя тут находилось тысяч на тридцать вещей. В этот вечер подожгли Большую Никитскую, Арбат, Пречистенку, Остоженку и все смежные кварталы. Наш дом все держался. Наконец в час толпа негодяев ворвалась в дом; сломав двери, они поднялись в мои комнаты, где я оставила книги, фарфор и множество других вещей. Они начали все рвать, ломать; люди внизу слышали адский шум, потом эти канибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взяв. Так как соседние здания уже были в огне, то наш дом вскоре сгорел со всем в нем заключавшимся (чему я очень рада, ибо, по-моему, лучше, что все наше добро сгорело, нежели сделалось бы добычею адских чудовищ). Тогда люди наши, полунагие, отправились в Высокое, куда, однако, прибыли здоровыми. Это милое убежище, благодаря Богу, осталось в целости, хотя его положение было небезопасно, так как оно находится между Клином, где расположены наши войска, селом Пятницей, наполненным казаками, порядочными грабителями, Волоколамском, Рузой, городами, разоренными французами, и, наконец, вблизи Можайска, так что пушечные выстрелы 26-го числа слышны были в Высоком. Мы полагали, что имение это погибнет ранее Москвы, и потому я велела перевезти множество вещей в Москву. Ты видишь, как ошибочны человеческие предположения! Москва почти не существует, а Высокое целехонько. В деревнях, находящихся верстах в 12-ти и 14-ти от Высокого, ежедневно убивали сотни мародеров, а в Высоком не видали ни одного солдата, как будто война велась в Америке. Урожай был прекрасный, хлеб убрали как по обыкновению, скот процветает, так что люди наши нашли и убежище, и обильное пропитание в нашем милом имении, которым мы все дорожим, потому что батюшка сам занимался его устройством. Мы многим обязаны нашему управляющему. Будучи вполне свободен, он добровольно остался на месте и своею твердостью и присутствием духа сберег нам все до последней нитки. Во

всей Московской губернии вряд ли найдется два имени, уцелевшие подобно нашему.

С Божеею помощью, на будущее лето мы намерены посетить эти милые места, бывшие некогда свидетелями нашего благоденствия. Зиму мы проведем здесь. Квартира наша невыносима, печи дымят, и я по крайней мере два дня в неделю лежу с головною болью. Собираемся искать другую квартиру. Виельгорские и не думают ехать в Петербург. Очень может быть, что Катиша сюда приедет родить, так как вскоре здесь соберется вся их семья. Пребывание здесь не представляет ровно никаких приятностей, да кто о них и думает в настоящее время! Я желала бы побывать в Петербурге, чтобы повидаться с тобой; вообще же я предпочитаю места самые удаленные от шума.

Все наши московские знакомые в Нижнем, исключая Пушкиных и г-жи Лобковой с матерью, живущих в Ярославле. Никто не думает ехать в Питер. В начале волнения все бросились в Нижний, считая его безопасным убежищем, а теперь, поуспокоившись, стараются забраться в отдаленные места, где можно жить с маленькими средствами, не делая долгов и стараясь поправить свои финансы. На прошлой неделе меня закидали письмами из Нижнего. Лица, ежедневно посещавшие нас в Москве, узнав, где я нахожусь, все написали ко мне. Меня очень тронуло их внимание, но я пугаюсь при виде множества писем, на которые нужно отвечать. Гагарина благополучно родила в деревне, не имея другой помощницы, кроме своей горничной; она сама пишет мне, равно и все Оболенские, Соллогуб, Небольсина и т. д. Не ведаю, где Вяземские; полагаю, он в полку. Мы знаем, что были бессовестные негодяи, служивавшие Наполеону в Москве. Не знаю, с чего ты взяла, что Визанур — русский дворянин; он не что иное, как мулат, явившийся Бог знает откуда и годный только стоять на запятках у кареты, вместо негра. Загрязский давно с ума сошел; не знаю, кто такой Бестужев; довольно верно то, что большая часть изменников купцы, иностранцы всех наций, вообще — люди ничего не значащие, дворян же весьма немного.

Тамбов, 18 ноября

Мы остались в одиночестве. Валуевы уехали вчера с своим братом. Большая часть наших знакомых уехали в Москву или в ее окрестности. Осталась наша семья, состоящая из пяти лиц, считая и Мишеля, да Разумовские. Об-

щество сих последних весьма удовлетворительно для ма-тушки, но не для меня. Предстоящая зима кажется мне весьма жалкою в сравнении с прошлыми зимами. Однако я не отчаиваюсь и уверена, что с Божиею помощью не буду слишком тосковать. Я так распределила свои занятия, что не имею ни минуты свободной и не вижу, как идет время. Пока мне не приходилось страдать от холода в нашей гадкой квартире, я смотрела равнодушно на изодранные драпировки, парусинную мебель, кривые столы; теперь же все это мне кажется невыносимым. Впрочем, над нами сжалился один здешний помещик и велел нам привезти мебель из своего имения. Я достала себе теплые ботинки, которых не снимаю с ног; эта обувь, равно и весь мой наряд, придает мне вид пятидесятилетней старухи. Я никогда не была шеголихой, и потому мне ничего не значит обойтись без шегольства. Но я не могу с такой же философией отказаться от талантов, которые развивала с самого детства и которыми забавляла тех, кому желала доставить удовольствие. Я более не буду в состоянии позабавить тебя пением, потому что я совершенно потеряла голос. Вчера я попробовала кое-что спеть и решительно не могла взять ни одной ноты. Прощайте все мои романсы, арии, дуэты, которыми я потешала моих добрых друзей! Помнишь ли ты наши ужины у дяди? Где-то он теперь, милый дядя! Говорят, дом его сгорел. Кстати, я отказываюсь от многого из сказанного мной о Раstopчине; говорят, он вовсе не так безукоризнен, как я полагала. Судя по последним, верным сведениям о всем случившемся до и по отдаче Москвы, я вижу, что есть причины сердиться на графа. Ему особенно повредила его полиция, которая, выйдя из города в величайшем беспорядке, грабила во всех деревнях, лежащих между Москвой и Владимиром. Много есть других мелочей, не делающих ему чести. Он с Кутузовым как кошка с собакой. Бенигсен одно время не в ладу был с Кутузовым, но они скоро помирились и теперь друг с другом в прекрасных отношениях. Я обещала тебе сообщить подробности о старике Кульмане; вот они. Не будучи извещен полицией о сдаче Москвы, он остался в городе. В первые же три дня по вступлении французов его ограбили, сожгли его дом — словом, он всего лишился. В лохмотьях, питаюсь тем, что французы выбрасывали на улицу, в отчаянии, он просил принять его в лекаря в одном из наполеоновских госпиталей. Это доставило ему способ существования в течение шести ужасных недель, которых не забудет ни один рус-

ский. Когда французы удалились и наши власти вернулись в город, Кульмана схватили и посадили в тюрьму. Оттуда он написал матушке письмо, раздирающее душу. Этот несчастный человек, служивший нашему Отечеству сорок лет, занимая места, на которых он мог разжиться в течение года, не взял ни гроша. Уезжая из Москвы, мы оставили его в довольно жалком положении. Несмотря на свою честность и бескорыстие, он попал в такое положение, из которого лишь Бог может его вывести, и все это благодаря ветрености и неразумию, столь странным в старике и столь нам известным. Немец нашего Мишеля, бедный Клепсен, сгорел в нашем доме, где остался после нашего отъезда. С отчаяния он начал пить и в тот роковой день, когда подожгли Никитскую, он был так пьян, что его никакими силами не могли вытащить из угла, в котором он спрятался, и таким образом он стал жертвою своей глупости и адского неистовства нации, считаемой за самую образованную во всей Европе.

Ежедневно сюда приводят пленных; они крайне дерзки, так что губернатор, человек очень порядочный обращается с ними как с собаками.

Тамбов, 25 ноября

Сколько приятных новостей, милый друг! Сколько причин надеяться, что Господь сжалился над нашими страданиями и что мы будем иметь счастье отомстить за гибель милой столицы, унизив и окончательно уничтожив тирана, бывшего причиною всех наших мук!

Ныне мы получили известия от 8-го ноября, и они столь удовлетворительны, что можем себе позволить предаться чувству, похожему на радость! Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы так давно не радовались, что даже забыли, что значит радоваться. Как бы то ни было, дышется свободнее и можно надеяться, что снова настанут мир и спокойствие, которых мы так жестоко были лишены. Если бы не попал брат Николай в тот омут, от которого зависит наша общая участь, мне кажется, мне бы нечего было желать. Однако, скажи мне кто-либо прошлый год, как проведу я зиму 12-го года, я наверное стала бы жаловаться на горькую участь, меня ожидающую. Вообрази, что я нахожусь посреди трех старцев (один из них от меня без ума); под носом у меня колода карт для игры в бостон, в вечеря проигрываю два или три рубля. Чтобы разнообразить удовольствие, я и мой старый поклонник играем в пикет по пя-

таку за очко. Затем взгляни на мое прошлое, сравни обстановку, в которой ты меня знала, и теперешнюю мою жизнь и скажи, что ты думаешь об этом сравнении.

Каждый день я катаюсь в санях и потом вышиваю без усталости. Это, признаюсь, мне служит отдыхом и составляет любимейшее мое занятие.

Ты желаешь знать, не приведут ли нас в Питер общие несчастья и потеря дома в Москве. На это я скажу тебе, что ваш блестящий город увидит нас лишь в одном случае, а именно: ежели служба Николиньки принудит его поселиться в Питере, тогда матушка все бросит, чтобы последовать за милым сыном, чтобы своим присутствием охранить его от соблазнов — словом, от бесчисленных пороков, какими богата ваша сторона, и которым 17-летний юноша не в силах противостать. Николай так добр, так доверчив, что более другого нуждается в руководителе, что он и сам сознает. До сих пор он радуется всем нам своим хорошим поведением, прекрасным характером; ты понимаешь, что мы все забудем, коль скоро явится случай быть ему полезными.

Еще, быть может, встретимся мы на берегах Невы, ежели дядя Кошелев потребует нас; но я надеюсь, что он этого не сделает. Он так несчастлив во многих отношениях, что матушка не в силах будет долго противиться его просьбе, ежели он серьезно того пожелает; иначе лишь служба Николая может нас вызвать в Питер. Мы — москвичи более, чем когда-либо!

Странно, что, со времени несчастья, Москва стала еще милее для всех, кто к ней был привязан. Многие лица, между прочим Апраксины, предполагая, что мы можем перебраться в Петербург, написали матушке, советуя ей не покидать Москвы, говоря, что должно стараться сгладить следы бедствий, которые потерпела милая столица, жертвуя собою для общего блага. Вот наши планы. Зимой мы проведем здесь, и старый Немчинов будет за мной ухаживать сколько ему угодно. Весной мы намереваемся посетить принадлежащее нам имение в Саратовской губернии, которого никто из нас не знает. Потом отправимся в наше милое Высокое, пробудем там до зимы и тогда вернемся в дорогую Москву, где уже строятся несколько зданий и на будущую зиму можно будет нанять дом. Москва, говорят, полна народом; в нее съезжаются из всех соседних губерний.

Я одного боюсь, чтобы весной житье в Москве не сделалось опасным, так как во время шестинедельного пребывания в городе французы перебили множество народа. Не

только город, но и окрестности усеяны трупами, заражающими воздух. Представь, что будет весной, когда растает снег. Николай пишет, что за пятнадцать верст от Москвы уже становится тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля — все наполнено мертвыми телами; их даже трудно отыскивать, и потому меры, принимаемые против зла, недостаточны. К тому надо прибавить, что в начале ноября еще не похоронены были убитые 26-го августа; Бог знает, схоронены ли они теперь. За 25 верст слышно было зловоние, и ежели не примут решительных мер, весной запах слышен будет и в Высоком, находящемся не более как в пятидесяти верстах от несчастного Бородина, что разрушило бы наши планы, и не знаю, куда бы мы делись летом в таком случае. Невестка моя беременна, и к 1 июня нам необходимо где-нибудь устроиться, чтобы она могла спокойно родить.

Впрочем, я стараюсь как можно менее думать о будущем. Господь чудесным образом вывел всех нас из тяжкого кризиса; было бы неблагодарностью с нашей стороны, ежели бы мы слепо не положились на Его волю с полной уверенностью, что тогда все пойдет хорошо.

Кто мог предположить, что события примут такой оборот? Кто мог осмелиться обозначить пределы зла, которое в состоянии были сделать нам французы до и по вступлении своем в Москву? Во всем виден перст Божий и особенно безгранично милосердие Провидения, которое, наказав нас, по правосудию Своему, не допустило, однако, до крайней гибели. Опасались худшего, нежели то, что случилось. Божия благодать спасла нас от горя, которое для нас было бы тяжелее многих других. Ты помнишь, что при отъезде моем из Москвы мне пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробниц наших отцов. Меня еще сильнее стала тревожить эта мысль, когда нам рассказали, что чудовища эти откапывали мертвецов, чтобы грабить могилы. Я с отчаянием вспоминала о Девичьем монастыре, где покоится лучший и любимейший из отцов. Николай по прибытии в Москву тотчас отправился в монастырь и пишет нам, что памятник батюшки, равно и все другие памятники, остались в целости. У нас как камень с сердца свалился. В женских монастырях совершаются мерзости; но что для нас наиважнейшее, то цело, благодаря Богу.

В реляции Кутузова сказано, что в деле 8-го числа финляндский гвардейский полк отличился храбростью. В этом полку находится брат Даши Ухтомской; потрудись, милый

друг, узнать, не в числе ли раненых или убитых значится князь Ухтомский. После Бородинского дела в этом полку осталось в живых семь офицеров, в числе их был и Ухтомский. Бог знает, посчастливилось ли ему и на этот раз. Бедная сестра его, которую я люблю с детства, в ужасном страхе. Я получила от нее письмо и, судя по нем, вижу, что она страшно тревожится. Письмо ее от 16-го октября; ей еще, значит, не было известно, что произошло сражение под Малоярославцем.

Тамбов, 27 ноября

Мы снова подверглись всем ужасам степной выюги: это страшная мука, особенно когда живешь в картонном домике. Невольно вспомнишь о нашем теплом, уютном московском доме, который был известен своим удобством в самых дальних частях города. Очень благодарю тебя за известия, что отыскан крест Ивана Великого. Я повторяю с восторгом, что он не будет служить трофеем чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодования касательно спектаклей и лиц, их посещающих. Что же такое Петербург? Русский ли это город или иноземный? Как это понимать, ежели вы русские? Как можете вы посещать театр, когда Россия в трауре, горе, развалинах и находилась на шаг от гибели? И на кого смотрите вы? На французов, из которых каждый радуется нашим несчастиям!

Я знаю, что в Москве до 31-го августа открыты были театры, но с первых чисел июня, то есть со времени объявления войны, у подъездов их виднелись две кареты, не более. Дирекция была в отчаянии, она разорялась и ничего не выручала. Играли русские и в более спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чем более я думаю, тем более убеждаюсь, что Петербург вправе ненавидеть Москву и не терпеть всего, в ней происходящего. Эти два города слишком различны по чувствам, по уму, по преданности общему благу, для того чтобы сносить друг друга. Когда началась война, многие особы, будучи не хуже ваших красивых дам, начали часто посещать церкви и посвятили себя делам милосердия, чтобы умиловить Бога за себя и своих соотечественников. Ежели у нас несли вздор, то, по крайней мере, все мы, русские, за исключением Петербурга разумеется, одинаково заблуждались.

Здесь, в Тамбове, месте более безопасном, чем другие места, балы, начинающиеся обыкновенно с сентября, открыты были лишь после сражения под Вязьмой. До сих пор

ни одна дама не показывалась на бале, так что балы превратились в мужские собрания, где играют в карты. Французский язык изгнан; крестьяне лишь только услышат, что говорят на иностранном языке, сейчас же скорчат грозную гримасу. В Москве с августа месяца французы не осмеливались показываться на улицах: их побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на них смотреть в театр? Шаховские рассказывали мне, что во всю дорогу от Кавказа досюда они были как на иголках; если, забывшись, по привычке, начинали говорить по-французски, мужики сейчас спрашивали их, не из тех ли они негодяев, которые грабят Россию и Москву?

Я забыла рассказать тебе о перемене моих отношений к двоюродному брату Валуеву. Из заклятого врага он сделался моим поклонником. Я получила от него такое послание из Рязани, в конце коего недостает лишь предложения; в последнем случае оно было бы вполне трогательно. Во время трехдневного пребывания своего у нас он преследовал меня комплиментами и ласками, стараясь оправдаться передо мною в своих прежних ошибках в отношении меня, и зная, что они мне известны. Я не избегала объяснения, и вечером накануне его отъезда высказала ему откровенно мое мнение о разных вещах. Он весьма покорно выслушал мои замечания, сознавался, что был невыносим, говорил, что исправился, и т. д. В заключение всего этого я получила вышеупомянутое письмо. Эта перемена мне кажется чудом, вроде переворота в судьбе Наполеона. Настал год чудес!

Если бы не твое великодушие, мы решительно не ведали бы, что на свете происходит. Нынче получили мы известие, что Николай с Ипполитом отправились в армию 19-го числа; теперь они уже доехали.

Знаешь ли, что сделали французы из гостиных Разумовских, о которых ты упоминаешь в письмах твоих (надеюсь, что мы когда-нибудь в них встретимся)? В третьем этаже, в кабинете графа, они устроили бойню; по уходе их там нашли зарезанных коров и телят. В нижнем этаже были конюшни; в среднем, на убранство которого граф прошлым летом положил огромные деньги, они все истребили.

Петровское исчезло; там происходили ужасы, от которых дыбом становятся волосы. Московские кладовые были в целости до октября; в эту пору одна из служанок, влюбившись в какого-то негодяя-поляка, открыла их разбойникам, равно и погреба — словом, места, где что-либо хра-

нилось. Потери Разумовских простираются почти до двух миллионов.

Если желаешь составить себе понятие об образованнейшем народе, называющем нас варварами, прими к сведению, что во всех домах, где жили французские генералы и высшие чины, спальни их служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чем хуже. У Валуевых в этом отношении так дом отделали, что в нем дышать нельзя и все ломать надобно, а эти свиньи тут жили.

Тамбов, 2 декабря

Вчера в первый раз, с тех пор как я в Тамбове, была я на обеде, данном для матушки одним из богатейших здешних помещиков. Здесь для меня все ново и есть, что изучать. Я заметила, что есть возможность составить кружок из мужчин; они не щеголи и не отличаются любезностью, но зато разумные и даже приятные собеседники. Что касается женщин, только губернаторша — милая особа, остальные нестерпимы. Все с претензиями крайне смешными. У них изысканные, но нелепые туалеты, странный разговор, манеры как у кухарок; притом они ужасно жеманятся, и ни у одной нет порядочного лица. Вот каков прекрасный пол в Тамбове! Ты понимаешь, что я как можно реже буду видеться со всеми этими лицами, разве в случае необходимости. Мы каждый день видимся с Разумовскими; она по-прежнему безалаберна, а муж ее любезнее, чем когда-либо. Нынче мы у них будем ужинать. Щукина не слишком приятная особа, я с ней мало знаюсь, мы только вместе играем в карты; муж ее претошный. У них живет племянница, которая замужем за каким-то Ивановым, — глупое и невыносимое существо, как раз под пару здешним чопорным дамам; она уже успела с ними подружиться. Все это общество мне не по вкусу, я бы его себе не избрала; но, за неимением лучшего, приходится им довольствоваться.

Вчера я видела приехавшего из армии; он оставил главную квартиру 19-го ноября. Известия, им привезенные, так хороши, что, будучи русским, нельзя не забыть о своих потерях и не радоваться, думая о бессмертной славе, которую приобретает наше милое Отечество. Французы, особенно злодей Наполеон и его приверженцы, растерялись. Я согласна: пусть эти дураки называют Россию варварской страной, коль скоро их цивилизация привела их к добровольному подчинению гнуснейшему тирану. Слава Богу, что

мы варвары, если считаются образованными Австрия, Пруссия и Франция.

Сюда прислали четверых пленных французских генералов. Князь Кутузов особенно рекомендовал одного из них здешнему губернатору, родственнику своему, присовокупляя, что, слышавши, что с пленными обращаются сурово, он желает, чтобы изменили эту систему, ибо жестокое обращение с обезоруженным врагом не согласно с русским характером, потому с большими генералами будут обращаться, как обращались в Москве с Клерфельтом и Левенгеймом. Доброго старика Кутузова армия обожает; везде его встречают с восторженными приветствиями. Растопчину с ним тягаться не под силу.

Знаешь ли, что у меня бывали минуты, когда меня так мучило все, что я видела, слышала и чувствовала, что мне приходила мысль идти в здешний монастырь, для избежания всех горестей, которые мы испытываем, живя в свете.

Тамбов, 10 декабря

Ты удивишься, узнав, что я собираюсь на бал. Да, послезавтра я буду выплясывать с тамбовскими щеголями. 12 декабря, как тебе известно, празднуется во всей России¹⁹. Вот и здешний губернатор, добрейший человек, вздумал потешить общество и дает бал, к которому готовятся все наши франтихи.

Признаюсь, меня удивляет, что мне приходится явиться на бал после всех тревог и скорбей, испытанных мною в течение шести месяцев; однако я не прочь взглянуть на провинциальные собрания. С тех пор как известия из армии сделались утешительнее, в России снова начали веселиться. Вот уже три недели, как здесь пляшут по воскресеньям в жалком, уродливом доме, в котором жители Тамбова веселятся более, нежели веселились мы в прекрасном московском здании.

Наше московское собрание только что собирались отделать и украсить на нынешнюю зиму, а негодяи-французы превратили его в пепел.

Ты, верно, видела г-жу Болговскую, рожденную Салтыкову; у нее было большое имение в Смоленской губернии. Жила она открыто, пользуясь всеми удобствами жизни. Теперь же с пятью детьми, из которых один меньше другого, она принуждена продавать платья и белье, чтобы не умереть с голоду. И сколько таких случаев!

Я часто получаю послания от Валуевых; они так привя-

зались ко мне в течение трех месяцев, проведенных с нами, что при всяком удобном случае посылают мне дружеские письма. Подробности, которые они сообщают мне о Москве, крайне интересны для человека, любящего этот город, как я его люблю. Меня радует привязанность народа, вообще всей нации русской, к этой древней и почтенной столице нашего милого Отечества. Москва теперь как муравейник. В нее стекаются отовсюду. Туда идут транспорты даже из здешних мест; поэтому там жизнь дешевле прежнего. В Москве теперь можно все достать, даже предметы роскоши, как-то: шелковые материи, вина, овощи и т. д.; даже общество, говорит Аннета, лучше прежнего. Все лица, которых дома уцелели, занимаются их устройством.

Кстати, я тебе не упоминала о великолепном проекте благотворительности, составленном нашими дамами. Какое твоё мнение о нем? Право, женское судилище, с председательницей во главе, напоминает мне сенат фей Уржели, во главе коего находилась королева Берта. Не знаю, видела ли ты эту пьесу; но уверяю тебя, что предполагаемый комитет мне ее напоминает. Откровенно говоря, если хотят делать добро и благотворить, то можно обойтись без гласности. В предприятии же этих дам я вижу желание выказаться. Это признак тщеславия, неприятного и в мужчине и которое вовсе не нравится мне в женщине, назначение коей держаться в стороне.

У нас в гостиной с десятков помещиков, явившихся сообщить нам известие о победе Витгенштейна²⁰.

Тамбов, 17 декабря

Я ездила на бал, чтобы не обидеть тамбовских обитателей, старалась быть веселой и до четырех часов утра танцевала Бог знает с какими рожами. Праздник был блестящий; даже в столице он бы имел успех. Никогда не встречала я такой коллекции оригиналов, какую пришлось мне видеть в этот день.

Тамбов теперь в полном блеске. Все дворянство собралось на выборы, от бедняка до богача. Пора выборов самая веселая в губернских городах. На бале граф Лев насчитал до двадцати мундиров один другого оригинальнее. Тут, судя по мундирам, находились представители четырех царствований; были некоторые и в сюртуках. Целых три дня после бала мне нездоровилось. Я отвыкла поздно ложиться, устала и вообще неохотно ехала на бал. Вести московские неутешительны. Там свирепствуют повальные бо-

лезни, как в городе, так и в окрестностях. Несчастливая столица переходит от одного бедствия к другому. Надо надеяться, что приняты будут строгие меры к отвращению зла и что в стенах милого города снова водворится здоровье, мир и счастье, которыми он пользовался в течение веков.

Наш старый майор, которого ты знаешь, умер вследствие неприятностей, перенесенных им во время пребывания в Москве извергов. Однако мы очень счастливы: из наших никто не погиб, кроме Клемана и майора. У Разумовских же умер лучший их управляющий, похоронив в течение недели жену, трех детей и имел несчастье видеть зверские поступки извергов в отношении к его одиннадцатилетней дочери. Несчастливая тоже при смерти. Много подобных случаев; в голицынской больнице, в церкви, на алтаре, нашли мертвую девочку одиннадцати лет, бывшую жертвой самого гнусного злодейства. Сначала от подобных новостей меня била лихорадка, но мы обязаны французам привычкою к самым неприятным ощущениям: они так часто повторяются, что не могут производить постоянно сильного впечатления.

Сумарокова в Москве и пишет мне, что она объездила весь город, и преимущественно ту сторону, где мы жили. С трудом отыскала она развалины нашего милого дома. Она говорит, что не видавший настоящего положения Москвы еще не может вполне ненавидеть злодеев. Я не хочу ненавидеть их, прошу Бога простить им их злодейства; но положительно можно сказать, что, с тех пор как мир существует, ни в древней, ни в новой истории не найдешь поступков, подобных преступным действиям их в нашем Отечестве.

Графиня Орлова, Лобкова с племянницей, гр. Апраксина и многие другие намерены провести зиму в Москве.

Я решительно отказываюсь от моих похвал РаSTOPчину вследствие последней его выходки, о которой мне сообщили. Ты, верно, слышала, что мадам Обер-Шальме, бросив свой магазин, в котором находилось на 600 000 рублей товару, последовала за французской армией. Государь приказал продать весь этот товар в пользу бедных. Именитый же граф нашел более удобным поделиться им с полицией. Младшему из чиновников досталось на 5 000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невероятности. Мой двоюродный брат, Волков, отказался от своей доли. Спиридов, московский комендант, и князь Борис Андреевич Голицын, которые также были приглашены к дележу, тоже не захотели в нем участ-

зовать; неизвестно, чем кончится эта история, но она от-
вратительна.

Я еще не говорила тебе, что я достала дрянные фортепьяны и ноты; матушка заставляет меня петь. Если у тебя есть какие-нибудь хорошенькие пьесы, пришли их мне, дружок. Здесь подобные вещи нужнее, чем где-либо. Трудно веселиться в Тамбове; благодаря всем моим усилиям, я дошла до того, что не скучаю. Слава Богу, у меня характер, которому скука неведома.

О Николае не имеем известий, с тех пор как он в походе. Сестра тоже не может часто писать, потому что следует за чичаговской армией. Последнее ее письмо было из Пинска от 2-го ноября. Что делать, надо терпеть: горю ничем не поможешь.

Не стыдно ли вам отнимать у нас Виельгорских? Впрочем, берите их. Катиша непременно хочет ехать, вопреки всему семейству и своему бесхарактерному мужу.

Тамбов, 24 декабря

Пленные, рассеянные по всей России, заносят всюду заразу, потому что сами они почти что чумные. Прислуга наша, приехавшая из Высокого, рассказывает, что по большой дороге во многих деревнях есть дома, в которые никто не смеет входить; находящиеся в них умирают или оживают, будучи оставлены на произвол судьбы. Принц Ольденбургский умер на третьи сутки.

Не могу выразить тебе, до чего меня растрогали нынче утром рассказы нашей бедной прислуги о всем, что она вытерпела с конца августа до конца октября. Московские пожары и пожары в деревнях, лежащих по Можайской дороге, освещали Высокое в течение трех недель так, что ночью там было светло как в полдень. В течение месяца наши и крестьянские вещи лежали в телегах. Люди насушили сухарей и собирались скрыться в лес, единственное надежное убежище от французов. Неприятели были в пятнадцати верстах от Высокого. Решительно чудом спасся этот милый уголок.

С истинной радостью думаю я, милый друг, что нам остается всего неделя до Нового года. Уповаю на милосердие Божие и надеюсь, что наступающий год не похож будет на тот, с которым мы расстаемся.

Тамбов наполнен пленными. Французы считают понесенный ими разгром за поправимую неудачу. Поляки, зная, как их ненавидят у нас, выдают себя за голландцев или за

немцев. Жалки испанцы и португальцы: они на свободе и ежедневно приходят просить милостыню. Я с ними говорила. Они Россию превозносят до небес, а Наполеона ненавидят и радуются его падению. Между прочим, тут есть один генерал португальский; с ним было два сына: одного убили у него на глазах, другой пропал без вести; да дома осталась у него семья, о которой он в продолжение двух лет не имеет известий. Несчастный старик слова не может сказать без слез. Сама я ни одного генерала не видала и сержусь на тех, кто заговаривает с французами, от которых дождешься лишь дерзостей. Когда их отщелкают, они тотчас осядут и становятся низкопоклонными. Прелестный характер, нечего сказать!

Тамбов, 31 декабря

Ты не поняла меня относительно взгляда моего на монашескую жизнь, милый друг. Если бы монашеская жизнь была такова, какой ей следует быть, то, живя в уединении, мы приближались бы к величайшему блаженству, которое лишь возможно на земле. Но лучшие учреждения искажаются под рукой человеческой. Многие достойно осуждения в жизни монахов, однако некоторые из них приносят пользу. В свете же, посреди развлечений, мы забываем ближнего. Что бы ты мне ни говорила, я все-таки остаюсь при моем убеждении, что уединением мы ограждаемся от многих скорбей. В свете мы напускаем на себя неестественную чувствительность, напрашиваемся на разного рода неприятности и подвергаемся искушениям. Чем меньше нитей, связывающих нас к жизни, тем менее ощутительна потеря их. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться от всех привязанностей. Между ними есть такие, которые сам Бог внушает нам: следует каждому исполнять свой долг. Хотя Господь запрещает любить кого-либо более, чем Его Самого, но повелевает любить ближнего, а чувство это следует хранить и в монастыре.

Впрочем, не бойся: пока я нужна кому-либо на свете, я не решусь идти в монастырь. Теперь я имею счастье посвящать матушке все мое время.

Целую неделю мы возились с крестьянами из саратовского имения, посланными от сельского мира. Весною отправимся в Саратов, оттуда в Саренту к Гернгутерам. Они всего в 150 верстах от нас. Нынче утром получили мы два письма от сестры из Минска. Она говорит, что у них все госпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни

полны больными, так что крестьяне убегают в леса и мертвых оставляют без погребения. Это может иметь ужасные последствия. Да сохранит нас Бог от чумы! В Москве и ее окрестностях тоже свирепствуют болезни, равно и в Казани, где умер бедный князь Петр Салтыков. Сегодня отправили к вам партию пленных испанцев и португальцев. Берегитесь, чтобы они вас не зачумили. У нас остались поляки, французы и немцы.

Вообрази: теперь открывается, что величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами. Так говорят очевидцы, бывшие в Москве в течение шести ужасных недель.

Я теперь ненавижу РаSTOPчина и имею на то причины. О! ежели мы с тобой когда-нибудь увидимся, сколько мне придется рассказать тебе. Мне кажется, в месяц всего не передашь.

ИВАН СТОЛЯРОВ.

Записки русского крестьянина

Иван Яковлевич Столяров (1882—1953) родился в крестьянской семье села Карачун Воронежской губернии. Окончил сельскохозяйственное училище, был одним из организаторов Всероссийского крестьянского союза, участвовал в революционном движении 1905 года, после поражения которого эмигрировал во Францию, где получил высшее образование (диплом инженер-агронома).

В 1916 году Столяров вернулся в Россию. После победы Октябрьской революции служил в Центросоюзе, с 1928 года в торговом представительстве СССР в Париже. В начале тридцатых годов, за отказ срочно вернуться с семьей в Москву (Столяров лег в больницу на операцию), он был лишен советского гражданства и перешел на положение эмигранта.

В своих воспоминаниях Столяров пишет о природе и укладе жизни родного края, о традициях и народных праздниках, играх и гаданиях, занятии односельчан земледелием и гончарным ремеслом, об учебе в сельскохозяйственной школе, сборе недоимок, торговле. Автор изображает типичные картины деревенской жизни конца XIX—начала XX веков, знакомит читателя с миропониманием крестьянского паренька, рассказывает об отношении к мужику городского начальства и других слоев населения.

«Записки русского крестьянина» являются важным документальным источником для истории русской деревни.

При повороте с большой дороги в село Карачун стоял столб. На столбе была прибита доска с надписью: «Село Карачун, Воронежской губернии, Задонского уезда, Сенновской волости». Под этой надписью было указано число жителей села, мужских и женских «душ» отдельно. Женщин числилось больше, чем мужчин.

Мужики села Карачун хотя и были неграмотны, но знали, что гласила надпись на доске, и в подходящих случаях подтрунивали над бабами. «Народу много,— говорили они,— а толку мало». Или же: «Видно, что бабы приятней

черту, а мужики Богу. Поэтому-то Бог и оставляет на земле больше баб, а мужиков берет к себе».

Село Карачун раскинулось по правому нагорному берегу реки Воронеж, в середине той прогалины, через которую степь, пробившись через когда-то дремучие леса, соединялась со стародревними рязанскими землями. От дремучих лесов на этой прогалине осталась узкая полоса, прилегающая к берегам реки. Она тянется до самого города Воронежа и местами соединяется с лесными массивами, остатками исчезнувшей растительности, покрывающей когда-то эти края.

За рекой, против села, пространство было покрыто мелкими ольхой и дубом, луговыми травами и небольшими озерами.

Часть озер в летний жаркий период высыхает, превращается в трясины и болота, в комариное царство, рассадник малярии.

По самому берегу реки растет ива, ветви которой употребляются для плетения заборов и изгородей, а также разного рода корзинок, и для подстилки саней.

Эта разнородная прибрежная полоса называется займищем. Весной, при таянии снега и с разливом реки, она заливается водой и превращается в царство водяной птицы, главным образом диких гусей и уток.

В течение почти трех недель водяную птицу никто не тревожит. Среди прибрежных крестьян охотников на нее нет, а охотники-любители из помещиков все уже перевелись. Да если бы такие и нашлись, они не могли бы удовлетворить свою охотничью страсть, так как вода в это время бурлит и пенится.

Многие низкорослые кусты и деревья покрываются совершенно водой. У других видны одни верхушки. Все это представляет большую опасность для редких и плохеньких лодок жителей.

Водяная птица знала это и в продолжение разлива реки чувствовала себя хозяином на водном пространстве шириной в три версты и более и бесконечной длины. Утки и гуси, большими стаями, с радостными криками, перелетали с одного места на другое, разбрасывали вокруг себя серебристые брызги, искрившиеся в весенних лучах солнца.

Со спадом воды некоторые гуси исчезали, а утки прятались в кустах или в камышах и садились на яйца. Можно было подумать, что они отдавали себе отчет в опасности,

грозившей им как от человека, так и от зверей-врагов: они принимали меры предосторожности.

В сохранившихся еще лесах, уходящих в бесконечную даль, скрывались села и поселения, присутствие которых легко узнается с нагорной стороны берега реки по колокольням и крестам церквей.

Все пространство между реками Воронежем и Доном, который протекал в 17 верстах от Карачуна, превратилось теперь в распаханную степь.

Ее поверхность разрезана глубокими оврагами и безводна. На ее необработанных участках и по межам полей растут типичные дикие степные травы. Зеленые весной, летом они высыхают, выгорают под палящими лучами солнца. Осенью, с наступлением дождей, они оживают, вновь зеленеют до наступления первых холодов и тогда покрываются зимней снежной пеленой.

Берег, по которому разбросалось село Карачун, прорезан двумя глубокими оврагами, промытыми весенними стекающими водами и летними ливнями. Такие же овраги отделяют село Карачун от двух соседних сел, расположенных одно выше, другое ниже течения реки.

Опытный человек, въезжая в село Карачун в первый раз, по одному виду построек заключает, что оно небогато и что жителям его плохо живется. И он не ошибется. Жители села Карачун действительно бедно живут. Из построек только их избы бревенчатые, дворы же все плетеные, часто дырявые — верный признак, что у хозяев таких дворов нет ни свиней, ни овец. Соломенные крыши построек, почерневшие от времени, также нередко дырявые.

Внутренняя пелена¹ сараев у многих хозяев объедена скотом — признак нехватки корма для скота весной. Не у всех дворов тесовые ворота — украшение и гордость русского крестьянина, которые воспеваются так часто в народных песнях. Многие жители совсем не имеют дворов. Их постройки состоят из одной избы и плетеных сеней.

Неблагоприятное впечатление въезжающих в село подтверждается и другими мелочами крестьянской жизни. Избы крестьян села Карачун все без исключения топятся «по-черному», то есть без трубы: затопив печку, открывали дверь, и дым выходил на улицу. Дверь закрывали, когда дрова совсем сгорали. Крестьяне считали, что этим они сэкономили топливо.

Помню еще время, когда избы освещались лучиной. Она зажигалась непосредственно от угольков, сохранившихся

в золе печки. Наложат на угольки тонкую лучину и начинают раздувать ее до тех пор, пока лучина не вспыхнет и не загорится пламенем. Этой лучиной зажигали более толстую и длинную лучину, клали ее на особую подставку горизонтально, а под горящий ее конец ставилась глиняная миска или жаровня с водой. По мере сгорания горящие угольки падали в воду и тухли, а лучина продолжала, потрескивая, гореть.

При свете лучины и работали в долгие осенние и зимние вечера. Мужчины делали горшки, плели корзинки, вили веревки, плели лапти. Женщины пряли, шили. Тонкой работы при таком освещении, конечно, нельзя было делать, да и более грубые могли делать только потому, что зрение тогда у людей было лучше, острее.

Скудность лучинного освещения выразилась в известной народной песне: «Что же ты, лучинушка, не ярко горишь?»

На смену лучине пришли керосиновые лампочки «копчушки». Они представляли собой небольшие цилиндрические резервуарчики, в середине верхней части которых ввинчивались невысокие жестяные трубочки с продернутыми в них круглыми фитилями. Копчушки были бесстекольными; они назывались еще «светцами». Свет от них был слабее света лучины, и они больше коптили. Преимущество их над лучиной заключалось в том, что они не требовали за собой непрерывного наблюдения из опасения, что они вот-вот потухнут.

Приехавший впервые сейчас же замечал, что люди плохо одеты и плохо обуты. Летом они все ходят босиком. Они малы ростом, плохо сложены и все щуплые, цвет лица землистый. Они резко отличаются от жителей смежных сел не только по внешности, но и по разговору. Язык жителей села Карачун ближе к языку церковнославянскому. Их соседи и физически более здоровы, более чистоплотны и говорят на языке более близком к языку городских жителей. Но в особенности во взгляде они резко различны. У карачунцев во взгляде какая-то озабоченность, тревога, которая присуща людям неуверенным в насущном куске хлеба.

Это явление становилось еще более удивительным и непонятным для нового человека, когда он узнавал, что село Карачун и его жители до 1861 года принадлежали всегда к категории государственных крестьян, тогда как крестьяне смежных были помещичьими.

Бывшие всегда свободными, жители села Карачун оказались такими захудалыми и отсталыми, что бывшие кре-

постные избегали входить с ними в родственные связи.

Жители села Карачун считали, что главная причина их бедности происходит из-за малоземелья, и это по вине их предков. По рассказам древних стариков: последние будто бы уступили часть своих земель добровольно крестьянам заречного села. У предков тогда необработанной земли якобы было слишком много, а у крестьян заречного села недостаточно. Последние и попросили у предков села уступить им часть земли. «У вас земли много, и она у вас лежит без употребления, необработанной, а мы нуждаемся в земле. Отдайте нам ту, которую вы не обрабатываете и под скот не используете». Предки уважили их просьбу, отдали им часть своей земли. Со временем население села Карачун увеличилось, и у них оказалась нехватка земли.

Был ли такой исторический случай или то было предание, показывающее доброту предков жителей села Карачун? Неизвестно. Но крестьяне находили в этом объяснение своим несчастьям и возможность переложить вину на своих предков.

Земли действительно у крестьян села Карачун было недостаточно. К тому же земли растянулись узкой полосой между реками Воронежем и Доном на протяжении 20 верст.

По другому берегу Дона и Воронежа находились главные сенокосные угодья, а между ними — поля.

Земли на таком большом протяжении, естественно, были разнородны и по качеству и по плодородию. По этой причине при разделе они дробились на участки все более и более мелкие. Старались, чтобы раздел был справедливым, чтобы каждая семья получала участок и хорошей и плохой земли, чтобы у каждого часть земли находилась и на близком и на далеком расстоянии от села. Кроме того, каждая семья получала в каждом поле для севооборота три клочка земли: озимый, яровой и на пару.

Таким образом, одна семья, получала, например, одну часть в 1—2 верстах от села, другую — в 5—6 верстах, третью — в 8—12 верстах, четвертую — еще дальше. Случалось, что поле, доставшееся по жребию, находилось в 15—16 верстах от села. Крестьянину нужно было потратить почти целый день только для того, чтобы доехать на него и возвратиться обратно домой. Такая большая трата времени на переезд снижала производительность труда, удорожала обработку земли, затрудняла уход за посевами и уборку урожая.

Работе хлебопашца мешали также частые переделы зем-

ли. Еще недавно переделы производились каждые три года. Потом переделы разрешалось производить не чаще, как каждые шесть лет.

Главными причинами частых переделов были: увеличение населения и изменения, происходившие в составе семей.

Земля делилась на число мужских душ. Женщины же не считались. С годами число душ увеличивалось или уменьшалось. Рождаемость или смертность душ нарушали распределение земель в семье. Население увеличивалось, а количество земли оставалось то же самое, и, следовательно, участки уменьшались. Список жителей составлялся перед самым переделом. В него включались все мальчики, родившиеся и оставшиеся в живых со времени предыдущего передела; умершие же мальчики с тех пор исключались из него.

Наиболее обездоленными при новых переделах оказывались семьи, в которых число мужских душ уменьшалось, а число женских — увеличивалось. Положение семей, в которых оставались только женщины, становилось трагичным, так как они не получали никакой земли. Они разорялись и вынуждены были идти на полевые работы к чужим, то есть батрачить.

В пользовании батраческих семей оставались только усадебные участки при избе, которые считались собственностью двора. Хозяева этих участков могли их продавать, передавать другим, не испрашивая на это разрешения общества².

Несомненно, такой порядок пользования землей не способствовал улучшению земледелия. Землей пользовались до ее истощения. Для восстановления ее плодородия требовались новые приемы обработки полей и применение удобрений.

Эти причины, несомненно, не благоприятствовали экономическому процветанию крестьян села Карачун. Но несомненно и то, что они были не единственными причинами их бедности. Главной бедой их была та, что они занимались и хлебопашеством и гончарным ремеслом.

Раздвоение труда и внимания приводило к тому, что гончарное дело мешало им быть хорошими земледельцами, а земледелие не позволяло сделаться настоящими ремесленниками-гончарами.

Гончарное ремесло — тяжелое, грязное, вредное для здоровья всей семьи гончара.

Для делания горшков требуется специальная глина. Она находится иногда на значительной глубине земли. Чтобы из-

влекь ее оттуда, прорывают настоящие шахты, подобные угольным шахтам. От последних глиновые шахты отличаются тем, что подпорками в них служат глиняные же столбы, оставляемые в проходах по мере удаления от входного отверстия в глубь шахты.

Добывают глину всегда зимой, в самый холодный период. Зимние морозы замораживают почву. Несмотря на это, опасность обвалов не устранена, и бывают случаи смертельные.

Добытая глина привозится по санному пути домой и складывается около двора в ямы-хранилища, называемые «глинищами». Из этих глинищ она потом и берется в течение года для выработки горшков.

Летом вносят необходимое количество в избу или в сени. Она смачивается водой, пересыпается специальным мелким песком и тщательно с ним перемешивается. Это перемешивание производится босыми ногами несколько раз, чтобы хорошо смешать песок с глиной и получить однородную массу. Зимой глина приносится еще мерзлой и «топтанье» ее производится всегда в избе. Для оттаивания глина кладется под лавки вдоль стены. От таяния глины стена избы становится мокрой, «течет».

Песок также добывается из земли, но он обычно находится на небольшой глубине, часто у подошвы холма. На выделку горшков песку идет меньше, чем глины. Его приносят в мешках, на плечах, и не только взрослые, но и маленькие дети, очень редко привозят на лошади.

Детей приучают к этой тяжелой работе с раннего возраста; нередко можно встретить семи-, восьмилетнего малыша, сгорбленного под тяжестью мешка с песком.

Горшки делаются на особых кругах; основная часть его — огромный круг*, примерно тридцати — тридцати пяти сантиметров в диаметре и пяти сантиметров толщины, сделанный из дерева: дуба, клена или бука.

В центре его выдалбливается углубление. Другая основная часть круга — короткая, низкая, узкая скамейка, кончающаяся деревянным стержнем, также из твердого дерева, на этот стержень и надевается своим углублением круг. Стержень немного длиннее углубления круга, и потому круг при верчении не задевает скамейки. Поверхность круга

* Археологические раскопки показали, что на таких же кругах прадеды Гончаровы делали горшки и в X веке. (Примеч. авт.)

должна быть абсолютно горизонтальной, без этого условия лепка горшков невозможна.

Положив в самый центр круга небольшой кусочек глины, гончар его разминает, придавливает ко дну круга, придавая ему нужную форму и размер диаметра будущего горшка. На этом донышке гончар и лепит горшок, беря небольшие кусочки массы, делает из них подобающей толщины жгутики и накладывает их на края горшка, продолжая крутить в это время круг справа налево. Жгутики прикладываются правой рукой, и ее ладонь скользит по внутренней стенке горшка, тогда как левая ладонь, находясь всегда против правой, скользит по внешней стенке его. Таким способом незатвердевший еще горшок не только предохраняется от сплющивания, но и толщина его стенок все время регулируется. Последние, те, что ближе к донышку, делаются толще, а по краям — тоньше.

Когда сама лепка закончена, гончар берет небольшую, короткую и узкую льняную или посконную тряпку, называемую «мочальником», мочит ее в воде и ею полирует горшок, то есть придает окончательную форму его краям. В это время он вертит круг быстрее в обратном направлении — слева направо, продолжая работать правой рукой.

Затем специальным деревянным ножом он сглаживает нижние, внешние стенки горшка и донышко. После этого горшок подрезается под донышком очень тонкой ниткой и снимается с круга. Дело это тоже деликатное. При неумелом подрезании в горшке может образоваться дыра, и в этой стадии дело непоправимо: работа пропала.

Снять с круга только что слепленный горшок может лишь слепивший его. С большой предосторожностью он ставит его на скамью или на доски, на которых горшок и затвердевает. Когда горшок становится менее хрупким, его ставят на полки, пристроенные специально для этого под потолком, на уровне полатей, где они затвердевают и подсыхают. Перед высыханием горшки подчищаются с внешней стороны деревянным ножом и потом ставятся на печку, где и высушиваются окончательно.

Высушенные на печке горшки сажаются в горн для обжигания. Такие горшки называются «неполивные». Стенки их и внешние и внутренние — шероховатые; они пористые, и жидкость через них просачивается, хотя и очень слабо. Чтобы сделать их непроницаемыми, их «глазируют». Перед посадкой в горн они смазываются чистым дегтем и обсыпаются свинцовым порошком, смешанным с песком.

Горшечник сам prepares свинцовый порошок: в небольшой чугунок, поставленный на огонь, кладутся плитки свинца; когда свинец расплавится, жидкость мешают «решкой». Это — круглое, дырчатое, плоское ситечко, насаженное на длинную деревянную ручку. При движении решки, то вправо, то влево, жидкость, при соприкосновении с воздухом, окисляется, таким образом получается свинцовый порошок.

В этой работе принимает участие вся семья: женщины и дети смазывают тряпочкой горшки дегтем, а мужчины обсыпают смазанные горшки свинцовым порошком. В зимнее время эта работа начинается еще до рассвета и продолжается иногда до позднего вечера.

В течение всего времени пока горшки мажут, изба остается нетопленной. Холодный воздух избы насыщен одуряющим запахом дегтя и свинцовой пылью. Пары дегтя и свинцовая пыль заполняют нос, рот, проникают в горло и в легкие; слюна приобретает неприятный сладко-пряный вкус.

Семья из двух хороших работников может приготовить горн горшков в две недели. И каждые две недели члены такой семьи подвергаются в течение всего дня отравлению. Не успев еще оправиться от предыдущего отравления, через две недели их организм подвергается вновь его действию.

Этим и объясняется бледный землистый цвет лица жителей села Карачун, резко бросающийся в глаза человеку, приезжающему в село в первый раз. Недоедание, плохие гигиенические условия жизни, тяжелый труд — вот причины недостаточного физического развития жителей села.

Обжигание горшков — самая ответственная работа. От умения обжигать зависит успех всей работы горшечника. Малоопытный обжигатель может или недожечь или пережечь горшки.

Недожженные горшки никто не купит, и даже для своего употребления они негодны.

Если же горшки пережечь, то из горна вынешь одни черепки. От слишком быстрого нагревания в начале обжигания горшки лопаются, и получается много брака или совсем разбитых горшков.

Выжженные горшки продавались на месте. Так делали горшечники, у которых не было своих лошадей, и они не могли их везти продавать на городских базарах или на сельских базарах соседних деревень.

Некоторые предпочитали развозить свои горшки по разным селам и обменивать их на рожь, овес, просо, на

муку, пшено или картофель. Они находили меновой сбыт более выгодным, хотя он и отнимал у них больше времени.

Горшечник считал себя счастливым, когда ему удавалось обменять горшки в один день и в одном селе, но так случалось не часто.

Чаще всего с горшками приходилось ему ездить долго, обменивать их на невыгодных условиях.

В ожидании его возвращения жене его случалось жить с детьми впроголодь и беспокоиться за пропавшего без вести мужа.

Несмотря на это, они находили меновой сбыт наиболее выгодным, потому что продовольственные продукты доставались им при таком сбыте дешевле. В этих продуктах жители Карачуна всегда нуждались, потому что своих продуктов еле-еле хватало до Рождества.

Потерянного времени крестьяне не принимали в расчет. Они находили выгоду в том, что приютившие на ночь такого горемыку-горшечника кормили его самого ужином и давали охапку сена его лошади, за что он расплачивался утром каким-нибудь бракованным горшком.

В поисках покупателей горшечники уезжали иногда за 100 верст от своего села. Для Карачуна главными центрами сбыта при продаже за деньги были города: Воронеж (в 40 верстах), Усмань (в 25 верстах) и, отчасти, Задонск (в 60 верстах).

В город уезжали с вечера, с расчетом приехать туда утром. Если горшки не удавалось распродать в тот же день, то оставшиеся продавались постоянным торговцам горшками или отдавали их на хранение. Некоторые уезжали с остатками в ближайшие от города села.

Для постоянной торговли горшками общество снимало у города Воронежа одно из заброшенных мест, небольшую полосу вдоль глухой стены, где горшечники имели право продавать горшки целый день. Каждый приезжавший горшечник платил небольшую определенную сумму с воза (а не за занимаемое место). Этот сбор шел на уплату аренды городу.

Для этого горшечники выбирали старосту из своей среды, обычно имевшего постоянную торговлю и большую семью. Его сыновья выделявали много горшков и даже часто заказывали их горшечникам.

Эти постоянные торговцы строили курени, в которых они жили с ранней весны до глубокой осени. Им-то и про-

давали карачунские горшечники непроданный товар по оптовой цене.

Эти настоящие торговцы занимали лучшие места и располагали всегда большим выбором товара. Они считались богатыми, более влиятельными и пользовались своим положением. При случае они наносили ущерб горшечникам, приезжавшим на один день, вынуждая их уступать товар по низким ценам. К тому же староста оставлял лучшие места для своих приятелей и не позволял, вопреки установленным правилам, приехавшим первыми эти места занимать. Не раз такое поведение старосты вызывало столкновения. Однажды это произошло с моей матерью.

Она приехала с горшками на двух телегах и начала с моим братом выгружать их на свободном месте. Весь товар был разложен. Старосты еще не было. Когда он появился и увидел, что моя мать заняла место, предназначенное им одному из его приятелей, он приказал моей матери убрать горшки. Она отказалась, считая, что староста не имел права лишать ее занятого места. Староста обрушился на нее страшными ругательствами и даже толкнул ее. Она, считая себя оскорбленной, бросила свои горшки на произвол судьбы и уехала с моим братом, направляясь домой. Но до этого она посоветовалась с одним городским знакомым и подала жалобу на старосту мировому судье³. Староста был уверен, что судья не даст ход делу. Он ошибся: судья приговорил старосту к возмещению оставленных моей матерью горшков и, кроме того, к уплате некоторой суммы за оскорбления.

С тех пор моя мать твердо поверила в справедливость суда и всю свою жизнь сохраняла эту веру. Она была уверена, что несправедливые решения судей происходят оттого, что иногда они введены в заблуждения лжесвидетелями или же подкуплены взятками.

Последствия этой безграничной веры в правосудие часто доставляли неприятности нашей семье, и в особенности жене моего брата. (Я расскажу позже об этом случае.)

Горшечное ремесло, даже при продаже по хорошим ценам, было маловыгодным, оплачивалось плохо. К тому же горшечник никогда не делал подсчетов: во что обходился ему горн обожженных горшков и сколько приходится ему за его труд при продаже. Он удовлетворялся уверенностью, что он живет этим, а не землей. К горшечному ремеслу он так привык, что не представлял себе, как можно жить иначе. Он так свыкся с ним, что не замечал ни его тяжести, ни

вреда для здоровья. Последнего он не сознавал просто по своему незнанию. Поэтому мысль о перемене, о переселении на «новые места» не приходила даже ему в голову. Однако нельзя было упрекнуть его в отсутствии наблюдательности: разъезжая по городам и селам, он видел людей, живущих лучше, чем он, и он охотно рассказывал своим соседям о своих впечатлениях, не лишенных ни тонкости, ни ума. Но его свидетельства не шли дальше; он не делал из них никаких выводов. Город был для него местом сбыта его производства, и только. Городская культура его не трогала.

С раннего возраста я знал цену деньгам и какая в них нужда дома. Я был рад, когда мне удавалось скопить к приезду отца из Карачуна в Воронеж 50—75 копеек. Приезжал он иногда через неделю или дней через 10, оставив меня в городе с горшками. Такая малая сумма объяснялась тем, что отец оставлял меня допродавать остатки. В первые базарные дни продавались обычно самые ходовые горшки, а на остатки покупателей было меньше. В небазарные дни горшки могли покупать только «барыни», так называли мы всех городских покупательниц.

При такой медленной и слабой распродаже горшков я мог бы все проесть, что выручал от продажи, если бы пытался нормально, не экономя. Правда, было немного голодно, но как было в то же время приятно видеть удовольствие отца, когда я ему вручал эти 50—70 копеек. А когда мне удавалось скопить целый рубль, радости его не было предела. Да как было не радоваться! Цена всему возу была 2 рубля, самое большое 2 с половиной. Я же умудрялся сам прокормиться в течение 7—10 дней и еще скопить целый рубль!

Несмотря на очевидную бедность, я не слышал никогда, чтобы отец или мать жаловались на свою судьбу. У отца единственный раз проявилась неудовлетворенность своей жизнью, и он выразил желание переселиться на новые места. Такое желание покинуть свое насиженное место, тяга к переселению в Сибирь начали тогда все более и более захватывать крестьян малоземельных губерний. Это движение докатилось и до нашего села. Вот у отца и возникла такая мысль.

«А не попытаться ли нам, Танюша,— говорил он матери,— поискать лучшей жизни?» Но наша мать наотрез отказалась оставить свое родное село. «Если тебе не нравится

здесь, — отвечала она отцу, — то поезжай, а я не поеду. Если дети захотят поехать с тобой, — пусть едут. Я этому не препятствую. Останусь одна, а не поеду на новые места. Мне и здесь, на старом, хорошо, и ни на какие новые места я его не променяю». На этом и кончился разговор о переселении.

Если кто-нибудь из нас выражал иногда сожаление о тех или иных недостатках в нашей жизни (а недостатков было очень много), мать говорила: «Нечего Бога гневить! Многие хуже нашего живут. Мы же, слава Богу, с голоду не умираем и живем не милостыней, у чужих людей хлеба не просим, живем с Божьей помощью уж не так плохо». И возражать ей на это было невозможно. Она была права в том, что с голоду мы не умирали и что были такие, которым еще хуже, чем нам.

Нужно сказать, что у крестьян нашей местности вообще не было привычки жаловаться на жизнь, какой бы она ни была, и не было чувства зависти к более богатым, живущим лучше других. Богатство и бедность принимались как дар или наказание, ниспосланные Богом. На Бога же жаловаться нельзя. Бог волен наградить милостью своей или наказать гневом своим. Его пути неисповедимы. Он может послать тяжкие испытания и праведнику и обогатить, осчастливить недостойного.

Таким отношением к материальным благам объяснялось, вероятно, и то, что редким исключением были в нашей местности кражи. Дворы и избы никогда не запирались на замок. Хозяйственный инвентарь всегда находился во дворе, под сараем, а мелкий инвентарь (топор, лопата, вилы, грабли и др.) оставался в саду или на огороде, — там, где производилась работа. Проходили мимо разные люди, но ни у кого не зарождалась мысль — взять оставленные предметы. А между тем этот инвентарь не у всех был, многие в нем нуждались, и все-таки не было мысли его украсть.

Правда, наряду с этим существовали воровы-конокрады, воровы, угонявшие даже коров, воровы-специалисты по краже одежды. Для этих воров и замки не являлись препятствием. Они занимались воровством и со взломом и даже с убийством, если собственник, заставший его на месте преступления, оказывался беззащитным и мог быть нежеланным свидетелем. Но этих воров нельзя было причислить к числу рядового крестьянства. Это были организованные шайки, потерявшие психологию настоящего крестьянина. Чаще всего они не были даже выходцами того села, в котором произ-

водились кражи, и вождем их нередко являлся выходец из города, а по паспорту еще носивший звание крестьянина.

Если бы не случались войны, голод, смертность, мор на скота да разное начальство не беспокоило, — горшечники не изменили бы никогда своего образа жизни, установленного с незапамятных времен. Они не ощущали надобности в более близком общении с городскими жителями, да и город, со своей стороны, не спешил поделиться с ними своей культурой.

Удаленные от своего уездного города Задонска, находящегося от них в 60 верстах, жители Карачуна были связаны с ним только административно. Они возили туда своих сыновей на рекрутские наборы или ездили в суд в качестве свидетелей или обвиняемых.

В Задонске обретались мощи глубоко чтимого народом святителя Тихона. Огромные толпы паломников шли туда из всех углов России в день его ангела. Жители Карачуна также направлялись туда.

Нужно сказать, что уездное начальство тоже вспоминало о жителях Карачуна только тогда, когда наступал момент призыва к отбыванию воинской повинности и когда нужно было взыскивать с населения недоимки. Не будь этого, село Карачун было бы для уездных властей одной из ничего незначащих географических точек. Культурных связей с городом не было никаких; школы в селе не существовало.

Земская больница⁴, на обязанности которой лежала забота о здоровье населения, находилась в 40 верстах от Карачуна и далеко от обычных главных путей сообщения жителей.

Что касается ветеринарной помощи, крестьяне имели о ней смутное представление или даже не знали о ее существовании.

Разные земские натуральные повинности выполнялись ими по распоряжению местных властей: земского начальника, волостного старшины, писаря и сельского старосты. В большинстве случаев они не знали даже, что выполняемые ими повинности предназначены земству⁵. Они не знали точно, что такое земство, чем оно занимается и какая польза от него крестьянству.

Заботы земства о здоровье населения проявлялись, главным образом, во время больших холерных эпидемий и в

форме, оскорблявшей их чувства. Что касается других болезней, даже во время эпидемии скарлатины и дифтерита, уносившей 15—20 детей в день, жители Карачуна не видели медицинского персонала в своем селе.

Не видели они у себя никогда и живущего в уездном городе ветеринара, даже во время падежа скота, настоящего бича для крестьянской жизни. Никогда не принималось необходимых мер, чтобы болезнь не распространялась. Так как ветеринар находился в 60 верстах от Карачуна, он искренне признавался, что в течение своей 25-летней службы ему так и не удалось попасть в село Карачун. И это признание было сделано им незадолго до первой мировой войны. Поэтому-то крестьяне даже не подозревали, что существуют заразные болезни и у скота и что с ними можно бороться. И кто мог объяснить им это? Коновал, который посещал село раз в год кастрировать молодых жеребчиков, и попутно «пускать кровь» лошадям? Он же давал какую-то мазь, всегда одну и ту же, действительную, по его мнению, от всех кожных болезней. Этот коновал-знахарь научился этому искусству на практике: оно передавалось от отца к сыну. Он лечил «своими средствами» и животных и людей и применял их одинаково. Что касается заразных болезней, он знал о них столько же, сколько и крестьяне, то есть ничего.

К тому же крестьяне объясняли эпидемические болезни и мор скота божьим наказанием, посланным им за их грехи. С этим был согласен и коновал.

В 10 верстах от села Карачун была больница, основанная принцессой Ольденбургской, туда они иногда ездили. Там они и видели докторов (крестьяне произносили «дохтур») и «сестричек» в белых халатах. Они обращались туда, когда болезнь затягивалась и знахари не помогали. «Почему бы не поехать в больницу? Все равно нечего бояться: «дохтур» хуже не сделает, а может быть, и поможет».

Персонал земской больницы очень редко приезжал в село Карачун. Чаще всего приезжал фельдшер для прививки детям оспы. Население и знало его больше, не боялось и верило в действенность и полезность этих прививок. Это доказывает, что недоверие населения к докторам объяснялось не их косностью, а их незнанием, отсутствием общения с медицинским персоналом. Встречи с последним были редкими. Так, в 1891 году всю Воронежскую губернию охватила эпидемия холеры. В селах нашей местности медицинская помощь по борьбе с холерой ограничивалась, в большин-

стве случаев, посылкой фельдшеров и санитаров, роль которых заключалась в том, что они приходили в избы, где были умершие, и заставляли родственников класть покойника немедленно в гроб. Потом они обрызгивали его тело раствором извести и приказывали прибивать крышку сейчас же гвоздями до отпевания и выноса покойника из избы, что противоречило православным обрядам и оскорбляло религиозные чувства. Часто никто не проверял, от какой болезни человек умер, и приписывали причину смерти холере, тогда как смерть происходила от старости.

Так было с моим дедушкой, которого обрызгали известью, и похоронен он был без отпевания в церкви. Между тем не было оснований думать, что он умер от холеры. Он жил в избе, в которой жила многочисленная семья. Мой отец сам его обмыл и в гроб положил. Никто из членов семьи, в которой жил дедушка, не только не умер, но и не заболел этой болезнью, хотя вся семья жила в чрезвычайной скученности и дедушка должен был бы заразить сейчас же других своей болезнью.

Санитары нарушали испокон веков установившийся похоронный обряд, по которому гроб с покойником оставался открытым от дома до церкви и оттуда — на кладбище. Последнее целование и прощание с усопшим происходило в церкви, и только на кладбище гроб закрывался крышкой, которая прибивалась гвоздями. Крестьяне не допускали и мысли, чтобы можно было хоронить православного по-иному, и действия санитаров глубоко оскорбляли их религиозные чувства. В этом была основная причина так называемых холерных бунтов, которые местами принимали значительные размеры, угрожали опасностью вылиться в общее восстание.

Лишь немногие женщины села Карачун знали о существовании докторов-акушеров, и никто из них не пользовался помощью этих специалистов. Дети рождались с помощью «бабок-повивалок» без всяких дипломов, научившихся путем практики. Когда же роды происходили в поле, далеко от села (и это случалось частенько), бабку-повивалку заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если же роженица была в поле одна с мужем, то обязанности «бабки» выполнял муж.

Знахари, знахарки и бабки-повитухи были главными лекарями деревни. Они были всегда «под боком» и, в случае надобности, были готовы помочь. Знахари и знахарки лечили крестьян водой, «наговоренной» на горячих углях от

разных болезней. Наговоренной шерстяной ниткой они лечили от вывихов. Они давали разные чудодейственные снадобья, которые крестьяне носили в ладанке на одном шнурке с крестильным крестиком. Крестьяне верили в чудодейственную силу трав. Чеснок предохраняет от холеры, если его носить в ладанке. Они были очень набожны, твердо верили в Бога и в то же время — в существование домового, русалок и ведьм, верили в колдовство. Они были убеждены, что земля держится на трех китах.

Таковым было село Карачун, моя колыбель, где я родился, и жители, среди которых протекли мое детство и отрочество, в конце XIX века. В сознании этих ревностных христиан сохранился остаток язычества, проникавший в их веру, бессознательно перемешиваясь с суевериями и православной религией. Русский народ был так сильно привязан к традициям, что он недоверчиво относился ко всем новшествам.

Мое первое воспоминание связано с пожаром нашей избы. Я проснулся среди ночи от крика: «Мы горим!» Я понимаю, что я на коленях у матери, сидящей на телеге, которая с грохотом катится в ночную тьму, а позади нас освещает зарево пожара. Это мое первое сознание бытия длилось лишь мгновение. На следующее утро мы с сестрой стоим у маленькой избышки. Недалеко от нас — огромный пылающий костер: догорающий скирд хлеба. Из него вырывается сильное пламя и дым. Вокруг него возятся крестьяне. Сестра, указывая пальцем на одного из них, говорит мне: «Вон там батя». Мое внимание привлекает мужик в коротком полушубке. Мне кажется, что сестра говорит о нем, но я еще не понимал значения слова «батя» и связи его со мной.

Потом сестра ведет меня в сад. Там, на тропинке, я вижу, лежит мужчина большого роста, черноволосый; он громко рыдает. Сестра говорит мне: «Это наш дядя». Но опять я не понимаю значения этого слова. Я никогда больше его не видел: он умер вскоре после пожара.

У моего деда со стороны отца было четыре сына и две дочери. Своего старшего сына он выделил из семьи еще до пожара. До пожара же была выдана замуж младшая дочь и оставила отчий дом. Старшая же дочь не захотела выйти замуж и сделалась деревенской монашкой. Она не пошла в монастырь, но продолжала жить около семьи своего отца. В это время (вторая половина XIX века) такие монашки

были довольно многочисленны. Когда молодая девушка решила сделаться деревенской монашкой, ее семья строила ей на своей усадьбе, обычно около сада, маленькую избушку, такую, в которой мы и нашли приют после пожара.

Моя тетка зарабатывала себе на жизнь (пропитание и одежду), частью читая Псалтырь над покойником, частью работая поденно в своей собственной семье или у соседей.

Летом все женщины и молодые девушки, покончив со своими хозяйственными обязанностями, отправлялись работать поденно на полях к окружающим помещикам. Весной, чтобы полоть свеклу, осенью, чтобы выкапывать сахарную свеклу. Самым большим поместьем было поместье принцессы Ольденбургской. Оно называлось Рамонь. Ее земли занимали часть двух уездов, соприкасавшихся с Воронежским и Задонским. Летом и осенью женщины окружающих сел и деревень работали там, но также и в Тамбовской губернии, в 30—40 верстах от их уезда. Этих женщин, занимавшихся добавочной работой, называли «заречными»: то есть с другого берега реки Воронежа.

В это время в соседнем селе был кирпичный завод. Моя тетка часто работала там. Она познакомилась с молодым хозяином этого завода, и они влюбились друг в друга. Эта любовь положила конец желанию молодой девушки вести монашескую жизнь. К ее несчастью, хозяин был женат, и жена его отказывалась дать развод. Моя тетка не могла сочетаться «законным браком». Для нашей семьи это был позор, и моя тетка не могла оставаться в своей избушке: она вынуждена была покинуть село. Любовники переехали в Воронеж, и изба тетки оставалась пустой. Жизнь ее в Воронеже не была счастливой. Она жила в трудных материальных условиях и страдала морально.

После пожара и смерти одного из сыновей мой дедушка решил выделить и моего отца. Пожар упростил раздел: все сгорело, кроме крупного скота. На долю отца пришлось одна корова и одна лошадь.

В ожидании постройки своей избы отец поселился со своей семьей в избушке моей тетки. Она действительно была маленькая: 3 аршина на 4. Третью ее была занята русской печкой. Вся ее мебель состояла из трех лавок, приложенных к трем стенам, маленького столика и небольшой переносной скамейки. Эта избушка и была моим первым наблюдательным пунктом, откуда я начал знакомиться с окружающим миром. Через единственное окошко я видел все происходящее. Оттуда я видел место бывшего пожара

и пожарные бочки, всегда наполненные водой на случай необходимости. Сад, прилегающий к одной из стен, был вне моего поля зрения.

Однажды прибежали неизвестные люди, схватили эти бочки и с криком: «Стричиха горит!» — увезли их куда-то. Я не мог видеть из окна пожара, но мог представить себе его.

Мой первый контакт с чужими людьми чуть не стоил мне жизни. Было это утром. Я сидел за столом, спиной к окну. Вдруг слышу женский крик. Поворачиваюсь к окну и вижу неизвестную мне женщину, которая бежит к нашей избе. Волосы ее растрепаны, она чрезвычайно взволнована. За ней бежит моя мать, а за ними гонится высокий, черноволосый мужчина. В одной руке у него колесо от прялки.

Обе женщины вбегают в наши сени и успевают запереть дверь на засов раньше, чем мужчина добегает до сеней. Раздосадованный, он подбегает к окну и бросает прялочное колесо в окно, которое падает внутрь избы, не задевая меня. Только один из осколков оконного стекла поранил мою щеку. Кровь течет мне на рубашку. Я плачу горячими слезами не столько от боли, сколько от испуга. Моя мать вбегает в избу и, видя меня окровавленным, тоже начинает плакать. Черноволосый мужчина, отрезвленный, убегает. Он подумал, что убил меня. Этот человек, Исайка, наш сосед, часто бил свою жену. У него был странный характер. Моя мать говорила, что он «порченный». Он не был настоящим пьяницей, но иногда он выпивал. В трезвом виде он был человеком мирным и даже застенчивым. Когда же напивался, он начинал ссориться со своей женой и разбивал все, что ему попадало под руку. Жена его за это ругала, говорила ему оскорбительные слова, что еще больше его раздражало; тогда он бил ее смертным боем. В такие моменты ярость его доходила до такого приступа, что никто не осмеливался заступиться за несчастную женщину, так как он был способен зарубить топором смельчака, осмелившегося противостоять ему.

Так как моя мать была первой и, думаю, единственной заступницей его жены, всякий раз он грозил поджечь наш двор. Мы допускали эту возможность и поэтому проводили всегда бессонные ночи, когда наш сосед был совершенно пьяным и начинал буяннить.

Моя мать говорила, что надо любить всех. Но как можно любить Исайку, который чуть не убил меня? Я не только не любил его, но я его боялся. Он был ужасен и отвратителен. Достаточно было ему приблизиться ко мне, как я дрожал как осиновый лист. Я все еще слышал нечеловеческие крики его жены, когда он ее бил, и представлял себе ее страдания.

Можно ли любить Стричиху? Эта бедная вдова жила недалеко от нас. Я не любил ее, не потому, что она была бедная, а потому, что она имела привычку приходить к нам и долго сидеть. Я знаю, что она мешает матери в ее хозяйственной работе. К тому же она умела разжалобить мать, которая непременно давала ей что-нибудь из съестного или какой-нибудь необходимый у крестьян предмет. Я же, не знаю почему, не любил этих долгих посещений и того, что моя мать давала ей всегда что-нибудь.

Я не понимал мать, когда она говорила, что надо любить всех, и действительно она относилась ко всем с большой добротой, в особенности к бедным и к паломникам. Как раз эти-то мне и не нравились, в особенности те из них, которые ходили по миру с «волчьим» паспортом⁶ и рассказывали, почему они его получили. Их жалели. Слушая их, я думал, что они никогда не совершали того, в чем их обвиняли, и что у них совсем не было паспорта.

Как проверить их слова? Они никогда не показывали паспорта. Даже если бы мы и хотели, как могли бы это сделать, раз мы не умели читать? Мой отец большей частью был в отсутствии. Паломники, зная это, приходили чаще к нам. Да если бы он и был дома, он не мог проверить их паспорта, так как он умел читать только печатные буквы, а паспорт был написан от руки. В особенности не любил я у этих людей их манеру спрашивать тотчас же самовар и яиц всмятку. Моя мать удовлетворяла их просьбу, и как только вода закипала, она снимала крышку с самовара, а на ее место стелила чистую тряпочку, на которой она раскладывала яйца, откидывала концы тряпочки наружу и снова клала крышку. Таким образом яйца варились как бы в мешочке, который вынимали, как только паломник говорил: «Довольно, матушка, вынимай!» Для нас не прибегали к такому способу, а удовлетворялись глиняным горшком, который ставили в печку.

«Да, матушка, я — бродяга, хотя у меня и волчий паспорт, но я настоящий паломник». Эти слова производили сильное впечатление на мою мать, и она жалела их.

Были и такие паломники, которые вытаскивали из своей сумки кусок сала, а иногда и водку. Они ели, смакуя пищу, но никогда не предлагали ничего другим и сердились, если яйца были сварены не по их вкусу или были не очень свежими. Они были требовательны. По-моему они были наглыми.

Отца женили до отбывания им воинской повинности. В крестьянском быту вопрос женитьбы зависел от родителей, которые решали это, когда сын достигал законного возраста. Закон разрешал вступать в брак для парней, когда им исполнялось 18 лет, а для девушек — 16 лет. В исключительных случаях парней женили в возрасте 17 лет; например, умирала мать, у которой было много малолетних детей, а отец не мог подыскать женщины, которая согласилась бы выйти за него замуж, так как девушки и молодые женщины отказывались выходить замуж за вдовца. Они думали, что если, в свою очередь, и у них будут дети, то дети мужа от первой жены будут враждебно относиться к ним. В таких случаях отец решал женить своего старшего сына с разрешения, разумеется, архиерея даже раньше достижения им семнадцатилетнего возраста. Для девушки брачный возраст зависел часто от положения родителей жениха. Если они были богатые и если парень нравился родителям девушки, ее выдавали замуж, когда ей исполнялось 16 лет. Девушка старше 20 лет считалась засидевшейся, и для нее трудно было найти мужа.

Мой отец принадлежал к категории призывных лобовых, то есть не имеющих никаких льгот по отбыванию воинской повинности. Моя мать осталась с двумя детьми в семье родителей мужа. Отец должен был служить пять лет. Но незадолго до окончания срока его службы Россия объявила войну Турции (1877—1878), и он должен был остаться в армии еще два года.

Во время отбывания воинской повинности отец научился сапожному ремеслу. В то же время он научился читать и писать. Будучи еще солдатом, он выполнял работы по сапожному ремеслу и скопил небольшую сумму. Он возвратился домой «с деньгами», которые он считал своими личными, и в общий семейный котел их не отдал. Отец принес с собой все сапожные инструменты, чтобы продолжать это ремесло. Он старался убедить своих братьев, что так он будет зарабатывать больше, чем они своими горшками. Вся

семья выиграет от этого. Но братья не приняли его предложение: сапожное ремесло легче и чище горшечного (в чем они были правы), и из зависти не хотели, чтобы мой отец был в лучшем жизненном положении: «Что мы делаем, то и ты должен делать». Отцу пришлось подчиниться воле братьев, забыть сапожное ремесло и приняться опять за горшечное дело. Даже позже, при выделении из семьи, он к нему не возвратился больше.

К тому же во время пожара сгорели все его сапожные инструменты, а у него не было средств купить новые. И потом, выделенный из семьи, он должен был построить избу для себя и своей семьи, устроить хозяйство, и у него не оставалось времени думать о другом.

Деньги, скопленные в бытность отца солдатом, позволили ему быстрее построить более просторную избу — пятистенком, то есть две смежные комнаты и сени. По длине изба была вдвое больше простой избы. Меблировка ее была очень простая, как у всех крестьян. Вдоль стен прибитые к полу лавки, у каждой свое название. По левую сторону вдоль всей стены довольно широкая лавка, называемая «коник». По бокам эта лавка закрыта с трех сторон досками и в целом представляет рундук (или ларь). Эта широкая скамья соединялась перпендикулярно с другой, более узкой лавкой, называемой «передней». Угол, где стыкаются эти две скамьи, называется «красным углом» (на древнерусском языке «красный» означал «красивый»). Здесь помещаются иконы или «киот», то есть рамка, в которой под стеклом ставятся иконы. Третья скамья шла вдоль третьей стены и упиралась в широкую печь. Днем лавка служила складочным местом для верхней одежды, заменяла вешалку. Ночью же она служила кроватью. Если приставить к ней доски, на ней могло спать несколько человек. Стол был из простого дерева, к нему ставилась переносная скамья, когда вся семья садилась за стол. Между печью и последней стеной стояла лавка, заменявшая буфет, с кухонной и столовой посудой, а также ведро с питьевой водой.

Отец, вероятно, плохо рассчитал стоимость постройки с пятистенком, «по-богатому». Поэтому ему не хватило денег на вторую комнату, которая осталась неотделанной. Часть пола, на которой предполагалось сложить печку, оставалась незастланной досками, и на ней хранили картошку на зиму. Эта комната была жилой только летом. Зимой же она наглухо отделялась от первой комнаты, кото-

рая и служила единственным жилым помещением. Но в этой комнате пол был не дощатый, а глинобитный, то есть земляной.

Как и все крестьянские избы, наша изба была покрыта соломой и окружена, для сохранения зимой тепла, завалинкой. Она состояла из низкого плетня, доходящего примерно до уровня подоконника. Завалинка окружала избу с трех сторон. Пространство между этим плетнем и стенками избы наполнялось, «заваливалось» сухим навозом, откуда она и получила свое название.

Все надворные постройки были плетеные, сделанные моим отцом и старшим братом, так же как и изгородь, отделявшая наш двор от двора моего дяди. Это вызывало постоянные столкновения, из-за кур и петухов, которые не признавали права собственности. То петухи перелетали через плетень соседа и сводили свои счеты, то куры дяди прилетали к нам во двор и клевали корм, предназначенный нашим курам. Мы с двоюродными братьями использовали плетень для гимнастических упражнений: мы перелезали через плетень из одного двора в другой, рвали свои рубашки и портки, ранили себя. Но в глазах тетки, матери двоюродных братьев, виноватым был плетень, а не мы и не куры и петухи. Вина плетня переносилась сейчас же на моего отца и моего брата, и бранные слова тетки направлялись на них. Я в таких случаях чувствовал большую обиду за отца и не понимал, почему мать не отвечает на ругань тетки.

Она, когда ей случалось слышать эту брань, всегда только улыбалась, говоря: «Делать-то ей, видно, нечего, и тратит она время по-пустому». Мать никогда и ни с кем не вступала в перебранку и нам, детям, не позволяла перекопаться с другими, а тем более вступать в драку. «Если вас кто-нибудь ударит, говорила она нам, не отвечайте; поступайте так и тогда, когда знаете, что обидчик ваш слабее вас и вы можете ответить тем же за его обиды, лучше всего удалиться от обидчика». И мы все трое строго придерживались этого наказа. Для меня это было довольно трудно, так как я был по характеру живым, горевшим желанием наказать обидчика, и нужно было каждый раз делать над собой усилие, чтобы подавить это желание и поступить так, как наказывала мать.

Я не помню, каким выглядел отец, когда был совсем молодым. Его образ начал обрисовываться в моем сознании,

когда ему было не менее 35 лет. В этом возрасте в крестьянской жизни черты молодости уже ступшевыаются. По словам матери, он был недурен собой, высокого роста, веселого и мирного характера. Он любил подшутить над другими, рискуя иногда быть серьезно побитым за свою шутку. По возвращении домой с военной службы (семь лет), он прикинулся проходящим служивым. Он вошел в нашу избу, перекрестился перед иконой по русскому обычаю, присел на скамью и обратился к двум женщинам (к своей матери и своей жене): «Я знал вашего Яшку, он был моим товарищем. Он просил меня зайти к вам и передать вам поклон». Женщины начали расспрашивать солдата об их сыне и муже. Отец отвечал, улыбаясь. Под конец он не выдержал и громко рассмеялся. Тогда только моя бабушка и моя мать ближе всмотрелись в него, поняли шутку и узнали своего дорогого сына и мужа.

Еще до отбывания воинской повинности он устроил шутку, за которую мог поплатиться даже жизнью. В одну безлунную ночь ему пришла в голову мысль поугаать парней, возвращавшихся домой; их было человек пятнадцать. Отец, услышав, как они входили через узкую калитку, отделявшую наш сад от сада соседа, появился сзади них в длинной женской рубашке. Один из них случайно оглянулся и увидел фигуру в белом, направляющуюся к ним. С криком: «Ведьма гонится за нами!» — он бросился бежать со всех ног, за ним и другие. Младший брат отца зацепился за что-то и вообразил, что его схватила ведьма. Он стал кричать: «Мама, родная мама! Спаси меня! Я погибаю!» Отец не думал, что его шутка произведет такое действие, и сам испугался, как бы парни не бросились за ним. Если бы они его поймали, они избили бы его. Поэтому, услышав крик парня, он бросился бежать, быстро сбрасывая с себя на ходу женскую рубашку. Он прибежал домой раньше своего брата, лег и сделал вид, что спит. Прибежал его младший брат и, дрожа от страха, рассказал о том, как за ним гналась ведьма и схватила его, из рук которой он с трудом вырвался.

Я не знал своего отца таким шутливым. Я вижу всегда приятные черты его лица, небольшой, слегка толстоватый нос, вносивший дисгармонию в его лицо. Его светло-серые глаза излучали всегда спокойствие, терпение, покорность. Он никогда не сердился. Он признавал необходимость телесного наказания для детей, но сам не прибегал к нему никогда. С матерью у него было полное расхождение по этому вопросу. Мать, по живости своего характера, давала нам

шлепки беспощадно, поэтому случалось, что удары попадали и по голове. Отец не одобрял этого и выражал свое неудовольствие. «Лучше,— говорил он,— постегать веником по мягким частям, чем, не разбираясь, повредить ребенка». Но мать избегала заранее обдуманного наказания, поэтому удар часто падал сам собой, раньше чем у нее было время принять во внимание советы мужа. Из троих детей шлепки получал чаще всего я. Сестра и брат были уже большие, и мать ограничивалась тем, что делала им выговоры. Несмотря на то что отец питал отвращение к телесным наказаниям, мы боялись его гораздо больше, чем мать. Мы огорчались его недовольством больше всяких наказаний. Шлепки, упреки и наставления матери скатывались с нас, по русской поговорке, «как с гуся вода».

Отец был таким и вне дома. Он ни с кем не ссорился, и у него не было врагов. Его все уважали, хотя на сходках он никогда не выходил «наперед». Несколько раз старики упрашивали его согласиться быть старостой. Выбор его был обеспечен. Но он всякий раз отказывался от этой чести.

Так и прожил он жизнь свою незаметным, скромным человеком. Не зная о существовании Льва Толстого и его теории непротivления злу, отец был, безусловно, воплощением идеального непротivленца.

Мать была всегда для меня на первом плане, поэтому ее образ резче врезался в мою память. Высокая, с темно-карими, очень живыми глазами. В селе она выделялась среди всех женщин. Таких женщин я встречал потом по Задонью⁷, где население было богаче, жизнь была легче. Черты ее лица были овеяны неуловимым очарованием. Особенно я любил ее волосы, заплетенные в две толстых косы. Распущенные, они спускались почти до самых щиколоток. «Это мои вторые косы,— сказала она мне однажды, видя мое восхищение.— Первые были еще лучше. Я их продала одному проезжему шибай⁸ за 3 рубля, когда была еще солдаткой. Я жила тогда с двумя малыми детьми, с твоим братом и твоей сестрой в семье свекра и свекрови. Деньги мне были нужны, а где их взять? Я не могла оставить детей на их бабушку и тетку. В это время и подвернулся один шибай, мои косы ему понравились, и он начал уговаривать меня продать их ему. Я соблазнилась деньгами и согласилась на его предложение. Никому в семье я не сказала, что я осталась без кос из боязни, чтобы меня не прозвали «стриже-

ной», кличка эта осталась бы за мной на всю жизнь. Эту тайну я хранила до тех пор, пока не отросли волосы и я могла опять заплетать их в две косы». Предложенная сумма и его настойчивость продать ему ее косы доказывали, что косы были очень красивые. В это время (около 1870 г.) сумма была значительная, и неудивительно, что мать поддавалась соблазну. Более удивительным было то, что она сумела сохранить так долго свою тайну. Разоблачение отсутствия кос грозило ей большими неприятностями. Даже мужчины не стригли коротко себе волосы. Женщин стригли только в наказание за уголовные преступления, и факт быть остриженной был позором. Моя мать боялась прослыть «стриженой». Женщины вокруг не пропустили бы случая насмеяться над ней. Мать моя была уже для нашего села «чужой», и ее независимый характер вызывал сильную зависть.

Она пришла в наше село, выйдя замуж за моего отца, из выселок, которые находились в 17 верстах от Карачуна. Хотя выселки и являлись частью нашего села, их называли «чужими». Однако когда-то это были те же самые крестьяне, так как несколько семей из Карачуна поселились на другом конце общинной земли, на самом берегу реки Дона. Жизнь для них там создавалась привольней, и к ним присоединились другие семьи. Мало-помалу выселки расширились и стали довольно значительным хутором. Его жители продолжали пользоваться общей с Карачуном землей, и административная связь их не порвалась. Такое положение облегчало отношения между братскими деревнями, а браки между ними поддерживали эту связь. Однако жители хутора отличались от «родины-матери» некоторыми чертами характера, а также и физическим обликом.

Мать родилась в хуторской зажиточной семье, которая состояла из отца, двоих сыновей и дяди. Мой дед походил характером на «бобыля». Так называют крестьяне бессемейного, безземельного человека, который от нищеты или из-за отсутствия воли не отвечает понятию «крестьянин». Это было не совсем так с моим дедом. Он был беззаботен, не интересовался полевыми работами, к тому же, время от времени, он любил и выпить. Брат же его был противоположностью ему, это был настоящий хозяин, все домашние его слушались. Мой дед относился к этому безразлично, но боялся, что его брат в один прекрасный день потребует раздела всего имущества. Поэтому-то с ним и с его женой и детьми обращались в семье плохо, с презрением. Их рас-

сма тривали как бесплатных работников. Однако один раз моя бабушка взбунтовалась и ушла из дома. Она пошла в услужение к священнику соседнего села, Горожанки. Позже это событие сыграло большую роль в жизни моей матери. Она познакомилась со своим будущим мужем (моим отцом), отправившись на приходской праздник в Карачун к одной из своих родственниц.

Они полюбили друг друга и решили пожениться. Но через некоторое время моя мать узнала, что ее родной отец просватал ее другому парню за стакан водки. Однажды, когда мой дедушка был в кабаке и ему нечем было заплатить за водку, один молодой парень, Евлашка, одолжил ему деньги при условии, что он выдаст за него свою дочь Татьяну. Сделка состоялась. Рассказывая мне эту историю, моя мать говорила: «Я сильно горевала и не знала, как избежать этого несчастья. Я не могу сказать, что Евлашка был плохой парень, но твой отец нравился мне больше, и я его сильно полюбила. Когда я отказалась выйти замуж за суженого, предназначенного мне отцом, он сказал, что проклянет меня, если я выйду замуж против его воли. Какое несчастье! Нельзя выходить замуж без родительского благословения! Дочь, проклятая своим отцом, не может быть счастливой! Сколько слез тогда я пролила! Тщетно я искала выхода и решила пойти попросить совета у горожанского батюшки, у которого в то время жила моя мать в прислугах. Вся в слезах, рассказала я ему про свое положение и попросила у него совета. Батюшка выслушал меня внимательно, успокоил меня, потом пошел за какой-то книгой; я думаю, что это было Евангелие, прочитал мне место, где было сказано, что родительское проклятие, несправедливо произнесенное, не может быть действительным и падает, как падает с дерева сухой лист осенью. Такое проклятие не может быть угодным Богу. Эти ободряющие слова батюшки были большим утешением для меня, и я решила выйти замуж без родительского согласия. Дедушка же твой испробовал все, чтобы помешать свадьбе. Наступил день свадьбы. Когда убирали к венцу и ждали жениха со свадебным поездом, чтобы везти меня в карачунскую церковь, мой отец бушевал, кричал, что он искалечит лошадей жениха и не пустит их въехать во двор. Все боялись худшего. Поставили стражу, чтобы охранять свадебный поезд. Когда поезд приехал, мой отец исчез. Искали его повсюду, чтобы он благословил меня, но он спрятался, и благословил меня мой крестный отец».

Нужно перенестись в эпоху семидесятых годов девятнадцатого века, чтобы измерить мужество моей матери, оценить ее находчивость обратиться за советом к священнику, силу воли, чтобы противостоять воле своего отца. В те времена русская деревня была проникнута вековыми традициями. Отношения между родителями и детьми были те, что описаны в Домострое (в XVI веке). Родительская власть отца была безгранична, его благословение считалось необходимым для того, чтобы обеспечить счастливую жизнь супругов, а родительское проклятие обрекало на несчастье не только в земной жизни, но и на вечные мучения в загробной жизни.

И мать, молодая, неграмотная крестьянка, выросла в этой отсталой среде, куда городская цивилизация не проникала. Удивительно, что она решилась порвать с вековыми традициями. В семье своего мужа она осталась верна самой себе и стойко прожила семь лет с двумя малыми детьми, когда ее муж был в армии. В то время солдатам никогда не давали отпуска, и семья редко получала вести от него, а во время войны — никогда.

Во время русско-турецкой войны мать жарко молила Бога сохранить жизнь ее мужа. Она дала обет, если Господь Бог внимет ее мольбе, сходить в Киев, в Киево-Печерскую лавру, где хранятся особоцитимые русским народом мощи. Данный обет она исполнила, прошла пешком, в лаптях, с котомкой за плечами более 1 500 километров в оба конца. Паломничество произвело на нее сильное впечатление. Часто она возвращалась к воспоминаниям о том, что она там видела, слышала, перечувствовала. Она принесла оттуда много разных камешков, обладавших чудодейственной силой, крестиков, маленьких иконок и самую драгоценную вещь: «Сон Пресвятой Богородицы», небольшую тетрадку, написанную от руки. Ей сказали, что эта тетрадка и в огне не горит и в воде не тонет. Она и от пожара спасает. Она излечивает тех больных, которые крепко верят в нее и повесят ее над своей постелью.

Рассказ о том, как строилась Киево-Печерская лавра, произвел на нее сильное впечатление. Вот что рассказала мне моя мать.

Лавру строили двенадцать простых каменщиков. По мере того как они ее строили, здание погружалось в землю, к их большому отчаянию. Они подумали, что их работа негодна Богу. Они решили прекратить ее и пошли рассказать об этом игумену. Он выслушал их и посоветовал продол-

жать работу. Так они и сделали. Когда же постройка закончилась, лавра вышла вся из земли. Игумен спросил у строителей, какую награду они желают получить за свою работу? Одиннадцать строителей ответили, что они просят у Бога одну награду: чтобы Господь Бог сподобил их царствия своего, и попросили игумена принять их в монахи. Двенадцатый же строитель заколебался. Подумал он, что у него дома осталась большая семья, жена с детьми в большой бедности. Рассказал он об этом игумену и попросил его уплатить за работу деньгами. Игумен заплатил ему и благословил его. Возвратился строитель домой и думал, что обрадует жену, принеся заработанные деньги. Рассказал жене также о том, как поступили его товарищи. Жена была очень огорчена рассказом мужа. Она упростила его вернуться в лавру, возратить деньги и просить игумена принять его в монахи. «Мы,— говорила она,— столько времени жили без тебя, без всякой помощи и не умерли. Проживем, может быть, как-нибудь с Божьей помощью и дальше, в лавре же ты сможешь сподобиться царствия Божия и тогда будешь ходатаем за нас грешных. Разве можно менять на деньги царство небесное? Иди обратно в монастырь и проси игумена простить тебя за твой необдуманный поступок». И каменщик сделал так, как посоветовала ему жена его. Но за время его пути все его сотоварищи умерли. Игумен сказал ему: «Я приму тебя в монахи, но только я не могу обещать, что после смерти ты будешь похоронен вместе с твоими товарищами, так как около них нет больше места. Пойдем, ты сам увидишь. К тому же я не уверен, что они захотят, чтобы ты лежал с ними вместе, так как ты не пожелал остаться с ними. Придя на могилу монахов, они увидели, что все они лежат рядышком, но они заметили также, что они потеснились, чтобы дать ему место рядом. «Ну,— сказал игумен,— видишь, я тебя простил, и товарищи твои принимают тебя к себе». Так был принят в монахи и двенадцатый строитель, а когда он умер, его похоронили рядом с его товарищами. Место-то оказалось немного тесновато, одно колено покойного согнулось и выступает под покровом. Мать уверяла, что она сама видела бугорок над выдававшимся коленом.

Из моего раннего детства в памяти моей остался день какого-то праздника. Какого? Рождество? Крещение? Масленица? Не знаю.

В гостях у нас тетка (одна из сестер матери) с мужем и другие родственники. Тетка — важная гостья. Она живет в 17 верстах от нас. Изба приняла необычный вид: все обыденные, но нужные в хозяйстве вещи вынесены куда-то, стены избы вымыты, лавка, под которой стоит обычно лохань с помоями, занавешена цветной занавеской, стол покрыт белой скатертью с бахромой, на столе стоит уже несколько блюд.

Принаряженные гости усаживаются за стол, прочитав сначала краткую молитву перед иконой. Отец и мать хлопочут, обходят вокруг стола, угощают гостей кушаньями и напитками: водкой, брагой, квасом. Брага и квас — домашнего приготовления, из хлебной закваски. Блюд было много: студень, несколько сортов говядины, жареная домашняя птица и напоследок жареный молочный поросенок.

В избе тесно, шумно. Я еще слишком мал, чтобы участвовать в приеме гостей, мое место на печке, и оттуда я слежу с большим интересом за всем, что делается в избе.

В это время наша семья была не бедная. В хлеву у нас: лошадь, корова, овцы и свиньи. Проходят годы. Мы, дети, подрастаем. Сестра и брат скоро станут помогать в хозяйственных работах. Это материальное благополучие длилось недолго. Понемногу семья становится все беднее и беднее. Разные беды и неудачи начали падать на нас; приемы и праздники прекратились.

Была у нас серая кобыла. У нее был очень маленький хвост, которым она все время махала и задевала передок телеги. Таким образом постепенно хвост ее стал облезлым. Она была уже немолодая, но спокойная и умная. Например, она знала, что при спуске надо идти тихо, сдерживать повозку, которая всем своим весом упиралась на нее и ранила ее зад. Может быть, она не сознавала опасности противостоять тяжести, а просто потому, что она была с лентой и трудно было заставить ее бежать рысью даже понуканием. Ее покладистый нрав позволил мне очень рано помогать моим родителям. Мне было тогда 7 лет. Мой отец накладывал снопы на телегу, увязывал воз веревкой, чтобы они не упали, и сажал меня на верх телеги. Приехав домой, я сбрасывал снопы, а мой брат складывал их в ригу. Потом я опять возвращался на поле, и снова начиналась нагрузка. Таким образом, отец терял меньше времени. К сожалению, дело шло довольно медленно, так как у меня не было доста-

точно авторитета, чтобы кобыла слушалась меня. Она очень хорошо знала все наши пашни, разбросанные по всему селу. Она знала, когда надо было свернуть с главной дороги, чтобы попасть на наше поле.

Когда мы отправлялись в поля, находящиеся недалеко от нашей деревни, ее знания были очень полезны. Но когда приходилось ехать на отдаленные поля, ее память приводила меня в отчаяние: кобыла сворачивала в сторону всех наших полей, которые встречались нам в пути, несмотря на все проявленные мною усилия, чтобы заставить ее идти по нужной дороге. Она останавливалась около уже сжатого поля, стояла некоторое время, погруженная, вероятно, в свои собственные думы, прежде чем продолжать идти по нужной дороге, несмотря на все мои крики и понукание. Я плакал от бессилия, но это не производило никакого действия: она чувствовала себя хозяйкой и поступала так, как ей хотелось.

Один раз, зимой, меня послали одного в небольшой хутор моей тетки в 17 верстах от нас. Нужно сказать, что рубка леса производилась осенью, но ждали, когда дорога хорошо покроется снегом для перевозки бревен на санях. Я выехал еще до рассвета с несколькими соседями. Мне было тогда одиннадцать — двенадцать лет, и я еще не мог запрячь лошадь во время сильных морозов. Я приехал к тетке утром. Я оставался у нее недолго, только чтобы согреться, задать корм лошади и дать ей отдохнуть. Я весь промерз. Меня обогрели. Зять моей тетки нагрузил сани и перевязал груз толстой веревкой. Я выехал один после полудня, без своих спутников, через пустынные и однообразные поля с моей кобылой с облезлым хвостом. Ни живой души ни впереди, ни сзади. Проехали благополучно полдороги. Но зимой невозможно долго сидеть на санях не двигаясь. Чтобы согреться, нужно спрыгнуть на дорогу и идти пешком позади саней, так как утоптанная хорошо дорога предыдущими путниками — очень узкая и опасно идти рядом с санями, которые могли соскользнуть и наткнуться на огромный сугроб. Именно в такой момент, когда я шел рядом с санями, я начал понемногу отставать от них. Моя кобыла заметила это и решила отделаться от меня. Она прибавила ходу и начала идти рысью. Расстояние между ней и мною росло. Я начал бежать, чтобы догнать сани, которые продолжали удаляться. Кобыла, заметив, что я бегу, прибавила еще ходу. Сначала я подумал, что это — случайно. Моя одежда не позволяла мне бежать долго.

Пробежав некоторое расстояние, я вынужден был идти шагом. Моя кобыла пошла также шагом. Отдышавшись, я снова побежал, чтобы догнать мою повозку. Но моя кляча, заметив это, тоже начала бежать рысью, и расстояние между мной и ею стало еще больше. То же самое повторялось несколько раз. Я изменил тактику и решил взять ее хитростью. Я перестал бежать, но заметно увеличил шаги. Я терял надежду догнать ее. Солнце было уже на закате, мороз крепчал, и я еще больше чувствовал холод. Я оставался совсем один на дороге среди снежной равнины. В этот момент я совсем не думал, что могу погибнуть от холода или на меня нападут волки. Страх за жизнь кобылы заглушал страх за себя. Другая мысль пришла в голову. Скоро перед нами будет крутой овраг, пересекаемый другим оврагом, не очень большим, но глубоким. Мои сани могут опрокинуться, лошадь упадет, искалечится или задохнется от натянутых вожжей. Что станет тогда с нашей семьей? Я знал, что отец не сможет купить другую. Потерять лошадь — значит потерять всякую надежду выйти из нашего бедственного положения. Думая об этом, я не чувствовал ни страха, ни холода. Моя гонка за лошадью продолжалась на расстоянии 3-х верст. И только при приближении к опасному месту я смог догнать мою мучительницу. Дрожа от радости, наконец-то я настиг сани сзади. Я вцепился в ветки, которые торчали из телеги, и мне удалось схватить вожжи. Все было забыто: страх, усталость и даже мой гнев на кобылу. Я радовался, что она осталась цела и невредима, и даже не думал наказать ее за ее намерение убежать и оставить меня одного в открытом поле.

Однажды отец с матерью решили открыть торговлю. В семье никогда не говорили о том, кому из них пришла в голову эта мысль. Но, вероятно, она им обоим пришлась по душе. Они назвали лавкой «поветку» (плетеную клеть), стоявшую перед избой, купили необходимый инвентарь и немного товара: соль, деготь, керосин, который в деревнях называли «гасом», масло постное, а во время постов еще и соленую рыбу — и заторговали.

Лавка, собственно говоря, на лавку не походила: стены из плетеных веток, земляной пол, небольшой прилавок, на котором стояли весы, железный бидон с маслом да мешок с кренделями. Другие товары лежали прямо на полу.

Наиболее ходовыми товарами были булки и крендели.

Они продавались на ярмарках. В нашем селе было три ярмарки в году: одна на масленицу и две на престольные праздники. Зимой же были еще два небольших базара в неделю.

На эти базары крестьяне окрестных сел привозили или приносили для продажи дрова, старновку⁹, лапти, домотканую холстину, решета, деревянные гребни и деревянную посуду. На этих базарах и продавались булки и крендели.

Все товары лавки закупались в Воронеже, в 40 верстах от нашего села. Весной, летом и осенью ездили только «верхом», то есть по дороге или по полям, но зимой, после замерзания реки Воронежа, предпочитали ездить «низом», то есть по льду. Этот путь был длиннее и опаснее, так как во время метелей рисковали попасть или в прорубь или в полынью, где лед был тоньше. В таких случаях человек мог потонуть с санями и лошадью. Но зато этот путь был защищен высоким берегом и лесом от сильного ветра, который дул зимой. По этой причине предпочитали этот путь.

В дни поездки отца в город за булками мать начинала беспокоиться с вечера, хотя и старалась скрыть это. Но я догадывался сам по случайно брошенным словам. Ее настроение заражало и меня. В такие вечера я неохотно залезал на печку спать, старался дождаться возвращения отца. Улегшись спать, я засыпал чутким, тревожным сном. Просыпаюсь, бывало, поздно ночью и сейчас же замечаю, что отец еще не приехал, а мать стоит перед иконами и жарко молится. Она, как и другие, не знала молитв. В церкви она запомнила отдельные слова, фразы из «Отче наш» и «Богородица Дева, радуйся» и старалась их воспроизвести. Но она так коверкала слова, что совершенно нельзя было понять смысла. Но в такой момент в ее голове была одна ясная дума, а на устах одна молитва: «Поедет верхом,— заблудится, одежонка плохонькая, замерзнет. Низом поедет — в прорубь или в полынью попадет, утонет. Боже милостивый! Спаси мужа, сохрани отца детей!» И вижу я ее скорбное лицо, и слезы медленно текут по щекам. И мне становится боязно за отца и жаль до слез мать. Тихонько слезаю я с печки, становлюсь на колени и твержу без конца: «Спаси, Боженька, батю, возврати его скорей домой!»

Мать не сейчас же замечает меня, а заметив, ласково отсылает спать на печку. И долго-долго сон не идет ко мне... И вдруг радостная весть: скрип саней во дворе и голос отца: «Тпру!!»

Мать будит брата отпрягать лошадь, помогать отцу разгружать поклажу.

От меня сон совсем отлетел, а боязни как бы и не было. Я знаю, что отец привез гостинец для меня, и жду его появления в избе с нетерпением.

Вот он входит, весь запущенный инеем, похожий на Деда Мороза. Борода вся белая, а на усах висят ледяные сосульки. Войдя в избу, он прежде всего молится Богу. А потом — ледяной поцелуй и в награду дает мне коня или барашка, украшенных сахарными узорами, обсыпанных белым сахаром, или связку сахарных бубликов.

Вначале наша торговля шла неплохо. Село наше большое, а настоящая лавка в нем была только одна, специально построенная для торговли, бревенчатая, крытая железом и со всем необходимым для крестьянского обихода. Единственным неудобством ее было то, что она находилась на выгоне, около церкви, то есть далеко от наиболее населенных частей села: в нее нельзя было посылать за покупками детей во время осенней распутицы и в зимнее холодное время, взрослые же были слишком заняты, чтобы ходить за покупками, отнимавшими у них много времени. Поэтому ближайшие жители предпочитали ходить в нашу «новую лавку», покупать такие товары, как соль, деготь, керосин.

Погубило нашу торговлю то, что мои родители, по доброте своей, отпускали товар в долг нуждающимся покупателям. Скоро все узнали об этом, и даже люди с достатком начали пользоваться этим. Сначала должники оправдывали оказываемое им доверие. Уплатив долги, они закупали товаров еще больше, разумеется, в долг. Но постепенно они переставали платить свои долги и, конечно, перестали покупать в нашей лавке.

Таким образом отец и мать потеряли и свой оборотный капитал, и торговля пришла в упадок. «Долговая книга» долго хранилась у отца в маленьком сундучке, и он надеялся, что авось кто-нибудь из должников вспомнит о своем долге и пожелает его уплатить. Книга эта представляла собой сшитую отцом тетрадь листов большого формата белой бумаги. Отец сам линовал в ней страницы и записывал огромными буквами имя должника, товар, количество и сумму. Он делал свои записи вечером и часто забывал некоторых покупателей.

Вот образчик записей:

Гараськи Поликушкину:

Гасу... один ру... 2 коп.

Дехтю два ру... 3 коп.

и т. д.

Поэтому в момент уплаты, случалось, должник ссылаясь на сумму, записанную в книге, а не на ту, которую он в действительности должен.

Было еще и другое. Когда отпускала товар мать, она не всегда говорила отцу, кому она отпустила товар в долг. У нее была своя собственная бухгалтерия. Она делала пометки мелом на стене в виде крестиков. Память у нее была хорошая, и она разбиралась в своих кабалистических знаках. Если должники пользовались такой «двойной» бухгалтерией, то отец с матерью теряли. Ближайшие соседи нередко приходили и просили дать им взаймы солонку или пол-литра керосину. Когда у них появлялись деньги, они покупали товары в большом количестве и расплачивались потом «натурой».

Случалось, что и у нас самих этих товаров не было, и это подрывало уважение к моим родителям. Крестьяне смеялись над ними и, за спиной, называли их «горе-купцами».

Торговля не принесла семье ни денег, ни почета, но недоброжелателей она породила много. Первым недоброжелателем оказался настоящий купец села. Для него отец и мать были конкуренты. При случае он вредил им, возбуждал жителей против них.

Враждебно настроенным к нам сделалось и местное начальство. «Ничто не ново под луной». Еще в старое время, как и в наше, начальство любило, чтобы торговцы его привечали. Волостной старшина, волостной писарь, урядник и даже сельский староста любили, чтобы торговцы оказывали им почет, чтобы угощали их время от времени чайком, яичницей, водочкой и другими небольшими съестными подношениями. Они считали себя обиженными, когда им этой чести не оказывали, и при случае чинили неприятности. Тот, кто угощал, должен чувствовать, что ему оказывают честь, и он должен быть признательным за это. Отец подчинился бы такому порядку вещей, установленному веками, но мать рассуждала иначе: «Начальство поставлено для того, чтобы следить за соблюдением закона, защищать слабых и обиженных, бороться против несправедливости и поддерживать порядок. За это начальники получают деньги, и потому они не должны ни от кого ничего требовать. Они должны даже отказываться, если им что-нибудь дают. Если я поступаю

против закона, пусть карают меня за это, но мзды никакой не требуют». — «Закон законом, — отвечал на это мой отец, — а лучше было бы жить с начальниками в мире». Но мать оставалась непреклонна: «Я перед начальством ни в чем не виновата, почему же я должна их поить и кормить?» Этим правил она придерживалась до конца своей жизни. Но для начальников такое упорное отношение было неприемлемо, и они не простили ей этого. Часто они выказывали свою недоброжелательность к моим родителям, в особенности к моей матери, зная, что мой отец был человеком более сговорчивым.

Увлечшись своей торговлей, мой отец забросил свое ремесло горшечника, и вся работа свалилась на моего брата, который начал меня приучать к горшечному делу. Но когда я подрос немного, отец стал брать меня на базары «для присмотра за товаром». Торговля явно была уже убыточной, а наше крестьянское хозяйство все больше и больше приходило в упадок. Но отец с матерью, как отравленные алкоголики, не могли уж отказаться от своей лавки, вернуться к прежнему «нормальному» крестьянскому образу жизни или снова заняться сапожным ремеслом.

Потом пришел голодный 1891 год, и нашу семью лишили помощи продуктами, потому что мои родители официально считались торговцами, хотя и знали, что наша торговля сошла на нет. Мы страдали, как и все соседи, и нуждались в помощи. Но моя мать не растерялась. Она начала выпекать хлеб и этим спасла всю семью от голодной смерти. Не знаю, как ей удавалось доставать муку, которая в это время продавалась по очень высоким ценам. Но она знала, что наши крестьяне не могли платить очень дорого, и она делала это не для того, чтобы нажиться. Печь хлеб в примитивных условиях было вещь трудной. Но она не щадила себя и продавала хлеб по себестоимости. Она была довольна, что своей работой она покрывает свои расходы, и каждый член ее семьи получает фунт (409 г) хлеба в день.

Голодный год сломил нашу семью. Пришлось зарезать нашу единственную лошадь и единственную корову: в ее животе нашли несколько заржавленных гвоздей. У нас не было денег на покупку нового скота. Семья осталась без лошади и без молока. К тому же нужно было выдать замуж мою сестру и женить моего брата. Эти события, сами по себе радостные, потребовали непосильных расходов и легли тяжелым бременем на семью: понадобились новые затраты, слишком тяжкие для пустого кошелька.

Зарезав ту или другую живность, семья из бедных обрекала себя на нищенское существование после свадьбы. Взрослые перед гостями старались быть веселыми и в то же время спрашивали себя, как они будут жить после свадебного пира, как они вывернутся, чтобы уплатить долги. Их лица изображали радость, но сердце у них обливалось слезами. Малые дети это чувствовали, но по беспечности молодых лет они искренне принимали участие в радостном событии. Беспокойство было не выдуманным, оно шло от явной угрозы.

Крестьянские обычаи требуют больших расходов во время семейных праздников. Даже для достаточной семьи свадьба влечет за собой много расходов. Тем более для нашей: две свадьбы одна за другой с взаимными подарками между членами обеих семей, не считая обедов и других расходов.

С некоторого времени наша семья жила с грехом пополам, как вдруг мой отец не мог заплатить вовремя подати (подушные и земские сборы). Враги моей матери воспользовались этим обстоятельством. Общество, то есть староста, писарь и сборщик податей решили сдать в аренду нашу землю одному из крестьян Карачуна.

Закон позволял отнять временно землю у того, кто отказывался платить подати, и сдать ее в аренду и этими деньгами погасить задолженность. Но обычно эта статья закона применялась к крестьянам, которые не уплатили недоимки за несколько лет, и их рассматривали как злостных должников.

Этот закон не должен был бы прилагаться к нашей семье, так как за моим отцом числилась недоимка только за один год. Староста хотел унижить Самойлиху (мою мать; часто звали людей только по их отчеству, прибавляя к нему суффикс, или даже по прозвищу; на самом деле мою мать звали Татьяна Самойловна).

Это решение было принято весной, незадолго до посева. Когда мы об этом узнали, крестьянин, которому дали землю, уже вспахал ее и засеял часть нашего поля. Мои родители сочли это действие незаконным, оскорбительным для них, но они не собирались начинать процесс. Тем не менее они были возмущены поведением Антипки (уменьшительное от Антип). Мой отец объяснил ему положение нашей семьи, и Антипка понял, что он поступил плохо. Он отказался от

нашей земли и попросил только уплатить ему за вспашку и за семена.

Мой отец хотел закончить это дело полюбовно, без скандала и принять предложение Антипки. Но моя мать властным тоном заявила: «Ни за что! Он сам виноват. Зачем он влез в это дело? Он хотел осрамить нас. Пусть сам на себя и пеняет».

Не один раз начинался такой разговор между моими родителями и при первом же возражении матери кончался. Мой отец, начав его и видя бесполезность добиться согласия моей матери, умолкал. Он был убежден, что лучше помириться с Антипкой и уплатить ему три рубля, но так как его попытка убедить мать встречала каждый раз сопротивление, он уступал, чтобы избежать ссоры. Для матери это был вопрос принципиальный, хотя она даже не знала этого выражения: она была убеждена, что моральный ущерб должен быть возмещен. По существу, мать была права, но она не хотела считаться с действительностью и что не в ее власти наказывать нарушителей законности. Она не знала установленных законов, которые иногда поворачивались против нее, а сельское начальство, конечно, не упускало случая унижить ее. Итак, она настояла на своем, и мы собрали урожай, не возместив Антипке ни за его работу, ни за семена. Антипка подал жалобу на отца в волостной суд, который приговорил отца к уплате причитающейся Антипке суммы, а также и судебных издержек. Разумеется, моя мать нашла решение суда несправедливым. После получения повестки с подтверждением решения суда была назначена опись имущества, но мать сказала: «Не посмеют!» Накануне узнали, что придет староста с понятыми описывать имущество. Один из крестьян, сельский «законовед», посоветовал моим родителям спрятать вещи, подлежащие описи и продаже, в сарае, повесить замок, а перед дверью поставить беременную жену моего брата, так как, увидев ее положение, никто не посмеет ее тронуть. Моя мать поверила этому и последовала совету. Естественно, понятые оттащили мою невестку от двери, замок сбили и составили протокол о неподчинении властям и об оскорблении действием. На основании этого протокола моя невестка была приговорена к тюремному заключению. Так кончился спор из-за упорства моей матери. В это время я был уже в сельскохозяйственной школе и гораздо позже узнал об окончании этой истории, после отбытия тюремного срока моей невестки.

1890 год можно назвать историческим для села Карачун. В день святого Егория (Георгия)¹⁰ священник объявил после молебна, отслуженного этому святому, что в нашем селе открывается школа и что все дети, желающие поступить в нее, должны прийти в следующее воскресенье в церковь, чтобы записаться.

Теперь мне трудно выразить то чувство, которое вызвало во мне это известие. Само слово «учиться» звучало для меня по-особенному, не так, как звучали другие слова обычной крестьянской речи. Мне казалось, что в нем самом скрывается какая-то тайна, которая будет для меня открываться, как только я начну учиться. Я думал, что наше учение начнется сейчас же после записи. С большим нетерпением ожидал я наступления следующего воскресенья.

В этот день, после обедни, нас собрали в церковной караулке и записали наши имена и фамилии. Записывал сам священник. Затем каждого записавшегося он направлял к одному из церковных сторожей, отставных солдат николаевских времен, который остригал нам волосы под машинку. В первый раз в жизни волосы у нас были острижены так коротко.

Таков был обряд нашего посвящения в звание школьников. После этого священник отпустил нас, сказав, что учиться мы начнем осенью. Для меня это было большим разочарованием, и я возвращался домой опечаленным.

В нашем селе было более 500 дворов и около двух с половиной тысяч жителей. Много дворов было многодетных, однако записалось всего 20 детей, мальчиков и девочек. Из них трое не принадлежали к коренным жителям Карачуна: две девочки, дочери купца, и один мальчик, сын сельского писаря. Большинство крестьян не пожелали послать своих детей в школу потому, что считали учение бесполезным для них. Многие из них потому, что не хотели лишаться помощников в полевых работах. Другим препятствием были бедность родителей или расстояние: полторы-две версты и больше от школы до большинства изб; и дорога трудная во время осенних дождей или зимних морозов. Надо было снабдить детей и подходящей одеждой, что было не под силу бедным семьям.

Дома их дети могли обходиться даже без обуви и верхней одежды в ненастье. Когда им нужно было выйти во двор, они надевали обувь и одежду взрослых членов семьи. Помогать во дворе по хозяйству они могли и в рваной одежде: на дворе не так холодно, как на улице, и земля

суше. Чтобы погреться или посушить одежду, можно всегда войти в избу. Другое дело — идти в школу, пройти долгий путь при морозе 20—25 градусов для восьмилетних малышей было нелегко. В осеннее время в уличной грязи вязли не только дети, но и взрослые. В школе нельзя и негде было обсушить одежду. Для школы была приспособлена церковная караулка, в которой жили до этого два церковных сторожа. Караулка была довольно светлая и просторная. В ней сделали перегородку, получилось две комнаты: в меньшей поселили старичков-сторожей, а в большей поставили парты и повесили небольшую классную черную доску на стену.

Долгожданный день наступил. Мы, в сопровождении своих матерей, направились в школу. Нас было четверо из нашего околотка. Я шел в школу с книжкой и потому был полон чувства гордости и превосходства над своими товарищами, у которых ничего не было. Книжка эта была Священная история, которую отец принес вместе с Евангелием при возвращении с солдатской службы. Обложка и несколько первых листов у нее отсутствовали, и потому составитель ее остался для меня неизвестен. Она лежала в сундучке без употребления.

Отец читал изредка по складам только Евангелие. Чаще всего это случалось вечерами накануне больших праздников или на Святках («святые дни» — время от Рождества до Крещения). Молодежь и дети на Святках собирались у кого-нибудь из соседей и проводили время за игрой в карты. Мои родители считали такое развлечение греховным и не позволяли нам уходить из дому в такие дни. «Нечего мотаться по улицам и зубоскалить! В святые дни нужно заниматься святым делом», — говорил наш отец, вынимал из сундучка заветное Евангелие и начинал читать. Читал он медленно, с остановками, плохо соединял слоги, и потому мы не понимали смысла чтения. Оно требовало от него большого напряжения, и он скоро уставал. Мать просила его объяснить нам прочитанное. Он пускался в туманные объяснения и вскоре с досадой умолкал. Видно, он и сам не ясно понимал священный текст. Священная же история интересовала только меня; время от времени я вынимал ее из сундучка, перелистывал и рассматривал в ней картинки из жизни Христа. Мое внимание привлекала больше всего та, на которой был представлен римский воин с копьем и щитом и рядом с ним — две красивые белые лошади, похожие на лошадей нашего соседа Гараськи. Каждый раз, беря в руки эту книгу, я искал прежде всего эту страницу, и,

рассматривая ее с нежностью, я повторял: «Гараскины лошади!»

С этой книгой я и пошел в первый раз в школу. Мы горели таким нетерпением и так торопили провожающих нас матерей, что пришли в школу значительно раньше назначенного часа. Нам пришлось долго ждать торжественного момента, который наконец-то настал. Прежде всего священник отслужил молебен, освятил помещение и благословил школьников, первых пионеров науки нашего села. Наше учение ограничилось в этот день тем, что нам дали каждому букварь и Псалтырь. Священник сказал нам напутственное слово и велел прийти завтра вовремя. Подойдя к священнику, чтобы получить книги, я с гордостью показал ему священную книгу. Не знаю почему, я был уверен, что нас будут учить по этой книге. Священник посмотрел на мою книгу и сказал: «Эта книга тебе сейчас не нужна. Вот книги, по которым ты будешь учиться», и он вручил мне букварь и Псалтырь, напечатанную по-церковнославянски. Так были развенчаны и моя книга, и моя гордость, и мое чувство превосходства над товарищами. Выходило, что не было никакой разницы между мной и моими товарищами, что у меня нет никаких преимуществ перед ними.

Псалтырь определила характер и программу нашего учения. В это время учили сначала название каждой буквы по-церковнославянски: а=аз; б=буки; в=веди и т. д.

Неудобство этого метода обучения в том, что, выучив название букв алфавита, трудно потом перейти к сложению слогов и к чтению. Для сложения, например, слога «аб» нужно было сказать:

аз — буки = аб.

Научившись читать, мы приступили к чтению Псалтыри и к заучиванию наизусть молитв.

Первый учитель занимался с нами недолго и потому не оставил никаких следов в памяти моей. Помню только, что это был молодой человек, высокого роста (таким он, по крайней мере, казался мне); приятной наружности. Поселился он сначала у священника, а потом переехал к купцу, объяснив перемену своего жительства слишком длинной дорогой от дома священника до школы. Потом вдруг оставил наше село без всяких объяснений. Позже мы узнали причину его отъезда. У священника жила свояченица, засидев-

шаяся в девках, некрасивая и с большим недостатком: она постоянно высывывала язык. Трудно было найти ей жениха. Священник и его жена надеялись на то, что авось им удастся женить молодого учителя на их родственнице. Учитель испугался и переехал к купцу. Священник, взбешенный, начал преследовать учителя, придирается к нему и сделал все, чтобы удалить его из школы. Учитель не выдержал придинок попа и сам отказался от места. Нужно сказать, что этот учитель проделал с нами самую трудную работу: он научил нас азбуке, и мы могли кое-как читать.

После его ухода для школы наступило безвременье: никакого постоянного учителя, с нами занимались поочередно — сам священник, его жена и дьячок. Не было учебного плана, никакой согласованности между этими учителями. Каждый из них учил нас на свой лад и тому, чему находил нужным учить. Это создавало в наших умах чрезвычайную сумятицу, в которой мы совершенно терялись. В одном не было разногласий между ними: в наказаниях. Давать щелчки в лоб, драть за уши, бить, бить линейкой по пальцам, ставить на колени; все эти наказания сыпались как из рога изобилия на тех, которые этого заслужили, и на тех, которые совершенно этого не заслужили. Небольшое различие существовало среди наших учителей: дьячок предпочитал бить линейкой по рукам, попадья — ставить нас на колени, а священник признавал одинаково все виды наказания. Мы, малыши, предпочитали, чтобы он ставил нас на колени и больше всего боялись его щелчков и его манеру драть за уши. Пальцы у него были очень длинные и сухие, настоящие костяшки. От его щелчка лоб сейчас же краснел, а от большого числа щелчков лоб вздувался и долго сохранял следы приложения пастырских пальцев. Не лучшим было и дранье за уши. Он прибежал к этому, когда бывал очень рассержен. Тогда он становился злым и терял хладнокровие, впивался ногтями в основания ушей наказуемого, и когда он выпускал из тисков уши, кровь стекала каплями из ранок, нанесенных когтями.

— Аксенка! — обращался, бывало, он к одному из моих товарищей по парте. — Знаешь ли ты какую-нибудь молитву?

— Не знаю, — отвечает Аксенка.

— Как не знаешь? — начинает сердиться священник и повышает голос: — Ты все же знаешь: «Господи, помилуй мя»?

— Не знаю, — отвечает Аксенка.

— Как не знаешь! — еще больше сердится священник. — Повторяй за мной: «Господи, помилуй мя!»

Аксенка чешет затылок, старается вспомнить, что нужно повторить, и не может. Губы его начинают дрожать. Он вот-вот расплачется. И вдруг выпаливает:

— Не знаю, не могу повторить.

Это приводит священника в бешенство.

— Почему ты не знаешь? — кричит он.

Крик священника вызывает обратное действие на Аксенку: его испуг исчезает и на лице появляется невозмутимое упорство. Он уже спокойно отвечает:

— Ничего не знаю.

Этот ответ приводит священника в недоумение.

— Почему же ты ничего не знаешь? — спрашивает он более спокойным тоном. — Чему же тебя учила мать?

Аксенка улыбается.

— Ну, чему же ты смеешься? — опять кричит священник. — Отвечай же мне!

— Да мама меня ничему не учила. Она сама ни одной молитвы не знает.

Этот ответ почти успокаивает священника. Он задает Аксенке еще один вопрос:

— Как же молится твоя мать, если она не знает ни одной молитвы?

— Да никак, — отвечает Аксенка. — Она только крестится да головой кивает.

— Болван! — говорит Аксенке священник. — Становись на колени! Да сначала пойдя выбей об угол избы свой нос.

На этом и кончается обучение Аксенки молитвам. Аксенка так и не понял, чего хотел добиться от него священник. Такие ответы могли опять повторяться, но в один прекрасный день Аксенка не пришел в школу и уже больше не приходил. Он решил, что учение — очень мудрое дело и не для его ума. На вопрос, почему он больше не ходит в школу, Аксенка отвечал:

— А чего мне там делать-то? Какая мне польза от учения? Батя и мама — неграмотные, и все другие тоже. И ничего! Живут! Проживу и я без учения. А чтобы брань попа слушать да побои выносить, — этого я не желаю.

Аксенка был не единственный. Многих и других детей доморощенные учителя отучили от школы своей системой преподавания. К концу третьего года только пять крестьянских мальчиков оставалось из 20 записавшихся.

На второй год число поступивших школьников оказалось значительно больше. Но причиной тому был не возросший интерес родителей или детей. Последовавший за годом открытия школы был 1891 год, голодный год. Для поддержания питания школьников была открыта при школе столовая, в которой им давали обед: густой пшеничный суп с растительным маслом, картофель или кашу и кусок пшеничного хлеба. В нашем селе пшеничного хлеба и в нормальные годы не знали, всегда ели только черный ржаной хлеб. Пшеничную же муку покупали только в большие праздники для приготовления лапши, которую бросали в мясной или молочный суп. Пироги же пекли также из ржаной муки, из обрушенного¹¹ зерна. В городах из такой муки пекли так называемый пеклеванный хлеб. Он получался довольно белый, приятный на вкус. Такими же почти белыми получались и крестьянские пироги, только вкуснее, так как они были сдобные, то есть тесто замешивалось на молоке и туда прибавлялись яйца и коровье масло.

Выдача детям пшеничного хлеба, да еще в голодный год, когда у других и ржаного-то хлеба не было, и все это бесплатно, — привлекло детей к школе.

Во второй половине этого же года приехал к нам новый учитель, пятый по счету. Мы же его называли «вторым настоящим» учителем. Священника же, попадью и дьячка мы не считали настоящими учителями. Он был небольшого роста, не очень красивый, к тому же у него было плохое зрение. Мы прозвали его «слепышом». Он носил голубоватые, смешные очки; на небольшом круглом лице с мелкими чертами — нос картошкой. Одет он был бедно: ходил всегда в поношенных и даже обтрепанных штанах и пиджачке. На вид ему можно было дать не больше 16 лет, но в действительности ему, вероятно, было больше. Он, возможно, был сыном какой-нибудь просвирни или многодетной бедной вдовы дьячка. Учился в духовном училище, но учение у него не пошло, и он должен был его оставить. По протекции его и «определили» учителем в нашу школу. С самого начала он поселился у купца, и священник не преследовал его за это. Боялся ли он тех, кто покровительствовал учителю, или потому, что находил его неподходящим женихом для своей свояченицы, во всяком случае, он отнесся к новому учителю терпимо и снисходительно.

Иван Капитонович (так звали нашего нового учителя) оказался живым, расторопным малым, лучшим, чем это можно было заключить по первому впечатлению. Со свя-

щенником он держался более свободно, чем первый учитель. Он оживил наши занятия, сделал их более интересными.

Скорее нутром, чем рассудком, мы почувствовали с первого же нашего с ним знакомства, что с ним нам будет легко поладить. Мы признали его почти равным нам и различие находили лишь в том, что его поставили, чтобы учить нас, и дали ему право нас наказывать. И это чувство нас не обмануло. Он почти никогда не пользовался предоставленными ему правом и властью. К тому же он оказался несамолюбивым и необидчивым. Часто, во время перемен, он, выкурив свою папироску, участвовал в наших детских играх и играл с таким же увлечением, как и мы сами. Случалось и так, что он во время занятий, вспомнив об этих играх, начинал вдруг рассказывать нам про игры в семинарии, а также о войне между ними и учениками уездного училища.

— Они нас называли «кутейниками» — от слова «кутья» и всегда нападали на нас. Иногда мы собирались большими группами и дрались с «уездниками» по-настоящему, пускали в ход и кулаки и камни. Я-то, по своему малому росту и слабосилию, находился всегда сзади своих товарищей. Мое дело было собирать камни и передавать их тем, которые и ростом были больше, и сильнее меня. Эти товарищи находились всегда в первых рядах, и они-то и дрались. Здорово им доставалось от нас. Многие из них уходили с боя не только с синяками, но и окровавленными. Да, жаркие стычки были у нас с ними, — заключал Иван Капитонович.

Менее благополучно было с нашим учением. Сильно хромала грамматика. Еще хуже было с арифметикой. И читать мы не умели как следует, не знали толком, где нужно было сделать необходимую паузу, поэтому мы плохо понимали смысл прочитанного.

До приезда Ивана Капитоновича нас учили читать по-церковнославянски, заставляли учить наизусть молитвы. Случилось так, что в год его приезда нам выдали для чтения первую русскую книгу: «Первую пчелку» Льва Поливанова. Эта книжка произвела на меня очень сильное впечатление. Она перевернула вверх дном все мое понятие об окружающем меня мире и явлениях природы.

«Ходит лиса тихонько, — читал я в ней. — Все-то она высматривает, все обнюхивает, ко всему прислушивается. Лиса бежит, хвостом метет. Она и капкан обойдет, и от охотника убежит, и от собак увильнет». И дальше рассказ

«Крестьянин, лиса и волк»: «Я наловила много рыбы: хвост в прорубь опустила и хвостом рыбу из проруби вытащила».

Поверил лисе волк, опустил в прорубь хвост и ждет, когда рыба насыдет ему на хвост. Вскоре почувствовал волк, что хвост становится тяжелее, примерзает ко льду. Лиса увидела это и уверила волка, что, значит, набралось много рыбы, и советует ему еще подождать. И хвост волка совершенно примерз ко льду. Утром бабы увидели волка и начали бить его коромыслами. Волк спасся от смерти только потому, что рванулся, и его хвост остался в реке. Бежит волк побитый и без хвоста, а лисичка тут как тут. Вскakiвает она волку на спину, едет верхом на волке и приговаривает: «Битый небитого везет».

В этих двух маленьких рассказиках для детского ума — целая поэма, откровение.

Я многое знал о природе. Знания свои я черпал из непосредственных наблюдений и из рассказов взрослых. Я знал, что заяц не нападает на человека, что он боязлив, но боязнь не мешает ему приходиться зимой в сад и обглаживать молодые фруктовые деревца. Поэтому, чтобы защитить их стволы, обвязывают деревца зимой старновкой.

Лисица также не нападает на человека, нападает на кур, на гусей и уток. Она забирается даже в курятник. От лисицы приходится оберегать домашнюю птицу. Волк — самый опасный зверь. Он режет в поле, в лесу, на лугу овец, телят, жеребят и даже коров и лошадей. Зимой он приходит во двор, залезает в овчарню и оттуда уносит овец. Зимой волк нападает и на человека, и встреча с ним в это время года опасна. Но все эти приобретенные опытом и наблюдениями знания оставались ограниченными. Они не выходили за пределы понятия того, что полезно или вредно для человека в крестьянской жизни. Первые прочитанные мною рассказы из мира животных представили мне мир в другом освещении и открыли мне более полно саму природу. Они показали мне, что наряду с жизнью человека существует и другая жизнь — жизнь животных, что звери, как и люди, каждый по-своему устраивает свою жизнь, каждый добывает себе пропитание на свой лад.

С раннего детства я воспринял своими глазами и ощутил прикосновением существование ручьев, родников и рек. Еще не осознавая вполне этих понятий, я, ребенком, привык видеть их течение, погружаться в волны Воронежа и Дона. Они играли большую роль в моей детской жизни, но, быть может, именно потому они и не трогали мое воображение.

Лишь из «Первой пчелки» я узнал, что есть река, которую называют «Волгой-Матушкой», «Матушкой-Кормилицей». Не сосчитать и не перечесать всех городов по берегам этой реки и сколько людей она кормит.

Так открывались мне новые горизонты. «Первая пчелка» запечатлелась во мне на всю жизнь. Она научила меня по-иному смотреть на окружающий мир и лучше понимать жизнь крестьянскую.

Кольцов, Никитин, Жадовская, с произведениями которых знакомила меня «Первая пчелка», нашли отклик в душе моей, с первого же чтения тронули сердце мое не только легкостью, звучностью, простотой стиха, глубоким чувством, которые они пробуждали, но и тем, что в них были выражены неподдельные сокровенные думы, чувства радости и печали, надежды и опасения крестьянина, и потому, что в них описана природа и природные явления, которые я сам лично наблюдал и переживал, языком волнующим и живописным.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Кольцов. Песня пахаря

С такой сивкой не одно раннее утро проводил я с отцом в поле, на пашне, когда я еще жил несознательной, животной жизнью.

Позже со Стригунком (сыном или дочерью Сивки) помогал я отцу боронить и пахать поле сохой. С детства же научился я радоваться вместе со взрослыми при виде первых хороших всходов хлебов, полных колосьев, вызывающих надежду на хороший урожай, и также бояться больших черных туч, покрывающих небо и грозящих внезапным ливнем или градом уничтожить все.

Возможно ли для ребенка остаться глухим к этим чувствам и не разделять забот окружающих? Отсюда берет свое начало власть природы и власть земли над крестьянской душой, отсюда и крепкая христианская вера, с которой уживаются остатки языческого происхождения. Бог-громовец воплотился в святого Илию, который разъезжает по небу на своей огненной колеснице и поражает стрелами-молниями. Злой дух — это дьявол, со своей большой и малой братией, соблазнитель рода человеческого, причина всего зла на земле.

Много новых вопросов возникло при чтении «Первой пчелки», на которые, к сожалению, учитель наш не мог дать ответов. Он сам по общему развитию мало отличался от своих учеников, и моя любознательность, которая начинала обуревать меня, оставляла его равнодушным.

Иван Капитонович плохо объяснял даже грамматические правила. Арифметических же правил он совсем не объяснял, потому что сам их не знал. Учились мы механически: списывали и заучивали наизусть, как в книжке было написано. По русскому языку это было возможно: у нас была элементарная грамматика Некрасова. По арифметике же учебника не было; учитель сам должен был объяснять нам арифметические правила. Он объяснил хорошо четыре арифметических действия, а что следовало дальше? Он сам не знал. Мы встретили непреодолимые затруднения, когда дошли до решения задач на все арифметические действия. Мы не знали той простой истины, что без рассуждения, без построения порядка действия нельзя правильно решать задачи. Если мы находили решение, то лишь по наитию. Все наши усилия сводились к отысканию цифры, указанной в ответах, в конце задачника. Если наша цифра совпадала с цифрой учебника, значит, задачка решена правильно. Техника решения состояла в ряде действий, производимых наугад. Так решал задачи и сам наш учитель. Задаст, бывало, нам одну-две задачки на дом и сам их решает у себя. Случалось, что решение задачки не совпадало с ответом в задачнике, тогда как у какого-нибудь ученика решение «выходило». Учитель спрашивал, как он решил задачку. Ученик объяснял: «Сначала я сложил, потом вычел, а потом разделил, но так решение у меня было неправильное. Я попробовал иначе. Сначала я вычел, потом сложил и потом разделил. Но и так у меня не вышло. Тогда я сначала разделил, потом сложил и потом вычел, и тогда я получил верный ответ». Иван Капитонович совершенно удовлетворялся таким объяснением, а товарищи считали удачника очень «башковитым» в арифметике.

Так кое-как Ивану Капитоновичу удалось довести до конца наше учение.

В 1893 году состоялся первый выпускной экзамен. От представляющихся к экзамену требовалось: написать небольшую диктовку с расстановкой знаков препинания, решить одну из несложных задач и прочесть наизусть одно небольшое стихотворение или прочитать по книжке коротенький рассказ и ответить на несколько вопросов священ-

нику по священной истории или же прочитать какую-нибудь молитву.

Иван Капитонович начал нас готовить к экзамену чуть не с Рождества. Он больше всего боялся, что мы не сумеем правильно расставить знаки препинания. Эта почти ежедневная подготовка заключалась, главным образом, в том, как он будет держаться на экзамене, как он будет подсказывать нам знаки препинания и правописание трудных слов. Он плохо верил в наши знания и считал эти правила слишком сложными для нас. Он придумал особенный способ подсказывать нам. «Если после продиктованной фразы я возьмусь за пуговицу моего пиджака, значит, поставить точку. Если же нужно поставить точку с запятой, то я возьмусь за пуговицу и еще сделаю рукой движение в воздухе, которое напомнит вам запятую. Когда нужно поставить запятую, я поднесу руку к усам, а для двоеточия я возьмусь за две пуговицы на пиджаке». Для вопросительного знака Иван Капитонович решил высморкаться, а для восклицательного знака покашливать. «Для "ять" (ъ) я буду повышать голос, а для беглого "е" — понижать». И еще другие жесты.

Наступил день экзамена. У всех нервы были напряжены, а у нас, малышей, от страха коленки тряслись. Священник отслужил молебен. Экзаменаторы уселись за стол, покрытый зеленым сукном, нас посадили за парты. Экзамен начался. Бедный Иван Капитонович! Он растерялся больше, чем мы. Начал он диктовать. Губы у него посинели, сам он побледнел. Язык плохо слушался его. Все условные знаки, которые он так долго внушал нам, выскочили у него из головы. Его голос и речь изменились. Он заикался. Он запутался в своей системе подсказывать нам знаки препинания и правописания. Впрочем, мы были так взволнованы, что не могли бы следить за знаками Ивана Капитоновича, если бы даже он сохранил свое хладнокровие.

Нас было всего восемь кандидатов и кандидаток, дошедших до конца обучения и допущенных к выпускному экзамену. Экзаменаторов было почти столько же, сколько и кандидатов. В числе их находились: земский начальник, архимандрит (то есть начальник над нашим священником) и еще какие-то лица. Их присутствие еще больше вызывало в нас робость. Как была написана нами диктовка? Правильно ли решена задачка? Хорошо ли мы ответили экзаменаторам? Одному Богу да экзаменаторам было известно. Сами же мы не отдавали себе отчета.

Все мы были признаны достойными получения свидетельства об окончании школы. Экзаменаторы поздравили наших родителей, ожидавших в ограде церкви. И вот мы стали первыми «грамотеями» нашего села. Из восьми, выдержавших экзамен, пятеро были крестьянские дети. Все они, кроме меня, через небольшой промежуток времени опять превратились почти в безграмотных. Они могли еще написать свою фамилию и, с грехом пополам, читать по-церковнославянски. На экзамене я, как, очевидно, и другие, не блистал и похвального листа не получил, что сильно огорчило мою мать.

Зимой я часто болел. Вначале я схватил, как это мне теперь представляется, воспаление легких, и вот при каких обстоятельствах.

Как раз перед оттепелью и вскрытием реки отец взял меня с собой в город Усмань. Дорога была еще покрыта снегом. Мы приехали в город рано утром, по морозу. Но во второй половине дня погода изменилась: пошел сильный теплый дождь с ветром и лил не переставая. При нашем отъезде открытая степная местность, через которую приходилось возвращаться домой, превратилась в сплошное озеро. На протяжении 22 верст сани не скользили по дороге, а плыли, и я должен был в них стоять с мокрыми ногами. Приехав поздно вечером к месту, где надо было переезжать, мы увидели, что лед на ней вздулся и около берегов был залит водой. Переезжать на другой берег было опасно: можно было и лошадь утопить, и самим вместе с лошадью утонуть. Нам пришлось повернуть обратно и переночевать в селе, которое находилось в трех верстах от нашего дома. Только по приезде в это село я смог раздеться и высушить свою одежду. Меня сейчас же уложили на печку, но у меня начался озноб и сильный жар. Наутро меня привезли домой в бессознательном состоянии. Более трех недель я находился между жизнью и смертью, без всякой медицинской помощи.

Не оправившись как следует от этой болезни, я заболел малярией. Приближение ее начинается появлением неприятного вкуса во рту, потом становится, как говорится, «не по себе», и, наконец, сильный жар, который доходит быстро до 40° и больше. Все тело охватывает озноб, и буквально трясет, почему в народе и называют эту болезнь «трясучкой». Больной стучит зубами, «зуб на зуб не попадает». На больного накидывают все возможное тряпье, но ничто не помогает. Но скоро больному становится невыносимо жарко. Он сбрасывает с себя все, что на него навалили. И в то же время

им овладевает безграничная усталость. Он не имеет силы пошевелить ни одним мускулом. У него ощущение, что все кости его тела перемолоты, а во рту невыразимо сухо.

Приступы болезни вначале повторялись каждый день, потом каждые два-три дня, и всегда в один и тот же час. В промежутке между двумя приступами силы восстанавливались очень медленно. Малярия продолжалась у меня все лето. Осенью и зимой она исчезала, а весной, с появлением комаров, она вновь возвращалась. Окончательно я от нее избавился только через несколько лет, когда оставил свое село и поступил в низшую сельскохозяйственную школу. Эта болезнь меня истощила, и вот почему я не был в хорошем физическом состоянии во время экзаменов.

Несколько слов об обучении в сельской школе.

В конце XIX века наряду с церковноприходскими школами существовали и другие, основанные земством и содержащиеся на его счет.

Земские школы не зависели от духовенства. Они ставили своей главной целью дать общеобразовательное воспитание крестьянским детям, привить им любовь к серьезному чтению, научить понимать явления природы и окружающую среду. Они были лучше организованы и лучше снабжены учебными пособиями. Вся их программа была шире и направлена более целесообразно. Учительский состав был более подготовлен к преподавательской деятельности и более культурный; часто учителя выбирали эту профессию по призванию, из любви к детям. Следовательно, и полученные результаты были несравнимы с результатами церковных школ. Кончившие эти школы не забывали того, чему они научились, и становились более сознательными членами крестьянского общества.

Иное положение было в церковноприходских сельских школах. По сути своей они были противоположны земским школам.

Со времен обер-прокурора Святейшего синода духовенство было проникнуто идеей, что просвещение масс было причиной неверия и революционного движения. Чтобы бороться с этим, нужно противопоставить религиозно-патриотическое воспитание. Это и было положено в основу обучения в церковноприходских школах. В них просвещение не было самостоятельной и довлеющей целью, но лишь средством научить детей молиться, бояться Бога и любить царя. Поэтому-то в них и начиналось обучение с чтения церковно-

славянских книг; нужно было уметь читать Псалтырь и хорошо читать молитвы. Школы были в действительности под наблюдением священников. Они частью содержались за счет приходов. Средства в их распоряжении были очень скромные, поэтому они были организованы хуже. Их учительский состав набирался главным образом из детей священников, неудачников, не преуспевших в своем учении, или таких, которые, по бедности или неспособности, не могли продолжать своего образования. По этой причине учителя церковноприходских школ были плохо подготовлены к преподаванию и не оказывали никакого влияния ни на своих учеников, ни на окружающее население. Дети, окончившие эти школы, не заражались в них ни любовью к учению, ни желанием к усовершенствованию. Большею частью они становились полуграмотными или совсем безграмотными, неспособными читать и понимать самые простые рассказы, а тем более газеты.

Такой школой была и наша церковноприходская школа, в которой я начал учиться грамоте. Для меня открылся новый мир.

Наш дьячок, когда учил нас читать и писать, научил нас и пению. Когда приехал к нам новый, настоящий учитель, дьячку пришла мысль создать церковный хор. Получив на то благословение священника, он приступил к делу.

Это был второй год существования школы, и школьников стало больше. Это дало дьячку возможность подобрать таких, у которых был хороший голос и хороший слух.

Во время моей болезни составился хор, без меня. И хор начал даже петь в церкви по праздничным дням. Моей матери очень хотелось, чтобы и я пел в хоре. Но дьячок уже сделал свой выбор и не мог знать ни моего голоса, ни слуха.

В одно из воскресений во время обедни мать сказала мне, чтобы я пошел на клирос и присоединился к хористам. Я боялся, что дьячок прогонит меня. Но мать настояла на своем, напутствуя словами: «Коли дьячок будет тебя прогонять, скажи ему, что ты очень хочешь петь». Так я и сделал, как наказывала мне мать, и когда дьячок, увидя меня в хоре, строгим тоном спросил меня: «Зачем ты сюда пришел? Чей ты?» — я ему ответил, как учила мать. «А, так ты сын Самойлихи (так все звали мою мать)», — проворчал он только. Так я и остался в хоре. Дьячок не пожалел, что оставил меня. Оказалось, что у меня хороший голос, очень хороший слух и большая музыкальная память. Скоро я стал

солистом с двумя другими мальчиками, первым дискантом и первым альтом, а позже и чтецом и даже заместителем дьячка в церковных службах.

Случилось однажды на неделе раздался звон колокола, и долго он продолжался. И священник и дьячок жили от церкви далеко, и много времени проходило, пока они доберутся до церкви. Обычно если один из них запаздывал, колокольный звон звал опоздавшего. На этот раз колокольный призыв длился слишком долго. Священник начал терять терпение, а дьячок не приходил. Позже узнали, что дьячок уехал в поле и не предупредил об этом батюшку. Батюшка послал за мной церковного старика, чтобы я пришел заменить дьячка и служить с ним обедню.

Моя мать была очень горда этим и считала это за большую честь. Дьячок же относился к этому делу проще. Он уверен, что Ванька Самойлихин знает так же хорошо, как и он сам, порядок всех служб и что священник не возражает против того, чтобы Ванька заменял его в службах. Почему же ему и не использовать такого дарового помощника? К тому же это позволяло ему распоряжаться своим временем для своей личной работы. Таким образом я стал постоянным певчим-чтецом. Для меня же было тяжело исполнять эти обязанности, в особенности в зимнее время. На сорокоустной обедне¹² бывает всегда очень мало прихожан: пять-шесть человек, самое большее — десять. Церковь в нашем селе не отапливалась даже зимой, и молящиеся не могли ее нагреть. Стужа была лютая. Одежда же моя и обувь плохо защищали меня от холода. Бывало, читаешь, поешь, а сам дрожишь как собачонка бесприютная. Еще хуже было, когда приходилось хоронить в сильный мороз какого-нибудь богатого мужика или его жену. Идешь впереди гроба с непокрытой головой больше двух верст от дома покойника до церкви и такое же примерно расстояние от церкви до кладбища. Мороз лицо огнем жжет, иглами щеки колет, волосы покрываются инеем, все тело холодом пронизывает, руки цепенеют. Язык еле выговаривает слова: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас». Кажется, что голос на лету мерзнет.

Мое участие в церковных службах и требах на дому у прихожан сделало меня сельской знаменитостью. Не было в селе такого человека, который не знал бы Ваньку Самойлихи. Но мне моя «известность» не льстила, а, скорее, тяготила. С возрастом же она все больше и больше становилась для меня тяжкой. Родственники умерших все чаще

и чаще обращались с просьбой читать Псалтырь над покойником или покойницей. И мать моя не только охотно отпускала меня, но и настаивала, когда у меня не было охоты идти. Я не могу сказать, чтобы я очень боялся покойников, но все-таки я был не очень-то спокоен, в особенности ночью. Случалось, что старушки, приходившие посидеть ночь около покойника, засыпали. Только стол отделял меня от покойника. Не всегда вид покойника был приятен, а вид некоторых из них был даже страшен. Кроме того, вся обстановка избы была тяжелой, нередко трагичной. Поэтому я часто отказывался от этой неприятной обязанности. Мать же настаивала. Возникали ссоры с матерью, что мне было чрезвычайно неприятно: я очень любил мать и всегда старался не огорчать ее. Но в таких случаях мое отвращение пересиливало любовь к ней, она же не понимала причин моего отказа. Мой протест возникал все чаще и чаще.

Умирала Устиниха Борисова, наша соседка. Последние часы ее жизни были трудные, а для окружающих — страшные. Дьячка, как это часто случалось, не оказалось дома, и я заменял его во время печального последнего таинства соборования. Устиниха лежала на лавке в переднем углу под образами. Она была уже без памяти и не сознавала, что происходит вокруг нее. Одна из старушек держала ее безжизненную руку, в которую она вложила между пальцами свечу. Во время соборования в груди Устинихи что-то хлопотало, изо рта сочилась какая-то розовая пеннистая жидкость, и лицо ее перекашивалось судорогами. Вид Устинихи наводил страх на окружающих: по поверью простых людей, такую страшную смерть Бог посылает только большим грешникам. Поэтому чувство страха охватывало близких за душу Устинихи и овладевало также и теми, кто должен пробыть около нее до самой ее кончины. Эта боязнь вызывалась тем, что умирающая, по их понятиям, обладая бесовской силой, может встать и если не сделает зла присутствующим, то может все же напугать их.

На другой день, ранним утром, Устиниха скончалась, и один из ее сыновей пришел к моей матери с просьбой, чтобы я читал Псалтырь по усопшей. Мать, считая это дело богоугодным, не отказала ему. В таких случаях я не мог перечить ей. Родные покойницы хотели, чтобы чтение Псалтыри продолжалось без перерыва день и ночь, все три дня до похорон. Одному было невозможно это выдержать, поэтому взяли еще одного, моего товарища.

Часов у крестьян нашей деревни не существовало. Стенные часы были только у священника, у дьячка, у лавочника и в караулке сторожей при церкви. Наше чередование с товарищем при чтении Псалтыри устанавливалось по стогранию двухкопеечной восковой свечки. Она же и служила нам освещением. Другая свеча мерцала перед иконами в головах покойницы. Руки ее были сложены на груди, и вся она была покрыта до подбородка тонким, дешевым, белым, миткалевым полотном. Под подбородок подкладывали комочек из той же материи, чтобы помешать нижней челюсти опуститься. Без этой предосторожности рот мог открыться и так окостенеть.

В деревне не имелось готовых гробов. Обращались в таких случаях к одному из старичков, умевших владеть топором, пилой и стругом¹³. Он и делал из каких-нибудь старых досок «домовину» (так крестьяне называли гроб). Хотя и делалась она из плохонького материала, но с любовью и молитвой. Дно гроба устилалось свежим, душистым, мягким сеном. На покойника надевали чистое белье, а на ноги надевали туфли, сшитые из какой-нибудь мягкой материи. Под голову клалась какая-нибудь душистая трава, если она находилась под руками. До похорон стол придвигали вплотную к лавке, где лежала покойница. Стол и отделял ее от чтеца Псалтыри.

Днем приходили люди отдать последний долг покойнице, все время толпился народ, и я не чувствовал себя одиноким. Но с наступлением ночи родные ее, умаявшись за последние дни, засыпали. И в избу, по установившемуся обычаю, приходили одна-две старушки-соседки послушать чтение Псалтыри, помолиться и провести с ней последнюю ночь. Их присутствие ободряло чтеца.

С вечера, когда мы с товарищем начали чтение, в груди покойницы клокотанье продолжалось, но не такое сильное, как во время соборования, а глухое и менее отрывистое. Для моего товарища эти звуки были мало заметны. Во мне же они вызывали неприятное ощущение, возникшее еще во время соборования. Хорошо, что в это время я еще не знал рассказа Гоголя «Вий».

Одна старушка пришла на ночь, но через несколько часов начала похрапывать, потом, сказав, что устала, прилегла на лавку и заснула. Я остался один с покойницей (товарищ спал на полатях). Тревожное чувство овладело мною. По окончании одной из глав Псалтыри я сделал земной поклон и бросил взгляд под стол. В этот миг

мне показалось, что одна рука покойницы протянулась с открытой ладонью ко мне. Я вскочил как ошпаренный, мурашки забегали по всему моему телу, но я не вскрикнул. Я набрался храбрости и даже посмотрел на покойницу. Она по-прежнему лежала неподвижно. Я стал успокаивать себя мыслью, что это мне показалось, поэтому я не разбудил ни товарища, ни старушки.

С большим напряжением дочитал я свое положенное время, но земных поклонов не решился больше делать. Не сказал я об этом ничего и моему товарищу, разбудив его для смены меня. Не хотел только оставить его одного и разбудил также спящую старушку. Она, проснувшись и взглянув на меня, забеспокоилась и спросила, почему я такой бледный? Я ответил, что устал, хочу спать и поскорее взобрался на полати, чтобы избежать дальнейших распросов и постараться заснуть.

Утром, оправляя покойницу, заметили, что ее правая рука с разжатой ладонью действительно опустилась и очутилась под столом. В это время старушка вспомнила про мою бледность и догадалась о ее причине. Но я промолчал, не подтвердил ее догадки, не желая прослыть трусом.

Это было мое последнее чтение Псалтыри по покойникам. Никакие просьбы и мольбы обращавшихся ко мне, ни даже просьбы и приказы матери не оказывали на меня своего действия, и всякий раз я самым решительным образом отказывался от такой обязанности.

Моя «знаменитость» таила в себе и другую опасность, которая чуть не погубила меня, но это требует подробных объяснений.

В школе у нас не было уроков пения. Мы, школьники, даже не знали, что существуют ноты и партитуры. Кроме того, в нашем селе не было ни одного музыкального инструмента, даже не было своего гармониста. Единственными музыкальными инструментами были жалейки, свирель и дудка. Для детей покупали иногда на базарах глиняные свистульки. Несмотря на это, народ был очень музыкальный от природы и любил пение. Редко кто не умел петь. Хоровое пение в особенности было развито среди молодых девушек и девочек-подростков. У некоторых из них голоса были редкостной кристальной чистоты, звучные и грудные. Многие обладали удивительной музыкальностью; пелись старинные, проникнутые грустью, песни. Затянут, бывало, «Лучинушку» хором, — забудешь все на свете, заслушаешься их. Пелись и другие песни, принаравленные к разным

событиям крестьянской жизни: подблюдные (при гадании) на Святках, величальные (на свадьбах), венчальные, когда готовили невесту везти к венцу, и т. д.

Для пения в церковном хоре музыкальности, конечно, было недостаточно: необходимо было знать и ноты. Дьячок научил нас петь по нотам, объясняя ритм, такты, значение нот в тактах, их начертание, ключ, регистр и т. д. (камертон был единственным подсобным инструментом). Объяснив гамму, он приступил сейчас же к разучиванию церковных песнопений. Сначала он пел сам каждую партию по нотам, а потом с нами, и на этот раз мы должны были запоминать, как поется партия. Проработав таким образом каждую партию отдельно, он приступал к пению всех партий хора вместе.

Много труда приложил он в работе с нами. В конце концов добился желаемых результатов. В первое время мы хотя и держали ноты в руках, но пели исключительно по памяти и по слуху. Случалось, что мы сбивались. Тогда дьячок присоединялся к сбившейся партии и выправлял ее. Это дало нам повод говорить, что он может петь на все лады и на все голоса. Через год такой работы хор пел удовлетворительно не только песнопения простых напевов, но и таких очень известных композиторов, как Архангельский, Бортнянский и другие; это требовало многочисленных спевков.

Заметив, что я хорошо читаю по-церковнославянски, дьячок поручил мне читать во время заутрени Шестопсалмие. Однажды за чтение меня похвалили даже семинаристы, родственники священника, жившие у него во время отпуска. Семинаристы пользовались большим авторитетом не только у нас, школьников, но и у самого дьячка. Вероятно, следствием этого было то, что дьячок поручил мне однажды читать Апостол.

Шестопсалмие читается на клиросе, и молящиеся могут и не видеть чтеца. Апостол же читается за обедней, посредине церкви, и чтеца видят все. Апостол читает обычно дьякон, но в нашем селе дьякона не было, и Апостол читал всегда дьячок. Голос у него был небольшой, невыразительный и надтреснутый. Читал он невнятно и негромко, «бурчал себе под нос», как говорили про него.

И вот роль чтеца Апостола была поручена маленькому мальчику, местному «грамотею», что произвело большое впечатление на прихожан, присутствовавших в этот день в церкви. Мать же моя была, как говорится, «на седьмом

небе». Для нее дети, певчие церковного хора, представлялись ангелами, прислуживающими у престола Господня! Успех же ее собственного сына совсем вскружил ей голову. С этих пор меня начали приглашать читать Апостол во время венчаний, после чего и на свадебный пир.

В один из праздничных летних дней, за обедней, в нашей церкви появился красивый, изящный, молодой военный. По его одежде можно было принять его за офицера: брюки в обтяжку, форма, опоясанная белым поясом, хорошо сидела на его стройной фигуре. Он произвел громадное впечатление не только на баб и мужиков, но и на дьячка, на попадю и даже на самого священника. Во время службы все то и дело оборачивались на него, перешептывались между собой.

Оказалось, что этот военный был сын бедной вдовы нашего села. Он отбывал воинскую повинность в Петербурге в лейб-гвардии Семеновском полку. Теперь он возвратился окончательно домой в чине младшего унтер-офицера. Он неплохо рассчитал, появившись в церкви в своем парадном одеянии: форма покорила всех и открыла ему все двери.

Несмотря на его бедность, самый богатый мужик выдал за него свою дочь, а местное начальство выхлопотало ему место целовальника в кабаке села.

Не остался в долгу перед ним и дьячок: он пригласил гвардейца в церковный хор.

Таким образом мы, хористы, и познакомились с ним. Кабак этот находился недалеко от школы, где происходили наши спевки, и мы, солисты, перед спевкой начали заходить к нему. Мы приходили в кабак всегда значительно раньше начала спевки: нас привлекали рассказы целовальника о его службе в Петербурге, о том, что он там видел и слышал. Но видел он мало, а слышал больше всего то, что говорилось в казарме. О городе он мог нам сообщить только, какие в нем большие дома, какие церкви и какая большая река Нева... «На другой стороне Невы-реки,— рассказывал он,— построена крепость, которую ни один враг не может взять. В этой крепости — каменные мешки, где сидят люди, которые взбунтовались против царя».

В полку его обучили, как и других его товарищей, грамоте. За пять лет своего пребывания в Петербурге, кроме своей казармы, он не знал ничего ни о городе, ни о его значении, ни о размерах своей родины. Ему не объяснили даже того, что такое Отечество и какие его обязанности перед ним. Его рассказы ограничивались описанием маневров,

парадов его полка. С напряженным вниманием и почти с благоговением мы слушали его, когда он рассказывал о том, при каких обстоятельствах он видел самого царя, его наружность, манеру держаться и что сам он испытывал в эти минуты.

Однажды целовальник поднес каждому из нас по рюмочке водки. Потом, время от времени, нас стали угощать и некоторые посетители. Так, мало-помалу, мы «вошли во вкус», начали выпивать по рюмочке перед спевкой на свои деньги, а как достать деньги для этого? Мы решили в первое же Рождество идти по дворам «славить Христа».

Нас было трое: два брата Хомка (= Фомка) и Алексашка Каушкины, первый и второй дисканты, солисты и я, солист-альт. Раньше по дворам ходили и славили Христа только священник и дьячок. Для них славление Христа на Рождество было одной из важных доходных статей их бюджета.

Мы решили ходить только по богатым дворам. Входя в избу, мы пели кондак и ирмос праздника Рождества Христова и поздравляли хозяев с праздником. В благодарность нам давали две, три, пять копеек, а иногда и десять.

Бедные дворы нами были исключены из-за боязни, что они не смогут нас отблагодарить. Но мы ошиблись. Бедные обиделись, и мы убедились, что бедные часто были более щедры, чем богатые, когда мы стали заходить по очереди во все дворы. Успех был для нас неожиданный. Сначала священник и дьячок заволновались, видя в нас конкурентов. Потом они успокоились, и на Пасху они сами предложили нам ходить вместе с ними служить по дворам молебны.

На Пасху священник и дьячок ходили по прихожанам с иконами. Сейчас же после обедни добровольцы «богоносцы» выносили иконы из церкви и несли их в первую же избу, стоявшую на дороге. Так начинался обход. После молебна священник, дьячок и мы, хористы, христосовались с хозяевами, говоря: «Христос воскрес!» Все члены семьи давали священнику и дьячку по красному яичку, кроме того — некоторое количество зерна или муки, целый хлеб и несколько свежих сырых яиц. В некоторых дворах давали еще и кур. Нам, певчим, «плата» была не обязательна, но редко мы уходили из избы, не получив ничего. Обычно нам давали яйца и несколько копеек.

В первый день Пасхи ходили, обычно, по самым богатым дворам. Со второго дня Пасхи ходили по всем дворам подряд. В богатых домах нас к тому же и угощали, угощение

сопровождалось водкой. Священник нашего села не пил, дьячок же и мы, певчие, не отказывались. Угощали нас во многих избах, и к концу дня мы порядком пьянели.

Эти частые выпивки приучили мой организм к спиртному. На одной из свадебных пирушек меня напоили до такой степени, что я вернулся домой совсем пьяный, и моя мать нашла меня на полу в беспамятстве. Мой отец прибежал на ее крики. При виде моих посиневших губ, бледного как полотно лица и безжизненных рук мои родители решили, что я умер. Мать стала голосить. Прибежали соседи и, приблизившись ко мне, почувствовали запах спиртного. Тут-то и догадались послушать сердце, которое слабо билось. Дыхания же почти совсем не было заметно. Вспомнили тогда, что пьяных отпаивают парным молоком. Мать моя побежала к соседке, упрашивая ее подоить сейчас же свою корову (у нас уже не было больше коровы). С большим трудом старались влить молоко мне в рот, но зубы были так сильно стиснуты, что разжать их не удавалось. К тому же я был без сознания и ничего не мог проглотить. Наконец разжали зубы и влили немного молока. Молоко вызвало рвоту. Я очнулся, открыл глаза и заплакал. Всю ночь родители мои отпаивали меня парным молоком.

Смертельная опасность, грозившая мне в эту ночь, не произвела на меня сильного впечатления. Страх и тревога улеглись. Когда мои родители рассказывали мне о случившемся, мать обвиняла особенно «тех дураков», которые напоили меня «чересчур» водкой. Я искренне поверил, что взрослые люди были более виноваты, чем водка.

Не знаю, чем бы кончилось это мое раннее пристрастие к водке, если бы не произошло еще одно событие, излечившее меня от него навсегда.

Это случилось в августе на наш престольный праздник. Мне только что исполнилось 14 лет. По случаю праздника за обедом у нас были гости; как полагается в таких случаях, подносили и водку. Отец и мне предложил «выпить», но я отказался. После обеда отец и мать ушли на базар торговать булками и кренделями, чтобы заменить моего старшего брата. Гости тоже ушли. Я остался дома один, ожидая прихода брата с базара. В ожидании его я стал убирать со стола. В этот момент я не удержался от соблазна и «потянул» несколько глотков прямо из горлышка четвертной бутылки. Вероятно, я перехватил, но действие алкоголя не проявилось сразу, и мой брат, вернувшись домой, не заметил ничего ненормального в моем поведении. Я вышел

из дому с жестяной дудочкой (недавний подарок), что-то вроде примитивного музыкального инструмента. Она производила только одну ноту, но для крестьянского мальчика и такая дудочка казалась хорошим музыкальным инструментом. С ней я и отправился на базар. По дороге я остановился около хоровода молодых девушек, плясавших под звуки настоящего дудочника. Обычно застенчивый, я вдруг расхрабрился и присоединился к дудочнику с моей несчастной дудочкой. Это понравилось всем. Но скоро занятие это мне надоело, и я ушел из хоровода. Помню смутно, что после этого я поссорился со своими товарищами и оставил их тоже. С этого момента все спуталось в памяти моей. Куда я направился? По какой дороге пошел? Не помню ничего. На один миг я пришел в сознание около недостроенной кирпичной избы в саду. Мимо нее мы, школьники, проходили всегда осенью и ранней весной, так как улица в это время года превращалась в лужу липкой грязи, и такой глубокой, что ноги наши увязали, и мы рисковали потерять сапоги или прийти в школу в совершенно мокрых облипших лаптях. Поэтому нам, школьникам, позволялось проходить по чужим садам, где земля была тверже, грязи меньше благодаря траве. Проходя всегда мимо этой недостроенной избы, мы были убеждены, что в ней жил «домовой». Поэтому ночью мы старались избегать ее и не входить в нее. Очевидно, после ссоры со своими товарищами я и пошел по этому пути и заснул около этой избы. Проснулся я перед вечером и в полусознательном состоянии вошел внутрь избы и снова заснул. Во второй раз я проснулся, когда уже наступила ночь, вероятно, перед самой грозой, разразившейся этой ночью. Мое внимание привлек огонек, видневшийся вдали, я и пошел, выйдя из избы, на него. Огонек привел меня к жилой избе, которую я был неспособен узнать. Дверь в сени не была заперта на задвижку, и ощупью в темноте я начал искать дверь в избу и не находил ее. «Кто там?» — закричал кто-то. Я не отвечал и продолжал шуршать, царапаться о стены. Я не говорил ни слова, несмотря на повторные вопросы. Я чувствовал, что мое молчание и шум, производимый мной, пугали людей, но я был не в состоянии отвечать. Я слышал голоса, которые предлагали отворить дверь, другие — не соглашались. Наконец первые взяли верх: дверь отворилась, и я вошел в избу. Не говоря ни слова, я подошел к лавке, повалился на нее и сейчас же заснул. В избе меня узнали, поняли, что со мной: «Пусть проспится!» К сожалению, они не догада-

лись пойти сообщить моим родителям, что я у них. Наутро я проснулся поздно, выслушав от приютивших меня невольно хозяев рассказ о том, как сначала они приняли меня за привидение. Дома я застал в избе одну мать. Увидя меня, она вскрикнула и долго не могла прийти в себя, потом заплакала. Я почувствовал, что в доме случилось какое-то большое несчастье: так изменилась мать в лице. В чертах ее отражалось глубокое страдание, а глаза выражали скорбь. Но я еще не догадывался, что причиной этой перемены был я. Немного успокоившись, мать спросила меня: «Где же ты Ванюша, был? Где ты провел ночь?» От испуга, овладевшего мною при виде матери в таком состоянии, у меня не нашлось храбрости сказать всю правду, и я ответил, что ночевал у Алексашки, одного из трех солистов хора, что и случалось иногда. Я подумал, что мать недовольна, что я не ночевал дома или провел ночь среди людей, общество которых она не одобряла. Дружбу же с Алексашкой, наоборот, она поощряла. На мой неправдивый ответ мать тихим голосом сказала: «Нет, Ваня, это — неправда! Твой брат ходил к ним ночью за тобой, но тебя там не было, ты мне Ваня, солгал!» При ее словах меня бросало то в жар, то в дрожь, и слезы невольно от волнения потекли по моим щекам. Я был потрясен не тем, что я уличен во лжи, а от мысли, что солгал, и кому? Матери! Со слезами я рассказал ей всю правду и просил прощения за причиненные ей и всей семье страдания.

Это чувство и сознание виновности было так остро и глубоко, что осталось во мне на всю жизнь.

Я его переживал потом всякий раз, когда мать при случае напоминала мне об этой злосчастной ночи.

Успокоившись окончательно, мать рассказала о том, что произошло после моего исчезновения. Брат мой, Илюшка, проходя мимо хоровода, видел меня и догадался, что я пьян, и сказал матери об этом. Она же не приняла этого всерьез и, считая, что семья наша была скорее застенчивая, сказала: «Пусть парнишка позабавится разок!» В это время черные густые тучи покрыли все небо, грянул гром, и начался сильный ливень. Тут и спохватились, что меня давно нет, стали беспокоиться. Ливни в нашей местности бывают необычайные: в несколько минут вода покрывает все, заполняет все овраги. Вода превращается в бурные потоки, текущие с большой быстротой в реку. Люди видели, что я спускался в овраг, там, возможно, заснул: вода меня захватила, я утонул, а поток унес в реку. После дождя люди

с фонарями обшарили все склоны оврагов. Хотели просить бить в набат, чтобы собрать больше народу, но люди убедили моих родителей отложить поиски до восхода солнца. Когда я вернулся жив и невредим, меня не наказали, и я даже не получил никакого упрека. Но все это произвело на меня сильное впечатление. Я почувствовал всем своим существом, куда может привести «веселие пити», какой опасности я подвергался и какие страдания причинила бы моя гибель. И из-за чего? Из-за этого чертовского зелья!.. В один миг я осознал серьезность происшедшего и решил про себя никогда больше не пить. Я не давал моей матери зарок не пить и никому не сообщил о моем намерении. В глубине же своей души я дал себе торжественное обещание. Я просто сказал сам себе: «не надо больше пить», и сдержал свое слово.

В течение более двадцати лет я не выпил ни капли водки. Это было трудно, так как мои товарищи смеялись надо мной за мой отказ присоединиться к ним, когда представлялся случай. Женщины ехидно и иногда жестоко поднимали на смех мою трезвость, а мужчины называли «бабой». Но ничто не могло поколебать моего решения. Я оставался неуязвимым и равнодушным к насмешкам и даже к побоям.

Ноябрь для крестьян — самая скучная пора. Непрерывные дожди попеременно со снегом, серое, хмурое небо, грязь непролазная, дороги непроезжие — все это привязывало нас ко двору. Скот давно уже толчется все время на месте, ходит хмурый, тоскуя по вольному воздуху, по зеленым выгонам, по свежей траве, которую он мог щипать на свободе. Куры прячутся в теплые, сухие уголки. Даже воробьи и те забираются в кучи дров, хвороста, устраиваются под крыши или между ветвями, откуда посылают свое печальное чириканье. Они уже давно потеряли свой задор, позабыли свою драчливость.

Дети безвыходно сидят в избе, располагаясь кто на печке, кто на полатах, кто на примосте, в уголку. Взрослые также все скучились в избе, не имея возможности работать снаружи. Только крестьяне, у которых есть рига, во время дождя могут молотить хлеб. В избе же можно плести лапти, корзины для своего потребления, чинить сбрую. Женщины садятся за прялки, готовят пряжу, из которой будут ткать весной холсты. Дети мешают работе взрослых. Если кто-нибудь из них выйдет из своего угла, получает сейчас же окрик или шлепок. Детвора в такие дни сидит в своем углу,

без воздуха, без света, без книжки, будут они, как и их родители, неграмотные. И никаких развлечений у них нет. Дети даже для своих естественных нужд выходят на несколько минут во двор, надевая лапти или сапоги, накидывая одежду взрослых или старших братьев и сестер, так как в этом возрасте у них нет теплой одежды по их размеру.

Многие дети были обречены так проводить время, дышать смрадным воздухом не только в период осенних дождей, но и в течение всей зимы до начала весны, когда от солнца растает снег и земля подсохнет и потеплеет.

Развлечением осенью были только свадьбы. Настоящее веселье бывало только у богатых, для кого свадебные расходы не падали бременем на бюджет. Но у тех, у кого подати были еще не уплачены, осень была еще печальнее. Недоимки обычно платили в ноябре.

Для этого в село приезжал становой пристав в сопровождении волостного начальства. По волости объявлялось, что в таком-то селе, в такой-то день состоятся торги имущества и скота хозяев дворов, не уплативших податных сборов. Воспрещалось продавать только лошадь, если она была одна в хозяйстве.

О дне торгов в селе знали уже накануне. С этого момента неплательщиков охватывало волнение. Они начинали метаться повсюду, где бы можно было перехватить займы денег для уплаты хотя бы части недоимки, надеясь этим тронуть сердце начальства, чтобы оно отложило продажу остального. Другие же, не надеясь найти заем, угоняли скот в соседнее село, чтобы спасти его. Третьи прибегали к обоим этим способам.

У нас для продажи с торгов за недоимки могли взять свинью и самовар; о существовании свиньи и самовара начальство знало. Родители мои считали позором для себя лишиться их и принимали всегда меры к их спасению. В первую очередь прятался самовар. В то же время отец ехал накануне торгов к дьякону одного из соседних сел, чтобы достать денег займы. В заклад он брал с собой новый полушубок матери. На самом деле полушубок был не новый, но мать надевала его редко, он был неизношенный и мог сойти за новый. Дьякон не отказывал отцу дать деньги займы и брал за это проценты: по 10 копеек с рубля в месяц, то есть из расчета 120 процентов годовых. Денег, полученных за заклад полушубка, не хватало для уплаты всей недоимки. Опасность продажи нашего имущества с торгов оставалась. Поэтому мои родители, вернувшись от

дьякона, приняли другое решение. На следующий день, рано утром, отец разбудил моего старшего брата. Они тихонько оделись и молча вышли из избы, стараясь не разбудить меня и скрыть тайну. Но я уже проснулся от шороха и внимательно наблюдаю за их движениями. По придушенному визгу свиньи я догадываюсь, что лошадь уже запряжена, свинья положена на телегу или в сани, смотря по состоянию дороги. Мой отец повезет свинью в соседнее село к знакомому крестьянину в трех верстах от нас. Оно было в другом уезде и даже в другой губернии. Поездка отца в это село не представляла никакой опасности. Отец успевал до рассвета отвезти свинью и возвратиться домой. О том, что произошло ночью, в семье не говорилось. Отец, мать и брат думали, что я ничего не знаю, а я своим видом не показывал, что знаю все.

Когда сельские понятия приходили к нам за свиньей, они ее не находили. На их вопрос: «Где она?» — отвечали, что она давно продана.

Отец шел туда, где происходила продажа с торгов, и вносил деньги, взятые займы у дьякона. Дело было улажено, но успокоение наступало только тогда, когда торги кончались, начальство уезжало, свинья возвращалась домой, а самовар вынимался из потайного места.

Эти дни торгов были днями печали и слез. Понятия ходили по дворам неплательщиков, уводили лошадей, последнюю корову, кормилицу детей, овец и свиней, если такие водились. Женщины со слезами провожали свою скотину и плакали, как по покойнику. Они оставались на сборном дворе до тех пор, пока не проданась их скотина, не теряя надежды, что авось не найдется на нее покупатель. Но надежда их была тщетна: покупатели всегда находились, и их Буренушки, Чернявки, Рыжухи, Пеструшки уходили от них на убой или кормить молоком чужих детей. Скот продавался по очень низким ценам, так как профессиональные скупщики, «кулаки», знали отлично, что становой непременно продаст скот, и пользовались этим. Хорошая молочная корова оценивалась как мясная и продавалась даже ниже стоимости мяса.

Некоторым хозяевам проданного скота удавалось иногда перекупить свою корову у «сердобольного» скупщика, который, конечно, продавал ее с большой надбавкой. Но такие случаи были редки. Хороших коров купившие обычно не перепродавали.

В некоторые годы торги повторялись перед самым

Рождеством. В таких случаях переживать драму приходилось два раза в год.

В ту пору, к которой относятся эти воспоминания, неплательщиков недоимок разрешалось наказывать розгами. Достаточно было простого решения волостного начальства. «Виновного» вызывали в волость и там секли. Так был наказан один из моих дядей, старший брат моего отца. Он был выделен из семьи уже давно, еще до пожара, жил отдельно, имел много детей, из них только одного мальчика. Хозяйство у него шло плохо, и в конце концов он разорился. Он даже не пользовался землей, когда его решили высечь: она была сдана в аренду другому мужику. Недоимки накопились за старые годы. Дядя изредка выпивал, и к этому придрались, решив покарать его. Начальство рассуждало так: «На выпивку деньги есть, а для уплаты недоимки нет. Значит, что он злостный неплательщик».

Я видел его на другой день после наказания. Он пришел к нам и остановился на пороге, не желая сделать ни одного шага вперед. Вид у него был растерянный. Скорбная улыбка бродила на его губах. С ним не говорили о случившемся, чтобы не причинить ему боль. Только мать задала ему вопрос: «Больно было, Левон Иванович?» В ответ он как-то еще больше съежился, растерялся и ничего не сказал.

Видно было, что наказание подействовало на него удручающе. Он страдал не столько от физической боли, сколько от моральной, от сознания, что попрано его человеческое достоинство. После этой печальной истории он зачах и вскоре умер.

С раннего детства мы подвергались многочисленным унижениям со стороны высших сословий. Начальство (господа, богатые купцы, чиновники) имело полную власть над крестьянином и могло даже прибегать к избиениям. Часто на крестьянина сыпались непредвиденные ругательства, и он не мог защищать своих прав. Местные власти пользовались всяким случаем, чтобы обидеть его или ударить. Урядник, становой пристав, барин, ехавшие на тройке, или арендатор в тарантасе могли заставить крестьянина свернуть с дороги. Они считали своим долгом обругать мужика, который недостаточно быстро уступал дорогу, чтобы они могли проехать, даже если это было на земле, принадлежащей крестьянам, или на проселочной дороге, пролежавшей через их же поля. Зимой и летом барский

кучер останавливал свою тройку и бил кнутом мужика, замешкавшегося на дороге. Мужик знал, что он всегда будет виноват перед бариним. Он должен все переносить.

Едет, бывало, обоз с поклажей в 10—15 подвод, когда весной дороги превращались в трясину, или же зимой, когда с обеих сторон дороги скопились снежные сугробы. Крестьянские лошаденки — малосильны и еле-еле тянут воз по дороге. Вдруг навстречу обозу тройка барская мчится. Кучер кричит: «Сворачивай!» Но мужики еще до грубого окрика заметили некрестьянскую повозку и начинают сворачивать с дороги, тащить своих бедных животных в грязь или в снег. После проезда важного лица у лошадей нет сил выбраться на дорогу. Крестьяне гурьбой стараются выправить повозку, помочь лошадям выйти на торную дорогу, проклиная того, кто причинил им беду. Они подбодряют несчастных лошадей, толкая повозку сзади, и тащат самих лошадей спереди, поощряя их криками. Если случайно проезжал верхом на лошади барский объездчик, он стегал плетью мужика за то, что его лошадь, оставшись без присмотра, забежала на барское поле и съела несколько колосьев овса, ржи или пшеницы.

Наша общественная земля граничила с помещичьими полями на протяжении 17 верст. Вот почему многие мужики и парни испытывали на себе не раз «отеческое» внушение.

Служащие помещичьих имений считали своим долгом посмеяться над мужиком.

В 90-х годах XIX века принцесса Ольденбургская обзавелась верблюдами для своей экономии. В нашем краю таких животных не видели никогда. Рабочие экономии ездили на этих животных за харчами для девушек-поденщиц, приходивших работать на свекло-сахарных полях за 30 и более верст от их дома. При виде верблюдов крестьянские лошади начинали косить глазами, храпеть и дрожать от страха. Тогда крестьяне соскакивали с телег, брали лошадей под уздцы, закрывали им глаза, повертывали задом к дороге, по которой верблюды должны были пройти. Но правящим верблюдами было недостаточно напугать лошадей и привести в беспокойство хозяина. Приблизившись к лошадям, они начинали раздражать верблюдов, чтобы они ревели. Русская лошадь, не привыкшая к реву верблюдов, не выносила его и бросалась как обезумевшая галопом. Таким образом, хозяин ее оказывался повисшим на поводьях, рискуя каждую минуту свалиться и упасть под копыта лошади или под колеса телеги. Если это случалось в поле

и поблизости не было ни рва, ни оврага, то и лошадь и хозяин рисковали быть искалеченными. Так или иначе «шутка» кончалась всегда испугом и лошади и ее хозяина. Но бывали и случаи, когда лошадь калечилась и мужик был ранен.

Когда мужику приходилось ездить в город, всякий представитель власти, городской или околоточный, бил его за то, что он поехал по улице, по которой ему запрещалось ездить, или недостаточно быстро свернул в сторону для свободного проезда экипажа какого-нибудь начальника.

Надо быть мужиком, чтобы познать самые худшие притеснения. Вот почему мужик города не любил. Он боялся его, и если ездил туда, то не ради удовольствия, а за тем, чтобы продать свой урожай или купить самое необходимое для домашних нужд, того, чего не было у сельского купца.

С враждебным отношением к мужику я очень рано столкнулся. Недалеко от нашего села жила помещица, которую звали Сибиркой. Была ли это ее настоящая фамилия или прозвище, данное еще крепостными кому-нибудь из ее родственников, — не знаю. Я никогда не видел самой барыни. Бывшие крепостные говаривали о ней, что она — барыня строгая, и этим ограничивалось. Дух крепостничества, психология крестьян, вчерашних крепостных, еще не были изжиты окончательно. Этим быть может и объяснялась их сдержанность в отзывах о своей бывшей владелице.

Отец ездил иногда к Сибирке покупать старновку (снопы, обмолотые слегка, в которых были еще колосья). Он брал меня с собой. Гумно у Сибирки было обнесено каменной стеной. Въедем мы, бывало, туда, и сейчас же чувство страха охватывает меня. Мне казалось, что за ее каменными стенами с нами могут сделать все, что хотят, и чудилось, что в каждой закоулке нам грозит опасность. При въезде нас встречала целая свора злых собак, которых боялся даже мой отец. Я же сидел в телеге и дрожал, ожидая, что они вот-вот набросятся на меня и загрызут. Чувство страха исчезало только тогда, когда мы выезжали из ограды Сибирки и оказывались на почтительном расстоянии от враждебного места.

Но самое сильное впечатление произвел на меня следующий случай. У крестьян нашей местности огородов не было. Капусту, огурцы, арбузы для засола впрок на зиму они покупали у бахчевников, занимавшихся этой культурой. Бахчевники, большей частью выходцы из мещан, снимали в аренду залежные участки земли или лесные пустоши. Они разделявали их и разводили на них огородные овощи

и фрукты. Под осень они продавали их крестьянам окружающих сел. Капуста продавалась поштучно, огурцы — на меру, а арбузы — грядками. Крестьяне за арбузами приезжали с детьми, которым эта поездка доставляла большое удовольствие, и к тому же они помогали своим отцам срывать арбузы и катить их к телеге. Однажды на бахчу поехали: отец со мной, дядя со своим сынишкой и другие соседи со своими детьми.

Приехав на бахчу, мужики обычно сначала ходят по бахче, выбирают грядки, какие им больше нравятся, и торгуются с бахчевником. В этот момент позволяется даже сорвать несколько арбузов наугад и попробовать, чтобы судить об их качестве и зрелости. Ребятишкам также не запрещается ходить с отцами вдоль грядок. Наконец грядки выбраны, цены установлены и ребятишки набрасываются на купленные грядки, чтобы сорвать арбуз, какой им больше всего понравился. Таков был обычай.

Однажды один из мальчиков бросился сорвать понравившийся ему арбуз, будучи уверен, что находится на купленном отцом участке. Едва успел он сорвать арбуз, как бахчевник схватил его за руку, обвинил в краже и увел к своему куреню, где привязал к веревке рядом с собакой. Как ни плакал мальчик, как ни убеждал в своей невинности,— ничто не помогло. В слезах провел он все время, пока все арбузы не были поделены и погружены на телеги. Никто, даже его отец, не протестовал против такого глумления над мальчиком. Никто не пожалел, никто не утешил его. Он испил чашу страдания до дна. Его отец униженно просил бахчевника отпустить сына, когда все были готовы к отъезду. Когда мы вернулись домой, я рассказал матери о случившемся. Она разгневалась и жестоко порицала моего отца и всех, кто присутствовал при этом и не вмешался. Я находил упреки моей матери справедливыми и был уверен, что мать не допустила бы мучений мальчика. Мое доверие к ней возросло еще больше в другой раз при аналогичном случае.

В церковноприходской школе нас не учили естествознанию. О произрастании мы знали только, что семена, брошенные в землю, дают ростки, которые развиваются и вновь дают семена и что семена, посеянные в лучшую землю, приносят больше семян и дают лучший урожай. Но какая точно существует связь между зерном и землей? Зерно и растение — живые существа или нет? Мы этого не знали. Отец любил прививать деревья, и часто удачно. Но

он, как и все другие мужики, не знал, какая существует связь между дичком и черенком. Он прививал наугад, его техника определялась практикой. Поэтому прививка иногда удавалась, но чаще всего она была неудачной. В случае удачной прививки в этом месте образуется всегда небольшое утолщение, которое нас, мальчуганов, всегда очень интересовало. По пути в школу мы шли по тропинкам фруктовых садов и проходили всегда мимо привитого года два-три назад деревца и рассматривали его. Однажды мы задержались около него дольше обычного, рассуждая все о том, что происходит в месте прививки. Мое любопытство на этот раз настолько было велико, что я, не долго думая, схватил деревцо и отломил его от дичка. Мой варварский жест, естественно, не разрешил загадки, а хозяина сада я лишил молодого деревца, которое должно было скоро приносить плоды. Потерпевший хозяин, конечно, скоро узнал, кто сломал деревцо. На другой день пришел он к нам с жалобой на меня. Дома у нас он застал мать. Он пригрозил поймать меня и отодрать меня за уши за мой преступный поступок. Нужно было видеть в этот момент лицо моей матери: оно горело от возмущения и гнева, но сохраняло спокойствие. Потом, тоном тоже спокойным, но глубоко убежденным, мать сказала потерпевшему: «Ты не посмеешь тронуть моего сына. Я сама его накажу, если он этого заслуживает. Скажи, сколько стоит твой прививок, и я за него заплачу. Сына же бить я тебе никогда не позволю». И потерпевший не осмелился меня тронуть.

В городе крестьянин чувствовал себя всегда окруженным обидчиками. Приходилось сейчас же садиться на телегу, как только въезжали в город, так как не имели права идти пешком по мостовой около телеги. Городские мальчишки встречали нас в таких случаях обидными словами и даже бросали в нас камнями. Не давали нам покою также и мелкие воришки, которые всегда шныряли вокруг крестьянских подвод, выжидая удобного случая, чтобы стащить что-нибудь с воза: полушубок или поддевку, сброшенную с плеч в жаркий день, или веретье, грубую полость, служившую для покрытия воза.

Случилось, отец отлучился на минутку, зашел в лавочку, около которой мы остановились, а я сижу на телеге, полушубок отца около меня. Вдруг подбегает воришка, схватывает полушубок. Я кричу, зову отца, тещу полушубок к себе, а вор — к себе. Отец выбегает из лавочки ко мне на помощь. Воришка при приближении отца, выпускает

из рук добычу и удаляется спокойным шагом. Он знает, что отец не погонится за ним, боясь, как бы другой воришка, сообщник первого, не воспользовался этим, чтобы вырвать из моих рук полушубок. Но если даже он и поймает вора, с ним нужно идти к начальству, к городовому. К тому же он не уверен, что городской поддержит его. Напротив, дело повернется против него же. Вот почему он рад и тому, что полушубок удалось отбить у вора.

В Воронеже гончарам, на некоторых рынках, не позволяли продавать горшки. Бывало, только что мы расположимся с отцом или братом для продажи, развяжем воз и выставим несколько горшков для показа, как вдруг приходит городской и прогоняет нас с нашего места. Приходится укладывать горшки обратно, завязывать воз, искать другое место, на другом рынке. Поэтому-то, по крайней мере у наших односельчан, создавалось впечатление, что город враждебен к ним, и отсюда боязнь и неприязнь крестьян. Боязнь была не без оснований. От городской администрации исходили одни только неприятности для крестьянства. Мужик от города ничего не получал, что бы радовало его, скрашивало его тяжелую жизнь. Даже приезд архиерея, духовного отца и наставника паствы, наводил на нас страх. Он редко объезжал свою епархию.

Я был уже школьником и певчим хора, когда он приезжал в наше село, и потому принимал участие, когда его встречали. В день его приезда весь причт, хор и прихожане, желавшие видеть архиерея, получить архиерейское благословение, пришли в церковь с утра, так как мы не знали, в какой точно час он приедет. Поэтому с утра специальные верховые посылались на границу наших земель с землями соседнего села. На них возлагалась обязанность следить, когда покажется на дороге архиерейская коляска. В этот момент они должны были скакать по кратчайшей окольной дороге, чтобы предупредить нашего батюшку об этом. Одного дозорного поставили на колокольне, и оттуда он наблюдал за дорогой, ожидая появления архиерейской коляски. Дорога проходила по нашим полям параллельно селу, что представляло около двух верст до проселочной да еще две версты, чтобы доехать до церкви. Путь этот хорошо был виден с колокольни. Дозорный, завидя архиерейскую коляску, должен был сейчас же сообщить об этом батюшке и звонарю, выбранному из самых лучших. Немедленно поднимался он на колокольню звонить во все колокола, делая искусные переборы и трели. В это время дозорный продол-

жал посылать с колокольни свои донесения: «Архиерей свернул с проселочной дороги... Приближается к селу». В этот момент архиерейская коляска была видна и для всех собравшихся встречать архиерея. Батюшка вышел с дарами на паперть церкви. Дьячок же и хор стояли на клиросе в церкви. Батюшка дрожал как осиновый лист. Попадья потом рассказывала, что он чуть не выронил из рук чашу с дарами.

Но вот коляска приближается к ограде церкви, останавливается. Служка архиерея соскакивает с козел и открывает дверцу коляски. Архиерей, в сопровождении своего келейника, выходит из экипажа и направляется к церковной паперти, где происходит его встреча с батюшкой. Встречавшие его пасомые⁴, при выходе архиерея из коляски, становятся на колени. При вступлении его на паперть хор поет: «Исполаети деспота» (что по-гречески означает: «Многая лета, Владыко!»). Архиерей со священником входят в алтарь через Царские Врата, но перед этим архиерей оборачивается к молящимся и благословляет их.

О чем говорил архиерей со священником? Какие он ему дал назидания? Ничего неизвестно. После его отъезда прихожане узнали только, что священник и попадья остались довольны приездом архиерея. Священник всегда боялся выговоров.

Как изменились архиереи со времен, когда жили Митрофан Воронежский¹⁵ и Тихон Задонский¹⁶! Народ и духовенство тогда не боялись их и искренне их любили.

Крестьянство не спешило идти по стопам города. Оно продолжало питаться еще соками старины. Оно не изменило даже своего внешнего вида: оно строилось, одевалось, обувалось по-старинному. Лапти были главной национальной обувью; полушубок, тулуп, поддевка, халат оставались национальной одеждой. Религия сохранила верования дохристианской веры. Деревня жила своей обособленной жизнью, а город не спешил приобщить ее к своей жизни. Оторвавшись же от деревни, городские жители поздно заметили и поняли, чем им грозит их оторванность от деревни. Поэтому-то очень поздно попытались они приблизиться к деревне, к их матери-кормилице.

Но трудно было резко изменить создавшееся положение. Оказалось, что разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический и даже языковой.

Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать городской культурный язык. Горожанин и крестьянин стали говорить на разных языках. Они плохо понимали друг друга и расходились, не договорившись ни до чего. Взаимоотношения их осложнялись еще тем, что горожане, вместо того чтобы объяснить, показать, в чем состоит преимущество новой городской жизни по сравнению с деревенской, стали навязывать сельским жителям насильно новый уклад жизни, не спрашивая их, и брать буквально под опеку крестьянство. Делалось это довольно неумело. Деревня насторожилась, стала пассивно сопротивляться, но иногда сопротивление было активное.

Так образовались две культуры: городская и крестьянская, два разных мира. Город был ближе к миру европейскому, деревня не отличалась от мира, каким он был при Петре Великом, до реформ.

Различие между двумя мирами появлялось даже в разделении года, в обычае отмечать происходящие события каждодневной жизни. Город при Петре Великом после реформ получил гражданский календарь, разделявший год на месяцы и числа. Крестьяне же исходили из церковных событий, церковных праздников. В повседневной жизни они считали по-своему: такое-то событие произошло на Покров (Пресвятой Богородицы), а не 1-го октября, на заговенье осеннее (начало Рождественского поста), а не 15-го ноября, на Казанскую (иконы Божьей Матери), а не 22 октября, на Введение (во храм Пресвятой Богородицы), а не 21-го ноября, на Николу-вешнего (перенесение мощей святого Николая-чудотворца) или на Николу-зимнего (свят. Николай-чудотворца), а не 9-го мая и 6-го декабря.

Так же считали они семейные события: рождение, крещение, свадьбы, похороны, исчисления возраста членов семьи. Говорили, например, что такому-то исполнилось столько-то лет на святого Илью-пророка (20 июля); такое-то событие произошло через месяц после Ивана-Купала (24 июня); что это случилось за неделю до Петрова дня (св. Апост. Петра и Павла); свадьбу решили сыграть в мясоед или на Красную горку¹⁷: в этот день дети катали пасхальные яйца по склону, выигрывал тот, чье яйцо тронуло яйцо другого игрока.

Крестьянин не понимал, если ему говорили, что такое-то событие случилось 24 июня (то есть на Ивана Купалу) или что он должен сделать то-то к 29-му июля (к Петрову дню),

Рождественский пост крестьяне называли Филипповским, потому что он начинался в день святого апостола Филиппа.

После осеннего заговенья (15 ноября по старому стилю, 28-го — по новому) появлялись в нашей местности все чаще и чаще первые заморозки, а дожди и мокрый снег шли все реже и реже. Воздух постепенно становился суше. На Введение бывали уже порядочные морозы, а на Николюзимного (6-го декабря) река покрывалась тонким, чистым, прозрачным слоем льда, по которому детвора могла уже ходить, не удаляясь от берега. Взрослые, у которых зимой не было работы дома, покидали свои семьи. Одни уезжали заниматься извозным промыслом, другие — в лес валить деревья, третьи — занимались работами на открытом воздухе. Дети, которым надоело сидеть в избе, ждали с нетерпением, когда распогодится. И те, у кого была подходящая одежда и обувь, также вылезали из избы на свежий воздух. Этот момент был самый опасный, требовавший от взрослых постоянного наблюдения за ними, в особенности за самыми предприимчивыми, так как, едва речка покрывалась льдом, ребяташки стремились покататься по льду и ловить рыбу палками с толстым концом. Небольшие рыбешки плавали совсем близко под самым льдом. Так как лед был еще тонкий, то их можно было легко взять рукой через отверстие, пробитое во льду. Дети не всегда отдавали себе отчет, в каком месте лед может не выдержать их веса и провалиться под ними. К тому же, увлекшись катаньем по льду, поглощенные рыбной ловлей, они забывали совсем об опасности, грозившей им: они могли провалиться и утонуть подо льдом, что и могло случиться с нами. Нас собралось восемь товарищей в возрасте семи-восьми лет. Улучив минуту, когда взрослые за нами не следили, мы побежали на речку, только что замерзшую. Сначала мы катались около берега, потом решили перебраться на другой берег, чтобы ловить рыбу. У меня была железная палка с острым наконечником. Сделав пробу два раза моей палкой, мы решили, что лед выдержит вес восьми мальчишек. Река в этом месте была очень глубокая, но нас это не страшило, раз опыт с моей палкой был достаточно убедительным. Мы храбро отправились в путь. Но дойдя до середины реки, мы заметили, что лед под нами гнется, но еще не ломается.

В этот момент взрослые увидели нас с берега. Они знали, какой опасности мы подвергаемся, и начали кричать. Их

крик перепугал нас. Не разобрав, что нам кричат, мы повернули назад, собравшись в кучу. Лед под нами затрещал. К счастью, в этот момент мы услышали грозный окрик одного из товарищей: «Разойдитесь! Лягте на живот и ползите гуськом вперед, старайтесь быть подальше друг от друга». Лед под нами сильно прогнулся, но не треснул. Спасением нашим были мы обязаны тому, что новый лед обладает большой эластичностью, он гнется, но не разбивается. Так ползком мы и добрались до противоположного берега. Мы получили приказ возвратиться обратно через мост. К этому времени на берегу собрались все наши родные, одни с веревками, другие с досками и следили с ужасным страхом за нашим переходом, готовые каждую минуту броситься к нам на помощь.

Наиболее любимым нашим зимним развлечением было катание на салазках. О коньках мы имели представление, потому что их видели у сыновей священника. О существовании лыж мы совсем не знали. Катанью на салазках мы отдавали все свободное время. Склоны берега к речке у нашего села хотя и были не очень крутые, но длинные и извилистые с многими поворотами. Самый ближайший склон тянулся почти на полверсты. Бывало, раскатишься на более отвесной части его с такой быстротой, что дух захватывает, сердце замирает, а встречный воздух огнем жжет лицо и уши. Нам, малышам, все было нипочем, ничто не пугало: ни жгучий мороз, ни рытвины, ни опасность упасть в овраг, вдоль которого шел наш путь, или полететь кубарем вместе с салазками, пока не попадали в сугроб в глубине оврага. По очереди каждый из нас был то лошадью, то кучером, то седоком. Когда из лошади мы превращались в седока, мы садились на салазки и кричали: «Эй! Берегись!» И «тройка» на двух ногах мчалась галопом вдоль реки или оврага. Салазки были нашими санями, повозками и вагонами. Мы составляли обозы, поезда и прокатные сани, запряженные тремя-четырьмя лошадьми цугом. Роль лошадей и паровозов исполняли мы сами. Собак мы никогда не запрягали в сани. К тому же крестьянские собаки свободолюбивы и не подчинились бы нам, маленьким порабитителям.

Нашей мечтой было иметь салазки такие, какие были у наших старших братьев: с железными полосами, прибитыми к полозьям, благодаря которым они не валились на бок, когда они скользили по обледенелому склону. Наши же часто свертывали с намеченного пути и летели в овраг или в сугроб. О салазках, как у взрослых, мы мечтали еще и по-

тому, что, когда они мчались во весь дух, из-под них летели искры. И это редкостное явление казалось нам самым важным в нашем спорте!

Морозы крепчали. Солнце почти не показывалось. Начинаясь все чаще и чаще метели. Задолго до Рождества загоняли детвору в избу, в самые темные углы. Мы жили мечтой о наступлении Рождества. Рождество сулило обновки, например, новый полушубок кому-нибудь из членов семьи. Если были деньги, покупки принаравливались к празднику. Женщины шили новые рубашки для детей из фабричного материала, купленного в городе. Может быть новые шапки для тех, у кого старые износились совсем, или же шарфы. Портки шились всегда из своего домотканого материала, чаще всего из посконного холста. Эти полезные и необходимые вещи заменяли подарки, которые получали городские дети.

Рождество ждали с нетерпением еще и потому, что с наступлением этого праздника кончался сорокадневный Филипповский пост, который нас сильно изнурял. Посты в деревне соблюдались очень строго: не ели ни мяса, ни яиц, не пили молока не только взрослые, но даже и дети. Только серьезно больным детям давали молоко (у кого оно было), и то только с разрешения священника. Питались во время поста только квасом, кислой капустой, постными щами, в которые уже на столе вливалось немного масла для заправки, картофелем и пшенной кашей, у кого эти продукты были. Только два раза во время 40-дневного поста разрешали есть рыбу: на Введение во храм Пресвятой Богородицы и иногда на Николин день. Весь год мы ели только «черный» хлеб, то есть из ржаной муки.

Потому ли что желудок наш уставал от однообразной пищи или от недостаточности питания, к концу поста появлялось желание съесть что-нибудь «скоромненькое». Но вот наконец наступал Рождественский сочельник. Этот день, как и канун Нового года, и «Свечки» (так называли у нас Крещенский сочельник) считался в нашей семье днем строгого поста, днем очистительным, днем подготовки к встрече больших праздников. С утра перед образами горела лампадка. Вся семья постилась: не ела «до звезды», то есть до вечера, пока не появится на небе первая звезда. Печка в эти дни хотя и топилась с утра, но в ней ничего не

варилось. Мне бывало очень трудно провести целый день без еды. Чуть не с полдня я начинал ходить за матерью по пятам и просить ее позволить мне съесть «хотя бы кусочек хлебца». Я ей так надоедал, что ее материнское сердце в конце концов не выдерживало, смягчалось, и я добивался желаемого.

Под Рождество мать совсем не спала. С вечера затапливалась вновь печь и начиналось приготовление рождественского обеда: варилась баранина и свинина на медленном огне («упариваться»), приготавлилась лапша и блинчики. Приготовление муки для блинчиков требовало много времени и сил. Для этого пшено толклось в большой деревянной ступе, деревянным же пестом, и полученная мука просеивалась через сито. Для приготовления достаточного количества муки и выпечки блинчиков на всю семью затрачивалось много времени. Пшено толкли в два песта — моя мать и сестра. А у сестры была и другая спешная работа: дошивать брату или мне новую рубашку, которая должна обязательно быть готовой к уходу в церковь. В ожидании рубашки я нервничал. Я считал за большое несчастье пойти на Рождество в церковь в старой рубашке. И сестра напрягала все свои усилия, старалась во что бы то ни стало окончить рубашку вовремя.

На Рождество я просыпался очень рано и наблюдал, что делает мать, чем занята сестра. Каждая делает свое дело озабоченно, ходят тихо по избе и только изредка перекидываются почти шепотом несколькими словами. До рассвета еще далеко, но чувствуется, что скоро зазвонят на колокольне, призывая верующих в храм.

Часов не было ни у кого. Но время определялось довольно точно по чутью или по пенью петухов, ночью — по исчезновению звезд на небе, днем — по солнцу.

Рождественская служба была очень долгая. В нашем селе священник редко служил всенощную, поэтому вечерня и утренняя (заменявшие всенощную), часы и обедня служились одно за другим. Вся служба часто кончалась еще до рассвета. Поэтому и начинали созывать в церковь молящихся так рано.

При приближении Рождества мы испытывали какое-то особое чувство, не такое, как на другие праздники. Вот еще несколько минут, и раздастся благовестный звон колокола. Время идет, и не знаешь, сколько: минуты? часы? И вдруг слышишь, раздается: бум! Первый удар колокола как бы повисал некоторое время в воздухе. Потом, также неожиданно,

данно, раздавался второй удар, и опять казалось, что он застывал в морозном воздухе. Затем следовал третий, четвертый с промежутками все более и более короткими. А потом звоны следовали один за другим, равномерные, не частые, как бьют в набат, и не медленные, как при похоронах или в дни Великого поста. Раздаются призывы колокола торжественные, они заполняют морозный воздух. Заслышав эти призывы, люди зашевелились, задвигались, улица начала оживать. Вот послышались шаги одинокого человека, идущего мимо нашей избы. Через некоторое время слышно, как скрипит снег под шагами прохожих, и я знаю, что это жители соседнего села. Они всегда приходили раньше других. Потом идут наши соседи с моими товарищами, которые стучат к нам в окно, спрашивают, готов ли я, чтобы идти вместе с ними. Я начинаю волноваться, торопить своих, чтобы скорее мне дали то одно, то другое, сержусь, если долго не нахожу чего-нибудь. Одному идти ночью боязно, и в то же время я боюсь опоздать к началу службы. Если не пойду вместе с товарищами, то пойду с братом, который всегда мешкается, выходит позже других. Но мать меня успокаивает, говорит, что он будет готов и мы с ним вовремя придем в церковь. Наконец сборы кончены, и мы с братом выходим из дома. На улице тихая-тихая, темная-претемная ночь, и мороз трескучий. Ни одного дуновения ветра, воздух точно кристальный. Одни лишь призывы колокола дрожат и охватывают бесконечное пространство. Звезды сверкают холодным светом. Снег хрустит под нашими ногами. В первый момент мы слышим только скрип снега и звуки колокола. В такой почти полной тишине мы пересекаем выгоны без всяких построек. Перед нами вырисовывается церковь. Она уже вся в огнях. До нее еще минут десять ходьбы, но ее очертания ясно выделяются в темноте. Вокруг церковной ограды появляются и исчезают темные массы, и начинаешь уже различать то отдельную фигуру, то группу людей. Это запоздавшие, как и мы с братом. Группа выделяется из темноты и попадает в круг света, идущего от церкви. Все спешат.

Мы с братом поднимаемся на паперть в тот момент, когда звон колокола прекращается и начинается трезвон во все колокола. Мы входим в церковь. Она уже полна до отказа. Мы проталкиваемся поближе к алтарю. Не успев еще добраться до середины церкви, мы видим, как зажигается нитка, которая идет от свечи самого большого паникадила. Огонек бежит по этой нитке, зажигает каждую

свечку одну за другой или несколько сразу. В один миг все паникадило горит и освещает центральную часть храма. Все становится особенно ярко, и воцаряется торжественное настроение. Каждый переживает особое чувство. Все земное забывается: тяжелая, неприглядная жизнь, разные беды, все исчезает. Хор запекает: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». На душе действительно чувствуется благоволение.

Две недели, с 25-го декабря по 6-е января, назывались Святочными неделями или, просто Святки. Одна неделя Святков кончила старый год, другая начинала новый. Несмотря на название, проводили их самым грешным образом. Молодежь собиралась в эти вечера у кого-нибудь из соседей и играла в карты. Мои родители не одобряли это и нас не пускали на такие вечеринки. Они старались проводить эти вечера подобающим образом: за чтением Евангелия. Читал Евангелие отец, когда был дома, и мы должны были слушать.

Празднование Нового года походило больше на языческий праздник, чем на христианский. Старались отгадать свою судьбу разными способами или шутками. Этим занимались не в крещенский вечер, как в других местностях, а накануне Нового года. С наступлением сумерек дети и подростки пользовались этим обычаем, выходили с товарищами из дома, бегали гурьбой по селу, подглядывали в окна изб, чтобы узнать, что в них происходит, подслушивали разговоры или спрашивали у проходящих: «Как жениха (или невесту) зовут?» Часто в ответ мы называли такое невероятное и смешное имя, что они смеялись до слез. В то же время крестьяне верили в приметы, в особенности когда они предвещали болезнь или смерть. Заслышав приближение детворы к окну, какой-нибудь шутник затягивал похоронное пение «Вечная память», например, или «Святой Боже, святой Крепкий, святой Бессмертный», и мы, не подозревая, что поют не случайно, а нарочно для нас, отскакивали от окна, как ошпаренные кипятком, и убегали как можно дальше в страхе от мысли, что кому-то из нас грозит смерть в этом году.

За исключением подобных страшных моментов было много забавного и веселого в этот вечер. Набегаешься, бывало, придешь домой и ног под собой не чувствуешь. Возвратившись домой, я бросался сейчас же на теплую печку

и быстро засыпал. В то же время я знал, что впереди предстоит самое интересное: к сестре придут подруги и будут они гадать. Я начинал отчаянно бороться со сном, старался не проспать их гадание. Сон же оказывался сильнее меня, но я крепился, крепился и... все-таки засыпал. Но желание узнать во что бы то ни стало, что принесет девкам гаданье поздней ночью, создает тревожный, чуткий сон, и потому всегда, бывало, я просыпался в желаемый момент. Сквозь сон вдруг чувствуешь, что в избе что-то происходит. Проснешься, откроешь глаза и смотришь. Подруги сестры все уже в сборе. Они о чем-то шепчутся и тихонько выходят из избы. Через некоторое время они возвращаются и впереди себя каждая из них вталкивает в избу овцу с какой-нибудь лентой, шарфом или кушаком на шее. По этим украшениям гадальщицы распознавали, какую овцу они поймали в полной темноте в хлеву. По внешнему виду, по возрасту, по характеру пойманной овцы каждая судила о своем суженом. Определив все качества овцы, они уводили их обратно в хлев и возвращались со двора в избу с курами. Для кур-прорицательниц на полу рассыпали заранее зерна овса, ржи или проса порознь, не смешивая их. Ставили также на пол миску с водой и зеркало. Куры были разного оперения: хохлушки, пеструшки, рыжие, желтые — принесены из курятника с мороза. Одни очень быстро осваивались в новой обстановке и в тепле, начинали клевать насыпанное зерно. Другие оставались некоторое время без движения, приходя в себя постепенно. Более смелые, наклевавшись досыта, пили воду, начинали без стеснения шарить по всем углам. Некоторые посматривали уже в зеркало. И опять по внешнему виду и по их поведению девки старались определить характер своих будущих мужей. Я уже знал, кто из парней нравится больше каждой из них, кто за кого мечтает выйти замуж. И я стараюсь определить, есть ли сходство между пойманной курицей и желаемым парнем.

Самым интересным гаданием было гадание с колосьями. Для этого надо было пойти на гумно, которое стояло довольно далеко от нашей избы. Только самые храбрые девки решались пойти туда. Нужно было идти одной и можно было наткнуться на неприятную встречу, например, с домовым. Чтобы избежать этой встречи, девка должна была идти на гумно задом и не оглядываться. Дойдя до гумна, девка должна повернуться к нему лицом и выдернуть зубами стебель колоса, повернуться и возвратиться обратно в избу без оглядки неся выдернутый стебель в зубах.

Только вернувшись в избу, она узнавала, что она принесла.

Стебли могли быть разные:

- 1) стебель совсем без колоса;
- 2) стебель с колосом маленьким или большим;
- 3) колос полон зерен или пустой;
- 4) зерна тяжелые или щуплые.

По этому судили: выйдет ли девка замуж в этом году, женится ее муж первым браком или вторым, какой у него будет характер, выйдет ли она замуж за богатого или за бедного, будет ли брак удачным?

Был еще один способ узнать свою судьбу. Девки плавил воск и бросали его в миску с водой. Получившиеся в воде восковые фигурки вызывали у них то смех, то растерянность. Но я не мог видеть, чему они смеялись и что их приводило в смятение. К тому же сон вновь одолевал меня, и я вновь засыпал, не дождавшись конца их попыток угадать будущее.

После веселых дней Святков жизнь казалась более серой. Снова появлялась на столе пища, как во время Рождественского поста. В некоторые годы она была еще хуже. У многих картофель и пшено были на исходе, и их ели экономно. У некоторых все запасы были уже исчерпаны. Мясо подавалось редко на стол, да и то у крестьян, имеющих скот. Приближались дни квашеной капусты без приправы и пшенной каши.

Маленькая торговля моих родителей сошла на нет, но они продолжали продавать маленькие белые булочки. Мой отец раз в неделю ездил покупать их в Воронеж и перепродавал их на нашем базаре по средам и пятницам. А мой брат продолжал делать горшки. Глядя на его работу, сердце у меня сжималось от жалости к нему.

В конце января наступали туманы, которые покрывали все и не рассеивались даже днем. В иные дни они были настолько густы, что даже на близком расстоянии предметы становились невидимыми. Почти всегда так бывало перед Великим постом, в Прощеный день. Мы, дети, почему-то были уверены, что именно в это время наступит конец света, «светопреставление», и страх охватывал нас. Мы были подавлены и с нетерпением ждали, когда рассеются туманы и снова покажется солнышко.

Дни перед Масленицей (у православных она продолжается неделю) были последними днями перед Великим

постом, когда позволялось есть мясо. Обязательно подавали на стол жирный мясной суп с лапшой домашнего приготовления, на большую радость детей. Потом до Пасхи, то есть семь недель, запрещается есть мясо. Уже на масленой неделе можно было есть только рыбу, яйца и молочные продукты. Масленица — подготовка к Великому посту, правда своеобразная подготовка: ни в одно время года молодежь и даже люди, не отягченные летами, не веселятся так, как на Масленицу, в особенности в последние три дня. Катаются в санях с дугой, украшенной колокольчиками, на лошадях с убранным сбруей или на салазках по склонам (их называли «горками»), которые обычно ведут к реке. Это развлечение было почти культом. Молодые люди целыми днями отдавались катанью с гор. Обладать салазками для деревенского парня почиталось необходимостью, а отсутствие их — большим огорчением. Для сельского населения эти катанья заменяли городские балы. Они служили местом встреч и знакомств для парней и девушек. Салазки выполняли роль посредников, служили предлогом для сближения. Какая молодая девушка устоит перед соблазном прокатиться с горы на салазках, подбитых железными полозьями, с молодым незнакомым парнем, если он ей нравится? Нередко на Масленицу, во время катанья с гор, решалась судьба девушки, и она находила своего будущего мужа.

Начиналось это так: парень предлагает ей прокатиться с горы. Разбегутся салазки точно полет птицы; искры летят из-под полозьев. Морозный воздух свищет ветром в ушах. Сердце замирает от страха и волнения. А парень крепко ее держит в своих объятиях и шепчет нежные слова. Можно ли не услышать этих слов, остаться нечувствительной к ним, когда они исходят из уст парня, который понравился ей?

Веселой, разнаряженной толпой заполнено место, откуда начинается спуск с горы. Отсюда тянется вереница салазок на протяжении более версты. Одни мчатся вниз, другие поднимаются на гору, таща салазки за собой. Идут парами. Все возбуждены, разгорячены. Шутки сыплются во все стороны: старые избитые, и новые, возникшие непосредственно тут же.

Любопытствующие и завистливые, не принимавшие участия в катаньи, присутствующие на горе в качестве зрителей зорко следят за всем, выжидая подходящего случая, чтобы сделать остроумное, благодущное замечание или,

наоборот, злое и колкое насчет той или иной девки или парня. Случаев же для этого столько, хоть отбавляй. Вот неловкий парень не сумел удержать свою спутницу на салазках и упал вместе с нею. Другие салазки не смогли их объехать, что вызвало столкновение и общую свалку. Так образовалась куча салазков и людей, смешавшихся со снегом. Одни отделались ушибами, другие — испугом. Все вывалились в снег. Смех, споры, чувство боли, перебранка. Больше всего достается злосчастному парню, который был первопричиной столкновения. К тому же он чувствует себя опозоренным. Его спутница так рассержена, что оставляет его, и он в одиночестве поднимается на гору со своими салазками, тогда как другие все идут парами, держась руками за веревку салазков. Руки их соприкасаются, и они обмениваются между собой словами, только им известными.

Другой парень приглашает девку прокатиться с ним; если он ей не нравится, она ему отказывает. Парень после такой неудачи, при насмешливых замечаниях со всех сторон, старается незаметно удалиться от предмета своего вождения, затеряться в толпе.

Там девка сама просит парня покатать ее, но на этот раз парень сам отказывается. И опять смех и замечания наблюдающих, смущение неудачницы.

Мы, дети, в эти дни были лишены удовольствия кататься с горы на салазках: опасно для нас смешиваться со взрослыми. Нас могли зашибить, задавить и даже убить. Поэтому мы должны были удовлетворяться ролью наблюдателей. Для нас наиболее интересным был момент, когда к катающимся присоединялись женатые молодые мужчины.

Соберутся, бывало, они человек пять — десять с большими санями (дровни), усядутся на них; к ним присоединятся желающие испытать сильные ощущения. Быстро наберется целая толпа. Двое самых сильных мужчин сядут впереди всех на самые полозья: они должны ногами управлять санями. Это — дело трудное, так как спуск с горы не прямой, он делает два поворота, и рядом с одним из поворотов находится довольно глубокий овраг. После предварительных споров, переговоров, советов и наставлений окружающих сани трогаются в путь и катятся. Берегись тогда все встречные-поперечные. В таком случае столкновение неизбежно: неудачники падали в сугроб или в овраг. Зрители на горе только и ждут этого момента; раздавались взрывы смеха, но неудачникам не до смеха.

Но наступает конец и Масленице. В воскресенье вечером все развлечения останавливаются, как по волшебному мановению. К ужину все члены семьи дома, и никто не выходит на улицу для развлечения. Отец с матерью идут к дедушке, со стороны отца, чтобы «просить прощения», и меня берут с собой. Дедушка жил с младшим сыном, рядом с нашей избой, нужно было только пересечь огород. Придя к дедушке, отец и мать, перекинувшись с ним несколькими незначительными словами, начинали «просить прощения». Отец и мать становились на колени перед дедушкой, кланялись ему в ноги и просили его простить их, если они были в чем-нибудь виноваты перед ним. На самом деле они ни в чем не были виноваты, но они думали: «А кто знает? Может быть, мы его обидели чем-нибудь, сами не зная этого, может быть, сказали неприятное слово». Я также просил дедушку простить меня. Я-то знал, что много раз сердил дедушку вместе с другими мальчишками, и он бегал за нами с кнутом. Но его старые ноги не позволяли ему догнать нас, и его попытки схватить нас забавляли и вызывали смех, это приводило его в ярость. В этот торжественный момент я вспоминал об этом и боялся, что дедушка не простит меня. Я еще не знал тогда, что обычай «просить прощения» был приготовлением к Великому посту. У меня же он связывался со «светопреставлением», поэтому возможный отказ дедушки простить наполнял меня ужасом. Но в этот момент дедушка был в хорошем расположении духа, и мы уходили успокоенные и довольные. После нашего возвращения домой к нам приходил мой дядя в свою очередь просить прощения у моих родителей. Хотя он и был в избе, когда отец и мать приходили просить прощения у дедушки, но он не сделал этого в тот момент, так как обычай требовал, чтобы младший брат приходил к старшему к нему на дом. В этот вечер все ложились спать умиротворенные и сосредоточенные.

В Прощеное воскресенье заговлялись: ели в последний раз рыбу, яйца и молочные продукты. В течение семи долгих недель церковью разрешалось есть рыбу только на Благовещенье¹⁸, если этот праздник приходился на Великий пост, и на Вербное воскресенье¹⁹.

Мои родители на первой неделе Великого поста не ели даже горячей пищи, питались только хлебом, кислой капустой и огурцами, заправляя их квасом, без постного масла.

Остатки скоромной пищи скармливали курам, свинье или собаке.

Понедельник, первый день Великого поста, назывался «чистым». Весь день мать ходит тихая, сосредоточенная, даже мало говорит и ничего не ест. Этот понедельник и назывался «чистым» потому, что «в этот день,— говорила мать,— ничто нечистое не должно ни входить в уста, ни выходить из уст». Это означало, что скоромная пища и непристойные слова были противоположны сосредоточенному душевному состоянию.

Перемена в поведении чувствовалась не только у матери, но и у всех членов семьи. После шумного почти трехдневного веселья, достигшего высшей точки в Прощеное воскресенье, все оборвалось вдруг, как обрывается струна скрипки у музыканта в самый патетический момент. Гул толпы, говор, шутки, прибаутки, песни, пляски прекращались, и молчание царило во всем селе. Изредка пройдет кто-нибудь быстрым шагом по своим делам. Школьники не ходили в школу на первой неделе поста. Они говели и готовились к исповеди и к причащению, то есть целую неделю ходили на церковные службы. В первый же день поста к вечеру раздаются призывные звоны колокола: протяжные, с значительными промежутками. В этом звоне слышится особый зов: «К нам, к нам, к нам... Идите к нам, идите в церковь!» Каждый день утром и вечером раздается призыв колокола, который зовет к молитве, чтобы получить прощение всех грехов, совершенных за год. Мы уже научились понимать церковный язык, содержание и порядок служб, а также значение совершаемых действий. Мы, певчие, не молились Богу машинально, мы проникали в смысл слов священника и песнопений, исполняемых нами. В церкви священник облачается в одежды почти траурные, напоминающие о смирении, о готовности подчиниться воле Божьей.

Церковь начинает готовить верующих к посту за две недели: в воскресенье за утреней читается в первый раз проникновенная молитва Ефрема Сирина:

Господи, Владыко живота моего,
дух праздности, уныния, любоначалия
и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любве даруй
ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми

зрети моя прегрешения
и не осудати брата моего,
яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Каждый день, кроме субботы и воскресенья, эта молитва читается в течение всего Великого поста.

Не менее сильное впечатление произвела на верующих молитва: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?»

В эти дни поста и молитвы мы действительно чувствовали себя большими грешниками и молили Господа Бога не отвергнуть наших молитв, допустить нас к покаянию, простить и сподобить принятия Святых Тайн, то есть причаститься.

Я прекрасно помню мою первую исповедь. Мне было семь лет. Мать моя мне говорит: «Теперь ты уже не маленький, когда дети не знают грехов и могут причащаться без исповеди. Надо тебе поститься, ходить в церковь целую неделю каждый день, потом исповедаться и на другой день причаститься». Это известие меня испугало, и в то же время я был горд считаться большим и вести себя как взрослые. Но я боялся священника, который всегда мне казался строгим. Кроме того, я слышал, что есть верующие, на которых священник накладывал епитимью²⁰, например, велел им сделать сто поклонов. Кому-нибудь еще мог запретить приходить в церковь, пока он не раскается в своих грехах и не вернется на путь праведный. В особенности я боялся епитимьи, наверное, потому, что я не знал, что это такое. Взрослые говорили, что епитимью накладывали за очень важные грехи, но знали ли, за какие? Они никогда не говорили об этом при мне. Я уже думал, что священник найдет совершенный мной какой-либо важный грех. Наказание отбить сто поклонов не очень-то пугало меня. Что же касается запрета ходить в церковь, я сразу же принял решение: я признаюсь во всех грехах, раскаяюсь и пообещаю исправиться. Тогда священник сейчас же отпустит мне все грехи и освободит от запрета. Но другое дело — епитимья: даже после раскаяния священник не отменит ее. Тогда я сам наложу на себя епитимью, а чтобы получить отпущение грехов, надо много молиться, выполнять долгое время то, что священник велит.

Наконец наступил Великий пост. Мать моя дает мне последние наставления и объясняет, как я должен вести себя во время исповеди: «На каждый вопрос священника ты

должен отвечать: «Да, батюшка; я грешен, грешен, грешен». Когда я приближался к священнику, я очень боялся, ноги у меня дрожали, и я всё забыл. Священник нагнулся ко мне, покрыл мне голову епитрахилью²¹ и заговорил со мной. Я не понимал, что он говорит. Он повторил вопросы, и я услышал: «Веришь ли ты в Бога? Ходишь ли ты в церковь? Почитаешь ли ты свою мать и своего отца? Ел ли ты скоромное во время поста?» Я по-прежнему молчал, слова не сходят с языка. Вдруг наставления моей матери пришли мне в голову, и я отвечал: «Я грешен, батюшка, грешен, грешен». Выходило, что я не верил в Бога, что я не ходил в церковь, что я не почитал ни свою мать, ни своего отца. Короче говоря, я признался во всех грехах, совершенных и несовершенных. «Наклони голову», — сказал мне священник во второй раз, я же продолжал повторять: «Грешен, грешен», не отдавая себе отчета в своих словах, не понимая, чего требовал от меня священник. Он же понял, в каком я был состоянии, велел мне стать на колени, снова покрыл меня епитрахилью, и я услышал, что властью, данной ему от Бога, он отпускает мне грехи. Я понял, что исповедь кончена. Я положил пять копеек, которые мне дала мать, на тарелочку, стоящую перед священником около аналая, и тихонько отошел, не совсем уверенный, что все прошло благополучно: может быть, священник не заметил грехи, которые требовали наказания. Все же первое испытание прошло, оставалось второе: ничего не есть и не пить до причащения. Я возвращаюсь из церкви и забираюсь на печку, стараясь ни о чем не думать и заснуть как можно скорее. Все избегают разговаривать с тем, кто пришел от исповеди. Ночь проходит благополучно. Утром я проснулся успокоенный. Все прошло хорошо. Я отправляюсь в церковь с одной только мыслью, чтобы Господь Бог допустил до причастия. Возвращаюсь я домой радостный, довольный всем. Вся семья поздравляет меня с причастием Святых Тайн и смотрит на меня, как на существо, носящее в себе благодать Божью. Особенно радуется мать, что ее маленький сынишка удостоился благодати Господа Бога. Она воспринимает очень живо все, что относится к религии.

Но для меня день причастия, начавшийся в радости, кончается печалью. Еще утром мать, перед моим уходом в церковь, говорила мне: «Помни, Ваня, не плюй после причастия! Плюнешь, тело и кровь Христову выплунешь, это — грех великий». Вернувшись из церкви, я вспоминаю, что после обеда, играя с товарищами на улице, которые тоже

причащались, я забыл о наставлении матери и плевал, как и мои товарищи. Мы даже вели счет нашим плевкам, и всегда выходило, что я плюнул не раз, а несколько раз. Вечером я возвращался печальный и спрашивал себя: «Выплюнул я или нет тело и кровь Христову, осталось ли во мне хоть немного? И в чем состоит этот грех? Какое наказание будет мне за это на том свете?»

— Если ты плюнешь,— объясняла мне мать,— со слюной ты выплунешь тело и кровь Христову на землю, на растоптание, значит, на поругание нашего Спасителя, Иисуса Христа. Разве это можно? Ты понимаешь, нет прощения такому великому греху.

— Но что нам будет там, на том свете за этот грех?

— Этого я сказать тебе не могу, не знаю.

Я погружался в свои думы и не мог забыть совершенного греха, спрашивал себя, простит ли меня Господь Бог?

Великий пост был не исходе, приближалось Вербное воскресенье. К этому времени почти всегда распускаются почки вербы. Они освобождаются от своих пленочек, и из них выходят пушистые, мягкие, шелковистые «барашки», так их называли по сходству с маленькими ягнятами. С распутившимися ветками вербы шли в Вербное воскресенье в церковь. Они заменяли ветви пальм, с которыми народ встречал вход Иисуса Христа в Иерусалим. Взрослые, возвратившись из церкви, стегали ветками вербы детей, приговаривая: «Верба хлест, бей до слез!» Ретивые исполнители этого обычая били детей вербой по-настоящему до слез. Не только дети плакали в этот день, но и ягнята, так как, по установившемуся обычаю, их метили в этот день: делали на ушах разнообразные надрезы, чтобы узнавать их в общем стаде. Эти надрезы помогали также отыскать ягнят, отбившихся от своих матерей.

В церкви в этот день пели: «Осанна! Осанна!», а по дворам и избам блеяли ягнята и дети кричали: «Караул! больно!»

За Вербным воскресеньем наступала «страстная неделя» (посвященная памяти страстей, страданий Господних), народ произносил «страшная», что напоминало слово «страх».

С середины недели мать начинала готовиться к празднику Пасхи, к встрече Светлого Христова Воскресения. Она постилась с 12-ти часов Великого четверга до конца пасхальной обедни. Три дня жила она без еды, продолжая исполнять все работы — уход за скотиной и приготовление к празднику Пасхи: хорошенько вычистить избу, пригото-

вить разные кушанья и т. д. Пасха чаще всего приходилась на неблагоприятную погоду, когда снег еще не совсем сошел, а земля еще не просохла. Случается, что на Пасху бывает и снежная метель. На улице и на дворе — слякоть (грязь, смешанная со снегом). На дорогах — ни пройти ни проехать. В такую погоду держать избу в чистоте — дело трудное: на нашей обуви мы приносили столько грязи, что все усилия матери пропадали даром, и ей приходилось снова чистить избу к празднику. Из трех дней без пищи мать проводила две ночи совсем без сна. Для меня, малыша, это было непонятно. «Мама, ты умрешь с голоду, — говорил я. — Как ты делаешь, чтобы не чувствовать голод?» В ответ на мой вопрос она говорила, улыбаясь: «А ты попробуй: не ешь, может, ты и не умрешь». Я попробовал не есть, но у меня ничего не выходило. Я еще выдерживал до обеденного часа, но потом у меня под ложечкой так сильно начинало сосать, что я умолял мать дать мне «хоть» маленький кусочек хлеба. Это трехдневное воздержание от еды перед Пасхой мать соблюдала в течение всей жизни.

В Великий четверг мы с братом ходили к «стоянию», так называется чтение двенадцати Евангелий. Мы думали, что оно кончается в полночь (то есть в 12 часов ночи). На самом деле мы не знали, когда чтение начинается и когда оно кончается. При начале чтения первого Евангелия мы зажигали свои свечи и тушили их по окончании каждого Евангелия. Так повторялось двенадцать раз. Мы, дети, а иногда и взрослые, чтобы сосчитать, сколько Евангелий прочитано, отламывали кусочек воску от свечи и лепили из него шарик. После двенадцатого Евангелия зажженную свечу несли домой и старались сделать все возможное, чтобы защитить ее от ветра. Иногда окружали свечку шарообразным бумажным фонариком, красного, желтого или оранжевого цвета. Тот, кому удавалось донести свечку до дома под полой или же просто между двумя ладонями, сложенными в форме шара, считался особенно ловким.

Темной-претемной ночью выходила толпа из церкви и разбредалась по всем направлениям. Фигуры людей разглядеть нельзя, видны лишь мелькающие огоньки, которые, казалось, движутся сами. Если случалось, что у кого-нибудь загорался фонарик и свечка погасала, — это было непоправимым несчастьем, тогда как счастливы, донесшие священный огонь до дому, ставили метку копотью от свечки в виде креста над входной дверью, обходили весь двор и входили в хлев и во все темные углы. Этим делом всегда

занимался отец, я шел за ним, сзади, дрожа от страха. Темнота пугала меня, потому что в этот момент можно было встретиться с домовым. Возвращаясь в избу, я шел впереди, так как опасность еще не миновала, и я знал, что дома я уже не натолкнусь на чертенка с маленькими рожками или на зверя из народных сказок, которые грозили нам в темноте и могли каждую минуту выскочить и схватить меня.

В Великую субботу церковь остается открытой весь день и всю ночь. Ночью в церкви полутемнота. Свет идет только от свечей перед плащаницей²². И тихо-тихо, как в дни исповеди или как в доме покойника, хотя народ в церкви все время присутствует: люди подходят неслышными шагами к свечному ящику, покупают копеечную или двухкопеечную свечку, чтобы поставить ее у плащаницы, сделав сначала земной поклон. Умеющие читать читают вслух Псалтырь, положенную на аналой. Каждый может подойти и почитать Псалтырь перед плащаницей с пятницы после выноса ее на середину церкви, после погребения Иисуса Христа, когда плащаницу обносят вокруг церкви, и в Великую субботу до начала утрени.

Я с товарищами-хористами почти всю эту ночь проводил в церкви. Поздно вечером у нас была последняя спевка перед Светлым Христовым Воскресением. И даже после нее мы не возвращались домой в ожидании утрени.

Усталость давала себя знать как во всем теле, так и в голосе. На «страшной» неделе почти каждый день были спевки. К тому же в четверг, пятницу и субботу мы пели на утренних и вечерних службах. Службы были длинные и очень утомительны для ног. Чтобы пересилить усталость и дремоту, мы выходили из церкви и бродили по пустынному выгону, окружавшему церковь. Ночь совершенно темная, слышатся только голоса входящих в церковь и выходящих из нее, исполнивших свой долг: приложиться к плащанице. Мы даже не различали их фигур, но все-таки было не так боязно. По старинным сказаниям, в Святую ночь все заколдованное освобождается от чар, и можно прямо руками захватить клады, зарытые в землю. Иногда над этими кладами зажигаются свечи. Не раз видели зажженные свечи в болотистых местах, но никто не решался пойти туда, хотя бы затем, чтобы отметить точно место, на котором светился огонек, а потом прийти и откопать его. Считали, что такие клады приобретены путем преступным, а не получены честным трудом. А может быть, это утверждение было оправданием трусости. Боялись зайти в болото, увязнуть в

нем и, значит, погибнуть. Было и другое народное поверье, что клады в эту ночь передвигаются и могут попасть под ноги человеку под видом бегущей черной кошки. В это поверье и мы с товарищами верили. Мы ходили по выгону с надеждой, что на наше счастье черная кошка очутится под нашими ногами. В таком случае достаточно ее сильно ударить ногой, и она рассыплется ценным металлом. Наши поиски были тщетны, да и в такой темноте нельзя было увидеть даже белой кошки, не говоря уже о черной. Эти ночные прогулки были все же полезны для нас: мы забывали нашу усталость, прогулки разгоняли сон и придавали нам бодрость в ожидании начала утрени.

Наконец наступает долгожданный час Воскресения Христова. Плащаница со середины церкви уносится в алтарь. Среди молящихся легкое волнение. Желаящие участвовать в процессии поднимают хоругви, держа их за древки, и выносят иконы. Священник и дьячок облачаются в светлые ризы. Священник выходит из алтаря, и крестный ход начинается. Первыми выходят из церкви несущие хоругви и иконы, за ними хор с дьячком и священник. Потом все желающие участвовать в крестном ходе, но многие остаются в церкви, чтобы услышать первыми, как священник провозгласит на паперти радостную весть о Воскресении Христа. Процессия обходит вокруг церкви и вдоль церковной ограды; хор и священник поют: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славите».

Крестный ход возвращается в церковь с противоположной стороны. На паперть, перед затворенными изнутри дверями, входит передняя часть крестного хода. Все не могут поместиться на паперти. Происходит давка, шум, крики, нарушается на несколько минут молитвенное настроение. Приходится затворять внешние железные двери. Наконец воцаряется тишина, глубокая торжественная тишина. В этот момент священник приближается к внутренним стеклянным дверям паперти и, слегка прикасаясь к ним, провозглашает троекратно: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав». Двери от прикосновения к ним священника распахиваются, и хор подхватывает возглас священника: «Христос воскрес из мертвых...» Все входят в церковь. Священник, проходя мимо молящихся, оставшихся в церкви во время крестного хода, благословляет их крестом направо и налево, возглашая: «Христос воскрес!» Молящиеся отвечают ему хором: «Во-

истину воскрес!» Эта радостная весть преображает присутствующих. Все полны такого трепета, точно каждый проникнут самыми благородными чувствами, какие только могут быть в человеке. Необъятная милость объединяла всех верующих. казалось, что в этот момент исчезло все зло, и чудится, что нет среди людей ни грубиянов, ни обманщиков, ни воров, ни убийц, ни желающих захватить чужое или поработить подобного себе. В таком душевном состоянии молящиеся присутствуют на службе. Я прихожу из церкви домой и христосуюсь с матерью, которая не могла быть в церкви, то есть целую ее три раза со словами: «Христос воскрес!»— и все поздравляют друг друга с праздником Воскресения Христова и садятся разговляться²³. Рóзговенье кончается перед рассветом. Я стараюсь преодолеть усталость и сон, потому что я хочу дождаться восхода солнца, чтобы посмотреть, как оно радуется со всей землей.

Вот и рассвет. Небосклон становится все светлее и светлее. Я выхожу за ворота на улицу, откуда открывается предо мной бесконечный горизонт. Вот озарился восток, брызнул вдруг первый луч, а за ним медленно выплывает само солнце. В легком морозном воздухе конца зимы солнце сияет все ярче. Этот свет кажется мне необычайным, действительно, как говорится, «солнце играет».

Церковный звон возвестил всеобщую радость. Протяжный и печальный призыв поста сменился на ликующий трезвон, переходящий в трель под рукой опытного любителя-звонаря. Мне казалось, что маленькие и средние колокола вызванивали: «Иди куда хочешь!», а большой колокол утверждал: «Да, это верно. Теперь можешь идти куда хочешь!» Этот трезвон длится несколько дней. Он прекращается только тогда, когда священник и дьячок обойдут с иконами все дворы села, отслужат молебен в избах всех домохозяев и поздравят их с праздником Светлого Христова Воскресения. Вход по лестнице на колокольню был открыт для всех с утра до вечера, и толпа детей и взрослых, любителей потрезвонить, бросается на колокольню. Одни стараются научиться этому искусству, другие — усовершенствоваться в нем, превзойти лучших звонарей села. Без школы, без всякой помощи настоящих звонарей, некоторые достигали больших успехов и становились замечательными звонарями-любителями.

Пасха прошла. Снег давно сошел с полей (в некоторые годы, когда Пасха, праздник переходящий, была поздней). Земля заметно подсохла. Синицы давно уже запели свою

песню: «Мужички, мужички, точите сошнички!» Но и без напоминания синиц сохи и бороны вытащены. Надо привести их в порядок, так как за прошлое лето, они поизносились, некоторые части их поломались. За этим не обращались к кузнецу или в починочную мастерскую, которой к тому же и не существовало. Да и не было нужды в этом, так как почти все части сохи были полностью деревянные. Бороны же у всех без исключения были деревянными, в которых не было ни одного гвоздя. Это упрощало починку, которая производилась самим крестьянином. Главными земледельческими орудиями производства были: деревянные вилы и грабли, посевное плетеное лукошко, серп и коса. Полка в засеянных полях делалась вручную. Молотьба собранного урожая также производилась вручную деревянными цепями. Веяли обмолоченное зерно на ветру деревянными же лопатами. Отвеянное зерно очищали на решетках и таким возили его на мельницу. Эти орудия не могли дать удовлетворительной обработки земли: взрыхлять почву, перевертывать ее, освобождать от сорных трав. Они не могли приготовить ни хорошей колыбели для прорастания зерна, ни благоприятных условий для развития молодых растений. Одним качеством обладали они — легкостью. Поэтому всякая слабосильная крестьянская «сивка» могла тащить соху, а борону — сын или дочь ее, управляемой семилетним-восьмилетним сыном пахаря.

Для паханья же нужна сила, сноровка и опыт, чтобы удерживать соху руками, не отрываясь, направляемую на желаемую глубину и на определенную ширину. Если оторваться от сохи, она может увязнуть в земле и сломаться, а у лошади не хватило бы сил ее вытащить, или же соха накренится бы набок и вышла бы из борозды. Пахарь нес на своих руках всю тяжесть слоя вырванной земли и боролся против давления ее на соху. Без ловкости и опыта нельзя было провести прямой борозды и сохранять в то же время нужную глубину и ширину, а также удержать равновесие сохи и самого пахаря, чтобы не набить кровавых мозолей. Картофель сажали под соху, сохой окучивали и сохой же выпаживали. Вырывали картофель руками вместе с ботвой, после чего перепаживали поле.

Уборка зерновых хлебов производилась вручную; косили косой, но чаще всего жали серпами, потому что при этом способе получается больше зерна. Жать серпом труднее, утомительней и медленней. Но при слабых урожаях каждым зерном дорожили, не жалея ни времени, ни труда. Просо

выдергивали часто руками, когда оно выросло редким и низкорослым и невозможно было ни срезать его серпом, ни косить косой. Обмолот производился цепями, а потом его отсеивали примитивным способом: подбрасывали в воздух против ветра большими деревянными лопатами и окончательно отсеивали вручную в больших решетках. При обмолоте требовалась также березовая метла. Другого способа обмолота хлебов и очистки зерна не знали. О молотилках и веялках никогда и не слыхали.

В нашей местности сеяли только рожь, овес, просо, коноплю, реже гречиху, горох и чечевицу.

Рожь возили молоть на мельницу. Пшено и гречиху для блинов и блинчиков толкли сами в деревянной большой ступе и потом просеивали через сито. Кроме перечисленного инвентаря считалось необходимым иметь в хозяйстве топор, скребок и кирку, но они не во всех хозяйствах имелись.

Средствами перевозки и передвижения служили: летом — телега, зимой — сани. Сани — полностью из дерева, а в телеге железными были некоторые части колес (болт, ступица, железные полосы вокруг колеса, последние не всегда считались необходимостью). Из обиходного инвентаря в городе крестьяне покупали только сошники, палицы, топоры, скребки, серпы, косы, молотки, железо для обтягивания колес и для отбивания кос. При такой скудости инвентаря не требовалось много времени для приведения его в порядок.

Весной солнышко обогревает все, природа оживает. Небольшие бугорки первыми начинают покрываться молодой зеленью, а за ними склоны, обращенные к солнцу, освобождаются от зимнего снежного покрова. Зелень распространяется повсюду, постепенно покрывает всю землю. В это время ее еще не растоптали люди и скот, не примяли ее колеса телеги. В садах появляются первые цветы. Дикий щавель пробивается из-под снега и зацветает, когда снег еще не растаял. Это первый наряд царицы-весны.

Вслед за растениями оживает и все живущее на земле; вылезают откуда-то разные букашки, жучки; в воздухе носятся разноцветные, с разнообразными крылышками бабочки. Из перелетных птиц первыми появляются скворцы; для них приготовлено детьми почетное место — скворечня, прикрепленная на самом верху длинного шеста, какой только может найтись во дворе. На крыше скворечни водружается пук березовых веток. Вокруг отверстия, через которое скворцы проникают внутрь, устраивается крылечко с пло-

шадкой, на нее они садятся, прежде чем попасть внутрь. Они поют все время, пока строится их гнездо, во время носки яиц и кормления своих птенцов.

Зимний Никола (6-го декабря старого стиля) напоминал о плохом времени года — с жестокими морозами и снежными метелями, тогда как Никола-летний (9-го мая старого стиля) извещал о наступлении весны; река входила в свое русло; все покрывалось сочной зеленью, и воздух был насыщен запахами разных трав и цветов.

Если Святки, то есть время между Рождеством и Крещением, было лучшей порой для детей зимой, то весной это была Троица (переходящий праздник). В это время природа сияла своей полной красотой. Земля покрывалась обильной травой. Луга и поля украшались нежными, шелковистыми всходами. Деревья принимали сказочный вид и походили на шатры, обтянутые сверху фееричным полотном. И повсюду яблони, вишни, груши и другие фруктовые деревья походили на невест, убранных к венцу. Воздух был насыщен ароматом цветов.

Время как бы остановило свой бег. Восточные ветры еще не налетели и не разогнали весенний аромат. Солнце еще не грело слишком сильно, а земля уже впитывала в себя тепло воздуха.

По Библии в Троицын день Бог явился Аврааму под кущей в виде трех ангелов. Христиане в память этого явления украшали зеленью свои дома и дворы. В этот день разрешалось рубить в лесу молодые деревца берез и привозить домой чуть не целый воз. Эти березки втыкались в землю по всему двору. Березовыми ветками убирался «красный» угол избы вокруг икон. Одна-две березки ставились сзади стола и в другому углу. В церковь все шли в этот день с букетами цветов в руках. В церкви по углам также были расставлены березки, а пол весь покрывался свежескошенной травой.

Для нас, мальчуганов, первым удовольствием на Никола-летнего было перебраться на другой берег реки, на займище. Приятно было ходить по зеленой, свежей, шелковистой траве, дышать чистым весенним воздухом, греться на солнце. Это место доставляло нам приятную прогулку и в то же время служило нам пастбищем для нас самих. Один вид свежей травы нас радовал, и мы рвали и поедали молодой щавель, стебли дикой морковки и т. д. Они были пер-

выми свежими овощами, которых мы были лишены всю осень и всю зиму. Позже на столе появлялись зеленые щи из молодой крапивы. Ее сначала обдавали кипятком, потом мелко крошили.

Во второй половине июня свежей зеленью был лук, стебли которого очень любят русские. Но для этого приходилось ждать, когда огородники нашего района начинали его развозить по деревням, так как у наших крестьян почти не было огородов. Те же, у кого они были, выращивали, большей частью, огурцы, капусту, тыкву, редьку, арбузы и дыни.

Лук же выращивали в небольшом количестве и сажали его очень поздно. Поэтому-то продажный лук появлялся раньше своего собственного.

Совершенно отсутствовали морковь, репа, салат, помидоры и другие овощи, которыми так богата французская кухня.

В это время не знали витаминов. Наша пища была очень примитивна. Мы ели то, что выращивали сами крестьяне и что давала нам земля.

Лес дышит сказкой под горой.
Случалось вам ночной порой
Картиной сельской любоваться?

Нет! не случалось. Так поезжайте в мое родное село. Пойдите в лунную летнюю ночь на горный берег реки, повернитесь лицом к реке и посмотрите сосредоточенно на расстилающийся перед вами пейзаж. И состояние вашей души изменится. На вас снизойдет страстное желание творить молитву, пасть на колени перед Всевышним, и вы скажете в экстазе: «Как оно чудно, Господи, Твое творение!»

Лес — неоспоримый дар природы человеку. Какое богатство и какая красота! Чье сердце может остаться равнодушным при слове «лес»?

А деревья! Чего только не давали они человеку? Из срубленных деревьев делали бревна и доски для постройки жилищ, столов, вокруг которых мы собирались за едой и за работой, стульев, скамеек и кроватей. Из деревьев же строят разные лодки, баржи, пароходы и большие корабли, а также телеги, сани, тарантасы и другие перевозочные средства. Из дерева же делают шкафы, диваны, комоды, кресла и всякую мебель.

Когда-то в России вся посуда была деревянная: ложки, чашки, тарелки, миски. Деревья употребляются для отопления наших жилищ. Из деревьев добывают смолу, скипидар, уксус, древесный спирт. В настоящее время почти вся бумага изготавливается из дерева. Из луба березы плетутся лапти, обувь, которую носили раньше все крестьяне. Из коры деревьев извлекали пеньку, которая шла на изготовление циновок, мешков. В прежние времена корой дубили кожу для сапог, ботинок, чемоданов и других кожаных предметов.

В жарких странах деревья служат для приготовления лекарств: самое распространенное — аспирин против малярии (на народном языке: трясучка). Главным образом в этих же странах извлекают из деревьев смолу. Одним словом, трудно вообразить объем услуг, которые оказывают деревья человеку.

Лес не только скопление деревьев. Под их защитой произрастает и развивается изобильная растительность. На полянах, под тенью растет неисчислимое количество цветов. Там, куда почти не проникает солнце, растут разные сорта грибов, которыми наслаждается человек. В лесу собирают грецкие орехи, волошские и кедровые орешки, лесную клубнику, малину, красную смородину, чернику, клюкву и т. д.

Лес населен разными зверями и дичью. Сколько певчих птиц, сколько птиц чудесного оперенья! Но также опасных для человека зверей, ядовитых змей и насекомых.

Лес — это все, что живет и растет на земле, все, что прячется в его чашах, в траве, в дуплах деревьев. Лес — это целый мир.

Человек любит лес не только потому, что он ему приносит пользу, но и потому, что он — источник многочисленных сказок. Для детей лес — это жилище невероятных, огромных зверей, карликов, добрых и злых фей, чудодейственных трав и цветов. Самые замечательные сказки о разбойниках и диких зверях связаны с лесом. В детском воображении грибы ведут между собой войны.

Да и взрослые до сих пор верят, что в лесу живут существа, которые ночью качаются на ветках или пляшут на полянах, и русалки, которые стараются сбить с дороги запоздавшего путника и мучают его своим хохотом. Для подростков прогулки в лесу во время летнего отдыха — самые лучшие воспоминания.

Взрослые тоже не остаются равнодушными к красоте природы. Да и как можно не поддаться очарованию леса

весной, когда все оживает после зимней спячки и в солнечный день могущественное волшебство прельщает и притягивает ваш взор. В бурю и грозу какие ужасные силы неистовствуют и в лесу и вне его. В каком бешенстве они набрасываются на лес, гнут и теребят его, а он, как богатырь в русских сказок, сопротивляется и отбрасывает их нападения.

Чистый воздух леса, его нежные оттенки, свежесть окружающей вас зелени, разнообразие цветов и красок опьяняют вас, создают особенное веселое и беззаботное настроение, которое остается долго, когда вы уже возвратились домой.

Сколько оттенков таит в себе лес осенью! Он полон печали и сожалений, когда уходят летние теплые дни.

В России даже зимой лес прекрасен, в особенности в очень холодные дни, когда светит солнце. Он стоит точно зачарованный. Ни один куст, ни одна ветка не движется. Царит почти полная тишина. Ни малейшего шума зверька или птички, ни одного дуновения ветерка. Земля покрыта пеленой снега, а ветки согнулись под тяжестью инея, кристаллики которого сверкают и переливаются на солнце как бриллианты всех цветов. Деревья в своем зимнем наряде принимают фантастические формы, не похожие на те, когда они были покрыты листвой. Белые, кудрявые березы склоняют свои гибкие ветви до самой земли, как если бы они становились на колени перед вами. Ели превращаются в серебристые конусы, а сосны покрываются снежной завесой, как кисией. Маленькие кустики, растения низшего класса возрождаются. Они принимают самое причудливое убранство лесного царства. И над всем этим миром царствуют огромные дубы, цари леса в своих снежных шапках.

Вы стоите тут, в этом волшебном царстве, и вы сами чувствуете себя околдованным. Вам кажется, что вот-вот это волшебство может исчезнуть и это царство превратится в населенный мир живых существ, тот самый, который вам известен по сказкам.

А я, мятежный, все томлюсь. Мне недостаточно смотреть на красоту, которую Ты создал, наслаждаться внешними открытиями. Я хотел бы проникнуть в глубокие слои, в то, что находится за этой красотой, дальше, в странах, которых я не знаю.

Среди этой красоты природы чувствуешь убогую жизнь, невежество, грязь, нечистоту, которые царят у нас, и никто не может объяснить почему, какая причина тому, что мы

живем так плохо. Какие грехи мы должны искупить на этом свете? И много других вопросов мучило меня.

Что скрывает звездная ночь в необъятной глубине небесного свода? Что за небом? Есть ли предел этой необозримости? Почему некоторые звезды блестят голубым светом, другие — красным, третьи — разноцветные?

На все эти вопросы мне отвечали: «Какой ты глупый! все создано Господом Богом, только Он знает это. Тебе не нужно знать. Не гневи Бога твоими глупостями. Не Он внушил тебе это». И я должен молчать, скрывать свои мысли в глубине сердца и хранить их, не высказывая своих дум. Они в моих снах, я засыпаю и просыпаюсь с ними, они не оставляют меня никогда.

Хорошо ранней весной на лугу в займище, но еще лучше в поле, когда там все весенние работы кончались, когда оно покрывалось зеленым ковром весенних хлебов, а озимое поле начинало уже серебриться. Не слышно в нем в эту пору голоса человеческого, и даже присутствия его не обнаружишь. В безоблачном небе ястреб или копчик реют то там, то сям, высматривая свою добычу, а внизу, на земле и над посевами летают, прыгают, ползают разнообразные, разноцветные бабочки, букашки, таракашки и трещат кузнечики.

Все вокруг ласкает взгляд, все радует, и никакого чувства страха и опасности, потому что находишься один среди природы, потому что на расстоянии, какое может охватить глаз, не видишь присутствия человека. Видимость же прекрасная: за 4—5 верст видишь свое село.

Не один раз в возрасте десяти — одиннадцати лет испытывал я это чувство, которое живет во мне до сих пор. Бывало, рано утром мать посылает меня с тем или иным поручением к одной из своих сестер, к тетке Ганьке, в «хутора». До хуторов от нашего села 17 верст, и на всем этом расстоянии маячит только одно деревцо да еще гордо возвышается над полем курган.

Я не боялся и даже любил ходить к тетке Ганьке и поэтому охотно соглашался выполнить данное матерью поручение. В подкрепление сил в пути мать снабжала меня куском черного хлеба, одним вареным яйцом и щепоткой соли, которые аккуратно завертывались в платок или в чистую белую тряпочку. Больше ничего не было в руках, кроме этого маленького узелка. Никому не приходила мысль брать

палку: не от кого было защищаться в эту пору в поле.

У меня был свой способ определения пройденного расстояния, свои этапы перехода. От села до поворота — первый этап, от поворота до Лоска, большого и глубокого оврага, прорезывающего поля, — второй этап и т. д. От поворота до Лоска дорога спускалась до самого оврага, и село постепенно исчезало из вида. От Лоска же она все время поднималась до шоссе на протяжении более 10 верст. Между Лоском и шоссе поле прорезывалось еще одним меньшим оврагом, который назывался Лощечком. Для меня он был третьим этапом перехода. Здесь я останавливался, чтобы утолить свой голод, который начинал давать о себе знать, и отдохнуть.

На Лощечке совсем недавно, года два-три тому назад, был устроен пруд. Дно его в этом месте углубили, а поперек устроили земляную насыпь, запруду, вдоль которой по краям посадили ветлу. На этой запруде я и располагался для отдыха и еды. Случалось, что на этом этапе я и засыпал и спал беззаботным сном, как настоящее дитя природы, дитя первобытного человека. Солнце грело мое тело, легкий ветерок овеивал меня, уменьшая жар лучей палящего солнца. Стрекотня кузнечиков убаюкивала, а чуть слышимые в траве шорохи ласкали мой слух, напевали мне мелодии, которые не всем дана возможность слышать в жизни...

Подкрепившись и отдохнув, я продолжал свой путь. Следующим для меня этапом был так называемый большак. Это — широкая полоса настоящей девственной степи, которая оставалась нераспаханной вдоль полей нашего села. По рассказам деда, по этому большаку ездили и гнали с южных степей скот для убоя на Липецк, а оттуда на Москву. На нем были построены постоянные дворы. А раньше по этому пути проходили, вероятно, войска Владимира Мономаха, Игоря Святославича, воспетого поэтом в поэме «Слово о полку Игореве», запечатленного композитором Бородиным в опере «Князь Игорь». По этой же дороге, вероятно, двигались первые татарские полчища, наводнившие и подчинившие Русь более чем на два с половиной века. Кто знает, быть может, этот путь был главным для всех проходящих орд, племен и народов, выходящих из степей Центральной Азии и наводящих на всех европейцев страх и ужас, сеющих смерть и разорение.

В то время, когда я ребенком пересекал большак, в других местах память о нем уже давно былшем поросла и только вдоль полей нашего села он продолжал существовать

как молчаливый исторический памятник веков. В весеннее и летнее время он служил местом выпаса для лошадей крестьян, поля которых прилегали к нему.

И еще одной достопримечательностью славился большак: здесь плодилась саранча и разлеталась по всем окрестным полям, причиняя большой вред земледелию. Каждый год начальство посылало старосте нашего села грозный приказ бороться с саранчой. Для этого нас, детей, по наряду, привозили на большак, и мы бреднем ловили саранчу под руководством десятского и зарывали ее в канавки.

Не знаю, был ли толк от этой нашей работы, но нам она доставляла большое удовольствие, и мы были несогласны со взрослыми, которые считали, что эта работа — ненужная выдумка начальства.

Потом, заметив, очевидно, что от такой борьбы с саранчой толку мало, начальство приказало распахать большак. Так на моих глазах исчез этот исторический природный памятник, с которым связано приятное воспоминание. Иная дорога заменила большак — шоссейная, связавшая город Воронеж с Москвой через Задонск и Елец.

По этому новому пути уже Петр Великий ездил из Москвы в Воронеж, где он строил свой флот для завоевания Азова. В его царствование и начала покрываться камнем новая дорога с канавами по обеим сторонам. По этой дороге уже нельзя было гнать скот, а лошадей нужно было подковывать: камень — не земля, о камень конь быстро копыта сбивает и калечит ноги. Шоссейная дорога пролегла почти рядом с Доном, который она пересекала в городе Задонске.

Между большаком и шоссейной дорогой находилась еще одна достопримечательность, которая всегда приковывала мое внимание: курган. Внизу у его подножия уже прикоснулся человек: распахал землю со всех сторон. Верхушка же оставалась покрытой вековечной травянистой корой. Она еще хранила остатки его былого величия и таинственности. Когда-то мимо него проходили и проезжали люди, склонив головы, в раздумье, и может быть, и с боязнью. Легенды о нем до сих пор живут. Об одной из них я всегда вспоминал, проходя мимо него. В кургане, думал я, на большой глубине, клад зарыт. Клад — большой, а достать его нельзя: заколдован он и простому смертному в руки не дается. Чтобы достать этот клад, нужно с чертом договор заключить и на нем своей кровью подписаться. Договор же говорит о том, что нужно черту душу отдать.

Говорят, что были смельчаки, которые хотели добраться до клада без помощи черта, да не вышло из этого ничего. До клада они ни докопались, говорили, что он от них дальше в глубь уходил.

Я верил в эту легенду и в таинственную силу, охранявшую тайну кургана, и проходил всегда мимо него, объятый думой, навеянной им. Эти думы рассеивались новыми впечатлениями, захватывавшими меня при приближении к шоссе. По ней тянулись обозы, проезжали барские начальнические экипажи, иногда проходил дилижанс, ходивший из Воронежа в Задонск и обратно. Он также казался мне таинственным и необычным явлением; с кучером, сидящим высоко-высоко на облучке. Внутри сидели пассажиры, господа. Дилижанс был похож на небольшой дощатый домик с окнами, но без трубы.

По сторонам шоссе шли в одиночку и группами богомольцы. Одни направлялись из Воронежа от святителя Митрофания в Задонск к святителю Тихону, другие шли в обратном направлении. Я знаю по примеру матери, что многие из них прошли большие расстояния, видели много сел, городов и разного народу. Хорошо бы было, думал я, и мне походить с ними по разным землям, но усталость от пройденных мною 14 верст быстро охлаждала мое желание. И я, налюбовавшись движущейся картиной, спешил добраться скорей до тетки Ганьки. До нее оставалось 3 версты, из которых только полторы нужно было идти открытым полем, а потом дорога шла через лес, что было очень приятно. Сначала шло мелколесье, а за ним и густой, тенистый лес.

На одном из поворотов дороги встречалась прогалина, кончавшаяся глубоким обрывом. Оттуда открывался чарующий вид. Внизу, у самого подножия обрыва, струился Дон в форме полуразогнутой дуги, а за Доном — панорама его двух берегов, одного — нагорного, другого — очень низкого, с селами, лугами и полями. Вода Дона сверкала и искрилась под лучами солнца. Видение было так привлекательно, что я забывал на некоторое время и свою усталость, и мысль о том, что скоро увижу тетку Ганьку.

Вы знаете, из какой среды я вышел, в какой семье я родился. Я был одним из девяти первых мальчиков (девочек в первые годы не было), первых учеников школы, — целое событие села. Мы смогли научиться элементарным началам:

читать и писать. Но этот уровень соответствовал скорее поговорке: «Полуграмотный — не грамотный».

Мы же, девять пионеров, вышли из этой школы не только полуграмотными, а просто безграмотными, потому что мы не были способны читать ни газеты, ни простых рассказов. Нам был доступен только язык сказок: он был близок тому, на котором мы говорили, на котором говорило все безграмотное население нашего села и все предыдущие поколения.

Не прошло и десяти лет после окончания школы, как все мои товарищи разучились читать и писать. Если иногда они и читали, то не понимали смысла прочитанного. С трудом могли они изобразить на бумаге свою подпись. Из нас девяти только двое могли читать «по-церковному». Меня спасла любовь к чтению. Сказки, Жития святых, «Листки Троицко-Сергиевской Лавры» приучили меня к чтению и помешали забыть приобретенное в сельской школе. В деревне любили сказку. Сказка уводила крестьян от их неприглядной, тяжелой жизни и переносила в страны, где все совершалось по-иному. Там чудеса встречались на каждом шагу: были там звери необычайные, змеи чудовищные, говорившие как люди говорят, чудо-богатыри, проводившие жизнь свою в борьбе против несправедливости, защищавшие слабых и обиженных. В великолепных садах жили жар-птицы, питались золотыми яблоками. В этих чудесных странах и Иванушки-дурачки становились царевичами и царями. Самые простые люди за свою честность, стойкость и верность правде достигали высших чинов.

Нас было двое товарищей, любителей чтения: я и мой ровесник, сын богатого мужика. У его отца была кирпичная, водяная мельница, просорушка и много разного скота. Мой товарищ любил смешные рассказы и читал очень хорошо. Слушателями его были крестьяне, приезжавшие на мельницу его отца для обмолота ржи и проса. Многие из них предпочитали смешные рассказы сказкам; поэтому они считали, что Тимошка (мой товарищ) читает лучше, чем я. Похвалы, которыми его награждали, меня не трогали. Я не был самолюбив.

Время от времени я мог купить небольшую книжицу за копейку-две, но не дороже трех копеек. Конечно, за такую цену я не мог покупать серьезных книжек, да я и не знал о существовании таковых. Во всяком случае, я не мог бы разобраться в том, какая книжка серьезная и какая не серьезная. Поэтому в руки мне попадались сказки или

смешные рассказы. Но к последним я не имел склонности, они мне «не нравились». Сказками же я увлекся, и они-то и приучили меня к чтению. Они помогли мне не забыть того, чему я научился в школе (что и случилось с моими товарищами), и больше того: у меня появилось желание идти вперед по пути приобщения к грамотности.

Городская жизнь меня не привлекала. Это объяснялось, вероятно, тем, что я ее не знал и не приходилось мне видеть ее поближе. Я был в ней как капля постного масла в воде. Она всегда остается нетронутой. Городские улицы, движущаяся толпа со всеми присущими ей особенностями, бедный люд: рабочие и мещане, кухарки, горничные, кучера и дворники не притягивали меня потому, что их жизнь мало отличалась от жизни деревни или же в ней было много такого, чего в моем селе не было и мне не нравилось.

Когда моя мать ездила в Воронеж, она познакомилась с монашками Новодевичьего монастыря и иногда ночевала у них.

Монашки рассказывали ей о своей жизни, читали ей Жития святых и нравоучительные советы. Они даже одаживали ей книги, чтобы я мог читать их моим родителям.

Иногда и я ездил со своей матерью, и монашки дарили мне душевспасительные книги. Один раз они мне даже дали очень толстую книгу, в переплете, полное собрание «Листков Троицко-Сергиевской лавры».

Что мне нравилось больше всего в монастыре — это то, что все было чисто, опрятно. Входишь туда и сейчас же чувствуешь себя непринужденно, далеко от обычной жизни, скудной, полной забот и неприятностей. Дорожки за оградой подметены, как не подметают пол в крестьянской избе. Вдоль дорожек — кельи, чистые и белые, точно их только что вымыли с мылом и вытерли полотенцем. Перед каждой из них — небольшой садик с разными цветами. На окнах — совсем чистые занавесочки, а на подоконниках горшки с цветами. Казалось, что ни одна пылинка не тревожила этот спокойный мир. Все здесь было чище, чем на городской улице. И повсюду царил покой. Шум города не проникал через эти стены. В ограде монастыря никто не производил шума, и было запрещено входить с лошадьёю. У монашек была мягкая обувь, и не слышно было их шагов. Посетители, большей частью крестьяне, носили лапти или ходили босиком летом; зимой они носили лапти или валенки.

Когдаходишь в монашескую келью, чувствуешь себя в каком-то другом мире; все чисто и светло; перед иконами — всегда зажженная лампадка. Было впечатление, что все сияло другим светом, все сверкало другим блеском. Невольно я сравнивал келью с нашей избой, где была грязь, смрад, без всякой привлекательности! Я был свидетелем жизни монашек; они жили в тепле, в покое, в красивой комнате, с которой могла сравниться только комната феи в сказках. Они не должны были работать, но все время молиться Богу. А когда они шли в церковь, это было еще приятнее; большая, богатая церковь, вся покрытая золотом и ярко освещенная. Зимой она отапливалась, а на полу был ковер. Для монашек было отведено специальное место, к которому они направлялись чинно, никто их не толкал. Эта церковь находилась очень близко от монастыря и ничем не походила на церковь нашего села, маленькую и бедную, в которой только иконостас был позолочен (да и не весь, а лишь Царские Врата).

В нашей церкви было только одно паникадило, совсем маленькое, которое зажигали в большие праздники: на Пасху, на Рождество, на Крещение и на Новый год. Во время других служб шел лишь слабый свет от зажженных свечей, которые прихожане ставили перед иконами Святых или же перед чудотворными иконами. Служба совершалась только по воскресеньям, в праздничные дни или же когда богатые крестьяне заказывали сорокоуст по усопшим. Обычные службы совершались каждый день только во время Великого поста.

Зимой церковь не отапливалась, и во время жестоких морозов в ней было очень холодно. Немногие оставались до конца службы, большинство прихожан выходили погреться в сторожку при церкви. По правилам православной церкви верующие во время церковной службы стоят, и, чтобы не замерзнуть, они топчутся на месте, стучат по полу своими лаптями или сапогами. В большие праздники в церкви было столько народу, что давка была неизбежной; толкались, переругивались и не слышали, что говорил священник, что пел хор. Как можно было сосредоточиться и молиться?

Я думаю, что поэтому-то моя мать восхищалась жизнью в монастыре; ее притягивала чистота, покой, духовное настроение и в особенности благолепие служб. Она плохо понимала глубокий смысл службы, и даже слова не доходили до нее, но она была очарована ярким светом, «ангельским»

пеньем, как она говорила, одним словом, «торжественностью».

Несмотря на притягательную силу, которую я испытывал в монастыре, у меня не было желания стать монахом. Мать это знала и нашла окольный путь, чтобы привести меня в монастырь. Чужло, видно, материнское сердце, что не удержать ей при себе своего младшего сына «с живыми глазами». Уж если суждено ей расстаться со мной, думала она, так пусть лучше он будет служить Богу и, кто знает? Может, Бог найдет его достойным стать ходатаем за своих грешных родителей. Они не заслужили Его милости, потому что они жили в мире, в котором нельзя не грешить.

Это произошло во время Великого поста, вскоре после Масленицы.

Большие морозы прошли. При оттепели мать могла ехать одна со мной в Воронеж, не боясь замерзнуть в дороге. Если случится метель, можно было спастись от нее, совершая путь только днем или же остановившись в защищенном месте, выжидая, пока она не уляжется.

Однажды мать мне говорит: «Завтра, Ваня, мы с тобой поедem в город. Я хочу отдать тебя в певческую школу. Говорят, что там берут мальчиков и учат пенью бесплатно». Сказано — сделано. На следующий день мы с матерью поехали в город.

В Воронеже в это время было три монастыря: два мужских и один женский. Последний назывался Девичьим монастырем. Самым известным был Митрофаньевский монастырь. В нем обретались мощи святого Митрофания, епископа, во время управления паствой которого Петр Великий основал в Воронеже кораблестроительную верфь. Корабли должны были завоевать Азов, принадлежащий туркам. Святой Митрофаний сохранился в памяти народной не только как помощник Петра Великого в борьбе с басурманами, но и как непоколебимый защитник простого народа от всяких притеснений. Он был ходатаем за него перед всеми сильными мира земного и перед самим строгим, нередко жестоким царем Петром. Своей благочестивой жизнью и своим заступничеством за простой народ он еще при жизни снискал популярность, всенародную любовь и почитался за святого. Позже в этом монастыре жил постоянно епископ, управляющий воронежской епархией. В годовщину кончины святого Митрофания²⁴ совершался крестный ход с его мо-

шами вокруг монастыря. В Воронеж стекалось бесчисленное множество паломников, приходивших из самых отдаленных мест России. Эти паломники разносили славу о нем повсюду. После его кончины заменил его епископ Анастасий, он приезжал один раз в наше село.

В другом мужском монастыре, ничем не отличавшемся от многочисленных монастырей, разбросанных по всей Руси великой, жил викарный епископ, преосвященный Владимир, большой любитель церковного пения. Он сделал много для своего монастыря, организовал в нем школу пения, которая приобрела большую известность в церковных кругах.

О существовании этой школы мать узнала от своих приятельниц-монашек. Для поступления в эту школу мать и привезла меня в Воронеж. Ее мечта была, чтобы видеть меня не просто певчим церковного хора, но и монахом. Я же был совсем не расположен к монашеской жизни. Поступить же в певческую школу я был согласен. Мое заветное желание было учиться, уйти от жизни нищеты и темноты, пробиться к свету знания. Но куда идти? В какой школе учиться? Для меня это не имело значения. К тому же я и не знал, что существуют разные школы и учат там разным предметам.

Мы с матерью пришли в монастырь утром. Мать спросила у первого встретившегося нам монаха, где находится певческая школа. Он нам объяснил, как туда пройти. Придя в школу, мы узнали, что школы больше не существует, так как преосвященный Владимир переведен в другую епархию и увез с собой всех учеников своей школы. Монах, рассказавший нам об этом, показал нам комнаты, в которых жили ученики, и трапезную.

Мать была очень огорчена сообщением монаха. Не менее был огорчен и я. В комнатах и трапезной была безупречная чистота; комнаты были светлые, веселые. Кровати, оставшиеся в таком виде, каковыми они были во время пребывания учеников, покрыты светлыми чистыми одеялами. На них лежали подушки в белоснежных наволочках. Вокруг была тишина и благолепие. Мне все это очень нравилось. Мне казалось, что эта неудача навсегда лишает меня возможности вырваться из моей родной среды. Мое будущее опять покрылось мраком неизвестности. Я не знал, что нужно было ждать еще полтора года до его наступления.

Монах, видя нас опечаленными, посоветовал матери обратиться к регенту²⁵ хора Митрофаньевского монастыря. «Может быть,—сказал он,—там примут твоего сына».

Совет монаха успокоил мать, и, недолго думая, она решила сейчас же идти со мной к регенту. Он принял нас очень любезно, выслушал внимательно просьбу матери и пригласил меня пройти с ним в другую комнату, где находилась фисгармония. Он начинает играть и просит меня спеть несколько песнопений под его аккомпанемент. После этого испытания он говорит моей матери: «Голос у твоего сына очень хороший, но он плохо знает ноты. С ним еще много нужно поработать, чтобы научить его хорошо петь. Если я его приму в свой хор, то пока научу его петь, у него к этому времени начнет меняться голос, пока не установится окончательно голос взрослого. Все это время он будет непригоден для моего хора. Значит, моя работа с ним будет бесполезной для меня. Поэтому я беру в свой хор очень маленьких мальчиков. Я обучаю их пению два-три года, но потом они поют у меня несколько лет. Поэтому-то я и не могу принять твоего сына».

Когда мы вышли от регента, мать, не говоря мне ни слова, ведет меня к игумену монастыря. Игумен принимает нас очень любезно и спрашивает мать, зачем мы к нему пришли. Только тогда я понял, что мать решила отдать меня в монастырь в послушники. Игумен внимательно выслушал ее, наблюдая за мной испытывающим взглядом. Перед ним стоял крестьянский мальчик, «живой, с темно-коричневыми глазами», как называли меня в селе, с выражением испуга на лице. Я никогда не узнал имени этого игумена, но до сих пор я остался глубоко благодарным ему за его проникательность и за слова его, сказанные матери. «Твое желание очень похвально и угодно Богу, матушка,— заговорил он.— Но монашеский подвиг очень трудный. Сын же твой слишком молод. Для него этот подвиг может оказаться непосильным. Один Бог ведает, что в жизни предназначено для твоего сына. Жизнь его, можно сказать, толк начинается, и для него еще не потеряно время для поступления в монастырь. Пока же пусть он еще поживет среди вас. Я, мать, сам поздно пришел в монастырь. Я был женат, у меня было двое сыновей. Они кончили университет. Когда они окончательно устроились, мы с женой решили уйти из мира и начать монашескую жизнь. Я поступил в мужской монастырь, а она — в женский. И так теперь доживаем свой век в молитвах и в служении Богу. Тебе, мать, нравятся монашеские службы, благолепие церквей. И ты думаешь, что в монастыре легче вести богоугодную жизнь, легче замаливать грехи. Ты думаешь, что монахи

ближе к Богу, чем вы, миряне. Это верно. Но помни и то, что даже в монастыре много соблазнов греховных и устоять против них могут только крепкие духом и глубокой верой. Не думай, что монахи лучше защищены против козней дьявольских, чем вы, миряне. Ты видишь, что наш монастырь обнесен очень высокими стенами, а все-таки через них перебегают, уходят тайком, чтобы провести ночь в грешном мире. Высокие стены не служат непреодолимым препятствием для запрещенных поступков даже в самих стенах монастыря. Есть здесь и карты и вино. И нет тех сил, которые могли бы воспрепятствовать карточной игре, питию вина, если Бог оставит на произвол судьбы волю монаха. Подумай, мать, обо всем, что я тебе сказал, и не неволь своего сынишку. Пусть он подрастет и, когда сделается взрослым, сам решит, сможет ли он вынести монашеский подвиг, исполнить данный Богу обет».

С каким облегчением и радостным чувством я выходил из кельи отца игумена! Точно из тюрьмы выходил я на свободу. Мать же, напутствуемая благословением игумена, шла рядом со мной, погруженная в великое раздумье, и я не мог угадать, жалеет ли она о том, что не сбылось ее желание — видеть меня монахом, или же подчинилась она воле Провидения.

Опасность быть отданным в монахи миновала меня, но попытка матери сделать это еще более усложнила мою жизнь в крестьянской среде. По возвращении из города мать рассказала соседям, зачем она ездила со мной в Воронеж и какие неудачи постигли ее там. Вскоре об этом узнали все. Одни сочувствовали матери, другие отнеслись к нам насмешливо. Сочувствие выражалось матери, а не мне. Насмешки же все были направлены на меня. Больше всего в них изошрялись девчонки. Полусерьезно, полушутливо они прозвали меня «монахом». Я стал их козлом отпущения. В их шутках часто чувствовалась злость. Я стал для них чужаком: я был чтецом Псалтыри по покойникам и получил незаслуженное прозвище «монах». Эти два качества не соответствовали настоящей жизни крестьянина. Молодые девушки боялись связывать свою жизнь с таким парнем. Поэтому они сторонились меня, неохотно принимали в свою среду.

После неудачной поездки с матерью в город я еще острее почувствовал свое отчуждение от карачунской среды и еще больше стал думать о том, как бы разбить цепи, сковавшие меня, пробиться к знанию, к учению. Но я был

одинок в своих думах. Мать согласна была отпустить меня из отцовского дома только в том случае, если я захочу переменить жизнь крестьянскую на духовную, то есть церковную. Отец же совсем не желал отпускать меня из семьи. Но направить меня на церковный путь мог бы только священник. И тогда я мог бы поступить в духовное училище и учиться бесплатно, но он отказывался помочь мне в этом, так как учение в духовном училище он считал привилегией детей духовного звания. Для крестьянских детей в них, по его мнению, места нет. Итак, никто не мог или не хотел помочь мне, хотя бы советом, чтобы найти выход из моего положения. А что же мог придумать крестьянский мальчик, которому еще не было пятнадцати лет, окруженный невежеством, а также враждебностью своих родителей, не понимавших желания оставить семью для учения. Убежать? Невозможно, так как родители имели право с помощью властей найти меня и возвратить по этапу домой. Я же больше всего боялся быть арестованным и доставленным по этапу в свое родное село. В то же время я и не знал, где я мог бы найти пристанище. Итак, я оставался жить чужим в своей родной семье, и это продолжалось еще более года.

Мне самому трудно было верить, что моя жизнь изменится и моя мечта осуществится.

Я еще верил тогда глубоко, что земля держится на трех китах и что под землей находится ад, а на небесах — рай. Если идти по земле все дальше и дальше вперед, то можно дойти до глубокой бездны, где находится геенна огненная, в которой вечно мучаются грешники. Таков был уровень моих познаний по естественной истории, мое представление о мироздании, когда мне исполнилось 16 лет. Такое же представление о мире было и у моих товарищей-сверстников.

В один из праздничных, очень жарких июльских дней мы с товарищами сидели и беседовали. Солнце пекло нещадно, в земле можно было яйца печь. Черепки от разбитых горшков, разбросанных вокруг нас, жгли нам голые ноги, когда нечаянно на них наступишь. Нестерпимая жара длилась уже довольно долго и наводила уныние на все население и даже на животных. Такие дни располагали на размышления и на разговоры о конце света, о пришествии на землю антихриста. В это время мы уже знали содержание Апока-

липсиса и принимали все изложенное в нем в буквальном смысле. Нам были известны знаки, возвещающие конец света. Об этом я и вел беседу со своими товарищами в этот день неподалеку от главной дороги. Мы пытались найти способ определения признаков, которые должны были, по нашим понятиям, предшествовать Апокалипсису, и изыскивали меры, ограждающие нас от смущения нас антихристом в тот момент, когда в земле начнут появляться расщелины — последнее знамение перед наступлением конца света.

В этот момент мимо нас проходил наш сельский писарь. Увидев меня, он сделал мне знак подойти к нему. Он сообщил мне, что получил бумагу, в которой сказано, что можно поступить бесплатно в фельдшерскую школу в Воронеже. Для этого достаточно только выдержать экзамен. «Если ты хочешь поступить в эту школу, приходи ко мне, и я тебе объясню, что для этого нужно сделать». От этих слов писаря у меня помутилось в голове. Я даже не помню, поблагодарил ли я его за такую радостную для меня весть. Одно лишь хорошо я помню: в один миг я забыл свой разговор с товарищами и опрометью побежал домой.

Войдя в избу, я сообщил отцу и матери о моем разговоре с писарем и заявил о моем решении поступить в эту школу и о том, что больше в Карачуне оставаться не хочу. Мать рассердилась, а отец ее поддержал, заявив, что «от добра добра не ищут», что дома у нас не очень плохо живется. А что из учения моего выйдет, — этого никто не знает. Родители повторяли мне, что среди порядочных людей нашего села никто не оставлял свою родину. Рождались, жили и умирали в своем родном углу. Ни один любящий сын не оставлял своих родителей, что я — самыймышленный и самый грамотный, брат же мой даже читать не умеет. Я должен быть поддержкой и опорой своих родителей, защитником их в старости. Поэтому-то они не могут отпустить меня, дать свое благословение и согласие на мое намерение учиться и заняться другим ремеслом, а не горшечным.

Мои стремления, мое желание открыть другой мир были им чужды и непонятны. Но на этот раз мое решение было так же твердо, как и их сопротивление. Я им заявил, что если они меня не отпустят добровольно, я все равно уйду от них в город и поступлю в трактир половым. Мать почувствовала, что на этот раз я исполню свою угрозу, и заплакала. Отец же ничего не сказал, и его молчание было для меня многозначительно. Весь вечер они о чем-то совещались

между собой тихим голосом, но о поступлении в фельдшерскую школу со мной больше не заговаривали. На следующий день, утром, мать сообщила мне, что они согласны отпустить меня, но не в школу, о которой я им говорил, а в другую, в Коневскую. Притом мать обещала даже сама сходить в эту школу и разузнать, что нужно, чтобы поступить в нее. Для меня не имело никакого значения, в какой школе я буду учиться. Лишь бы можно было учиться, кроме того, у меня не было выбора; я знал только церковно-приходскую школу, в которой я обучался началам грамоты, чтению и письму; имел я некоторое понятие о духовном училище, где учились два сына нашего священника, дальше этого мои познания о школах не шли. Я не мог судить, чем отличается фельдшерская школа от школы для детей духовенства. Какая из них дает больше преимуществ? Какое обучение понравится мне больше? Я не знал. Поэтому сейчас же согласился попытать счастья попасть в Коневскую школу. Семейный мир был восстановлен.

Я не чувствовал, что одержал победу, но понимал, что принятое решение имело огромное значение для моего будущего. Моя угроза наняться в трактир половым принудила моих родителей дать свое согласие; крестьяне считали эту работу постыдной и позорной не только для того, кто нанимался служить половым, но и для всей его семьи. Это отвращение, граничащее с ненавистью, объяснялось тем, что оно морально портило человека, ставило полового в унижительное положение, вынуждая его присутствовать (как они говорили) при богомерзких сценах. По мнению крестьян нашего села, ничего нет на свете хуже должности полового. Вот что сломало сопротивление моих родителей.

Через несколько дней после этого исторического для меня дня мать прошла пешком в Коневскую школу и принесла оттуда программу конкурса для поступления в нее.

Коневская школа официально называлась «Низшая сельскохозяйственная Конь-Колодезская школа», организованная незадолго до этого в бывшем поместье наследников знаменитого адмирала Сенявина, сподвижника Петра Великого. Она находится в 32 верстах от нашего села и существует, кажется, и в настоящее время. Я имел о ней самое смутное представление. Не большее представление о ней имела и моя мать. Она знала только, что в этой школе

учился сын старшины нашей волости. Отличался же он тем, что был гармонистом. Он приезжал в наше село во время трех больших базаров: один на Масленицу и два других на престольные праздники. Под звуки его гармони плясали девушки.

Почему мои родители решили, что лучше будет, если я поступлю в эту школу,— мне неизвестно. Можно только предполагать, что они руководствовались соображениями морального порядка: в городе слишком много греховных соблазнов, от которых трудно будет мне уберечься. Сельскохозяйственная же школа, на берегу реки Дона, находилась в сельской обстановке. Она была даже далеко от сельского поселка, так как ближайшее от нее село находилось в трех верстах. Таким образом, я буду вдаль от городских соблазнов, думали они. И в то же время она ближе к нашему селу и мое отсутствие для них будет менее чувствительной потерей. К тому же они надеялись, что по окончании школы я вернусь под отцовский кров.

В программе, принесенной из школы матерью, было указано, что конкурсный экзамен для поступления в школу бывает раз в год, во второй половине сентября. Экзамен состоит из диктовки по русскому языку, из решения задачи по арифметике на все четыре правила простых действий и из устного экзамена по этим же предметам и по Закону Божьему. При подаче прошения на допущение к конкурсу нужно было представить метрическое свидетельство, свидетельство об оспопрививании и свидетельство об окончании первоначальной школы.

Мать возвратилась из школы успокоенная. Ей понравились и местность, и люди, с которыми она разговаривала. По ее словам, ее принял самый главный начальник школы, то есть управляющий. На самом же деле это был младший служащий школы, писарь Тихон Иванович. Он не отличался большим умом и походил скорее на затравленную мышь, но был действительно человеком мягким и приветливым. На мать он произвел хорошее впечатление. «Встретил меня,— рассказывала она,— приятный, обходительный господин. Я объяснила ему, зачем пришла. Он мне сказал, что нужно представить для поступления в школу. Я ему сказала, что боюсь забыть все это. Он меня успокоил и дал вот эту бумажку и говорит: «Возьми ее и покажи учителю. Он прочитает ее и скажет тебе, что надо делать».

Не теряя времени, на другой же день я пошел к фельдшеру за удостоверением об оспопрививании. Он жил в 10

верстах от нашего села, и, к счастью, я застал его дома; он выдал мне сейчас же необходимое удостоверение и никакой платы не взял. Труднее дело обстояло дальше. Учитель был в это время уже другой, он меня не знал. Он согласился подготовить меня к экзамену, но потребовал за свой труд 5 рублей. Священник согласился выдать мне метрическое свидетельство, но нужно заплатить за него 3 рубля. Все вместе представляло очень большую сумму для нас. Таких денег у нас не было. Мать нашла, что требование учителя было справедливым. Требование же священника она считала несправедливым: ведь я столько сделал для него при отправлении служб и треб (свадьбы, похороны, крестины, соборования). Она не хотела понять, что поп тут ни при чем, что я заменял не его, а дьячка, что он не обязан отказываться от следуемой ему платы за свидетельство. Она считала, что попу следовало бы выдать мне это свидетельство если не бесплатно, то, по крайней мере, за доступную для нас сумму. Но поп смотрел на это иначе и не хотел отказываться от своих прав. Он не оказал нам даже и кредита и потребовал уплатить ему всю сумму в момент выдачи метрического свидетельства. К счастью, более покладистым оказался учитель: он согласился на то, чтобы мои родители платили ему по частям или тогда, когда смогут. Благодаря ему, денежный вопрос разрешился благополучно. А чтобы заплатить попу, пришлось прибегнуть к займу.

Итак, после пятилетнего перерыва я опять приступил к учению. Исправно хожу заниматься к учителю, а дома сижу целые дни за грамматикой русского языка, за решением задач, учу наизусть стихотворения. Многие перезабылось со времени окончания церковноприходской школы. Многие нужно было восстанавливать в памяти и в то же время готовить новое, то, что требовалось по программе. У моего учителя не было ясного представления о том, что требовалось для экзамена. А времени у меня было мало: меньше двух месяцев. Нужно было напрячь все силы. Случайно, можно сказать по наитию, был выбран верный путь. С учителем я главным образом писал диктовки, а дома большую часть времени посвящал арифметике и Закону Божьему. Никогда потом в жизни я не работал с таким напряжением. Еда, сон и домашние заботы перестали иметь свое значение. Все окружающее меня перестало существовать, кроме моих учебных книг и тетрадей.

Приближался день отъезда на конкурс. За несколько

дней до этого случайное желудочное заболевание чуть не погубило все мои надежды, не лишило меня возможности попытаться счастья. Острая боль в животе, увеличивающаяся с каждым днем, однажды ночью сделалась нестерпимой. Я катался по полу, не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежать спокойно ни на боку, ни на животе, ни на спине. За несколько часов ужасных страданий я сделался неузнаваем. Никто из семьи в эту ночь не спал. Глубокой ночью, в один из моментов отцу и матери показалось, что я умираю. Отец побежал за священником просить его прийти исповедать меня и причастить. Брат пошел за знахарем.

Еще до рассвета пришел священник, исповедовал меня и причастил. К этому времени боли как будто стали уменьшаться, но заметного облегчения я еще не чувствовал. После священника пришел знахарь. Он принес с собой какую-то жидкость, над которой он пробормотал несколько неразборчивых слов. Он дал мне выпить немного этой жидкости. Теперь, вспоминая вкус этого питья, я думаю, что в нем были, вместе с чем-то другим, квасцы. Только в конце утра боли заметно уменьшились, я почувствовал себя лучше и заснул. Но следы от проведенной мучительной ночи оставались еще заметными для моих близких. Мои родители никогда не смогли забыть эту ужасную ночь, а я помнил ее до самого дня отъезда на конкурс.

Сентябрь был в этот год очень дождливый; дороги сделались почти непроезжими, — настоящая трясина. Даже для сильной лошади, запряженной в пустую телегу, путь был очень трудным. Для нашей же слабосильной лошадки это было совсем невозможно. Пришлось попросить соседа одолжить нам лошадь.

Поехала со мной мать. Она уже знала, где точно находится школа, к кому нужно обратиться по приезду. В то же время она хотела видеть, как ее Ваня будет держать экзамен.

Из тридцати двух верст пришлось проехать пятнадцать по вязкой дороге, чтобы выехать на шоссейную дорогу. Нам нужно было выехать из дому ночью, задолго до рассвета. Я оказался единственным, приехавшим в самый день экзамена. Одни приехали за день до экзамена и поселились в ближайшем селе Конь-Колодезск. Они приготовились к конкурсу у учителя русского языка и арифметики, преподававшего эти предметы в школе. Другие приехали за несколько

дней до экзамена. Многие успели перезнакомиться между собой, освоиться с обстановкой, в которой проходит конкурс. Многие из них были уже что называется «тертые калачи». Почти все эти кандидаты были городскими жителями и осваивались быстро в любой среде.

В домотканых, набивных портках, в рубашке, по крестьянскому обычаю, с тесемчатым поясом, с длинными волосами, подстриженными в кружок, я резко выделялся всем своим обликом среди кандидатов. К тому же я был очень застенчив и после письменного экзамена не решился ни с кем из них заговорить, расспросить об экзамене. Среди них в особенности выделялась одна группа. Они все время держались вместе, чувствовали себя свободно, о чем-то оживленно разговаривали между собой, что-то обсуждали. Это были, как я потом узнал, мальчики из села Репное, находившегося вблизи уездного города Задонска. Они учились в земской начальной школе, и их бывший учитель русского языка и арифметики был теперь переведен в Конь-Колодезскую низшую сельскохозяйственную школу. Он стал давать частные уроки мальчикам, окончившим Репнойскую школу и желавших поступить в Конь-Колодезскую школу, конечно за плату. Поэтому-то некоторые кандидаты приехали в село Конь-Колодезск за несколько месяцев до конкурса.

В первый день экзамена, утром, была диктовка. Днем была нам дана очень длинная задачка по арифметике. После письменных испытаний все кандидаты выходили из школы очень возбужденные, обменивались своими мнениями о диктовке, о задачке. Только я один ходил молчаливо среди этой оживленной толпы, прислушивался к тому, что говорят другие. Я не мог отдать себе отчета, преуспел ли я в письменных испытаниях.

Мы с матерью провели ночь в людской, где нас приютили на ночлег и позволили даже остаться там и на следующий день.

Устные испытания начались на другой день около часа дня. До самого вечера мы с матерью сидели в зале в ожидании, что меня вот-вот вызовут. День клонился уже к вечеру. Зажгли лампы; неспрошенных кандидатов оставалось уже немного, а меня все не вызывают и не вызывают. Я начал беспокоиться. Я решил, что меня просто забыли, а напоминать о себе экзаменаторам я не осмеливался. Говорю о своих сомнениях матери и прошу ее пойти спросить, почему не вызывают меня. Мать подходит к одному из эк-

заменаторов, но я не слышу их разговора. Меня то терзают сомнения, то возвращается надежда. Наконец мать возвращается на свое место и говорит мне: «Ты хорошо написал диктовку и правильно решил задачу. Поэтому тебя освободили от устного экзамена по этим предметам. Спросит тебя еще только священник по Закону Божьему. Ты должен идти в другую комнату, рядом, где экзаменует священник». При этом известии мое сердце наполнилось радостью. Теперь я уже знал, что экзамены я выдержал. Священную историю, молитвы и даже богослужения я знал лучше многих семинаристов. В этот момент я воспрянул духом и понял, что большое счастье выпало на мою долю. И действительно, можно сказать без преувеличения, что в ответах священнику я блистал. Законоучитель, отец Андрей Никитин, от моего чтения церковнославянского текста был в восторге. Он начал расспрашивать меня: где я получил свои знания? в какой школе я учился? Узнав, что я кончил церковноприходскую школу, он пришел в умиление, вероятно, от мысли, что только церковноприходская школа могла дать мне такие знания. Он так расчувствовался, что тут же (что называется, «на поле брани») возвел меня в чин школьного дьячка, то есть сказал мне, что я буду выполнять обязанности дьячка во время молебнов и всенощных в стенах школы. На литургию же ученики школы ходили в сельскую церковь.

Результаты конкурса были объявлены поздно вечером. Из 90 кандидатов были приняты 30, среди них я прошел вторым и был принят стипендиатом Воронежского губернского земства. Я узнал, что в школе существовало пять таких стипендий, и они давались автоматически пяти первым принятым по конкурсу кандидатам. Стипендия означала, что меня будут кормить, одевать и учить бесплатно во время всего обучения в школе. Без стипендии я не мог бы поступить в нее, так как учение и содержание стоили 100 рублей в год, то есть 400 рублей в течение четырех лет пребывания в ней. Мои же родители могли бы платить не больше 10 рублей в год. Если бы я не получил стипендии, мое место досталось бы другому. Утешением моим было бы, что я все же был не хуже других.

В школе я освободился от чувства быть чужим среди других слоев, подданных «белого царя» (распространенное выражение на азиатском Востоке). Итак, я мог продолжать учение бесплатно, без каких-либо протекций. Я разбил оковы, преодолел все преграды, без советов и помощи

со стороны кого бы то ни было. Сознание, что счастье упало мне с неба, появилось у меня в этот же памятный и знаменательный для меня день и не покидало меня в течение всего моего пребывания в школе. В ней я провел самые счастливые четыре года моей жизни. Все, о чем я пишу, может теперь показаться наивным, детским, упрощенным, но для меня эти годы были открытием, с которым до сих пор мне не приходилось встречаться. Все, что совершалось за пределами крестьянской жизни, принимало в моих глазах важное значение.

Для крестьян, по летам, я был почти взрослым, молодым опытным парнем. По культурному же уровню развития я был еще ребенком, дикарем, перед которым все являлось в новом свете. Можно сказать, что на этот раз мне повезло. Получить стипендию, не имея никаких связей в школе, при недостаточной подготовке к экзамену, могло вскружить мне голову. Но крестьянская голова не подвержена головокружениям. Она у него и хозяин, и слуга, и рабочий. Крестьянин привык к ней с рожденья и с детства.

Я сейчас же заметил, что моя мать не радуется моему успеху. Я чувствовал, что она испытывает больше гордости, чем радости. Позже я узнал, что мой успех не произвел в нашей семье того действия, какое было бы в другой семье. Видя, что моя мать возвращается одна, мой отец разрыдался как ребенок. Я никогда не видел его плачущим, но в этот вечер он не смог удержаться от слез. Он понял, что для них я пропал навсегда, и плакал как по покойнику. До возвращения матери он еще надеялся, что я не выдержу экзамена, но его надежда рассеялась, и он был ошеломлен.

Занятия в школе начинались 1-го октября, а до этого оставалось еще больше двух недель. Выдержавшим конкурс предоставлялось право уехать на это время домой, каковым большинство и воспользовалось. Оставались только те, которые приехали из очень отдаленных уездов или из других губерний. Для нас с матерью вставал вопрос: вернуться домой, а через две недели опять ехать, то есть просить кого-нибудь одолжить лошадь, что связано с расходами. И мать предложила мне остаться в школе, прибавив: «Что-ж, видно, ты теперь для нас отрезанный ломоть». И слезы заблестели у нее на глазах...

Шестнадцатилетним юношей я поступил в подготовительный класс сельскохозяйственной школы, то есть в воз-

расте, когда другие, более счастливые дети привилегированных классов или дети городских жителей, заканчивают среднее образование и мечтают о поступлении в университет или в другое какое-либо высшее учебное заведение.

Я же в этом возрасте даже плохо читал по-русски или не понимал того, что читал. Я читал лучше по-церковнославянски. В 16 лет я начал жить, как живут в культурных семьях маленькие дети, но в менее благоприятных условиях. У маленьких детей все впечатления, подобно фотографической пленке, впитываются, как гигроскопическое вещество впитывает в себя окружающую влагу. Эти дети удерживают слова, жесты, понятия, мысли, не рассеивая своего внимания на заботы, беспокойство и волнения. С таким опозданием началось мое умственное развитие. Во время пребывания в школе не только началось мое умственное перерождение, но и физическое развитие. В школу я поступил хилым, изнуренным малярией. С переменой места, в школе я освободился от этой болезни в первый же год моего пребывания.

Я снял с себя крестьянскую одежду и надел форму школы. Я ничем не отличался от всех других учеников, и все же я еще был чужаком среди них.

Социальное происхождение было очень разнообразным. Большинство было из крестьянской среды, но были ученики и из зажиточных семей. Было много из городского мещанства, а также сыновей экономов, писарей, старост, заведующих полевыми работами у крупных помещиков и даже сыновей обедневших помещиков. Несколько учеников были из дворянских семей. Они тоже отличались и своим образованием, и культурным уровнем. Думаю, что в это время я был единственным, вышедшим из церковноприходской школы. Были и неудачники, выгнанные из Военной школы, был сын помощника прокурора Воронежской губернии. По его словам, его выгнали за то, что он швырнул свои калоши в лицо одного из своих преподавателей. После этой истории решили, что он больше пригоден для земледельческой профессии.

Представители разных социальных слоев вносили свои характерные черты в жизнь и традиции школы. Они влияли на косную и малокультурную массу. Установленные правила и дисциплина были одинаковы для всех учеников и формировали их на один образец. Но были и другие факторы, другие течения, которые действовали на психоло-

гию и поведение учеников. Я заметил это и решил держаться очень осторожно.

Чтобы утешить мою мать, я отдавал ей все мои похвальные листы. Она их бережно складывала и радовалась как ребенок. Я оставлял себе книги, полученные мною в награду в конце учебного года или по другому поводу. Так началась моя первая библиотека.

В школе нас остригли; всех одели и обули одинаково. Так исчезло социальное различие. Летом мы носили коричневую блузу из грубого холста, черные легкие штаны, заправленные в голенища сапог, и поддевку из грубого же серого сукна. Головным убором служил картуз на серой суконной подкладке. Зимой — блузу и штаны из грубоватого же сукна, а верхней одеждой служил нагольный полушубок из белой овчины мехом внутрь; на голове — шапка на серой суконной подкладке с вязанным околышем вокруг головы. Обували нас зимой и летом в грубые кожаные сапоги, а вместо носков выдавали нам портянки. Для меня и эта одежда и обувь казались «аристократическими». Это ощущение вызывалось не только тем, что я сравнивал ее с грубой крестьянской одеждой, но еще и потому, что я освобождался от внешнего облика крестьянина и тем самым не вызывал у других обычно презрительного отношения к одетым в «крестьянскую шкуру».

Но среди нас были и настоящие аристократы: сыновья дворян, городских чиновников и служащих помещичьих экономий. Они были недовольны школьной формой, в особенности зимней. Они говорили, что она похожа на арестантскую. Чтобы доказать, что это так, небольшая группа смельчаков, при возвращении зимой из отпуска в школу, сделали такой опыт. Один из них, сняв шапку и держа ее дном вниз, пошел по вагонам собирать подаяния для пересыльных арестантов. Его товарищи, не снимая шапок, молча следовали за ним. Русский народ всегда был жалостливый ко всем «несчастненьким», к которым они причисляли и арестантов. Подаяния начали щедро падать в протянутую шапку проказника. Пройдя так два вагона, шутники испугались и проскользнули в один из дальних вагонов. Они были очень довольны собранной суммой и, приехав в школу, рассказали о своей проделке своим товарищам, а потом о ней узнали и учителя, и управляющий школой. Она не тронула сердце администрации школы, и форма осталась прежней.

Но у меня и не было такого чувства к школьной форме. Она меня совершенно удовлетворяла, к тому же я о ней и не думал. По сравнению с крестьянской она была для меня скорее изысканной. Мне не приходилось сравнивать ее с чем-то другим, потому что для меня школьная среда, в которой я очутился, была высшим обществом. Да у меня и не было случая проникнуть в другое общество.

Возрастного различия между нами и не чувствовалось. По правилу в школу принимали детей не моложе 14 лет. Мне было 16. Но были среди нас мальчики и 15 лет, а одному было даже 21. Этот великовозрастный парень, как и я, возымел желание «грызть гранит науки».

Вот история этого парня. Отец его умер, и он жил с матерью, у которой он был единственным сыном. Мать, по его рассказам, была женщиной твердого характера и держала его в строгом повиновении. Она решила, что в его годы пора ему жениться и обзавестись семьей. Как он ни отказывался от женитьбы, мать заявила, что быть так, как она желает, и больше ни в какие рассуждения вступать не хотела. Приискала она ему уже и невесту, уговорилась с ее родителями, и был уже назначен день свадьбы. Видя, что матери ему не убедить, в один прекрасный день он убежал из «материнского дома». Он знал о существовании низшей Конь-Колодезской сельскохозяйственной школы: два мальчика из его села уже окончили ее, а два других готовились к конкурсу для поступления. Более 300 верст (320 километров) отделяли его от этой школы. Он проделал это расстояние частью зайцем по железной дороге, но чаще пешком. Придя в школу, он явился к управляющему школой и рассказал ему всю свою историю, не утаив и того, что он убежал из дома от женитьбы, от невесты, и о своем страстном желании учиться. Управляющий был тронут его рассказом и дал разрешение преподавателю по ремеслам (он же был и заведующим мастерскими) принять его учеником в мастерские на полное содержание школы. Так, работая в мастерских, он готовился к конкурсу для поступления в школу. В год моего поступления он и был принят в школу. Потому ли, что он был уже «слишком стар» или по каким-либо другим причинам, несмотря на его упорные усилия, наука ему давалась с большим трудом, и результаты у него получались плоховаты.

Я хорошо помню нашего законоучителя, отца Андрея Никитина. Мы его очень любили, потому что он был добрый и к тому же снисходительный к нашим слабостям. Его

снисходительность была, быть может, преувеличена и переходила границы дозволенного, но это не имело никаких неприятных последствий для нас. У него был особенный взгляд на дисциплину и на Закон Божий. Он нам не объяснял того, что было в учебнике, но беседовал с нами о вопросах, изложенных в нем. Благодаря этому методу преподавания, мы все усваивали лучше, что такое Закон Божий. Для него это было самое главное.

Спрашивая учеников, он никогда не ставил отметок в классной тетради. В этой тетради был список всех учеников класса в алфавитном порядке. Для каждого предмета было отведено несколько страниц, где ставились отметки за все письменные работы и устные ответы. Чтобы поставить среднюю отметку за семестр (их было два), отец Андрей руководствовался двумя принципами: первый касался общей характеристики ученика, второй — каждый ученик, будучи христианином, не мог получить менее $2\frac{3}{4}$ (на 5) по Закону Божию. Это была самая низкая отметка, которую он мог поставить. Поэтому-то никогда не было переэкзаменовок по этому предмету. Слабым ученикам не приходилось беспокоиться.

Здоровая местность, чистый воздух, регулярная жизнь, хорошее, хотя и простое, но достаточное, питание, отсутствие утомляющей городской обстановки, вредной для души и тела, классные занятия, чередующиеся с умеренной разнообразной работой с ноября до конца апреля, выполнение всех сельскохозяйственных работ во время полевого периода укрепляли и развивали наше тело. Общение с природой благоприятно влияло на мораль.

С неукоснительной точностью было распределено время нашей жизни, и в то же время в ней не было того однообразия, в каком проходит жизнь учащихся в других учебных заведениях.

Зимой мы вставали в 7 часов утра. Полчаса полагалось на приведение себя в порядок, полчаса на завтрак, а с 8-ми до 12 часов — классные занятия. Между 12-ю и 2-мя часами мы обедали и отдыхали, а с 2-х до 6-ти часов работа по нарядам, вне классов: одни в мастерских (столярной, слесарной, механической), другие — в кузнице, третьи — заняты разными сельскохозяйственными работами: на току молотили, очищали намолоченное зерно; в хранилищах перебирали корнеплоды и клубнеплоды, столовые и кормовые;

на скотном дворе и в конюшне ухаживали за скотом, на огороде подготавливали парники к ранней выгонке²⁶ в них всякой зелени, ухаживали за растениями в теплице.

В 6 часов мы собирались все в столовой, где проводили четверть часа за чаепитием, после чего до 7 часов мы распоряжались своим временем по нашему желанию. В 7 часов мы собирались опять в столовой для ужина, а потом расходились по классам и до 10 часов готовили уроки к следующему дню. В 10 часов общая молитва перед сном. После молитвы, примерно через полчаса или три четверти часа, тушился свет, и мы, официально, должны быть все в постели и спать до 7 часов утра.

Распорядок летнего дня был иной. С наступлением полевых работ классные занятия прекращались. Возобновлялись они во второй половине октября. С мая и до конца доброй половины осени ученики были заняты весь день разнообразными физическими работами. Вставали в этот период в 4¹/₂ часа утра. В 5 часов они были на местах работы, наряды на которые вывешивались накануне с вечера. Так ученики и узнавали, кто и на какую работу назначен на следующий день. В 7¹/₂ часов завтракали. Работающие в мастерских, в кузнице, на току, на пчельнике, на скотном дворе, в саду и на огороде завтракали в столовой школы. Работающим же в поле, на отдаленном расстоянии, завтрак привозился в бидонах на места работ.

При работе с лошадьми или с волами кончали работу в 11 часов утра, а после обеда начинали ее в 3 часа дня. Кончали свой рабочий день в 7 часов вечера. Другие работали утром до 12 часов дня, то есть до самого обеда, и после него начинали работу в 2 часа вечера. Кончали они свой рабочий день в 7 часов вечера. В 9 часов был ужин, а в 10 часов, как и в зимнее время, молитва перед сном, и, официально, ученики укладывались в постель.

Но природа вечером столько заключает в себе чарующей прелести, а сил молодых хватало и на работы, и на то, чтобы наслаждаться природой. Невозможно было устоять против соблазна нарушить установленное правило. Соблазну помогала и обстановка. Двери школы не закрываются на ночь, окна спальни остаются также открытыми настежь. Многие выносили свои кровати в садик, который прилегал к стене школы, и спали под открытым небом. Можно ли уследить при таких условиях, кто лег и кто не лег в назначенный час. Но школьное начальство и не пытается следить за этим. Оно знает, что ее воспитанникам некуда уйти:

школа находится на отдаленном расстоянии от ближайшего села и там нет ничего такого, что их притягивало бы. Поэтому оно не мешает им наслаждаться природой в вечерний час. Лишь немногие укладываются спать в положенный час. Большинство же после молитвы разбредается в разные стороны. Одни идут купаться в чистой донской воде, другие гуляют среди полей и лугов. Танцоры собираются на излюбленном перекрестке дорожек среди молодого леса, чтобы оттанцовывать положенный себе час. Мечтатели гуляют в одиночку или парами по красивой березовой аллее, ведущей из школы на большой шоссе-ный тракт, поверяют друг другу свои планы на будущее.

Тихий вечер. В природе тишина и покой, который нарушают одни кузнечики своей стрекотней да иногда одинокие трели соловья. Случайно как-то один откуда-то залетел и обосновался здесь, услаждая слух обитателей школы. Соловьи не водятся в окрестностях школы: им негде вить своих гнезд; лесов в окружности нет, а школьное древо-насаждение еще очень молодо и не успело привлечь их к себе.

Школа находится в 52 верстах от губернского города, в 32 верстах от уездного. До ближайшего села — около 2-х верст.

По северной части границ ее владений идет шоссе-ная дорога, связывающая Воронеж с Москвой. В летнее время она очень оживленная; по ней движется непрерывный поток людей: богомольцы в убогом одеянии, в лаптях, с котомками за плечами, поселяне ближайших сел шествуют пешком. Другие едут на лошадях. В этом потоке встречаются разные люди: крестьяне, едущие в уездный город по своим надобностям, торговые люди, начальствующие лица, помещики и служащие в их родовых имениях. В определенный час проходит дилижанс, связывающий Воронеж с Задонском, а также почтарь, указующий на то, что и этот заброшенный край находится в общении с другим миром.

Коневская школа — лучшее время моей жизни. Она приобщила меня к культуре, связала со всем народом России, приоткрыла завесу, и моему взору предстали миры, не существовавшие для меня до этого. В ней я познал многое из того, что для меня было загадкой. В ней, впервые в своей жизни, я утерял чувство отчужденности, которое отдаляло все крестьянство от других классов. В это время

я еще не знал о существовании теории классовой борьбы, о пропаганде, прививающей чувство ненависти к угнетателям народа и о необходимости беспощадной борьбы против классового врага.

Выходцы из разных слоев русского народа, мы представляли настоящее бесклассовое общество. Мы все были равны. Дети крестьян и мещан не чувствовали над собой превосходства детей баронов, дворян и разного служилого люда. Мы все были одинаково одеты и обуты, выполняли одинаковые работы, спали на одинаковых постелях, ели из одного котла. Мы все были равны перед школьными законами. Нас учили познавать окружающую нас жизнь в пределах начертанной программы, приучали к сельским работам, к тому, как использовать лучше дары природы, извлечь больше хлеба насущного из «матушки сырой земли». Все было организовано так, что теоретическое обучение не находилось в противоречии с практической работой, а последняя не мешала осваивать элементарные знания по сельскохозяйственным наукам.

Приближались выпускные экзамены в школе. По установленным правилам весенние экзамены не включали все предметы. Некоторые экзамены происходили осенью, после сбора урожая главных зерновых в середине сентября. Но те, кто готовился к конкурсу для поступления в среднее сельскохозяйственное училище, имели право держать все экзамены весной по всем предметам. Ученики, окончившие низшую сельскохозяйственную школу, могли представиться на конкурс среднего сельскохозяйственного училища или же низшего лесного училища. Мой товарищ Семен Иванов готовился как раз к этому конкурсу. И в той и в другой школе учение было платным.

Земство не предоставило ни одной стипендии в эти школы. Поэтому-то я и не имел намерения готовиться к этим конкурсам, попытаться счастья продолжать учение.

Но, видя, что мои товарищи готовились к этим конкурсам, и, твердо верив в то, что они будут приняты, я решил в последнюю минуту выставить свою кандидатуру на конкурс в среднее сельскохозяйственное училище...

В принятии этого решения сыграла роль следующая причина: свидетельство об окончании низшей школы выдавалось только после годового стажа в каком-нибудь помещицком имении и после представления отчета об этом стаже.

Когда управляющий школы узнал о моем приеме в среднее сельскохозяйственное училище, сейчас же ему пришла мысль организовать вечер в мою пользу. Вечер оказался очень удачным, сбор превзошел все ожидания. За покрытие всех расходов по его организации была получена сумма, обеспечивающая полуторагодовую плату за мое содержание в среднем училище. Устройство вечера было сделано без моего ведома, и такой подарок был полной неожиданностью для меня. Эта неожиданность вызвала во мне необдуманый и неуместный с моей стороны поступок: движимый гордостью своей, я счел себя обиженным тем, что управляющий школой сделал это без моего согласия. Не задумываясь над тем, что ждет меня в дальнейшем, я сейчас же отослал деньги обратно в письме к управляющему с объяснением моего отказа. Совет школы решил собранные для меня деньги дать другому ученику, имя которого стояло на дополнительном листе. Мой глупый поступок отчасти искупился тем, что помог одному из недостаточных учеников воспользоваться собранными деньгами. Многие жертвователи, как оказалось, остались недовольны решением педагогического совета: они хотели помочь именно мне, а не другому, незнакомому для них ученику. Этот пример показал мне, какую большую роль играют в жизни чувства симпатии и антипатии, не согласованные часто со здравым смыслом и объективностью.

Мой жест, к счастью, прошел благополучно для меня. Вскоре инспектор Мариинского училища в Саратове сообщил, что мне дана стипендия Министерства земледелия. Таким образом, мое шестилетнее учение и содержание в училище было обеспечено. Я оказался в числе избранных судьбой: бесплатное учение и содержание в училище избавляли меня от забот о насущном хлебе, одежде и крове.

Только лишь в возрасте 20 лет (1902 г.) я поступил в среднее сельскохозяйственное училище, в то время как другие оканчивают свое образование. Предо мной открывалось светлое будущее.

В течение двух первых лет, без всяких усилий, я был первым учеником с годовой отметкой 5 (высший балл) в первом году и 5— (пять с минусом) — во втором. 1904 год был катастрофичным: педагогический совет поставил мне 3 за поведение.

Каким выглядело среднее Мариинское сельскохозяйственное училище? Березовая аллея, начинавшаяся у самого главного корпуса училища, тянулась почти на версту. В этом корпусе размещались: канцелярия, классы, столовая и общая спальня учеников, рассчитанная на 120—130 пансионеров. Главный фасад этого корпуса украшали стройные, высокие, пирамидальные тополя, завезенные сюда прежними владельцами из более южных стран. В местных лесах этой породы деревьев не было. Против здания и красавцев-тополей, по ту сторону дороги, находились другие строения училища и был разбит сквер, перерезанный аллеями желтой акации вперемежку с шиповником и кустами роз. За сквером находился участок молодых древесных насаждений, посаженных уже нашим училищем. После березовой аллеи шла большая дорога, соединявшая Москву с Воронежем. Когда-то она была первой дорогой, связующей столицу с более южными городами: Тула, Орел, Курск и Воронеж. Отсюда шли пути к донским казакам. И днем и ночью, в летнюю и зимнюю пору непрерывным потоком тянулись по этой шоссейной дороге (крестьяне произносили: «шаше») обозы с разными товарами, передвигались войска, скакали курьеры и ямщики во весь опор. А летом она еще больше оживлялась паломниками, перемещавшимися с ранней весны и до самой осени. Одни шли поклониться мощам святителя Тихона Задонского, другие — святителю Митрофанию Воронежскому. Этим же путем прогонялись из южных степей в столицу бесчисленные гурты скота. С развитием железнодорожной сети шоссейная дорога утратила свое бывшее значение. В то время, о котором идет речь, она приняла характер почти проселочной дороги, по которой предпочитали ездить в зимнее время, в метель и в весеннюю распутицу, когда плохое состояние дорог мешало ездить в телеге или в санях. Ее предпочитали также летом в дождливую погоду. Почтовый тарантас и дилижанс ездили по ней, развозя почту и пассажиров между Задонском и Воронежем, так как еще не было здесь железной дороги.

Новые товарищи в первую очередь посвятили меня во все тайны, которые не всегда были известны административ-

ному и педагогическому персоналу, но которые имели иногда первостепенное значение для установления взаимоотношений между этим персоналом и учениками.

Среди преподавательского персонала был законоучитель: худой, высокий, жгучий брюнет, весь облик его обнаруживал сурового, жестокого аскета. По окончании им Духовной академии, начальство назначило его в наше училище для исправления учеников, для борьбы с крамольным духом, которым они были заражены, и для наставления их на «путь Истины». Эту борьбу и исправление он вел своеобразными методами, следуя не евангельскому духу, а чисто полицейскими мерами: снижением отметок строптивым ученикам, несмотря на их прекрасные знания по Закону Божию, доносами школьному начальству и своему внешкольному духовному высшему начальству. Нужно сказать, что роль его была незавидной и положение трудное. Училище издавна отличалось своим вольным духом и, несомненно, являлось одним из очагов, откуда просачивались в народные массы революционные идеи. Мы были молоды, болели душой за народ и готовы были жертвовать не только своим положением, но и свободой и даже жизнью. Страдания, мучения и лишения, грозившие нам на этом пути, нас не пугали. К тому же мы были наивны, как всякая молодежь, верили в победу справедливости над несправедливостью, правды над кривдой. Наши сердца и ум заражались немецким идеализмом, а некоторые наши отечественные писатели, печальники народные, задумывались над этими вопросами или исповедовали сами эти идеи.

В своих же действиях мы вдохновлялись примерами Великой французской революции. Нашими любимыми героями были герои, боровшиеся за свободу, за освобождение народа от рабства. Мы находили их в романах Войнич и Шпильгагена и во французских романах. В своих действиях мы подражали героям-марсельцам романа Эркмана-Шатриана, в котором один крестьянин отправился на помощь парижскому восставшему народу. По их примеру мы и поступали.

В училище, среди товарищей, я познакомился с Сенькой (Семеном) Ивановым, который скоро стал моим другом. Он принадлежал к семье мещан. Его родители были купцами, два его брата уже окончили школу. И он поступил в нее как бы по традиции. От своих братьев он уже

знал, чему в ней обучают, какие там порядки и как нужно в ней себя держать. К тому же среди учеников одного из старших классов был ученик из того же села, в котором Сенька жил со своими родителями. Братья Сеньки, хотя и не блистали способностями в школе, но и не были последними по успешности в науках. Поведения же они были всегда отличного. Таким образом, его фамилия была уже известна экзаменаторам конкурса, что и облегчило его поступление в среднее сельскохозяйственное училище. Он не претендовал ни на какую стипендию, так как его братья, окончив свое образование, могли платить 100 рублей в год за его учение и полный пансион.

Благодаря знакомству Сеньки с учеником из старшего класса, он оказался сейчас же под защитой этого ученика и избежал многих неприятностей, которым обычно подвергались новички, вроде меня, со стороны старшекласников.

По традициям училища, новички, поступившие в подготовительный класс, становились буквально рабами старшекласников. По установившемуся обычаю, старшие царили над учениками второго класса. Наиболее нахальные выбирали себе среди них свои жертвы и превращали их в своих слуг, которые были обязаны чистить их сапоги, ходить в кухню за кипятком, выполнять за них работы, возлагаемые поочередно на группу учеников для поддержания чистоты в помещении, и выполнять также разные поручения, иногда рискованные, за которые полагались наказания, вплоть до исключения из училища. Отказываться от выполнения этих поручений было невозможно. Жалобы же начальству рассматривались как доносы, и доносчики наказывались уже «по-серьезному»: им устраивали «темную», то есть на наказываемого набрасывали исподтишка одеяло и подвергали побоям. Избиваемый не видел, кто его бил, и не мог опознать своих мучителей. Кроме того, все его сторонились, и никто с ним не разговаривал. В общежитии — это самое страшное наказание: жить среди людей и чувствовать себя отвергнутым, презираемым и окруженным общей враждебностью.

Почему установился такой обычай? Никто не знал. Для меня он был чуждым. Крестьянская среда его не знала, он был неприемлем для меня. Я попал в подчинение неумного и злого ученика. Его «опекунство» надо мной началось в первый же день моего поступления в училище. Вечером он подошел к моей кровати, вытащил из-под тюфяка все доски, а тюфяк бросил на грязный пол. На полу

я и провел свою первую ночь в распоряжении своего «благодетеля». К счастью для меня, на следующий день была произведена перестановка кроватей, и моим соседом оказался Сенька. Это обстоятельство сыграло большую роль в моей школьной жизни.

Сенька познакомил меня со своей семьей, и мы с ним очень близко сошлись и полюбили друг друга братской любовью. Благодаря помощи его покровителя, я скоро освободился от своего мучителя.

Через год эти рабовладельческие обычаи были совсем изгнаны из школы. Вот как это произошло. Когда мы перешли из приготовительного класса в первый (в России в большинстве училищ и гимназий классы обозначались в восходящем порядке. Эта система существует и до сих пор), в приготовительный класс поступила группа учеников, детей служащих одного крупного имения, расположенного в южных уездах Воронежской губернии. Эти новички знали друг друга еще до поступления в училище. Они вместе готовились к конкурсу и в школе оказались тесно спаянной группой. Они первые начали борьбу против системы преследований. Все они отказались подчиниться своему «хозяину». Чтобы защитить своих «хозяев», прибежали ученики старших классов, поборники рабства. Произошла жестокая драка. Некоторые были серьезно ранены. Наш класс встал на сторону взбунтовавшихся. К нам присоединились все остальные ученики приготовительного класса. Таким образом, ученики двух классов вступили в борьбу против угнетателей, которые не хотели сдаваться и отказываться от своих «прав». Борьба достигла такого напряжения, что в схватках прибегали к оружию — кинжалам, сфабрикованным из напильников, украденных из механических и слесарных мастерских.

Наконец вожди обеих сторон осознали опасность таких стычек, так как дело могло кончиться смертоубийством. Они собрались и решили:

- 1) отменить обычай подчинения учеников приготовительного класса старшекласникам;
- 2) обезоружить всех, у кого имелось оружие, которым можно было нанести тяжелое ранение противнику.

Для выполнения последнего пункта вожди решили выбрать время, когда все ученики находились обычно на огородных работах и в помещении оставалось только несколько дежурных учеников, поддерживающих чистоту и не прини-

мавших участия в борьбе. Они открыли все сундучки, вынули из них оружие и выбросили его в пруд.

Так были уничтожены старые обычаи. Мир воцарился в школе, и ученики зажили единой семьей.

Однажды к нам назначили нового преподавателя-надзирателя. Он пришел на смену того, который снискал уважение всех учеников и оставил нас не по своей воле. Новый надзиратель попал к нам по рекомендации нашего законоучителя. Он был, вероятно, из неокончивших духовную семинарию, хотя и вышел из бедной семьи, принадлежавшей к духовенству. Весь его вид обличал его происхождение: маленького роста, тщедушный, очень застенчивый и неловкий в своих движениях. С первых же дней своего появления он вызвал у нас антипатию. На него была перенесена часть вины в увольнении его предшественника, в чем, конечно, он был не виноват. С другой стороны, его невзрачность не способствовала смягчению враждебного отношения к нему учеников. С обязанностью надзирателя на него было возложено также и преподавание русского языка и литературы. Последнее обстоятельство поставило его в еще более уязвимое положение. Как надзиратель, впрочем, своими правами он не пользовался, но его мирный характер только усиливал враждебное к нему отношение учеников.

Скоро ученики стали прибегать к плохим шуткам. При обходе им спальни ему давали пройти до ее середины и с этого момента начинали обстреливать его сзади то с одной, то с другой стороны картошкой, гнилыми яблоками, арбузными корками. Кончалось тем, что он должен был с поспешностью оставить обход и укрываться от нападения в коридоре. Но худшее испытание ожидало его при наступлении учебного года. Городские ученики занесли в школу свои навыки причинять боль человеку, издеваться над ним. Они были неизвестны и чужды ученикам, выходцам из деревни. Один из способов причинять боль и был применен к нашему надзирателю.

Двое учеников взялись осуществить злую шутку. Оба были городскими жителями. Один — не окончивши уездного училища, оставил его во 2-м классе; другой — из губернского училища. Воспользовавшись случаем, когда один из них был дежурным по классу, они воткнули в сиденье преподавательского стула несколько иголок. Бедный учитель, ничего не подозревая, сел на стул и, как ужаленный

тысячью пчел, вскочил и выбежал с криком из класса.

Весь преподавательский персонал был потрясен. В класс вошел сам управляющий и продержал нас целый час. Мы простояли все это время за партами. Он то усовещал нас, то угрожал, требуя, чтобы мы назвали имена виновников. По уходе управляющего началось обсуждение, так как знали, что такой бесчеловечный поступок не может остаться безнаказанным. Весь класс соглашался в том, что наказанными должны быть только виновные, и в то же время никто не хотел быть доносчиком на них, поэтому было вынесено решение, что они сами должны пойти и сознаться, если хотят сохранить товарищеское отношение к ним класса. Один из них, главный виновник, категорически отказался принести повинную. Но другой не выдержал: он пошел и признал себя виновным; к тому же он назвал и своего сообщника. Это печальное происшествие кончилось исключением навсегда из школы того, кто не признал себя виновным, и исключением на два года признавшего свою вину.

Я стал революционером, не занимаясь изучением экономических и политических вопросов, не принимая участия в политических спорах. Меня принудило к этому то, чему я был свидетелем с детства. Я наблюдал несправедливость высших, правящих, кругов по отношению к низшему классу, в особенности к крестьянству. Я столкнулся с такой же несправедливостью и в школе. Естественно, что я стал непримиримым борцом за справедливость. В выборе этого пути у меня не было никаких сомнений, и я отказался от блестящего будущего и от счастья продолжать учиться. Я кинулся со всей пылкостью молодости в эту борьбу и стойко отвечал на брошенный мне вызов со стороны некоторых учителей.

То было время, когда молодежь легко приносила в жертву все свои личные чувства, свое благополучие и даже жизнь на служение обществу. Все свои силы расходовали они на борьбу против несправедливости, на защиту униженных и оскорбленных.

Наша школа была возбуждена. Первопричиной этого брожения была выдача жандармам, по их приказанию, нашей библиотеки, созданной на средства учеников.

В школе была старая заржавленная пушка. Легенда говорила, что она сохранилась со времен Пугачевского

бунта и досталась в наследство школе. Кому предназначались пушечные ядра? Никто не знал. Пользовались ею раз в год, на Пасху. Накануне ее втаскивали на колокольню, привязывали веревками и заряжали примитивным способом. Одному из сторожей поручали зажечь фитиль, чтобы выстрел произошел в тот момент, когда священник провозгласит на паперти: «Христос воскрес из мертвых...» Никто не ручался, что пушка выстрелит именно в нужный момент. Иногда выстрел совпадал точно, а иной раз позже или раньше. Но выстрел все-таки раздавался, и тогда пушка с невообразимым грохотом катилась вниз по лестнице колокольни.

Вот эту-то пушку группа учеников, занимавшаяся приготовлением оружия, решила приспособить для военных нужд. Нашли крестьянина, согласившегося пожертвовать два старых колеса от водовозки и другой материал, из которого и сделали лафет. Втащили пушку на чердак школы и поставили ее против слухового окна. Вообразили, что она будет служить для защиты возможной осады школы.

Мы выпустили наш первый журнал, и кончилось это тем, что арестовали меня и некоторых моих товарищей. Мы провели две недели в полицейском участке, без книг, без прогулок; клопы и избиения в соседней камере. Потом нас перевели в Саратовскую тюрьму. Нас было несколько человек в камере. Там споры шли полным ходом. Между прочим, некоторые предлагали объявить голодовку.

Однажды, ровно в 12 часов ночи, как будто ветром отброшенная, распахнулась дверь нашей камеры, и в нее ворвались с полдюжины казаков. В один миг они заняли все стратегические пункты камеры. За ними вошли: прокурор Судебной палаты и сам губернатор П. А. Столыпин²⁷. Сзади них, не входя в камеру, стояли начальник и помощник тюрьмы, смотря испуганно и в то же время с любопытством внутрь камеры. Когда Столыпин переступил порог, он остановился как вкопанный и не двинулся дальше ни на шаг. Своим зорким взглядом он окинул камеру и сейчас же заметил в моей правой руке перочинный ножик. «Взять у него нож!» — отдал он приказ властным тоном. Стоящий неподалеку от меня казак в одно мгновение исполнил приказ. Впрочем, у меня и в мыслях не было произвести покушение на кого бы то ни было или оказать сопротивление таким невинным оружием. Наоборот, нами было принято решение не входить в конфликт с начальством и

не отвечать на провокационные действия с его стороны.

Мы допускали возможность избиения нас в этот вечер казаками и решили не давать им поводов для этого. Несмотря на наши опасения все обошлось «прилично», и я даже не был наказан за незаконное хранение у себя запрещенного оружия — перочинного ножика.

Я в первый раз видел так близко Столыпина. Высокий рост, косая сажень в плечах, что не мешало стройности его фигуры, соколиный взгляд, властный тон придавали ему вид достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии. Его поведение по отношению к нам (государственным преступникам, с его точки зрения) гармонировало с его физическим обликом. Диссонансом была только поспешность, с какой он отдал распоряжение отнять у меня ножик. В этот момент я почувствовал, что на одну секунду он испытал некоторый страх. Другим он мне представился, когда при посещении одной деревни ударом ноги он выбил из рук крестьян, встретивших его, поднос с хлебом и солью, — символ русского гостеприимства.

В ожидании судебного разбирательства моего дела меня отправили под надзор полиции по месту жительства, то есть в Воронежскую губернию.

В Воронеже я познакомился с семьей Махновец, в которой три дочери и один из сыновей входили в революционный кружок. Там же я познакомился с Александром Ильичом Бакуниным, племянником известного революционера-анархиста Михаила Бакунина, друга и сотрудника Александра Герцена.

Семья Бакуниных дружила с графиней С. В. Паниной. Когда А. И. Бакунин ближе познакомился со мной и узнал о моем положении, он написал обо мне Паниной, спрашивая, нельзя ли взять меня на службу в одно из ее имений. Мне посчастливилось: в одном из самых больших имений, в Валуйском уезде Воронежской губернии, нужен был землемер, и мне предложили это место.

Поэтому в один прекрасный день я очутился в «старом хуторе», центре управления всеми огромными поместьями графини Паниной, которые занимали почти половину Валуйского уезда. Они тянулись на десятки верст и охватывали несколько больших сел и хуторов. Вышло так, что с давних времен некоторые крестьянские земли окружали земли графини Паниной или же близко соприкасались с ними.

Еще совсем недавно площадь поместья представляла собой 40000 десятин (десятина: 1,09 гектара). Часть земли была продана крестьянам, когда они еще были крепостными, дедом С. В. Паниной. Когда я приехал туда, в ее владении было 26000 десятин. Они были разделены на земельные участки, называвшиеся хуторами, и ими заведовал главный управляющий. Главная администрация находилась в одном из этих хуторов, который назывался «старым хутором», потому что прежде в нем находилась барская усадьба. Здесь жил главный управляющий, его два помощника, главный бухгалтер с двумя служащими-счетоводами, ветеринар, который заведовал конным заводом, состоявшим из рысаков чистой крови, называвшихся «орловскими». На конском дворе было два рода рысаков: один — легкий, для верховой езды, предназначавшийся главным образом для армейских офицеров, другой — более тяжелый, для упряжки. Эти лошади употреблялись для троек и были знамениты своей красотой, быстротой и выносливостью. Они и поныне воспеваются в поэзии и в песнях.

На этом хуторе находился также рассадник крупного рабочего рогатого скота чистокровной украинской породы, серой масти и рассадник чистокровных меринсовых овец. Большие отары их доходили до нескольких тысяч голов. Часто их разводили и в других хуторах.

Здесь же были устроены большие ремонтные мастерские, где круглый год работало больше сорока постоянных рабочих разных специальностей. При управлении была начальная школа, которая содержалась на средства экономии Паниной, амбулатория и аптека, которыми ведал фельдшер под руководством врача, жившего при больнице в слободе Вейделевке. Врач принимал в амбулатории «экономических» больных в определенные дни. Случалось, что фельдшер оказывал первую помощь в ожидании приезда врача, если вдруг обнаруживалась серьезная болезнь или ранения во время работ.

В это время главным управляющим был Виктор Семенович Коган, бывший земский агроном Тверского уезда. Он был уволен, потому что его считали «красным». Земство было разгромлено министром Плеве²⁸. Разгром этот надеялся много шума. Тверское земство по своему составу было самым блестящим и влиятельным. Министру Плеве оно не нравилось: для него оно было слишком «радикальным», и он решил его распустить. Одной из наиболее влиятельных фигур в земстве был Иван Ильич Петрункевич (1844—

1928). Он был мировым судьей и председателем съезда мировых судей в Черниговской губернии, земским губернским и уездным депутатом первой Думы (1906) Тверской губернии, одним из учредителей конституционно-демократической партии (К. Д.=Кадеты). Он был одним из самых культурных лиц эпохи. С. В. Панина относилась к нему с большим уважением: он был ее отчимом (то есть вторым мужем ее матери) и в особенности как к человеку выдающемуся. Так, благодаря этим связям, В. С. Коган, как пострадавший от правительственного произвола, получил место главного управляющего громадных владений С. В. Паниной. В его распоряжении были 4 тройки, в которых все лошади были разной масти, экипаж, дрожки, 2 лошади для верховой езды, но он ими никогда не пользовался из-за боязни. Для обслуживания было: 2 кучера, несколько доильниц коров, пастух, человек для птичьего двора, а в кухне — повар и поваренок. Помещение для землемера находилось также на территории центрального управления, в старом хуторе. Там я и должен был бы жить. Но после смерти моего предшественника прошло больше двух лет, он не был никем заменен, и это помещение занимали уже другие служащие; другого, свободного, не было. И меня поместили в комнате, предназначенной для приезжих в экономию на короткий срок: поставщиков, скупщиков (зерна, шерсти, мяса), офицеров для осмотра конного завода и выбора лошадей для армии.

Я был молод, холост, и к тому же я приехал в такое время, когда никаких земельных работ нельзя было начинать. Это было, если я хорошо помню, в конце января — в начале февраля. Главный управляющий попросил меня поселиться временно в большом селе Вейделевке, где имелось свободное помещение, состоящее из небольшой комнаты с кухней, оставшееся, по словам старожилов, от другой барской усадьбы в эпоху крепостничества.

Управляющий придумал для меня временное занятие: охранять лесные материалы, заготовленные для постройки новой больницы, и наблюдать за расходом тех, которые брались для внутренней отделки этой постройки. Для обслуживания меня наняли кухарку, в обязанность которой входило: приготовление для меня пищи и содержание в чистоте помещения. Так я оказался временно в должности сторожа строительных материалов, а пока еще не в роли землемера, так как сезон не позволял мне приступить к этой деятельности. У меня было много свободного времени,

официально — никакой работы. Учет материалов производился другим лицом. Мне же оставалось только пойти на место, где они находились, чтобы сказать им «здравствуйте» и «прощайте», после чего оставалось лишь гулять целый день. Но для этого у меня не было никакого желания.

Я усиленно раздумывал, и передо мной возникало несколько решений, но я возвращался всегда к одному и тому же заключению: нужно бороться против людей, создавших и продолжавших поддерживать ненормальные и несправедливые условия жизни. Необходимо разрушить систему, на которую опирается законный порядок. Бороться против этих людей и уничтожать несправедливость было возможно только при условии внедрять в массы необходимость совместной борьбы, создавая революционные группировки. Я пришел к этому заключению, основываясь на моем собственном жизненном опыте. Необходимо продолжать активную работу в народе, чтобы люди осознали свои права, независимо от того, где человек родился и к какой среде он принадлежал.

Эти основные вопросы мучили меня и днем и ночью. Как молотом били они по моему уставшему мозгу, и я не мог отвязаться от этих дум. Я был не в состоянии читать, да и не было у меня никаких книг. Я чувствовал сильное физическое изнурение и большую моральную усталость. Возможно, что это состояние было отчасти вызвано недоеданием (в течение нескольких месяцев до приезда в экономию графини Паниной я питался только раз в день, и то не каждый день).

У меня появились сомнения в успехе борьбы против сторонников черносотенного движения. Я опасался, что рано или поздно поле брани останется в руках этого движения. Но в данный момент вопрос о прекращении борьбы не вставал передо мной.

Управляющий экономией С. В. Паниной согласился с моими доводами и своим молчанием предоставил мне возможность вести целиком пропаганду за Крестьянский союз.

Как землемеру экономии, мне полагалось иметь в моем распоряжении кучера и двух лошадей. Я этим правом почти никогда не пользовался и с самого начала отказался от кучера. Я ограничивался одной лошадью, которая, по моей просьбе, стояла в общей конюшне и должна была подаваться мне всякий раз по моему требованию.

Отказавшись от кучера-конюха, я этим устранял лишнего, нежелательного и постоянного свидетеля при своих беседах с крестьянами. Таким образом, я имел большую свободу и даже безопасность не только в своих передвижениях, но также и в сношениях с крестьянами. Это приобретало для меня большое значение, в особенности в такой острый период моей работы по пропаганде для создания Крестьянского союза. Я работал что называется «под носом» отряда казаков, квартировавших вместе со своим офицером в главном доме экономии.

Офицер столовался у главного управляющего и не раз говорил ему о том, что виновники беспорядков живут в управляемой им экономии и что следовало бы их укоротить «на голову». Это был явный намек на меня. Иногда он прибавлял: «Так и придется сделать при первом же удобном случае, мои орлы (то есть казаки) так и поступят с ними». Чтобы не встречаться с ним за столом, мне пришлось отказаться от столования у главного управляющего и попросить приносить мне еду на квартиру.

Впрочем, в этот период я редко был дома в обеденное время: я находился все время в разъездах, уезжал очень рано и возвращался домой иногда поздно вечером. Я старался уезжать и возвращаться в разные часы. Таким образом я «заметал» следы своих отъездов и приездов.

По моему требованию подавалась моя запряжка. В ноябре — декабре это были двухместные дрожки или легкие санки. Лошадь бывала запряжена в десять минут. Через четверть часа я отправлялся в село, в котором назначено было в этот день собрание. И никто не знал, куда и по каким делам я уехал. Выезжая из экономии, я ехал не по той дороге, по которой мне нужно было ехать, а по другой, ведущей иногда в противоположную сторону. На настоящую дорогу я возвращался, когда я отъезжал на несколько верст от экономии, убедившись, что за мной никакой слежки не было, ни конной, ни пешей.

На этих сходах иногда много бывало и смешного и наивного, но случались и моменты драматические. Не раз моей жизни угрожала опасность.

Однажды ко мне приехали гонцы из села Саловки. В этом селе велась двумя молодыми учителями земской начальной школы «революционная» пропаганда. С появлением Всероссийского крестьянского союза учителя начали вести пропаганду за вступление крестьян в этот союз. Уже

был назначен день, в который должен был собраться сход для обсуждения этого вопроса. За день до схода учителя узнают, что вейделевский волостной писарь собирается прислать своих «молодчиков», выдрессированных им специально для взрывания сходов, организуемых «революционерами». Учителя усомнились в своих силах, боялись, что победят на сходе их противники, и поэтому они просят меня приехать к ним на помощь. В первую минуту я заколебался. Риск был большой. Я встречаюсь впервые с моими противниками. Мне было известно, что их главарь ждал лишь удобного случая, чтобы убить меня, и, несомненно, приведет это намерение в исполнение, если сможет. Я задавал себе вопросы: не кроется ли в этом приглашении ловушка? Смогу ли я спастись и выйти живым со схода в случае победы противников, повлиявших на крестьян? В то же время оставить без помощи учителей — значило увеличить шансы противников на победу, дать им возможность расширить поле их деятельности. Взвесив доводы «за» и «против», я решил поехать туда.

Село Саловки, затерявшееся как и все села в степи, находится в 10 верстах от экономии С. В. Паниной.

Я подъехал к школе пораньше с намерением повидаться с учителями до схода. К моему большому удивлению, я увидел, что школа была уже набита до отказа и много народу толпилось вокруг нее. Скоро все объяснилось: сход был назначен не в сборной²⁹ (о чем я не знал), а при школе. Многие пришли посмотреть на «экономического» землемера С. В. Паниной, о котором они давно уже слышали, но не доводилось им видеть его. Другие пришли послушать, как этот землемер будет спорить с вейделевскими посланными волостного писаря. Среди присутствующих были также и посланные из других сел.

Сход получился необычайный. Вынесенные на нем постановления могли быть решающими как для Крестьянского союза, так и для черносотенного движения.

Мой доклад о Крестьянском союзе прошел почти до конца благополучно. Собравшиеся с напряженным вниманием выслушали его при гробовом молчании. В своем докладе я ни одним словом не коснулся ни политической стороны, ни отношения Крестьянского союза к государственному строю, каким бы он ни был. Я чувствовал и знал, что этих вопросов нельзя затрагивать при первой встрече с чужими мне крестьянами. Кроме того, на этот раз мне приходилось быть сугубо осторожным даже в своих выражениях и в вы-

боре слов, чтобы не дать повода противникам обвинить меня, что я против царя.

Перед присутствующими я обрисовал лишь экономическое положение и права крестьян. Я сравнивал их «земельный голод» с избытком земельной площади, которой владели правящие классы, но сами их не обрабатывали. Я обратил внимание, что крестьяне не могли даже принимать участие в решениях вопросов, касающихся их собственных местных интересов. Я подчеркнул неправильность того, что эти решения принимаются помещиками.

Всероссийский крестьянский союз — организация чисто крестьянская, в которой нет ни господ, ни богачей. Он добивается получения одинаковых прав для всех на землю и на участие в государственных делах. Землю же должны пользоваться все те, кто желает обрабатывать ее своими собственными руками. На этой-то заключительной фразе мои противники, посланные волостного писаря, и открыли бой.

«Как! — закричали они. — Ты говоришь, что землей должны пользоваться все, кто желает работать на ней, у тех же, кто владеет ею, но не обрабатывает ее сам, нужно ее отнять. Но царь имеет также много земли, что же, и у него, по-твоему, нужно отнять землю? Не верьте, братцы, ему! Вы слышите, он говорит хорошо, но он ведет нас, как и другие, к тому, чтобы вы поднимались против царя. А потом всю отнятую землю у помещиков отдадут жидам?»

Опять наступило гробовое молчание. Казалось, что кто-то стукнул по темени всех присутствующих громадным молотком — и отнялся у всех язык. В этом зловещем молчании чувствовалось приближение грозы. Люди сидят или стоят как истуканы, и только тяжелое дыхание, отдельные вздохи указывают, что они — живые. Я догадываюсь, что они думают в эту минуту обо мне. «Вот какой он гад! Этот землемер хотел нас заставить подписаться против царя, изменить нашему любимому царю-батюшке. Раздавить эту гадину!»

Мое нервное напряжение достигает предельной точки, я чувствую, как колотится с перебоями мое сердце. Но внешне я остаюсь спокоен и боюсь только одного: как бы не пропустить момента, чтобы мои противники или кто-либо из толпы не заговорил раньше меня и не превратил собрание в кипящий котел. Если я упущу этот момент, я потеряю доверие крестьян и, может быть, мою жизнь. Но в то же время я сознавал, что необходимо дать им время, чтобы они пришли в себя от нанесенного удара и освободились

бы от неожиданной для них идеи, что я хотел их обмануть. Если они успокоятся, они смогут выслушать внимательно то, что я им скажу. В нужную минуту я заговорил первым и был выслушан. Я почувствовал, что собрание, как взбужденное море от налетевшего на него шквала, вдруг успокоилось, также и мирное общение с толпой понемногу восстановилось.

Вскоре беседа возобновилась. Крестьяне начали делиться со мной своими размышлениями и сомнениями. Они сами заговорили о царе. Что же на них подействовало так успокаивающе? Во-первых, мое спокойствие и владение собой. Во-вторых, даваемые мною простые объяснения.

«Меня обвинили,— заговорил я, прерывая молчание,— в том, что я хотел вас обмануть и обманым путем заставить вас подписаться против царя. Обвинили меня в этом потому, что я сказал, что землей должны пользоваться только те, кто сам работает на ней. Мои обвинители говорят, что у царя много земли и что он ее также не обрабатывает сам. Поэтому они думают, что я за то, чтобы и у царя отнять землю. Ну, а если царь своей земли не захочет отдать, тогда, значит, нужно идти против царя? Так они заключают, что я против царя. Что я могу сказать в свое оправдание? Прежде всего, что я не говорил о том, что у царя нужно отобрать землю и что он не отдаст ее крестьянам. Наоборот, я думаю, что и свою землю он согласится отдать. Ведь вы сами все говорите, что царь ваш отец родной, а вы его дети».

«Да, это верно! — слышу я голоса из толпы. — Он наш отец, и мы его дети», — подтверждают голоса со всех сторон.

«Так какой же отец,— продолжал я,— не подумает о своих детях и не захочет отдать им свою землю?»

«Это верно! — слышу я опять голоса в толпе. — Отец должен отдать землю своим детям», — доносятся до меня голоса уже требовательным тоном.

«Кроме того,— прибавляю я,— его земли дают ему не очень-то большой доход. В руках крестьян они приносили бы больше пользы. К тому же он и не очень-то в ней нуждается. Вы знаете, что по так называемому цивильному листу он получает от государства 12—13 миллионов рублей. Это как бы его жалованье».

В ответ на мою последнюю фразу я слышу чуть не единоголосную реплику: «Да, он должен отдать крестьянам свою землю. А насчет жалованья пусть не беспокоится, мы

«ашо» (вместо «еще», в местном произношении) прибавим ему миллион».

Так была выиграна решительная битва, и противникам пришлось удалиться. Решение о вступлении села Саловки в организацию Всероссийского крестьянского союза было принято единогласно.

После пережитого в этот день я возвращался домой в приподнятом и радостном настроении. Забыты были и минуты грозившей опасности, и все волнения этого дня. Выигранная битва в селе Саловки создала мне популярность в уезде. С этого момента установилось мнение, что я умею успокаивать толпу. Объяснение же было простое: я не боялся толпы. Я держал себя смело, не обращая внимания на провокаторов, не думая о грозившей мне опасности. Я старался своими доводами укрощать, то есть успокаивать самых строптивых и возбужденных. Когда мне удавалось охладить задорных, присутствующие утихомиривались, и все кончалось спокойной и мирной беседой.

В последовавшую за этой победой субботу ко мне приехали гонцы от священника села Тарабановка, отца Ивана Мерецкого. Они вручили мне письмо, в котором он писал: «Мне рассказали о Вашем выступлении в селе Саловки, и из того, что я уже слышал о Вас, я заключил, что Вы лучше, чем кто-нибудь другой, объясните моей пастве, что такое Крестьянский союз и его цели. Я выписываю газету «Русское слово» и слежу за этим движением. Я объясняю крестьянам все, что в ней говорится о Всероссийском крестьянском движении. Но я многого и сам не совсем понимаю из прочитанного и поэтому не могу дать ответа на многие вопросы, какие задают мне крестьяне. Приезжайте, пожалуйста, и помогите нам разобраться во всем».

Не колеблясь, я дал свое обещание приехать на созываемый сход и на следующий день к назначенному часу приехал в Тарабановку.

На этот раз я заранее знал, что сход назначен в школе, куда я и направился. Все были уже в сборе и поджидали меня. Отец Иван Мерецкий встретил меня очень радушно. Это был человек высокого роста и довольно грузный. Его высокий рост скрадывал его непомерную толщину, и потому на первый взгляд он казался скорее небольшого роста. Черты лица его были крупные, мясистые, но кроткое выражение его глаз сглаживало невыгодное впечатление при первом взгляде на него.

Я и раньше часто замечал, что среди такого типа людей

скрывается золотое сердце. Таковым и был отец Иван Ме-рецкий.

Познакомившись и обменявшись несколькими словами, мы приступили к обсуждению вопроса, что такое Всероссийский крестьянский союз и нужно ли тарабановцам записаться в него членами.

До 1905 г. отец Иван жил мирной жизнью, не мудрствуя лукаво. Он был глубоко верующим, и все его поступки определялись заповедями Божьими, постановлениями отцов церкви и предписаниями его высших руководителей. Любил он свою церковь, церковные службы и свою паству. И паства его уважала и любила за то, что он «жил в Боге» и учил ее, как нужно жить по-Божьи. Он был что называется либеральным пастырем. В выборе своей духовной пищи он не ограничивался только духовной литературой, «Церковным вестником», но интересовался и тем, что делается на свете Божьем. Чтобы знать эту другую жизнь, он и выписывал газету «Русское слово». О прочитанном делился со своей паствой в частных беседах и даже в церкви, с амвона.

Так его паства узнала значительно раньше крестьян других сел о Манифесте Николая II от 17-го октября 1905 г. Отец Иван прочел его своим прихожанам с амвона, как только получил номер «Русского слова», в котором он был напечатан, не ожидая извещения своего епархиального начальства о разрешении прочитать его пастве. Другие священники ждали разрешения своего духовного начальства, которое пришло через две недели, поэтому об этой большой вести они узнали гораздо позже. Они обвинили своих пастырей в сокрытии от них Манифеста.

Отец Иван не был республиканцем и не допускал возможности политического строя без царя. Он, как и его пасомые, продолжал любить его. Поэтому-то его и мучил вопрос: что сказать крестьянам об Учредительном собрании, созыва которого требовал Крестьянский союз? Прихожане Тарабановки были лучше подготовлены к обсуждению этого вопроса, чем жители села Саловки, благодаря «Русскому слову», которое уделяло больше внимания крестьянскому движению, чем другие газеты.

Этими информациями и «питался» сам отец Иван и делился ими со своей паствой. Но не будучи подготовленным к общественной и политической деятельности, он многого не понимал и не усваивал. Следовательно, он не мог объяснить и примирить кажущиеся ему противоречия. Ему были понятны экономические цели Крестьянского союза, он считал

справедливым требование отчуждения земель помещиков и передачи их крестьянам. Но его начинали одолевать сомнения, как только он призадумывался над политическими вопросами. Да и в экономике многое казалось ему неясным; каким образом можно осуществить это на практике?

Вот почему он и сам горел от нетерпения встретить человека, который мог бы дать ему ответы на возникавшие у него неотступно вопросы. Но вернемся к нашему рассказу. На этом сходе также нужно было говорить с большой осторожностью, выбирать слова, которые не затрагивали бы их наивные и примитивные понятия о политическом строе, о их взаимоотношениях с административными и правительственными представителями.

Неожиданности и здесь подстерегали меня. Среди присутствующих на этом сходе оказались опасные противники, хотя они и не были черносотенцами. Со времен основания Крестьянского поземельного банка (в 1882 г.) для более зажиточных крестьян открылась отдушина: решение вопроса о малоземелье. При посредстве этого банка более мощные хозяева имели возможность покупать землю в полную собственность. Таким образом они освобождались от разных неудобств, присущих пользованию общественной землей, а также и от опеки «мира». Одни из таких крестьян уже успели в это время превратиться в земельных собственников, другие мечтали быть таковыми, накапливая необходимые для покупки земли средства.

Моя деятельность усложнялась. Со стороны крестьян ко мне было дружественное отношение, что очень мне помогало. Их полное доверие ко мне, их признательность подтверждались на деле. Я видел и чувствовал, что их доверие было настолько сильно, что они были готовы немедленно откликнуться на мой призыв, отдать даже свою жизнь за меня. Все, кто хорошо знал меня, были готовы на полную самоотверженность.

Однажды был сход в селе Ураево. Беседовали о вопросах, связанных с организацией Крестьянского союза, к которому примкнули ураевцы в результате моих выступлений. Во время схода прибежал гонец, чтобы предупредить о приближении отряда казаков. Воцарилось молчание. Присутствующие поняли, что казаки узнали о сходе и скачут, чтобы арестовать землемера, застав его на месте преступления. Помолчав немного, они решили, не колеблясь, помешать

моему аресту. Самые энергичные заявили, что казаки скорее перешагнут через их трупы, чем смогут арестовать меня. Этот момент, когда крестьяне выразили свою привязанность и решение пожертвовать собой для моего спасения, был счастливейшим в моей жизни. Он вознаграждал меня за все прошлые мучения и моральные страдания. И я понял, что мои усилия «на ниве народной» не пропали даром и даже принесли свои плоды. И в то же время я осознал всю ответственность по отношению к ним и все то, чем я им обязан. Если они были готовы пожертвовать собой, я тоже должен был их защищать. Во мне росло сильное убеждение, что я не должен подвергать их открытому столкновению с властями имущими, в особенности с вооруженной силой.

Позже я узнал, что как раз по почину этих крестьян был предпринят «крестовый поход» в Валуйки с иконами, чтобы добиться нашего освобождения.

Я поехал в Воронеж для покупки оружия, чтобы отразить нападения черносотенцев. Погруженный в размышления, где я могу достать револьверы и патроны, шел я по одной из улиц Воронежа, не замечая ни проходящих, ни проезжающих. И вдруг какой-то внутренний толчок. Я вижу повозку, движущуюся мне навстречу. Она бросилась резко мне в глаза своим убогим видом. Она напомнила мне старенькую телегу, чиненую-перечиненую не один раз. Ее тащила низкорослая, исхудалая до крайних пределов лошаденка неопределенной масти. При каждом толчке колес о булыжник мостовой она шаталась. Рядом с лошаденкой шел старичок. Он по своему виду составлял единое целое с повозкой: маленького роста, в заплатанном-перезаплатанном полушубке и в старой изношенной шапчонке. От проводника веяло такой же убогостью и безнадежностью, как и от самой повозки.

Эта повозка и ее проводник заставили меня забыть на минуту о том, почему я очутился сейчас на улицах Воронежа. Чувство протеста против существующего правопорядка всколыхнуло все мое существо, и это чувство усилилось еще больше, когда я, взглядевшись пристальней в повозку, к своему огромному изумлению, узнал в проводнике своего отца. В телеге я узнал также ту самую телегу, которую однажды отец привез с базара, когда я был совсем маленьким ребенком. Какой она мне тогда казалась

(такой в самом деле она и была) крепкой, красивой, с вырезанными рисунками на передке и на задке. Как приятно мне было взбираться на нее и сидеть подолгу, воображая, что она катится быстро-быстро по пыльной дороге, а я все погоняю кнутом воображаемую молодую, только что купленную кобылу. Но кобыла, конечно, существовала только в моем воображении, так как телега стояла незапряженной.

А какое было удовольствие по-настоящему ехать на телеге, в особенности поздней весной или в начале лета. Бежит молодая кобыла, весело помахивая головой. Телега катится по не совсем еще накатанной и еще не затвердевшей дороге от езды по ней. Небо ясное, солнце приятно согревает, но не жжет. И вокруг бесконечная степь. Разноцветная зелень усеяна местами разнообразными цветами. Все поля уже давно засеяны и как бы покрылись зеленым покровом. Рожь, пшеница, овес, просо и другие культуры еще не приняли своего окончательного цвета и различаются лишь по зеленым оттенкам. А над этим безграничным пространством слышно несмолкаемое пенье жаворонков.

Другой вид принимают поля в начале лета. Зеленый ковер сменился другими расцветками; гречиха покрылась белоснежным покрывалом, рожь, пшеница и овес щеголяют своим серебристым или золотистым цветом, а горох все еще продолжает хвалиться своими причудливыми цветиками в форме бабочек. Гордо стоят редко встречающиеся, точно солдаты на часах, подсолнухи, повертывая свои желтые диски навстречу солнцу. Все переменялось в полях, жаворонки умолкли, не слышно больше их трелей в небе. Только картофель не меняет своего одеяния. Он остается зеленым до конца, пока осенняя непогода не собьет его гордости.

Но вот при другой обстановке катится телега, а мне также приятно трястись в ней. Дорога к этому времени высохла, разъездилась от частого движения. Земля окаменела, и колеса с трудом держались колеи при толчках.

Но крестьянское телосложение крепко шито, оно не знает езды в рессорных экипажах (в народном произношении: «лессорных»). Крестьянин привык к своей тряской телеге и стойко выносит ее.

С быстротой молнии эти картины промелькнули перед моими глазами. Теперь передо мной предсталла моя старая

телега, только запряженная не той молодой кобылой, а другой незнакомой мне лошадей, настоящей клячей. Постарела моя бедная, любимая телега, не узнать бы мне ее, если бы я не увидел своего отца, идущего рядом с ней. Какой отпечаток наложила на него жизнь! Как он постарел! Он превратился в неузнаваемого, почти чужого для меня нищего старика.

Одно лишь лицо сохранило остаток его былой красоты и некоторые знакомые любимые черты. Передо мной был старик, представляющий символ всего страдающего крестьянства, всей нужды народа, доведенного до такого состояния существующим правопорядком. Он не потолстел, но уменьшился ростом, и в самой фигуре его появилась некоторая диспропорция. Его лицо, изборожденное морщинами, хранило былое спокойствие, но в его жестах и движениях не осталось и следа прежней уверенности, которая была так присуща ему раньше. В нем чувствовалось какое-то смятение, беспокойство и даже страх. Страх перед чем? Страх перед кем? По какой причине? Невозможно было догадаться. Но несомненно, страх перед начальниками, прибегающими к суровым и карательным мерам, страх перед тяжелым завтрашним днем, страх за будущее своих близких, страх за любимого сына, покинувшего отцовский очаг, ушедшего неизвестно куда, мыкающегося по всему свету. Того сына, на которого возлагались все их надежды, который мог быть опорой в их старости.

Мой отец и сам не смог бы сказать, что его гнетет, что бессознательно отзывается в нем горькой полынью.

На борьбу против существующей власти я пожертвовал всем: лучшими жизненными условиями, достигнутыми ценою огромных усилий, открывавшейся передо мной блестящей карьерой. Теперь я рисковал своей жизнью.

Эта мысль возвратила меня к действительности и напомнила мне о цели моей поездки в Воронеж. Я не мог уделить своему отцу даже часика. Наша встреча на улице продолжалась не более 10—15 минут.

И поплелся он, бедный, со своей клячей со слезами на глазах от душевной боли и горечи. А быть может, страдал он и от голода, и от неутешной обиды, что его любимый сын не нашел возможности или не захотел провести хоть один часок вместе со своим отцом. И я глядел в безнадежной тоске на удалявшуюся его жалкую фигуру. И сердцу было так больно-больно, и не знал я тогда, что после этой

мимолетной встречи я увижу отца и всех своих родных только через десять лет.

В городе мне нельзя было оставаться долго. Мне негде было приютиться, так как квартира моих друзей, у которых я мог бы переночевать, оказалась оставленной. Они бежали, боясь нападения на них черносотенцев. Другие друзья также были в смятении, и я не мог прийти к ним с чемоданом, наполненным револьверами и патронами. Поэтому в тот же день я уехал со своей драгоценной ношей обратно в имение Паниной.

Вечером я приехал в Валуйки и нашел главного управляющего с семьей в отдаленном домике, предназначенном для служащих имения. Он рассказал мне, что предыдущей ночью Машенко, помощник волостного писаря, занял со своей черносотенной бандой всю экономию. Их целью было: освободить экономию от крамольников. В первую очередь они искали поднадзорных, то есть меня и Ф. Романцева, конторского служащего. На листе числились также заведующий ремонтными мастерскими и главный управляющий (то есть он сам), хотя они никогда никакой революционной работой не занимались и никем в этом не обвинялись. Управляющий не был уверен в том, что Романцеву и заведующему мастерскими удалось спастись, и считал их, вероятнее всего, погибшими. Что касается его самого, то ему с семьей удалось рано утром выехать на тройке из экономии, оставив все на произвол судьбы. Когда некоторые из его подчиненных заметили его отъезд, они погнались за ним, стараясь преградить ему путь на поперечной дороге. Он спасся, благодаря быстроте лошадей и преданности кучера. Последний, заметив погоню, погнал тройку во весь дух и таким образом сумел проскочить опасное место раньше гнавших за ними.

И сам управляющий, и его жена находились еще под впечатлением пережитого и, быть может, поэтому уговаривали меня не ехать в старый хутор.

«Им,— говорили они мне,— вы помочь уже не можете,— они или уже убиты, или им удалось спастись. Себя же вы обрекаете на верную смерть, возвратясь туда».

Но мне было трудно поверить, что Романцев и заведующий мастерскими были убиты. У меня теплилась надежда, что им удалось где-нибудь укрыться и они нуждаются в моей помощи. «Как,— рассуждал я,— у меня полный чемодан револьверов и патронов, а я останусь здесь с оружием, в то время как в нем нуждаются другие!» Для меня было

невозможно прятаться, я должен оказать помощь находящимся в опасности.

Уговоры управляющего не повлияли на меня. Я решил ехать в экономию, попросил только его позволения воспользоваться его тройкой. Он согласился, и, не теряя ни минуты, я выехал из Валук. По дороге кучер мне рассказал более подробно о том, что произошло прошлой ночью.

«Мащенко,— говорил он,— приехал из Вейделевки со своими хлопцами поздно ночью, и сейчас же они начали искать вас и заведующего мастерскими. Но, к счастью, его предупредили, и он с семьей успел уйти из своей квартиры и спрятаться в саду в ямах, предназначенных для посадки фруктовых деревьев. Молодцы обегали все места экономии и искали тех, кто мог спрятаться. Ходили они с фонарями и по саду, но ночь была на редкость темная. И быть может, потому им не удалось найти тех, кого они решили заранее убить».

Надо сказать, что этот Мащенко, помощник волостного писаря, контора которого стала центром черносотенцев, был человек очень грубый, обладавший большой физической силой и к тому же пьяница. Он заделался правой рукой волостного писаря, главой черносотенного движения. Он поставил себе целью уничтожить всех «крамольников», живущих в его волости. Он одержал неожиданную победу на сходе в Вейделевке, которая окрылила его надежды. И тогда он решил распространить свою деятельность и на другие волости.

Вот как прошел этот сход. Больница в Вейделевке содержалась на средства графини Паниной. Главным врачом был член партии социалистов-революционеров. После знаменитого Манифеста Николая II (17-го октября 1905 г.), обещавшего некоторые либеральные свободы, к врачу приехал его университетский товарищ, член Киевского комитета социал-революционеров. Он решил организовать собрание крестьян в Вейделевке, на котором выступил с пропагандой программы этой партии. В своей речи он был крайне неосторожен в своих выражениях. Он не учел того, что крестьяне этого собрания еще не потеряли веры в царя, любят его и всякое обидное слово или кажущееся таковым по отношению к царю оскорбляло их чувство и вызывало все растущее раздражение. Писарю не пришлось даже указывать на промахи оратора. Без труда он доказал, приводя выдержки из программы партии социалистов-революционеров, что эта партия идет против царя и хочет установить

республику во главе с «жидами». Собрание кончилось тем, что неудачливого пропагандиста прогнали вон.

После этого «исторического дня» в тот же вечер в квартире врача были выбиты все стекла, а самому врачу пришлось спасаться бегством со своим товарищем. Товарищ уехал в Валуйки, а врач нашел убежище в старом хуторе и рассказал нам всю историю.

Мне рассказывали, что после бегства пропагандиста волостной писарь пал на колени перед крестьянами, покаялся, что он был несправедлив к ним и причинил им немало зла. Но теперь он понял, что он должен быть их покровителем и защитником, в чем и поклялся головой своих детей. Крестьяне не были злопамятны: они простили ему все плохое, что он им сделал. Так писарь восстановил свое влияние на население волости и снова сделался полновластным хозяином.

После этого события пропаганда за Крестьянский союз стала еще труднее.

Рано или поздно, это должно было случиться. Реакция победила. От октябрьского Манифеста осталось одно воспоминание. Обещания, возвещенные им, остались невыполненными.

Я был подготовлен ко всему. В конце декабря, возвратившись из Тарабановки, где я провел сход, я застал в своей квартире станowego пристава, урядника и одного стражника. Они уже давно поджидали моего возвращения, чтобы приступить в моем присутствии к обыску.

Конечно, они ничего не нашли. Пристав попросил меня подписать протокол обыска и потом заявил, что по приказу высших властей я арестован и он должен препроводить меня в уездную тюрьму (в Валуйки).

Управляющий имением просил оставить меня на ночь под стражей в имении. Он боялся, что мне грозила опасность. Но его просьба не была уважена. Предварительно же меня должны были отвезти в Вейделевское волостное правление, где я должен был провести ночь. Это было поручено уряднику.

Крайняя ли усталость, неуверенность в том, останусь ли я жив в эту ночь, но я поддался потребности излить свою душу. Обращаясь к уряднику, я рассказал ему всю свою жизнь. Я говорил о положении крестьян, о том, что мною руководило и всегда будет руководить в работе по органи-

зации Крестьянского союза. Я так увлекся изливанием своих чувств, что на время забыл о том, что со мной рядом сидит урядник и что меня везут в качестве арестанта в осиное гнездо моих смертельных врагов, что, быть может, часы моей жизни сочтены. Я взглянул на урядника и, к своему удивлению, увидел, что он плачет. Моя речь нашла отклик в его сердце. Мои слова напомнили ему, что ведь и он выходец из крестьян, что в детстве и он испытал те унижения, о которых я ему говорил, что часто он наблюдал несправедливость, которую приходилось терпеть и его родным и односельчанам.

Он рассказал мне все это, мне, арестованному, государственному преступнику! Под влиянием моих слов у него проснулась крестьянская душа. Подъезжая к волостному правлению, мы с ним стали уже друзьями. Это вселило во мне надежду, что, быть может, жизнь моя будет сохранена в эту ночь.

В волостном правлении нас встретил волостной писарь, который давно поклялся уничтожить меня. С особым металлическим блеском в глазах, еле сдерживая чувство торжества, он направился прямо ко мне и протянул мне руку. Сухим тоном я ему сказал, что не могу подать руки таким, как он.

В эту минуту в комнату врывается его помощник, совершенно пьяный, с криком: «Дайте мне раздавить эту гадину!» Он говорил обо мне.

Я обращаюсь к уряднику и прошу его в свою очередь убрать эту «гадину». Писарь приказывает своему помощнику удалиться. Он уходит, ворча, со словами: «Пойду сейчас возьму ружье и застрелю его».

После этой сцены я говорю уряднику, что отныне он отвечает за мою жизнь и что, если случится что-либо со мной, он первый будет наказан, как сообщник в убийстве.

Не знаю, эта ли угроза подействовала или же то, что он проникся ко мне дружеским чувством, во всяком случае, он отдал распоряжение запереть помощника писаря на всю ночь и решил провести ночь в помещении со мной вместе.

Рано утром, в сопровождении двух стражников, меня перевезли в Валуyki. При отъезде им был дан строгий приказ урядника передать меня тюремному начальству живым и невредимым. Если этот приказ не будет выполнен, их будет судить военный суд. «Но если он попытается бежать,— прибавил он,— тогда стреляйте!»

Вечером шестого или седьмого дня (точно не помню) моего заключения слышу, кто-то вкладывает ключ в дверь моей камеры. К моему большому удивлению, в камеру входит отец Мерецкий. За его спиной показывается фигура самого начальника тюрьмы. Отец Иван, обрадованный, бросается меня целовать. Я, в первую минуту, ничего не понимаю. Почему отец Иван пришел ко мне с начальником? Но тайна длится не больше нескольких минут. Начальник повертывается и выходит из камеры со словами: «Ну, обо всем остальном я позабочусь». Дверь камеры снова запирается на ключ. Мы остаемся с отцом Иваном в камере одни.

«Что это все значит?»— задаю я ему вопрос. Почему он так обрадовался, увидев меня? Он мне отвечает: «Как же мне было не обрадоваться. Меня арестовали почти обманым путем, и я думал, что меня сейчас же расстреляют. Если не сейчас же, то после заключения в тюрьму. Но теперь я сомневаюсь, чтобы с нами так поступили. О вашем аресте мы узнали, но разнесся слух, что крестьяне освободили вас по дороге в тюрьму и вам удалось бежать. Только сейчас, в тюрьме, я узнал, что вы здесь, и начал умолять начальника тюрьмы, чтобы он поместил меня в камеру вместе с вами. Он уважил мою просьбу и сам привел меня к вам. Сказанные им при выходе слова означали, что он позаботится о том, чтобы поставили сюда вторую кровать и дали бы все, что полагается по тюремным правилам».

«Но что же случилось, за что вас могли бы сейчас же расстрелять?»

Вот его рассказ:

«Вы знаете, что мои прихожане давно уже боялись за меня. Они допускали возможность моего ареста и даже убийства черносотенцами. Они все время оберегали меня. Еще во время моего возвращения с губернского Крестьянского съезда крестьяне выехали на станцию железной дороги навстречу мне в большом количестве, каждый на своих санях. При моем выходе из вагона они окружили меня толпой, довели до саней и усадили в те сани, которые должны были ехать в середине довольно длинного обоза. Под такой охраной они меня и доставили домой. В последнее время они усилили охрану, установили поочередное наблюдение, чтобы помешать во что бы то ни стало моему аресту, в особенности когда они узнали о вашем аресте. Они были готовы применить силу, если власти придут за мной. Было установлено постоянное дежурство не только вокруг моего

дома, но и за околицей села. Дежурным давался наказ бить в набат, созывать прихожан, как только они заметят приближение полиции. Такой случай не заставил себя долго ждать. Вчера утром загудел тревожно церковный колокол, и незамедлительно вокруг моего дома собралась большая толпа. Дозорные сообщили, что неподалеку от села остановился и спешил к казачий отряд. И к моему дому направляются становой и урядник. При этом известии толпа загудела как потревоженный пчелиный улей, и вскоре сильное возбуждение охватило всех. Дозорные не ошиблись. Действительно, скоро все увидели станового пристава и урядника, приближавшихся к моему дому. Крестьяне окружили кольцом мой дом и в боевом настроении решили защищать меня. Когда становой и урядник приблизились, толпа в один голос, угрожающим тоном, спросила их: зачем они пришли и что им надо? Становой ответил, что он пришел, чтобы побеседовать с батюшкой, и просил пропустить его ко мне. Но крестьяне не поддались на обман и грозили ему все решительнее. Они приходили все в большее и большее возбуждение. И я боялся, как бы не произошло кровопролитие. Я обратился к прихожанам с просьбой пропустить ко мне станового пристава. Они согласились, но только с условием, что он должен снять с себя и оставить у них свою шашку и револьвер. Становой подчинился их требованию, снял с себя свое оружие, передал его моей охране и направился ко мне. Он выразил желание поговорить со мной наедине. Я впустил его к себе. Он сообщил мне, что приехал не с целью арестовать меня, а с тем, чтобы я поехал с ним для допроса. После чего я могу возвратиться обратно домой. Я ему ответил, что должен сначала подумать, прежде чем дать свое согласие. К тому же я ему указал на то, что мои прихожане, видя его приехавшим с казаками, не отпустят меня. Становой ушел, не добившись от меня положительного ответа. Прихожане разошлись по домам, оставив около моего дома еще более усиленную охрану. А наутро, то есть сегодня, опять раздались удары набата, и на призыв его к моему дому сбегалось почти все население села. Дозорные сообщили, что опять к селу подъехал становой пристав с казаками в еще большем количестве. Они спрятались в овраге, и их не видно. Возбуждение толпы возросло еще больше. На этот раз я был уверен, что произойдет гибельное столкновение, и умолял толпу не препятствовать становому и отпустить меня, если он попросит поехать с ним. Когда становой приблизился к дому, прихожане потребова-

ли, чтобы он снял свое оружие, что он и исполнил. Мне же он заявил, что получил приказ привезти меня на допрос во что бы то ни стало и что, если будет малейшее сопротивление, вся ответственность за жертвы падет на меня. Я дал свое согласие уехать с ним и попросил толпу отпустить меня ехать на допрос. Сознательно я допустил эту ложь, потому что был уверен, что пристав приехал меня арестовать. Тогда прихожане стали на колени и в свою очередь начали умолять меня не уезжать, а пристава просили не увозить их батюшку. Конечно, эта мольба осталась без ответа. С плачем смотрели они на сани, увозившие меня. Когда же сани поравнялись с местом, где находился скрытый казачий отряд, мы были окружены казаками, которые привезли меня в тюрьму.

В эту ночь и в тот день всем пришлось много пережить. Я думаю, что и на станowego пристава произвела впечатление преданность прихожан, которые были готовы на крайние жертвы. Церковный сторож, у которого находились материалы по крестьянскому движению, схватил их и побежал бросить в прорубь. Таким способом он хотел, чтобы они не попали в руки полиции. Он хотел и сам броситься в прорубь. Больших усилий потребовалось, чтобы удержать его от самоубийства, объяснив ему неблагоразумие такого поступка.

В таком душевном состоянии остались мои прихожане, когда я уехал», — заключил отец Иван Мерецкий.

Я кипел от негодования. Все мое существо прониклось ненавистью к царскому режиму и к классу, который поддерживал его. Однако два чувства боролись в моем сознании: боевое, унаследованное от матери, стремление любой ценой бороться против несправедливости и в то же время отцовское непротивление злу. Я терзался с одной стороны потребностью умерить мое бунтарство, с другой — желанием усилить мою деятельность. Поэтому я должен был быть чрезвычайно бдительным, чтобы мое поведение отражало равновесие между этими противоположными чувствами. Я должен был также с большим вниманием присматриваться к людям и их окружению, чтобы понять, как можно лучше поведение и мотивы, двигавшие каждым из них.

В особенности я старался познать самого себя, чтобы владеть собой. Рано я приучил себя сохранять хладнокровие при всех обстоятельствах.

На мое поведение оказали влияние два фактора. С одной стороны, мне посчастливилось встретиться с людьми, принадлежавшими по рождению к правящему классу, но не имевшему ничего общего с ним; с другой — мое образование позволило мне взглянуть иначе на окружавший меня мир. Встречи с аристократами примиряли меня с ними, охлаждали мой бунтарский пыл. Я познал, насколько слаб человек вообще, насколько он незначителен во вселенной, насколько его гордость велика и неуместна, когда он верит, что он способен перестроить мир и изменить человеческую природу посредством изменения экономических взаимоотношений.

Когда я в решительную минуту одерживал победу на сходе или на собрании, меня не покидала мысль о ничтожестве человека, и это охлаждало мой пыл. У меня оставалось впечатление, что я уходил с поля битвы не победителем, а, скорее, побежденным.

В эти минуты настоящим победителем был не тот, о котором все думали. Я был вдохновлен чувством непротивленчества, и у меня оставалось впечатление, что бороться и бить врага было бесполезно и малоценно. Борьба — только одна из мирских сует и быстро исчезает.

(...)С момента моего бесповоротного решения уйти из села счастье не покидало меня. Я был принят и зачислен стипендиатом в низшую сельскохозяйственную школу без протекций, без знакомств. В таких же условиях представился я и на конкурс в среднее земледельческое училище, куда поехал, как говорится, «на авось», попытать счастья. И в этот раз я был принят и зачислен на стипендию Министерства земледелия.

Эти успехи вскружили мне голову, породили во мне уверенность, которой до сих пор у меня не было, и веру в свою счастливую звезду. Я не сомневался в том, что будущее сулит мне те же успехи. Я буду продолжать идти успешно по избранному мною пути без помощи других, не прибегая к покровительству влиятельных лиц, не унижаясь ни перед кем. Сама мысль прибегнуть к чужой помощи причиняла мне душевную боль.

Как раз в этот момент возник передо мной вопрос: не обратиться ли мне за помощью к С. В. Паниной? После всего пережитого, после перенесенной болезни, потеряв окончательно веру в людей, которые представлялись мне

святыми, жертвующими не только своей карьерой, своим богатством, своими знаниями и даже жизнью для народного блага, я еще как-то не сознавал того, что я сам пользовался помощью других, когда я был освобожден из тюрьмы крестьянами.

С. В. Панина пришла мне на помощь без моей просьбы. Как только я приехал в Воронеж, меня приютил в своей квартире Александр Ильич Бакунин. Не выходя из дома, я прожил у него около двух недель, до тех пор, пока не убедились, что людей, посланных специально для того, чтобы арестовать меня, в Воронеже больше нет и полицейское наблюдение за вокзалом ослаблено. За это время А. И. Бакунин списался с С. В. Паниной, объяснил ей мое положение и получил от нее ответ, в котором она просила отправить меня в Петербург, где она сама и встретит меня на вокзале.

Меня переодели, приклеили усы и бороду. Потом привезли на вокзал ровно за три минуты до отхода поезда. Билет был куплен заранее и вручен мне, когда я был уже в вагоне. Я увидел на перроне многих друзей, пришедших проводить меня и оградить меня, когда я сойду с извозчицей пролетки и направлюсь на перрон. Они сейчас же окружили меня и довели до вагона, чтобы скрыть меня от глаз полиции. Я мог поблагодарить их только взглядом...

Все прошло благополучно. Поезд тронулся, унося меня в неизвестность. Но я вздохнул облегченно только тогда, когда поезд приблизился к Козлову, то есть был не только далеко от Воронежа, но и за пределами Воронежской губернии.

Наконец, Москва, сердце России, старая настоящая русская столица, о которой я знал больше, чем о других городах. Она привлекала меня не только своей прошлой славой, но и своими святынями, своими, как говорили, сорок сороков церквями, своими златоглавыми куполами, царьпушкой и царь-колоколом.

Москва была первым большим городом, в котором я очутился по прихоти судьбы. Но мне не пришлось осмотреть ее в этот раз, так как мой путь шел дальше, на север, в Санкт-Петербург. Не было поездов прямого сообщения в третьем классе от Воронежа до Петербурга. Чтобы с Казанского вокзала попасть на поезд, идущий в Петербург с Николаевского вокзала, мне нужно было только пересечь

площадь, что я и сделал с большим сожалением. Как жаль! быть в Москве и не осмотреть ее!

Через несколько минут поезд уносил меня из старой столицы в новую, красу и гордость Петра Великого.

В Петербург я приехал утром, и С. В. Панина уже поджидала меня на перроне. Посадила она меня в экипаж и отвезла на приготовленную заранее нелегальную квартиру. По дороге она рассказала, что уже все подробно знает о том, что произошло в Валуйском уезде от А. И. Бакунина и в особенности от М. П. Первеевой, которая, выбравшись из Валуйского уезда, направилась прямо в Петербург. От нее она знает все подробности. Привезя меня на квартиру, С. В. Панина предупредила меня, что в Петербурге сейчас долго оставаться опасно, поэтому она завтра утром приедет за мной и отправит меня в Финляндию. Уходя, она советовала мне не выходить из квартиры. На другой день она отвезла меня на Финляндский вокзал, усадила в поезд прямого сообщения до Гельсингфорса и вручила мне рекомендательное письмо к своим шведским друзьям. Так и не удалось мне посмотреть как следует «порфириночную» столицу.

Поезд очень быстро довез нас до финляндской границы (она и тогда уже существовала). На границе поезд немного задержался. В этот момент я опасался, что будет проверка документов; это опасение не оправдалось, и никто из представителей власти не прошел по вагонам и не проверил пассажиров. То было в пору царского режима, который мы называли «полицейским режимом». Через 50 лет после этого человечество далеко ушло вперед... Правители усовершенствовали до такой степени способы надзора за жителями и контроля над ними, что теперь нельзя для кого бы то ни было так легко выехать из своей страны. Даже в своей собственной стране гражданин подвергается контролю и не может передвигаться свободно.

Как в сказке, я, беглец из тюрьмы маленького города, затерянного в глухой степи, на далеком расстоянии от какого бы то ни было культурного центра, пересек обширные пространства и очутился... в Европе, в настоящей Европе!

Больше всего меня поразило, что все было непохоже на Россию. Впечатление от Европы было очень сильное, несмотря на физическую и душевную усталость, на потерю моих революционных надежд.

В Гельсингфорсе я нашел и М. П. Первееву. Она мне сообщила, что С. В. Панина снабдила ее необходимыми средствами для нашего путешествия и на жизнь первое время за границей. Средствами этими распоряжалась она, так как она более близко была связана с Паниной. Она же и переписывалась с Софьей Владимировной и вела денежные расчеты. Так случилось, что я стал пользоваться помощью С. В. Паниной, не прося ее об этом.

Шведская семья, давшая мне временный приют, состояла, если не ошибаюсь, из брата и сестры. Ко мне они были очень предупредительны и милы во все время моего пребывания у них. Они же позаботились о возможности нашего отъезда из Финляндии. Многих отправляли тогда на пароходах, уходивших из никогда не замерзающего порта Финляндии. Этот транспорт считался наименее опасным. Приютившие меня связались с капитаном парохода, на котором мы с М. П. Первеевой должны были уехать. Они задержали для нас места. Нам нужно было ждать назначенного времени отхода парохода ночью, чтобы приехать в порт прямо к его отплытию.

Капитан парохода был предупрежден заранее о нашем приезде. Он принял нас сейчас же и внес нас в список пассажиров без всяких формальностей, не требуя предъявить паспорта, на которых были указаны наши вымышленные имена. Со дня приезда в Гельсингфорс я был уже не Столяров, а Павлов. Под этой фамилией я проехал почти вдоль всего Балтийского моря до Копенгагена, откуда поездом я должен был доехать до Берлина, оттуда в Женеву, где и прожил около 10 месяцев. Только по приезде в Париж, то есть по прошествии немного более года со дня выезда из России, я вновь стал носить свою настоящую фамилию.

На пароходе мы встретили пассажиров, которые показались нам похожими на наших соотечественников. Мы обрадовались этому несказанно и обратились к ним с просьбой помочь нам объясниться с прислугой парохода, которая не говорила по-русски, а мы не знали ни финского, ни шведского, ни немецкого. Но люди, которых мы приняли за русских, делали нам знаки, что они не понимают нас и быстро удалялись от нас. Так нам и не удалось узнать национальность людей, окружавших нас, и быть уверенными, что мы действительно попали на тот пароход, который должен увезти нас в далекие края.

Пароход вышел из гавани с большим запозданием, и

много часов мы провели в неведении; удалось ли нам бежать и покинуть гостеприимную Финляндию?

Мы были убеждены, что наше пребывание за границей будет недолгим. Мы думали, что революционное пламя еще не погасло и скоро вспыхнет снова. И опять мы пойдем, не щадя ни своих сил, ни своей жизни на приступ того строя, который сковал и душу и тело нашего народа.

По воле providения я, сын бедного крестьянина одного из беднейших сел самого бедного уезда Воронежской губернии, стал студентом Сорбонны, знаменитейшего Парижского университета. Редко кому удавалось попасть в него. Разве это не чудо? Прочитанное мною в детстве в сказках превратилось для меня в реальность. Но исполнение лелеянной мечты, однако, не радует мое сердце. Оно не вызывает во мне того восторга, которое я испытал при поступлении в среднее земледельческое училище.

Отчего у меня такое безразличие? Не поколеблено ли мое моральное состояние от перенесенных испытаний и я пал духом? Исчезла ли жажда знаний? А может быть, причиной тому физическое состояние, так как я чувствовал себя чрезвычайно истощенным? Возникло также разочарование, вызванное близким знакомством с революционной элитой, боязнь перед предстоящими трудностями: как сочетать учение и материальные заботы жизни. Много сомнений охватывало меня постоянно. Я их испытывал с тех пор, когда, по воле судьбы, был вырван из тюрьмы благодаря крестьянам, а потом совершил громадное путешествие: Москва, Гельсингфорс, Копенгаген, Берлин, Женева и, наконец, Париж, фееричное путешествие для молодого человека, сына крестьянина, не освоившего еще как следует своего родного литературного языка. Да, это была сказка! Но смогу ли я удержаться на той высоте, на которую вознесла меня судьба при моем физическом и моральном состоянии?

Эти сомнения не только уменьшали, но даже, моментами, заглушали ту радость, которую она должна была бы вызвать в моем положении. Вот почему без всякого волнения получил я уведомление ректора Парижского университета о предоставлении мне эквивалента на степень бакалавра и зачислении меня в студенты на факультет естественных наук Сорбонны.

Мои парижские друзья забеспокоились о моем физическом состоянии и решили повести меня к врачам. Первый

из них сказал, что у меня туберкулез; второй объявил, что мне следует носить корсет; третий сказал мне: «Уезжайте из Парижа, этот город вам не подходит. Поезжайте в какой-нибудь провинциальный город, например, в Тулузу». Я последовал его совету и поехал записываться на факультет естественных наук Тулузы. Там состояние моего здоровья изменилось совершенно. Там я получил высшее образование, диплом инженера-агронома и в то же время выдержал экзамены по ихтиологии, зоологии и ботанике, но не выдержал одного экзамена на факультете: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь»; я был совершенно изнурен.

Я смог поехать в Россию только через десять лет, в 1916 году и повидаться со своей семьей. Мой отец умер вскоре после этого, по-видимому от воспаления легких.

Моя мать осталась совсем одна. Мать! Бедная, неутомимая труженица, страдальца за всех обездоленных, ты всегда думала о том, чтобы помочь другим, облегчить жизнь своим. Ты сочувствовала чужому горю, но никогда не думала о лучшей доле для себя самой.

Твой старший сын со всей своей семьей уехал на дальний край своей родины, оставив тебя одну в последние дни твоей жизни, одну «как полынь в степи».

Младший, «ученый», твой любимчик, улетел из родного гнезда далеко от тебя и не был при тебе, чтобы помочь тебе в трудные моменты твоей жизни.

Ничто не сломило тебя: ни твоя горькая доля, ни крайняя нужда, ни произвол правопорядка, ни бесправие. Одиночество, холод, тревога за твоих сыновей, — вот что истощило тебя. В старости, во время ужасных беспорядков, которые сотрясали родину, никто не принес человеческой теплоты твоему изнуренному сердцу. На холодной печи ты нашла последнее убежище, последний покой...

Крестьянские дети привыкли с раннего детства видеть близко смерть. На их глазах умирали их братья и сестры, дедушки и бабушки, иногда и их родители. Часто они были свидетелями последних минут жизни своих соседей. Они считали своим долгом пойти посмотреть на покойника, лежавшего на скамье под иконами до положения во гроб, или сейчас же после этого посмотреть на него в гробу, если даже усопший был далеко от их избы.

От дома до церкви несут покойника в открытом гробу,

и все прохожие видят его. Дети выбегают из избы и бегут за процессией, чтобы взглянуть на покойника.

Я же, в качестве чтеца, был много раз совсем близко от покойника. Между 12 и 16 годами я участвовал в похоронах по крайней мере 100 раз и видел лицо покойника, на которое смерть наложила свой отпечаток. Даже когда мне еще не было 12-ти лет, я видел много покойников.

Только подростки и молодые, полные жизни и сил, желая жить, боятся смерти. Остальные же принимают смерть как Божие послание, чтобы положить конец земной жизни человека. Люди же, умирающие в преклонном возрасте, не боятся смерти. Предчувствуя ее приход, они спешат дать последние наставления членам семьи.

Так, один крестьянин, узнав от врача, что ему нужно сделать операцию, которая его спасет, очень спокойно отказался от операции, сказав: «Нет, уж лучше я вернусь домой, чтобы дать моим близким наказ о моей последней воле и подготовиться к смерти». «Подготовиться» означает: принять соборование или, по крайней мере, исповедоваться и причаститься.

Крестьянин, страдающий тяжелой, неизлечимой болезнью, молил Бога не о выздоровлении, а ниспослать ему «смертушку». Старики, дожившие до глубокой старости, думали лишь об одном: пришла бы за ним поскорее смертушка. Часто приходилось видеть старика на завалинке у избы, греющегося на солнышке и твердящего смиренно: «Боженька, наверно, забыл про меня, не хочет прислать ко мне смерть».

Я очень хорошо помню, как однажды я пошел со своей матерью навестить тяжело больного крестьянина. Моя мать считала своим долгом навещать больных и часто брала меня с собой. Итак, мы пошли к этому умирающему, лет сорока, еще в расцвете сил. На крестьянском языке слово «умирать» не всегда означало, что человек уже при смерти, но часто выражало только мнение окружающих его.

Мы вошли в избу больного. Он лежал на скамье, покрытый какими-то лохмотьями. Лицо его выражало страдание. Моя мать спросила: «Что ж, дорогой Захар, тебе не лучше?» Больной заскрежетал зубами и закричал: «Смерть думает, что она меня одолеет, а нет! Я не покорюсь ей. Увидим, кто сильнее». Видно было, что он не только не боялся смерти, но даже решил бороться с ней.

Крестьяне твердо верили: «Наступит день и час, когда Всевышний Судия прикажет архангелам затрубить, призы-

вая на Страшный суд во всех странах света. И тогда все мертвые встанут из гроба. Они соединятся со своими душами и предстанут, как и все живые, на Суд Праведный. Тогда Всевышний Судия вынесет окончательный приговор каждому по его делам и по той жизни, которую он прожил на земле».

Поэтому-то крестьяне относятся с такой заботливостью к телу усопшего, от которого отлетела его душа, так как его бранные останки должны предстать в какой-то день перед Всевышним Судией.

Пока тело было еще теплым, его обмывали теплой водой с мылом, надевали на него чистую рубашку, и чистые портки, а ноги обматывали новыми холщовыми портянками и шили туфли из сукна. До положения во гроб тело лежало на скамье под иконами, покрытое легкой тканью. Гроб стелили свежим сеном и душистыми травами. Под голову клали подушечку, чтобы покойнику было удобно почивать.

Лицо покойника оставалось все время открытым и в церкви и всю дорогу до кладбища. Только там, в последний момент, закрывали гроб крышкой, так как нельзя лишать света усопшего. Все эти обычаи выполнялись свято³⁰.

ДНЕВНИК НИКОЛАЯ II

Публикуемые ниже дневниковые записи последнего российского императора Николая II (1868—1918) за время с 16 декабря 1916 года по 30 июня 1918 года — роковые для русского самодержавия дни — при всем своем лаконизме дают представление о времяпровождении царской семьи в последние полтора года жизни, показывают отношение отречшегося от престола монарха к революции и народу, являются важным первоисточником для изучения событий первых десятилетий XX века.

1916 ГОД

16-го декабря. Пятница

Утром было 7° мороза и яркое солнце, впрочем, скоро спрятавшееся.

Завтракало трое новых англичан, француз и трое румын¹. Прогулка была по дороге на Оршу — Алексей² играл в своем арх[иерейском] лесу. Прошел 6 верст. Обедал ген.-ад. Эверт. Вечером читал и писал мама.

17-го декабря. Суббота

Доклад был совсем короткий.

Завтракали все три главноком[андующие]. Прогулку сделали туда же в арх[иерейский] лес. Вернулись домой в 4¹/₂. После чая в штабе происходило совещание по военным вопросам до обеда и затем от 9 ч. до 12¹/₂ ч.

18-го декабря. Воскресенье

Утром было 14° мороза. После обедни пошел к докладу Лукомского, нового ген.-квартирмейстера, а затем на заседание главнокоманд[ующих]. После завтрака оно продолжалось еще полтора часа. В 3¹/₂ поехали вдвоем в поезд. Через час уехали на север. День был солнечный при 17° мороза. В вагоне все время читал.

19-го декабря. Понедельник

Хорошо выспался. Мороз стоял крепкий. Все время в вагоне читал. Прибыли в Царское село в 5 ч. Дорогая Аликс³ с дочерьми встретила и вместе поехали домой. После обеда принял Протопопова.

20-го декабря. Вторник

День простоял ясный и морозный — 14°. Утром принял англ[ийского] полк[овника] Вигн — адъютанта Georgie, кор[оля] англ[ийского], и затем Шуваева. Погулял перед завтраком и днем с детьми. В 4 ч. принял сен[атора] Добровольского, кот[орый] назначается упр[авляющим] ми-н[истерством] юстиции. В 6 час. принял Трепова.

После обеда вечер провели вместе.

21-го декабря. Среда

В 9 час. поехали всей семьей мимо здания фотографий и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория⁴, убитого в ночь на 17-е дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова, кот[орый] стоял уже опущенным в могилу. О. Ал[ександр] Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза. Погулял до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева.

Днем сделал прогулку с детьми. В 4¹/₂ принял нашего Велепольского, а в 6 ч. Григоровича. Читал.

22-го декабря. Четверг

Утром у меня был Сандро.

В 12¹/₂ пошли к молебну в походную церковь, по случаю именин Анастасии⁵. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.)⁶. Сделал с ним и дочерьми прогулку вокруг парка. В 4 ч. принял Протопопова, а после чая Покровского. Вечером занимался.

23-го декабря. Пятница

Утром у меня был Воейков. В 11 ч. принял Барка, а затем представляющихся. Погулял до 3 час. Погода сделалась мягкая. Принял Протопопова, в 4 ч. Щегловитова. В 6 ч. Танеева. Вечером читал.

24-го декабря. Сочелник

В 11 ч. поехал с дочерьми к концу обедни и к вечерне. Завтракал Саблин (деж.). Погулял. Было 10° мороза и ти-

хо. В 4 ч. принял В. Кочубея. До чая была наверху елка детям и наша одновременно.

В 6¹/₂ поехали ко всеобщей. Обедали Аня⁷ и Н. П. Занимался.

25-го декабря. Рождество Христово

Хороший солнечный день, 8° мороза. В 10¹/₂ поехали к обеду. В 2 часа была первая елка конвоя, Свод [ному] и Жел [езнодорожному] полкам. Играли балалаечники, и недурно пел хор песенников. Вернулись домой в 3¹/₄. Погулял с Ольгой⁸. До 5 ч. принимал Протопопова. После чая — кн. Голицына. Вечером видели семью покойного Григория у Ани. Читал немного — был посвободнее.

26-го декабря. Понедельник

Погулял четверть часа. Принял Григоровича и Риттиха. После завтрака поехали в манеж на вторую елку. Хор Железнодорожного полка пел и играл на балалайках и домрах, чередуясь со Сводным полком. Сделал прогулку с детьми.

Принял Рейна. Обедал Мордвинов (деж.). Видел сен [атора] Кульчицкого, кот [орый] будет назначен упр [авляющим] м [инистерством] нар [одного] пр [освещения].

27-го декабря. Вторник

Утром у меня были доклады — Шуваева и Булыгина. После завтрака поехали в манеж на третью, и последнюю елку. Опять хор Железнодорожного полка играл усладительно.

Погулял с Татьяной и Марией⁹. Погода была отличная, солнечная и морозная — 8°. В 4¹/₄ принял Раева. После чая был кинематограф — того же содержания, как в Могилеве. У Алексея заболела правая рука от ушиба; он, бедный, очень страдал перед ночью. Занимался долго после обеда.

28-го декабря. Среда

Сегодня Алексею лучше; он пролежал целый день в игровой. Принял Добровольского. В 12¹/₂ ч. митрополит Питирим славил Христа с братией. Завтракали: Аня и Гротен. Гулял с дочерьми. Принял Максимовича и затем кн. Голицына, нового пред [седателя] Сов [ета] Мин [истров]. После чая у меня был кн. Ширинский-Шихматов по делам Палестинского О [бщества]. Читал. Вечером пошел с Алексеем.

29-го декабря. Четверг

Немного погулял. Погода была солнечная при 7° мороза. В 11 час. принял Мамантова и затем Ильина по Красному Кресту. Днем гулял один. В 4 ч. у меня был Щегловитов; в 6 час.— Фредерикс и потом Танеев. Алексей себя чувствовал хорошо, но день все-таки пролежал. Вечером занимался долго.

30-го декабря. Пятница

Утром был туман при 9° мороза. В 11 час. принял английского посла Бьюкенан и Барка. После завтрака уральскую казачью депутацию.

Погулял с дочерьми. В 4 ч. у меня был Боткин — моряк. Вечером читал.

31-го декабря. Суббота

Принял доклады: Шуваева, Кульчицкого и Фредерикса. До завтрака зашел наверх к Алексею; его рука совсем поправляется. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Погулял с детьми. В 4 часа принял ген. Беляева и затем кн. Голицына. В 6 ч. поехали ко всеобщей. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией!

1917 ГОД

1-го января. Воскресенье

День простоял серенький, тихий и теплый. В 10¹/₂ ч. поехал с дочерьми к обедне. После завтрака сделал прогулку вокруг парка. Алексей встал и тоже был на воздухе. Около 3 ч. приехал Миша¹⁰, с кот[орым] отправился в Большой дворец на прием министров, свиты, начальников частей и дипломатов. Все это кончилось в 5.10. Был в пластунской черкеске. После чая занимался и отвечал на телеграммы. Вечером читал вслух.

2-го января. Понедельник

Мороз снова усилился. Погулял недолго. Принял Григоровича, Риттиха и нового управл[яющего] мин[истерством] путей сообщения Войновского-Кригера. Обошел весь парк с дочерьми. В 6 ч. у меня был Протопопов, затем Танеев. Занимался вечером после прощания с Алексеем.

3-го января. Вторник

Утром у меня был Воейков. После небольшой прогулки принял Шуваева, кот [орый] уходит, и Покровского.

После завтрака просидел полтора часа наверху у зуб [ного] врача Кострицкого, приехавшего из Ялты. Погулял с дочерьми. Мороз стоял порядочный. В 6 ч. принял Шаховского. Обедал Линевиц (деж.). Вечером говорил с ним. Читал вслух.

4-го января. Среда

Утром приехал Алек¹¹ по случаю награждения тройным портретом на груди. Погулял. В 11 ч. принял Добровольского и затем кн. Голицына-Муравлина. После завтрака провел полтора часа у Кострицкого.

Сделал прогулку в полутьме. В 6 час. у меня был Щеголовитов. Занимался. Вечером почитал вслух.

5-го января. Четверг

Утром принял кн. Голицына.

В 11 час. поехали к обедне с водосвятием. После службы о. Александр окропил все наши комнаты.

После завтрака опять посидел у зуб [ного] врача и погулял с Татьяной и Марией. До чая принял ген. Шильдера, директора лицея. Перед обедом принял Гурко, кот [орый] приехал из Могилева на 3—4 дня. Занимался недолго.

6-го января. Богоявление

Поехали к обедне, кот [орую] служил митр. Питирим, скоро и благолепно. После завтрака был у Кострицкого долго. Погулял с Татьяной и Марией. Было солнечно и морозно — 10°.

До чая принял А. С. Боткина, а в 6 час. кн. Ширинского. Много читал и все окончил. Вилькицкий (деж.) обедал. Вечером читал вслух.

7-го января. Суббота

Беляев имел свой первый доклад как военный министр. После него принял Родзянко. От 2 до 3^{1/2} сидел у Кострицкого. Погулял с Марией. Фредерикс пил у нас чай. Поехал ко всеобщей. Вечером принял Протопопова.

8-го января. Воскресенье

После обедни поехал встречать Кароля — наследного [принца] румынского — и привез его домой. Он завтракал

с нами. Приняли его свиту; затем долго разговаривал с ним и с пред[седателем] сов[ета] мин[истров] Братиано. Погулял с Марией и Анастасией. Мороз был небольшой. Занимался до 8 час. Обедал Н. П. (деж.).

9-го января. Понедельник

Немного погулял. После доклада Григоровича принял Шуваева и графа Игнатьева. От 2 до 3 ч. посидел у Кострицкого. Сделал хорошую прогулку. До чая принял ген. Мрозовского из Москвы. Занимался до 7¹/₂ ч. Дали обед Каролу и всем румынам. Миша тоже приехал. Разговаривали до 9¹/₂. Вечером был свободен.

10-го января. Вторник

Утром принял Беляева, Самарина и кн. Шаховского. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.). Погуляли все вместе, Аликс в санках. Было ясно и морозно. В 6 час. у меня был Стахович по коннозаводству. Окончил бумаги скоро. Вечером читал вслух.

11-го января. Среда

Утром ко мне заходили Воейков и Боткин. Погулял недолго. Принял — Войновского-Кригера, Ягмина, ком[андира] Нижегородцев, и сенатора Кривцова. После завтрака приняли вместе жену Кульнева с маленьким сыном, моим крестником. Погулял с Ольгой. В 4 ч. принял Щегловитова, а в 6 ч. Штюрмера. Занимался бумагами. Обедали: Лили Ден с мужем, кот[орый] приехал с «Варяга» с Мурмана, Аня и Н. П. Вечером читал вслух.

12-го января. Четверг

После утренней прогулки принял кн. Голицына и Покровского.

По случаю именин Татьяны пошли к молебну в походную церковь. Миша завтракал. В 2¹/₂ у меня были Костя и Игорь. Погулял с Ольгой и Марией. В 6 час. был кинематограф.

13-го января. Пятница

Солнечный день при 12° мороза. Погулявши, принимал — докладов не было. Завтракал Кедров, кот[орый] теперь контр-адмирал свиты и начальник минной дивизии Балт[ийского] моря. Днем сделал хорошую прогулку с Ольгой и Марией. В 6¹/₂ ч. принял Протопопова. Вечер был свободный.

14-го января. Суббота

От 11 час. принял: Дейтриха — вице-председателя Госуд. Совета, Беляева, Трепова и Фредерикса. Он с нами завтракал. Принял с Алексеем депутацию от 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. Погулял с Ольгой и Марией.

В 4 часа принял ген. Гурко.

В 6¹/₂ поехал с детьми ко всенощной. Обедал Стефанович (деж.). Читал.

15-го января. Воскресенье

В 10¹/₂ поехали к обедне. Завтракал Линевиц (деж.).

В 2 часа отправился со всеми детьми на снеговых моторах Кегресса к Пулкову; проезжали по разным оврагам, спустились с горы, ехали прямо полями и болотами вдоль Гатчинского шоссе и вернулись чрез Баболово. Нигде не застряли, несмотря на глубокий снег, и вернулись домой в 4 ч. очень довольные необычной прогулкой. Погулял еще в саду. После чая принял сен. Милютину по делам местничества. Читал до 8 ч. Вечер провели на той стороне у Ани с Н. П., обоими Ден, С. В. Злебовым и Линевицем.

16-го января. Понедельник

Стало холоднее, день простоял ясный. Погулял. Принял Григоровича с Русиним. Затем двенадцать итальянцев из торговой палаты. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял полтора часа с О[льгой], М[арией] и А[настасией]. В 6 ч. принял Маклакова. Вечером был свободен и читал вслух.

17-го января. Вторник

В 10 ч. у меня был Борис и затем Воейков. Вышел на четверть часа. Принял Беляева и Покровского. Завтракал Кароль. Погуляли с ним. Было ясно и мороз в 16°. В 6 ч. у меня был ген. Хабалов. Миша приехал к обеду и посидел до 10 ч. Читал вслух.

18-го января. Среда

Солнечный день, 14° мороза и свежий S. W. Недолго гулял. В 11 ч. принял членов съехавшейся конференции — от Англии, Франции и Италии, всего 37 чел.¹² Поговорил с ними около часа. В 12 час. у меня был Сазонов, назначенный послом в Англию.

У Алексея болели гланды, он пролежал весь день. Обошел весь парк. В 6 час. принял Танеева. Читал.

19-го января. Четверг

Мороз увеличился, день простоял светлый. После прогулки принял Мамантова, ген. Фролова, Пильца и пензенского губернатора Евреинова. После завтрака посидел у Алексея — ему лучше и жара почти не было. Сделал хорошую прогулку с Татьяной. До чая принял А. С. Боткина, после Добровольского. Вечером занимался и затем посидел у Ани с Денами, Гротеным и Н. П.

20-го января. Пятница

Утром у меня был Кирилл по возвращении из поездки на Мурман в г. Романов. После прогулки принял Барка и в 12 час. lord Milner. Он, В. Долгоруков и Н. П. (деж.). завтракали. Погулял с Татьяной. Мороз был здоровенный — к ночи он дошел до 23°. В 7 ч. принял Протопопова. Обедал Н. П. Читал немного.

21-го января. Суббота

Морозный ясный день. Принял Беляева, Кульчицкого и Фредерикса, кот[орый] завтракал, также Мордвинов (деж.). В 2 часа принял Думерг и говорил с ним до 3¹/₂ ч. Погулял полчаса и принял Раева. После чая у меня был Гурко и затем кн. Голицын. В 8 час. был большой обед всем членам союзной конференции. Разговоры окончились в 10¹/₂ ч.

22-го января. Воскресенье

Солнечный морозный день.

В 10 час. принял итальянского министра из состава членов конференции — Шалоя. В 10¹/₂ поехали с дочерьми к обеду. Завтракали: Мордвинов и Сердюков (деж.). Посидел у Алексея и затем погулял с Татьяной. Читал и писал до 8 ч. После обеда провели вечер на той стороне с Денами, Аней, Н. П., Солтановым и Чистяковым.

23-го января. Понедельник

Утром у меня были Гротен и Граббе с новым офицером 1-го Гребенского полка Вертеповым. После прогулки принял Григоровича и командующего Балтийским флотом в.-а. Непенина. Затем франц[узского] генерала Castelnau, кот[орый] завтракал с нами. От 2¹/₂ до 4¹/₂ ч. принимали офицеров, окончивших ускоренный курс военной акад[е-

мии], числом 227 чел.; громадное количество из них ранено и контужено.

Выбежал на полчаса в сад.

В 6 час. принял Булыгина. Читал. Обедали — Аня и Эристов (деж.). Вечером читал вслух.

24-го января. Вторник

С 10 час. до часа принимал: Гурко, Беляева и Покровского. Завтракал Кароль, вернувшийся с фронта. Погулял с дочерьми. Было 12° мороза. Занимался до 8 час. Вечер был свободный.

25-го января. Среда

Утром явился Воейков из Пензенской губернии. Погулял. Принимал представляющихся, последним был Граббе — донской атаман. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Гулял один. Погода была солнечная и очень морозная — 17°.

До чая принял сенатора Трегубова, а после кн. Шаховского.

Вечером занимался.

26-го января. Четверг

Мороз полегчал. День стоял солнечный. После прогулки принял Мамантова, ген. Остроградского и Раева. Завтракал Кароль и его свита. Простились с ними — они уезжают в Москву. Погулял с Татьяной. В 6 час. принял Протопопова. После обеда сидели на той стороне с Денами, Алей, Н. П. и Злебовым.

27-го января. Пятница

За ночь сделалась оттепель — первая с начала декабря. Было ясно и очень ветрено. Принял Барка и Войнов [ского]-Кригера; познакомился с инж [енером]-строителем Мурманской жел [езной] дор [оги] Горячковским. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.). Гулял с дочерьми и работал у начала основания снеговой башни. От 4 ч. принимал Братиано, а после чая кн. Голицына.

Вечером читал недолго.

28-го января. Суббота

Теплый серый день. Утром был Воейков. После прогулки принял Беляева, Хана-Нахичеванского, Стремоухова, Седергольма и Фредерикса, он завтракал. Погулял с дочерьми

и поработал в снегу. В 6¹/₂ поехали ко всеобщей. Обедал Замойский (деж.). Вечером читал и делал puzzle с Марией.

29-го января. Воскресенье

Был мороз в 6°. Поехали к обедне. Днем погулял и поработал в снегу. Сидел у Алексея до чая. В 6 час. принял старого Клопова. Читал до 8 час. Вечером были на той стороне и видели Н. П., Лили Ден, Ребиндера с женою, Линевича, А. П. Саблина.

30-го января. Понедельник

Проснулся с хрипотой. После Григоровича принял ген. Меллер-Закомельского, ген. Хелленса и полковника гр. Адлерберга. Погулял с Татьяной. Погода стояла приятная. Сидел у Алексея до чая. В 6 ч. принял Щегловитова, а затем Протопопова. Завтракал и обедал Линевиц (деж.). После вечерних бумаг делали puzzle.

31-го января. Вторник

Хрипота была меньше. Зашел утром к Алексею и погулял. Принял Беляева и Покровского. Обошел парк с Марией.

Ольга и Татьяна были в городе до чая и заседали в Татьянинском комитете. В 6 час. у меня был с докладом д[ядя] Павел. Читал до обеда. Вечером делали puzzle.

1-го февраля. Среда

Утром принял Танеева, Феодосьева, английского адмирала Джерама и японского мор[ского] агента Сузуки. Погулял с Марией, пока другие ездили на лыжах, держась веревкой за сани. Дул шторм, но было тепло. В 4 часа принял кн. Шаховского, а после чая кн. Голицына.

В 6.45 поехали ко всеобщей. Вечером занимался и затем читал вслух.

2-го февраля. Сретение Господне

Утром был Борис с раненым прапорщиком Масальским, потерявшим зрение, и двумя казаками, убежавшими из плена. В 10¹/₂ поехали к обедне. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.).

В 2 часа приняли вдвоем депутацию от моего 1-го Кизлярско-Гребенского полка. Сделал хорошую прогулку с Татьяной. Погода была солнечная и морозная. В 4¹/₂ принял Мамантова, а в 6 час. Протопопова. Читал после обеда.

3-го февраля. Пятница

После прогулки принял Барка, Рейна, Скалона и Дрентельна. Завтракал Н. П. (деж.). В 2¹/₂ у меня был Трепов.

Поголял с Ольгой. В 4¹/₂ принял Кутайсова, кот [орый] вернулся из Персии, куда он сопровождал Дмитрия¹³. После чая читал и затем принял Добровольского. Обедали Лили Ден и Н. П. Сидели и собирали вместе puzzle.

4-го февраля. Суббота

Солнечный морозный день. Утром были Воейков и Сандро. Поголял. Принял Беляева и Фредерикса. Он и Вилькицкий (деж.) завтракали.

Поголяли с Марией. Писал Georgie английскому. После чая поехали ко всеобщей. Вечером занимался.

5-го февраля. Воскресенье

Очень холодный ясный день — 20° мор [оза]. Были у обедни. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В 2 часа принял Думерга, лорда Мильнера, Шалоя и ген. Каstellно перед отъездом их из России. Поголял с Марией и Анастасией. В 9 час. пошли на ту сторону и послушали оркестр Гулеско. Румыны играли отлично. Разошлись в полночь.

6-го февраля. Понедельник

Утром у меня был Нилов. Поголял 10 мин. Принял Григоровича и Риттиха, кот [орый] вернулся из поездки на юг и в Самару. Завтр [акал] и обедал Кутайсов (деж.). Посидел у Алексея, как всегда, перед прогулкой. В 4 ч. принял Мосолова, а в 6¹/₄ ген. Адлерберга. Миша пил чай. Протопопов был у меня на полчаса. Вечером долго занимался.

7-го февраля. Вторник

Морозный день. С 10¹/₂ принял: Гурко, Беляева, нового японца — посла Ушида с посольством и Покровского. Завтракал Свечин (деж.). Поголял один. В 6 час. был д [ядя] Павел с докладом. Читал и писал. Вечер провели вместе.

8-го февраля. Среда

Весь день была мять, и поезда всюду задерживались. Принял четырех представляющихся. Завтракала графиня Воронцова. Посидел у Алексея и поголял. В 6 ч. принял Добровольского. Занимался. Обедал Дмитрий Шер [еметев] (деж.).

9-го февраля. Четверг

С 10 ч. принял Гурко, Мамантова и Раева. Погулял четверть часа. Завтракал Георгий Мих[айлович], вернувшийся из объезда армии в течение трех месяцев. Сделал прогулку с Марией. В 6 час. принял Протопопова. Весь вечер читал.

10-го февраля. Пятница

В 10 ч. у меня был кн. Голицын. Погулял. Принял пять генералов и затем Войновского-Кригера. Завтракал и обедал Линевиц (деж.).

В 2 часа приехал Сандро и имел при мне в спальне долгий разговор с Аликс. Гулял с Марией; у Ольги заболело ухо. До чая принял Родзянко. Миша пил чай. Затем принял Щегловитова. Вечером занимался до 11 час.

11-го февраля. Суббота

В 10 ч. принял Маркова по финлянд[ским] делам. Погулял полчаса; опять была мятель при 8° мороза. В 11 ч. принял Беляева и затем гр. Нирода. Пошел наверх к Ольге и Алексею, кот[орые] днем лежали в одной комнате. Завтракал и обедал Петровский (деж.). Он сопровождал Георгия в его поездке. Принял гахама караимов Шапшала из Евпатории. Погулял с Марией. Соня Ден пила чай. Маклаков был у меня до 6¹/₂ ч. Поехал ко всеобщей с Т[атьяной], М[арией] и А[настасией].

Вечером долго читал.

12-го февраля. Воскресенье

Утром шел снег и мело; днем вышло солнце и стало морознее. Были у обедни, завтракал Митя¹⁴. Осмотрел дом с трапезною, кот[орый] построен заботами Ломана в старом русском стиле — очень красиво. Погулял с Марией. До чая принял Сергея. После 6 ч. читал и писал Карлу норвеж[скому]. Вечер провели на той стороне. Опять играли румыны, и Лерский потешал нас до 12 час.

13-го февраля. Начало Великого поста

Хороший нехолодный день. С 10 час. принял: Григоровича, Риттиха и Гурко. Последний меня задержал настолько, что я создал вовсе к службе и пошел наверх к Ольге и Алексею. Завтракал Замойский (деж.). по случаю моего уланского праздника.

Принял Абадиева — командира 6-го Кавк[азского] ар-

м[ейского] корпуса. Долго гулял. В 6 ч. принял кн. Голицына и поехал в пещерный храм. Вечером читал.

14-го февраля. Вторник

В 10 час. принял Покровского и затем Беляева. В 11¹/₂ поехали к службе. Погода была мягкая, серая. Принимал после завтрака до 3¹/₄. Погулял. Алексей днем встал, Ольга еще лежит. В 6¹/₂ поехали в церковь. Обедали: Мордвинов (деж.) и Н. П. Занимался до 10¹/₂ час.

15-го февраля. Среда

У меня сразу сделался сильный насморк. В 10 час. принял ген.-ад. Безобразова. В 11¹/₂ час. — к обедне. Завтракал и обедал Сашка Воронцов (деж.). Принимал и осматривал собрание рисунков и фотографий военной трофейной комиссии до 3¹/₂. Погулял. Погода была мягкая. Сегодня прибыл из Измаила баталион Гвар[дейского] Экипажа и расположился в Александровке. В 6 ч. принял А. С. Боткина. Вечером занимался.

16-го февраля. Четверг

С 10 час. принял: Ильина, Кочубея и Мосолова. В 11¹/₂ поехали к часам. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Посидел у Ольги, Марии и Алексея. Погулял с Татьяной и Анастасией. Было 5° мороза и тихо. В 9¹/₂ принял Протопопова.

17-го февраля. Пятница

Утром принял Барка и затем М. Граббе. Ездили к обеим службам. День был солнечный и морозный. Погулял с Татьяной и Анастасией. В 4¹/₂ принял Озерова. Завтракал и обедал Кутайсов (деж.). Вечером исповедовались.

18-го февраля. Суббота

Солнечный и морозный день. В 9 час. поехали с Татьяной и Анастасией к обедне и причастились св. тайн. Затем о. Ал[ександр] Васильев приехал к нам и приобщил Ольгу, Марию и Алексея. В 12 час. принял Беляева. Погулял один. В 4 ч. у меня был Рейн. Ездили ко всеобщей. Обедал Свечин (деж.).

19-го февраля. Воскресенье

В 10¹/₂ поехали к обедне с Татьяной, Анастасия тоже простужена. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял один. До чая принял Балашева — члена Гос. Думы. В 6 час.

был кинематограф — видели конец «Таинственной руки».

Вечером у Аликс собрались: Лили Ден, Н. П., Мясоед[ов]-Иванов, Родионов и Кублицкий.

20-го февраля. Понедельник

Встал поздно. Утром был Воейков. После десятиминутной прогулки принял Григоровича и полк. Данильченко, командира запасного батальона Измайловского полка. Побыл наверху у болящих. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В 2^{1/2} принял деп[утацию] от 8-го гренадерского Московского полка. Погулял. В 4 ч. у меня был Шаховской. В 6 ч. кн. Голицын и затем д[ядя] Павел. Успел прочесть нужные бумаги до обеда.

21-го февраля. Вторник

Погулял полчаса. Погода была холодная и ветреная, шел снег. Принял Беляева, Покровского, Щегловитова, полк. Доброжанского и Крейтона, нового командира л.-гв. 1-го Стрелко[вого] полка. Завтракала Елена Петровна. Посидел наверху у Ольги и Алексея, кот[орому] лучше. Погулял с Татьяной. В 4 ч. принял Танеева, в 6 час. Стаховича и в 9.45 Протопопова. Обедали Аня и Петровский (деж.).

22-го февраля. Среда

Читал, укладывался и принял: Мамантова, Кульчицкого и Добровольского. Миша завтракал. Простился со всем милым своим [семейством?] и поехал с Аликс к Знамению, а затем на станцию. В 2 часа уехал на ставку. День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал; не выходил из-за кашля.

23-го февраля. Четверг

Проснулся в Смоленске в 9^{1/2} час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время франц[узскую] книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним¹⁵. Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай.

24-го февраля. Пятница

В 10^{1/2} пошел к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком [?] принес мне от имени бельгийского

короля военный крест. Погода была неприятная — мятьель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру.

25-го февраля. Суббота.

Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2^{1/2} заехал в монастырь и приложился к иконе Божией матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко все-нощной. Весь вечер занимался.

26-го февраля. Воскресенье

В 10 час. пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобр [уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино.

27-го февраля. Понедельник

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад¹⁶; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Ц[арское] С[ело] поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28-го февраля. Вторник

Лег спать в 3^{1/4}, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1-го марта. Среда

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!

2-го марта. Четверг

Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц[иал]-дем[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2¹/₂ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!

3-го марта. Пятница

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9¹/₂ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4-го марта. Суббота

Спал хорошо. В 10 ч. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую мама, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная — холод и мятьель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 час. поехал к обеду к мама и просидел с нею до 11 ч.

5-го марта. Воскресенье

Ночью сильно дуло. День был ясный, морозный. В 10 ч. поехал к обедне, мама приехала позже. Она завтракала и оставалась у меня до 3¹/₄. Погулял в садике. После чая

принял Н. И. Иванова, вернувшегося из командировки. Он побывал в Царском Селе и видел Аликс. Простился с бедным гр. Фредерикс и Воейковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь; они уехали в его имение в Пензен [ской] губ [ернии]. В 8 час. поехал к мама к обеду.

6-го марта. Понедельник

Утром был очень обрадован, получив два письма от дорогой Аликс и два письма от Марии. Их привезла жена кап. Головкина л.-гв. Финляндского полка. Погулял в садике. Мама приехала к завтраку. Посидели вместе до 3 ч. Гулял; опять началась мятель. После чая принял Williams. К 8 ч. поехал к мама в поезд.

7-го марта. Вторник

Получил еще два письма от дорогой Аликс, привезенные двумя офицерами конвоя. В 11 час. принял Williams, Janin, Ruskel; все так тепло и участливо относятся. Завтракала мама, просидел с нею до 2¹/₂. Принял Coanda, Romei, Margengo и Лонткевича. Погулял около часа. Погода была мягкая, но целый день шел снег. После чая начал укладывать вещи. Обедал с мама и поиграл с ней в безик.

8-го марта. Среда

Последний день в Могилеве. В 10¹/₄ ч. подписал прощальный приказ по армиям. В 10¹/₂ ч. пошел в дом дежурства, где простился с со всеми чинами штаба и управлений. Дома простился с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к мама в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до 4¹/₂ час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск.

Погода морозная и ветреная.

Тяжело, больно и тоскливо.

9-го марта. Четверг

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в 11¹/₂. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали

в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, к кот[орой] корь недавно началась. Завтракали и обедали в игральной у Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Валею Долг[оруковым] и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе.

10-го марта. Пятница

Спали хорошо. Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все вместе, радует и утешает. Утром принял Бенкендорфа, затем просматривал, приводил в порядок и жег бумаги. Сидел с детьми до 2^{1/2} час. Погулял с Валею Долг[оруковым] в сопровождении тех же двух прапорщиков, они сегодня были любезнее. Хорошо поработали в снегу. Погода стояла солнечная. Вечер провели вместе.

11-го марта. Суббота

Утром принял Бенкендорфа, узнал от него, что мы останемся здесь довольно долго. Это приятное сознание. Продолжал сжигать письма и бумаги. У Анастасии заболели уши,— то же, что было с остальными. От 3 ч. до 4^{1/2} ч. гулял в саду с Валею Д[олгоруковым] и работал в саду. Погода была неприятная, с ветром, при 2° мороза. В 6.45 пошли ко всеобщей в походную церковь. Алексей принял первую ванну. Зашли к Ане и Лили Д[ен] и затем к остальным.

12-го марта. Воскресенье

Началась оттепель. Утром были Бенкендорф и Апраксин; последний покидает Аликс и простился с нами. В 11 час. пошли к обеду. Алексей встал сегодня. Ольге и Татьяне гораздо лучше, а Марии и Анастасии хуже, головная и ушная боль и рвота. Погулял и поработал в саду с Валею Д[олгоруковым]. После чая продолжал приводить бумаги в порядок. Вечером обошли жильцов дома.

13-го марта. Понедельник

Оттепель продолжалась, день был полусерый. Погулял утром полчаса. Все еще возился с старыми делами. У Марии продолжала стоять высокая темп[ература] 40,6, а у Анастасии болели уши. Остальные себя чувствовали хорошо. Погулял также днем и поработал. Вечером сидели у Ани с Лили Д[ен].

14-го марта. Вторник

Серый день и оттепель. Утром погулял с Вале́й Д[олгоруковым] три четверти часа. Теперь — много времени читать для своего удовольствия, хотя достаточное время тоже сижу наверху у детей. У Марии все сильный жар продолжается — 40,6. У Анастасии осложнение с ушами, хотя ей вчера сделали прокол прав[ого] уха. Днем погулял по всему парку.

15-го марта. Среда

Чудный солнечный морозный день. Сделал с Вале́й Д[олгоруковым] и, как всегда теперь, в сопровождении одного из караульных офицеров хорошую прогулку.

У Марии и Анастасии состояние, как вчера, плохо спали и высокая темпера[тура] Марии побила рекорд, т. к. у ней днем было 40,9. Остальные совсем поправились. Днем еще долго гулял и работал.

До обеда читал, а вечером сидели с детьми до 10 ч. и пили чай вдвоем.

16-го марта. Четверг

Ясный морозный день. Утром погулял. Мария и Анастасия в том же положении, лежат в темной комнате и сильно кашляют; у них воспаление легких. Днем гулял и работал. Вечером посидели у Ани и затем у Бенкендорфов.

17-го марта. Пятница

Такой же солнечный день. Погулял от 11 ч. до 11¹/₂ ч. у Марии и Анастасии попеременно подымалась высоко температура, затем опускалась, была также рвота. Днем долго гулял и работал; кончил с Вале́й Д[олгоруковым] дорожку у старой беседки. Вечером зашли к Ане и Лили Ден.

18-го марта. Суббота

Серый день и оттепель; утром во время прогулки падал мокрый снег. У Марии днем было 40,9 и по временам бред, к вечеру у нее опустилось до 39,3, у Анастасии днем 37,8, веч[ером] 39,3. Днем поработал. В 6¹/₂ пошел с Ольгой и Татьяной ко всеобщей. Вечер провели семейно и разошлись на покой рано.

19-го марта. Воскресенье

Лучезарный день. В 11 ч. пошли к обедне с Ольгой, Татьяной и Алексеем. Темп[ература] у Марии и Анастасии

опустилась до нормы, только к вечеру у Марии она несколько поднялась. Вышел на прогулку в 2 часа, гулял, работал и наслаждался погодой. Вернулся домой в 4¹/₂. Сидел долго у детей, а вечером были у Ани и у других жильцов.

20-го марта. Понедельник

У Марии и Анастасии, по-видимому, наступил перелом, темп [ература] держалась нормальная; они слабы и весь день спали, конечно, с перерывами.

Погоулял от 11 час. Сильно таяло. Днем много поработал. Вечером посидели у Ани.

21-го марта. Вторник

Сегодня днем внезапно приехал Керенский, нынешний мин [истр] юстиции, прошел чрез все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти ее в город вместе с Лили Ден. Это случилось между 3 и 4 час., пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению! — Мария и Анастасия спали почти целый день. После обеда спокойно провели вечер вчетвером с О [льгой] и Т [атьяной].

22-го марта. Среда

Ночью была буря, и выпала огромная масса снега. День простоял солнечный и тихий. Ольга и Татьяна вышли в первый раз на воздух и посидели на круглом балконе, пока я гулял. После завтрака долго работал. Младшие много спали и чувствовали себя хорошо. Все время провели вместе.

23-го марта. Четверг

Ясный день после 2 час. и оттепель. Утром погулял недолго. Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию. После завтрака погулял с Ольгой и Татьяной и поработал в саду. Вечер провели, как всегда.

24-го марта. Пятница

Хороший тихий день. Утром погулял. Днем Мария и Анастасия были перевезены в игральную комнату. Успешно поработал с Валей Д [олгуроковым]; теперь почти все до-

рожки вычищены. В 6^{1/2} пошел ко всенощной с О [льгой] и Т [атьяной]. Вечером читал вслух Чехова.

25-го марта. Благовещение

В небывалых условиях провели этот праздник — арестованные в своем доме и без малейшей возможности сообщаться с мама и со своими! В 11 час. пошел к обедне с О [льгой] и Т [атьяной]. После завтрака гулял и работал с ними на островке. Погода была серая. В 6^{1/2} были у всенощной и вернулись с вербами. Анастасия встала и ходила наверху по комнатам.

26-го марта. Вербное воскресенье

Целый день простоял туман. Гулял и работал на острове. Татьяна только выходила. Прибирал книги и вещи. Вечером зашли к жильцам той стороны.

27-го марта. Понедельник

Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говение. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть отдельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия.

Погоулял с Татьяной. Ольга опять слегла, т. к. у нее заболело горло. Остальные себя чувствуют хорошо. В 9.45 спустился к себе, Татьяна посидела со мною до 10^{1/2} ч. Затем почитал, выпил чаю, принял ванну и лег спать на своей тахте!

28-го марта. Вторник

Спал очень хорошо. Погода была теплая, дороги оттого стали уже хуже; погулял. В 11 час. пошли к обедне. У Ольги горло продолжает болеть, темп[ература] дошла до 39,4, так скучно — еще недавно окончилась корь. Гулял и работал на островке с Т [атьяной]. В 6^{1/2} ч. Анастасия пошла с нами к службе. Вечер опять провел с Татьяной и ночевал у себя.

29-го марта. Среда

Хороший теплый день. Встал в 9^{1/2} ч., т. к. спал неважно. Погулял до обедни. Служат у нас в походной церкви о. Афанасий Беляев, за болезнью нашего духовника о. Ва-

сильева, диакон, дьячок и четыре певчих, кот [орые] отлично справляются со своими обязанностями. Жаль, что не все дети могут ходить с нами в церковь! Гулял с Т[атьяной] и долго работал с нею на острове; двое из караульных офицеров тоже помогли нам. После обеда провели вечер до 10 ч. вместе, а затем Татьяна посидела у меня. Лег рано.

30-го марта. Четверг

Дул сильный ветер и днем разогнало тучи. В 10 ч. пошли к обедне, за кот [орой] много наших людей причастилось. Недолго гулял с Татьяной; сегодня происходили похороны «жертв революции» у нас в парке против середины Александровского дворца недалеко от Китайского. Слышны были звуки похоронного марша и марсельезы.

К 5^{1/2} уже все кончилось. В 6 час. пошли к службе 12 Евангелий, о. Беляев молодцом прочел их один. Вечер провел, как все последние.

31-го марта. Пятница

Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 час. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у парома. В 6^{1/2} пошли к службе. Вечером исповедовались у о. Беляева.

1-го апреля. Суббота

Забыл упомянуть, что вчера мы простились с 46 нашими служащими, которых, наконец, выпустили из Александровского дворца к их семьям в Петроград.

Погода была хорошая, с сильным южным ветром.

В 9 час. пошли к обедне и причастились Св. Христовых тайн со свитой и остальными людьми.

Погулял до завтрака. Днем начали ломать лед по-старому у моста с ручейком; работали Татьяна, Валя и Нагорный. Поспал до обеда. Одарили друг друга яичками и фотографиями. В 11^{1/2} пошли к началу полунощницы.

2-го апреля. Светлое Христово воскресенье

Заутреня и обедня окончились в час 40. Разговлялись со всеми в числе 16 челов [ек]. Лег спать не сразу, т. к. плотно поел. Встал около 10 час. День стоял лучезарный, настоящий праздничный. Утром погулял. Перед завтраком христосовался со всеми служащими, а Аликс давала им фарфор [овые] яйца, сохранившиеся из прежних запасов. Всего было 135 чел [овек]. Днем начали работать у моста, но вскоре собра-

лась большая толпа зевак за решеткой — пришлось уйти и скучно провести остальное время в саду. Алексей и Анастасия вышли в первый раз на воздух.

В 7 ч. в игральной комнате наверху была отслужена вечерня. После обеда разошлись в 10 час.; читал. Татьяне вслух у себя. Лег рано.

3-го апреля. Понедельник

Отличный весенний день. В 10 час. погулял с Валею Д [ол-горуковым]. В 11 час. пошел с Т [атьяной] и Ан [астасией] к обедне. После завтрака вышел с ними и Алексеем в парк и все время ломал лед у нашей летней пристани; толпа зевак опять стояла у решетки и от начала до конца упорно наблюдала за нами. Солнце хорошо согревало. После чая разбирали массу полученных прежде открыток. Вечером наверху поиграл с Аликс в «мельницу», а затем у себя почитал Татьяне вслух.

4-го апреля. Вторник

Дивный весенний день — 12° в тени. Утром погулял почти час. Днем продолжали ломать лед, и толпа по-прежнему смотрела из-за решетки с улицы. Начал читать «Историю Византийской империи» Успенского, очень интересная книга. Вечер провел, как последние.

5-го апреля. Среда

Ночью шел дождь, отчего весь снег почти исчез. День простоял серый и прохладный. Спал плохо и встал поздно. Утром погулял. Днем поработал с Алексеем и его штатом на обоих местах. Смотрело на нас немного народу. Воды было очень много, она переливалась через каменные плиты. До обеда читал свою книгу, а вечером Татьяне вслух.

6-го апреля. Четверг

Стало совсем холодно, погода простояла серая. Гулял одновременно с Алексеем, а днем колот лед в шлюзе под мостом и затем у ручейка, при этом неизвестно почему нас всюду сопровождало 6 стрелков кроме офицера!

Вечер провел по обыкновению.

7-го апреля. Пятница

Погода поправилась и потеплела. Долго гулял утром, т. к. было хорошо. Днем с Татьяной и Алексеем на работе. Лица солдат и их развязная выправка произвели на всех отвра-

тительное впечатление. Много читал. С 10¹/₄ веч[ера] у себя внизу.

8-го апреля. Суббота

Тихо справляли 23-ю годовщину нашей помолвки!

Погода простояла весенняя и теплая. Утром долго гулял с Алексеем. Узнали, почему вчерашний караул был такой пакостный: он был весь из состава солдатских депутатов. Зато его сменил хороший караул от запас[ного] бат[алиона] 4-го стрелкового полка. Работали у пристани из-за толпы и наслаждались теплым солнцем. В 6¹/₂ пошли ко всенощной с Т[атьяной], Ан[астасией] и Ал[ексеем]. Вечер провели по-прежнему.

9-го апреля. Воскресенье

Чудный весенний день. Погулял утром полчаса. Ходили к обедне. От 2 час. до 4¹/₂ ч. работали и ломали лед между двумя мостами против середины дома. Читал много после чая. К вечеру собрались тучи, было очень тепло; у Аликс вынули зимние рамы.

10-го апреля. Понедельник

День простоял прохладный.

У Алексея немного заболело горло, его уложили в постель. Ольга еще лежит, а Мария встает на несколько часов. Днем поработал с Татьяной между мостами. Вечер провел по-прежнему.

11-го апреля. Вторник

Опять чудный тихий день.

Погулял от 11 до 12 час.

Днем наконец Аликс вышла с нами на прогулку. Нагорный вез ее в кресле. Она смотрела, как мы работали на льду. Солнце грело прекрасно. Читал до обеда. Аликс заказала всенощную наверху для детей. Просидел у себя внизу с Татьяной до 11 ч.

12-го апреля. Среда

Холодный день с ветром.

Погулял полчаса и затем посидел с детьми, пока Аликс была у обедни. Днем приехал Керенский и отвлек меня от работы на льду. Сначала он говорил с Аликс, а потом со мной. После чая читал.

Вечером посидели наверху, чай пили вместе и спали тоже вместе.

13-го апреля. Четверг

Ночью был мороз до 3°, и день простоял холодный с неприятным ветром. Погулял час с Валею Д[олгоруковым] как всегда утром. Днем с Т[атьяной] и штатом Алексея, но без него самого. До обеда читал, а вечером вслух дочерям до 11 час.

14-го апреля. Пятница

Температура воздуха зимняя, вместо дождя временами шел мокрый снег. Погулял $\frac{3}{4}$ часа. Днем на прогулку никто из дочерей не вышли, боясь простуды. После чая рассматривал свои сапоги и отбирал старые и негодные. Вечером начал вслух дочерям книгу С. Doyle «The valley of the fear».

15-го апреля. Суббота

Холодный день, но немного лучше и без снега. Погулял и почитал много. Днем вышел с Татьяной. Под конец нашей работы свободные стрелки из караульного помещения подошли к нам и смотрели с любопытством, как мы вытаскивали льдины! В 6 $\frac{1}{2}$ пошли ко всенощной. Вечером читал вслух ту же книгу.

16-го апреля. Воскресенье

Ночью мороз дошел до 3°. Кроме того, дул холодный ветер. В 11 ч. пошли к обедне. Гулял с Татьяной. Читал до обеда у себя и вечером детям.

17-го апреля. Понедельник

Невольно вспомнился праздник 1-го и 2-го стрелковых полков; но никакие гласы человеческие и трубные не огласили сегодня стены Большого двorca.

Во [время] утренней прогулки думал об этом. С 12 час. до завтрака дал Алексею урок географии. Гулял и работал с Татьяной, погода была ясная и потеплее. Вечер провели, как вчера.

18-го апреля. Вторник

За границей сегодня 1-е мая, поэтому наши болваны решили отпраздновать этот день шествиями по улицам с хорами музыки и красными флагами. Очевидно, они вошли к нам в парк и принесли венки на могилу!

Погода как раз испортилась ко времени этого чествования — пошел густой мокрый снег! Вышел погулять в 3 $\frac{3}{4}$,

когда все кончилось и выглянуло солнышко. Поработал полтора часа с Татьяной.

Вечером начал читать вслух детям «A Millionnaire girl».

19-го апреля. Среда

Погода была такая же, как вчера, но немного теплее. От 12 час. до завтрака сидел с Алексеем на уроке из русской истории. Днем погулял с ним и Татьяной. В первый раз все семейство обедало за одним столом — Ольга и Мария последними выздоровели.

20-го апреля. Четверг

Необычайная осенняя погода продолжается; то появляется солнце, то идет густой снег и при этом дует сильнейший ветер. Утром от 10 ч. до 11 час. давал урок географии Алексею. Потом погулял. Днем работали на льду. Видел спящего часового, сидящего на скамейке, закутавшись в свой тулуп! До обеда и после читал долго.

21-го апреля. Пятница

Погода немного потеплела и выдержала в смысле отсутствия осадков. Прогулялся с Алексеем на «детском острове» и затем занимался с ним русской историей.

Днем вышла гулять также Анастасия на полтора [часа]; усиленно работали на льду между мостами. До обеда читал «Ист[орию] Визант[ийской] имп[ерии]», а вечером наверху вслух.

22-го апреля. Суббота

Отличный весенний день. Погулял с Алексеем от 11 ч. до 12 ч.; он играл на острове, а стрелки стояли на другой стороне в саду и смотрели. Днем работали на прежнем месте. Солнце хорошо припекало. В 6¹/₂ пошли всей семьей ко всеобщей. До обеда Аликс получила от «арестованных» скромные подарки, по удачному выражению Марии. Вечером читал вслух.

23-го апреля. Воскресенье

Чудная погода выдалась для именин дорогой Аликс. Перед обедней дамы и господя, живущие во дворце, а также наши люди принесли поздравление. Завтракали, как всегда, наверху. В 2 часа вышли в сад всей семьей. Работали на пруду вокруг «детского» острова; разбили и разогнали

весь лед. Вернулись домой в 4¹/₂ часа. Читал у себя до обеда и вечером вслух. С 9 час. пошел дождь.

24-го апреля. Понедельник

За ночь снова похолодело, день простоял шквалистый с солнцем и мокрым снегом. Утром погулял, пока Алексей играл на острове. Затем имел с ним урок географии. Днем поработали на прудах, лед со вчерашнего успешно стаял. Вечер провели, как всегда.

25-го апреля. Вторник

Снова совсем осенняя погода.

Утром погулял, пока Алексей играл на островке. Только что мы вернулись, пошел густой снег и покрыл все белым покровом. Днем вышли на прогулку в 3 ч. и через час пошли домой. Окончил чтение интересной «Истории Византийской империи» Успенского — 870 крупных страниц.

После обеда по обыкновению делали puzzle и затем читал вслух дочерям до 11 час.

26-го апреля. Среда

Погода была холодная, но сухая. Около 3 час. вышло солнце. После прогулки занимался с Алексеем историей, проходили княжение св. Владимира. Днем с Татьяной, Марией и Анастасией пропихивали большие льдины от шлюза до конца под обоими мостами. До обеда начал читать книгу Кассо «Россия на Дунае».

27-го апреля. Четверг

День рождения дорогого Георгия¹⁷. Погода слегка улучшилась. Утром погулял подольше после урока географии с Алексеем. Завтракала Е. А. Нарышкина. От 2¹/₂ до 4¹/₂ гуляли и ломали последние льдины там же.

До обеда читал у себя, а вечером наверху вслух.

28-го апреля. Пятница

День простоял хороший, солнечный. Погулял между 11 ч. и 12 ч. и имел урок истории с Алексеем.

Днем гуляли и приступили к работам по устройству огорода в садике против окон мама. Т [атьяна], М [ария], Анаст [асия] и Валя [Долгоруков] деятельно перекапывали землю, а комендант и караульные офицеры смотрели и давали иногда советы. Вечером окончил «A Millionnaire girl».

29-го апреля. Суббота

Та же хорошая ясная погода. Погулял. Днем вышли в сад всей семьей; Аликс в кресле на лужайке смотрела на нашу работу по перекопке земли. В 6^{1/2} пошли ко все-нощной. Последние дни обедаем без электр[ического] освещения наверху, т. к. вечера стали светлые. Начал вслух книгу S. Holmes «The hound of the Baskervilles»¹⁸.

30-го апреля. Воскресенье

Отличная погода. Погулял до обедни. В 2 часа все мы вышли в сад и много наших людей, желающих поработать. Все с большим усердием и даже с радостью принялись за копанье земли и незаметно проработали до 5 ч. Погода была насладительная. Читал до и после обеда.

1-го мая. Понедельник

Чудный теплый день. Утром хорошо погулял. От 12 час. был урок географии с Алékсеем. Днем опять работали над нашим огородом. Солнце здорово пекло, но работа успешно подвигается. Читал до обеда и вечером вслух.

Вчера узнали об уходе ген. Корнилова с должности главнокоманд[ующего] Петрогр[адским] воен[ным] окр[угом], а сегодня вечером об отставке Гучкова, все по той же причине безответственного вмешательства в распоряжения военной властью Сов[ета] Рабоч[их] Депутатов и еще каких-то организаций гораздо левее.

Что готовит провидение бедной России? Да будет воля Божья над нами!¹⁹

2-го мая. Вторник

Серый теплый день. Погулял. Окончил чтение книги Кас-со «Россия на Дунае» и начал многотомное сочинение Куропаткина «Задачи русской армии». Днем работали на огороде, около половины сделано. Под конец пошел дождичек. Вечер провели по обыкновению.

3-го мая. Среда

У Алексея болела рука, и он пролежал целый день. С утра до вечера лил дождь, очень полезный для появляющейся растительности. Немного погулял утром и днем — с Марией и Анастасией. Много читал. Вечером окончил англ[ийскую] книгу вслух.

4-го мая. Четверг

Погода стала ясная, но прохладная. Рука у Алексея не

болела, занятий не было, т. к. он остался лежать. После утренней прогулки читал много. Днем все вышли в сад, опять происходила общая работа по огороду. Вечером начал читать вслух «Le mystère de la chambre jaune».

5-го мая. Пятница

После утренней прогулки занимался с Алексеем историей. Рука его прошла, и он встал после завтрака. Продолжали работу в саду; Аликс вышла на час. В 6¹/₂ пошли ко всеобщей. До обеда получил подарки. Читал дочерям вслух.

6-го мая. Суббота

Мне минуло 49 лет. Недалеко и до полсотни! Мысли особенно стремились к дорогой мама. Тяжело не быть в состоянии даже переписываться. Ничего не знаю о ней кроме глупых или противных статей в газетах. День прошел по воскресному: обедня, завтрак наверху, puzzle! Дружная работа на огороде, начали копать грядки, после чая всеобщая, обед и вечернее чтение — гораздо больше с милой семьей, чем в обычные года.

7-го мая. Воскресенье

Холодная ветреная погода со снежными шквалами. В 11 час. пошли к обедне. Погулял днем с Татьяной, Марией и Анастасией, пока Алексей играл на острове. До и после чая начитывался всласть. К вечеру погода окончательно повернула на зиму — выпал снег при 2° мороза.

8-го мая. Понедельник

Утром все оказалось покрытым снегом. Дул холодный ветер, и гулять было неприятно. От 12 ч. занимался с Алексеем географией. К 2 часам вышло солнце, стало теплее и стихло. Гулял с детьми и сидел с ними на острове. Видел коменданта Ц. Села полковн. Кобылинского, кот [орый] гулял с дворцов [ым] комендантом подполк. Коровиченко. Вечер прошел по обыкновению.

9-го мая. Вторник

Очень хороший солнечный день. Погулял почти час с Алексеем. Днем усиленно работали на огороде; копать грядки было тяжело из-за сырости земли после снега. Читал с интересом куропаткинскую книгу до обеда, а вечером франц [узскую] вслух дочерям.

10-го мая. Среда

Отличный теплый день. Пробыл час на воздухе с Алексеем, а потом занимался с ним историей. Днем все были в саду, работали на огороде и начали сажать некоторые овощи. В 6¹/₂ были у всеобщей. Вечером окончил франц[узскую] книгу.

11-го мая. Вознесение Господне

Чудный летний день. Погулял недолго с Валею до обедни. После завтрака зашел с Аликс к Е. А. Нарышкиной, которая больна, по-видимому, воспалением легкого. Работали на огороде и потели страшно. Читал до 7¹/₄ и затем в первый раз с дочерьми покатался на велосипеде. Было очень приятно подышать еще вечерним воздухом.

12-го мая. Пятница

Погулял с Алексеем чудным утром. Пошли посмотреть работу по складыванию досчатого «ground» для нашего тенниса на прежнем месте. Перед завтраком с Алексеем занимался историей. В 2¹/₂ ч. вышли в сад. Помог с другими копать грядки на огороде двух из наших людей впереди 1-го и 4-го подъездов, затем вернулся в садик и продолжал работу на нашем огороде.

Погода сделалась серая и прохладная. Утром перевезли в санитарном моторе в Большой дворец Е. А. Нарышкину, по ее просьбе, для возможности чаще видеть своих родных.

13-го мая. Суббота

Солнечный день с прохладным бризом. Погулял час с Алексеем. Днем хорошо поработали в саду. Видел, как привезли байдарки и шлюпку к нам на пруд. Татьяна и Алексей воспользовались и покатались. В 6¹/₂ час. пошли ко всеобщей. Вечером читал вслех книгу «Le parfum de la dame en noir», которую начал 11-го мая.

14-го мая. Воскресенье

В другой обстановке провели мы 21-ю годовщину коронации!

Погода была отличная — 15° в тени. До обедни погулял с Алексеем. Днем от 2 час. до 4¹/₂ час. провели в саду; катался на байдарке, в шлюпке, поработал на огороде, где готовятся новые грядки, и еще на острове. После чая читал и вечером также.

15-го мая. Понедельник

Ясный и очень теплый день. После прогулки имел с Алексеем урок географии. Вышли в сад в 2^{1/4}, работал все время с другими на огороде; Аликс и дочери сажали разные овощи на готовых грядках. В 5 час. возвратились домой потные. После чая читал. В 7^{1/2} вышел с Татьяной, Марией и Анастасией и покатался на велосипедах до 7.45. Вечер провели как всегда.

16-го мая. Вторник

Дивный летний день; после полдня в тени было 20°. Погулял час утром, пока Алексей играл на остр [ове]. Кончил первый том «Задачи русской армии» Куропаткина и начал второй. От 2^{1/4} до 5 час. в буквальном смысле работали в саду в поте лица на огороде.

Караул от запасного бат. 2-го стр. Царскос[ельского] полка (прап. Беляковский) вел себя как следует, ни один стрелок не шлялся по саду, и выправка часовых была приличная. Перед обедом с наслаждением покатались на велосипедах.

17-го мая. Среда

Великолепный жаркий день — 20° в тени, на солнце 33°, при легком южном ветре. Погулял более часа с Алексеем и затем занимался с ним историей. Днем гуляли, работали, катались на пруде и сидели на берегу его. До обеда покатался с дочерьми на самокатах. Около 9^{1/2} нашли тучи и пролили на землю необходимую ей живительную влагу.

18-го мая. Четверг

Такой же чудный день, немного посвежее после вчерашнего дождя. Очень позеленело все в парке. Воздух был великолепный на прогулке, после урока географии Алексею. Днем опять усиленно работали по уборке дерна и по устройстве новых грядок. До обеда покатались на велосип[едах]. Вечер сделался совсем прохладный — 9°.

19-го мая. Пятница

Утром было много туч, но к 11 час. вышло солнце, и погода сделалась ясная и сразу теплая. После прогулки занимался с Алекс[еем] историей. Днем усердно копал с другими грядки, которых у нас всего теперь 65. Караул от 2-го стр. полка был опять распушенный и офицеры неважные! До обеда поехали на велосипедах.

20-го мая. Суббота

Идеальный жаркий день, но без духоты. Погулял час с четвертью утром с Алексеем. Днем работал с другими на огороде и отдыхал, катаясь в байдарке. В 6¹/₂ пошли ко всеобщей. Аромат из сада был удивительный, когда си-дишь у окна.

Вчера начал читать вслух «Le fauteuil hanté».

21-го мая. Троицын день

Чудесная погода без единого облачка на небе. Погулял с Алексеем до 10 час. В 10¹/₂ началась обедня, и затем была вечерня, кот[орая] окончилась в 12¹/₄. Днем находились в саду три часа. Перепиливал поваленное в саду дерево на дрова, катался в байдарке и на велосипеде. Читал до 7¹/₂ и немного погулял с дочерьми до обеда.

22-го мая. Духов день

Теплый серый день. Пошел гулять до 11 час. с Ольгой, Анастасией и Алексеем. Завтракали в 12 ч. Днем провели три часа в саду, на острове и на пруде. Под конец начался дождь, кот[орый] продолжался до 8 час. Аромат в окна влезал удивительный.

Сегодня годовщина начала наступления армий юго-западного фронта! Какое тогда было настроение и какое теперь!

23-го мая. Вторник

Тоже серый день; только к вечеру показалось солнце. Днем спилил с моими людьми три сухих дерева — березу на острове и две больших ели подальше в парке. Перед обедом покатался на велосип[еде] с дочерьми. Вечер был чудный.

24-го мая. Среда.

Теплый день с проходящими дождями. Утром гулял с Алексеем. До завтрака занимался с ним историей. Распиливали на части одну из вчерашних елей. Вернулись домой пораньше из-за дождя. В 6¹/₂ пошли ко всеобщей. Перед обедом Аликс получила наши скромные подарки.

25-го мая. Четверг

День рождения моей дорогой Аликс. Да ниспошлет ей Господь здоровье и душевное спокойствие!

Перед обедней все жильцы дома принесли свои поздрав-

ления. Завтракали наверху по обыкновению. Днем Аликс вышла с нами в сад. Рубил и пилил в парке. В 7^{1/2} покатался с дочерьми на велосип[еде]. Погода была хорошая. Вечером начал читать вслух «Le comte de Monte-Christo».

26-го мая. Пятница

Как раз приехавший к часу прогулки новый главноком[андующий] Петр[оградским военным] округом ген. Половцев задержал выход Алексея и мой в сад на 20 мин. Погода была чудная. В 3^{1/4} все мы отправились на прогулку; спилили еще два дерева с короедом. Покатались в байдарке, а вечером на велосипеде.

27-го мая. Суббота

Забыл упомянуть вчера, что после нашего обеда Коровиченко попросил зайти, чтобы проститься, и привел с собой своего преемника — коменданта Ц[арско]-С[ельского] гарнизона полк. Кобылинского. Никто из нас не жалеет об его уходе, и, напротив, все рады назначению второго. День простоял чудный. Утром погулял дальше в парк, искал еще сухих деревьев. Днем много рубил и пилил. Катался в шлюпке с детьми. В 6^{1/2} пошли ко всенощной. Вечером читал вслух.

28-го мая. Воскресенье

До обедни погулял с Татьяной, Марией и Анастасией; погода стояла дивная. Днем вышли в 2 часа. Отправился с теми же дочерьми на работу в лесу. Аликс, как всегда, сидела у воды против «дет[ского] острова», на кот[ором] играл Алексей. После 4 ч. вернулся сюда и покатался в байдарке. В 7^{1/2} на велосипедах. Перед обедом Татьяна получила подарки.

29-го мая. Понедельник

Дорогой Татьяне минуло 20 лет. Утром долго гулял со всеми детьми. В 12 ч. был молебен. Днем провели три часа в саду, из кот[орых] я работал два часа в лесу. Потом покатался в шлюпке. День был превосходный. До обеда погуляли еще и побывали на огороде. Вечером читал вслух как всегда.

30-го мая. Вторник

Простоял отличный, но более прохладный день. Погулял от 11 до 12 час., пока Алексей играл на острове. После

завтрака вышли в сад в 2 ч. Со мною работали, пилили и рубили дрова постоянные: Валя Д., Волков, камер [динер] Аликс, Тетерятников, Мартышкин, Корнеев, и сегодня прибавился пожарный. Присутствовали и переносили дрова: Т [атьяна], М [ария] и Ан [астасия], два офицера и четыре стрелка 1-го бат.

Вернулись к чаю домой в 5 час. До обеда еще погуляли полчаса внутри «кольца».

31-го мая. Среда

Такой же день — безоблачный и теплый. Погулял с Алексеем и затем занимался с ним географией. Днем была успешная работа около дорожки, пройдя теннис; срубили пять сухих елей и распилили их всех на дрова. После чая распечатал с Бенкендорфом шкафчик в кабинете папа и просмотрел все находящиеся там бумаги и вещи. До обеда погулял с дочерьми. Вечером начал читать второй том «Le comte de Monte-Christo».

1-го июня. Четверг

Чудесный очень теплый день. От 10 час. занимался с Алексеем историей, затем сделал хорошую прогулку по парку. После завтрака спилили огромную ель около вчерашнего места. Было очень жарко работать, и мухи сильно надоедали. До обеда тоже погуляли.

2-го июня. Пятница

Утром также погулял внутри парка, где так хорошо и густо. До завтрака имел урок с Алекс [еем]. Днем Аликс присутствовала при нашей работе на вчераш [нем] месте; окончили распилку всего дерева. Покатался в байдарке. После полуторачасового чтения погулял в саду с О [льгой], Мар [ией] и Ан [астасией]. Погода была поразительна.

3-го июня. Суббота

После утреннего чая неожиданно приехал Керенский на моторе из города. Остался у меня недолго: попросил послать следственной комиссии какие-либо бумаги или письма, имеющие отношение до внутренней политики. После прогулки и до завтрака помогал Коровиченко в разборе этих бумаг. Днем он продолжал это вместе с Кобылинским. Допиливал стволы деревьев первого места. В это время произошел рещё с винтовкой Алексея; он играл с ней на острове; стрелки, гулявшие в саду, увидели ее и попросили

офицера взять ее и унесли в караул [ьное] помещение. По том, оказалось, ее отослали почему-то в ратушу!

Хороши офицеры, кот [орые] не осмелились отказать ниж [ним] чинам!

Были у всенощной. Вечер — по обыкновению.

4-го июня. Воскресенье

Дивный жаркий день с ветром. До обедни погулял с дочерьми. В первый раз заступил в караул 3-й стрелк. зап. баталион. Разница огромная с прочими. Днем допиливали недоконченные уже сваленные деревья. Покатался в байдарке. До обеда обычная прогулочка.

5-го июня. Понедельник

Сегодня милой Анастасии минуло 16 лет. Погулял со всеми детьми до 12 час. Пошли к молебну. Днем спилили две большие ели на скрещивании трех дорог около арсенала. Жара была колоссальная, солнце красноватое, в воздухе пахло гарью — вероятно, от горящего где-нибудь торфа. Покатался немного в шлюпке. Вечером погуляли до 8 час. Начал 3-й том «Le comte de Monte-Christo».

6-го июня. Вторник

Сегодня Керенский сделал смотр всем запасным стрелк [овым] бат [альонам]. К нам он не заезжал.

Днем спилили большую высохшую ель, рядом со вчерашним местом, и другую на «детском острове». Погода была идеальная.

7-го июня. Среда

Очень жаркий день и очень сильный запах гари. Утром погуляли внутри парка. После завтрака спилили три сухих дерева все в тех же местах около арсенала. Покатался в байдарке, пока люди купались в конце пруда. Караульн [ым] нач [альником] был общий нелюбимец прап. Шумович 2-го стр. п [олка].

8-го июня. Четверг

Самый жаркий день до сих пор — 24° в тени.

Перед утренней прогулкой занимался с Алексеем историей. Днем, несмотря на тропическую жару, распилили две ели. Снова был отличный караул от зап. бат. 3-го стрелк. полка. Пил чай запоем после работы. Как всегда, читал до вечерней прогулки, а вечером вслух.

9-го июня. Пятница

Ровно три месяца, что я приехал из Могилева и что мы сидим, как заключенные. Тяжело быть без известий от дорогой мама, а в остальном мне безразлично. Сегодня день еще жарче — 25° в тени, на солнце 36° . Опять сильно пахло гарью. После²⁰ прогулки занимался с Алексеем историей в моем новом кабинете, т. к. в нем прохладнее. Хорошо поработали на том же месте. Аликс не выходила. До обеда погуляли впятером.

10-го июня. Суббота

Ночью и днем до 3 час. жара и духота продолжалась. Утром сделал большую прогулку. Завтракали, как вчера, в детской столовой. Днем работали на том же месте. В стороне прошла гроза, было несколько капель дождя. К счастью, сделалось прохладнее. В $6\frac{1}{2}$ пошли ко всенощной. Вечером около 11 ч. раздался выстрел в саду, через $\frac{1}{4}$ часа кар [аульный] нач [альник] попросил войти и объяснил, что часовой выстрелил, т. к. ему показалось, что из окна дет [ской] спальни производят сигнализацию красною лампою. Осмотрев расположение электр [ического] света и увидя движения Анастасией своей головой, сидя у окна, один из вошедших с ним унт.-оф [ицеров] догадался, в чем дело, и они, извинившись, удалились.

11-го июня. Воскресенье

Вчера Тетерятников сменился, вместо него прибыл Чемоуров. Утром погулял с детьми. В 11 ч. пошли к обедне. День стоял прохладный сравнительно — 17° в тени. Пилить и рубить было совсем легко. Обработали еще две сухие ели. Покатался в байдарке, пока Алексей купался в пруду. До обеда сделали обычную прогулку.

12-го июня. Понедельник

После приятной прохладной ночи день наступил жаркий. Утром хорошо погулял с Валею. Занимался географией с Алексеем. Днем копали большую грядку на нашем огороде, после чего отдыхал в байдарке. Во время обеда прошла гроза с освежительным ливнем.

13-го июня. Вторник

Простоял чудный день с проходящими тучами. Утром хорошо погулял. У Аликс уже несколько дней болит шея, и поэтому она не выходит в сад. Сегодня спилили четыре

сухих дерева и разделали их под дрова. После чая читал в новом кабинете. До обеда Мария получила подарки.

14-го июня. Среда

Дорогой Марии сегодня 18 лет! Утром погулял со всеми детьми по всему парку. Погода была прекрасная. В 12 час. пошли к молебну. Днем Аликс вышла с нами. Работали в парке недалеко; спилили три больших дерева. После чая кончил чтение труда Куропаткина «Задачи русской армии», очень меня заинтересовавший. Начал франц [узскую] книгу «La maison des hommes vivants».

15-го июня. Четверг

Жаркий ясный день. Сделал утреннюю большую прогулку. Занимался с Алексеем географией. Аликс осталась дома. Пилили и рубили на том же месте, свалили крупную ель у маленькой дорожки. Принял освежительную ванну до чая. Погуляли перед обедом. Вечером начал читать вслух 5-ю часть «Comte Monte-Christo».

Бенкендорф, Валя Д. и обе фрейлины получили уведомление об увольнении их от службы.

16-го июня. Пятница

Утро было серое и душное, днем показалось солнце. После прогулки был на уроке истории у Алексея. Теперь караул от зап. бат. 3-го стр. полка входит в общую очередь с другими и продолжает выделяться от прочих. Днем работали немного дальше вчерашнего места, но влево от дороги. Срубили две старые березы.

Окончил «La maison des hommes vivants».

17-го июня. Суббота

Сделал утром обычную прогулку по всему парку, жара стояла необычайная. Начал читать «Юлиан» Мережковско-го. Днем разработали еще две грядки перед мраморной вазой в самой середине огорода. Покатался в байдарке. Купался в ванне перед чаем. В 6¹/₂ час. всенощная. Вокруг ходили тучи, даже слышен был гром, во время завтрака шел дождь в течение десяти минут.

18-го июня. Воскресенье

Ночью еще был дождь, ожививший воздух. День настал отличный. Погуляли до обедни. В 2 часа пошли в парк за

хорошей землей и затем работали на огороде. Перед обедом помогали садовнику в поливке грядок. К вечеру температура [ура] опустилась до 9°. Дышалось легко.

19-го июня. Понедельник

Погода была и сравнительно прохладная. День прошел как всегда. Перед самым обедом пришла добрая весть о начавшемся наступлении на юго-западном фронте. На Золочовском направлении, после двухдневного артиллерийского огня, наши войска прорвали неприятельские позиции и взяли в плен около 170 офицеров и 10000 чел., 6 орудий и пулеметов 24. Благодарение Господу! Дай Бог в добрый час! Совсем иначе себя чувствовал после этой радостной вести.

20-го июня. Вторник

За вчерашний день бой протекал успешно: всего за два дня нашими войсками взято 18600 чел. пленных. Перед завтраком в походной церкви был отслужен благодарственный молебен.

Днем спилили четыре сухих дерева за теннисом и затем недолго поработали на огороде до 4^{1/2}. Весь день погода хмурилась, и с 4 ч. пошел благодетельный дождь. Читал все время до обеда.

21-го июня. Среда

Дождь окончился как раз перед утренней прогулкой, а к 3 часам погода окончательно поправилась.

До завтрака занимался с Алекс[еем] историей. Во время работы в парке Аликс присутствовала в своем кресле. Окончил чтение «Юлиана», понравившееся мне.

До обеда погуляли. Вечером начал вслух 6-ю книгу «Comte de Monte-Christo».

22-го июня. Четверг

Чудный день с освежительным ветром. От 10 до 11 час. занимался с Алексеем географией. Гулял. Начал вторую часть трилогии Мережк[овского] «Христос и Антихрист» — «Леонардо да Винчи». Днем все были на работе в парке против арсенала. Срубили и распилили громадную ель. Вечером, т. е. до 8 час., поливали огород.

23-го июня. Пятница

Хороший прохладный день. Сделал большую прогулку.

У Алексея был урок истории. Днем работали на том же месте. Срубили еще две ели. Прошел небольшой дождь. После чая читал до самого обеда.

24-го июня. Суббота

Дождливый день и холодный. Утром не выходил. В 3 часа пошел гулять с детьми вокруг парка в сопровождении стрелков 3-го полка. Несколько из них косило с нашими людьми около дворца. В 6¹/₂ пошли ко всенощной.

Вечером читал вслух.

25-го июня. Воскресенье

Утром вышел с Алексеем. Погода была прохладная. Были у обедни. Пошли гулять в 2 часа. Несколько кратких дождей не промочили нас. Срубили и распилили одну ель. Смотрели, как наши люди косили траву. Посидели на огороде и вернулись домой в свое время. Читал много до обеда.

26-го июня. Понедельник

День стоял великолепный. Наш хороший комендант полк. Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решетки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончал чтение «Le Comte de Monte-Christo».

27-го июня. Вторник

Забыл записать, что 26-го июня наши войска произвели новый прорыв и захватили: 131 офицера, 7000 нижн. чин. и 48 орудий, из них 12 тяжелых. Утром вышли все дочери, чтобы собирать скошенную траву. Сделал свою обычную прогулку.

Днем работали на вчерашнем месте. Срубили и распилили две ели. До обеда провели полчаса на огороде. Вечером начал вслух «Arsene Lupin conte Sherlock Holmes».

28-го июня. Среда

Вчера был взят нами Галич и 3000 пленных и около 30 орудий.

Слава Богу!

Погода стояла серая и теплая, с ветром. После прогулки

имел урок истории с Алексеем. Работали там же; спилили три ели. От чая до обеда читал.

29-го июня. Четверг

Простоял чудный день. В 11 час. пошли к обедне; Алексей простоял ее в алтаре. Гуляли с 2 ч. до 4^{1/2} ч. Работали там же, окончили вчерашнюю ель и спилили другую. Покатался с Татьяной в байдарке. До чая покупался в ванне. Перед обедом были на огороде.

30-го июня. Пятница

Отличный жаркий день с сильным дымом от горящего торфа. Во время прогулки зашел с Валею в Китайский театр и осмотрел его внутри. У Алексея был урок истории. Работали на том же месте. Срубили три дерева. К ночи переставили все часы на один час вперед!

1-го июля. Суббота

День простоял превосходный. Обошел весь парк, пока дети собирали сено и возились с копнами. Работа днем происходила около прежнего места. Находим рядом все новые сухие деревья или поваленные бурей весною 1914 года, скрытые кустами и высокою травой. В 6^{1/2} ч. пошли ко всенощной. Поздно вечером пошел дождь.

2-го июля. Воскресенье

Очень теплый серый день. Встал поздно и почитал до обедни. В 2 часа вышли в сад; сперва обошел парк с Татьяной и Анаст[асией] и затем распилили самое первое наше дерево в садике около беседки. Подчистили некоторые кусты от сухостоя и гнили. В это время другие оканчивали косить лужайки в том же саду. До обеда читал и окончил «Леонардо». После еды Алексей показывал свой кинематограф очень удачно. Вечером начал вслух «L'homme a l'oreille cassée».

3-го июля. Понедельник

Душный тепличный день с облаками; но дождь прошел только во время обеда. Утром гулял, а днем свалили крупную сосну там же около решетки.— Все четыре дочери сбрили себе волосы, так как после кори они сильно лезли.

4-го июля. Вторник

Начал вчера третью часть трилогии Мережковского «Петр».

Утром гуляли под теплым проливным дождем. Днем работали там же и окончили разделку сосны. Вечером опять начался дождь.

5-го июля. Среда

Все утро шел дождь, а к 2 часам погода поправилась; к вечеру стало прохладнее. День провели как всегда. В Петрограде эти дни происходили беспорядки со стрельбою. Из Кронштадта вчера прибыло туда много солдат и матросов, чтобы идти против Временного Прав[ительств]а! Неразбериха полная. А где те люди, которые могли бы взять это движение в руки и прекратить раздоры и кровопролитие? Семя всего зла в самом Петрограде, а не во всей России.

6-го июля. Четверг

К счастью, подавляющее количество войск в Петрограде осталось верно своему долгу, и порядок снова восстановлен на улицах.

Погода была чудная. Сделал хорошую прогулку с Татьяной и Валею. Днем успешно поработали в лесу — срубили и распилили четыре ели. Вечером начал: «Tartarin de Tarascon».

7-го июля. Пятница

Гулял утром с Марией, Валею и целым конвоем от караула 3-го стрелк. полка. Накрапывал дождь. К 2 час. погода поправилась, но было душно. Работали там же, только вдоль маленькой дорожки. Вечером клеил фотографии из жизни «под арестом» в свой альбом.

8-го июля. Суббота

Хороший жаркий день. Обошел парк с Татьяной и Марией. Днем работали в тех же местах. И вчера и сегодня караулы были исправны в несении службы и отсутствием шатания по саду во время нашей прогулки — от 4-го стр. и 1-го стр. полков. В составе правит[ельств]а совершились перемены; кн. Львов ушел и председателем Сов[ета] Мин[истров] будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским мин[истром] и взяв в управление еще мин[истерство] торг[овли] и пром[ышленности].

Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше.

9-го июля. Воскресенье

Солнечный день с прохладным ветром. Погулял до обеда. Вышли в 2 часа. Работали в двух местах, под конец на вчерашнем месте срубили три ели; сложили дрова на просеке. Вечером Алексей показывал свой кинематограф. Окончил вслух: «Tartarin de Tarascon».

10-го июля. Понедельник

Погода была полуясная, приятная, без жары. Сделал утреннюю прогулку по всему парку. Днем срубили четыре сухие ели там же и разделали все на дрова. Вернулись домой ровно в 5 час. Читал много. Перед обедом Ольга получила подарки. Вечером начал вслух: «Tartarin sur les Alpes».

11-го июля. Вторник

Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Ц. Села к беспокойной столице.

По случаю именин Ольги пошли к молебну. После завтрака хорошо поработали там же; срубили две ели — подходим к седьмому десятку распиленных деревьев. Кончил читать 3-ю часть трилогии Мережковского «Петр»; хорошо написано, но производит тяжелое впечатление.

12-го июля. Среда

День был ветреный и холодный — 10° только. Погулял со всеми дочерьми. Днем работали там же. Распилили четыре дерева. Все мы думали и говорили о предстоящей поездке; странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!

13-го июля. Четверг

За последние дни нехорошие сведения идут с юго-западного фронта. После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в южной Галиции, что может заставить весь юго-запад [ный] фронт отойти на восток.

Просто позор и отчаяние! Сегодня наконец объявление

Врем [енным] Правит [ельство]м, что на театре воен [ных] действий вводится смертная казнь против лиц, избличенных в государ [ственной] измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

День простоял серый, теплый. Работали там же по сторонам просеки. Срубили три и распилили два поваленных дерева. Потихоньку начинаю прибирать вещи и книги.

14-го июля. Пятница.

Немного теплее, но без солнца. Утром по обыкновению хорошо погулял с дочерьми. После завтрака работали рядом вдоль просеки к арсеналу. Срубили три ели и распилили еще одну, лежавшую в траве. Разбирал свои книги и читал. Вечером окончил вслух: «Tartarin sur les Alpes».

15-го июля. Суббота

Более теплый день. Утром обошел весь парк с О [льгой], Т [атьяной], М [арией], А [настасией], пока Алексей играл около огорода. С нами гулял только офицер 3-го стр. п [олка]. Сегодня срубили семь деревьев около маленькой дорожки. Работали дружно. В 6¹/₂ пошли ко всенощной. Вечером наклеивал фотографии в свой альбом. Начал вслух: «The luck of the Vails».

16-го июля. Воскресенье

Утро было серое, но погода теплая. По окончании обедни, по своему обыкновению, о. Беляев сказал замечательно правдивое слово о переживаемом времени. Днем работали там же. Разделали вчерашние четыре и свалили еще четыре ели в одну кучу. До обеда погулял с Т [атьяной] и М [арией]. Вечер стоял прелестный.

17-го июля. Понедельник

Настала чудная жаркая погода. Хорошо погулял с Татьяной. Караул от 1-го стр. п [олка] был в порядке, также караул от 2-го стр., сменивший его сегодня. Распилили вчерашние четыре ели на самой дорожке. Работать было жарко. Выкупался в ванне до чая. Просматривал старые альбомы наверху в новом кабинете.

18-го июля. Вторник

Простояла дивная погода с темно-голубым небом. Запах лип в цвету, ласкающий обоняние. Утром хорошо погулял. Днем поработали справа от дорожки близ вчерашнего

места. Повалили четыре сухие ели, но разделали на дрова только две, т. к. они очень крупные, да и солнце жарило здорово. До чая выкупался.

19-го июля. Среда

Три года тому назад Германия объявила нам войну; кажется, целая жизнь пережита за эти три года! Господи, помоги и спаси Россию!²¹

Было очень жарко. Погулял с Т[атьяной], М[арией] и А[настасией]. Опять целый конвой от караула 3-го стр. полка. Работали на том же месте. Свалили четыре дерева и окончили поваленные вчера ели. Теперь читаю роман Межковского: «Александр I».

20-го июля. Четверг

Ночью шел живительный дождь. Утро было туманное. Во время прогулки зашел с дочерьми и Валею в арсенал, где осмотрели нижний этаж, т. к. верхний оказался заперт. После завтрака прошел короткий дождь. Работали там же; распилили две вчерашние толстые ели.

Все мы истекали потом.

Дочери получили в первый раз письмо от Ольги²² из Крыма.

21-го июля. Пятница

Идеальный день простоял с утра; а также чудная лунная ночь. Утром почему-то поджидал Керенского, хочется наконец [знать], куда и когда мы отправимся? Совершили обычную прогулку от 11 ч. до 12 ч. Опять работали там же и окончили четыре лежавшие деревья. После чая окончил 1-й том «Александра I».

Перед обедом Мария получила подарки.

22-го июля. Суббота

Именины дорогой мама и нашей Марии. Погода была восхитительная и жаркая. Днем работали; срубили три больших дерева и перепилили их и еще два старых — лежавших давно. Потели жестоко. В 6 час. пошли к молебну и всенощной. Читал вслух по обыкновению. — Вчера вечером Керенский внезапно приехал из города и остановился в лицее. Оказывается, все правительство развалилось, он сам подал в отставку и ожидает решения, к кот[орому] должно прийти совещание разных партий, заседающее в Зимнем дв[орце].

23-го июля. Воскресенье

Ночью прошел дождь, и день был значительно свежее. Днем поработали на маленькой дорожке, срубили и распилили две ели. Аликс сидела там же в лесу.

После обеда посетили чету Бенкендорф. Вечером окончил: «The luck of the Vails».

24-го июля. Понедельник

День простоял прохладный и серый. Утром обычная прогулка. Во время завтрака был дождь. Вышли в 2¹/₂ без него. Спилили четыре ели рядом со вчерашним местом. Кроме прежних помогали тоже Тетерятников и Волков. После обеда начал вслух «The poison belt» Conan Doyle.

25-го июля. Вторник

Новое Временное Прав[ительст]во образовано с Керенским во главе. Увидим, пойдет ли у него дело лучше? Первейшая задача заключается в укреплении дисциплины в армии и поднятии ее духа, а также в приведении внутреннего положения России в какой-нибудь порядок!

Погода была очень теплая.

Работали там же; срубили четыре ели и распилили столько же.

Окончил чтение «Александра I» Мережков[ского]. Последние караулы были хороши, благодаря присылке с фронта по 300 человек от каждого стрелкового полка и ухода из запасных батальонов многих маршевых рот.

26-го июля. Среда

Опять настала поразительно жаркая погода. Вследствие духоты Аликс не выходила, в комнатах значительно свежее. Распилили и раскололи все поваленные и срубленные ели там же. Потели ужасно.

27-го июля. Четверг

Такая же дивная погода, но не душная. Хорошо погуляли утром. Днем работали у маленькой дорожки и распилили три дерева. Читаю книгу «Морская идея в русской земле» ст. лейт. Квашнина-Самарина.

28-го июля. Пятница

Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не

в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, — даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии! — Срубили и свалили огромную ель на просеке у дорожки. Прошел короткий теплый дождь.

Вечером читаю вслух «A study in scarlet» Conan Doyle.

29-го июля. Суббота

Такая же дивная погода. Во время утренней прогулки, проходя мимо ворот прямой дороги к оранжереям, заметили спящего на траве часового. Унтер-оф [ицер], сопровождавший нас, подошел и взял с собой его винтовку.

Днем срубили 9 деревьев и распилили одну ель — все у самой дороги. Парило, кругом ходили тучи, и был слышен гром, но к вечеру небо очистилось. После всенощной Алексей получил подарки.

Убирал и укладывал все свои вещи, так что комнаты имеют опустелый вид.

30-го июля. Воскресенье

Сегодня дороговому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему Господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена!

Ходили к обедне, а после завтрака к молебну, к которому принесли икону Знаменской Божьей матери. Как-то особенно тепло было молиться ее святому лику вместе со всеми нашими людьми. Ее принесли и унесли через сад стрелки 3-го полка.

Поработал на той же просеке; срубили одну ель и начали распиливать еще две. Жара была большая. Все уложено теперь, только на стенах остались картины. До обеда видел Бенкендорфа, а вечером коменданта.

31-го июля. Понедельник

Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, кот [орый] все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10¹/₂ милый Миша вошел в сопровождении Кер [енского] и караульн [ого] нач [альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он

уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать,— он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец в 5^{1/4} появился Кер [енский] и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александ [ровской] станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалер [ийская] часть скакала за нами от самого парка. У подъезда встретили И. Татищев и двое комиссаров от прав [ительст] ва для сопровождения нас до Тобольска. Красив был восход солнца, при кот [ором] мы тронулись в путь на Петроград и по соедин [ительной] ветке вышли на Северн [ую] ж.-д. линию. Покинули Ц [арское] С [ело] в 6.10 утра.

1-го августа

Поместились всей семьей в хорошем спальном вагоне межд [у] нар [одного] о [бщест] ва. Залег в 7.45 и поспал до 9.15 час. Было очень душно и пыльно — в вагоне 26° Р. Гуляли днем с нашими стрелками, собирали цветы и ягоды. Едим в ресторане, кормит очень вкусно кухня Вост.-Китайской ж. д.

2-го августа

Гуляли до Вятки, та же погода и пыль. На всех станциях должны были по просьбе коменданта завешивать окна; глупо и скучно!

3-го августа

Проехали Пермь в 4 ч. и гуляли за г. Кунгуром вдоль реки Сылве по очень красивой долине.

4-го августа

Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром. Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон со стрелками — встречались, как со старыми знакомыми. Тащились невероятно медленно, чтобы прибыть в Тюмень поздно — в 11^{1/2} час. Там поезд подошел почти к пристани, так что пришлось только спу-

ститься на пароход. Наш называется «Русь». Началась перегрузка вещей, продолжавшаяся всю ночь. Бедный Алексей опять лег Бог знает когда! Стукотня и грохот длились всю ночь и очень помешали заснуть мне. Отошли от Тюмени около 6 час.

5-го августа

Плавание по р. Туре. Спал много. У Аликс, Алексея и у меня по одной каюте без удобств, все дочери вместе в пятиместной, свита рядом в коридоре; дальше к носу хорошая столовая и маленькая каюта с пианино. II класс под нами, а все стрелки 1-го полка, бывшие с нами в поезде, сзади внизу. Целый день ходили наверху, наслаждаясь воздухом. Погода была серая, но тихая и теплая. Впереди идет пароход мин. пут. сообщ., а сзади другой пароход со стрелками 2-го и 4-го стр. полков и с остальным багажом. Останавливались два раза для загрузки дровами. К ночи стало холодно. Здесь на пароходе наша кухня. Все залегли рано.

6-го августа

Плавание по Тоболу. Встал поздно, так как спал плохо вследствие шума вообще, свистков, остановок и пр. Ночью вышли из Туры в Тобол. Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днем стало совсем тепло, югда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского — родина Григория. — Целый день ходили и сидели на палубе. В 6¹/₂ час. пришли в Тобольск, хотя увидели его за час с ¹/₄.

На берегу стояло много народу, — значит, знали о нашем прибытии. Вспомнил вид на собор и дома на горе. Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя, комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя. Поэтому на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья.

Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано.

7-го августа. Понедельник

Спал отлично; прснулся с дождем и холодом. Решили оставаться на пароходе. Проходили шквалы, к часу погода прояснилась. Толпа продолжала стоять на шлюпочной пристани, ноги в воде, и убегала под крышу только тогда, когда

шел дождь. В обоих домах идут спешные работы по очистке и приведению комнат в пристойный вид. Всем нам, также и стрелкам, хотелось пойти куда-нибудь подальше по реке. Завтракали в час, обедали в 8 час., кухня уже готовит в доме, и еду нам приносят оттуда. Весь вечер ходил с детьми вокруг наших кают. Погода была холодная из-за N. W. ветра.

8-го августа. Вторник

Спал отлично и встал в 9^{1/4}. Утро было ясное, позже поднялся тот же ветер, и опять налетало несколько шквалов. После завтрака пошли вверх по р. Иртышу верст за 10. Пристали к правому берегу и вышли погулять. Прошли кустами, и перейдя через ручеек, поднялись на высокий берег, откуда открывался красивый вид. Пароход подошел к нам, и мы пошли обратно в Тобольск. Подошли в 6 час. к другой пристани. До обеда принял ванну, впервые после 31 июля. Благодаря ей спал чудесно.

9-го августа. Среда

Простояла теплая отличная погода. Утро, как всегда, свита провела в городе. У Марии была лихорадка, у Алексея болела немного левая рука.

До завтрака пробыл все время наверху, наслаждался солнцем. В 2^{1/2} наш пароход перешел на другую сторону и стал грузиться углем, а мы пошли гулять. Джоя²³ укусила змея.

Ходить было прямо жарко. Пришли на пароход в 4^{1/2} и вернулись на старое место. Жители катались в лодках и проезжали мимо нас. Стрелки с нашего конвоира «Кормилец» переехали на жительство в свои городские помещения.

10-го августа. Четверг

Проснулся со скверной погодой — дождь и ветер. Мария пролежала с жаром, у Алексея, кроме руки, заболело ухо!

День был скучнейший, без прогулки и дела. К 5 час. погода разъяснилась.

11-го августа. Пятница

Алексей спал мало, он перебрался на ночь к Аликс. Ухо у него поправилось, рука побаливала, Марии лучше. День простоял тихий. Все утро ходили наверху. Днем пошли вверх по р. Тоболу. Высадились на левый берег, ушли по дороге, а вернулись вдоль реки с разными затруднениями

веселого свойства. В 6 час. пришли в Тобольск и с сильным треском подошли к парох. «Товарпар», обломав об него обшивку борта. Днем была настоящая жара.

12-го августа. Суббота

Тоже отличный день без солнца, но очень теплый. Утром ходил по палубе и читал там же до самого завтрака. Мария и Алексей встали и днем были на воздухе. В 3 часа спустились по Иртышу и пристали к подножью высокого берега, куда давно хотелось попасть. Немедленно влезли туда со стрелками и затем долго сидели на лысой сопке с чудным видом.

Вернулись в Тобольск во время чая.

13-го августа. Воскресенье

Встали пораньше, и последние вещи были немедленно уложены. В 10¹/₂ я с детьми сошел с комендантом и офицерами на берег и пошел к нашему новому жилищу. Осмотрели весь дом снизу до чердаков. Заняли второй этаж, столовая внизу. В 12 час. был отслужен молебен, и священник окропил все комнаты св. водой. Завтракали и обедали с нашими. Пошли осматривать дом, в кот [ором] помещается свита. Многие комнаты еще не отделаны и имеют непривлекательный вид. Затем пошли в так называемый садик, скверный огород, осмотрели кухню и караульное помещение. Все имеет старый заброшенный вид. Разложил свои вещи в кабинете и в уборной, которая наполовину моя, наполовину Алексея. Вечер провели вместе, поиграл в безик с Настенькой.

14-го августа. Понедельник

После вчерашней грозы до обеда сегодня погода была холодная и дождливая, с сильным ветром. Целый день разбирал фотографии из плавания 1890/1891 г.²⁴ Взял их нарочно с собою, чтобы на досуге привести в порядок. Простились с Макаровым — комиссаром, уезжающим в Москву. Погулял в садике, дети качались на новых качелях. Вечер провели со всеми.

15-го августа. Вторник

Так как нас не выпускают на улицу и попасть в церковь мы пока не можем, в 11 час. в зале была отслужена обедница. После завтрака провели в саду почти два часа, Аликс тоже. Погода была теплая, и около 5 час. вышло солнце;

посидели на балконе до 6¹/₂ час. Продолжал и кончил разбор фотографий дальнего плавания.

16-го августа. Среда

Отличный теплый день. Теперь каждое утро я пью чай со всеми детьми. Провели час времени в так называемом садике и большую часть дня на балконе, кот [орый] весь день согревается солнцем. До чая провозились в садике, два часа на качелях и с костром.

17-го августа. Четверг

Дивный день — в тени было 19°, а на балконе 36°. У Алексея болела рука. Провели утром час в саду, днем два часа. Вчера начал читать «L'île enchantée». Вечером играли в домино: Аликс, Татьяна, Боткин и я. Во время чая прошла сильная гроза. Ночь была лунная.

18-го августа. Пятница

Утро было серое и холодное, около часа вышло солнце, и день настал отличный. Алексей встал. Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Гендр [иковой]. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Черт знает что такое!

19-го августа. Суббота

Вследствие вчерашнего происшествия Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом! Погода стояла чудная с горячим солнцем. Утром высидели в саду час, а днем два часа. Устроил себе там висячий турник. Начал книгу: «The scarlet Pimpernel».

20-го августа. Воскресенье

Идеальная погода, днем темп. дошла до 21° в тени. В 11 час. в зале была отслужена обедница. В саду нашел себе работу, срубил сухую сосну. После чая, как все эти дни, читал с дочерьми на балконе под палящими лучами солнца. Вечер был теплый и лунный.

21-го августа. Понедельник

С наслаждением жарились на солнце целый день на балконе или в саду. Днем срубил сухую березу и наколол из

нее дрова. Во время чая прошла гроза и немного освежила воздух. Начал читать «В лесах» Печерского.

22-го августа. Вторник.

Такой же дивный день. Досада берет, что в такую погоду нельзя делать прогулок по берегам реки или в лесу! Читали на балконе, провели три часа в саду и вечером по обыкновению играли в кости.

23-го августа. Среда

Сегодня два года, что я приехал в Могилев²⁵. Много воды утекло с тех пор!

День простоял превосходный — 23° в тени и прошел как и прежние в Тобольске. Перекапывал с Кирпичниковым парниковую землю в садике. Прошел теплый ливень.

24-го августа. Четверг

Дивный день. Приехал Вл. Ник. Деревенко с семейством, это составило событие дня. Плохие известия с фронта, к сожалению, подтвердились; сегодня узнали, что Рига оставлена и что наши войска далеко отступили на сев.-восток.

25-го августа. Пятница

Теплая погода с сильным восточным ветром. Прогулки в садике делаются невероятно скучными; здесь чувство сидения взаперти гораздо сильнее, нежели было в Ц[арском] С[еле]. Работал с Кирпичниковым в парниках. Вечером пошел дождь.

26-го августа. Суббота

После хорошего дождя ночью погода сделалась опять чудная. Читал с дочерьми до прогулки, до завтрака и после чая на балконе. Работал в саду. Алексей пролежал с простудой и болью в ухе; она днем прошла. С фронта известий мало, газеты приходят на шестой день.

27-го августа. Воскресенье

Сегодня стало посвежее. В 11 час. была отслужена обедница. Нам всем очень нравится священник, кот [орый] служит у нас; поют четыре монахини. Алексей пролежал в кровати из предосторожности.

28-го августа. Понедельник

Утром узнали о кончине Ек. Ил. Татищевой; срочную те-

леграмму сын ее получил на восьмой день! Погода была свежая и серая. Алексей встал и ходил по комнатам. У дочерей тоже насморки, но они выходят в сад. На балконе, понятно, никто не сидел. Читал много. И Татищев и Валя были нездоровы.

29-го августа. Вторник

Сегодня 10 лет, что мы сели на камень на «Штандарте».

В 11 час. была отслужена обедница. Погода стояла холодная, и по временам шел дождь. Недолго гуляли днем. После обеда прочитали телеграммы о том, что ген. Корнилов провозгласил себя диктатором, а в другой, что он смещен с должн[ости] верх[овного] глав[нокомандующего], а на его место назначен ген. Клембовский.

30-го августа. Среда

В 11 час. была обедница. Днем все гуляли в садике. Погода потеплела, а вечером пошел дождь. День протек как всегда. После обеда поиграли в кости.

31-го августа. Четверг

День прошел по обыкновению.

1-го сентября. Пятница

Прибыл новый комиссар от Врем[енного] Прав[ительства] Панкратов²⁶ и поселился в свитском доме с помощником своим, каким-то растрепанным прапорщиком. На вид — рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки.— День стоял холодный и дождливый.

2-го сентября. Суббота

Погода была ясная и теплая. Начали гулять в огороженном дворе перед домом; все-таки лучше, чем в сыром садике, так как тут солнце светит целый день. Лазил с детьми на крышу оранжерей. Вечером читал вслух «Девятый вал» Данилевского.

3-го сентября. Воскресенье

Дивный теплый день. В 11 час. была обедница. Гуляли и утром и днем. Вчера кончил «В лесах» и начал «На горах». Хорошо написано.

4-го сентября. Понедельник

Великолепный летний день. Много были на воздухе. По-

следние дни принесли большую неприятность в смысле отсутствия канализации. Нижний WC заливался мерзостями из верхних WC, поэтому [пришлось] прекратить посещение сих мест и воздерживаться от ванн; все от того, что выгребные ямы малы и что никто не желал их чистить. Заставил Е. С. Боткина²⁷ привлечь на это внимание комиссара Панкрат[ова], кот[орый] пришел в некий ужас от здешних порядков.

5-го сентября. Вторник

Телеграммы приходят сюда два раза в день; многие составлены так неясно, что верить им трудно. Видно, в Петрограде неразбериха большая, опять перемены в составе прав[ительств]ва. По-видимому, из предприятия ген. Корнилова ничего не вышло, он сам и примкнувшие генералы и офицеры большею частью арестованы, а части войск, шедшие на Петроград, отправляются обратно.

Погода стояла чудная, жаркая.

6-го сентября. Среда

Такой же день и провели его так же. Выкопал в садике прудок для уток. Дочери играли в *bumble purry*.

7-го сентября. Четверг

Утро было облачное и ветреное, позже погода поправилась. Много были на воздухе; наполнял пруд для уток и пилил дрова для нашей ванны.

8-го сентября. Пятница

Первый раз побывали в церкви Благовещения, в кот[орой] служит уже давно наш священник. Но удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествие туда. Вдоль дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело.

Погода стояла хорошая, немного прохладная.

9-го сентября. Суббота

Ночью и утром шел дождь и дул холодный ветер. Около 3 час. выглянуло солнце. Усиленно ходил взад и вперед по двору. По вечерам во время игры в домино и безик Татищев и Боткин читают вслух «Девятый вал».

10-го сентября. Воскресенье

Утро было ясное, а с полудня пошел дождь. Обедницу отслужили дома. Пробыл на дворе и в саду два часа. Вечером Валя читал вслух — хорошо и внятно.

11-го сентября. Понедельник

Опять простоял отличный солнечный день, который во всем остальном прошел по обыкновению.

12-го сентября. Вторник

Теплая серая погода. Днем пилил дрова, а дочери играли на деревянной мостовой мячами от тенниса.

13-го сентября. Среда

Полдня шел дождь, но было тепло. Окончил книгу «На горах» и начал роман Лескова «Обойденные». В 9 час. вечера у нас в зале была отслужена всенощная. Легли рано.

14-го сентября. Четверг

Для того, чтобы избежать скопления народа на улице у церкви, заказали обедню в 8 час. Все обошлось хорошо, стрелки были расставлены по ограде город[ского] сада. Погода стояла плохая — холодная и сырая; все-таки много гуляли. К Алексею допустили Колю Деревенко.

15-го сентября. Пятница

Хороший ясный осенний день; провели его, как прочие дни.

16-го сентября. Суббота

Погода простояла совсем теплая. Приятно было ходить и работать на дворе. Кончил рассказ «Обойденные» и начал «Островитяне».

17-го сентября. Воскресенье

Чудный теплый день. 13° в тени. После обедницы гуляли и днем долго пробыли на воздухе. Ольга пролежала в постеле с легким жаром. Татищев тоже не совсем здоров²⁸.

№ 51

Начат в Тобольске

18-го сентября. Понедельник. 1917 г.

Осень в этом году здесь замечательная; сегодня в тени

было 15° и совсем южный теплый воздух. Днем играл с Вайлей Д. в городки, чего не делал много, много лет. Нездоровье Ольги прошло; она сидела долго на балконе с Аликс. Кончил «Островитяне» Лескова. Написал мама письмо через цензуру Панкратова.

19-го сентября. Вторник

Полуясный, но такой же теплый день. Около 12 час. прошел короткий летний дождь. Анастасия пролежала в постеле. Татищев поправился. Днем попилил дрова и поиграл в городки. Начал читать роман Лескова «Некуда».

20-го сентября. Среда

Погода резко изменилась, задул шторм с дождем, потом с крупой и, наконец, со снегом. Ходили на дворе взад и вперед усиленным темпом. Дочери поправились, но бывшие больные оставались еще дома.

21-го сентября. Четверг

С ночи все оказалось покрытым снегом, но благодаря солнечному дню после 12 час. все стаяло. Пилил дрова.

22-го сентября. Пятница

Утром опять лежало много снега, погода была серая, к вечеру все сошло. Гуляли два раза по обыкновению. На днях прибыл наш добрый бар. Боду с грузом дополнительных предметов для хозяйства и некоторых наших вещей из Ц[арского] Села.

23-го сентября. Суббота

Между этими вещами было три-четыре ящика с винами, о чем проведали солдаты здешней дружины, а вот днем из-за этого загорелся сыр-бор. Они стали требовать уничтожения всех бутылок в корниловском доме²⁹. После долгого увещевания со стороны комиссара и др. было решено все вино отвезти и вылить в Иртыш. Отъезд телеги с ящиками вина, на кот [орых] сидел пом [ощник] ком [иссара] с топором в руках и с целым конвоем вооруженных стрелков сзади, — мы видели из окон перед чаем. Утром шел дождь, после часа разъяснилось, и настала отличная погода при 11° в тени.

24-го сентября. Воскресенье

Вследствие вчерашней истории нас в церковь не пустили, опасаясь чьей-то возбужденности. Обедницу отслужили у

нас дома. День стоял превосходный — 11° в тени с теплым ветром. Долго гуляли, поиграл с Ольгой в городки и пилил. Вечером начал читать вслух «Запечатленный ангел»³⁰.

25-го сентября. Понедельник

Дивная тихая погода — 14° в тени. Во время нашей прогулки комендант, поганый помощник комиссара, прапорщ. Никольский и трое комитетских стрелка осматривали помещения нашего дома с целью отыскать вино.

Не найдя ничего, они вышли через полчаса и удалились. После чая начали переносить к нам вещи, прибывшие из Ц[арского] Села.

26-го сентября. Вторник

Такой же великолепный день без единого облачка. Долго гулял утром и читал на балконе до завтрака. Днем пилил и играл в городки. После чая разбирали вновь привезенные ковры и украсили ими наши комнаты. Окончил роман Лескова «Некуда».

27-го сентября. Среда

Погода была превосходная, в тени 14°. Начал читать «Ramuntcho» P. Loti.

28-го сентября. Четверг

С начала недели у детей пошли по утрам занятия; продолжаю уроки истории и географии с Алексеем. Погода та же восхитительная. Много были на воздухе.

29-го сентября. Пятница

На днях Е. С. Боткин получил от Керенского бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрешены. На вопрос Боткина, когда они могут начаться, Панкратов поганец ответил, что теперь о них не может быть речи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Все были этим ответом до крайности возмущены. Погода стала прохладнее. Окончил «Ramuntcho».

30-го сентября. Суббота

День простоял солнечный, хороший. Утром гуляли час, а днем два с половиною часа; играл в городки и пилил. Начал читать пятый том Лескова — длинные рассказы. В 9 час. у нас была отслужена всенощная. Вечером уехал б[арон] Боде.

1-го октября. Покров пр. Богородицы

Встали в 7 час. до восхода солнца и в 8 час. пошли к обедне. После вторичного чая долго гуляли; погода стояла отличная, но с ветром от W. Днем усиленно играл в городки. Узнали из телеграмм, что немцы высадили десант на Эзеле и Даго!

2-го октября. Понедельник

Теплый день; около 4 час. прошел небольшой дождь.— Теперь все наши, желающие погулять, обязаны ходить по городу в сопровождении стрелков.

3-го октября. Вторник

Погода была совершенно августовская, тихая, при 13° в тени, а на солнце на балконе дошло до 29°. День провели по обыкновению. Вечером читал вслух рассказ Лескова «Грабеж».

4-го октября. Среда

Мы вспоминали сегодня конвойный праздник в прежние годы. Было теплее, чем бывало иногда в Крыму в этот день. Ай да Тобольск! День провели как всегда. После всенощной Алексей получил подарки. Обедали в 7^{1/2} час.

5-го октября. Четверг

В день именин Алексея не попали в церковь к обедне из-за упрямства г-на Панкратова, а в 11 час. у нас был отслужен молебен. С утра стоял туман, кот [орый] рассеялся к часу. Долго пробыли на воздухе. Вечером Алексей устроил нам свой кинематограф.

6-го октября. Пятница

Ясный, холодный день. Узнали о приезде вчера мг. Gibbs³¹, но его еще не видели, вероятно, потому, что привезенные им вещи и письма не подверглись осмотру! Начал шестой том Лескова.

7-го октября. Суббота

Ночью было 9° мороза. Днем ясно, но довольно холодно, рукам в особенности. Наконец, появился мг. Gibbs, кот [орый] рассказывал нам много интересного о жизни в Петрограде.

В 9 час. у нас была отслужена всенощная.

8-го октября. Воскресенье

В 8 час., как раз с восходом солнца, пошли к обедне. Все утро валил снег, мороз был небольшой, днем дошло до 1°. Гуляли до и после завтрака. Много читал. Прилег на часок до обеда. Вечером — безик.

9-го октября. Понедельник

Выпал еще снег, день простоял хороший; к вечеру мороз дошел до 9°. Днем очищал с дочерьми часть деревянной мостовой для прогулок. Слышны были свистки парохода.

10-го октября. Вторник

Погода простояла приятная — около градуса мороза. Приехавшая сюда два дня тому назад Клавдия Михайловна Битнер передала мне письмо от Ксении³². Она сегодня начала заниматься с детьми, кроме Ольги, по разным предметам.

11-го октября. Среда

Сделалась оттепель, и день простоял ясный, совершенно весенний. Начал читать «La Reine Margot».

Татищеву опять нездоровилось; после завтрака он ушел к себе и залег.

12-го октября. Четверг

Чудный солнечный день после легкого мороза ночью. Теперь возвращаемся с прогулки в 4 ч., так как у детей прибавилось число уроков.

13-го октября. Пятница

Уже два месяца, что мы живем в этом доме. — Отличный солнечный день; провели его как всегда.

14-го октября. Суббота

Ночью было 6° мороза, утром туман, чудная погода с полудня до 13° на солнце и вечером опять мороз. В 9 часов всенощная.

15-го октября. Воскресенье

В 8 час. пошли к обедне. Утро было отличное; затем заволокло солнце туманом, и день простоял скучный. Вечером домашний кинемат [ограф].

16-го октября. Понедельник

Такой же серый день без оттепели. Окончил «La Reine Margot».

Вечером, как всегда, играли в безик.

17-го октября. Вторник

29 лет прошло со дня нашего спасения при крушении поезда³³; кроме меня, никого здесь нет из бывших при этом! Начал VIII том Лескова. С Алексеем занимаюсь теперь только русской историей, передав рус[скую] географ[ию] Кл. Мих. Битнер. Узнали о приезде Кострицкого из Крыма.

18-го октября. Среда

Наконец показалось солнце, день был хороший, таяло. Пилил дрова. Вечером читал вслух «Женитьбу» Гоголя.

19-го октября. Четверг

Было тепло, перепадал мокрый снег. Перед завтраком посидел внизу у Кострицкого. Усиленно читал. Вечером начал вслух «Дракула».

20-го октября. Пятница

Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папа и вот при каких обстоятельствах приходится ее переживать! Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена заупокойная всенощная.

21-го октября. Суббота

Утром видели из окон похоронную процессию с телом стрелка 4-го полка; впереди шел и скверно играл небольшой хор гимназистов. В 11 час. у нас была отслужена обедница. До чая сидел у Кострицкого. В 9 час. была всенощная, и затем мы исповедались у о. Алексея. Легли спать рано.

22-го октября. Воскресенье

В 8 час. пошли к обедне и всей семьей причастились св. таин. Такое душевное утешение в переживаемое время! Погода стояла мягкая, целый день шел³⁴ снег. Долго пробыли в саду.

23-го октября. Понедельник

Утро было ясное с оттепелью.

Начал 9-й том Лескова.

Сегодня 27-я годовщина моего отъезда в заграничное плавание.

24-го октября. Вторник

Простоял чудный солнечный день. Были много на воздухе. До чая имел урок истории с Алексеем.

25-го октября. Среда

Тоже отличный день с легким морозом. Утром показывали Кострицкому все наши комнаты. Днем пилил.

26-го октября. Четверг

От 10 до 11 час. утра сидел у Кострицкого. Вечером простился с ним. Он уезжает в Крым. День простоял чудный, на солнце 11°. Долго пилил.

27-го октября. Пятница

Великолепный солнечный день.

Днем помогал трем стрелкам копать ямы для постановки столбов под новый навес для дров, даже вспотел. Написал мама.

28-го октября. Суббота

Все та же отличная погода: 4° мороза ночью и до 10° тепла днем. Много гуляли и долго пилил дрова. За все-нощной пели любительницы и 4 стрелка хорошо, но тянули.

29-го октября. Воскресенье

Встали в 7 час. с полной темнотой и в 8 ч. пошли к обедне. После вторичного чая погуляли. Погода мягкая, серая. Написал Ольге. Начал Х т[ом] Лескова. Сегодня производили сбор пожертвований вещами на улицах в пользу армий на фронте.

30-го октября. Понедельник

День прошел по обыкновению. Погода была теплая. Вечером окончил вслух чтение «Дракула» по-русски.

31-го октября. Вторник

Та же мягкая погода с оттепелью днем. В 4^{1/2} был урок истории с Алексеем. Вечером начал читать вслух «Морские рассказы» Беломора.

1-го ноября. Среда

Ночью выпало много снега, но днем он почти стаял. Укладывали дрова в новый сарайчик — грязная работа. Начал книгу «I will gerau» — продолжение «The scarlet Pimpernel».

2-го ноября. Четверг

Сразу в ночь хватил мороз, дошедший к утру до 11°. День был солнечный и с северным ветром. Гуляли, как всегда; днем перетаскивали дрова. Вечером Ольга получила скромные подарки.

3-го ноября. Пятница

Дорогой Ольге минуло 22 года; жаль, что ей, бедной, пришлось провести день своего рождения при нынешней обстановке. В 12 час. у нас был молебен. Погода стала снова мягкая. Пилил дрова. Начал новую интересную книгу «The elusive Pimpernel».

4-го ноября. Суббота

Утром был обрадован письмом от Ксении. — Выпало много снега, очищал от него место для прогулки, а днем переносили дрова в сарайчик.

Уже два дня не приходят агентские телеграммы, — должно быть, неважные события происходят в больших городах! В 9 час. была всенощная.

5-го ноября. Воскресенье

С полной темнотой пошли к обедне. Написал письмо Ксении. Утром шел дождь. Днем переносили дрова. Отдыхал перед обедом.

6-го ноября. Понедельник

Гусарский праздник. Начал новую книгу того же автора «Fire in stubble». Утром шел снег и таяло до 8 час. вечера, потом сильно задуло, и после обеда сделалось 13° мороза при весьма низком барометре — 735.

7-го ноября. Вторник

Простоял солнечный день при 14—15° мороза. Днем до чая занимался с Алексеем рус [ской] историей. Вечером во время безика читал вслух рассказы Беломора.

8-го ноября. Среда

Хороший морозный день. Утром было 14°, а к вечеру 17° мороза. Гуляли и переносили дрова.

9-го ноября. Четверг

Утром от 10 час. был урок с Алексеем. Днем перенесли все дрова в сарайчик и наполнили его вплотную. Погода стала мягче. Начал читать «Quatre-vingt-treize» V. Hugo.

10-го ноября. Пятница

Снова теплый день — дошло до нуля. Днем пилил дрова. Кончил первый том «1793» V. Н. Вечером читал вслух Тургенева «Записки охотника».

11 ноября. Суббота

Выпало много снега. Давно газет уже никаких из Петрограда не приходило; также и телеграмм. В такое тяжелое время это жутко. Дочки возились на качелях и соскакивали с них в кучу снега. В 9 час. была всеобщая.

12-го ноября. Воскресенье

В 8¹/₂ час. пошли к обедне.

Долго гуляли, день был не холодный. Начал «Всеобщую историю» Иегера.

13-го ноября. Понедельник

Оттепель была сильная — 3°: и это — в Сибири!

Наконец, появились телеграммы из армии, но не из Петрограда.

14-го ноября. Вторник

День рождения дорогой мама и 23-я годовщина нашей свадьбы! В 12 час. был отслужен молебен; певчие путали и сбивались, — должно быть, не сделали спевки. Погода была солнечная, теплая и с порывистым ветром. За дневным чаем я перечитываю свои прежние дневники — приятное занятие.

15-го ноября. Среда

День был морозный и солнечный, на дворе стало скользко невероятно. Гуляли долго, пилил дрова.

16-го ноября. Четверг

Целые сутки была буря и почти без мороза. Утром имел урок с Алексеем.

17-го ноября. Пятница

Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

18-го ноября. Суббота

Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентариев нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия!

19-го ноября. Воскресенье

В 8^{1/2} час. пошли к обедне, дорога была очень скользкая. Утро стояло солнечное, потом заволокло. Днем вносил дрова в сарайчик. Вечером, как всегда, безик.

20-го ноября. Понедельник

Мороз усилился, и день простоял ясный. У стрелков было брожение из-за неполучения суточных за три месяца из Петрограда, быстро приведенное к концу временным позаймствованием нужной суммы в банке. Днем работал с дровами. В 9 час. была отслужена всенощная.

21-го ноября. Вторник

Праздник Введения во храм пришлось провести без службы, потому что Панкратову неугодно было разрешить ее нам! Погода была теплая. Все работали на дворе.

22-го ноября. Среда

Чувствовал себя не совсем здоровым, тяжесть в голове и боль в разных сочленениях; поэтому остался дома. Погода как нарочно была солнечная. Окончил I том «Всеобщей истории» Иегера — очень хорошо составленная книга.

23-го ноября. Четверг

Самочувствие было получше и без лихорадки, не выходил на воздух. Переписывал из книги свою роль для будущего нашего представления франц. пиесы «Les deux timides». К вечеру окончил эту работу — пришлось полторы тетради, сшитой из двух.

24-го ноября. Пятница

Полдня у меня болела голова, в особенности во время чтения. Сидел дома; погода была непривлекательная. Начал

читать II том «Всеобщей истории» Иегера — средние века. Вечером по-прежнему безик недолго с Татьяною и вслух из Тургенева.

25-го ноября. Суббота

Хороший морозный день.

Днем вышел, наконец, погулял и немного попилил. Солнце светило и даже грело, в особенности в комнатах. В 9 час. была всенощная.

26-го ноября. Воскресенье

В 8 час. пошли к обеду.

Сегодня георгиевский праздник. Для кавалеров город устроил обед и прочие увеселения в народном доме. Но в составе нашего караула от 2-го полка было несколько георг[иевских] кавал[еров], кот[орых] их товарищи некавалеры не пожелали подменить, а заставили идти по наряду на службу — даже в такой день! Свобода!!! Гуляли долго и много, погода мягкая.

27-го ноября. Понедельник

Праздник нижегородцев!³⁵ Где они и что с ними? Солнечная и морозная погода: — 13° днем и — 18° к вечеру. Гулял только взад и вперед. Сделали перетасовку дивана в зале из угла к стене.

28-го ноября. Вторник

Солнечная морозная погода.

День протек, как всегда, скоро. От 4 час. до 5 час. занимался с Алексеем. После чая перечитали вместе каждый свою роль из «Les deux timides» — Татьяна, Анастасия, Валя и m. Gilliard.

29-го ноября. Среда

Мороз был поменьше, а день серый. У меня простудное чувство в голове совершенно прошло.

30-го ноября. Четверг

Хороший ясный день — 8° мороза. От 12 час. до завтрака занимался с Алексеем. Днем перекаладывал дрова в сарае. После чая Ольга, играя с Аликс в карты, показала 4 безика.

1-го декабря. Пятница. 2-го декабря. Суббота

Оба дня прошли совершенно одинаково. Был порядочный мороз с солнцем. После дневной прогулки ежедневно собираемся у м. Gilliard и разучиваем свои роли начистоту. В 9 час. была всеобщая.

3-го декабря. Воскресенье

Аликс и Алексей не пошли с нами к обедне из-за мороза — было 16°. Все утро репетили наши пьесы в зале, где с помощью множества ширм и всякой мебели устроили нечто вроде сцены. Вечером все это опять было убрано. Гуляли, пока было светло. Во время безика теперь читаю вслух «Накануне» Тургенева.

4-го декабря. Понедельник

Было не так холодно, как вчера. День прошел по обыкновению.

5-го декабря. Вторник

Кажется, начинает загибать настоящий мороз — с 15° утром дошло до 20° к вечеру.

До чая занимался с Алексеем.

В 9 час. была всеобщая.

6-го декабря. Среда

Мои именины провели спокойно и не по примеру прежних лет. В 12 час. был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка в саду, бывшие в карауле, все поздравили меня, а я их — с полковым праздником. Получил три именинных пирога и послал один из них караулу. Вечером Мария, Алексей и м. Gilliard сыграли очень дружно маленькую пьесу «Le fluide de John»; много смеху было.

7-го декабря. Четверг

Мороз дошел до 22° с сильным ветром, так что режет лицо; тем не менее исправно выходили и утром и вечером. В моем кабинете, у дочерей и в зале очень холодно — 10°, поэтому днем и до ночи сижу в черкеске пластунской. Кончил II том «Всеобщей истории».

8-го декабря. Пятница

Утром за прогулкой видели двух стрелков 1-го полка, приехавших из Царского Села, чтобы проверить правильность слухов, ходящих о нас и о здешнем отряде. Один из

этих стрелков — служащий в нашем ливадийском доме.
Было ясно — 21° мороза.

9-го декабря. Суббота

День прошел по обыкновению.

Погода была тихая, и к вечеру мороз начал уменьшаться, но на моем кабинете это не отразилось, в нем температура неизменно оставалась та же — 10°. Вечером была всеобщая.

10-го декабря. Воскресенье

В 8 час. пошли в нашу церковь к обедне. Погода стояла сравнительно ясная и мягкая — 10° мороза. До завтрака сидел у зубного врача г-жи Рендль. Перед чаем был очень обрадован получением первого письма от дорогой мама.

11-го декабря. Понедельник

Отличный солнечный день — 15° мороза. После завтрака снова сидел полчаса у той же Рендль. До чая имели, как все эти дни, репетицию пьесы.

12-го декабря. Вторник

Утром случай с доской от качель в саду, на кот [орой] была неприличная надпись, сделанная кем-то из стр [елков] 2-го полка. После дневной прогулки имел урок с Алексеем. Вечером кончили «Накануне» Тургенева.

13-го декабря. Среда

Во время утренней прогулки зашли в караульное помещение — 1-й взвод 4-го полка — обогреться и покурить и вышли, когда пришел новый караул 1-го полка. Было 16° мороза и совершенно тихо; благодаря этому в комнатах тепло, и у меня в кабинете температура держится до 12°. Вечером начал вслух «Дым» Тургенева.

14-го декабря. Четверг

Ветер переменился, и стало немного теплее. Имел урок с Алексеем до завтрака. Перед чаем репетили.

15-го декабря. Пятница

После завтрака сидел у дантистки. От 4 до 5 час прорепетили пьесу до конца. После безика читал вслух.

16-го декабря. Суббота

Сделалось теплее — 10° мороза; утро серое, а день солнечный. Много пилил мелких дров для нашей ванны. В 9 час. была всенощная.

17-го декабря. Воскресенье

Утром пошли к обедне. Погода была теплая, дул ветер со снегом. До завтрака сидел у дантистки. Гуляли долго, дети, как всегда, возились отчаянно с В. Долгор [уковым] и тг. Gilliard. Перед обедом сделали полную репетицию.

18-го декабря. Понедельник

Погода была не холодная, 5° мороза, ветреная и со снегом. Долго оставались на воздухе. Пилил дрова.

19-го декабря. Вторник

Вчера получил хорошее письмо от Ольги. Стало холоднее, дул ветер и было ясно. После прогулки занимался с Алексеем. Наконец, от усиленной топки сделалось совсем тепло в комнатах.

20-го декабря. Среда

Солнечный день с ветром.

Сегодня окончил III том «Всеобщей истории». От 6 час. прорепетили всю нашу пьесу, шло довольно гладко.

21-го декабря. Четверг

Погода была очень приятная. До завтрака имел урок с Алексеем. Написал Ольге в Ай-Тодор. Вечером Анастасия получила скромные подарки.

22-го декабря. Пятница

Отпраздновали именины Анастасии молебном в 12 час. Днем работали над горкой и пилил дрова. После чая сделали репетицию.

23-го декабря. Суббота

Погода стояла мягкая, шел мелкий снег. Работали все над горкой. В 9 час. была всенощная.

24-го декабря. Воскресенье

Утром сидел полчаса у дантистки. В 12 час. была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех и устраивали елки. Во время чая — до 5 час. — пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку

для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками со всеми сменами до 5¹/₂ час. После обеда была едка свите и всем людям, а мы получили свою до 8 час. Венощная была очень поздно, началась в 10¹/₂, так как батюшка не успел прийти из-за службы в церкви. Свободные стрелки присутствовали.

25-го декабря. Понедельник.

К обеду пошли в 7 час. в темноте. После литургии был отслужен молебен пред Абалакской иконой Божией матери, привезенной накануне из монастыря в 24 верстах отсюда. Во время прогулки зашли еще раз в караульное помещение. Днем работал со снегом. До обеда прорепетили пьесу основательно.

26-го декабря. Вторник

Такой же тихий морозный день — 13°. Все долго спали. Утром зашел с детьми в караульное помещение — был 1-й взвод 1-го полка; послали вчера елку, сладкий пирог и игру в шашки. — На днях приехала Иза Буксгевден, но не допущена к нам по капризу Панкротова.

27-го декабря. Среда

Хороший теплый серый день — 4° мороза. Утром и днем работали над уборкой снега со двора и над увеличением горки. После чая репетили пьесу. У Аликс вечером заболела голова.

28-го декабря. Четверг

Чудный солнечный теплый день — 2° мороза. Долго были на воздухе утром и вечером. Узнали с негодованием, что нашего доброго о. Алексея притягивают к следствию и что он сидит под домашним арестом. Это случилось потому, что за молебном 25 дек[абря] диакон помянул нас с титулом, а в церкви было много стрелков 2-го полка, как всегда, оттуда и загорелся сыр-бор, вероятно, не без не без участия Панкротова и присных.

29-го декабря. Пятница

Тоже хороший солнечный день — 4° мороза. Работали на горке, кот[орая] готова, а днем пилил, пока дочери скаtywались на лыжах.

30-го декабря. Суббота

Тихий ясный день. У Алексея слегка распухла щикол-

ка, и он пролежал в кровати. Много гуляли; дочери выходили и после обеда.

31-го декабря. Воскресенье

Не холодный день с порывистым ветром. К вечеру Алексей встал, так как мог надеть сапог.

После чая разошлись до наступления нового года.

1918 ГОД

1 января. Понедельник

В 8 часов пошли к обедне без Ольги и Татьяны, к сожалению, так как у обеих оказалась лихорадка. Доктора думают, что, вероятно, у них краснуха. Обедню служили другие священник и диакон. Погода стояла превосходная, совсем мартовская.

2 января. Вторник

Краснуха у обеих подтвердилась, но, к счастью, сегодня у них самочувствие было лучше; сыпь порядочная.

День стоял серый, не холодный и с сильным ветром. В саду ходить и без работы — сегодня скука зеленая!

3 января. Среда

У Алексея тоже началась краснуха, но совсем слабая; Ольга и Татьяна себя чувствовали хорошо, вторая даже вставала. Целый день шел снег. Отрядный комитет стрелков сегодня постановил снять погоны, чтобы не подвергаться оскорблениям и нападениям в городе. Непостижимо!

4 января. Четверг

Сегодня заболела Мария, от сыпи у нее лицо стало малиново-багрового цвета, и лихорадка сразу сделалась сильная. Татьяна встала совсем. Гулял только с Анастасией. Было 10° мороза с ветром. Репетили пьесу. — Получил письмо от Ксении.

5 января. Пятница

Почти все поправились; Мария еще пролежала день. В 3 часа у нас была отслужена вечерня с водосвятием и затем все комнаты окроплены. Разговаривали со стрелками 1-го взвода 4-го полка о снятии погон и о поведении стрелков 2-го полка, которое они жестоко осуждают.

6 января. Богоявление

В 8 часов пошли к обедне; вместо шинели я надел полушубок. Дочери все поправились, но не все выходят. Погода стояла праздничная, солнечная, тихая. Утром долго посидели в карауле и отводили с ними души. Крестного хода на Иртыш, к сожалению, не видали из-за домов вокруг.

7 января. Воскресенье

День провели как будний, в церковь не пошли. Мороз увеличился до 18°. Окончил IV том «Всемирной истории» Иегера; в общем, составлена она толково. Написал Ксении.

8 января. Понедельник

Всю ночь и часть дня бушевала буря; утром было 18° мороза, а к вечеру дошло до 5° и стихло. В комнатах из-за ветра стало холодно, после дневной прогулки снова облекся в черкеску. Гуляли и работали со снегом.

9 января. Вторник

Отличный тихий день при легком морозе, 6°—10° мороза. Последние два дня читал книгу из библиотеки здешней гимназии «Тобольск и его окрестности» Голодникова — с занимательными историческими данными.

Днем хорошо поработал — чистил площадку и затем наполнял сарайчик дровами; мне помогал хороший старый стрелок 1-го полка Орлов — бывший преображенец.

10 января. Среда

Утром поработал с ним же, а днем с Татищевым. Стояла тихая солнечная погода — 16° мороза. От 6 часов прорепетили нашу пьесу в костюмах.

11 января. Четверг

С понедельника у детей начались уроки — продолжаю с Алексеем занятия по русской истории. Работал со стрелками 4-го полка, перенося дрова в сарайчик. Перед обедом Татьяна получила от нас подарок.

12 января. Пятница

Именины Татьяны ознаменовали молебном в зале в 12 часов. День стоял чудный, 14° мороза, при сильно греющем солнце.

Наш священник отец Алексей освобожден от домашнего ареста.

13 января. Суббота

Такая же отличная погода. Утром грелся на солнце, сидя на крыше оранжереи. Днем после чая сделали большую репетицию в соответствующих костюмах.

В 9 часов у нас была отслужена всенощная другим священником.

14 января. Воскресенье

Утром в церковь не пошли, у нас была отслужена обедница. Гулял до нее; и днем долго. Погода была светлая, точно в марте. Перед обедом сыграли свою пьесу по-настоящему. Участниками в «Les deux timides» были:

Татьяна — Annette.

Анастасия — Cécile.

Валя Д. — Garadoux.

М. Gilliard — Frémassin.

Я — Thibaudier.

Сознавали, что прошло гладко и бойко. Вечером, как всегда, безик и чтение вслух.

15 января. Понедельник

У Анастасии сегодня началась краснуха. Погода была серая, 4° мороза с ветерком. Окончил чтение XI тома Лескова.

16 января. Вторник

Анастасия себя чувствовала хорошо; температура 37,4; высыпало больше на груди, чем на лице. Погода была очень мягкая, почти таяло. От 4 до 5 часов имел урок с Алексеем. До обеда читал вслух Анастасии.

17 января. Среда

За ночь мороз взял и увеличился до 15°; погода была неприятная, с ветром. Тем не менее гуляли дважды — караул был хороший — 1-й взвод 4-го полка. Алексей зашел к ним вечером поиграть в шашки.

18 января. Четверг

Мороз все крепнет и к вечеру дошел до 24°. День простоял отличный, солнечный. Окончил сегодня с Алексеем «Историю Петра Великого».

Начал переписывать пьеску Чехова «Медведь», чтобы выучить ее с Ольгой и Мари. Вечер провели как всегда.

19 января. Пятница

Солнечный морозный день — 20°, тихо. Окончил свою письменную вчерашнюю работу к вечеру. Анастасия окончательно выздоровела и спускалась в столовую к завтраку. К ночи мороз усилился до 27°.

20 января. Суббота

День простоял очень холодный вследствие ветра при 23° мороза, резало лицо. Поработал с дровами в сарайчике. В 9 часов была всеобщая.

21 января. Воскресенье

Буря со снегом при 24° мороза.

Около 12 часов была обедница. Днем гуляли час времени. В зале и у дочерей воздух был холодный, 8°, а у меня в кабинете 9°. После обеда Татьяна, Алексей и m-r Gilliard очень дружно сыграли пьесу «A la Porte». Вечером, как всегда, безик.

22 января. Понедельник

Простоял неприятный холодный день — дул N шторм, при морозе в 25°. Гулять было невесело. В комнатах температура стояла низкая; в зале и моем кабинете — 8°, а к ночи она спустилась до 7°. Наученные опытом, мы теперь одеваемся тепло.

23 января. Вторник

Погода улучшилась, ветер стих, и к 2 час[ам] показалось солнце. Но в комнатах холод еще продолжался. Очищал занесенную снегом оранжерею.

24 января. Среда

По случаю именин Ксении написал ей письмо. Погода сделалась совсем приятная, тихая, солнечная, при 12° мороза, в особенности для оконечностей лица.

25 января. Четверг

Хороший тихий день. Сегодня, как и во вторник, имел урок с Алексеем. Дети усиленно катались с горки, кот[орую] полили как следует.

26 января. Пятница

Окончил чтение сочинений Лескова 12 томов и начал «The garden of Allah» в русском переводе. Днем хорошо поработал над дровами и пилкой.

Решением отрядного комитета Панкратов и его помощник Никольский отстранены от занимаемых должностей, с выездом из корниловского дома!

27 января. Суббота

Серый день — 8° мороза. Днем пилил с Татищевым. Валя Долгор. нездоров. Алексей тоже пролежал.

В 9 часов была всенощная.

28 января. Воскресенье

Утром погулял. В 11^{1/2} у нас была отслужена обедница. Долго работал в саду. Погода была серая, при 5° мороза, приятная. После обеда состоялся четвертый домашний спектакль.

Ольга, Татьяна, Мария, Настенька Г. и Татищев дружно сыграли «La Bête poïge». Началось в 9^{1/4}, кончилось в 10 часов.

29 января. Понедельник

Отличный тихий день. В карауле был наш взвод 4-го полка. Гулял, работал и разговаривал со стрелками. Окончил чтение Тургенева вслух вечером — принялся за рассказы Лескова.

30 января. Вторник

Во время утренней прогулки прощались с уходящими на родину лучшими нашими знакомыми стрелками. Они очень неохотно уезжают теперь зимою и с удовольствием остались бы до открытия навигации! Алексей пролежал день, так как у него распухла щиколка.

31 января. Среда

Задул ветер, и опять началась вьюга, но было нехолодно. Алексей пролежал еще день.

1/14 февраля. Четверг

Узнали, что на почте получено распоряжение изменить стиль и подравняться под иностранный, считая с 1 февраля, т. е. сегодня уже выходит 14 февраля. Недоразумениям и путаницам не будет конца!

Утром с горки видели прощание и отъезд многих стрелков старших призывов. Было тепло, но с вьюгой подсыпало много снега, кот [орый] я очищал на дворе. Алексей пролежал еще день. В 9 часов была отслужена всенощная.

2/15 февраля. Пятница

В день Сретения Господня погода простояла лучезарная. У нас в 11¹/₂ часов была отслужена обедница. Пробыли на воздухе около 3 часов — так было хорошо. Работал все время и под конец вычистил балкон. Окончил «The garden of Allah» и начал вчера «The adventures of Sherlock Holmes». С Ольгой и Марией прорепетил нашу пьесу «Медведь». — Татищев простужен.

3/16 февраля. Суббота

Такой же чудный светлый день, как вчера, но мороз увеличился. Алексей, наконец, встал. В 9 часов была всенощная.

4/17 февраля. Воскресенье

Солнечный морозный день. В 11¹/₂ часов была обедница. Долго гуляли, наслаждаясь погодой. Мария упала на горке и встала с огромной шишкой над правым глазом. После обеда был спектакль — повторение пьесы «A la Porte» и английская «Packing up», которую играли: Мария, Анастасия и Алексей — очень живо и забавно.

5/18 февраля. Понедельник

и 6/19 февраля. Вторник

Оба дня стояла дивная солнечная погода. Татищев поправился. Начал читать «Les trois Mousquetaires» А. Dumas. Уже третий день пьем дневной чай в моем кабинете, потому что светлее, видим закат и теплее комната.

7/20 февраля. Среда. 8/21 февраля

Та же неизменно-прекрасная погода с теплым солнцем и поразительной яркой луной по ночам.

Судя по телеграммам, война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек; а на фронте, кажется, у нас ничего нет, армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля! Позор и ужас!!

9/22 февраля. 10/23 февраля

Такая же солнечная погода оба дня. Еще много сроков увольняют, вплоть до 1914 г., так что все хорошие боевые стрелки уйдут из нашего отряда. Простились с ними, они отправляются уже завтра большой партией.

В 9 часов была всенощная.

11/24 февраля. Воскресенье

В 11 часов была обедница. После завтрака погулял, потом сидел недолго у Рендель и опять вышел. Смотрели с горки на отъезд стрелков в санях целым караваном. Вечером было представление «Le fluide de John» и английская «In and out of a punt», в которой играли — Татьяна и м-г Gibbs.

Все прошло хорошо и забавно.

12/25 февраля. Понедельник

Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях герман[ского] прав[ительств]ва, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар!

13/26 февраля. Вторник

Погода была менее приятная, дул ветер, и солнце спряталось. Окончил «Les trois Mousquetaires» и начал «This woman to this man». После прогулки имел урок с Алексеем.

14/27 февраля. Среда

Приходится нам значительно сократить наши расходы на продовольствие и на прислугу, так как гофмарш[альская] часть закрывается с 1 марта и, кроме того, пользование собственными капиталами ограничено получением каждым 600 руб. в месяц. Все эти последние дни мы были заняты высчитыванием того минимума, кот[орый] позволит сводить концы с концами.

15/28 февраля. Четверг

По этой причине приходится расстаться со многими из людей, так как содержать всех, находящихся с нами в Тобольске, мы не можем. Это, разумеется, очень тяжело, но неизбежно. По нашей просьбе Татищев, Валя Д. и м-г Gilliard взяли на себя хлопоты по хозяйству и заведению остающимися людьми, а под ними камердинер Волков.

Погода стояла приятная, тихая.

По вечерам читаю вслух «Соборяне» Лескова.

16 февраля (1 марта). Пятница

Сегодня начал читать «Анну Каренину». День был не холодный, утром мело, позже вышло солнце. С этого дня на-

чали жить по новому, сокращенному режиму. После чаю прорепетили нашу пьесу.

17 февраля (2 марта). Суббота

Днем шел снег, погода стояла мягкая. Расчищали дорожки, горку и пилил дрова. В 9 часов была отслужена всенощная.

15 февраля получил письмо от Ольги А.

18 февраля (3 марта). Воскресенье

В 11^{1/2} была обедница. День стоял чудный, теплый, совсем весенний; днем таяло. Сидел у Рендель. Работали в саду и пилил. После чая репетили. Вечером состоялся спектакль. Сперва шла англ[ийская] пьеса — «The Crystal Gazer» — Мария и м. Gibbs, а затем наша — «Медведь», в кот[орой] играли: Ольга, опять Мария и я. Волнений вначале представления было много, но, кажется, хорошо сошло.

19 февраля (4 марта). Понедельник

С увлечением читаю «Анну Каренину». Сегодня получил письмо от Ксении. Большую часть дня шел снег. Пилил дрова в сарайчике — там суше.

20 февраля (5 марта). Вторник

Утром увидели в окно горку перерытою; оказывается, дурацкий комитет отряда решил это сделать, чтобы помешать нам подниматься на нее и смотреть через забор!

День был ясный после снежной ночи и дул свежий N. Пилил в сарайчике. Написал мамá.

21 февраля (6 марта). Среда.

Чудный морозный день при очень теплом солнце. Утром подчищал двор, а днем долго пилил.

22 февраля (7 марта). Четверг

Сегодня навезли огромное количество дров, помогли разгружать с саней. День был теплый, по временам налетали шквалы со снегом.

23 февраля (8 марта). Пятница

Утро было лучезарное и теплое, работать было жарко. Днем стало посвежее. Аликс посидела на балконе, чтобы не бегать часто по лестнице.

24 февраля (9 марта). Суббота

Отличный тихий день. Долго пребывали на воздухе и много работали над пилкой и колкой дров. В 9 часов была всенощная.

25 февраля (10 марта). Воскресенье

Мороз прибавился до 12°, несмотря на теплое солнце. Утром погуляли до обедницы и два с половиною часа днем; усиленно кололи, пилили и переносили дрова в сарайчик.

Вечером Мария и Анастасия вторично сыграли вместе с Алексеем пьесу «Packing up».

26 февраля (11 марта). Понедельник

День рождения дорогого папá. Было холодно и метель на дворе. Тем не менее я с детьми работал усердно с дровами. Три молодых стрелка с Орловым хорошо помогали мне переносить дрова в сарай.

27 февраля (12 марта). Вторник

Холодный день с ветром, утро было ясное. Деятельно работали оба раза. До чая занимался с Алексеем.

28 февраля (13 марта). Среда

Такой же день при 12° мороза. Окончил «Анну Каренину» и начал читать Лермонтова.

Пилил много с Татьяной.

В последние дни мы начали получать масло, кофе, печенье к чаю и варения от разных добрых людей, узнавших о сокращении у нас расходов на продовольствие. Так трогательно!

1/14 марта. Четверг

Тридцать восьмая годовщина кончины апапа³⁶. В 2 часа у нас была отслужена панихида. Погода стояла такая же, как тогда,— морозная и солнечная. Работали усердно с дровами.

2/15 марта. Пятница

Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!³⁷

Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто, как Бог!
Да будет воля Его святая!

3/16 марта. Суббота

День простоял полуясный, при 14° мороза. Ходил взад и вперед утром, а днем наработался всласть.

В 9 часов была всеношная.

4/17 марта. Воскресенье

До обедницы погулял. Погода была очень хорошая, на солнце таяло. Днем много работали, стрелки 1-го полка тоже помогали. Слышны были все время бубенчики на улицах — тобольские жители катались в санях во всевозможных запряжках по случаю последнего дня Масленицы.

5/18 марта. Начало Великого поста

В 9¹/₂ началась спевка Аликс и дочерей с диаконом, а через полчаса Часы.

За обеими службами они пели, так как певчие не могут петь четыре раза в день. Погода была лучезарная. Долго пробыли на воздухе и усердно пилили и кололи дрова. После обеда свита ушла, и мы провели вечер семейно.

6/19 марта. Вторник

День стоял тихий, серый, много гуляли, все мы порядочно уже загорели. Пение за службами сегодня улучшилось.

7/20 марта. Среда

Наконец, после двухмесячного перерыва, попали снова в церковь к преждеосвященной литургии. Служил священник отец Владимир Хлынов, а не отец Алексей. Пели обыкновенные певчие, знакомые любимые наши напевы. Погода была отличная; в общем, пробыли на воздухе четыре часа.

8/21 марта. Четверг

Сегодня год, что я расстался с дорогой мама в Могилеве и уехал в Ц[арское] Село. Получил письмо от Ксении. Погода была непостоянная, то солнце, то снег, но, в общем, теплая.

9/22 марта. Пятница

Сегодня годовщина моего приезда в Царское Село и заключения с семьей в Александровском дворце. Невольно

вспоминаешь этот прошедший тяжелый год! А что еще ожидает нас всех впереди? Все в руке Божией! На Него только все упование наше.

В 8 часов пошли к обедне. День провели как всегда. Обедали в 7 часов, затем была вечерня и после нее исповедь в зале: детей, свиты, людей и наша.

10/23 марта. Суббота

В 7^{1/2} пошли к обедне, за кот [орой] причастились Св. Христовых таин со всеми нашими. Хор пел на редкость. Вернулись к 9 часам домой. После чая погуляли. Погода совсем весенняя, таяло в тени. Днем много работали. В 9 часов была всенощная дома. Спать хотелось очень.

11/24 марта. Воскресенье

Чудный весенний день. Выспались за оба дня отлично. В 11^{1/2} была обедница.

На первой неделе начал читать Библию с начала.

12/25 марта. Понедельник

Из Москвы вторично приехал Влад. Ник. Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилеве вторым вице-губернатором.

Сегодня видели его проходящим по улице.

13/26 марта. Вторник

День простоял серый, но таяло. Так как нельзя читать все время Библию, я начал также «A short history of the English people» J. K. Green. По вечерам вслух опять принялись за Тургенева — теперь читаю «Вешние воды».

Сегодня как раз 7 месяцев, что мы живем в этом доме!

14/27 марта. Среда

Здесьняя дружина расформировалась, когда все сроки службы были уволены. Так как все-таки наряды в караулы должны нестись по городу, из Омска прислали команду для этой цели. Прибытие этой «красной гвардии», как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякие толки и страхи. Просто забавно слушать, что говорят об этом в последние дни. Комендант и наш отряд, видимо, тоже были смущены, так как вот уже две ночи — караул усилен и пулемет привозится с вечера! Хорошо стало доверие одних к другим в нынешнее время.

15/28 марта. Четверг

С ночи стало значительно холоднее, до 12° мороза, день простоял солнечный с ветром. Пилили и кололи дрова усиленно.

16/29 марта. Пятница

Целый день бушевала вьюга, и снега выпало масса. Утром гуляли, а днем поработали с дровами.

17/30 марта. Суббота

Буря утихла, и день настал ясный и холодный. Утром с трудом очистил дорожку в снегу, а то гулять было тяжело. После завтрака пилил, а дочери кололи дрова. В 8.45 была всеночная. У Алексея кашель, поэтому за последние дни он не выходил на прогулку.

18/31 марта. Воскресенье

Погода поправилась, и день простоял великолепный и тихий. В 11^{1/2} была отслужена обедница. Очень долго пробыли на воздухе; солнце сильно пригревало. После обеда я обыкновенно играю в безик и затем читаю вслух. На днях у меня вышли все 4 безика.

19 марта³⁶. Понедельник

Погода была прямо идеальная, солнце жгло, и в тени доходило до 4° тепла. Узнал от нашего всегдашнего осветителя Кирпичникова много интересного о прибывших сюда большевиках из Омска. Долго и много работал.

20 марта. Вторник

Утро было сероватое, около 11 часов выглянуло солнце и день настал такой же, как вчерашний, только еще теплее. После завтрака вышли на балкон и долго пробыли там. На солнце было 21° тепла, а в тени 6°. Копали канавы в саду и пилили и кололи.

21 марта. Среда

Тоже дивный день. Утром пробыл почти два часа на воздухе, а днем более двух часов. Воздух был очень чист и прозрачен. Вечером трое наших людей, отпущенных месяц тому назад, пришли проститься перед отъездом на родину (Макаров, Михайлов и Кобычев).

22 марта. Четверг

Погода простояла серая, но таяло хорошо. Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!

23 марта. Пятница

Очень хороший день, утро было ясное и теплое. Из открытых окон казарм с 10 часов до 5 часов слышалось пение стрелков и звуки балалайки — от ничегонеделания и скуки!

Пробыли всего на воздухе четыре с половиною часа, также и на балконе.

24 марта. Суббота

Чудный день; снег быстро сходит, и почти вся наша мостовая на дворе сухая. Утром и днем много пилил. После чая читал при свете заката до 7 часов. Веношная началась в 9.45 с поклонением Св. кресту.

[25 марта] Благовещение. Воскресенье

В церковь не попали в такой праздник, встать пришлось рано, так как в 8 часов пришел батюшка и отслужил обедницу без певчих. Аликс и дочери пели опять без всякой спевки. Погода была неудачная — серая и холодная. Утром гуляли взад и вперед и говорили со стрелками. Днем пилил.

26 марта. Понедельник

Погода была серая, но теплая. По временам перепадал снежок. Работали и гуляли, как всегда.

27 марта. Вторник

Сразу наступил холод с северным ветром. День простоял ясный. Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены «протоколы» евреев и масонов — весьма современное чтение.

28 марта. Среда

Отличный солнечный день без ветра. Вчера в нашем отряде произошла тревога, под влиянием слухов о прибытии из Екатеринбурга еще красногвардейцев. К ночи был удвоен караул, усилены патрули и высланы на улицу заставы. Говорили о мнимой опасности для нас в этом доме и о необходимости переезда в архиерейский дом на горе. Целый день об этом шла речь в комитетах и прочее, и, наконец,

вечером все успокоились, о чем пришел в 7 часов мне доложить Кобылинский. Даже просили Аликс не сидеть на балконе в течение трех дней!

29 марта. Четверг

Во время утренней прогулки увидели «чрезвычайного комиссара» Демьянова, кот [орый] со своим помощником Дегтяревым, в сопровождении коменданта и стрелков, обошел караульное помещение и сад. Из-за него, т. е. этого Демьянова, и нежелания стрелков пропустить его и загорелся сыр-бор третьего дня.

День простоял отличный, солнечный.

30 марта. Пятница

Что ни день, то новый сюрприз!

Сегодня Кобылинский принес полученную им вчера бумагу из Москвы от Центр [ального] Исполн [ительного] Комитета к нашему отряду о том, чтобы перевести всех наших, живущих в том доме, к нам и считать нас снова арестованными, как в Ц [арском] Селе. Сейчас же началось переселение комн [атных] женщин вниз из одной комнаты в другую, чтобы очистить место для вновь прибывающих.

У Алексея от кашля заболело в паху, и он пролежал день.

31 марта. Суббота

Он ночь совсем не спал и днем сильно страдал, бедный. Погода была, как нарочно, прелестная и теплая, снег быстро сходит. Гулял долго. Вещи и мебель из корниловского дома перетащили до завтрака, жильцы уже устроились в новых помещениях.

В 8.45 была всенощная.

1 апреля. Воскресенье

Сегодня отрядным комитетом было постановлено, во исполнение той бумаги из Москвы, чтобы люди, живущие в нашем доме, тоже больше не выходили на улицу, т. е. в город. Поэтому целый день шел разговор о том, как их разместить в этом, без того переполненном доме, так как должно было переселиться семь человек. Все это делается так спешно ввиду скорого прибытия нового отряда с комиссаром, который везет с собой инструкцию. Поэтому наши стрелки, в ограждение себя от возможных нареканий, желают, чтобы те застали у нас строгий режим!

В 11^{1/2} часов была отслужена обедница. Алексей пролежал весь день; боли продолжались, но с большими перерывами. Погода была серая, ветреная.

2 апреля. Понедельник

Утром комендант с комиссией из офицеров и двух стрелков обходил часть помещений нашего дома. Результатом этого «обыска» было отнятие шашек у Вали и м-г Gilliard, а у меня — кинжала! Опять Кобылинский объяснил эту меру только необходимостью успокоить стрелков!

Алексею было лучше, и с 7 часов вечера он крепко заснул. Погода стояла серая, тихая.

3 апреля. Вторник

Он спал с небольшими перерывами двенадцать часов, более почти не было. Погода стояла неприятная, шел мокрый снег, и дул холодный ветер. День прошел по обыкновению.

4 апреля. Среда

Погода была серая, тихая, около 4 часов вышло солнце. Утром ходил час, а днем гулял и пилил два часа. Алексею лучше, но он устал лежать все в одном положении; лихорадка, как и вчера, небольшая — 38.4. Вл. Никол. Деревенко находит, что такая темп[ература] необходима, так как она способствует рассасыванию опухолей.

5 апреля. Четверг

Отличный день, полдня у меня окно оставалось открытым. Алексей спал с перерывами, боль по временам беспокоила его, когда он менял положение в постели и садился. Но, в общем, он был весел и разговорчив. Темп[ература] — 37.8.

6 апреля. Пятница

Сегодня Алексей больше страдал и спал немного. День стоял отличный; около 5 часов прошел хороший весенний дождь. — Окончил историю Англии Green и начал читать романы Всеv. Соловьева.

7 апреля. Суббота

Алексей спал хорошо, и днем боли появлялись гораздо реже. Утро было теплое и солнечное, а с 2 часов пошел мокрый снег, и к вечеру начало морозить. В 9 час. была всенощная, пел отличный бас.

8 апреля. Воскресенье

Двадцать четвертая годовщина нашей помолвки! День простоял солнечный, с холодным ветром, весь снег стаял.

В 11^{1/2} была обедница. После нее Кобылинский показал мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии мною и Алексеем погон! Поэтому решил на прогулки их не надевать, а носить только дома. Этого свинства я им не забуду! Работал в саду два часа. Вечером начали читать вслух «Волхвы» — тоже Всеволода Соловьева.

9 апреля. Понедельник

Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме. Дети вообразили, что он сегодня придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники. Погода была отвратительная, холодная и с мокрым снегом. Алексей себя чувствовал лучше и даже поспал днем часа два-три.

10 апреля. Вторник

В 10^{1/2} часов утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой.

Принял его в зале с дочерьми. Мы ожидали его к 11 часам, поэтому Аликс не была еще готова.

Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением. Затем почти бегом зашел к Алексею, не останавливаясь, осмотрел остальные комнаты и, извиняясь за беспокойство, ушел вниз. Так же спешно он заходил к другим в остальных этажах.

Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Аликс, опять поспешил к Алексею и ушел вниз. Этим пока ограничился осмотр дома. Гуляли по обыкновению; погода стояла переменная, то солнце, то снег.

11 апреля. Среда

День был хороший и сравнительно теплый. Много сидел на любимой крыше оранжереи, там славно пригревает солнце. Работал у горы и над расчисткой глубокой канавы вдоль внутренней изгороди.

12 апреля. Четверг

После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря, куда?

Аликс решила ехать со мною и взять Марию; протестовать не стоило. Оставлять остальных детей и Алексея — больного да при нынешних обстоятельствах — было более чем тяжело! Сейчас же начали укладывать самое необходимое. Потом Яковлев сказал, что он вернется обратно за О[льгой], Т[атьяной], Ан[астасией] и А[лексеем] и что, вероятно, мы их увидим недели через три. Грустно провели вечер; ночью, конечно, никто не спал.

13 апреля. Пятница

В 4 часа утра простились с дорогими детьми и сели в тарантасы: я — с Яковлевым, Аликс — с Марией, Валя — с Боткиным. Из людей с нами поехали: Нюта Демидова, Чемодуров и Седнев, 8 стрелков и конный конвой (Красной Армии) в 10 человек. Погода была холодная с неприятным ветром, дорога очень тяжелая и страшно тряская от подмерзшей колеи. Переехали Иртыш через довольно глубокую воду. Имели четыре перепряжки, сделав в первый день 130 верст. На ночлег приехали в село Иевлево. Поместили в большом чистом доме; спали на своих койках крепко.

14 апреля. Суббота

Встали в 4 часа, так как должны были ехать в 5 часов, но вышла задержка, пот[ому] что Яковлев разоспался и, кроме того, он ожидал потерянный пакет. Перешли Тобол пешком по доскам, только у другого берега пришлось переехать сажень 10 на пароме. Познакомились с помощником Яковлева — Гузаковым, кот[орый] заведовал всей охраной пути до Тюмени. День настал отличный и очень теплый, дорога стала мягче; но все-таки трясло сильно, и я побаивался за Аликс. В открытых местах было очень пыльно, а в лесах грязно. В селе Покровском³⁹ была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна. Последняя перепряжка была в селе Борки. Тут у Е. С. Ботк[ина] сделались сильные почечные боли, его уложили в доме на полтора часа, и затем он отправился вперед не торопясь. Мы пили чай и закусывали с нашими людьми и стрелками в здании сельского училища. Последний перегон сделали медленно и со всякими мерами военных предосторожностей. Прибыли в Тюмень в 9¹/₄ при красивой луне с целым эскадроном, окружившим наши повозки при въезде в город. Приятно было попасть в поезд, хотя и не очень чистый; сами мы и наши вещи имели отчаянно грязный вид. Легли спать в 10 часов

не раздеваясь, я — над койкой Аликс, Мария и Нюта в отделении рядом.

15 апреля. Воскресенье

Все выпались основательно. По названиям станций догадались, что едем по направлению на Омск. Начали догадываться: куда нас повезут после Омска? На Москву или на Владивосток? Комиссары, конечно, ничего не говорили. Мария часто заходила к стрелкам — их отделение было в конце вагона, тут помещалось четверо, остальные в соседнем вагоне. Обедали на остановке на станции Вагай в 11 часов очень вкусно. На станциях завешивали окна, так как по случаю праздника народу было много. После холодной закуски с чаем легли спать рано.

16 апреля. Понедельник

Утром заметили, что едем обратно. Оказалось, что в Омске нас не захотели пропустить! Зато нам было свободнее, даже гуляли два раза, первый раз вдоль поезда, а второй — довольно далеко в поле вместе с самим Яковлевым. Все находились в бодром настроении.

17 апреля. Вторник

Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой — товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с кот [орым] мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева. Мало-помалу подъехали наши и также вещи, но Валю не впустили.

Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару. К 9 часам, наконец, устроились. Обедали в 4¹/₂ из гостиницы, а после приборки закусили с чаем.

Разместились след [ующим] образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой — Н. Демидова, в зале — Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната кар [аульного] офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и W. C., нужно было проходить мимо часового у дверей кар [аульного] помещения. Вокруг дома построен очень высокий досчатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже.

18 апреля. Среда

Выспались великолепно. Пили чай в 9 часов. Аликс осталась лежать, чтобы отдохнуть от всего перенесенного.

По случаю 1 мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили! Хотелось вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал, а воду в бочке не могли привезти. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало. Погода стояла чудная, солнце светило ярко, было 15° в тени, дышал воздухом в открытую форточку.

19 апреля. Четверток великий

День простоял отличный, ветренный, пыль носилась по всему городу, солнце жгло в окна. Утром читал книгу Аликс «La sagesse et la destinée» Maeterlinck. Позже продолжал чтение Библии. Завтрак принесли поздно — в 2 часа. Затем все мы, кроме Аликс, воспользовались разрешением выйти в садик на часок. Погода сделалась прохладнее, даже было несколько капель дождя. Хорошо было подышать воздухом. — При звуке колоколов грустно становилось при мысли, что теперь Страстная и мы лишены возможности быть на этих чудных службах и, кроме того, даже не можем поститься. До чая имел радость основательно вымыться в ванне.

Ужинали в 9 часов. Вечером все мы, жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 Евангелий, после чего легли.

20 апреля. Пяток великий

За ночь стало гораздо холоднее; вместо дождя перепал изредка снег, но стаял сейчас же. Солнце показывалось по временам. Двое суток почему-то наш караул не сменялся. Теперь его помещение устроено в нижнем этаже, что для нас безусловно удобнее — не приходится проходить

перед всеми в W. С. или ванную и больше не будет пахнуть махоркой в столовой.

Обед очень запоздал из-за предпраздничного наплыва в город жизненных припасов; сели за него в 3¹/₂ ч. Потом погулял с Марией и Боткиным полчаса. Чай пили в 6 час. По утрам и вечерам, как все эти дни здесь, читал соответствующие Св. Евангелия вслух в спальне. По неясным намекам нас окружающих можно понять, что бедный Валя не на свободе и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобожден! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин ни старался.

Отлично поужинали в 9¹/₂ час.

21 апреля. Великая суббота

Проснулись довольно поздно; день был серый, холодный, со снежными шквалами. Все утро читал вслух, писал по несколько строчек в письма дочерям от Аликс и Марии и рисовал план этого дома. Обедали в час с ¹/₂. Погуляли 20 минут. По просьбе Боткина, к нам впустили священника и дьякона в 8 час. Они отслужили заутреню скоро и хорошо; большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать «Христос воскресе». Украинцев, помощник коменданта, и солдаты караула присутствовали. После службы поужинали и легли рано.

22 апреля. Светлое Христово воскресенье

Весь вечер и часть ночи слышен был треск фейерверка, кот [орый] пускали в разных частях города. Днем стоял мороз около 3°, и погода была серая. Утром похристосовались между собою и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать.

Обедали и ужинали в свое время. Гуляли полчаса. Вечером долго беседовали с Украинцевым у Боткина⁴⁰.

23 апреля. Понедельник

Встали поздно морозным серым утром. Второй раз заперти провели именины дорогой Аликс, но этот раз не всей семьей. Узнали от коменданта, что Алексей уже выходил на воздух пять дней тому назад — слава Богу!

Гуляли и при солнце и при крупе. Мороз держался около 3—4°. Перед обедом хотели затопить камин в столовой, но повалил такой дым, что пришлось загасить огонь, а в комнатах стало прохладно.

24 апреля. Вторник

День простоял лучше и немного теплее. Сегодня довольствие получили из собрания, но какого, не знаю? И обед и ужин опоздали на час. Гуляли подольше, так как было солнце. — Авдеев⁴¹, комендант, вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать! Вечером выкупался в ванне. Поиграл с Аликс в безик.

25 апреля. Среда

Встали к 9 час. Погода была немного теплее — до 5°. Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в разные куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с шашками при себе и с винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по-своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго говорил с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, также и маленький кар [аульный] начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги. Украинцев принес нам первую телеграмму от Ольги перед ужином. Благодаря всему этому в доме почувствовалось некоторое оживление. Кроме того, из дежур[ной] комнаты раздавались звуки пения и игры на рояле, кот [орый] был на днях перетащен туда из нашей залы. — Еда была отличная и обильная и поспевала вовремя.

26 апреля. Четверг

Сегодня около нас, т. е. в деж [урной] комнате и в карауле, происходило с утра какое-то большое беспокойство, все время звонил телефон. Украинцев отсутствовал весь день, хотя был дежурный. Что такое случилось, нам, конечно, не сказали; может быть, прибытие сюда какого-нибудь отряда привело здешних в смущение! Но настроение караульных было веселое и очень предупредительное. Вместо Украинцева сидел мой враг — «лупоглазый», кот [орый] должен был выйти гулять с нами. Он все время молчал, так как с ним никто не говорил. Вечером, во время безика, он привел другого типа, обошел с ним комнаты и уехал.

27 апреля. Пятница

В 8^{1/2} должны были встать и одеться, чтобы принять

вчерашнего заместителя коменданта, передавшего нас новому — с добрым лицом, напоминающим художника. Утром шел густой снег, а днем вышло солнце. Гулять было хорошо. После чаю опять приехал «лупоглазый» и спрашивал каждого из нас, сколько у кого денег? Затем он попросил записать точно цифры и взял с собою лишние деньги от людей для хранения у казначея Областного Совета! Пренеприятная история. За вечерней игрой добрый маленький кар [аульный] начальник сидел с нами, следил за игрой и много разговаривал.

28 апреля. Суббота

Сегодня неприятностей не было. Погода была потеплее, гуляли два раза. Познакомились с новым комендантом № 5. Получили телеграмму из Тобольска, там все хорошо, письма наши доходят. Когда они приедут сюда, не знаем. До 9¹/₂ вечера ожидали ужина. Играл в безик.

29 апреля. Воскресенье

Хорошая солнечная погода, довольно прохладная. В эту ночь караульный начальник отлучался часа на три, чтобы потанцевать на балу! Поэтому он весь день ходил смешной и сонный. Аликс просидела в садике на скамейке во время нашей прогулки. Обед и ужин были принесены вовремя.

30 апреля. Понедельник

День простоял отличный, безоблачный. Утром погуляли час. Обед бессовестно опоздал — вместо часа его принесли в 3¹/₂! Поэтому вторично вышли гулять около 4 час. только. Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору — смотреть на нас чрез щель; их всячески отгоняли, но все при этом смеялись. Поганец Авдеев приходил в сад, но держался вдали. Ужинали в 8¹/₂ час. Днем много читал вслух хорошие рассказы Лейкина «Неунывающие россияне». Вечером — безик с Аликс.

1 мая. Вторник

Были обрадованы получением писем из Тобольска; я получил от Татьяны. Читали их друг у друга все утро. Погода стояла отличная, теплая. К полудню сменился караул из состава той же особой команды фронтовиков — русских и латышей. Кар [аульный] начальник — представительный молодой человек. Сегодня нам передали через Боткина, что

в день гулять разрешается только час; на вопрос: почему? исп. долж [ность] коменданта ответил: «Чтобы было похоже на тюремный режим». Еда была вовремя. Нам купили самовар — по крайней мере, не будем зависеть от караула. Вечером во время игры имел четыре безика.

2 мая. Среда

Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр покрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман кот [орый] смотрится в окна. Вышли гулять в 3¹/₂, а в 4.10 нас погнали домой. Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не заговаривал, так как все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами, за ним и за часовым! Погода была очень хорошая, а в комнатах стало тускло. Одна столовая выиграла, так как ковер снаружи с окна сняли!

У Седнева простуда с лихорадкой.

3 мая. Четверг

День простоял серый, но теплый. В комнатах, особенно наших двух, ощущалась сырость; воздух, входивший через форточку, был теплее комнатного. Научил Марию играть в трик-трак.

У Седнева лихорадка меньше, но он пролежал весь день. Гуляли днем ровно час. Порядок в карауле значительно прибавился, больше шляющихся в саду при нас не было. Днем получили от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад. Электричество в столовой погасло, ужинали при двух свечках, вставленных в банки. В зале тоже не все горело. Принял ванну после Марии в 7¹/₂ час.

4 мая. Пятница

Целый день шел дождь. Узнали, что дети выехали из Тобольска, но когда, Авдеев не сказал. Он же днем открыл дверь в запертую комнату, предназначенную нами для Алексея. Она оказалась большою и светлее, чем мы полагали, так как имеет два окна; наша печка хорошо ее отапливает. Гуляли полчаса из-за дождя. Еда была обильная, как все это время, и попевала в свое время. Комендант, его помощ [ник], кар [аульный] нач [альник] и электротехники бегали по всем помещениям, исправляя провода, но тем не менее ужинали в темноте.

5 мая. Суббота

Погода стояла сырая и дождливая. Свет в комнатах тусклый и скука невероятная! Во время игры с Марией у меня вышел настоящий трик-трак, — так же редко, как четыре безика. Гуляли полчаса днем. Ужина дожидались с 8 до 9 час. Электрическое освещение в столовой поправили, а в зале еще нет.

6 мая. Воскресенье

Дожил до 50 лет, даже самому странно! Погода стояла чудная, как на заказ. В 11^{1/2} тот же батюшка с диаконом отслужил молебен, что было очень хорошо. Прогулялся с Марией до обеда. Днем посидели час с четвертью в саду, грелись на теплом солнце. Не получаем никаких известий от детей и начинаем сомневаться, выехали ли они из Тобольска?

7 мая. Понедельник

Спокойный день с хорошей погодой. Утром погуляли полчаса, а днем полтора. Сменился караул. Вчера начал читать вслух книгу Аверченко «Синее с золотом». До ужина принял ванну. Вечером электр [ическое] освещение опять пошаливало; пока Седнев исправлял его, играли в безик при свете огарка в банке.

8 мая. Вторник

Утром слышали гром, в стороне от города прошла [гроза], но у нас было несколько ливней. Читал до обеда 4-ю часть «Войны и мир», которую не знал раньше. Погулял час с Марией. Авдеев предложил нам осмотреть две комнаты рядом со столовой; караул теперь помещен в подвальном этаже. Более получаса ожидали обед и ужин. Получили поздрав [ительную] телегр [амму] от Ольги к 6-му мая⁴².

9 мая. Среда

Полуясный день с несколькими дождями. И Мария и я зачитывались «Войной и миром», а перед чаем увлекались в трик-трак. Гуляли час. Все еще не знаем, где находятся дети и когда они все придут? Скучная неизвестность!

10 мая. Четверг

Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем что они приехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час. ночи! Огромная радость

была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн[ой] разлуки и неопределенности.

Взаимным вопросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Из всех прибывших с ними впустили только повара Харитонову и племянника Седнева. Днем вышли минут на 20 в сад — было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать.

11 мая. Пятница

С утра поджидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате. — Хотя мы все сидели вместе в спальне, я много читал; начал «Неоконченную повесть» Апухтина.

12 мая. Суббота

Спали все хорошо, кроме Алексея, кот [орого] вчера под вечер перенесли в его комнату. Боли у него продолжались сильные, стихая периодически.

Погода вполне соответствовала общему нашему настроению, шел мокрый снег при 3° тепла. Вели переговоры через Евг[ения] Серг[еевича] с председат[елем] Областного Совета о впуске к нам м-г Gilliard. Дети разбирали некоторые свои вещи после невообразимо продолжительного осмотра их в ком[ендантской] комнате. Гуляли минут 20.

Ужин опоздал почти на час.

13 мая. Воскресенье

Спали отлично, кроме Алексея. Боли у него продолжались, но с большими промежутками. Он пролежал в кровати в нашей спальне. Службы не было. Погода была та же, снег лежал на крышах. Как все последние дни, В. Н. Деревенко приходил осматривать Алексея; сегодня его сопровождал черный господин, в кот[ором] мы признали врача. После короткой прогулки зашли с ком[ендантом] Авдеевым в сарай, в кот[орый] свезен весь наш большой багаж. Осмотр некото-

рых открываемых сундуков продолжался. Начал читать сочинения Салтыкова (Щедрина) из шкафа хозяина дома. Вечером поиграли в безик.

14 мая. Понедельник

Погода простояла теплая. Много читал. Алексею, в общем, было полегче.

Погоуляли днем час. После чаю Седнева и Нагорного вызвали для допроса в Обл [астной] Совет. Вечером продолжался осмотр вещей дочерей при них. Часовой под нашим окном выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелился у окна (после 10 час. вечера) — по моему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают.

15 мая. Вторник

Сегодня месяц нашему пребыванию здесь. Алексею все по-прежнему, только промежутки отдыха были больше. Погода была жаркая, душная, а в комнатах прохладно. Обедали в 2 часа. Гуляли и сидели в садике час с $\frac{1}{4}$. Аликс стригла мне волосы удачно.

16 мая. Среда

День стоял отличный. Погоуляли утром и днем долго и грелись на солнце.

Алексею было лучше. Вл. Ник. ему сделал гипсовую повязку. Ужинали в 8 час. при дневном свете. Аликс легла пораньше, из-за мигрени. — О Седневе и Нагорном ни слуха ни духа!

17 мая. Четверг

Очень теплый день. Все утро, после уборки комнат, зачитывались книгами до обеда. Еда приходила аккуратно. Алексей был гораздо спокойнее, боли у него были только к вечеру недолго. Гуляли перед чаем. Купался до ужина.

18 мая. Пятница

Ночью шел дождь и днем тоже. Начал читать второй том Салтыкова «Господа Головлевы». В комнатах было серо и скучно. Гуляли полчаса. Перед окнами Алексея забор еще приподняли.

19 мая. Суббота

Погода была серая и теплая. Читал все утро. Гуляли час с минутами до чая. У Алексея болей почти не было. Зелень

понемногу подвигается. Ужин опять принесли за два часа — Харитонов его разогрел к 8 час. Поиграл с Марией в триктрак.

20 мая. Воскресенье

В 11 час. у нас была отслужена обедница; Алексей присутствовал, лежа в кровати. Погода стояла великолепная, жаркая. Погуляли после службы и днем до чая. Несносно сидеть так взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе! Тюремный режим!

21 мая. Понедельник

Чудный теплый день. Гуляли два раза. Внизу в кар [аульном] помещении снова был выстрел; комендант пришел справиться, не прошла ли пуля через пол? У Алексея совсем не было болей; как всегда, он проводит день в постели в нашей комнате. Окончил второй том Салтыкова. Вечером играли в безик.

22 мая. Вторник

Жара и духота в комнатах. Гуляли только днем. Около 5 часов прошла сильная гроза и другая вечером. Алексею гораздо лучше, и колено очень уменьшилось в объеме. У меня болели ноги и поясница и спал плохо.

23 мая. Среда

Перевели часы на два часа вперед. Сегодня Алексей оделся и был вынесен на воздух парадным ходом. Погода стояла чудная. Аликс и Татьяна посидели с ним полтора часа. Гуляли в садике в свое время. У меня самочувствие было кислое. Легли спать, когда еще было светло.

24 мая. Четверг

Весь день страдал болями от гем [орроидальных] шишек, поэтому ложился на кровать, потому что удобнее прикладывать компрессы. Аликс с Алексеем пробыли полчаса на воздухе, а мы после них час.

Погода стояла чудная.

25 мая. Пятница

День рождения дорогой Аликс провел в кровати с сильными болями в ногах и в др [угих] местах.

Следующие два дня стало лучше, мог есть, сидя в кресле⁴³.

27 мая. Воскресенье

Наконец, встал и покинул койку. День был летний. Гуляли в две очереди: Аликс, Алексей, Ольга и Мария до обеда; я, Татьяна и Анастасия до чая. Зелень очень хорошая и сочная, запах приятный. Читаю с интересом 12-й т[ом] Салтыкова: «Пошехонская старина».

28 мая. Понедельник

Очень теплый день. В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели также изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!

29 мая. Вторник

Дорогой Татьяне минул 21 год! С ночи дул сильный ветер и прямо в форточку, благодаря чему воздух в нашей спальне был, наконец, чист и довольно прохладный. Много читали. Гуляли опять в две очереди.

К завтраку Харитонов подал компот, к большой радости всех. Вечером, по обыкновению, безик.

31 мая. Вознесение

Утром долго, но напрасно ожидали прихода священника для совершения службы: все были заняты по церквям. Днем нас почему-то не выпускали в сад. Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. По его словам, он и Областной Совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно — в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева.

Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1 июня мы остались побивачному, ничего не раскладывая.

Погода простояла хорошая; прогулка состоялась, как всегда, в две очереди. Наконец, после ужина Авдеев, слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схвачены и что

опасность миновала и наш отъезд отменен! После всех приготовлений даже скучно стало! Вечером поиграли в безик.

3 июня. Воскресенье

Опять службы у нас не было. Всю эту неделю читал и сегодня окончил историю «Имп. Павла I» Шильдера — очень интересно.

Все поджидаем Седнева и Нагорного, кот [орых] нам обещали выпустить сегодня.

5 июня. Вторник

Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет. Жара и снаружи и внутри была великая. Продолжаю чтение Салтыкова III тома — занимательно и умно.

Гуляли всей семьей перед чаем. Со вчерашнего Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!

9 июня. Суббота

Последние дни погода стояла чудная, но очень жаркая; в наших комнатах духота была большая. Особенно по ночам. По письменной просьбе Боткина, нам разрешили полутора-часовые прогулки. Сегодня во время чая вошло 6 человек, вероятно — Областного Совета, посмотреть, какие окна открыть? Разрешение этого вопроса длится около двух недель! Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна.

Аромат от всех садов в городе удивительный.

10 июня. Троицын день

Ознаменовался разными событиями: у нас утром открыли одно окно, Евг. Серг. заболел почками и очень страдал, в 11^{1/2} была отслужена настоящая обедня и вечерня, и в конце дня Аликс и Алексей ужинали с нами в столовой. Кроме того, гуляли два часа! День стоял великолепный. Оказывается, что вчерашние посетители были комиссары из Петрограда. Воздух в комнате стал чистый, к вечеру даже и прохладнее.

12 июня. Вторник

Вчерашний и сегодняшний день были изумительно жаркие. В комнатах тоже, несмотря на открытое все время окно! Гуляли днем два часа. За обедом прошло две силь-

ных грозы, освежившие воздух! Евг. Серг. гораздо лучше, но он еще лежит.

14 июня. Четверг

Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Погода стояла та же тропическая, 26° в тени, а в комнатах 24°, даже трудно выдержать! Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые...⁴⁴

Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в кот [орых] нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны.

21 июня. Четверг

Сегодня произошла смена комендантов — во время обеда пришли Белобородов⁴⁵ и др. и объявил, что вместо Авдеева назначается тот, кот [орого] мы принимали за доктора — Юровский⁴⁶. Днем до чая он с своим помощником составляли опись золотым вещам — нашим и детей; большую часть (кольца, браслеты и пр.) они взяли с собой. Объяснили тем, что случилась неприятная история в нашем доме, упомянули о пропаже наших предметов. Так что убеждение, о кот [ором] я писал 28 мая, подтвердилось. Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае.

23 июня. Суббота

Вчера комендант Ю [ровский] принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение. Погода стала прохладнее, и в спальне легче дышалось. Ю [ровский] и его помощник начинают понимать, какого рода люди окружали и охраняли нас, обворовывая нас.

Не говоря об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, потому что все количество провизии стало попадать на кухню.

Все эти дни, по обыкновению, много читал; сегодня начал VII том Салтыкова. Очень нравятся мне его повести, рассказы и статьи.

День был дождливый, погуляли полтора часа и воротились домой сухими.

25 июня. Понедельник

Наша жизнь нисколько не изменилась при Ю [ровском]. Он приходит в спальню проверять целость печати на коробке и заглядывает в открытое окно. Сегодня все утро и до 4 час. проверяли и исправляли электр [ическое] освещение. Внутри дома на часах стоят нов [ые] латыши, а снаружи остались те же — частью солдаты, частью рабочие! По слухам, некоторые из авдеевцев сидят уже под арестом!

Дверь в сарай с нашим багажом запечатана. Если бы это было сделано месяц тому назад!

Ночью была гроза, и стало еще прохладнее.

28 июня. Четверг

Утром около 10¹/₂ час. к открытому окну подошло трое рабочих, подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы — без предупреждения со стороны Ю [ровского]. Этот тип нам нравится все менее!

Начал читать VIII том Салтыкова.

30 июня. Суббота

Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО.

Письма к Луначарскому

Публикуя эти письма, мы еще раз возвращаемся к личности выдающегося писателя и гражданина России — Владимира Галактионовича Короленко. Странно, но это факт: в истории нашей литературы конца прошлого — начала этого века, в истории общественной мысли и общественных деяний того же периода мы опускаем это имя — В. Г. Короленко. О Толстом помним, а вот о Короленко — нет. И это очень большая, недопустимая потеря.

Публикуя эти письма, мы еще раз приоткрываем драму, по сути дела свойственную всем без исключения революциям, тем более — гражданским войнам.

В. И. Ленин указывал на то, что на первых порах Октябрьская революция была самой мирной и самой бескровной. Так оно и было: Временное правительство малой кровью отняло власть у одряхлевшего за триста лет своего существования царского двора, для власти Советов марионеточное Временное правительство тоже не представляло серьезной преграды.

Так оно и было бы — почти что бескровно, если бы затем не разгорелась гражданская война, в значительной мере спровоцированная интервентами на севере, на западе, на юге и на востоке России. Она-то и привела к обоюдному террору, против которого не могла не протестовать душа гражданина Короленко.

Для нас, современников, этот террор представляется тем более трагичным, что он оказался не последним.

Наши отцы и деды полагали, что, отстаивая Советскую власть всеми доступными им средствами, утвердив ее навсегда, они навсегда же откажутся и от средств террора.

Оказалось не так, оказалось, что в 1929—1931, в 1937—1938 годах, а потом уже и в послевоенные 1948—1949 годы многим из них самим суждено было стать едва ли не первоочередными жертвами «нового» терроризма.

И чтобы отныне и уже поистине никогда это страшное явление не возникало в социалистическом и все еще революционном обществе, нам нужно знать его историю. Все в целом, а не по отдельным ее частям.

Нам нужно помнить и тех рыцарей морали и справедливости, кото-

рые находились всегда и везде в самые трагические моменты и действовали так, как подсказывала им собственная совесть, и ничто другое. Ведь в самый разгар и таких человеческих бедствий, как терроризм, находились люди, которые по мере своих сил (и даже сверх этой меры) противостояли подобным бедствиям.

Может быть, исторически они были и не во всем правы, но даже если это так, они не перестают быть рыцарями и должны бесконечно долго жить в памяти народной.

С. ЗАЛЫГИН

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Анатолий Васильевич.

Я, конечно, не забыл своего обещания написать обстоятельное письмо, тем более что это было и мое искреннее желание. Высказывать откровенно свои взгляды о важнейших мотивах общественной жизни давно стало для меня, как и для многих искренних писателей, насущнейшей потребностью. Благодаря установившейся ныне «свободе слова», этой потребности нет удовлетворения. Нам, инакомыслящим, приходится писать не статьи, а докладные записки. Мне казалось, что с вами мне это будет легче. Впечатление от вашего посещения укрепило во мне это намерение, и я ждал времени, когда я сяду за стол, чтобы обменяться мнениями с товарищем писателем о болящих вопросах современности.

Но вот кошмарный эпизод с расстрелами во время вашего приезда¹ как будто лег между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чем, пока не разделаюсь с ним. Мне невольно приходится начинать с этого эпизода.

Уже приступая к разговору с вами (вернее, к ходатайству) перед митингом, я нервничал, смутно чувствуя, что мне придется говорить напрасные слова над только что зарытой могилой. Но — так хотелось поверить, что слова начальника Чрезв. комиссии имеют же какое-нибудь основание и пять жизней еще можно спасти. Правда, уже и по общему тону вашей речи чувствовалось, что даже и вы считали бы этот кошмар в порядке вещей... но... человеку свойственно надеяться...

И вот на следующий день, еще до получения вашей записки, я узнал, что мое смутное предчувствие есть факт:

пять бессудных расстрелов, пять трупов легли между моими тогдашними впечатлениями и той минутой, когда я со стесненным сердцем берусь за перо. Только два-три дня назад мы узнали из местных «Известий» имена жертв. Перед свиданием с вами я видел родных Аронова и Миркина, и это отблеск личного драматизма на эти безвестные для меня тени. Я привез тогда на митинг, во-первых, копию официального заключения лица, ведающего продовольствием. В нем значилось, что в деяниях Аронова продовольственные власти не усмотрели нарушения декретов. Во-вторых, я привез ходатайство мельничных рабочих, доказывающее, что рабочие не считали его грубым эксплуататором и спекулянтom. Таким образом, по вопросу об этих двух жизнях были разные, даже официальные, мнения, требовавшие во всяком случае осторожности и проверки. И действительно, за полторы недели до этого в Чрезвычайную комиссию поступило предложение губисполкома, согласно заключению юрисконсульта, освободить Аронова или передать его дело в революционный трибунал.

Вместо этого он расстрелян в административном порядке.

Вы знаете, что в течение своей литературной жизни я «сеял не одни розы»*. При царской власти я много писал о смертной казни и даже отвоевал себе право говорить о ней печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой. Порой мне удавалось даже спасти уже обреченные жертвы военных судов, и были случаи, когда после приостановления казни получались доказательства невинности и жертвы освобождались (напр., в деле Юсупова²), хотя бывало, что эти доказательства приходили слишком поздно (в деле Глускера³ и др.).

Но казни без суда, казни в административном порядке — это бывало величайшей редкостью даже и тогда. Я помню только один случай, когда озверевший Скалон (варшавский генерал-губернатор) расстрелял без суда двух юношей. Но это возбудило такое негодование даже в военно-судных сферах, что только «одобрение» после факта немудрого царя спасло Скалона от предания суду. Даже члены главного военного суда уверяли меня, что повторение этого более невозможно.

Много и в то время и после этого творилось невероят-

* Выражение ваше в одной из статей обо мне. (Здесь и далее — примеч. В. Г. Короленко.)

ных безобразий, но прямого признания, что позволительно соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры (к смертной казни), даже тогда не бывало. Деятельность большевистских Чрезвычайных следственных комиссий представляет пример — может быть, единственный в истории культурных народов. Однажды один из видных членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в полтавской Чрезвычайной комиссии, куда я часто приходил и тогда с разными ходатайствами, спросил меня о моих впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право не только ссылать в Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь.

На это мой собеседник ответил:

— Но ведь это для блага народа.

Я думаю, что не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа, и для меня несомненно, что административные расстрелы, возведенные в систему и продолжающиеся уже второй год, не принадлежат к их числу. Однажды, в прошлом году, мне пришлось описать в письме к Христ. Георг. Раковскому⁴ один эпизод, когда на улице чекисты расстреляли несколько так называемых контрреволюционеров. Их уже вели темной ночью на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых над открытой могилой и расстреливали в затылок без дальних церемоний. Может быть, они действительно пытались бежать (немудрено), и их пристрелили тут же на улице из ручных пулеметов. Как бы то ни было, народ, съезжавшийся утром на базар видел еще лужи крови, которую лизали собаки, и слушал в толпе рассказы окрестных жителей о ночном происшествии. Я тогда спрашивал у Х. Г. Раковского: считает ли он, что эти несколько человек, будь они даже деятельнейшие агитаторы, могли бы рассказать этой толпе что-нибудь более яркое и более возбуждающее, чем эта картина? Должен сказать, что тогда и местный губисполком, и центральная киевская власть немедленно прекращали (два раза) попытки таких коллективных расстрелов и потребовали передачи дела революционному трибуналу. Суд одного из обреченных Чрезвычайной комиссией к расстрелу оправдал, и этот приговор был встречен рукоплесканиями всей публики. Аплодировали даже часовые красноармейцы, отложив ружья. После, когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их напоказ⁵. Впечатление было ужасное, но — к тому времени они сами расстреляли

уже без суда несколько человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид? Да, обоюдное озверение достигло уже крайних пределов, и мне горько думать, что историку придется отметить эту страницу «административной деятельности» ЧК в истории первой Российской Республики, и притом не в XVIII, а в XX столетии.

Не говорите, что революция имеет свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революционной толпы, обгабившей улицы кровью даже в XIX столетии. Но это были вспышки стихийной, а не систематизированной ярости. И они надолго оставались (как расстрел заложников коммунарами) кровавыми маяками, вызывавшими не только лицемерное негодование версальцев, которые далеко превзошли в жестокости коммунаров, но и самих рабочих и их друзей... Надолго это кидало омрачающую и заглушающую тень и на самое социалистическое движение.

В сообщении по поводу расстрела Аронова и Миркина, появившемся наконец 11 и 12 июня в «Известиях», говорится, что они казнены за хлебную спекуляцию. Пусть даже так, хотя все-таки невольно вспоминается, что продовольственные власти не усмотрели нарушения декретов, и это разногласие заслуживало хотя [бы] судебной проверки. Вообще, все это мрачное происшествие напоминает общественный эпизод Великой французской революции. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это также самым близоруким образом — происками аристократов и спекулянтов и возбуждало слепую ярость толпы. Конвент «пошел навстречу народному чувству», и головы тогдашних Ароновых и Миркиных летели десятками под ножом гильотины. Ничто, однако, не помогало, дороговизна только росла. Наконец парижские рабочие первые очнулись от рокового угара. Они обратились к конвенту с петицией, в которой говорили: «Мы просим хлеба, а вы думаете нас накормить казнями». По мнению Мишле, историка-социалиста, из этого утомления казнями в С.-Антуанском предместье взметнулись первые взрывы контрреволюции.

Можно ли думать, что расстрелы в административном порядке могут лучше нормировать цены, чем гильотина?

В сообщении официальной газеты приведены только четыре имени расстрелянных 30 мая, тогда как определенно говорилось о пяти. Из этого встревоженное население делает заключение, что список неполон. Называют еще другие

имена... Между тем если есть что-нибудь, где гласность всего важнее, то это именно в вопросах человеческой жизни. Здесь каждый шаг должен быть освещен. Все имеют право знать, кто лишен жизни, если уж это признано необходимым, за что именно, по чьему приговору. Это самое меньшее, что можно требовать от власти. Теперь население живет под давлением кошмара. Говорят, будто только часть [казненных] приводится в списке. Доходят до чудовищных слухов, будто даже прежняя процедура еще упрощается до невозможного отсутствия всяких форм, говорят, что теперь можно обходиться даже без допроса подсудимого. Думаю, что это только испуганный бред... Но — как выбить из голов населения мысль, что теперь бредит порой и сама действительность?..

Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, — в своей речи высказали как будто солидарность с этими «административными расстрелами». В передаче местных газет это звучит именно так. От души желаю, чтобы в вашем сердце зазвучали опять отголоски настроения, которое когда-то роднило нас в главных вопросах, когда мы оба считали, что движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы, предполагая мужество в прямой борьбе и человечность даже к противникам. Пусть зверство и слепая несправедливость остаются целиком на долю прошлого, отжившего, не проникая в будущее...

Вот, я теперь высказал все, что камнем лежало на моем сознании, и теперь, думаю, моя мысль освободилась от мрачной завесы, которая мешала мне исполнить свое желание — высказаться об общих вопросах.

До следующего письма.

19 июня 1920 года

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Это второе письмо я начну с конкретного примера. Так мне легче. Я не политик, не экономист. Я только человек, много присматривавшийся к народной жизни и выработавший некоторое чутье к ее явлениям.

В 1893 году я был на всемирной выставке в Чикаго.

Приготовление к выставке и сама выставка привлекли в Чикаго массу рабочего люда. После выставки вспыхнули крупные волнения, вызванные наступившей безработицей, и одно время пульмановский городок недалеко от Чикаго и самый город Чикаго оказались во власти восставших рабочих. В предвидении этого тяжелого положения губернатор штата Иллинойс, по фамилии Алтгелдж, человек своеобразный и прямо замечательный по смелости мысли и действий, один из лучших представителей американской демократии, сам стал еще до конца выставки призывать рабочих к тому, чтобы они заранее обдумали свое положение и старались организовать для взаимопомощи.

И вот однажды на огромной площади у так называемого дворца искусств, недалеко от берега Мичигана, собрался митинг безработных. Он был грандиозен, как все в Америке. Огромная площадь оказалась залитой целым морем людских голов. Число участников, по предварительному подсчету полиции, далеко превысило двести тысяч еще задолго до часа, назначенного для открытия митинга.

Я тоже пошел туда. Картина была своеобразна: над морем людских голов возвышались платформы, каждая на двух очень высоких колесах, и с каждой платформы к толпе обращался отдельный оратор. Я слышал тут знаменитого Генри Джорджа, проповедовавшего свой «единый налог», который должен был сразу разрешить социальный вопрос уничтожением земельной ренты. Социалист Морган, простой кузнец в блузе с засученными рукавами, взывал к силе рабочего класса. Указывая на огромные дома, окружавшие обширную площадь, он говорил: «Вы голодаете, а ведь все это ваше». С третьей платформы щебетала молоденькая мисс, в то время довольно популярная и усиленно рекомендовавшая... справочные конторы как лекарство от безработицы. Был и такой оратор-рабочий, который горячо доказывал, что капитал, организуя производство, служит одновременно интересам рабочих и что между этими двумя классами — капиталистами и рабочими — должно установиться прочное дружеское сотрудничество.

Ораторы на платформах сменялись, но с каждой говорили люди единомышленные, звучали однородные призывы. В публике все время происходило соответствующее движение: переходя от платформы к платформе, каждый имел возможность ознакомиться со взглядами всех партий. Все это, очевидно, тяготело не к тому, чтобы в результате митинга получилось единое мнение, а лишь к тому, чтобы

каждый мог получить разносторонние данные для собственного вывода. Остальное предоставлялось затем агитации каждой партии в отдельности.

Около меня послышался глубокий вздох. Вздыхал человек в поношенном костюме рабочего, может быть, тоже безработный.

— Эх... все это не то, — сказал он, обращаясь ко мне. — Надо было бы им всем сначала сговориться, а сюда прийти с одним выводом. Вот тогда был бы толк.

В говорившем мы узнали соотечественника, русского еврея. В компании, с которой я пришел на митинг, был очень интересный человек, тоже русский по происхождению. Но он приехал в Америку ребенком и хотя понимал по-русски (по семейной традиции), но сам говорил уже с трудом. Звали его мистер Стон. Он был, помнится, ремесленник, но уже обратил на себя внимание статьями по рабочему вопросу и поэтому, с одной стороны, играл видную роль в социалистической партии Чикаго, а с другой — губернатор Алтгелдж нашел возможным предложить ему место одного из фабричных инспекторов для официальной охраны интересов фабричных рабочих. В Америке такие парадоксы не редкость.

Я обратился к нему с вопросом:

— А как вы думаете, мистер Стон? Хотели бы вы, чтобы желание нашего соотечественника исполнилось?

— То есть? — спросил мистер Стон, добиваясь более точной формулы, а может быть, и не разобрав значения слов говорившего.

— То есть желали бы вы, чтобы во всех этих головах повернулась сразу какая-то логическая машинка и они, да не одни они, а пожалуй, весь народ обратился бы к вам, социалистам, и сказал бы: «Мы в вашей власти. Устраивайте нашу жизнь»?

— Сохрани Бог, — ответил американский социалист решительно.

— Почему же?

— Ни мы, ни эта толпа, ни учреждения Америки еще к этому не готовы. Я — марксист. По нашему мнению, капитализм еще не закончил своего дела. Недавно здесь был Энгельс. Он говорил: «Ваш капитал отлично исполняет свою роль. Все эти дома-монстры отлично послужат будущему обществу. Но роль его еще далеко не закончена». И это правда. Америка могла бы национализировать пока только одно железнодорожное хозяйство. Оно уже и теперь

сосредоточено в руках нескольких миллиардеров. Но уже топливо... Придумать сразу отношения между железнодорожными рабочими и рабочими по топливу — это предмет более сложный, хотя еще возможный. Что же касается до всесторонней организации народного хозяйства огромной страны на социалистических началах, то эта задача для нашей партии еще не по силам. Например — отношения между рабочими квалифицированными и черным трудом могли бы повести к огромным столкновениям. Это легко устраивается только на бумаге, в «Утопиях». Но мы, марксисты, отлично понимаем, что нам придется иметь дело не с людьми, сразу превратившимися в ангелов, а с миллионами отдельных, скажем даже, здоровых эгоизмов, для примирения которых потребуются трудная выработка и душ и переходных учреждений... Америка дает для этого отличную свободную почву, но пока и только.

После митинга в нашей небольшой компании продолжалось обсуждение этого предмета, и я выяснил себе точку зрения американского социалиста, которую и постараюсь теперь восстановить своими словами.

Общество не есть организм, но в обществе есть много органического, развивающегося по своим законам. Новые формы назревают в нем так же, как растут на дне океана коралловые рифы. Как известно, такой риф есть сплетение отдельных животных, развивающихся по законам собственной жизни. Сплетаясь, они образуют гряду, которая все растет. То, что можно бы сравнить с социальной революцией, — это тот момент, когда риф поднялся над поверхностью океана. В это время он подвергается свирепым ударам океанских волн, стремящихся снести неожиданное препятствие, с одной стороны. С другой — влияние атмосферы стремится зародить жизнь на этой новой основе. Нужна была долгая органическая работа под водой, чтобы дать для этого устойчивое основание.

Не то же ли в обществе? Нужно много условий, как политическая свобода, просвещение, нужна выработка новых общественных сплетений на прежней почве, нужны растущие перемены в учреждениях и в человеческих нравах. Словом, нужно то, что один мой близкий знакомый и друг, основатель румынского социализма, истинный марксист Геря-Доброджану назвал «объективными и субъективными условиями социального переворота».

На мой взгляд это основа философии Маркса. И вот почему Энгельс в самом конце прошлого столетия говорил,

что даже Америка еще не готова для социального переворота.

У Доброджану нашлись возражатели, которые говорят, что, например, Румыния уже готова. Правда, в ней действительно нет ни объективных, ни субъективных условий для социализма. Но разве мы не видим, что как раз те страны, где есть наиболее развитые объективные и субъективные условия, как Англия, Франция, Америка, отказываются примкнуть к социальной революции, тогда как наоборот, Венгрия уже объявила у себя советскую республику? Не передовая в развитии социализма Германия, где социалистические организации развиты более всех стран, а отсталая Россия, которая до февральской революции не знала совсем легальных социалистических организаций, выкинула знамя социальной революции. Из этого румынские возражатели Доброджану делали как будто вывод: чем меньше «объективных и субъективных условий в стране», тем она больше готова к социальному перевороту. Эту аргументацию можно назвать чем угодно, но только не марксизмом.

Теперь эти возражатели могут прибавить еще примеры. Приезд делегации английских рабочих закончился горьким письмом к ним Ленина⁶, которое звучит охлаждением и разочарованием. Зато с Востока Советская республика получает горячие приветствия. Но — следует только вдуматься, что знаменует эта холодность английских рабочих-социалистов и приветы фанатического Востока, чтобы представить себе ясно их значение.

На днях я прочитал в одной из советских газет возмущенное возражение турецкому «социалисту» Балиеву, статьи которого по армянскому вопросу отзывают прямыми призывами к армянской резне. Таков этот восточный социализм даже в европейской Турции. Когда же вы захотите ясно представить себе картину этих своеобразных восточных митингов на площадях перед мечетями, где странствующие дервиши призывают сидящих на корточках слушателей к священной войне с европейцами и вместе к приветствию русской Советской республики, то едва ли вы скажете, что тут речь идет о прогрессе в смысле Маркса и Энгельса... Скорее наоборот: Азия отзывается на то, что чувствует в нас родного, азиатского.

До следующего письма.

11 июля 1920 года

* Эта полемика велась в то время, когда в Венгрии существовала, хотя и кратковременная, советская республика.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

В моих письмах к вам опять произошел значительный перерыв. Отчасти это случилось потому, что я был нездоров, но только отчасти. Главная же причина в том, что я был занят другим. Опять «конкретные случаи» не оставляли времени для общих вопросов. Вы легко догадываетесь, какие это конкретные случаи. Бессудные расстрелы происходят у нас десятками, и — опять мои запоздалые или безуспешные ходатайства. Вы скажете: вольно же во время междоусобия проповедовать кротость. Нет, это не то. Я никогда не думал, что мои протесты против смертной казни, начавшиеся с «Бытового явления»⁷ еще при царской власти, когда-нибудь сведутся на скромные протесты против казней бессудных или против детоубийства. Вот мое письмо к председателю нашего губисполкома товарищу Порайко, из которого вы увидите, какие конкретные случаи отвлекли меня от обсуждения общих вопросов:

«Товарищ Порайко.

Я получил от вас любезный ответ на свое письмо. Очевидно, заботясь о моем душевном спокойствии, вы сообщили, что дело, о котором я писал, «передано в Харьков». Благодарю вас за эту любезность по отношению ко мне лично, но я узнал, что 9 человек расстреляны уже накануне*, в том числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних. Теперь мне известно, что Чрезвычайная комис. «судит» и других миргородчан и опять является возможность бессудных казней. Я называю их бессудными потому, что ни в одной стране в мире роль следственных комиссий не соединяется с правом постановлять приговоры, да еще к смертной казни. Всюду действия следственной комиссии проверяются судом при участии защиты. Это было даже при царях.

Чтобы не запоздать, как в тот раз, я заранее заявляю свой протест. Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего издыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийства».

В тот же день (7 июля) вечером мне пришлось послать тому же лицу дополнительное письмо.

«В дополнение к моему утреннему письму спешу сооб-

* Совершенно так же, замечу для вас, Анатолий Васильевич, как во время вашего приезда.

щить вам важное сведение, которое достоверно узнал только сегодня. После подавления прошлогоднего восстания, когда 14 человек было расстреляно в Миргороде (карательным отрядом), большевистская власть сочла себя удовлетворенной, и на улицах было расклеено объявление об амнистии по этому делу. Теперь губчека опять судит тех же лиц, которые, надеясь на верность слову Советского правительства, доверились обещанной амнистии. Это обстоятельство известно всем миргородчанам. Хорошо известно оно и одному из видных членов полтавской Чрезв. комис. тов. Литвину.

Неужели возможны казни даже при этих обстоятельствах? Это было бы настоящим позором для Советской власти».

По такому же поводу мне пришлось еще писать к Христиану Георгиевичу Раковскому и председателю Всеукраинского Центр. Исполнительного Комитета тов. Петровскому. Последнее письмо считаю тоже не лишним привести здесь.

«Многоуважаемый товарищ Петровский.

Я уже обращался по этому делу к тов. Раковскому. Теперь решаюсь обратиться к вам. Дело это — ходатайство относительно малолетней дочери крестьянина Евдокии Пищалки, приговоренной полтавской ЧК к расстрелу. Двенадцать человек по этому делу уже расстреляны*. Пищалка пока оставлена до решения ее участи в харьковских центральных учреждениях. Я не могу поверить, чтобы в этих высших инстанциях могли одобрить расстрел малолетней, в чем уже усомнилась даже здешняя Чрезвыч. комис. Сестра Пищалки едет к вам с последней надеждой. Неужели возможно, что она вернется без успеха и эта девочка** — пережившая уже ужас близкой казни и агонию нескольких дней ожидания — будет все-таки расстреляна?

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить еще следующее: теперь решается судьба людей, привлеченных к делу о прошлогоднем миргородском восстании, по которому уже была объявлена амнистия. Говорят, это ошибка миргородской Чрезвычайной комиссии, которая не имела права объявлять амнистии. Как бы то ни было, она была объявлена, и о ней были расклеены официальные объявления на улицах Миргорода после того, как карательный отряд расстрелял 14 человек. Это было сделано официально, от имени Советской власти. Может ли быть,

* Кажется, ошибка. В официальной газете приведено девять фамилий.

** Ей недавно исполнилось только 17 лет.

чтобы люди, доверившиеся слову Советской власти, были расстреляны в прямое нарушение обещания?»

Тов. Петровский дал телеграмму в Полтаву — не приводить приговора над малолетней в исполнение, и Пищалка, как говорят, отправлена в Харьков. Но так как «отправить в Харьков» — это формула, которая у нас равносильна «отправить на тот свет» (так в справочном бюро отвечают родным о расстрелянных), то в глазах населения судьба Пищалки остается мрачно-сомнительной. Так же, по-видимому, не казнили до сих пор амнистированных, и они пока содержатся в заключении. Надо заметить, что после амнистии некоторые из них находились даже на советской службе и, по-видимому, в новых проступках не обвиняются.

Как раз на этом месте моего письма мне сообщили, что ко мне пришла какая-то девочка. Я вышел и узнал, что эта девочка и есть Пищалка. Она вернулась из Харькова свободной. Это доставило мне глубокую радость за нее и за ее семью. Но — я не могу радоваться за нашу родину, где могла идти речь о расстреле этого ребенка и где ее уже вывели из арестантских рот вместе с другими, которые назад не вернулись.

Знаю, что наше время доставляет много таких «конкретных случаев», даже более потрясающих и трагических. Но я счел не лишним привести их здесь как фон, на котором мы с вами ведем теперь обсуждение общих вопросов*.

Возвращаюсь к параллели, поставленной в предыдущем письме.

Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере коммунистическому правительству.

Нравы остались прежние, уклад жизни тоже. Уровень просвещения за время войны сильно подняться не мог, однако выводы стали радикально противоположные. От диктатуры дворянства («совет объединенного дворянства») мы перешли к «диктатуре пролетариата». Вы, партия большевиков, провозгласили ее, и народ прямо от самодержавия

* После отправки этого письма, в конце августа, освободили по распоряжению из Харькова также амнистированных ранее миргородцев.

пришел к вам и сказал: «Устраивайте нашу жизнь».

Народ поверил, что вы можете это сделать. Вы не отказались. Вам это казалось легко, и вы непосредственно после политического переворота начали социальную революцию.

Известный вам английский историк Карлейль говорил, что правительства чаще всего погибают от лжи. Я знаю, теперь такие категории, как истина или ложь, правда или неправда, менее всего в ходу кажутся «отвлеченностями». На исторические процессы влияет только «игра эгоизмов». Карлейль был убежден и доказывал, что вопросы правды или лжи отражаются в конце концов на самых реальных результатах этой «игры эгоизмов», и я думаю, что он прав. Вашей диктатуре предшествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготевшей над Россией. Отчего у нас после крестьянской реформы богатство страны не растет, а идет на убыль и страна впадает во все растущие голодовки? Дворянская диктатура отвечала: от мужицкой лени и пьянства. Голодовки растут не оттого, что у нас воцарился мертвящий застой, что наша главная сила, земледелие, скована дурными земельными порядками, а исключительно от недостатка опеки над народом лентяев и пьяниц. Мне с товарищами в голодные годы приходилось много бороться в литературе и в собраниях с этой чудовищной ложью. Что у нас пьянства было много, это было правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства как класса состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи. Отсюда всевластие земского начальника и преобладание дворянства во всем гражданском строе и в земстве. Эта вопиющая ложь пронизала всю нашу жизнь... Образованное общество пыталось с нею бороться, и в этой «оппозиции» участвовали даже лучшие элементы самого дворянства. Но народные массы верили только царям и помогали им подавлять всякое свободолюбивое движение. У самодержавного строя не было умных людей, которые поняли бы, как эта ложь, поддерживаемая слепой силой, самым реальным образом ведет строй к гибели.

Формула Карлейля, как видите, пригодна, пожалуй, для определения причины гибели самодержавия. Вместо того чтобы внять истине и остановиться, оно только усиливало ложь, дойдя наконец до чудовищной нелепости, «самодер-

жавной конституции», т. е. до мечты обманом сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме.

И строй рухнул.

Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и — ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренно говорить это?

В особенности можете ли это говорить вы — марксисты?

Вы, Анатолий Васильевич, конечно, отлично еще помните то недавнее время, когда вы — марксисты — вели ожесточенную полемику с народниками. Вы доказывали, что России необходимо и благотельно пройти через «стадию капитализма». Что же вы разумели тогда под этой благотельной стадией? Неужели только тунеядство буржуев и стрижку купонов?

Очевидно, тогда вы разумели другое. Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли, организующим производство. Несмотря на все его недостатки, вы считали, совершенно согласно с учением Маркса, что такая организация благотельна для отсталых в промышленном отношении стран, каковы, например, Румыния, Венгрия и... Россия.

Почему же теперь иностранное слово «буржуа» — целое огромное сложное понятие — с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор его не знавшего, в упрощенное представление о буржуе, исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

Совершенно так же, как ложь дворянской диктатуры, подменившая классовое значение крестьянства представлением о тунеядце и пьянице, ваша формула подменила роль организатора производства — пускай и плохого организатора — представлением исключительно грабителя. И посмотрите опять, насколько прав Карлейль со своей формулой. Грабительские инстинкты были раздуты у нас войной и потом беспорядками, неизбежными при всякой революции. Бороться с ними необходимо было всякому революционному правительству. К этому же побуждало и чувство правды, кото-

рое обязывало вас, марксистов, разъяснить искренно и честно ваше представление о роли капитализма в отсталых странах. Вы этого не сделали. По тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины. Частичную истину вы выдали за всю истину (ведь и пьянство тоже было). И теперь это принесло плоды. Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость — народное достояние, добытое «благодетельным процессом», что в этом аппарате, созданном русским капитализмом, есть многое подлежащее усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению. Вы внушили народу, что все это — только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь. Говоря это, я имею в виду не одни материальные ценности в виде созданных капитализмом фабрик, заводов, машин, железных дорог, но и те новые процессы и навыки, ту новую социальную структуру, которую вы, марксисты, сами имели в виду, когда доказывали благодетельность «капиталистической стадии».

В 1902 году разыгрались в некоторых местах Полтавской и смежной Харьковской губернии широкие аграрные беспорядки. Крестьяне вдруг кинулись грабить помещичьи экономии и затем, по прибытии властей, покорно становились на колени и так же покорно ложились под розги. Когда их вдобавок стали судить, то мне пришлось одно время служить посредником между ними и с организовавшейся защитой. В это время в моем кабинете в Полтаве крестьяне собирались порой в значительном количестве, и я старался присмотреться к их взглядам на происшедшее. Сами они были о нем не очень высокого мнения. Они называли все движение «грабижкой», и самые благоразумные из них объясняли возникновение этой «грабижки» по-своему: «Як дитина не плаче, то и мати не баче». Они понимали, что грабеж — не подходящий приступ для каких бы то ни было улучшений, но, доведенные до отчаяния, старались хоть чем-нибудь обратить внимание «благодетеля царя» на свое положение. Остальное сделала слепая жадность, и движение приняло широкие размеры. Но царское правительство было слепо и глухо. Оно знало только необходимость дальнейшей опеки и «вечность незыблемых основ» и из внезапно грозно прокинувшейся «грабижки» не сумело сделать вывода. Попытка (довольно разумная) аг-

рарной реформы первой Думы была задушена, а побуждения, двигавшие крестьянскими массами во время «грабизки», остались до времени революции. Вы, большевики, отлили их в окончательную форму. Своим лозунгом «грабь награбленное» вы сделали то, что деревенская «грабизка», погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и в города, где быстро стал разрушаться созданный капиталистическим строем производственный аппарат.

Борьба с этим строем приняла характер какой-то осады неприятельской крепости. Всякое разрушение осаждаемой крепости, всякий пожар в ней, всякое уничтожение ее запасов выгодно для осаждающих. И вы тоже считали своими успехами всякое разрушение, наносимое капиталистическому строю, забывая, что истинная победа социальной революции, если бы ей суждено было совершиться, состояла бы не в разрушении капиталистического производственного аппарата, а в овладении им и в его работе на новых началах.

Теперь вы спохватились, но, к сожалению, слишком поздно, когда страна стоит в страшной опасности перед одним забытым вами фронтом. Фронт этот — враждебные силы природы.

До следующего письма.

4 августа 1920 года

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

На этот раз можно, кажется, обойтись без конкретных случаев, и я попытаюсь сразу перейти к общим вопросам, пока события не завладели еще моим настроением.

Начинаю это письмо под впечатлением английской делегации. В нашем местном офицозе напечатана или перепечатана откуда-то статья «Наша скорбь», сопровождающая письмо Ленина к английским рабочим. В ней прямо говорится, что, наряду с гордостью, нашим революционным первенством, русские коммунисты переживают «трагедию одиночества». В письме Ленина звучит, по мнению автора, недоумение по поводу «самой возможности в нашу беспримерную эпоху таких «вождей» рабочих масс, каковы большинство приехавших в Россию английских делегатов»... «Английские тредюнионисты, ничему, в сущности, не научившиеся, к несчастью, все еще представляют огромные массы английских рабочих».

Так как вы, партия коммунистов, являетесь только представителями «диктатуры русского пролетариата», то отсюда следует вывод, что наш пролетариат в своей массе шагнул далеко вперед в сравнении с английскими тред-юнионистами, движение которых представляет уже целую историю. В других советских газетах не раз уже повторялось, что вожди старого немецкого социализма, даже такие, как Каутский, являются презренными соглашателями и даже продались «буржуазии»*.

Отбросив то, что можно объяснить полемической несдержанностью и увлечением, остается все-таки факт: европейский пролетариат за вами не пошел и его настроение в массе является настроением того американского социалиста Стона, мнение которого я приводил во втором письме. Они думают, что капитализм даже в Европе не завершил своего дела и что его работа еще может быть полезной для будущего. При переходе к этому будущему от настоящего не все подлежит уничтожению и разгрому. Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати, для них не простые «буржуазные предрассудки», а необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и бесплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся пользоваться ими совместно с народом, объявляем их «буржуазным предрассудком», лишь тормозящим дело справедливости.

Это огромная ваша ошибка, еще и еще раз напоминающая славянофильский миф о нашем «народе-богоносце» и еще более — нашу национальную сказку об Иванушке, который без науки все науки превзошел и которому все удастся без труда, по щучьему велению. Самая легкость, с которой вам удалось повести за собой наши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а, наоборот, на незрелость нашего народа. Механика знает полезное и вредное сопротивление. Вредное мешает работе механизма и подлежит устранению. Но без полезного сопротивления механизм будет вращаться впустую, не производя нужной работы. Это именно случилось и у нас. Вы выкинули самые максималистские лозунги, вы воюете во имя социализма, вы побеждаете его именем на полях сражения, но вся эта суета во имя коммунизма нисколько не знаменует его победы.

В Румынии, которая во многом напоминает Россию, мне

* Полтавские «Известия» («Вісти»), № 24, 27 июня 1920 года.

рассказывали случай, яркий, как нарочно придуманный анекдот, но тем не менее действительный. Там сохранились еще крупные поместья со всеми признаками нашего старинного боярства. Даже зовутся владельцы боярами, несомненно от славянского слова.

Порой такие бояре, особенно из молодых, склонны к крайним партиям, и многие из них проходили школу социализма Доброджану. Как-то один из таких бояр, путешествуя по Швейцарии, заинтересовался анархизмом и познакомился с ученым садовником-анархистом. Пили брудершафт и так понравились друг другу, что боярин стал звать анархиста в Румынию. У него на родине огромные имения, в том числе много земли под лесом, и он решил часть этого леса обратить в общественный парк. Это соответствовало взглядам анархиста: все имения боярина он охотно превратил бы в общую собственность, и он честно предупредил об этом приятеля. Он предвидит, что румыны, у которых есть такие «бояре», очевидно, представляют молодой народ, не зараженный еще, как швейцарцы, буржуазными предрассудками, и потому там легче провести анархические идеи. Он предупреждает, что при первых признаках революции он не только не станет защищать частной собственности боярина, но, наоборот, сейчас же предоставит ее народу. Боярин согласился, — может быть, потому, что опасность не казалась ему такой близкой...

И вот в одном углу Румынии ученый садовник-анархист на деньги и на земле боярина завел образцовый парк общественного пользования. Вскоре, однако, раскрылись неудобства, истекающие из «молодости народа»: на столах, на скамьях, на стенах появились скабрезные надписи, цветы бесцеремонно срывались, ветви на невиданных деревьях обламывались, ретирады превратились в клоаки. Анархист обратился с красноречивым воззванием, в котором объяснил, что парк отдается в распоряжение и под защиту населения: не надо срывать цветов, не надо обламывать ветви, не надо неприличных надписей... Но «молодой народ» ответил на пафос анархиста-теоретика своеобразным юмором: надписи появились уже вырезанными ножами, цветы и деревья уничтожались с ожесточением, ретирады еще более загажены. Тогда садовник пришел к боярину и сказал:

— Я не могу жить в вашей стране. Народ, который не научился, как вести себя в публичных местах, еще слишком далек от анархизма в моем смысле.

Этот случай объясняет суть моей мысли. Не всякое отсутствие навыков буржуазного общества знаменует готовность

к социализму. Когда-то наш анархист Бакунин написал: «...нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли»⁸. Он был теоретик по преимуществу и анархист, отрицавший собственность в теории. Вор отрицает ее практически. Пусть практика сольется с теорией. Нам теперь такое рассуждение кажется великой наивностью: между отрицанием собственности анархиста-философа, далеко заглянувшего в будущее, и таким же отрицанием простого вора лежит целая бездна. Вору нужно сначала вернуться назад, выработать в себе честное отношение к чужой собственности, т. е. то, чему учит «капиталистическая стадия», и уже затем не индивидуально, а вместе со всем народом думать об общественном отрицании собственности.

Вы скажете, что наш народ не похож на тех румын, о каких мне рассказывали. Я знаю: в степени есть разница даже и в самой Румынии. Но — давайте честно и с любовью к истине поговорим о том, что такое теперь представляет наш народ.

Вы допустите, вероятно, что я не менее любого большевика люблю наш народ; допустите и то, что я доказал это всей проходящей к концу жизнью... Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности. Когда я путешествовал по Америке, например, я с удовольствием думал о том, что у нас невозможны такие суды Линча, какой около того времени разыгрался в одном из южных штатов: негр изнасиловал белую девушку и, чтобы скрыть преступление, убил ее. Население городка устроило суд и сожгло его живым на костре. Корреспонденты описывали шаг за шагом такие подробности: веревки перегорели, и несчастный сполз с костра. Толпа предоставила отцу убитой особую честь: он взял негра на свои дюжие руки и опять бросил в костер.

Я думаю, что даже и теперь, во время величайшего озверения, у нас подобное явление невозможно. Славянская натура нашего народа мягче англосаксонской. У нас даже смертная казнь введена только греками вместе с христианством. Но это не мешает мне признать, что в Америке нравственная культура гораздо выше. Случай с негром — явление настолько исключительное, что эта исключительность и вызвала такой зверский суд толпы. В обычное же время, в среднем, молоденькая девушка может безопасно путешествовать по всей стране, охраняемая твердостью общественных нравов. Можно ли то же сказать о наших нравах? У нас такая путешественница может на всяком шагу попасть в сети

общей нашей распущенности и развращенности. По натуре, по природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира, и это заставляет любить его. Но он далеко отстал в воспитании нравственной культуры. У него нет того самоуважения, которое заставляет воздерживаться от известных поступков, даже когда этого никто не узнает. Это надо признать, и надо вывести из этого необходимые последствия.

Нам надо пройти еще довольно долгую и суровую школу. Вы говорите о коммунизме. Не говоря о том, что коммунизм есть еще нечто неоформленное и неопределенное и вы до сих пор не выяснили, что вы под ним подразумеваете, — для социального переворота в этом направлении нужны другие нравы. Из одного и того же вещества углерода получаются и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь. Значит, есть какая-то разница во внутреннем строении самих атомов. То же нужно сказать и о человеческих атомах, из которых составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать из данного общества. Во многих городах Швейцарии уже теперь вы можете безопасно оставить любую вещь на бульваре и, вернувшись, застанете ее на том же месте. А у нас — будем говорить прямо... Точный учет в таком вопросе, конечно, труден, но вы знаете, у нас есть поговорка: не клади плохо, не вводи вора в грех. И вы, вероятно, согласитесь, что на тысячу человек, которые прошли бы мимо какой-нибудь плохо лежащей вещи, в Европе процент соблазвившихся будет гораздо меньше, чем в России. А ведь и такая разница уже имеет огромное значение для кристалла. Прошлую осень я был в украинской деревне и много разговаривал с крестьянами обо всем происходящем. Когда я рассказал о том, как в Тулузе моя дочь с мужем прожили год на квартире, населенной рабочими, ни разу не запирая на ночь дверей, — это возбудило величайшее удивление.

— А у нас, — грустно сказал на это один хороший и разумный крестьянин, — особенно в нынешнее время, если хлопчик принесет матери чужое, то иная мать его даже похвалит: хорошо, что несешь в дом, а не из дому.

И это с тех пор, как вы провозгласили коммунизм, не ослабло, а усилилось в огромной степени.

Маленький, но многозначительный пример: чтобы хоть несколько ослабить недостаток в продовольствии, городское управление Полтавы (еще «буржуазное») поощряло разработку всех свободных участков земли. Таким образом участки перед домами на улицах оказались засаженными картошкой,

морковью и пр. То же и относительно свободных мест в городском саду. Это уже несколько лет стало традицией.

В этот год картофель уродился превосходный, но... его пришлось выкопать всюду задолго до того, как он поспел, потому что по ночам его просто крали. Кто крал — на этот раз это не важно. Дело, однако, в том, что одни трудились, другие пользовались. Треть урожая погибла потому, что картофель не дорос, запасов на зиму из остальной части сделать не пришлось потому, что недоспевший картофель гнил. Я видел группу бедных женщин, которые утром стояли и плакали над разоренными ночью грядками. Они работали, сеяли, вскапывали, пололи. А пришли другие, порвали кусты, многое затоптали, вырвали мелочь, которой еще надо было доходить два месяца, и сделали это в какой-нибудь час.

Это пример, указывающий, что такую вещь, как нравственные свойства народа, можно выразить в цифрах. При одном уровне нравственности урожай был бы такой-то, и городское население до известной степени было бы обеспечено от зимнего голода. У нашего народа «при коммунизме» огромная часть урожая прямо погибла от наших нравов. Еще больший ущерб предстоит оттого, что на будущий год многие задумаются обрабатывать пустые места — никому неохота трудиться для воров... И никакими расстрелами вы с этой стихией не справитесь. Тут нужно нечто другое, и во всяком случае до коммунизма еще далеко.

Я хотел в этом письме обойтись без конкретных случаев. Но я едва закончил это письмо. У нас продолжается прежнее. По временам ночью слышатся выстрелы. Если это в юго-западной стороне — значит, подступают повстанцы, если в юго-восточной стороне кладбища — значит, кого-нибудь (может быть, многих) расстреливают. Обе стороны соперничают в жестокости. Вся наша Полтавщина похожа на пороховой погреб, и теперь идет уже речь о расстреле заложников, набранных из мест, охваченных восстаньем. Мера, если бы ее применить, бессмысленная, жестокая и только вредная для тех, кто ее применяет. Во время войны, особенно когда я был во Франции, я следил за этим варварским институтом, завещанным нам средними веками, и должен сказать, что даже во время войны действительных расстрелов заложников, кажется, не было. Французы обвиняли в этом немцев, немцы французов. Но кажется, что заложничество только и годилось для взаимных обвинений, а не для действительного употребления. То же нужно сказать и о нас: молодежи, скрывающейся теперь в лесах, и Махно, насторожившемуся уже побли-

зости, мало горя, если несколько стариков будут расстреляны. Это только даст им несколько новых приверженцев и окончательно озлобит нейтральное население. Ввиду, может быть, этих соображений, до сих пор расстрелов заложников еще не было. Но достаточно и того, что тюрьмы ими полны*. Сколько горя это вносит в семьи — это мне ясно видно по тем, кто приходит ко мне в слезах. И сколько работников отнято у этих семей в самый разгар сбора урожая.

А Махно, называющий себя, кстати сказать, анархистом, уже выпустил в местностях, им занятых, свои деньги. Мне говорили, что на них написаны два двестишия: «Ой, жінко, веселись, в Махна гроши завелись». И другое: «Хто цих грошей не братиме, того Махно дратиме».

Вообще эта фигура колоритная и до известной степени замечательная. Махно — это средний вывод украинского народа (а может быть, и шире). Ни одна из воюющих сторон без него не обходилась. Вам он помог при взятии Донецкого бассейна. Потом помогал добровольцам, хотя бы пассивно, очистив фронт. При последнем занятии Полтавы махновцы опять помогали вам. А затем Советская власть объявила его вне закона. Но он над этим смеется, и этот смех напоминает истинно мефистофельскую гримасу на лице нашей революции.

19 августа 1920 года

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Приходится задуматься о причинах явного разлада между западноевропейскими вожаками социализма и вами, вождями российского коммунизма. Ваша монополярная печать объясняет его тем, что вожди социализма в Западной Европе продались буржуазии. Но это, простите, такая же пошлость, как и то, когда вас самих обвиняли в подкупности со стороны Германии.

Нет надобности искать низких причин для объяснения факта этого разлада. Он коренится гораздо глубже, в огромной разнице настроений. Дело в том, что вожди европейского социализма в течение уже десятков лет руководили легально массовой борьбой своего пролетариата, давно проникли в эти массы, создали широкую и стройную организацию, добились ее легального признания.

Вы никогда не были в таком положении. Вы только кон-

* Увы! После этого о расстрелах заложников сообщалось даже в официальных «Известиях».

спиривали и самое большое — руководили конспирацией, пытавшейся проникнуть в рабочую среду. Это создает совершенно другое настроение, другую психологию.

Европейские руководители социализма, принимая то или другое решение, рекомендуя его своим последователям, привыкли взвешивать все стороны этого шага. Когда, например, объявлялась стачка, то вождям приходилось обдумывать не только ее агитационное значение, но и всесторонние последствия ее для самой рабочей среды, в том числе данное состояние промышленности. Сможет ли масса выдержать стачку, в состоянии ли капитал уступить без расстройств самого производства, которое отразится опять на тех же рабочих? Одним словом, они принимали ответственность не только за саму борьбу, но и за то, как отразится рекомендуемая ими мера на благосостоянии рабочих. Они привыкли чувствовать взаимную зависимость между капиталом и трудом.

Вы в таком положении никогда не были, потому что, благодаря бессмысленному давлению самодержавия, никогда не выступали легально. Вам лично приходилось тоже рисковать, приходилось сидеть в тюрьмах за то, что во всей Европе уже было признано правом массы и правом ее вождей, и этот риск тюрьмы, ссылки, каторги заменял для вас в ваших собственных глазах и в глазах рабочих всякую иную ответственность. Если от ошибки в том или другом вашем плане рабочим и их семьям приходилось напрасно голодать и терпеть крайнюю нужду, то и вы получали свою долю страдания в другой форме.

И вот почему вы привыкли звать всегда к самым крайним мерам, к последнему выводу из схемы, к конечному результату. Вот почему вы не могли выработать чутья к жизни, к сложным возможностям самой борьбы и вот откуда у вас одностороннее представление о капитале как исключительно о хищнике, без усложняющего представления об его роли в организации производства.

И отсюда же ваше разочарование и горечь по отношению к западноевропейскому социализму.

Рабочие вначале пошли за вами. Еще бы. После идиотского преследования всяких попыток к борьбе с капиталом вы сразу провозгласили пролетарскую диктатуру. Рабочим это льстило и много обещало... Они ринулись за вами, т. е. за мечтой немедленного осуществления социализма.

Но действительность остается действительностью. Для рабочей массы тут все-таки не простая схема, не один

конечный результат, как для вас, а вопрос непосредственной жизни их и их семей. И рабочая масса прежде всех почувствовала на себе последствия вашей схематичности. Вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что он соединен еще с производством такими живыми нитями, что, убив его, вы убили также производство. Радуюсь своим победам над деникинцами, над Колчаком, над Юденичем и поляками, вы не заметили, что потерпели полное поражение на гораздо более обширном и важном фронте. Это тот фронт, на протяжении которого на человека со всех сторон наступают враждебные силы природы. Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя, не обращая внимания ни на что другое в преследовании этой своей схемы, вы довели страну до ужасного положения. Когда-то в своей книге «В голодный год»⁹ я пытался нарисовать то мрачное состояние, к которому вело самодержавие: огромные области хлебной России голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже, голодом поражена вся Россия, начиная со столиц, где были случаи голодной смерти на улицах. Теперь, говорят, вы успели наладить питание в Москве и Петербурге (надолго ли и какой ценой?). Но зато голод охватывает пространства гораздо большие, чем в 1891—1892 годах в провинции. И главное — вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена. Вам приходится заменять ее искусственными мерами, «принудительным отчуждением», реквизициями при посредстве карательных отрядов. Когда деревня не получает не только сельскохозяйственных орудий, но за иголку вынуждена платить по 200 рублей и больше, — в это время вы устанавливаете такие твердые цены на хлеб, которые деревне явно невыгодны. Вы обращаетесь в своих газетах к селянам со статьями, в которых доказываете, что деревне выгодно вас поддерживать. Но, устраняя пока вопрос по существу, — вы говорите на разных языках; народ наш еще не привык обобщать явления.

Каждый земледелец видит только, что у него берут то, что он произвел, за вознаграждение, явно не эквивалентное его труду, и делает свой вывод: прячет хлеб в ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревням России и Украины каленым железом, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики. Если прибавить к этому, что многие области в России тоже поражены голодом, что оттуда в нашу Украину, например, слепо

бегут толпы голодных людей, причем отцы семей, курские и рязанские мужики, за неимением скота сами впрягаются в оглобли и тащат телеги с детьми и скарбом,— то картина выходит более поразительная, чем все, что мне приходилось отмечать в голодном году... И все это не ограничивается местностями, пораженными неурожаем. Уже два месяца назад у нас в Полтаве я видел человека, который уже шестой день «не видел хлеба», пробиваясь кое-как картошкой и овощами... А теперь вдобавок идет зима, и к голоду присоединяется холод. За воз дров, привезенных из недалеких лесов, требуют 12 тысяч. Это значит, что огромное большинство жителей, даже сравнительно лучше обеспеченных, как ваши советские служащие, окажутся (за исключением разве коммунистов) совершенно беззащитными от холода. В квартирах будет почти то самое, что будет на дворе. На этом фронте вы отдали все городское (а частью и сельское) население на милость и немилость враждебным силам природы, и это одинаково почувствует как разоренный, заподозренный, «неблагонадежный» человек в сюртуке, так и человек в рабочей блузе. Народ нашел уже и формулу, в которой кратко обобщил это положение. Один крестьянин, давно живущий в городе и занимающийся ломовым извозом, сказал мне как-то с горькой и злой улыбкой:

Як був у нас Микола-дурачок,
То хліб був пятачок,
А як прийшли розумні комуністи,
То нічого стало людям істи,
Хліба ні за які гроші не дістанешь...

Этого не выдумаешь нарочно, это то, что само рождается из воздуха, из непосредственного ощущения, из очевидных фактов.

И вот рабочая среда начинает чувствовать вашу основную ошибку, и в ней являются настроения, которые вы так осуждаете в огромном большинстве западноевропейских социалистов; в ней явно усиливается меньшевизм, т. е. социализм, но не максималистского типа. Он не признает немедленного и полного социального переворота, начинающегося с разрушения капитализма как неприятельской крепости. Он признает, что некоторые достижения буржуазного строя представляют общенародное достояние. Вы боретесь с этим настроением. Когда-то признавалось, что Россией самодержавно правит воля царя. Но едва где-нибудь проявлялась воля этого бедняги самодержца, не вполне согласная с

намерением правившей бюрократии, у последней были тысячи способов привести самодержца к повиновению. Не то же ли с таким же беднягой, нынешним «диктатором»? Как вы узнаете и как вы выражаете его волю? Свободной печати у нас нет, свободы голосования — также. Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших официозах царствует внутреннее благополучие в то время, когда люди слепо «бредут врозь» (старое русское выражение) от голоду. Провозглашаются победы коммунизма в украинской деревне в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом и чрезвычайки уже подумывают о расстреле деревенских заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестуются, само правление распускается, а затем является торжествующая статья в вашем официозе: «Дорогу красному печатнику» или иной красной группе рабочих, которые до тех пор были в меньшинстве. Из суммы таких явлений и слагается то, что вы зовете «диктатурой пролетариата». Теперь и в Полтаве мы видим то же: Чрезвычайная комиссия, на этот раз в полном согласии с другими учреждениями, производит сплошные аресты меньшевиков. Все более или менее выдающееся из «неблагонадежной» социалистической оппозиции сидит в тюрьме, для чего многих пришлось оторвать от необходимой текущей работы (без помощи «неблагонадежных» меньшевиков вы все-таки с ней справляться не можете). И, таким образом, является новое «торжество коммунизма»*.

Торжество ли это? Когда-то, еще при самодержавии, в один из периодов попеременного усиления то цензуры, то освобождавшейся своими усилиями печати в одном юмористическом органе был изображен самодержец, сидящий на штыках. Подпись: «Неудобное положение» — или что-то в этом роде. В таком же неудобном положении находится теперь ваша Коммунистическая правящая партия. Положение ее в деревне прямо трагическое. То и дело оттуда при-

* Теперь много меньшевиков административно выслано в Грузию.

носят коммунистов и комиссаров, изувеченных и убитых. Официозы пишут пышные некрологи, и ваша партия утешает себя тем, что это только куркули (деревенские богачи), что не мешает вам выжигать целые деревни сплошь — и богачей и бедных одинаково. Но и в городах вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро изменилось бы. Ближайшие ваши союзники, социалисты-меньшевики, сидят в тюрьмах. Мне приходится то и дело наблюдать такие явления. В 1905 году, когда я был здоров и более деятелен, мне приходилось одно время бороться с нараставшим настроением еврейских погромов, которое несомненно имело в виду не одних евреев, но и бастовавших рабочих. В это время наборщики местной типографии, нарушая забастовку, печатали воззвания газеты «Полтавщина» и мои. Это невольно сблизило меня со средой наборщиков. Помню одного: он был несомненно левый по направлению и очень горячий по темпераменту. Его выступления навлекли на него внимание жандармских властей, и с началом реакции он был выслан сначала в Вологду, потом в Усть-Сысольск. Фамилия его Навроцкий. Теперь он в Полтаве и... арестован вашей чрезвычайкой за одно из выступлений на собрании печатников**. Когда теперь я читаю о «желтых» печатниках Москвы и Петербурга, то мне невольно приходит на мысль: сколько таких Навроцких, доказавших в борьбе с царской реакцией свою преданность действительному освобождению рабочих, арестуются коммунистами чрезвычайки под видом «желтых», т. е. «неблагонадежных» социалистов. Одно время шел вопрос даже о расстреле Навроцкого за его речь против новых притеснений свободы мнений в рабочей среде. Чего доброго — это легко могло случиться, и тогда была бы ярко подчеркнута разница чрезвычайки и прежних жандармских управлений. Последние не имели права расстреливать — ваши чрезвычайки имеют это право и пользуются им с ужасающей свободой и легкостью.

* В октябре Навроцкий был выслан по решению ЧК в северные губернии. Мне пришлось писать по этому поводу в Харьков. Мои «докладные записки» по начальству не имели успеха. Теперь Навроцкий свободен, но зато выслан в северные губернии его сын, уже раз, еще в детстве, бывший в ссылке вместе с отцом. Очевидно, история повторяется.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

В чем вы разошлись с вождями европейского социализма и начинаете все больше и больше расходиться с собственной рабочей средой? Ответ на этот вопрос я дал выше: он в нашем максимализме.

Логически это положение самое легкое: требуй всего сразу и всех, кто останавливается сразу перед сложностью и порой неисполнимостью задачи, называй непоследовательными, глупыми, а порой и изменниками делу социализма, соглашателями, колчаковцами, деникинцами, вообще изменниками...

Неудобство этого приема состоит в том, что и вы сами не можете осуществить всего сразу. Вы, например, допустили денежную систему. Это, конечно, только «на первое время», пока «наладится новый аппарат обмена», например, общественное снабжение. Но ведь ждать этого долго, и какой-нибудь еще больший максималист, нарисовав последствия денежной системы, которая действительно является одной из характернейших черт капиталистического строя, может логически сделать и вам упрек: вы допустили эту черту, значит, принимаете ее последствия, а затем несколько логических ступеней, и вы — колчаковец, деникинец, изменник делу социализма. И не говорите, что это для вас только временный этап: весь вопрос состоит именно в той мере компромисса идеала с действительностью, который «временно» принимают западноевропейские социалисты и вы. Вы схематики и максималисты, а они ищут меру революционных возможностей. Для вас не оказалось возможным упразднить сразу денежную систему, они видят еще много других невозможностей «сразу».

Логика — одно из могучих средств мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображение, дающее возможность охватывать сложность конкретных явлений. Это свойство необходимо для такого дела, как управление огромной страной. У вас схема совершенно подавила воображение. Вы не представляете себе ясно сложность действительности. Математик рассчитывает, например, во сколько времени ядро, пущенное с такой-то скоростью, прилетит на Луну, но уже физик ясно представляет себе всю невозможность задачи, по крайней мере при нынешнем уровне техники. Вы только математики социализма, его логики и схематики. Вы говорите: мы бы уже всего достигли, если бы нам не мешали

всемирные буржуи и если бы вожди европейского социализма, а за ними и большинство рабочих не изменили: они не делают у себя того, что мы делаем у нас, не разрушают капитализма.

Но прежде всего вы сделали у себя самое легкое дело: уничтожили русского буржуа, неорганизованного, неразумного и слабого. Вам известно, что европейский буржуа гораздо сильнее, а европейский рабочий не такое слепое стадо, чтобы его можно было кинуть в максимализм по первому зову. Он понимает, что разрушить любой аппарат недолго, но изменять его в данном случае приходится на ходу, чтобы не разрушить производства, которым человек только и защищается от вечно враждебной природы. У западноевропейских рабочих более сознания действительности, чем у нас, вождей коммунизма, и оттого они не максималисты. После переписки Сегрю и Ленина¹⁰ — дело ясно: европейская рабочая масса в общем не поддержит вас в максимализме. Она остается нейтральной в пределах компромисса.

У нас в Полтаве тотчас после революции сменилось городское самоуправление. Оно стало демократическим и вмешалось в ход прежнего снабжения. Между прочим, оно основало городской дровяной склад, и когда торговцы слишком вздували цены, городское управление усиливало свою продажу, и цены падали. Тогда кричали, что и это социализм. Правовверные приверженцы капитала предпочитают вполне «свободную торговлю», без всякого вмешательства. Вам это показалось бы слишком скромным... Но Полтава была защищена от зимней стужи.

Это, конечно, мелочь, но она ясно намечает мою мысль. Только так можно вмешиваться в снабжение на ходу, не нарушая и не уничтожая его. Затем, по мере опыта, это вмешательство можно усиливать, вводя его во все более широкие области, пока наконец общество перейдет к социализму. Это путь медленный, но единственно возможный. Вы же сразу прекратили буржуазные способы доставки предметов первой необходимости, и ныне Полтава, центр хлебородной местности, окруженная близкими лесами, стоит перед голодом и перед лицом близкой зимы вполне беззащитная. И так всюду, во всех областях снабжения. Ваши газеты сообщают с торжеством, что в Крыму у Врангеля хлеб продается уже по 150 р. за фунт. Но у нас (т. е. у вас) в Полтаве, среди житницы России, он стоит 450 р. за фунт, т. е. втрое дороже. И так же все остальное.

Я уже говорил о том, что в Полтаве создалась традиция: жители обращаются ко мне как к писателю, который умел порой прорывать цензурные рамки. Прежде ко мне приходили люди, притесняемые царскими властями. Теперь идут родные арестуемых вами. Среди этих последних есть много кожевников. Жизнь берет свое: несмотря на ваш запрет, кожевники-кустари то и дело принимаются делать кожи, удовлетворяя таким образом настоятельнейшей потребности в обуви ввиду зимы. Порой волостные исполкомы дают на это свою санкцию, и понемногу кожа начинает выделяться, пока... не узнают об этом преступлении ваши власти и не прекратят его. Вам надо, чтобы «сразу» производство стало на почву социалистическую, даже коммунистическую, и вы превращаете компромисс в соглашательство с буржуазными формами производства. Конечно, вы можете сказать, что у вас уже есть кое-где «советские кожевни», но что значат эти бюрократические затеи в сравнении с огромной, как океан, потребностью. И в результате, посмотрите, в чем ходят ваши же красноармейцы и служащая у вас интеллигенция: красноармейца нередко встретишь в лаптях, а служащую интеллигенцию в кое-как сделанных деревянных сандалиях. Это напоминает классическую древность, но это очень неудобно теперь к зиме. На вопрос, что будет зимой, ответом порой служат только слезы.

Вообще сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией. Рассмотрите ставки ваших жалований и сравните их с ценами хотя бы на хлеб. Вы увидите, какое тут смешное, вернее, трагическое несоответствие. И все-таки живут... Да, живут, но чем? — продают остатки прежнего имущества: скатерти, платочки, кофты, пальто, пиджаки, брюки. Если перевести это на образный язык, то окажется, что они проедают все, заготовленное при прежнем буржуазном строе, который приготовил некоторые излишки. Теперь не хватает необходимого, и это растет как лавина. Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупa. Все разрушается: дома, отнятые у прежних владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал.

Ясно, что дальше так идти не может и стране грозят неслыханные бедствия. Первой жертвой их явится интеллигенция. Потом городские рабочие. Дальше всех будут держаться хорошо устроившиеся коммунисты и Красная Армия.

Но уже и в этой среде среди добросовестных людей заметны признаки обнищания. Лучше всего живется всякого рода грабителям. И это естественно: вы строите все на эгоизме, а сами требуете самоотвержения. Докажите же, что вооруженному человеку выгодно умереть с голоду, воздерживаясь от грабежа человека безоружного.

Я говорил выше об одной характерной мелочи чисто бытового свойства, о грабеже огородов, принявшем такие размеры, что это лишает на будущее время побуждения к труду, не говоря только, какую роль при этом играли красноармейцы. Порой хозяева огородов делали засаду на воров. Когда они застигали при этом людей штатского звания, те конфузились и убегали. Только красноармейцы отвечали просто: что же нам, сидеть голодными, что ли? И продолжали грабить, переходя с данного участка на участок соседа. Теперь еще одна такая же мелочь. Не далее двух недель тому назад из Полтавы уходил на фронт красноармейский полк. Штаб его помещался рядом с моей квартирой, и потому с утра вдоль нашей улицы выстроились ряды солдат. Во дворе дома, где я живу, есть несколько ореховых деревьев. Это привлекло солдат, и в ожидании отправки наш двор переполнился красноармейцами. Трудно описать, что тут происходило. Влезали на деревья, ломали ветви, и, постепенно входя в какое-то торопливое ожесточение, торопясь, как дети, солдаты стали хватать поленья дров, кирпичи, камни и швырять все это на деревья с опасностью попасть в сидящих на деревьях или в окна нашего дома. Несколько раз поленья попадали в рамы, к счастью, не в стекла. Вы ведь знаете, что значит теперь разбить стекло. Пришлось обратиться к начальству, но и начальство могло прекратить это только на самое короткое время. Через минуту двор опять был полон солдат, и мне едва удалось уговорить, чтобы не кидали поленьев и камней с опасностью побить окна. Все деревья были оборваны, и только тогда красноармейцы ушли, после торжественной речи командира, в которой говорилось, что Красная Армия идет строить новое общество... А я с печалью думал о близком бедствии, когда нужда не в орехах, а в хлебе, топливе, в одежде, обуви заставит этих людей, с опасным простодушием детей, кидających теперь на орехи, так же кидаться на предметы первой необходимости. Тогда может оказаться, что вместо социализма мы ввели только грубую солдатчину вроде янычарства.

Мне пришлось уже говорить при личном свидании с ва-

ми о том, какая разница была при занятии Полтавы Красной Армией и добровольцами. Последние более трех дней откровенно грабили город «с разрешения начальства». Красноармейцы заняли Полтаву, как дисциплинированная армия, и грабежи, производимые разными бандитами, тотчас же прекратились. Только впоследствии, когда вы приступили к бессудным расстрелам, реквизициям квартир (постигавшим нередко и трудовые классы), это впечатлительное заменилось другим чувством. Вы умеете занимать новые местности лучше добровольцев, но удержать их не умеете, как и они,— закончил я тогда. Теперь приезжие из Киева рассказывают, что Красной Армии было предложено перед выступлением в поход «одеться на счет буржуазии». Если это подтвердится, а известие носит все признаки достоверности, то это будет значить, что опасный симптом уже начинается: вы кончаете тем, чем начинали деникинцы. Приезжие говорят, что на этот раз грабеж продолжался более недели, и это, может быть, указывает на начало последнего действия нашей трагедии.

Чувствую, что мои письма надо кончать. Они слишком затянулись и мешают мне отдаться другой работе. К тому же об этом предмете надо бы сказать гораздо больше и с большим изучением, а для этого у меня нет ни времени, ни здоровья. Поэтому закончу кратко: вы с легким сердцем приступили к своему схематическому эксперименту в надежде, что это будет только сигналом для всемирной максималистской революции. Вы должны уже сами видеть, что в этом вы ошиблись: после приезда иностранной рабочей делегации, после письма Сегрю и ответа Ленина эта мечта исчезает даже для вашего оптимизма. Вам приходится довольствоваться легкой победой последовательного схематического оптимизма над «соглашателями», но уже ясно, что в общем рабочая Европа не пойдет нашим путем, и Россия, привыкшая подчиняться всякому угнетению, не выработавшая формы для выражения своего истинного мнения, вынуждена идти этим печальным, мрачным путем в полном одиночестве.

Куда? Что представляет ваш фантастический коммунизм? Известно, что еще в прошедшем столетии являлись попытки перевести коммунистическую мечту в действительность. Вы знаете, чем они кончились. Роберт Оуэн, фурьеристы, сенсимонисты, кабэтисты — таков длинный ряд коммунистических опытов в Европе и в Америке. Все они кончались печальной неудачей, раздорами, трагедиями для

инициаторов, вроде трагедии Кабэ. И все эти благородные мечтатели кончали сознанием, что человечество должно переродиться прежде, чем уничтожить собственность и переходить к коммунальным формам жизни (если вообще коммуна осуществима). Социалист историк Ренар говорит, что Кабэ и коммунисты его пошиба прибегали к слишком упрощенному решению вопроса: «Среди предметов, окружающих нас, есть такие, которые могут и должны остаться в индивидуальном владении, и другие, которые должны перейти в коллективную собственность». Вообще, процесс этого распределения, за которое вы взялись с таким легким сердцем, представляет процесс долгой и трудной подготовки «объективных и субъективных условий», для которого необходимо все напряжение общей самодеятельности и, главное, свободы. Только такая самодеятельность, только свобода всяких опытов могут указать, что выдержит критику практической жизни и что обречено на гибель. «Кабэ,— говорит Ренар (и другие утописты, прибавляю я),— не сумел еще найти принципа, который установил бы эту раздельную линию. Он уделял слишком много места власти и единству. Государство-община, о котором он мечтал, напоминает пансион, где молодым людям обеспечивают здоровую умеренную пищу, где одевают в мундир их ум, как тело, приучают их работать, есть, вставать по звонку. Однообразие этой суровой дисциплины порождает скуку и отвращение. Этот монастырский интернат слишком тесен, чтобы человечество могло в нем двигаться, не разбив его». Вы вместо монастырского интерната ввели свой коммунизм в казарму (достаточно вспомнить «милитаризацию труда»). По обыкновению самоуверенно, недолго раздумывая над разграничительной чертой, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни, ворвались в жилье («Мой дом — моя крепость»,— говорят англичане), стали производить немедленный дележ необходимейших вещей, как интимных проявлений вкуса и интеллекта, наложили руку на частные коллекции картин и книг... Не создав почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, вводя немедленный коммунизм, вы надолго отбили охоту даже от простого социализма, введение которого составляет насущнейшую задачу современности.

Очевидец рассказывал мне следующую бытовую картину: с одного из съездов возвращались уполномоченные волостных комитетов. На этом съезде, по обыкновению, были приняты резолюции в самом коммунистическом духе.

Среди крестьян, подписавших эти резолюции, царило угрюмое настроение. Они ехали в свои деревни, а там, как известно, настроение далеко не коммунистическое. В этой компании ехал горячий и, по-видимому, убежденный коммунист, доказывавший преимущества коммунистического строя. Ответом на его горячие тирады было угрюмое молчание. Тогда он решил пробить этот лед и прямо обратился к одному из собеседников, умному солидному мужику, в упор предложив вопрос: почему вы молчите и что думаете о том, что я говорил вам?

— Ось бачите,— ответил мужик серьезно,— все это, может быть, и правда... да беда в том, что руки у человека так устроены, что ему легче горнуть до себе, а не від себе (загребать к себе, а не от себя).

Как видите, это как раз то самое, к чему в конце опыта приходят мечтатели утопического коммунизма. Дело, конечно, не в руках, а в душах. Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождались учреждения. А это, в свою очередь, требует свободы мысли и начинания для творчества новых форм жизни. Силой задерживать эту самодеятельность в обществе и в народе — это преступление, которое совершало наше недавнее павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее — это силой навязывать новые формы жизни, удобства которых народ еще не сознал и с которыми не мог еще ознакомиться на творческом опыте. И вы в нем виноваты. Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата.

Социальная справедливость — дело очень важное, и вы справедливо указываете, что без нее нет и полной свободы. Но и без свободы невозможно достигнуть справедливости. Корабль будущего приходится провести между Сциллой рабства и Харибдой несправедливости, никогда не теряя из виду обеих вместе. Сколько бы вы ни утверждали, что буржуазная свобода является только обманом, закрепощающим рабочий класс, в этом вам не удастся убедить европейских рабочих. Английские рабочие, надеющиеся теперь провести ваши опыты (если бы, конечно, они оказались удачны) через парламент, не могут забыть, что буржуа Гладстон, действовавший под знаменем самодовлеющей свободы, чуть не всю жизнь боролся за расширение их избирательных прав. И всякое политическое преобразование в этом духе вело к возможности борьбы за социальную

справедливость, а всякая политическая реакция давала обратные результаты. Политических революций было много, социальной не было еще ни одной. Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы.

Что из этого может выйти? Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь. Россия представляет собою колосс, который постепенно слабеет от долгой внутренней лихорадки, от голода и лишений. Антанте не придется, пожалуй, долго воевать с нами, чтобы нас усмирить. Это сделает за нее наша внутренняя разруха. Настанет время, когда изнуренный колосс будет просить помочь ему, не спрашивая об условиях... И условия, конечно, будут тяжелые.

* * *

Я кончаю. Где же исход? В прошлом 1919 году ко мне приезжал корреспондент вашего правительственного Телеграфного агентства, чтобы предложить мне несколько вопросов о том, что я думаю о происходящем. Я не люблю таких интервью. Помимо того, что я писатель и мог бы сам формулировать свои мысли,— эти интервью почти всегда бывают неточны. Но опять-таки — я писатель, т. е. человек, стремящийся к тому, чтобы его мысли стали известны. А вы убили свободную печать. И я согласился отвечать корреспонденту, выразив только сомнение, чтобы мои мысли нашли место в большевистской печати. Он ответил, что за это он не ручается, но агентство разошлет это интервью руководителям Советской власти.

Интервью в печати не появилось. Не знаю, было ли оно прислано вам и нашли ли вы время, чтобы с ним ознакомиться. Я тогда говорил, в общем, то же, что повторяю теперь: вы умеете занимать новые места, но удержать их не умеете, и я чувствую, что вы на Украине потеряли уже почву. События это мое предчувствие оправдали: месяца через полтора вам пришлось оставить Украину под напором денкинцев. Теперь тучи над вашим господством на Украине опять сгущаются...

Тот румынский анархист, о котором я говорил ранее, пришел к заключению, что народ, который до такой степени не умеет вести себя в публичных местах, еще очень далек

от идеального строя. Я скажу иначе: народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: «грабь награбленное»), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить других.

Вы победили добровольцев Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, вероятно, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой: оно пробудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея отечества до сих пор еще является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверно, будет достигнуто только объединением отечеств. Одним словом, на всех фронтах вы являетесь победителями, не замечая внутреннего недуга, делающего вас бессильными перед фронтом природы...

Вы видите из этого, что я не жду ни вмешательства Антанты, ни победы генералов. Россия стоит в раздумье между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться. Внешнее вмешательство только затемнило бы опыт, а генералы, вероятно, опять предводительствуют элементами, вздыхающими о прошлом и готовыми в пользу прошлого так же злоупотреблять властью, как и вы в пользу будущего. По мнению многих, положение России теперь таково, что остается надежда только на чудо. В разговоре с корреспондентом, о котором я говорил выше, я закончил призывом к вам, вожакам скороспелого коммунизма, отказаться от эксперимента и самим взять в руки здоровую реакцию, чтобы иметь возможность овладеть ею и обуздать реакцию нездоровую, свирепую и неразумную. Мне говорят, что это значило бы рассчитывать на чудо. Может быть, это и правда. Конечно, для этого понадобилось бы все напряжение честности и добросовестности для того, чтобы признать свою огромную ошибку. Подавить свое самолюбие и свернуть на иную дорогу — на дорогу, которую вы называете соглашательством.

Сознаю, что в таком предположении много наивности.

Но я оптимист и художник, а этот путь представляется мне единственным, дающим России достойный выход из настоящего невозможного положения. К тому же давно сказано, что всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет. В этом смысле можно сказать, что Россия вас заслужила... Вы являетесь только настоящим выражением ее прошлого, с рабской покорностью перед самодержавием даже в то время, когда, истощив все творческие силы в крестьянской реформе и еще нескольких, за ней следовавших, оно перешло к слепой реакции и много лет подавляло органический рост страны. В это время народ был на его стороне, а Россия была обречена на гниль и разложение. Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные. Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего.

Но под влиянием упорно ретроградного правительства у нас было не то. Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась под ранжир. В земледелии воцарился безнадежный застой, нарастающие слои промышленных рабочих оставались вне возможности борьбы за улучшение своего положения. Дружественная трудящемуся народу интеллигенция загонялась в подполье, в Сибирь, в эмиграцию и вела мечтательно-озлобленную жизнь вне открытых связей с родной действительностью. А это, в свою очередь, извращало интеллигентскую мысль, направляя ее на путь схематизма и максимализма.

Затем случайности истории внезапно разрушили эту перегородку между народом, жившим так долго без политической мысли, и интеллигенцией, жившей без народа, т. е. без связи с действительностью. И вот, когда перегородка внезапно рухнула, смесь чуждых так долго элементов вышла ядовитой. Произошел взрыв, но не тот плодотворный взрыв, который разрушает только то, что мешало нормальному развитию страны, а глубоко задевший живые ткани общественного организма. И вы явились естественными представителями русского народа с его привычкой к произволу, с его наивными ожиданиями «всего сразу» с отсутствием даже начатков разумной организации и творчества. Немудрено, что взрыв только разрушал, не созидая.

И вот истинное благотворное чудо состояло бы в том, чтобы вы наконец сознали свое одиночество не только среди

европейского социализма, но начавшийся уже уход от вас вашей собственной рабочей среды, не говоря уже о положительной ненависти деревни к вашему коммунизму, — соznались бы и отказались от губительного пути насилия. Но это надо делать честно и полно. Может быть, у вас еще достаточно власти, чтобы повернуть на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с вашим народом. И главная из них та, что многое в капиталистическом строе вы устранили преждевременно и что возможная мера социализма может войти только в свободную страну.

Правительства погибают от лжи... Может быть, есть еще время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания пойдет по пути возвращения к свободе. Если не для вас и не для вашего правительства, то это будет благотельно для страны и для роста в ней социалистического сознания.

Но возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?

22 сентября 1920 года

ЕВГЕНИЙ ГНЕДИН

Себя не потерять...

Евгений Александрович Гнедин (1898—1983) — сын известного деятеля российской и германской социал-демократии А. Л. Гельфанда (Парвуса). Родился в Дрездене, где его родители жили как политические эмигранты. Мать в 1902 году ушла от мужа и уехала с сыном в Одессу, где работала библиотекарем и занималась переводами марксистской литературы. Она сохранила друзей среди видных деятелей международного социал-демократического движения и в течение многих лет переписывалась с Кларой Цеткин, Луизой Каутской, семьей Юлиана Мархлевского.

Евгений расстался с отцом в возрасте пяти лет и больше его не видел. В 1920 году он принял фамилию Гнедин. Окончив в Одессе реальное училище, он поступил в университет, рано проявив глубокий интерес к поэзии, его юношеские стихи заметил В. Брюсов. По своим политическим убеждениям он был революционным идеалистом, романтиком, принял активное участие в первых боях гражданской войны под Одессой. Свое образование продолжил на экономическом факультете Петроградского политехнического института. В 1922 году познакомился с Юлианом Мархлевским. Способности юноши, его блестящее знание немецкого языка позволили Ю. Мархлевскому рекомендовать Гнедина сотрудником в Народный комиссариат иностранных дел, где он стал работать старшим референтом по Германии. Одновременно он сотрудничал в «Известиях», где опубликовал более трехсот статей. Позже Гнедин перешел из НКВД в аппарат «Известий» заместителем заведующего иностранным отделом.

В 1935 году Е. А. Гнедин был направлен первым секретарем советского посольства в Германию, исполнял обязанности и пресс-атташе. В 1937 году Е. А. Гнедин вызван в Москву и назначен заведующим отделом печати Наркоминдела. В мае 1939 года был арестован и осужден на десять лет заключения в лагерях. По истечении этого срока оставлен в Казахстане в ссылке «навечно». В августе 1955 года по решению Верховного суда СССР Е. А. Гнедин был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». Вернувшись в Москву в октябре 1955 года, он продолжает публицистическую деятельность.

Е. А. Гнедин скончался в Москве в 1983 году.

В качестве заведующего отделом печати НКВД СССР я должен был присутствовать на различных дипломатических приемах, но происходило это довольно редко. Я не искал этих встреч и даже уклонялся от них порой вопреки моим служебным обязанностям. Случилось, однако, так, что 2 мая 1939 года я был на обеде у японского поверенного в делах Ниси в бывшем морозовском особняке на улице Коминтерна (теперь Дом дружбы с народами зарубежных стран на проспекте Калинина, а в 20-х годах в этом здании помещался театр Пролеткульта, руководимый Эйзенштейном).

В разгар обеда слуга доложил тихо хозяину, что меня просят подойти к телефону. Оказалось, что меня срочно вызывают в секретариат наркома. Я сказал, что приеду, как только окончится обед. Такой вызов был совершенно необычным явлением.

Я приехал в НКВД, вероятно, уже после десяти часов вечера. В большом доме на Лубянке (теперь улица Дзержинского), расположенном против НКВД, окна на всех этажах, как всегда, ярко горели. В НКВД кипела работа. Но и в здании НКВД, где обычно вечером светились только лампы дежурных секретарей, в частности в отделе печати, в этот поздний час был полностью освещен этаж, где находились кабинеты и приемные наркома, а между темными окнами других этажей сверкали огни в окнах кабинетов ответственных работников. Но внутри здания в коридорах было темно и пустынно, так как большинство сотрудников отсутствовали. В секретариате наркома я застал кое-кого из заведующих отделами, управляющего делами Корженко и нескольких сотрудников спецотдела (кажется, он тогда так назывался). Мне стало известно, что в здании НКВД заседает комиссия ЦК, которая намерена с нами беседовать.

Я пошел к себе в отдел и, просматривая вечерние телеграммы, мысленно готовился к беседе. Хорошо помню, что я был доволен, что предстоит встреча с комиссией ЦК; я надеялся лично изложить те проблемы работы с иностранной печатью, проблемы пропаганды и контрпропаганды, относительно которых мною были написаны докладные записки не только М. М. Литвинову, но и непосредственно в ЦК. О снятии Максима Максимовича с поста наркома я не знал; подобные предположения и не могли возникнуть именно в этот день, так как все видели Литвинова во время Первомайского парада. Он находился на трибуне Мавзолея и сидел в задумчивой и свободной позе чуть ниже той трибуны,

на которой расположились Сталин и другие члены правительства, в том числе Берия, шеголявший, кажется, и на этом параде в военной форме НКВД.

Приближалась моя очередь вызова в комиссию, и я отправился в предбанник — так государственные чиновники именовали помещение, из которого двери вели прямо в кабинет высокого начальства. Все находившиеся в предбаннике были напряжены и угрюмо молчали.

Не знаю, объясняется ли это чертами моего характера или в самом деле еще не прошло действие напитков, которыми меня потчевали на дипломатическом обеде, но я был настроен именно так, как бывает настроен человек, который, выпив вина, готовится принять участие в интересном приключении. Но, конечно, я отнюдь не был склонен к шуткам, когда, войдя в большой кабинет наркома, я оказался перед столом, за длинной стороной которого восседали: в середине — Молотов, справа от него — начальник ИНО НКВД пресловутый Деканозов, назначенный заместителем наркома иностранных дел, слева от Молотова сидели Берия и Маленков. По правую сторону от Молотова, но значительно ниже Деканозова, у самого торца стола сидел М. М. Литвинов. Когда я оказался лицом к лицу с правительственной комиссией в таком составе, мне окончательно стало ясно, что комиссия прибыла в наркомат в связи со сменой руководства НКВД. Я, конечно, не был в состоянии тут же на месте оценить смысл происходящих событий и их возможные последствия. Правда, я и не намерен был, узнав об отставке М. М. Литвинова, менять линию своего поведения и держаться при встрече с комиссией ЦК иначе, чем я первоначально предполагал.

Мне было предложено рассказать о работе моего отдела. Такой вопрос, очевидно, задавался каждому заведующему отделом. Я говорил довольно подробно, старался поставить все те вопросы, разрешение которых я считал назревшим. У меня в памяти остались только проблемы, которые вызвали реакцию присутствовавших, вернее Берии. Насколько я помню, при этой встрече Молотов был молчалив и все время что-то записывал. Я запомнил его реплики при второй встрече в тот же вечер. Максим Максимович слушал, сидя вполборота, и только один раз метнул в мою сторону взгляд, когда я, объясняя, по какому кругу проблем я получал указания лично от наркома, сказал, что директивы порою бывали очень краткими, но мне кажется, я их правильно понимал и поступал соответственно. Когда я заканчивал

эту фразу, Максим Максимович уже снова отвернулся. Видимо, ему сначала показалось, что я хочу сказать что-то направленное против него и его руководства, но он быстро понял, что я вовсе не имею таких намерений.

Маленков, тогда еще молодой государственный деятель, не произнес ни слова, но по мере того, как я говорил, его лицо приобретало удивленное, чуть смешливое выражение, он, казалось бы, думал: «Какие, однако, еще бывают чудачки в государственном аппарате».

Когда я характеризовал иностранных корреспондентов, Берия, поблескивая стеклами пенсне, воскликнул, как мне сначала показалось, раздраженно, а в действительности угрожающе: «Об этом мы с вами еще поговорим!» Я развивал свою излюбленную мысль, что у нас плохо поставлена и не организована контрпропаганда и даже простая пропаганда за границей наших достижений и что иностранные журналисты, писатели и ученые лишены возможности получать сведения о наших успехах, в распространении которых мы заинтересованы. В качестве одной из иллюстраций я упомянул о том, что иностранные корреспонденты приходили в отдел печати за сведениями, относящимися к области обычной экономической статистики. Берия меня вновь атаковал: «Так вы и этим занимались!»

Самая острая проблема, поднятая мною в докладе комиссии ЦК, ранее еще не была затронута в моих докладных записках. Я счел, что, получив возможность выступить перед комиссией ЦК, должен договорить все до конца. Я высказал и мотивировал мысль, что цензура телеграмм иностранных корреспондентов не имеет смысла и практического значения, более того, она вредна. Благодаря прогрессу в технике связи и постоянному контакту с дипмиссиями иностранные корреспонденты имеют возможность самыми различными путями посылать свою информацию помимо цензуры. Я предложил отменить цензуру телеграмм иностранных корреспондентов.

Молотов явно старался держаться надменно и недружелюбно, но у меня тогда создалось определенное впечатление, что брюзгливая гримаса, застывшая на его лице, прикрывает растерянность. Когда я высказал «крамольные» мысли о цензуре, он придал своему лицу еще более недовольное выражение, одновременно делая пометки на бумаге. Маленков тогда, очевидно, взглянул с усмешкой и изумлением, между тем как Берия, видимо, выразил общие чувства комиссии, воскликнув с искренним возмущением: «Вы

говорите вещи, которые не решится сказать даже член Политбюро!» Этот своеобразный комплимент я запомнил на всю жизнь.

Когда я после встречи с комиссией ЦК вернулся в отдел печати, мне стало известно, что дежурного цензора атакуют иностранные корреспонденты с сенсационными телеграммами об отставке наркома иностранных дел СССР. Некоторые из корреспондентов добивались, чтобы я их принял. Я решил этого не делать, хотя обычно в дни больших событий всегда беседовал с наиболее видными журналистами и помогал цензорам. Однако вместе с тем я считал, что не должен вовсе прятаться от корреспондентов именно в этот вечер. При отсутствии каких-либо директив цензор не пропустил бы ни одной телеграммы с комментариями по поводу отставки Литвинова, а это, полагал я, имело бы вредные последствия: широкая печать сразу же подняла бы шум, заговорила бы «о растерянности в Москве» и даже о кризисе.

Все же я выбрал форму, наименее меня обязывающую. В пальто и шляпе я зашел в помещение цензуры, находившееся на первом этаже с входом прямо с улицы. Обступившие стол взволнованного цензора взбудораженные корреспонденты сразу забросали меня вопросами. Я предупредил, что не имею никаких полномочий комментировать отставку Литвинова и зашел лишь для того, чтобы помочь цензору и облегчить отправку информации. Тем не менее мне задавались вопросы, и я на них отвечал, каждый раз оговариваясь, что выражаю свое личное мнение. Корреспонденты не были назойливы и удовлетворились моими ответами на несколько вопросов, суть которых, сколько помню, свелась к двум.

Один вопрос имел, конечно, кардинальное значение: означает ли отставка Литвинова изменение внешней политики СССР? Я ответил, что в СССР политику определяют не отдельные наркомы, а ЦК и высшее руководство партии, поэтому смена лиц сама по себе у нас не означает перемены политики. Это был в принципе правильный ответ, и подобного рода разъяснения, вероятно, не раз давали наши дипломаты.

Второй вопрос, заданный ими, от ответа на который я не мог уклониться, был несколько бестактным. Они спрашивали, является ли Молотов знатоком международной политики и знает ли он иностранные языки. Я ответил, что Молотов крупнейший государственный деятель и, естествен-

но, он знаток всех важнейших проблем, в том числе и внешней политики.

Завизировав телеграммы, я поднялся обратно в отдел печати и тут же продиктовал точный ответ о содержании телеграмм иностранных корреспондентов, их вопросов и моих ответов. Я переслал мою справку через дежурного в кабинет, где еще заседала комиссия ЦК.

Через несколько минут после передачи моей справки меня вызвали в кабинет комиссии ЦК. М. М. Литвинова уже не было в кабинете. Члены комиссии, очевидно, только что оживленно и шумно беседовали между собой и замолчали при моем появлении. Берия глядел на меня в упор сквозь стекла пенсне еще более недружелюбно и даже с некоторым злорадством. Тогда я не подозревал, но теперь понимаю, что он уже мысленно видел меня распростертым на полу своего кабинета.

Молотов стоял у стола явно взволнованный. Если бы иностранные корреспонденты его видели в эту минуту, они все же сообщили бы в своих телеграммах, что «Москва растерялась». Потрясая моей справкой, Молотов яростно обрушился на меня. «Мы не нуждаемся в ваших рекомендациях!» — кричал Молотов.

Сцена, разыгравшаяся в кабинете комиссии ЦК, конечно, произвела на меня сильное впечатление. Я не мог тогда сохранить уверенность в том, что действительно не совершил ошибки, и во всяком случае понял, что сразу впал в немилость.

Через два дня после моего доклада комиссии ЦК я проводил какое-то совещание со своими референтами в обстановке довольно мрачной, потому что мои молодые сотрудники считали меня полутрупом или затравленным зверем, на которого они наконец набросятся по первому сигналу. Внезапно зазвонил прямой правительственный телефон, и присутствовавшие были ошарашены, поняв, что со мной беседует сам Молотов, и притом благожелательно. Действительно, Молотов, назвав меня по имени-отчеству, сказал примерно так: «Мы здесь решили принять ваше предложение и отменить цензуру. Ну что — вы довольны?» В трубку доносились голоса беседующих людей, и я подумал, что Молотов говорит из кабинета самого Сталина. «Мы здесь решили...» Я был действительно доволен.

Молотов продиктовал мне по телефону заявление, кото-

рое я должен был сделать иностранным корреспондентам. Разумеется, надо было дать понять, что сенсационное мероприятие проводится по личному распоряжению нового наркома иностранных дел и что это одно из его первых распоряжений.

Отмена цензуры, проведенная в мае 1939 года впервые за все время существования Советского государства, была недолговечным мероприятием. Через несколько месяцев, кажется сразу после начала войны в Европе, цензура была восстановлена. В 1961 году цензура телеграмм иностранных корреспондентов была отменена, но, видимо, никто не вспомнил, что такое мероприятие уже было однажды осуществлено накануне второй мировой войны.

После того как я встретился с иностранными корреспондентами, я передал Молотову через секретаря проект шифрованных телеграмм нашим послам с информацией об отмене цензуры и с некоторыми разъяснениями. Молотов меня пригласил в кабинет и как ни в чем не бывало поздоровался за руку. (Меня поразило, что у такого жесткого политика столь вялое рукопожатие слабохарактерного человека.) Телеграммы были подписаны без малейших поправок. Нарком беседовал со мной, соблюдая дистанцию, но приветливо. Мне показалось, что скверный сон миновал, возобновляется нормальная деятельность. Но страшный сон лишь начинался.

Стало известно, что арестован Назаров, личный секретарь М. М. Литвинова, очень хороший, дельный, скромный молодой человек. Через несколько дней после 2 мая мне позвонил из дому по правительственному телефону М. М. Литвинов. Не помню, какой вопрос он мне задал, я же рассказал ему о том, что бывший его секретарь не является на работу, исчез. Это был мой единственный разговор с Максимом Максимовичем после его отставки, последний наш разговор, последнее проявление его личного доверия ко мне при отсутствии каких бы то ни было личных отношений.

Вскоре Деканозов сказал мне, что мой заместитель будет снят с работы. Конечно, мне оставалось только принять к сведению это сообщение нового начальства. Однако, указав на положительные качества Г. Н. Шмидта, я просил дать мне в помощники работника, обладающего подобными же достоинствами, в частности административными способностями. «Я плохой администратор», — добавил я, потому что никогда не хотел заниматься административной дея-

тельностью. Деканозов отвечал: «Не знаю, какой вы администратор, но я слышал, что организатор вы хороший». Знакомясь в тюрьме со справкой о моей мнимой преступной деятельности, которую, быть может, сочинял именно Деканозов, я мог догадаться, что, говоря мне о том, что я хороший организатор, Деканозов, по его мнению, тонко намекал, будто знает о моей «причастности к антисоветской организации».

Еще через несколько дней мне сказали, что Молотов, совершая обход наркомата, оказавшись у дверей отдела печати, прошел мимо в другой отдел. Это было признано знаменательным сигналом. Вакуум вокруг меня замкнулся.

10 мая 1939 года Деканозов попросил меня явиться к нему в 10 часов вечера. Днем я зашел к секретарю наркома (там почему-то не было ни души) и попросил выяснить, какова резолюция наркома по какой-то моей записке. Секретарь, вернувшись от Молотова, с нескрываемым удивлением сообщил, что нарком хочет меня видеть. В маленьком кабинете, где меня раньше принимал Литвинов, стоял позади письменного стола у стены Молотов, заложив руки за спину. На этот раз рукопожатия были отменены. Он глядел на меня внимательно и, как мне показалось, с непонятым любопытством. Задав несколько вопросов по служебным делам, он задумчиво повторил вслух один из моих ответов, все еще как бы приглядываясь ко мне. После того как я упомянул, что вечером буду с докладом у его заместителя, Молотов меня отпустил.

В начале вечера я отправился на Центральный телеграф. В самых недрах этого правительственного учреждения, в зале, где, как мне помнится, на возвышении сидел человек в наушниках, видимо, контролируя какую-то радиопередачу или линию связи, я в уголке за маленьким столиком просматривал принесенные мне телеграфные бланки с сообщениями иностранных корреспондентов, которые теперь в результате моей собственной инициативы давали информацию помимо отдела печати. Вдруг в это помещение, где соблюдалась полная тишина, запыхавшись вошли три человека. «Ах, вы здесь!» — бессмысленно воскликнул один из них. Он тут же снял телефонную трубку, позвонил Деканозову и доложил: «Гнедин здесь, на телеграфе», — и передал мне трубку. Деканозов выразил удивление, что я к нему не явился. Я сослался на то, что еще нет десяти часов, и сказал, что немедленно приеду.

Я направился к выходу, сопровождаемый тремя субъектами. Пока я говорил по телефону, эти «подоспевшие сотрудники» нетерпеливо переминались с ноги на ногу, а теперь, с трудом прикрывая назойливость деланной любезностью, они предложили мне поехать в их машине. Я ответил, что меня ждет моя машина.

Был настоящий майский вечер, вечер надежд и обещаний. На улицах было оживленно. Сидя в быстро мчавшейся машине, я глядел на Москву, и мне было хорошо. Я был готов к тому, что меня ждут какие-то важные и, возможно, неприятные впечатления, но жить было интересно, и я радовался этому. Мой органический оптимизм на этот раз обманывал меня, а вернее, спасал.

В здании НКВД в тот вечер было темно, тихо, но вовсе не пусто. Обычная жизнь замерла, но какие-то едва уловимые признаки свидетельствовали о том, что в доме неспокойно. Навстречу мне по лестнице спускался явно озабоченный заведующий финансовым отделом НКВД, рядом с ним шел незнакомый человек. Трудно было догадаться, что я встретил арестованного работника НКВД, которого агент НКВД сопровождал в тюрьму.

Незнакомый мне дежурный секретарь подтвердил, что заместитель наркома иностранных дел меня ждет. Я отворил знакомую дверь. На пороге передо мной встал неизвестный в штатском, направляя мне прямо в грудь револьвер. «Вы арестованы», — сказал он и быстрыми профессиональными движениями свободной руки похлопал меня по карманам моего пиджака и брюк. Впервые я испытал, что практически значит «потемнело в глазах». Я сделал несколько шагов в глубь комнаты. За большим столом восседал Деканозов все с тем же глупо-равнодушным и скучно-угрожающим лицом. Неожиданно для самого себя я сказал, отстраняя агента: «Нельзя ли без такой лихорадочной нервозности?» Деканозов потребовал от меня ключи от сейфа в моем кабинете (этот сейф, как правило, был пуст). Я стал бросать на стол нового замнаркома иностранных дел все, что было в карманах: бумажник, ключи, кошелек, листки с заметками, которые я делал при чтении телеграмм. Бумажки Деканозов поспешно схватил, коробку с папиросами вернул, кажется, я кинул ее обратно на стол.

Засим Деканозов дал мне чистый конверт и предложил написать на нем мой адрес. В этот конверт он вложил ключи от моей квартиры. Позднее жена мне рассказывала, как, увидев в руках агента, явившегося с обыском, конверт,

надписанный моей рукой, она рванулась к нему, воскликнув: «Мне записка! Дайте!» Тот невозмутимо вынул из конверта ключи и показал пустой конверт: «Записки нет». Но конверт жена сохранила до настоящего времени.

От Деканозова в сопровождении уже успокоившегося агента, понявшего, что сопротивления я не окажу, я отправился в свой кабинет, взял плащ и, уходя, сказал секретарше: «Сегодня я уже не приду». Она опустила голову, стараясь скрыть слезы.

Совершенно так же, как встретившийся мне на лестнице заведующий финансовым отделом, я свободной походкой делового человека вместе с сопровождающим вышел на улицу. Напротив, как всегда, сияли окна большого дома на Лубянке. Там, как всегда, кипела работа. Мы пересекли улицу и, пройдя по переулку, свернули по направлению к площади Дзержинского в узкую Малую Лубянку.

Прямо с улицы мы зашли в небольшое помещение, наминавшее экспедицию по сдаче и приемке почты. Но здесь принимали не пакеты, а людей при пакетах. Получив расписку, агент удалился. Он сдал меня на тюремный конвейер. Моя первая жизнь кончилась.

Когда я переступил порог тюрьмы, меня поразила какая-то неестественность открывшегося мне зрелища. По плохо освещенному, на первый взгляд пустому помещению расхаживали люди в военной форме, но в домашних войлочных туфлях. Господствовала полная, но странная тишина, странная, потому что где-то в самой глубине этой тишины таились чуть уловимые звуки и шорохи, источник которых был незрим. По временам раздавалось звонкое шелканье. Я впервые услышал, как шелкают языком или пальцами либо стучат ключом по пряжке пояса охранники, подающие сигнал «веду заключенного». Так предотвращалась встреча арестантов. Тот конвоир, который первым дал сигнал, двигался по своему маршруту, другие останавливались за углом или прятали своего подопечного в один из шкафов, устроенных для этой цели на всех путях прохождения конвоиров.

Меня доставили в камеру, расположенную в нижней части корпуса. Лампа, ввинченная над дверью так, чтобы лучи были направлены в глубь помещения, бросала тусклый свет на довольно узкую камеру с тремя койками; две были заняты, третья меня ожидала. Как только шелкнул замок,

мне навстречу поднялись два призрака, два бледных человека в нижнем белье. Первый вопрос: «С воли?» Второй вопрос: «Это правда, что издан новый Уголовный кодекс?» Так я в первые же минуты моего тюремного заключения услышал вопрос, который потом в течение полутора десятков лет не раз задавался и дебатировался в моем присутствии. Сколь многих людей не оставляла надежда, что беззаконию будет положен конец, и притом простым путем — благодаря новому Уголовному кодексу...

Я отвечал, что не интересовался этими проблемами, кажется, была какая-то статья в «Известиях» о подготовке кодекса, кроме того, после прихода Берии в НКВД сообщалось о пересмотре ряда дел. «Впрочем,— добавил я не без достоинства,— я не знаю, с кем говорю». На сей раз не агенты палачей, как это было при моем аресте, а жертвы палачей поняли, что имеют дело с простаком. Мои соседи прекратили разговор и улеглись по койкам. Тем временем я стал читать висевшие на стене в рамке «Правила внутреннего распорядка в тюрьмах»... Теленок до последнего мгновения не знает, что его привели на бойню... Слово «тюрьма» меня больно ранило. Итак, я действительно в тюрьме! Но привычный охранительный рефлекс направил реакцию по более спокойному руслу: «Я никогда не бывал еще в тюрьме. Это все же интересно». Я стал укладываться на койке, стараясь себя успокоить такой гипотезой: меня поставили в самые худшие, самые тяжелые условия, ошибочно предполагая, что я знаю какие-то такие подробности о работе НКВД до смены руководства, которых я в обычных условиях не рассказал бы. Словом, меня проверяют. Я выдержу испытание и буду освобожден...

Засим произошло нечто неправдоподобное. Я даже не решился бы об этом говорить, если бы не свидетельства других людей. Улегшись на моей первой тюремной койке, я тотчас же крепко заснул.

Примерно часа в три ночи меня разбудил тюремщик: «На допрос, быстро!» Два конвоира, держа меня за обе руки, сведенные вместе на спине, повели вниз по лестнице, затем по тюремному коридору. У решетчатой двери оформили какие-то документы и вывели меня в один из коридоров главного здания. Меня доставили в какую-то канцелярию, там, несмотря на поздний час, было оживленно, стучала машинка, чиновники говорили по телефону, никто не обратил внимания на появление заспанного и взволнованного человека под охраной. Открыв обитую кожей типичную

дверь сановного кабинета, конвоиры ввели меня в большую комнату с завешанными окнами. Меня посадили на стул в середине комнаты.

Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара первого ранга — крупная голова, полное лицо человека, любящего поест и выпить, глаза навывкате, большие волосатые руки и, как я позже заметил, короткие кривые ноги. Таким я запомнил тогдашнего начальника Особой следственной части НКВД СССР Кобулова, который, как и арестовавший меня Деканозов, был расстрелян вместе с Берией в 1953 году.

Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так: «Уже сидит и пишет, да-да, уже пишет, а то как же!» Кобулов весело и самодовольно хохотал, речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке, дававшем показания.

Обернувшись ко мне, Кобулов придал своему лицу угрожающее выражение. Не отводя глаз, он стал набивать трубку табаком из высокой фирменной коробки «Принц Альберт». Я сам курил трубку и очень ценил этот превосходный американский табак, который в Москве нельзя было достать.

Сразу после вступительных формально-анкетных вопросов Кобулов провозгласил: «Вы арестованы как шпион...» Помнится, он добавил: «Крупный шпион». Хорошо запомнил свой ответ: «Кличка «шпион» ко мне не пристанет!» Эта задорная фраза не была чистой импровизацией, так как я уже раньше мысленно готовился к тому, как я в парткоме или другом месте дам отпор клеветническим обвинениям в шпионаже. Ведь на протяжении двух лет мне часто приходилось на собраниях быть свидетелем того, как исключаемым из партии и обреченным на арест сотрудникам НКВД предъявляли обвинение в связях со шпионами. Да и газеты пестрели такими обвинениями.

Грозным тоном Кобулов заявил мне, что я разоблачен и вскоре буду расстрелян.

Полагая, что он меня достаточно запугал, Кобулов потребовал, чтобы я ему рассказал о моих «связях с врагами народа». Я отверг и это обвинение, но, стремясь подтвердить свою невиновность и продемонстрировать уверенность в себе, я сделал ошибку (если угодно, глупость), которая могла бы причинить вред и мне и другим людям. Уверенный в своей правоте и в чистоте моих друзей и товарищей, я заносчиво заявил, что охотно назову фамилии всех моих аре-

стованных приятелей и сослуживцев. Кобулов с нескрываемым удовольствием схватил авторучку и стал записывать называемые мною фамилии.

Моя ошибка заключалась в следующем. Во-первых, среди названных мною товарищей мог быть какой-либо вынужденный дать показания против меня (один такой был), таким образом, получалось, что я сразу «признал связи» с тем человеком, который, в свою очередь, уже в специфическом, продиктованном палачами контексте говорил о «связях» со мной. Во-вторых, мое чистосердечие было неосторожным и опасным потому, что если бы кто-нибудь из названных мною арестованных ранее товарищей не давал показаний или против него не набрали достаточно показаний, то мое упоминание о нем, хотя бы и в невинной формулировке, могло быть использовано против него.

Однако моя неосторожность не имела последствий. (Слово «к счастью» здесь неуместно.) Во-первых, я сумел остаться и в дальнейшем на позиции, занятой мною с самого начала, и не чернил моих друзей, фамилии которых я продиктовал Кобулову, во-вторых, мои друзья, как я себе представляю, не давали против меня показаний, в-третьих, почти все они уже были уничтожены ко дню моего ареста, чего я не знал.

К концу первого допроса Кобулов спросил меня довольно неуклюже: «Это верно, что вы спали в камере?» Очевидно, за мною было установлено специальное наблюдение. Я ответил, словно извиняясь за допущенную бестактность, что последние дни у меня было много работы и я не выспался. Кобулов посмотрел на меня внимательно и сказал: «Вы, видно, все еще не понимаете, что с вами произошло. Ваша прежняя жизнь не возвратится. Ее отделяет пропасть от вашей дальнейшей жизни». Приблизительно так он сказал.

Я отметил про себя, что вначале Кобулов мне грозил скорым, чуть ли не немедленным расстрелом, а теперь как бы проговорился, что я еще буду жить.

На рассвете в камеру вернулся после допроса не протак, предполагавший, что сумеет рассеять подозрительность, проявив честность и откровенность, а человек, окончательно понявший, что ему предстоит защищать свое честное имя и самую жизнь в труднейших условиях. На этот раз я уже не заснул, тем более что в 6 часов в тюрьме был подъем.

Одним из соседей по моей первой тюремной камере был

пожилой полковник Генерального штаба, насколько я понял, офицер царской армии, в начале революции перешедший на сторону Советской власти. Он держался с большим достоинством и сдержанностью, пытался скрыть свою тревогу. Когда мы однажды остались вдвоем, полковник постарался дать мне понять, что надо держаться осторожно с нашим третьим соседом. Этот сосед, как он сам хвастался, был до ареста секретарем, или порученцем, у какого-то видного работника НКВД.

Не успел я освоиться с тюремным бытом и собраться с мыслями, как меня примерно в 9 часов утра, то есть часа через четыре после окончания первого ночного допроса, снова вызвали на допрос. На сей раз меня конвоировали три человека.

Через площадку парадной лестницы, через приемную и обширный секретариат меня провели в кабинет кандидата в члены Политбюро, наркома внутренних дел Л. П. Берии. Пол в кабинете был устлан ковром, в чем мне вскоре пришлось непосредственно убедиться. На длинном столе для заседаний стояла ваза с апельсинами. Много позднее мне рассказывали истории о том, как Берия угощал апельсинами тех, кем он был доволен. Мне не довелось отведать этих апельсинов.

В глубине комнаты находился письменный стол, за которым уже сидел Берия и беседовал с расположившимся против него Кобуловым. Меня поместили на стул рядом с Кобуловым, а слева рядом со мной, чего я сначала в волнении не заметил, уселся какой-то лейтенант. Эту мизансцену я точно описал в моем заявлении в правительственные инстанции... после ареста Берии.

Кобулов и Берия при мне обменялись репликами, как я полагаю, на грузинском языке. Затем, хотя было очевидно, что Берия только что выслушал сообщение Кобулова, тот разыграл комедию, официальным тоном он доложил: «Товарищ народный комиссар, подследственный Гнедин на первом допросе вел себя дерзко, но он признал свои связи с врагами народа». Я прервал Кобулова, сказав, что я не признавал никаких связей с врагами народа, а лишь назвал фамилии арестованных друзей. Помнится, я тут же добавил, что преступником себя не признаю.

Кобулов подготовился к тому, что я снова «поведу себя дерзко». Как только я подал свою реплику, Кобулов со всей силой ударил меня кулаком в скулу, я качнулся влево и получил от сидевшего рядом лейтенанта удар в ле-

вую скулу. Удары следовали быстро один за другим. Кобулов и его помощник довольно долго вдвоем обрабатывали мою голову, как боксеры работают с подвешенным кожаным мячом. Берия сидел напротив и со спокойным любопытством наблюдал, ожидая, когда знакомый ему эксперимент даст должные результаты. Возможно, он рассчитывал, что примененный «силовой прием» сразу приведет к моей капитуляции, во всяком случае он был убежден, что я потеряю самообладание и перестану владеть своими мыслями и чувствами. Но, очевидно, он не знал, что человек может потерять ориентацию в пространстве и не потерять ориентации в собственном внутреннем мире. Правда, до поры до времени...

Не помню точно, что именно на этой стадии «допроса» говорил Берия и как я формулировал свои ответы, но суть была все та же: меня обвиняли в государственной измене, а я решительно отрицал свою виновность в каких бы то ни было преступлениях.

Убедившись, что у меня замедленная реакция на примененные ко мне «возбудители», Берия поднялся с места и приказал мне лечь на пол. Уже плохо понимая, что со мной происходит, я опустился на пол. В этом выразилась двойственность моего состояния, о которой я уже упомянул: внутреннюю стойкость я сохранил, но в поведении появился автоматизм. Я лег на спину. «Не так!» — сказал нетерпеливо кандидат в члены Политбюро Л. П. Берия. Я лег ногами к письменному столу наркома. «Не так!» — повторил Берия. Я лег головой к столу. Моя непонятливость раздражала, а может быть, и смутила Берию. Он приказал своим подручным меня перевернуть и вообще подготовить для следующего номера задуманной программы. Когда палачи (их уже было несколько) принялись за дело, Берия сказал: «Следов не оставляйте!» Если это был действительно приказ подручным, то можно высказать предположение, что у Берии были далеко идущие планы в отношении меня.

Они избивали меня дубинками по обнаженному телу. Мне почему-то казалось, что дубинки резиновые, во всяком случае когда меня били по пяткам, что было особенно болезненно, я повторял про себя, может быть, чтобы сохранить ясность мыслей: «Меня бьют резиновыми дубинками по пяткам». Я кричал, и не только от боли, но наивно предполагая, что мои громкие вопли в кабинете наркома близ приемной могут побудить палачей сократить операцию. Но они остановились, только когда устали.

То ли сразу, как меня оглушили с помощью «боксерских приемов», то ли во время последующих избиений Берия и Кобулов дали мне понять, чего именно они от меня хотят. Один из намеков звучал примерно так: «Учтите, что вы уже не находитесь в кабинете обер-шпиона, вашего бывшего начальника. Там вам уже не бывать!» Оба глядели на меня с максимальной выразительностью, повторяя аналогичные недвусмысленные фразы, но, кажется, в тот раз они еще не называли М. М. Литвинова по фамилии.

Не получив от меня не то что показаний, но вообще какого-либо положительного ответа, Берия приказал меня увести. Вероятно, тотчас же на смену мне была приведена другая жертва. Берия торопился получить материал, порочащий М. М. Литвинова.

Тем временем ко мне применили новый прием, очевидно, в соответствии с разработанной методикой. Избитого, с пылающей головой и словно обожженным телом, меня, раздев догола, поместили в холодном карцере.

Не могу утверждать, что карцер специально охлаждали, но мне представлялось, что это так. Мне даже казалось, что я уловил, откуда поступает холодный воздух. Пол был каменный. Я забрался в угол и встал на скамью, правда, тоже каменную. Размышлять в моем положении и состоянии было невозможно; да и задача, стоявшая передо мной, была ясна без размышлений: надлежало выдержать пытки, не оговорить ни себя, ни других. Дабы успокоиться и восстановить душевное равновесие, я стал читать стихи.

Через некоторое время меня снова доставили в кабинет наркома. И снова два человека обрабатывали меня дубинками под личным наблюдением Берии. Я запомнил одну реплику Берии во время второго сеанса. Наклонившись надо мной, он сказал: «Волевой человек, вот такого бы перевербовать». Прекрасно зная, что я не шпион, не преступник, он подсказывал мне удобную форму самоговора — готовность «завербоваться» на работу в НКВД. Грязная выходка циничного субъекта!

Не могу сказать, сколько длилась вторая экзекуция в кабинете наркома. Во всяком случае, убедившись, что я по-прежнему отказываюсь признать себя преступником и выполнить требование оклеветать Литвинова, палачи опять поместили меня в карцер. Я снова стоял раздетый на каменной скамейке и читал наизусть стихи. Читал Пушкина, много стихов Блока, большую поэму Гумилева «Открытие

Америки» и его же «Шестое чувство». Вероятно, я читал и собственные стихи. Особенно благотворное влияние оказало на меня чтение одного сонета Вячеслава Иванова, который я запомнил со студенческих лет.

Приблизительно тогда, когда меня вторично отправили в холодную, я потерял представление о времени. Ни непосредственно после окончания серии пыток, ни позднее, спокойно размышляя, я не мог определить, как долго длилась эта первая серия: трое, четверо, пятеро суток? Я помню, что, впервые возвращенный ненадолго в камеру, я удивился, узнав, что миновали сутки. Кажется, был утренний туалет заключенных. Бывший полковник, оглядев меня (а программа еще далеко не была завершена), сказал: «Я бы и половины не выдержал!» Боюсь, что знакомство с моим опытом подорвало его стойкость. Но внешне он держался по-прежнему с большим достоинством; когда я рассказал ему о первой сцене у Берии, полковник заметил не без высокомерия: «Они, кажется, имеретинцы». В его устах это звучало так: обыкновенные разбойники...

Самым жестоким и длительным избиением я подвергался в кабинете Кобулова. В памяти запечатлелись только отдельные сцены, ночное освещение, несколько склоненных надо мною лиц, шум голосов. Однажды в комнату вошел какой-то человек и, как мне показалось, хохоча, крикнул: «А, это Гнедин! Да его надо трижды расстрелять за его преступления, завтра же!» Был и такой момент: мне в бреду померещилось, что Сталин на портрете, висевшем над столом Кобулова, зашевелился, я обратился к нему с пылкой речью. Сильным ударом меня оглушили. Другой раз, когда Кобулов, дабы я не мог оказывать сопротивление, особенно сильно прижал сапогом мой затылок, я потерял сознание.

К концу третьих или четвертых суток следователь Воронков, основываясь на своем опыте, уже рассчитывал, что близится минута роковой для меня слабости. Конечно, тупым палачам был чужд психологический анализ. Это были, как говорят на заводах, мастера-практики. На основании моего опыта — опыта жертвы палачей (меня пытали снова через год) — я убежден, что реакция человека на пытки поддается научному анализу и возможен точный прогноз. Я подумал об этом снова, когда познакомился с высказываниями известного физиолога Селье (да и с работами по психоанализу). Установлено, что при длительном воздействии одного и того же стрессорного агента организм вначале адаптируется (стадия резистенции), но затем

рано или поздно достигнутая адаптация теряется (стадия истощения) и в итоге наступает гибель.

Помню, как на рассвете в той же комнате с окнами во двор мы со следователем сидели друг против друга, я в полубомороке на кончике стула, он, полусонный, на другом стуле, лениво поколачивая меня дубинкой по коленям. Когда я приоткрыл глаза, мне вдруг померещилось, что он хочет мне нанести особенно болезненный удар. И тут я испугался. Острый страх, испытанный мною в этот момент, был столь же неуместен и объективно немотивирован, как и ранее проявленная готовность подвергнуться дальнейшим избиениям. И в том и в другом случае мое поведение отражало потерю самоконтроля.

Итак, в предрассветный час я неожиданно для себя, а возможно, и для следователя попросил дать мне лист бумаги. На поспешно поданном мне листе я написал несколько слов о том, что я допускал ошибки в моей работе, приносившие вред, понимаю это и готов об этом рассказать. Прочитав написанное мною, следователь тотчас же на моих глазах порвал бумагу. Затрудняюсь объяснить его поступок; возможно, что он не был полномочен принимать от меня такие собственноручные заявления, которые не подтверждали преподанную свыше версию обвинения и даже ее опровергали; возможно, что он ждал, что я все же сам напишу то, что требуется.

К счастью, ответ на этот мучивший меня вопрос не имел никакого практического значения. Час, когда следователь порвал мое заявление о «совершенных ошибках», остался у меня в памяти как момент шока, который способствовал тому, что я преодолел мгновенную губительную слабость. Именно мысль о том, что я на рассвете в кабинете следователя «закачался», придала мне стойкость при третьем свидании с Берией, которым завершилась серия пыток. Очевидно, Берии доложили, что я наконец теряю самообладание, и Берия возомнил, что он сумеет лично зафиксировать факт моей капитуляции и получить от меня продиктованные им же показания. Он просчитался.

Когда меня ввели, Берия стоя беседовал с Кобуловым. Меня поставили по другую сторону стола невдалеке от знакомой мне вазы с апельсинами.

Авантюрист с поверхностной культурой не в состоянии до конца понять идейного человека, живущего интеллектуальной жизнью. Он чувствует это и, стремясь приспособиться, придает своим манерам и речам интеллигентное обличье.

Примерно так держался Берия на третьем допросе в его кабинете. Спокойно он справился у меня, понял ли я наконец, что должен рассказать о своих преступлениях. Я дал ответ, который потом повторял в моих заявлениях, в первую очередь на имя самого Берии. Я сказал, что обязан ему говорить только правду, я утверждаю, что преступником не являюсь, никаких преступлений не совершал, я желал бы понять, чего от меня хотят, я не понимаю происходящего.

Выражая готовность понять происходящее, я, видимо, надеялся ослабить реакцию палачей на мой новый отказ выполнить их требования. Ведь в этот момент два человека меня поддерживали в стоячем положении на том самом месте, где меня впервые бросили наземь. Хорошо еще, что в моем омраченном сознании суматошные процессы помимо спасительного торможения воли были слабее, нежели подлинно спасительный четкий и ясный сигнал: лживых показаний не давать!

Все же этот эпизод — пример того, как я чуть-чуть не оступился. Проявление готовности понять, чего от меня хотят, — иллюстрация того, как подследственные попадали в расставленные им капканы. Замученные люди легко делали роковой шаг от готовности понять к готовности помочь, подтвердить ложные обвинения. Но, к моему счастью и, пожалуй, к моей чести, мои слова о желании понять, что здесь происходит, звучали для следователей неубедительно. Берия счел, что мое стремление понять ему ничего не дает. Он потерял ко мне интерес и собирался иным способом «оформить» мое дело и решить мою судьбу.

Последние слова, услышанные мною от Л. П. Берии, были: «Такой философией (голос авантюриста, говорящего с интеллигентом) и провокациями (голос палача) вы только ухудшаете свое положение». Эта, по сути, стандартная фраза была и верна и неверна. Не дав лживых показаний, я улучшил свое положение, так как меня не удалось включить в крупное дело о государственной измене. Вместе с тем угроза Берии ухудшить мое положение оправдалась в том отношении, что на протяжении всех лет моего пребывания в тюрьме, в лагерях и ссылке я ощущал, что в моем деле есть некая авторитетная и неблагоприятная для меня резолюция.

После «напутствия» Берии я был отправлен в камеру. По дороге меня отнесли в амбулаторию, где мое распухшее и кровоточащее тело смазали вазелином. Ни до того, ни после того я никакой медицинской помощи не получал.

В камере я никого не застал. Обоих соседей увели; одному моя участь должна была послужить укором, другой получил новое задание.

Через сутки или двое меня разбудили на рассвете: «На допрос!» К тому времени спина, ноги, пятки представляли собой сплошную лоснящуюся и очень болезненную опухоль. Ни сидеть, ни стоять я не мог. В таком состоянии я был доставлен в тот самый маленький кабинет с окном во двор, где я, тоже на рассвете, чуть-чуть не капитулировал.

Воронков сидел за письменным столом: его одутловатое серое лицо выражало озабоченность, пожалуй, даже неуверенность. Следователь положил передо мной на маленький столик канцелярскую папку, в которую был вложен длиннейший, на многих страницах «Протокол допроса Гнедина-Гельфанда Е. А., сына Парвуса, от 15—16 мая 1939 г.» (дата была совершенно произвольной). На высококачественной глянцевиной (наркомовской!) бумаге без единой поправки или помарки четким шрифтом были отпечатаны вопросы, которых мне не задавали, и ответы, которых я не давал. Ни один протокол допроса, каких мне позже пришлось видеть немало, не имел такого аккуратного, законченного вида, как эта фальшивка. Я понял, что передо мной документ, предназначенный для представления в высшую инстанцию.

Стоя на одной ноге либо на носках и опираясь рукой о столик, я читал фальшивку, столь же лживую, сколь и бездарную.

В особом разделе «протокола от 15—16 мая» содержались измышления о М. М. Литвинове, имя которого я, безусловно, не называл. Думаю, что его имя не фигурировало и в старых делах. Но теперь задача палачей заключалась именно в том, чтобы собрать материал против Литвинова, и ради этого и была составлена фальшивка. В ответ на «тонко поставленные» вопросы я будто бы постепенно признавался в том, что «знал об антиправительственных настроениях Литвинова» (примерно так, пишу, естественно, по памяти), я будто бы подтверждал, что Литвинов, «исходя из антисоветских намерений, провоцировал войну», и тому подобное. Составители «протокола» не пытались проявить изобретательность, сочиняя «состав преступления», они просто-напросто приписывали М. М. Литвинову те самые концепции и формулировки, которые участники больших открытых процессов приписывали себе или которые

им были приписаны следователями. Это мое сразу сложившееся впечатление позднее подтвердилось, в частности, когда один из моих следователей отозвался о «протоколе от 15—16 мая» (при мне!) пренебрежительно: «Это повторение пройденного». А другой высказался еще определеннее: «Там ничего нет».

Следователь потребовал, чтобы я подписал «протокол». Я назвал предъявленный мне документ фальшивкой, но снова оказался на опасной грани, снова со мной чуть-чуть не случилось того, что случалось со многими честными людьми. Я стал подыскивать приемлемые страницы с фактическими данными; такой, кажется, оказалась первая страница; я поставил на ней и еще на некоторых страницах закорючки, подписывать я физически был не в состоянии. Потом я с ужасом отодвинул от себя чудовищный документ. Но, видимо, следователю нужно было только предъявить начальству хотя бы след того, что я прикасался к «протоколу». Он не стал настаивать на подписании всех страниц (как это полагалось) и отправил меня в камеру.

19 мая меня вызвали на допрос днем. В том же темном кабинете с окном во двор Воронков восседал за письменным столом с деловым видом, а мне предложил сесть за маленький столик в углу. Видимо, следователь собирался повести со мной «нормальную работу», либо опираясь на фальсифицированный протокол, либо, наоборот, временно о нем не упоминая. Но у меня был свой план действий. Я решил во что бы то ни стало опровергнуть фальшивку.

Я попросил дать мне бумагу. Воронков дал. Вероятно, на основании своего опыта он считал, что когда следователь, участвовавший в избиениях, потом обращается корректно с подследственным, тот сам старается не вызывать конфликта. Все же он встал около меня, чтобы тотчас же забрать у меня бумагу, если я стану писать не то, что следует. Я прибег к хитрости. Так как я по хорошо известным следователю причинам не сидел на стуле, а стоял, согнувшись над столиком, и медленно выводил буквы, то и следователю, если он хотел читать то, что я пишу, нужно было стоять около меня очень долго. Я рассчитывал, что ему это надоест. И в самом деле, когда следователь увидел, что в начале моего заявления я обещаю «помочь следствию», «всемерно содействовать освещению интересующих его фактов» и вообще заверяю в своей искренности (я сознательно начал с длинной фразы), он отошел от меня и с убоготоренным видом уселся за свой стол. Тогда я

продолжал примерно так: «...а потому считаю необходимым заявить, что мне ничего не известно о преступной деятельности Литвинова и что если бы даже Литвинов был заговорщиком, чего я не думаю, то он как старый конспиратор никогда бы не стал мне об этом рассказывать, и, следовательно, то, что говорится в «протоколе от 15—16 мая», не соответствует действительности».

Когда следователь получил исписанные мною листки, он, не говоря ни слова, нажал кнопку звонка, вызвал охрану и отправил меня в камеру. Больше я его никогда в жизни не видел. Но в постановлении о моей реабилитации в 1955 году, то есть через шестнадцать лет, я обнаружил глухое упоминание о том, что согласно показаниям бывшего следователя Воронкова он был «свидетелем» того, как меня избивали в кабинете Берии. О своей роли в моем деле он, очевидно, умолчал.

Мое заявление от 19 мая следователь не уничтожил. Я видел его в деле и неоднократно на него ссылался, доказывая и напоминая, что я с первых дней следствия неизменно устно и при первой возможности письменно отвергал и опровергал обвинения и клевету на меня и на других честных людей, прежде всего клевету на М. М. Литвинова.

Несмотря на то что одиночка представляет собою самую концентрированную и ощутимую форму изоляции человека от общества и мира, пребывание в такой подлинной темнице превраталось для меня в передышку. Мне удалось не сосредоточивать свое внимание на непосредственных опасностях, подстерегавших меня за порогом камеры.

В тюремной камере я размышлял и не испытывал страха. Но как только меня снова вызвали на допрос, меня охватил животный страх. Конечно, у меня были все основания бояться новых допросов: я уже знал, как трудно выдерживать истязания, и понимал, что моя сопротивляемость ослабла, особенно из-за того, что многочисленные рубцы еще не затянулись.

Наконец явился следователь и с озабоченным деловым видом уселся за письменный стол. Передо мною было совершенно новое лицо. Я, конечно, не мог запомнить лиц всех участников предыдущих дневных и ночных бдений, но у меня не возникало сомнений, что с этим старшим лейтенантом я встретился в первый раз.

Следователь Романов производил впечатление квалифи-

цированного, хотя и не очень культурного человека, хорошо знакомого если не с юриспруденцией, то, во всяком случае, с формами и правилами делопроизводства, он походил на военного интенданта средней руки. Худощавое лицо в чуть заметных рябинках не было неприятным, но вследствие нервного тика ноздря удлиненного носа часто подергивалась, а время от времени подергивался и глаз.

С первой минуты Романов повел себя так, словно бы он лишь начинал следствие по моему делу и до его встречи со мной никто моим делом не занимался. Я со своей стороны также не упоминал о том, что происходило до передачи дела Романову.

Насколько я помню, следователь начал серию допросов с формальных моментов, анкеты и тому подобного. В какой-то степени он повторил то, что уже проделал Кобулов при первой встрече. Затем он предъявил мне ордер на арест; он был подписан лично Берией и завизирован Вышинским. Эти подписи обязывали любого работника прокуратуры и следственной части рассматривать меня как изобличенного крупного преступника. Кажется, я тогда не понял рокового значения такого ордера на арест. Я говорю «кажется», потому что теперь мне самому представляется неправдоподобной моя наивность... На самом деле, как я позже понял, формальности были связаны с тем, что предыдущий этап мог и не быть отражен в следственном деле; оно могло быть построено так, словно я до июня просидел без допросов, пока моим делом не занялся старший лейтенант Романов. Это предположение подтверждается тем, что, предъявив мне некоторые показания, следователь ровно через десять дней после того, как он меня вызвал впервые, предъявил мне и обвинение. Получалось, что Уголовно-процессуальный кодекс был соблюден, если... если игнорировать все, что происходило в течение первых недель моего пребывания во Внутренней тюрьме.

Соблюдая какие-то формальные правила, следователь прежде всего прочитал мне те полученные против меня показания, которые были включены в справку, послужившую основанием для выдачи ордера на арест. Он мне этого не говорил и документа в руки не давал, но у меня сложилось на этот счет определенное мнение, так как я имел возможность, когда Романов вышел из кабинета, прочесть значительную часть документа.

Документ, лежавший на столе у следователя, был напечатан на такой же высококачественной бумаге, как и фаль-

шивка под названием «Протокол допроса от 15—16 мая», о которой я рассказывал ранее. Это был документ, предназначенный для высшей инстанции. Он не был озаглавлен и несомненно составлялся по какой-то стандартной форме. Сверху крупно была обозначена моя фамилия, указана занимаемая должность, и была лишь одна дополнительная пометка: «сын Парвуса». Далее без всякого вступительного или объяснительного текста с красной строки следовало: такой-то (фамилия и, кажется, бывшая должность давшего показания) показал... Затем с красной строки снова: такой-то... показал...

В документе, послужившем формальным обоснованием для выдачи ордера на мой арест, не было ни одного «показания», которое содержало бы какую-либо конкретизацию облыжного утверждения о моей мнимой причастности к антисоветской деятельности. Вместе с тем, как позднее я мог обнаружить, в этот документ были включены не все «показания», которые ко времени ареста были подготовлены фальсификаторами и палачами. Я не мог объяснить себе, почему некоторые показания были использованы при оформлении решения о моем аресте, а другие нет. Все эти частности не имели никакого значения для тех, кто принял решение изъять меня из жизни.

Лишь одно «показание», включенное в документ для высшего руководства, оказалось недавнего происхождения и относительно подробным. То было «показание» бывшего советника и поверенного в делах во Франции Е. В. Гиршфельда. Уволенный из НКВД, кажется, в конце 1938 года, он был арестован в ночь на 1 мая 1939 года, о чем мне тогда кто-то рассказал. Меня арестовали в ночь на 11 мая. Гиршфельд, происходивший из семьи революционеров-большевиков, детство провел за границей, в эмигрантской среде, а после Октября, как я себе представляю, уже в силу родственных и приятельских связей был своим человеком и доверенным лицом в среде старых революционеров, возглавивших государство. Я не был с ним близко знаком, но часто встречался на работе и несколько раз у общих знакомых. Это был милейший человек, умница, доброжелательный, всегда живо заинтересованный своей работой.

Совершенно не важно, давал ли бедняга Гиршфельд сам свои показания, не выдержав пыток, или их просто сочинил следователь. Этот документ в конечном счете характеризовал только намерения Берии и его подручных. На полутора страницах рассказывалось, будто я остался

после ареста Крестинского «главой всей антисоветской организации в НКВД» и в качестве такого «руководящего лица» давал инструкции Гиршфельду. У палачей, пытавших Е. В. Гиршфельда, как и у тех, кто пытал меня, была одна и та же задача: любым способом опорочить еще находящихся на свободе или только что арестованных дипломатических работников и таким образом опорочить вместе с ними М. М. Литвинова. Последнее было, конечно, главной задачей, или, выражаясь языком режиссеров, сверхзадачей.

Как бы то ни было, 1 мая 1939 года, когда М. М. Литвинов, предполагая, что будет вскоре объявлено о его отставке, демонстрировал присутствовавшим на Красной площади, а тем самым всему миру, что он на свободе, а я, не зная о предстоящей отставке Максима Максимовича, стоял на дипломатической трибуне и наслаждался зрелищем парада, в большом доме на площади Дзержинского уже накапливались клеветнические показания против М. М. Литвинова и его сотрудников. Шла лихорадочная подготовка «дела врагов народа в НКВД». Однако такое «дело», а тем более судебный процесс, сфабриковать не удалось, но погибло много невинных людей.

Я не попался в этот капкан. Я решительно опровергал показания Е. В. Гиршфельда, указывая на их нелепость. Следователь записывал то, что я говорил. В тот период мне еще не давали возможности в протоколе, в письменной форме, зафиксировать свои отрицательные ответы. Тем не менее на той стадии следствия было достаточно существенным и то, что следователю не удалось получить от меня в какой бы то ни было форме подтверждение показаний замученного и позднее трагически погибшего Е. В. Гиршфельда.

Подробного комментария заслуживает включенная в справку для оформления моего ареста краткая выписка из «сочинений» С. А. Бессонова. На открытом процессе Бухарина, Крестинского, Рыкова и других виднейших деятелей Советского государства, организованном в марте 1938 года, С. А. Бессонов выступал в роли главного свидетеля обвинения.

Среди несчастных людей, дававших показания на открытых процессах, С. А. Бессонов, к сожалению, выделяется как особой значительностью сыгранной им роли, так и особой обстоятельностью, некой складностью своих показаний. Сказанное вовсе не означает, что ему и его следователям

удалось составить документы, удачно скомпонованные и лишённые явных внутренних противоречий, не говоря уже о том, что они совершенно противоречили действительности. Я сам, в качестве заведующего отделом печати НКВД СССР присутствуя на процессе вместе с подведомственными мне иностранными корреспондентами, заметил противоречия в легенде, которую излагал на суде С. А. Бессонов; иностранные журналисты в своих сообщениях смаковали обнаруженные ими несуразности. Я отметил это в сводке телеграмм, прошедших через цензуру, которая посылалась членам Политбюро. Встретив в секретариате суда Вышинского, я счел нужным ему лично сказать, что иностранные корреспонденты сообщили своим редакциям о противоречивости и недостоверности показаний Бессонова. Прокурор, с высокой трибуны клеймивший «врагов народа», ответил мне чисто деловым образом: «Хорошо, я переговорю с Сергеем Алексеевичем» — так уважительно прокурор отзывался об обвиняемом...

И вот в тюрьме я получил возможность на собственном печальном опыте убедиться, что в показаниях Бессонова «были противоречия с действительностью». Но на сей раз я не имел возможности попросить Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского и по этому поводу переговорить с Сергеем Алексеевичем. Дело Бессонова было закрыто, а мое только открылось на основании ордера, подписанного тем же Вышинским...

Мое знакомство с С. А. Бессоновым относится к 1935—1937 годам, когда я был первым секретарем посольства СССР в Берлине, а он советником посольства. У нас были сложные отношения, корректные, почти дружеские, по временам более теплые, а по временам сухие, почти недоброжелательные. Он был недобрым человеком, но лишь в том смысле, что не делал добра и не считался с личными чувствами в своей государственной и политической работе. У меня есть некоторые основания предполагать, что он, находясь в Берлине, посылал через голову посла информацию В. М. Молотову. А между тем не раз бывало, что люди, выполнявшие доверительные поручения Молотова, изымались из жизни то ли при содействии Молотова, то ли ему самому «в поучение». В общем, талантливый, умный и образованный человек, каким несомненно был С. А. Бессонов, вошел в слишком тесный контакт с государственной адской машиной, и она его испепелила.

В силу ли некоторой симпатии его ко мне, потому ли, что когда готовился процесс, на котором Бессонов должен

был выступать в качестве помощника обвинения, моя персона следователей еще не интересовала, но фактом является, что Бессонов меня пожалел. Он ограничился лишь выполнением той обязанности, которую, вероятно, должен был выполнить в отношении большинства сослуживцев и знакомых: он назвал меня соучастником вымышленных преступлений. Но тут же смягчил свои, правда достаточно определенные, заявления. Когда я прибыл в Берлин на свой пост, показал Бессонов, ему будто было уже известно, что в редакции «Известий» я был «связан нелегально» с Бухариным и Радеком и поэтому он, Бессонов, конечно (так и было сказано: конечно), сразу установил со мною такую же «преступную связь». Однако далее Бессонов добавил: «Но Гнедин был робок и ни в чем не участвовал». Возможно, что этой оговоркой Бессонов спас мне жизнь.

Только оказавшись в тюрьме в 1939 году, я мог оценить значение той чуть уловимой улыбки, которая мелькнула на лице С. А. Бессонова, когда в марте 1938 года он, сидя на скамье подсудимых, увидел меня среди журналистов, присутствовавших в Октябрьском зале Дома союзов, где заседал суд. Ему было приятно, что его лживые показания не погубили меня. Встретив мой негодующий взгляд (роль Бессонова на процессе, естественно, вызвала возмущение), он отвернулся, наверно, подумав: «Ничего еще не знает, еще ничего не понял».

После того как я решительно опроверг все наветы, в том числе и показания, послужившие формальным обоснованием для моего ареста, снова забрезжила надежда, что мое дело примет, хотя бы относительно, более благоприятный оборот. Размышляя в камере, я даже вспомнил свою первоначальную утешительную гипотезу: меня проверяют и убедятся в моей невинности, руководители следствия поймут, что я им не нужен.

Как же тяжело было мне, когда следователь ознакомил меня с формулой обвинения! Через несколько дней после бесплодного допроса по поводу показаний, включенных в документ для высшей инстанции, следователь предъявил мне грозный документ: мне было объявлено, что я привлечен к уголовной ответственности по статье 58, пункт 1-а Уголовного кодекса, то есть обвинен в государственной измене; осужденные по этой статье, как правило, подлежали расстрелу.

Это был страшный час моей жизни, и не столько потому, что я оценил угрожавшую мне опасность, а потому, что

понял: мое государство окончательно отвернулось от меня, своего ни в чем не повинного и верного слуги.

Уже не помню точно, что именно я сказал следователю после того, как поставил свою подпись на бланке, содержащем формулу страшного обвинения. Я растерялся, но внешне владел собой. Во всяком случае в первой реакции преобладало чувство удивления и даже обиды. Кажется, в этот момент я не стал опять доказывать свою невинность и не почувствовал испуга, я просто выразил свое крайнее негодование. Следователь, в свою очередь, не комментировал обвинение и не сопровождал его угрозами. Он вступил со мной в беседу. С нескрываемым любопытством он спросил: «А чего вы ожидали?» Я ответил, что считал неизбежным обвинение в халатности или в упущениях по службе, раз уж меня посадили в тюрьму. Помнится, я просто сказал то, что думал в эту минуту. Но мой ответ отражал позицию, которую я занимал на том этапе следствия: я решительно отвергал предъявляемые обвинения как нечто абсурдное, явно нереальное, но готов был согласиться, что невольно совершил какие-то проступки, из-за чего и лишился доверия правительства. Казалось бы, следователь, предъявивший от имени высшей власти столь тяжкое обвинение, должен был возмутиться по поводу того, что государственный преступник называет свои действия упущением по службе. Но Романов продолжал мирную беседу; он пожал плечами и высказался в том смысле, что при сложившихся обстоятельствах нельзя было ожидать иной формулировки обвинения.

Затем следователь с присущим ему невозмутимым и деловым видом раскрыл папку и приступил к работе: прочел мне очередное клеветническое показание.

Я стал лучше разбираться в том, что со мной произошло и происходит и чего мне следует ожидать в дальнейшем, когда узнал о трагическом опыте других жертв репрессий, находившихся под следствием. Встречи с ними могли повергнуть в смятение.

Меня перевели в общую камеру в середине 1939 года. Впечатления, полученные в тюремной камере, я обрисую лишь в тех рамках, в каких это необходимо для выполнения моей задачи: рассказ о самом следственном процессе.

Переход в новую камеру произошел при несколько драматических обстоятельствах. По крайней мере я так их воспринял. Ночью в мою камеру ворвались три человека и потребо-

вали, чтобы я немедленно собрал вещи и покинул камеру. Они действовали с лихорадочной поспешностью. Я схватил в охапку одежду (меня подняли с постели), сунул в узел и книги из тюремной библиотеки (чего не должен был делать) и вышел в коридор. Тут конвойные меня подхватили и быстро поволокли в лифт, на одном из нижних этажей вывели в коридор и на каком-то повороте втолкнули в узкую каморку со вделанной в пол скамеечкой у задней стены. Это был обычный тюремный бокс, временное помещение для заключенных. Но я этого тогда не знал и решил, что меня перевели в карцер и начинается новый этап пыток.

В боксе я пробыл почти сутки. Затем меня перевели в общую камеру на том же этаже. Там находились два человека. Один из них, Михаил Борисович Кузениц, с которым мне пришлось пробыть вместе больше полугода в этой и другой камере, позднее рассказывал мне, что его удивили при моем появлении два обстоятельства: то, что я вошел улыбаясь, и то, что в узле, который я принес с собой, лежали не только мои вещи, но и книги. Я действительно сильно обрадовался, когда меня втолкнули в сравнительно светлое помещение, где находились люди. Я понял, что мое положение не ухудшилось, а улучшилось.

Во Внутренней тюрьме НКВД СССР в обычных камерах разрешалось днем не только лежать, но даже спать. Этим она выгодно отличалась от многих других тюрем. Но зато во Внутренней тюрьме (по крайней мере в мои времена) действовало одно правило, которого, кажется, не было ни в одной другой тюрьме. И днем и ночью было запрещено держать руки под одеялом или пальто, если им прикрывались.

Казалось бы, запрет прятать руки под одеяло — маловажное ограничение. Между тем из-за этого запрета условия пребывания во Внутренней тюрьме становились гораздо тяжелее. Как только заключенный засыпал, он, естественно, засовывал озябшие руки под одеяло, и тогда тюремщик тотчас же приоткрывал форточку двери с криком: «Руки!» Между тем надзиратель открывал форточку и тогда, когда кого-либо вызывали на допрос. Всякое такое движение надзирателя у двери камеры, которое могло предшествовать вызову на допрос, бросало в дрожь заключенных. Поэтому когда ночью кто-нибудь из нас нарушал «правило о руках», надзиратель подчас только гремел ключом в замке. Этого было вполне достаточно, чтобы разбудить спящих.

Но, разумеется, особенно тягостным был не самый режим во Внутренней тюрьме, а то обстоятельство, что это след-

ственная тюрьма, да еще и подведомственная следственной части НКВД СССР. Никто не знал, что его ждет, но все знали: впереди тяжкие испытания, и каждый понимал, что в любой час может решиться его судьба. Нельзя было предугадать, кто на очереди, знали одно: чей-то роковой час наступит, когда закремит запер и будет названа чья-то фамилия. Люди уходили из камеры в никуда, на новые муки, а может быть, и в небытие.

В камере, куда я попал из бокса, кроме меня, были два человека. Вскоре я был переведен в камеру, где у меня бывало по шестеро соседей, а то и больше; их состав постоянно менялся. Большинство сокамерников имели уже значительный стаж пребывания под следствием. Они рассказывали о встреченных ими людях и передавали их повествования. Таким образом, за несколько недель я усвоил опыт нескольких поколений подследственных и репрессированных граждан СССР. Недаром я как-то пошутил в камере, что мое пребывание в тюрьме — это самая интересная командировка в моей жизни, только слишком затянувшаяся. Увы, она длилась свыше шестнадцати лет, чего я не предвидел.

Не все услышанное мною в камере Внутренней тюрьмы было для меня новостью. Множество других трагических судеб и историй мне стало известно позднее. Но то, что я узнал в течение первых месяцев пребывания в тюрьме, навсегда запечатлелось в памяти. Эти впечатления неотделимы от воспоминаний о самом следствии летом 1939 года.

Таким образом, покинув одиночку, я вышел из замкнутого круга собственных испытаний. С каждым рассказом, с каждой новой встречей новые страшные факты пополняли мой опыт. Весь этот тяжкий груз я нес с собой, идя на допрос.

Допросы в эти летние месяцы происходили, как я уже сказал, без физических страданий и оскорблений. Следователь даже делал вид, что относится ко мне человечно; однажды, когда он оставил меня одного, я подошел к окну и увидел растилавшуюся внизу площадь Дзержинского. На мгновенье мелькнула мысль: не разбить ли стекло и выброситься из окна? Но это не входило в мои намерения, да к тому же я был зачарован зрелищем свободной жизни: какие-то люди здоровались и расходились в разные стороны, пробегали девушки и дети, я упивался игрой света и яркостью красок, волшебной картиной, какая может лишь присниться узнику. Вдруг раздался тихий голос старшего лейтенанта Романова: «Что, Гнедин, тяжело?» — «Тяжело живому человеку взаперти», — несколько сбивчиво ответил я, увидев совсем близко подерги-

вающееся от тика лицо следователя, обычно сидевшего в отдалении.

Была ли реплика следователя проявлением человеческих чувств? Ведь таким же мягким голосом, каким он спросил: «Тяжело?»— и, может быть, в тот же день следователь спросил меня: «Вы деньги получали?»— на что я простодушно отвечивал: «Нет еще, но надеюсь получить». Лицо следователя выразило удивление и даже смущение: я думал, что он осведомляется, получил ли я денежный перевод на тюремную лавочку, а он, оказывается, поддерживая версию обвинения, вопрошал, получал ли я деньги «за антисоветскую работу».

А сейчас обращусь к светлым мгновениям, выпавшим на мою долю в тот период, о котором я здесь повествую.

Важнейшим событием лета 1939 года было то, что следователь, хотя и не прямо, а косвенно, сообщил мне успокоительные сведения о моей семье. Я узнал от него, что жена не уволена с работы и что она затребовала и получила изъятые при обыске в нашей квартире рукописи, принадлежавшие редакции журнала «Интернациональная литература», где жена работала. Следователь Романов совершил подлинно гуманный поступок, показав мне заявление жены, из которого, правда, я понял, что опечатаны две комнаты в нашей квартире.

В этот страшный период нашей жизни в условиях самой мучительной и безотрадной разлуки нас с женой связывала не только «сердечная нить» (как называли мы в юности это подаренное нам судьбой родство душ), но и свойственный нам обоим идеализм (не знаю, каким эпитетом сопроводить это слово: спасительный, опасный, наивный, упрямый, мужественный?). Во всяком случае, благодаря непреклонному идеализму и мужеству моей жены летом 1939 года совершилось чудо. Это произошло во время тягостных для меня допросов. Я сидел, как всегда, на стуле в дальнем углу кабинета следователя; зазвонил телефон; подняв трубку, лейтенант Романов привычно назвал свою фамилию, когда же ему задали по телефону какой-то вопрос, на его лице отразилось крайнее удивление, он быстро взглянул на меня и после краткого колебания сказал: «Он сейчас у меня»; потом пробормотал какие-то не вполне определенные, но успокоительные слова. Закончив разговор, следователь несколько минут рассеянно переключивал бумаги, он явно не мог сразу возобновить допрос в прежних тонах. Я не сводил с него глаз. Наконец он решился намекнуть на содержание происходившего разго-

вора; насколько помню, он сказал с деланной усмешкой: «Семья о вас беспокоится» — или как-то иначе выразился, это было уже несущественно. У меня не было никаких сомнений: я получил весть от моей жены, она на свободе и заботится обо мне.

Действительно, в этот момент моя жена была, можно сказать, у другого конца провода. Через шесть лет при свидании в лагере я узнал от нее, что в те дни ее обуяло особенно сильное чувство тревоги за меня, она каждый день простаивала во дворе у справочного бюро НКВД в очереди жен и матерей, добиваясь справки (а их не давали), пытаясь передать мне деньги (тогда еще денег для меня не принимали).

В один из таких дней моя жена, не в силах преодолеть мучительное беспокойство обо мне, пришла в расположенную в том же здании на Кузнецком мосту приемную наркома, как она тогда называлась; там на втором этаже находились кабинеты дежурных секретарей. Она уже заходила туда не раз и заметила одного такого дежурного. Молодой, вихрастый, конопатый, он, по ее словам, отличался от прочих чиновников с оловянными глазами. Вероятно, и он ее заметил. Так или иначе, он выслушал ее взволнованную речь. Очевидно, в этой речи было что-то для него необычное при всей обычности жалобы: два месяца нет вестей о муже, не принимают передач. Моя жена требовала доказательств, что я жив.

Конопатый усмехнулся: «Жив, конечно, а если не принимают передачу, значит, не заслужил».

Жена в ужасе и гнев от такой формулировки («не заслужил») произнесла не совсем неожиданную для себя тираду. Повелительное ощущение, что она должна сию же минуту помочь своему мужу, продиктовало ей слова, странные с точки зрения чиновника НКВД. Она говорила, что дело мужа окружено тайной, что она ничего не может понять и вправе думать, что ее шантажируют: ей звонят по телефону какие-то люди, называясь следователями («А вдруг это какие-то авантюристы?»), — ведь накануне была убита жена арестованного В. Мейерхольда, Зинаида Райх. Мало ли что грозит и ей, жене Гнедина, она не знает, как себя вести.

Чиновник слушал с изумлением, и, как показалось моей жене, его позабавил этот маневр отчаянной женщины. Он спросил: «Чего вы от меня хотите?» — «Позвоните в следственную часть». — «Мы не имеем права!» — «Скажите, что я требую, иначе буду думать, что его нет в живых».

Конопатый помолчал, потом резко сказал: «А ну выйди»

те!» Ей было неясно, выгнал он ее или следует подождать. Жена осталась ждать за дверью кабинета.

И вот наступила первая стадия чуда. Через минут десять чиновник приоткрыл дверь и тем же тоном сказал: «А ну войдите!»

Когда жена вошла, она увидела, что конопатый стоит за своим столом, ероша волосы и смеясь.

«Чему вы смеетесь?»— со страхом спросила она. «А я ведь туда позвонил».— «И что же?»— «А он как раз там у следователя».— «И вы сказали, что я здесь, у вас?»— «Да».

Так наступила вторая стадия чуда: я был в кабинете у следователя в тот самый час, точнее в 3 часа дня 9 июля 1939 года, когда, уступив настояниям моей жены — незримым токам любви,— дежурный выполнил необычное требование и навел справки обо мне.

Незачем объяснять, какое благотворное влияние оказывает на психику человека, брошенного в застенки, весть от любимого существа, стремящегося протянуть руку помощи. Какое счастье в годы произвола убедиться, что твоя семья на свободе! Как важно было в безнадежности тюремной камеры, в зловещем кабинете следователя получить напоминание о том, что существует светлый мир, который ты любишь и близкие люди, любящие тебя и верящие тебе! Я воспрянул духом и в перерывах между допросами твердил слова утешения: «Тяжко мне у бессонницы в лапах, но останусь самим собой... Необъятно пустыми ночами задыхаюсь у черной стены, но сквозь стены тоски и печали мне напевы дневные слышны... Протяните, товарищи, руки, я остался самим собой!»

Так говорил я себе в перерывах между допросами. Но как оставаться самим собой на допросе? Мою жену не обманула интуиция: хотя в те дни я не подвергался новым физическим мучениям, моральные испытания в этот период были, пожалуй, самыми тяжелыми за все время следствия. Я чуть не попал в ловушку, оказавшуюся губительной для других невинных людей. И мне нелегко было вырваться из капкана. Приманкой в этой ловушке была возможность не только избежать пыток, но даже предаваться иллюзиям, будто возможны нормальные отношения со следователями.

Предпосылки для мнимого «взаимопонимания» и даже некоторой договоренности между следователем и подследственным были заложены в такой, можно сказать, небывалой

ситуации, когда представитель власти, предъявлявший обвинение в политических преступлениях, и подследственный, их отвергавший, заявляли о своей принадлежности к одной и той же партии, о своей преданности одной и той же политике, одному и тому же правительству и даже одному и тому же человеку — вождю партии. Вслед за пытками, вслед за ставкой на страх перед пытками готовность арестованного советского гражданина найти общий язык со следователем была сильнейшим орудием в руках палачей и фальсификаторов.

Конечно, бывало немало и таких случаев, когда грубый циничный расчет побуждал подследственных заключить сделку со следователем. Но часто заключенные не могли отрешиться от мысли, что следователь в конечном счете работник государственного аппарата, а они сами недавно были работниками советского аппарата, и им казалось, что морок рассеется, если удастся объясниться со следователем, найти с ним общий язык. Я не был вовсе лишен таких иллюзий. Наконец, огромное число заключенных старались не озлоблять следователя, чтобы не повредить своей семье или чтобы установить с нею связь. Мог ли я, после того как получил через следователя сведения о семье, не задумываясь вступить с ним в конфликт? Однако это становилось все труднее. Невозможно было защищать свою невиновность, приспособляясь к требованиям следствия, избегая конфликта со следователем и последствий такого конфликта.

Морок кончился через несколько дней. Мне кажется, я и сейчас узнал бы то место, где прозвучал внутренний голос, принеший мне облегчение. Меня вели на допрос по коленчатому коридору в следственном корпусе «большого дома»; здесь два конвоира всегда особенно крепко держали меня за сведенные за спиной руки, поддерживая, каждый со своей стороны, за локти; мой мозг сверлило: не надо каждый раз мучительно думать, какой дать ответ, не надо мудрить. Я буду говорить правду обыкновенную, простую правду, говорить то, что я знаю и думаю. Ведь я не совершал никаких дурных поступков, мне ничего не известно о чьих-либо преступлениях, стало быть, я никому не могу повредить, точно отвечая на конкретные вопросы, и вместе с тем сохраню корректные отношения со следователем.

В детстве я не раз слышал от матери: «Лучшая ложь — это правда!» Как легко найти выход из самого сложного положения, если руководствоваться простыми правилами нравственности! Долгое время я так и понимал решение, при-

нятое мною в коридоре следственного корпуса по пути на допрос. Это была действительно переломная минута, вернувшая мне самообладание и пресекавшая соблазн искать спасение во лжи, хотя бы и невинной. И все же это не было свободным решением человека, правильно понявшего суть происходящего и сделавшего продуманные выводы.

Я уже упоминал, что с самого начала между мной и следователем Романовым сложилось нечто вроде молчаливого сговора: и я и он делали вид, будто не было предыдущего этапа следствия, пыток и фальсифицированного протокола. Моя готовность к подобного рода «договоренности» была тогда естественной: я мог предполагать, что предыдущий этап как бы аннулируется, поскольку палачи пытками ничего не добились. Но затем наступила другая стадия молчаливого сговора: следователь, предъявляя порочащие меня показания, делал вид, будто верит им, а я притворялся, будто верю в искренность его заблуждения, опровергая клевету, прикидываясь, что надеюсь его переубедить. Впрочем, это не всегда было с моей стороны притворством, я в самом деле не потерял надежды, что мне удастся разорвать сети клеветы и оговора.

Большую тревогу по многим причинам испытал я, когда мне задавали вопросы относительно моего заместителя по отделу печати НКВД СССР Г. Н. Шмидта. Я уловил, что он уже дал какие-то показания, и боялся причинить ему вред в силу совершенно своеобразных обстоятельств. Сложность положения заключалась в том, что Г. Н. Шмидт под чьим-то влиянием уже давно проявлял предвзятое и просто отрицательное отношение к линии поведения наркома. Было заметно, что Шмидт (совершенно искренно) принимает всерьез кое-какие выступления против М. М. Литвинова на партийных собраниях, когда организаторы «проработок» выражали недовольство тем, что они не получают поддержки от наркома. Он даже со свойственным ему педантизмом дисциплинированного и формально мыслящего партийца говорил мне, что надо бы сообщить в ЦК о неких мнимых отклонениях высказываний М. М. Литвинова от директивной линии. Я решительно возражал Г. Н. Шмидту. Я не считал, что М. М. Литвинов нарушает партийные директивы; ведь партийная директива, как мы ее понимали, требовала, чтобы советская дипломатия сочетала убежденный последовательный антифашизм с защитой интересов Советского государства, а высший интерес заключался в предотвращении войны. Все это были ничуть не абстрактные, а реальные, практические позиции. Г. Н. Шмидт, особенно если дело шло о внутренних

делах, смотрел на вещи несколько иначе, чем я, и я мог предполагать, что он помимо меня в письменной или устной форме кому-либо изложил свои искренние сомнения относительно тех или иных взглядов М. М. Литвинова. Сделал он это или не сделал, он неизбежно еще до ареста испытывал тяжелые минуты, потому что хотел выполнить свой долг преданного работника государственного аппарата, но не хотел причинить вред людям, в честности которых не сомневался.

Когда меня допрашивали, я знал, что Литвинов снят с поста; при этих обстоятельствах сообщение о том, что мой заместитель в отличие от меня относился критически к Литвинову, могло послужить ему на пользу, служить доказательством того, что Г. Н. Шмидт во всяком случае не мог быть причастен к проступкам, инкриминируемым Литвинову и его сотрудникам. Поэтому я правдиво рассказал о критических замечаниях моего заместителя по адресу Литвинова. К сожалению, и эта правда могла быть обращена в ложь; фальсификаторы могли с помощью своих обычных приемов истолковать сказанное мною как свидетельство об участии Г. Н. Шмидта в известных ему «вредных действиях» наркома. Чтобы парировать возможность такой фальсификации, я к спасительной правде присовокупил спасительную ложь: поскольку нас пытались обвинить в том, что отдел печати будто бы проводил по указаниям Литвинова некую неправильную линию в своей работе, я взял на себя всю полноту ответственности за деятельность отдела и заявил, что мой заместитель не мог знать, в каких случаях я допускал или мог допускать отклонения от установленного курса. Таких случаев не было, да это и не интересовало руководителей следствия, им нужны были признания в несуществующем заговоре и, конечно, в шпионаже.

Как бы то ни было, я незаметно для самого себя дал противоречивые ответы: однажды я сказал, что мой заместитель критиковал линию наркома, а в другой раз, что он не знал о каких-либо отступлениях от общей линии. Когда в августе новый следователь спросил меня, чем объясняются противоречия в моих ответах касательно моего заместителя, я ответил, что не знаю, о чем он говорит. Только в октябре, знакомясь с делом, я установил, что следователь правильно отметил противоречия в моих ответах на вопросы о моем заместителе.

Все эти расхождения и тонкости не имели никакого практического значения. И как ни странно, добавлю: к сожалению. В моем деле лежали две заверенные копии «показа-

ний» Г. Н. Шмидта, датированные последними днями мая 1939 года. В них говорилось не о критическом отношении Шмидта к Литвинову, а, наоборот, утверждалось, будто Г. Н. Шмидт, зная об «антисоветской деятельности» наркома, выполнял его чуть ли не шпионские (теперь уже не помню точно) директивы, которые он якобы получал через меня. В качестве иллюстрации приводились какие-то (теперь забытые мною) нелепые выдумки и подлинные, вовсе не порочные поступки, которые, по сути, и не служили подтверждением сформулированных «признаний». Кроме того, в другой выписке из «показаний» Г. Н. Шмидта подробно излагалась лживая версия о его «шпионской деятельности» в бытность его в Лондоне еще до работы в отделе печати НКВД. В конце концов я не знаю, давал ли он вообще те показания, выписки из которых я читал, или это были выписки из фальшивки, сочиненной следователями, не знаю, удалось ли ему взять обратно ложные показания и при каких обстоятельствах окончилась его жизнь.

Следственное дело Шмидта в целом направлялось по другому руслу, нежели мое, и на его исход вряд ли могло повлиять то, что я не признал себя виновным. Но в летние месяцы 1939 года существовал известный параллелизм в следствии по моему делу и по делу моего заместителя. Это обнаружилось при своеобразных, а вернее, отвратительных обстоятельствах. В июле во время допроса в кабинет Романова явился человек в штатском, на вид довольно интеллигентный, но с неприятным, каким-то взъерошенным лицом. Злобно взглянув на меня, он отрекомендовался представителем прокуратуры. «Жалоб не имеете», — добавил он безапелляционным тоном и тотчас же принялся вместе со следователем составлять протокол проверки следствия. У меня не возникло никаких надежд или иллюзий, что прокурор поможет выяснить истину. Но все же я был поражен, когда он прочел вслух фразу из протокола, который он составлял: «Изобличен в том, что является шпионом Германии, Франции и Англии». Даже следователь счел такой нелепый набор лживых обвинений чрезмерным и тут же при мне предложил исключить одну из стран. Прокурор дал согласие, причем ему было явно безразлично, какую страну вычеркнуть. То, что следователь внес поправку, и то, что я из своего угла подавал критические реплики, видимо, удивило представителя прокуратуры: он спросил вполголоса, но не очень заботясь о том, чтобы я не слышал: «Это кто? Это Шмидт или Гнедин?» Итак, прокурор, оформляя протокол надзора, даже не потрудился

выяснить, чье дело он проверяет; для всех дел у него существовала одна и та же форма.

Визит прокурора укрепил меня в моем намерении попытаться противопоставить фальшивкам как можно больше истинных фактов, свидетельствующих о том, что ни я, ни другие дипломатические работники никакой антиправительственной деятельностью не занимались. Поэтому меня не смутило, что однажды я застал в кабинете следователя стенографистку. Мне казалось желательным, чтобы в деле была новая стенограмма, уже продиктованная мною самим. И это было заблуждением; следователь не позволил стенографистке записывать мои высказывания по существу обвинения и в опровержение клеветы. Следователь наблюдал за тем, чтобы были застенографированы лишь мои ответы на вопросы, касавшиеся обстановки в НКВД, в партийной организации и отношений между отдельными людьми.

Я попытался сказать о преданности делу и о честности тех, арестованных до меня, моих друзей и сослуживцев, фамилии которых были упомянуты в фальшивке; но следователь пресек эти мои попытки и произнес роковую фразу, врезавшуюся мне в память: «Что вы все говорите о людях, которых уже нет...» Моя реакция была столь выразительна, что следователь неуклюже поправился: «Я говорю, что их уже нет здесь, в Москве». Но я-то понял, что получил от следователя НКВД СССР известие о трагической гибели товарищей и друзей...

Стенограмма содержала подлинные, малозначительные фактические данные, можно сказать, из истории центрального аппарата НКВД СССР. Но когда мне ее предъявили в перепечатанном виде, оказалось, что в нее вставлены слова, которых я не произносил, большей частью эпитеты такого рода: «антисоветские» (знакомства, намерения) либо «в антисоветских целях» (встречался, поддержал точку зрения) и т. п. Заполучив перепечатанную стенограмму в руки, я на последней странице написал точно и ясно, что указанные слова и эпитеты вставлены следователем, что мне ничего не известно об антисоветских намерениях или поступках названных мною сотрудников НКВД и такая их характеристика исходит от следователя.

До этого дня я на допросах у старшего лейтенанта Романова не имел возможности письменно опровергнуть тезис обвинения. Когда же я изловчился наконец это сделать, то последствия были такие же, как и тогда, когда я в кабинете Воронкова в письменной форме опроверг фальшивку.

Следователь меня отослал в камеру, и больше я его не видел. Не знаю, сами ли они отказывались от «безнадежного клиента» или их устранение носило характер служебного взыскания... Так или иначе, снова произошла смена следователя.

Больше недели я днем и ночью со страхом ждал вызова на допрос; я ведь мог предполагать, что мою надпись на стенограмме сочтут проступком, который требует наказания. На этот раз случилось иначе. В августе, то есть на четвертый месяц следствия, меня вызвал новый, четвертый — а если учесть допросы у Кобулова и Берии, то минимум шестой, — следователь. Это был совсем приятный, подтянутый и корректный лейтенант лет тридцати. Он по форме откомендовался (очень жалею, что не запомнил его фамилию) и сообщил, что будет вести мое дело. Однако по причинам, мне не известным, он не стал моим постоянным следователем, и у нас с ним состоялось только несколько встреч. Прежде всего расскажу о драматическом эпизоде: об очной ставке не с кем иным, как с Михаилом Ефимовичем Кольцовым.

В течение лета я постоянно на допросах и в заявлениях, подаваемых из камеры, настойчиво требовал дать мне очную ставку со всеми, кто давал против меня показания. Требование очных ставок в любое время и в любой форме и ссылка на то, что очных ставок не было, в дальнейшем фигурировали во всех моих жалобах и заявлениях. Но очной ставки с Михаилом Кольцовым я в августе 1939 года не мог требовать, так как мне еще не было известно, что он дал против меня показания. На одном из допросов Романов спрашивал меня о моих отношениях с М. Е. Кольцовым и встречался ли я с ним. Я припоминал наши встречи (мы не были в близких отношениях). Когда же следователь спросил меня, виделся ли я с Кольцовым во время моего пребывания за границей, я припомнил две встречи и с излишней аккуратностью рассказал о них.

И вот однажды, когда я в относительно спокойном настроении сидел в кабинете нового следователя, туда вошел его начальник — черноволосый и черноглазый капитан Пинзур, с которым у меня позднее, в октябре 1939 года, состоялась «мирная» беседа, а в июне 1940 года — страшная и мучительная для меня встреча в новом застенке.

Капитан весело сказал мне: «Вы просили очной ставки с Кольцовым?» Я отвечал ему в тон: «Я не просил, но считайте, что сейчас попросил». После чего мы прошли в другой кабинет, очевидно принадлежавший следователю, ведущему дело М. Е. Кольцова.

Один из следователей сел за широкий стол, двое встали по бокам; кажется, в комнате был еще один военный. Меня посадили на стул с той стороны, с какой мы вошли; недалеко от противоположной двери пустовал стул, приготовленный для М. Е. Кольцова. Я с волнением ждал его появления. Он был арестован примерно за полгода до моего ареста, и я на основании тюремного опыта считал возможным, что были верны распространившиеся сразу после исчезновения Михаила Кольцова слухи о его расстреле. Поэтому я радовался, что он жив. Мне приходилось видеть М. Е. Кольцова грустным и озабоченным, но его лицо всегда было оживлено игрой ума, а в глазах искрилась ирония. Когда конвоиры ввели Михаила Ефимовича, он кинул испуганный взгляд в сторону следовательского стола, потом повернулся лицом ко мне, и на мгновение мне почудилось, что я вижу прежнего Михаила Кольцова, только бесконечно усталого. В самом деле он, казалось, не потерял чувство юмора, ибо с грустной улыбкой проговорил, глядя на меня: «Однако, Гнедин, вы выглядите... (пауза и усмешка) ну, совсем как выгляжу я». Этим было сказано очень много и в переносном и в прямом смысле, ибо, приглядевшись, я заметил, что у Михаила Ефимовича вид тяжело больного человека. Я отозвался какими-то приветливыми словами, он хотел на них откликнуться, но тут следователи, увлекшиеся наблюдением за столь любопытным зрелищем, как наша встреча, опомнились и приказали нам замолчать; как бы щелкнул бич, и нас, образно выражаясь, затолкали обратно в наши клетки. Вот тогда я понял, что М. Е. Кольцов изменился сильнее, чем можно было судить по наружному виду. Известно, что он был мужественным и необыкновенно инициативным. Теперь передо мной сидел сломленный человек, готовый к безотказному подчинению. Он всегда носил роговые очки и, вероятно, на допросе был в очках, но в воспоминаниях о нашем последнем свидании его лицо мне представлялось таким, словно он был без очков и плохо видел, что происходит вокруг него. Я никак не мог избавиться от такого впечатления, хотя понимаю, что оно ложное, ведь вначале он хорошо разглядел меня и даже пошутил по этому поводу.

Сначала были заданы формальные вопросы, знаем ли мы друг друга, не находимся ли во вражде. На первый вопрос, заданный Кольцову: «Признаете ли себя виновным?»— он сразу, можно сказать привычно, ответил удовлетворительно, даже пространно. Затем этот же вопрос задали мне. Я молчал. То ли внезапный страх, то ли смутный

защитный рефлекс мешали мне в присутствии новых следователей и М. Е. Кольцова, признававшего себя виновным, продолжать свой спор со следователем. Я молчал. Пауза длилась долго, капитан не столько угрожающе, сколько подбадривающе (как заставляю ребенка признать свою вину) повторил несколько раз: «Ну, давайте, говорите!» Наконец следователь М. Е. Кольцова махнул рукой и задал новый вопрос Кольцову примерно в такой формулировке: «Расскажите о ваших преступных связях с Гнединым». М. Е. Кольцов изложил ту вымышленную версию, которую я позднее прочел в выписке из его показаний. Он говорил не очень длинно, но обстоятельно и, как мне кажется, точно в тех же выражениях, в каких эта выдумка была записана в протокол следователем, то есть Кольцов как бы повторял ее наизусть. Он заявил, будто еще в 30-х годах на квартире тогдашнего заведующего отделом печати НКВД СССР К. А. Уманского группа журналистов и дипломатов затеяла «антиправительственный заговор» и что среди присутствующих, кажется, был и Гнедин. Тут я обрел дар слова. Правда, мне не хотелось грубо в лицо обвинить измученного Михаила Ефимовича в клевете, поэтому, повторяя его обороты, я сказал, что ему, «кажется, изменила память», и затем подробно опроверг показания Кольцова, в частности указал и на то, что я в те годы вообще не бывал на квартире К. А. Уманского. Кольцов молча, скрывая волнение, меня слушал. (Напомню читателю, что известный советский дипломат К. А. Уманский, на квартире которого якобы состоялся антисоветский сговор, не был арестован, он в день нашей очной ставки с Кольцовым был уже послом в США, а после его трагической гибели в Мексике состоялись торжественные похороны в Москве.)

Затем мне предложили рассказать о встрече с М. Е. Кольцовым в Берлине. Когда я кратко ответил, от меня потребовали, чтобы я изложил подробнее содержание беседы. М. Е. Кольцов не оспаривал мой рассказ, ничего порочащего не содержащий, но взволновался, когда его следователь подчеркнул, что мы говорили о деле маршалов. С тревогой, пожалуй с мольбой, как бы прося подтвердить его слова, он сказал следователю: «Но ведь к заговору военных я отношения не имел».

Наша очная ставка закончилась в довольно беспорядочной обстановке: вызвали конвоиров и нас быстро вывели из кабинета через противоположные двери, так что мы не успели проститься...

Во время нашей (как оказалось, последней) встречи со

следователем он вдруг сказал: «Я видел вашу жену, она здорова» — и даже добавил слова о том, как она хороша. Я был счастлив и впервые на допросе не сдержал слез.

В сентябре 1939 года, после перерыва в допросах, мое дело стал вести новый следователь, даже формально уже пятый за пять месяцев. Это был безобидный исполнитель, малообразованный младший лейтенант Гарбузов. Ему было поручено подготовить мое дело для оформления по статье 206 УПК, то есть оформить окончание либо видимость окончания следствия; вероятно, его и не собирались прекращать.

16 октября 1939 года следователь вызвал меня днем и дал мне для ознакомления мое «дело». Это не было подлинное следственное дело, а папка с частью документов, к нему относящихся; там не было таких формальных документов, какие все же и тогда обычно имелись во всех делах, например, обращений следственной части к прокуратуре о необходимости продлить следствие после истечения двухмесячного срока и многих других. Не было ни одного из моих многочисленных заявлений, поданных из камеры через начальника тюрьмы. Но мое собственноручное заявление, написанное после пыток и опровергавшее фальшивый протокол, я, к своему удовлетворению, обнаружил в предъявленной мне папке.

Ознакомившись с документами, собранными в папке под названием «Дело № ... Гнедина-Гельфанда Е. А.», я тотчас же заявил, что желаю внести в протокол об окончании следствия ряд заявлений. Следователь, этого ожидавший, отослал меня в камеру.

Вечером меня вызвал упомянутый мною капитан Пинзур, возглавлявший группу следователей или секцию в следственной части НКВД СССР. Выслушав мое требование внести в протокол об окончании следствия мои опровержения клеветы и заявления о невинности, капитан затеял со мной мелочный спор.

Весьма важными были слова, сказанные капитаном, когда я настаивал на фиксации в протоколе моего заявления, опровергавшего клевету на М. М. Литвинова. Несомненно, имея на то разрешение, капитан Пинзур сказал многозначительно: «Да кто же в этом доме стал бы в чем-либо обвинять Литвинова!» Как будто не в этом доме меня, и не одного меня, совсем недавно пытали, требуя показаний против Литвинова...

Итак, «дело Литвинова», усиленно подготовлявшееся в мае и июне 1939 года, было прекращено в октябре 1939 года. Здесь не место для комментариев по этому поводу; думаю, что

мое свидетельство достоверно и представляет исторический интерес.

К концу первого полугодия пребывания в следственной тюрьме надежды на то, что мое дело будет прекращено, казались вполне обоснованными. Я рассказал своему соседу по камере М. Б. Кузеницу, что мне удалось внести в протокол об окончании следствия подробное заявление о моей невинности. Мой друг воскликнул: «Евгений! Ничего подобного еще не бывало. Твое дело должно быть прекращено!»

Накануне Октябрьских праздников пришли конвоиры и отвели меня в канцелярию, где было несколько письменных столов, около которых стояли и сидели чиновники в форме НКВД; там было так тесно, что для меня нашлось свободное место лишь на кожаном диване, куда я и уселся в понятном волнении (обычно подследственный либо стоял, либо сидел на краешке стула в углу).

К маленькому столику подле дивана подсел незнакомый лейтенант с бесцветным лицом канцеляриста, загруженного делами. Он скороговоркой задавал вопросы и тут же читал мне вслух мои ответы. Ответ на первый вопрос гласил: «Винным себя не признаю». Второй вопрос, а тем более подготовленный следователем ответ были для меня неожиданными: меня спрашивали, не оказывал ли следователь на меня давление; лейтенант тут же записал утвердительный ответ. Более того, таким же деловым тоном он предложил мне формулировку, в которой прямо говорилось о применении физического воздействия. Я сказал, что можно снять слово «физическое», достаточно указать, что на меня пытались оказать давление, добиваясь признания в не совершенных преступлениях.

Казалось бы, странное, даже недостойное поведение: мне дают возможность обжаловать применение пыток, а я сам выбираю туманный оборот речи! Конечно, сказалось то, что я был терроризирован, но все же я исходил из тревожных соображений: меня могли провоцировать (а это бывало); жалуясь на физическое воздействие, я мог навлечь на себя более жестокие пытки, если не самое худшее. Ведь я понимал, что в аппарате никто не станет раскрывать секреты следственных методов. Да к тому же физическое воздействие ко мне применяли нарком Берия и начальник особой следственной части НКВД СССР Кобулов. Впрочем, и независимо от высокого ранга палачей чиновник, составивший протокол, вовсе не собирался выяснять, как случилось, что были применены незаконные методы следствия — пытки. Наоборот,

он должен был записать в протоколе, что ко мне применялись усиленные методы воздействия, узаконенные Сталиным. Таким образом, как бы фиксировалось, что руководители следствия по моему делу ничего не упустили, постарались на славу.

Вообще обстановка, в которой происходила эта «проверка» хода моего дела, напоминала сцену допроса в романе Кафки «Процесс»; в комнате было полно людей и было так шумно, что мы с моим собеседником плохо друг друга слышали. Чиновник ничего не знавший о моем деле, положил бланк на край столика и наскоро составлял по поручению начальства протокол в такой форме, в какой он мог бы понадобиться, если бы дали команду закрыть мое дело. Это и было для меня самое важное.

Но этот протокол не понадобился. Была дана совсем другая команда...

Когда через месяц после окончания следствия меня снова вели по коленчатому коридору большого здания НКВД, я не был настроен чрезмерно радужно, но все же надеялся на некий перелом к лучшему. Мне сразу же стало ясно, что я заблуждался, когда меня ввели в типичный следовательский кабинет, в сумрачную узкую комнату с одним окном в глубине. Спинай к нему восседал за столом новый следователь, человек восточного, кавказского облика. Меня посадили в середине комнаты; позади меня сидел за столиком молодой чиновник, может быть, стажер. А рядом со мной вплотную уселся лейтенант с грубым, угрюмым лицом. К счастью (иначе бы я растерялся), я не сразу распознал в нем того подручного Кобулова, который в начале мая точно так же сидел вплотную рядом со мной в кабинете Берин, и именно он тогда вслед за Кобуловым нанес мне удар после моего первого «дерзкого ответа».

Новый следователь, вероятно, считался специалистом по психическому воздействию. Совершенно пренебрегая тем, что следствие уже велось и даже было оформлено его окончание, он повел допрос в угрожающем тоне, как если бы к нему привели только что арестованного преступника и надо его сразу разоблачить. Он требовал, чтобы я рассказал о своих преступлениях, назвал имена сообщников, дал конкретные показания; он с многозначительным видом задавал неожиданные вопросы; злорадно усмехаясь, он предупреждал: «Мы все о вас знаем». На эту стандартную фразу я отозвался так же, как на допросе в июле у следователя Романова: когда тот, вытащив пухлую папку фотокопий моих личных писем, в част-

ности письма Астахову в Берлин, сказал: «Видите, нам все о вас известно», — я ответил: «Ну что ж, если вы все обо мне знаете, значит, знаете и то, что я честный человек». Романов тогда, вероятно, иного ответа и не ожидал, но новый следователь, испытывавший на мне свой метод психической атаки, был несколько сбит с толку моим спокойным ответом.

Однако мне стало жутко и было крайне трудно скрывать свое волнение, когда следователь пустил в ход самый страшный прием психического воздействия: он угрожал арестовать мою жену и даже пытался меня уверить, что она уже в тюрьме и ее могут тут же привести на очную ставку, если я не стану давать требуемые показания. Непонятно, как я выдержал это испытание. Чутье подсказывало, что следователь лжет. Но и способность трезво мыслить пришла мне на помощь. Я не поверил, что Надю арестовали. Отвечая на угрозы следователя, я твердил: «Не верю, что мою жену арестуют, не верю прежде всего потому, что я доказал свою невиновность».

Допрос продолжался часа четыре. И этого следователя я больше никогда не встречал.

Когда я вернулся в камеру, то там впервые за все месяцы следствия со мной случился нервный припадок.

Как было не потерять душевное равновесие, вспоминая в камере угрозы следователя! Я спрашивал себя: «А что, если Надю действительно арестовали? Собираются арестовать? А может быть, Надя где-то здесь рядом, в тюрьме?» Но и на этот раз приемы самовнушения мне снова помогли. Ведь после того, как в июле я получил через следователя весть от моей жены, рассуждал я, дальнейший ход моего дела был относительно благоприятным и новых осложнений не было. Я не допускал мысли, я не позволял себе думать, что именно из-за того, что меня не удалось сломить, палачи прибегли к новому злодейскому приему — арестовали жену, чтобы таким способом заставить меня дать показания о вымышленных преступлениях.

На допросе в ноябре 1939 года следователь не только угрожал арестовать мою жену, но и прибег к грязному политическому шантажу. Изобличая меня как германского шпиона, старший лейтенант НКВД СССР заявил, что доказательства получены от... гестапо. Следователь поведал мне, что СССР в дружбе с гитлеровской Германией, и добавил с таинственным видом, как бы раскрывая служебный секрет: «Так что мы обмениваемся с гестапо материалами».

Я уже услышал в камере, что между СССР и фашистской Германией заключен какой-то договор. Но я счел глупой выдумкой заявление следователя, что НКВД поддерживает связь с гестапо. В таком смысле я и отвечал следователю. Я мог бы, кроме того, ему сказать (возможно, и сказал, не помню), что если бы удалось получить доступ к архивам гестапо, там были бы найдены доказательства того, что гитлеровцы видели во мне врага и что гитлеровская контрразведка старалась воспрепятствовать моей антифашистской деятельности. Когда в 1935—1937 годах я работал в посольстве СССР в Берлине, за мной была установлена слежка. Геббельс приказал редакторам берлинских газет не поддерживать со мной отношений. В частности, он предложил бойкотировать прием, устроенный мною в качестве первого секретаря посольства, ведавшего связью с печатью. Два берлинских журналиста нашли способ выразить мне сожаление по поводу того, что им не разрешено принять мое приглашение. Зато один из заместителей Геббельса, некто Берндт, пришел на прием, то ли чтобы проконтролировать своих подопечных, то ли чтобы приглядеться к советским дипломатам.

Мне приходилось видеть и слышать Геринга и Гитлера. Я не мог отделаться от впечатления, что передо мной дегенеративные субъекты. Но важнее, конечно, то, что это были лютые враги моей страны. Однажды, находясь в качестве представителя советского посольства на заседании рейхстага, я демонстративно вышел из дипломатической ложи во время речи Гитлера. Я счел, что советский дипломат не должен присутствовать при том, как глава государства позволяет себе выступать с резкими выпадами против СССР.

После пребывания в гитлеровской Германии мое обусловленное политическими взглядами и мировоззрением враждебное отношение к фашизму стало более эмоциональным, личным. Я проникся презрением и ненавистью к тем циникам и насильникам, которые претворяли в жизнь фашистскую идеологию и воплощали все худшее, что таится в человеке.

В 1939 году в тюрьме, хоть я уже непосредственно познакомился с обликом Берии, Кобулова, их подручных, я все же не мог даже вообразить, что они станут сотрудничать с берндтами, розенбергами и прочими фашистскими злодеями. Берндты были в моих глазах воплощением гитлеровского режима, а кобуловы — не только вырожденками, но и уродливыми исключениями в том обществе, к которому принадлежал и я сам. Так думал не только я один. Так рассуждают и сейчас многие.

Итак, в ноябре 1939 года я не поверил следователю. Однако я уловил, что слова о контакте НКВД с гестапо отражают какую-то новую атмосферу в государственном аппарате. До осени 1939 года ни начальство следователя, ни он сам никак не решились бы хотя бы для того, чтобы запугать и запутать подследственного, обыгрывать такую тему, как сотрудничество НКВД с гестапо. Прибегнуть к таким приемам можно было, только если сама идея контакта советского аппарата с фашистским уже не представлялась чем-то фантастическим и архипреступным.

В ноябре 1939 года я не знал, что разразились роковые международные события. Я имел лишь туманное представление о том, что произошли некие важные перемены в советской внешней политике. Узнал я об этом случайно, когда в конце августа к нам в камеру привели только что арестованного работника органов. Переступив порог камеры, он сразу объявил: «Мы примирились с Германией. Заключен важный договор». Никто не решался расспрашивать. Я в волнении опустил на койку.

Забрезжили надежды: если атмосфера в советско-германских отношениях разрядилась, руководители следствия могут потерять интерес к делам, начатым до поворота во внешней политике. Мое дело могли бы прекратить и потому, что я сумел защититься, и потому, что дело утратило тот злободневный характер, какой ему хотели придать в обстановке непосредственной угрозы войны.

Надежду сменил страх — возможна и другая зловещая альтернатива: стремясь обосновать целесообразность крутого поворота во внешней политике, оправдать договоренность с гитлеровской Германией, могут затеять пропагандистскую кампанию, даже фальсифицированное судебное дело, чтобы оклеветать, опорочить активных участников антигитлеровской политики, политики окружения фашистского агрессора. Скажут: вот, мол, враждебные элементы толкали нас на опасную авантюру, на войну с Германией, они теперь разоблачены, а угроза германского нападения устранена.

Признаком такого возможного поворота в деле бывших работников советской дипломатии и явился тяжкий допрос, которому меня подвергли в ноябре 1939 года. Позднее эти планы отпали, до инсценировки процесса дело так и не дошло.

Сколь ни мрачна была атмосфера в тюремной камере, все же люди оставались людьми. Возникла потребность в общении. Раскрывались характеры, профессиональные инте-

ресы; можно было сопоставить ход жизни, реакцию на события в различных слоях общества; работа и личные отношения были в те годы окрашены в мрачные тона из-за разгула террора, преследований и доносительства.

Конечно, паузы между допросами заполнялись не только рассказами об ужасах следствия. Иногда удавалось отвлечься или отвлечь соседей от тяжелых мыслей.

Я должен сказать, что отвергаю обобщенную отрицательную и безысходную мрачную характеристику душевного состояния и поведения людей в тюрьмах и лагерях.

Никогда я не забуду моих товарищей в беде, меня поддержавших в лагере, моих собеседников и друзей. Никогда мы с женой не забудем, как в лагере знакомые и незнакомые заключенные помогли нам встретиться, когда она тотчас же по окончании войны приехала в Усть-Вымский лагерь, в Княжпогост, не получив в Москве разрешения на свидание. Доброжелатели — заключенные, оказавшие помощь жене узника в ее хлопотах о свидании, передавали ее друг другу как эстафету; у Нади тогда сложилось впечатление, что она встречала среди заключенных одних только хороших людей.

В течение зимы 1939/40 года состав узников в камере часто менялся. Людей уводили и приводили днем и ночью. Однажды глубокой ночью ввели человека, еще вечером находившегося на свободе. Мы приподнялись со своих коек, собираясь его расспрашивать о новостях с воли. Но он остановился между тесно стоявшими койками и, обращаясь ко всем сразу, спросил без обиняков: «Бьют?» Мы оставили вопрос без ответа. Утром выяснилось, что наш новый сосед — журналист. Он бывал в отделе печати и знал меня в лицо. Я его не помнил, он же довольно красочно описывал, как я давал какие-то распоряжения цензору. По его словам, задолго до моего ареста в журналистской среде удивлялись, что я еще не арестован. А сейчас, оказавшись со мной в одной камере, он явно был удивлен, что я еще жив.

Некоторое время нашим соседом по камере был Наниевшили. Старый большевик сохранял спокойствие и держался особняком. Правда, он сообщил нам, что был учителем Сталина в дореволюционные времена. О своем ученике, посадившем его в тюрьму, он упоминал без откровенной злобы, но и без пиетета.

Тяжело далось мне расставание с М. Б. Кузеницем. Мы с ним понимали, что его дело заканчивается. Он даже получил посылку от жены. И вот наступил день, когда ему была дана команда: «На выход с вещами!» Мы расцеловались,

и Кузениц ушел в никуда. Почему-то в камере сложилось представление, что Кузеница ждет самое худшее. Мне не хотелось так думать, но в последующие годы меня не оставляла мысль, что я больше никогда не увижу человека, общение с которым облегчило мне жизнь в тяжкие месяцы самых страшных испытаний. Какова же была моя радость, когда он в 1957 году совершенно неожиданно появился в моей московской квартире...

Я искал выхода в поэзии. Так я спасался от депрессии. Я уже говорил, что стихи в тюрьме не только выражали мои мысли и чувства, поэзия была сильнейшим средством самовнушения. Образы, сами слова, подсказанные мне памятью и вдохновением, рассеивали мрак в душе, придавали бодрость.

В марте 1940 года наступил день расставания с камерой во Внутренней тюрьме НКВД СССР. К тому времени мне уже стало ясно, что я на свободу не выйду, впереди скитания по тюрьмам и лагерям.

Поездка впервые в «воронке», в закрытой машине для перевозки заключенных, произвела на меня очень сильное впечатление. Острота ощущения была вызвана не тем, что меня впихнули в узкую стальную клетку, составлявшую часть большой стальной клетки на колесах. Совсем другое меня взволновало — близость моей новой тюремной камеры к миру, к людям. «Воронок» был выкрашен в светлые цвета, на машине снаружи виднелись надписи: «Мясо» или «Хлеб». Поэтому люди не шарахались в сторону от машины, в которой истерзанные люди сидели, скорчившись, во мраке. Когда машина останавливалась на перекрестке, я слышал, как рядом, совсем близко разговаривали прохожие, слышал голоса и смех детей. С волнением вслушивался я в обычный уличный шум: вот хлопнула дверца легковой машины, заскрежетали тормоза, весело зазвонил трамвай. Незримая и желанная жизнь бурлила подле меня. Ее волны плескались близ самой тюремной камеры, у самой стальной перегородки. Но жизнь и люди оставались для узника недостижимыми, как и тогда, когда он находился за высокими стенами в одиночной камере.

Я предполагал, что меня везут в Бутырскую тюрьму, может быть, в пересылку. Не везут же меня в Лефортово, в строгорегимную тюрьму? Ведь то, что проделывают с подсудимыми в Лефортове, со мной уже проделали на Лу-

бянке!.. Каков же был мой ужас, когда, выйдя из «воронка», я услышал грохот, назойливый шум, который был признаком того, что я в Лефортове. заключенным было известно, что в Лефортовской тюрьме чуть ли не день и ночь слышно, как неподалеку работает аэродинамическая труба. И вот меня оглушил неистовый рев, меня потрясла мысль, что предстоят новые муки. Построенная при царизме, военная тюрьма в Лефортове считалась страшным местом в то время, о котором я пишу.

Меня привели на верхний этаж, не помню, какой именно. Отворилась тяжелая дверь, и хотя я сознавал, что нахожусь в верхней части здания, мне показалось, что я вхожу в подземелье. Вероятно, такое впечатление было связано с тем, что маленькое окошко с решеткой находилось высоко под потолком, а пол не был крыт досками и казался земляным.

Камера была на двух человек. Молча, поклоном меня приветствовал новый сосед — монгол. Осмотревшись в камере, я зашагал взад и вперед по тесному пространству, обдумывая текст заявления, которое я намерен был сразу подать следователю. Внезапно раздался голос соседа: «Ваш — военный?» Я ответил отрицательно, не скрывая удивления. На мне был типичный штатский костюм, никакой военной выправкой я не отличался. Вероятно, соседа ввел в заблуждение тот не совсем обычный в тюремных условиях решительный и суровый вид, с каким я расхаживал по камере.

Мрачная слава Лефортовской тюрьмы оправдывала самые страшные предположения. Постучав кулаком в дверь, я вызвал тюремщика и сказал ему, что хочу подать заявление следователю. Во Внутренней тюрьме в таких случаях заключенного выводили в бокс и там давали ему бумагу. В Лефортове узников только на допрос и на прогулку выводили из камеры. Дежурный принес мне лист бумаги, и я в его присутствии написал заявление следователю, в котором без обвиняков заявлял, что перевод в Лефортовскую тюрьму не изменит моей позиции, я предупреждаю, что в здравом уме и памяти никаких показаний о своей мнимой вине давать не стану.

Примерно месяц меня вообще не вызывали из камеры. За это время я ближе познакомился с моим соседом, большим, широкоплечим монголом с широким лицом в рябинках, с внимательным, пытливым взглядом. Это была одна из самых интересных моих встреч не только за время пребывания в тюрьмах. Гелико Хасочыр, как звали моего соседа, плохо говорил по-русски, но мы постепенно стали понимать друг

друга. Правда, иногда и жесты бывали неверно поняты. Гелико вылепил из хлеба шахматные фигуры, доску мы получили от тюремщика. Мы часто играли в шахматы. Однажды, сделав неверный ход, я с досадой постучал пальцами по лбу. «Так не делай, никогда не делай!»— воскликнул Гелико Хасочыр. Мне осталось неясно, почему его рассердил мой жест...

В моем деле произошел поворот к лучшему. Я имел полное основание так думать. 16 апреля 1940 года младший лейтенант Гарбузов снова составил протокол об окончании следствия. Для этого потребовалось менее получаса. Следователь заполнил бланк и, не задавая мне никаких вопросов, в соответствующей графе написал: «Виновным себя не признаю». Меня такая запись вполне удовлетворила. Ведь все, что я считал необходимым написать в опровержение обвинения, я записал в протокол при предыдущем оформлении окончания следствия. На этот раз было достаточно того, что снова в основном документе дела зафиксировано, что я лживых показаний о каких-либо преступлениях не давал и заявил о своей невиновности.

В отличие от моего соседа во Внутренней тюрьме, ликовавшего, когда я рассказал, как благополучно оформлено окончание следствия по моему делу, мой сосед в Лефортовской тюрьме отнесся сдержанно к моему радостному сообщению о том, что наконец следствие снова завершено. Не было никаких оснований думать, что Гелико Хасочыр знает что-либо о моем деле. Просто он относился с глубоким недоверием к следователям и их начальникам.

Через месяц после составления протокола об окончании следствия, 19 мая 1940 года, тот же следователь Гарбузов, вызвав меня, как ни в чем не бывало приступил к допросу. Я запомнил, что меня спрашивали, где и когда я встречался с Карлом Гофманом; он, как и я, был в 20-х годах работником дипломатического аппарата, а потом стал профессиональным журналистом-международником. Но в отличие от меня К. Б. Гофман уже в 20-х годах стал членом партии. Наши пути не раз скрещивались в Москве, в НКВД, и в Берлине, где Карл Гофман был корреспондентом «Правды», а я первым секретарем посольства. Это был хороший, доброжелательный человек и опытный журналист.

Тщательно взвешивая слова, я отвечал на вопросы следователя и с грустью думал о том, что и Гофман, возможно, оказался в лапах тюремщиков. К счастью, я заблуждался. Вернувшись в Москву, я узнал, что Карл Гофман не был арестован; у него были, правда, после войны партийные

взыскания. В Москве мы возобновили наши дружеские отношения и сохранили их до его кончины.

Когда неожиданный допрос от 19 мая закончился, я спросил следователя: как понимать происходящее — следствие возобновлено или этот допрос вне рамок следствия по моему делу? Гарбузов отвечал невразумительно: бывает, мол, по-всякому.

Прошел еще месяц, и 25 июня меня вызвали из камеры на выход с вещами. Я обрадовался, что покидаю Лефортово, заведомо строгорежимную тюрьму. Мой сосед Гелико Хасочыр печально наблюдал, как я в волнении собирал вещи. Если бы он был христианином, я бы сказал, что, прощаясь со мной, он благословил меня на новый крестный путь.

Вскоре я убедился, что существует более страшный застенок, чем Лефортово, — секретная особорежимная тюрьма в Суханове.

Поездка в железном «воронке» — на этот раз не в Лефортово, а из Лефортова — странным образом затянулась. Сидя в стальной клетке, я жадно прислушивался к голосам людей, к звонкам трамваев и сигналам машин, пытался по поворотам и остановкам на перекрестках угадать, в какой части города мы находимся. Я не сомневался, что меня, как и всех заключенных, по делам которых следствие закончено, перебрасывают в Бутырки. Но вскоре я с недоумением уловил, что уличный шум затих, потом раздался свисток паровоза, машина явственно стояла у железнодорожного переезда, и действительно, когда она двинулась с места, я по толчкам понял, что мы переезжаем через рельсы. Итак, меня везут за город.

Наконец меня выгрузили из машины. Мы находились в загородной местности, но оглянуться по сторонам мне не удалось, конвойные меня подхватили, завели в небольшой одноэтажный дом и заперли в один из многочисленных боксов, двери которых я успел приметить. Я уже был достаточно опытным заключенным, чтобы понимать, что меня заперли во временном помещении, а документы положили на стол некоему начальнику, который определит место моего постоянного пребывания. Однако бокс отличался от тех, в которых мне пришлось побывать на Лубянке и в Лефортове. Он не был освещен и был необычайно узок. Я обнаружил, что не имею возможности раздвинуть локти, они упирались в стенку; ноги можно было вытянуть, только если сидеть прямо на узкой скамейке, расположенной у задней стенки.

Потянулись долгие мучительные часы. Я задремал, проснулся, снова засыпал, снова пробуждался и сидел в темноте, прислушиваясь к шорохам и шепотам, доносившимся извне. Есть и пить мне не давали. В этом боксе я пробыл часов шестнадцать. Когда меня доставили в бокс, солнце еще не зашло, а вывели меня из бокса, когда уже снова был светлый день.

Меня повели через широкий двор, я обратил внимание на большие тенистые деревья. Был ясный июньский день. Но я недолго наслаждался его сиянием. Меня затолкнули в темный подъезд обычного, не тюремного типа и по небольшой лестнице ввели на второй этаж; я оказался в узком коридоре, по обе стороны коридора — двери с глазками, одну из дверей отомкнули и меня втолкнули в камеру, в одну из камер секретной Сухановской тюрьмы.

Лаврентий Берия организовал секретную тюрьму в Суханове под Москвой в конце 30-х годов (не знаю точно когда). По-видимому, и зарубежные исследователи, собравшие обильный материал о тюрьмах и лагерях сталинского времени, располагают скудными сведениями о Сухановке. А у нас в стране о существовании этого застенка мало кто знал и знает. В те годы, когда узники томились в этой тюрьме, даже ее наименование было строго засекречено. Я находился в заключении в Сухановке, но числился за Лефортовской тюрьмой. Такую справку давали в то время и моей жене, передачи от нее принимали в Лефортове. Да и в обвинительном заключении, предъявленном мне в июле 1941 года в Суханове, говорилось, будто я нахожусь в Лефортове. Впрочем, это обвинительное заключение было фальшивкой от начала до конца. Об этом еще придется говорить.

Бывший монастырь, в котором была устроена тюрьма, расположен недалеко от популярного дома отдыха Союза архитекторов. На протяжении многих лет отдыхающие не подозревали, что они совершают прогулки близ мрачного застенка. Вернувшись в Москву, я спрашивал различных жителей, что им известно о Суханове, и получал один и тот же ответ: в этом живописном месте по Павелецкой дороге находится прекрасный дом отдыха.

Не только были покрыты тайной черные дела, творившиеся внутри бывшего монастыря, но не было и внешних признаков того, что монастырь превращен в тюрьму. Вероятно, Сухановская тюрьма единственная в СССР, в которой окна не были снаружи заделаны решетками. Территорию тюрьмы обрамляло двухэтажное здание: очевидно, когда-то там нахо-

дились кельи монахов. В двойные рамы этого здания были вставлены толстые гофрированные стекла (или пластмасса?). Сквозь них ничего нельзя было увидеть ни снаружи, ни изнутри. Вероятно, с улицы дом производил впечатление лаборатории или небольшой фабрики. К тому же камеры пыток находились в подвалах и внутри территории.

В камере, в которой я оказался, больше двух человек никак не могло бы поместиться. Я не раз шагами замерял отведенную нам площадь, она равнялась примерно шести квадратным метрам. Прямо против двери было окно. Свет, проникавший через толстые гофрированные стекла, был тусклым, а лучи солнца многократно преломлялись. В середине камеры был ввинчен в пол небольшой столик, а с каждой стороны стола — круглый табурет, не слишком удобный для многочасового сидения. Коек не было. Дощатое ложе, на котором ночью спали заключенные, днем составляло часть стены и находилось под запором. Тюремщики его утром приподнимали, техника была такая же, как в вагоне, но полка на день не опускалась, а поднималась. Ночью опущенные деревянные полки вплотную примыкали к столу, а опорой им с каждой стороны служил табурет.

Стены камеры, потолок, стол, табуреты были окрашены в голубой цвет. В потолке имелся плафон из такого же гофрированного стекла, как и оконные стекла. В этой обстановке были элементы какой-то фантастики. Тюремной камере придали такой внешний вид, как если бы то была своеобразная каюта парохода или проходное купе в поезде. Можно было камеру сфотографировать, да еще на цветную пленку, под таким углом зрения, что создалось бы впечатление, будто это светлица или углубление у окна в приделе храма. А была это мучительно неудобная для жилья камера в застенке, где люди сходили с ума, чему мне пришлось быть свидетелем.

Сухановская тюрьма была не просто строгорегимной тюрьмой, а именно особорегимной. Заключенных можно было помещать в самые неожиданные условия, и крайне тяжкие и относительно удобные. Они должны были понимать, что зависят от произвола палачей. Не случайно на стенах камеры отсутствовали правила внутреннего распорядка; такие правила (неодинакового содержания) висели в рамках и во Внутренней тюрьме и в Лефортове, то есть в тюрьмах вовсе не облегченного режима. Но в Сухановской тюрьме не было никаких правил внутреннего распорядка и никаких определенных правил ведения следствия. Особый режим для особо страшных государственных преступников...

В той камере, куда меня ввели, уже находился заключенный. Первоначально он уклонился от разговора. Когда я спрашивал, где мы, собственно, находимся, мой сосед отвечал лаконично: «Сами увидите...» Так мы сидели лицом к лицу, каждый на своем табурете, прислонившись к стене. Иной позиции мы и не могли занимать, сидеть боком было неудобно, ходить невозможно, лежать негде.

Я с интересом приглядывался к прекрасному бледному лицу седовласого мужчины с грустными, очень выразительными черными глазами. Может быть, я сейчас и кое-что домысливаю, но мне кажется, что я сразу уловил в лице моего соседа сочетание мужественности, даже чуть грубоватой, с лиризмом тонко мыслящего человека. Как я позднее убедился, такими чертами действительно отличался Чингиз Ильдырым, курд, участник Октябрьской революции на Кавказе, образованный инженер, знаток литературы, человек, многие годы близкий к Кирову, очень привлекательная личность.

Мы недолго были вместе, недолго длилась наша дружба, но все же я думаю, то была дружба. Такую память я сохранил о Чингизе Ильдырыме, и мне известно, что он тепло обо мне отзывался в беседе с заключенным, которого я позднее встретил в лагере.

На второй день после моего прибытия в Суханово за мной пришли конвоиры. В Суханове в отличие от других тюрем одного заключенного сопровождали не два, а три конвоира. Двое держали меня по бокам, а третий подталкивал сзади. Так меня то ли повели, то ли понесли вниз по лестнице и через двор привели к зданию церкви; внутри церковь оказалась поделенной высокими перегородками на сектора. Конечно, я был не в состоянии уловить, на сколько таких помещений было поделено бывшее церковное здание. Меня поместили в самом крайнем левом секторе с большим окном. Помещение производило впечатление обширной камеры с каменным полом. Камера была совершенно пустая. На полу было несколько окурков. Конвоиры удалились. В здании царила абсолютная тишина. Недоуменно я оглядывался по сторонам. Я решил, что меня поспешно перевели в новое помещение и сейчас принесут предметы скудной тюремной обстановки. Правда, было неясно, почему меня перевели в новую камеру без вещей. Они остались в голубой темнице. Насколько помню, я не двигался и растерянно стоял на месте в ожидании дальнейших событий. Особенно долго ждать не пришлось. Дверь раскрылась, и вошли несколько человек: капитан Пинзур, с которым мы в октябре 1939 года обмени-

вались мрачными остротами при первом оформлении протокола об окончании следствия, мой следователь младший лейтенант Гарбузов и несколько неизвестных; позднее я узнал, что один из них был начальник тюрьмы.

Я вопросительно глядел на вошедших. Капитан был явно весело настроен, а Гарбузов взволнован. «Вот где довелось встретиться, Гнедин»,— сказал он смущенно, как если бы до того мы с ним виделись в совершенно нормальной обстановке.

Засим меня бросили наземь и принялись избивать дубинками, такими же, какими избивали предыдущей весной во Внутренней тюрьме. Я уже описывал технологию этой страшной процедуры. Незачем здесь снова пускаться в подробности.

Когда к вечеру я был возвращен в камеру, то уже не мог сидеть, а лечь было негде. Мне ничего не оставалось как стоять лицом к стене. Чингиз Ильдырым пытался меня успокоить, отвлечь разговором, но потом замолчал. Прошло несколько часов. И вдруг поздно вечером за мной снова пришли конвоиры. Меня охватил ужас. «Теперь я уже не выдержу»,— подумал я. Не то чтобы я решил сдаться, но мне казалось, что я никак не смогу выдержать новые удары по израненному телу. Эти мои переживания — хорошая иллюстрация того, что существует предел выносливости. Впрочем, я не знаю, сломали ли бы меня даже новые истязания. К счастью, до ночных пыток дело не дошло. Сойдя на первый этаж, конвоиры неожиданно для меня свернули по коридору, спустились на уровень полуподвала (это меня основательно встревожило), но затем поднялись по внутренней лестнице в коридор, очевидно, пристройки и втолкнули меня в кабинет, где за столом, освещенным настольной лампой, сидел мой следователь младший лейтенант Гарбузов.

Скрывая чувство облегчения, Гарбузов приступил к обычному допросу. Первый вопрос был явно облечен в такую формулировку, по которой впоследствии можно было бы установить, что протокол составлен вслед за «допросом с пристрастием». Во всяком случае, ни прежде, ни позднее в протокол не вставлялось серии таких выражений, как «следствие располагает неопровержимыми данными», «настоячиво требует» и т. п. На эти «настоячивые требования» я отвечал с обычной твердостью, что никаких преступлений, не совершал, и ни в чем не виновен. Следователь спокойно записал мой ответ, как если бы он не присутствовал при том, как меня силой вынуждали признать себя преступником.

Первые недели после избиений были очень мучительными.

Дело в том, что в конце июня и в июле 1940 года стояла необыкновенная жара. Тот, кто жил на московских дачах, знает, что на верхнем этаже старого здания непосредственно под железной крышей да еще в непроветриваемом помещении в знойные дни становится нестерпимо жарко. Именно так обстояло дело в нашей камере. Я обливался потом, и горячие капли, затекая в открытые раны, вызывали жгучую боль. То были пытки, не запрограммированные следователями. Я стоял лицом к стене, пот лился по спине и слезы по лицу.

Физические муки лишили меня самообладания. Но и было от чего прийти в отчаяние. Да, после того как я в очередной раз устоял под пытками и защитил свою невиновность, я не испытывал чувства торжества, я был в ужасе. Я был в ужасе оттого, что оказался лицом к лицу с чудовищной несправедливостью и беспощадностью. Сознание безнадежности моего положения причиняло мне в те дни большие страдания, чем даже физические мучения. В самом деле, на предыдущих этапах следствия я себя защитил, никого не очернил, может быть, даже кое-кого уберег от катастрофы, — и каков же результат? Я понимал, что мой перевод в особорежимную тюрьму и избияния имели лишь одну простую цель: довести до конца мое дело в соответствии с требованием начальства, то есть погубить меня.

Я нуждался не столько в медицинской помощи, сколько в моральной поддержке. Таковую помощь мне оказал Чингиз Ильдрым. Мне не нужно было, чтобы он выслушивал историю моего дела или рассказывал мне о своем деле. Мы с ним вовсе не говорили о следствии, предъявленных обвинениях, ходе дела, то есть обо всем том, о чем часто и чрезмерно много рассуждали заключенные в камере. Мы оба по возможности избегали этих тем. Именно поэтому, когда Чингиз Ильдрым разговорился, его интересные рассказы явились для меня ощутимой поддержкой.

Чингиз Ильдрым был первый и, кажется, единственный курд в СССР, получивший высшее образование. Он окончил технический вуз в Ленинграде, а до того участвовал у себя на родине, на Кавказе, в борьбе за Советскую власть. Из его слов можно было понять, что он весьма популярен среди советских курдов.

Ильдрыма арестовали в 1937 году; мы с ним встретились, когда его тюремный стаж превышал два года. После пыток его долго держали в общей камере в Бакинской тюрьме; камеры были переполнены, и их соединял общий коридор.

Заключенные воспринимали как сенсацию то, что можно увидеть Чингиза Ильдрыма, и ходили в камеру, чтобы на него поглядеть. Однажды, когда он лежал на каменном полу, над ним наклонился курд, бывший крупный помещик, и сказал: «Хорошо, что мне удалось увидеть тебя здесь». Для озлобленного врага Советской власти было минутой торжества то, что в тюремной камере рядом с ним находился в заточении идейный революционер.

Чингиз Ильдром, которому пришлось быть начальником Магнитостроя, рассказывал об Орджоникидзе и его стиле работы; известно, каким уважением, да и любовью, пользовался Орджоникидзе у близких к нему работников индустрии.

Чрезвычайно интересным было все, что Чингиз Ильдром рассказывал о Кирове. Правда, он избегал определенного указания на то, когда и на какой работе он сотрудничал с Кировым. Чингиз Ильдром подозревал, что нас подслушивают, и не хотел касаться тем, которые, очевидно, использовались следователями, ведшими его дело, для провокационных и клеветнических обвинений. Попросту говоря, Чингиз Ильдром был арестован и обречен на мучения именно потому, что был близок к Орджоникидзе и в дружбе с Кировым.

Мы побыли вместе с Чингизом Ильдромом недели две. Наступил грустный день, когда его вызвали из камеры с вещами. Он собрался очень быстро, очень взволновался и, уже выходя, в дверях обернулся, чтобы проститься. Я навсегда запомнил совершенно белое лицо и черные, как угли, глаза.

Через двадцать лет после моего пребывания в Сухановской тюрьме я, вернувшись в Москву из ссылки, побывал у стен старинного монастыря. Медленно обошел я здание, пытаюсь заглянуть внутрь, но это было невозможно. У закрытых железных ворот я увидел группу скромно одетых людей с узелками и сумками. На мои вопросы они отвечали уклончиво, но можно было догадаться, что здесь собрались посетители с продуктовыми передачами, терпеливо ждущие, когда их примут. Мимо прошагали несколько солдат внутренних войск. Насколько я мог понять, Сухановка была превращена в тюремную больницу. Во всяком случае, и на переломе к 60-м годам это было по-прежнему зловещее место. Мрачным было не только здание, но и окружающая местность с глинистой почвой, рвами и канавами, безлюдная.

Я узнал двухэтажное здание, обрамлявшее часть территории бывшего монастыря, постарался правильно сориентиро-

ваться и подойти с наружной стороны к тому его фасаду, куда двадцать лет назад выходило окно моей камеры. Гофрированных стекол уже не было. Со сложным двойственным чувством глядел я на тюрьму, в которой пробыл больше года и подвергался избиениям. Минутами мне было жутко, тревожно, не хотелось задерживаться в этом месте, не хотелось погружаться в атмосферу былых тяжких переживаний.

Через много лет, стоя под окном моей бывшей тюремной камеры, я спрашивал себя: действительно ли я принял тогда глубоко продуманное твердое решение, чуть ли не пережил второе рождение еще задолго до воскрешения из мертвых? Может быть, я там взаперти лишь предавался иллюзиям, думая, что можно обрести подлинную внутреннюю свободу?

Уже не впервые я в этих записках упоминаю о стремлении к внутренней свободе. Заканчивая рассказ о первом полугодии следствия, я даже обронил слова о том, что в строгих размышлениях нашел пути к столь высокому состоянию духа. Говоря так, я взял на себя невыполнимое обязательство. Разве я могу сказать, что такое внутренняя свобода человека?

В тюрьме внутренняя свобода — это прежде всего способность оставаться самим собой, сохранить в своих мыслях и реакциях на окружающее независимость от влияния тюремщиков, следователей и палачей. Можно это определение распространить и на отношение человека к деспотическому государству и к деспотической идеологии. Он обретает некоторую внутреннюю свободу, если не поддается самообольщению, самообману, не лжет, по крайней мере самому себе.

Глубокое отчаяние, к которому я бывал близок в тюрьме и лагерях, равно как самообладание, даже оптимизм, фаталистический оптимизм, мной владевшие, были важными вехами в моих поисках внутренней свободы.

Но я не утверждаю, что я ее обрел. Поэтому, завершая главу, я повторяю прежний вопрос: действительно ли я в тюремной камере стал мыслить по-новому и, приготовившись жить по-новому, прожил правильнее, чем до катастрофы, свою, уже третью, жизнь? Или, быть может, только теперь я пробиваюсь к новому началу, теперь, когда пишу мемуары в канун своего семидесятилетия?

В лагерях, где я пробыл восемь лет (до того два года в тюрьмах), мне ни разу не приходила в голову мысль о самоубийстве. Каждый день был днем борьбы за жизнь; как же, ведя такой бой, думать об отказе от жизни? И была цель —

выйти невредимым из испытаний, и жила надежда — в полноте сил встретиться с любимыми людьми. Позднее, в ссылке «навечно», часто преобладало болезненное ощущение тупика. Сознание было отравлено этим ощущением, особенно чувствительным, когда человеку перевалило за пятьдесят. Вероятно, в ссылке тяга к самоубийству не принимала бы порой маниакальные формы, если бы не отравы в буквальном смысле слова: я работал на очень вредном производственном участке, дышал целый день парами сернистого натра и других химических веществ и в этой отравленной атмосфере выполнял тяжелую работу (одно время я ежедневно кувалдой разбивал около полутонны каменного сернистого натра, и это была только часть моего урока, который я перевыполнял). Порой, когда мерещилось, что жизнь окончилась еще до наступления смерти, меня охватывало самое опасное состояние духа: не продуманное (или еще продумываемое) решение покончить с собой, а бездумная тяга к самоубийству. Именно такая угроза нависала надо мной, когда я находился в ссылке в пустынной местности между Карагандой и Балхашем.

И в эти тяжкие дни можно было найти противоядие даже в окружающей действительности, а особенно в книгах. Самая работа, хоть она и подтачивала организм, одно время доставляла мне удовлетворение. Но мне пришлось перейти на еще более вредную работу.

От губельного отчаяния в ссылке «навечно» меня спасла жена. Она приезжала ко мне в Центральный Казахстан, жила подолгу (однажды почти год). Мы прожили там счастливые дни. Там, в рабочем бараке, я под влиянием жены взялся за перо, и мы вместе написали повесть.

Задолго до встречи в 50-х годах с любимым человеком мне нужно было в одиночестве научиться отличать добро от зла. В застенке я познал высшую степень отчаяния, но и обрел душевное спасение.

«Змея есть змея, тюрьма есть тюрьма». Эту восточную поговорку любил повторять не кто иной, как Сталин, который охотно напоминал, что тюрьма как ядовитая змея, по самой своей природе губительна для человека. Иначе это не тюрьма. О ядовитых речах Сталина мне рассказал в тюремной камере бывший партийный деятель. В устах диктатора афоризм имел значение директивы. Смысл сталинских слов был тот, что власти обязаны быть жестокими: тюрьма должна быть застенком, пребывание в тюрьмах и лагерях должно быть тяжким, мучительным.

Сухановская особорежимная тюрьма представляла собой изощенное, хорошо продуманное Берией осуществление жестоких требований Сталина. Сухановская тюрьма, очевидно, имела двойное назначение: застенок для пыток и расстрелов, расположенный в стороне за городом, и изолированное, засекреченное место заключения для «консервации» жертв палачей.

В Сухановской тюрьме имелись подвалы и камеры, где применялась всяческая техника (знаю по рассказам), и была пустая церковь, где действовали по старинке (мой случай). Иногда подсудимых привозили в Суханово ненадолго, только для соответствующей обработки, как выражались следователи; иной раз заключенному лишь показывали Суханово, чтобы поугадать, и снова увозили в обычную тюрьму. Часто соединяли использование застенка для пыток с дальнейшей строгой изоляцией там же, в Суханове, как это случилось со мной. Бывало и так, что привезенных в Суханово заключенных не подвергали физическому воздействию, а сразу помещали в условия строгого режима на месяц, а то и на год, если не больше.

В Суханове зменная злоба тюремщиков выражалась в попытке изоляцией и теснотой, в назойливом надзоре. Насколько я мог уловить, один надзиратель обслуживал три камеры. Глазок открывался чуть ли не ежеминутно. Достаточно было малейшего неосторожного движения узника, чтобы загремел замок, надзиратель вошел и осматривал заключенного и камеру.

Прогулок не было все тринадцать месяцев. Тринадцать месяцев я пробыл взаперти. К счастью, баня была во дворе. Но пока не зажили раны, желанная баня причиняла физические страдания; в тесной камерке меня ставили под душ, и вода хлестала по изъязвленному телу. Но не это осталось у меня в памяти. Когда три тюремщика меня выволакивали и тащили в баню, я жадно, с упоением вдыхал пьянящий душистый воздух. «Одуряющий запах полыни стал запахом жизни с тех пор, как поспешно меня пронесли в темноте через двор». В баню водили вечером или ночью. Зимой пронзительный, морозный воздух обжигал легкие, приспособившиеся к духоте камеры.

«Законсервированных» заключенных редко вызывали на допросы. Месяца через два после избивений меня вызвал младший лейтенант Гарбузов, видимо, только чтобы на меня посмотреть. Еще через несколько месяцев, в середине зимы, счел нужным взглянуть на меня капитан Пинзур.

То, что заключенного по многу месяцев не вызывали на допрос, могло быть и облегчением, учитывая обычный характер допросов. Но когда при строгой изоляции отсутствовал личный контакт хотя бы со следователем, заключенный вовсе терял представление о времени и перспективу собственного бытия. Парадоксально, даже трагично: встречи со следователем были для заключенного важной формой контакта с миром. Отсутствие допросов обостряло ощущение полного отрыва от жизни.

За тринадцать месяцев у меня было (не считая встречи с Чингизом Ильдымом) трое соседей, из них двое — провокаторы.

Ко мне подсадили довольно скоро после избиений бывшего статистика Бакинского горсовета (забыл фамилию этого жалкого типа). Сосед должен был мне продемонстрировать, что разумно и выгодно давать показания. Он имел право и днем лежать на койке, ему давали книги (Горького), а будущее ему представлялось в неплохом виде: он передал следователю докладную записку насчет того, как наладить учет и статистику в ГУЛАГе, предложил свои услуги и надеялся получить спокойную работу.

Статистика убрали из моей камеры в тот же день, когда я на допросе у следователя отозвался о моем соседе пренебрежительно.

Сухановская камера была таким местом, где влияние крайней формы изоляции, сенсорной, представляло наибольшую опасность для заключенного. На моей психике эта атмосфера сказалась не к концу пребывания в Суханове (тогда я уже жил интенсивной внутренней жизнью), а в первый период. В мыслях я уже перевалил через хребет отчаяния, но на деле, ослабленный физическими страданиями, лишенный книг и прогулок, я в мертвой тишине голубой темницы погрузился в прозрачное бытие.

В изоляции от всяких впечатлений, зрительных, слуховых, не говоря уж о пище для ума, я на некоторое время, вернее по временам, переставал быть самим собой. Так, по крайней мере, я теперь оцениваю те мнимые способы преодоления душевной пустоты, к которым я прибег в сухановской камере осенью 1940 года. Я стал «дрессировать» мух.

В жаркой и душной камере развелось много мух, паук был только один, хотя и большой. Я брал муху, отрывал у нее одно крыло, чтобы она не могла улететь, и предоставлял ей воз-

возможность прыгать по столу. Потом я ставил на стол приоткрытый пустой спичечный коробок и, спичкой царапая перед мухой поверхность стола, побуждал ее прыгнуть в коробок. По утрам я клал в коробок бумажку, смоченную водой, и мухи питались.

То, что я спустя тридцать с лишним лет в состоянии подробно восстановить в памяти «дрессировку» мух, свидетельствует о том, какое место эта странная игра могла занять в психике одинокого заключенного. Он сам был похож на муху с оторванным крылом. Его именно так и дрессировали, чтобы он оставался жив, но не мог нормально передвигаться и при малейшем звуке замирал...

Примерно тогда, когда прекратились мои игры с мухами, я осознал, что надо употребить чрезвычайные усилия, чтобы избежать деградации. Некоторое время я колебался, размышляя, что важнее — прогулки или книги. Я принял правильное решение и объявил голодовку, требуя, чтобы мне дали книги для чтения. Не помню, тогда ли, когда я объявил голодовку, или по другому поводу у меня был конфликт с начальником тюрьмы. Войдя в камеру, он заговорил со мной угрожающе; я заявил, что вызвал его не для того, чтобы выслушивать грубости, и потребовал, чтобы он ушел. Редкий случай — заключенный прогнал из камеры начальника тюрьмы. Как бы то ни было, мне не пришлось долго голодать, вскоре мне стали приносить книги в камеру. Более того, нашелся такой мягкосердечный надзиратель, который выслушивал мои заказы и систематически приносил мне том за томом сочинения Гегеля и книги Александра Блока и Герцена. Я с благодарностью вспоминаю этого пожилого рыжеватого человека небольшого роста, с печальным лицом в веснушках.

Когда я здесь говорю о сухановских буднях, я имею в виду не только прозябание, грозящее вырождением, но и трудную будничную работу мысли — поиски выходов. Утешение приносили и мнимые выходы, особенно если казалось, что они дают возможность заглянуть куда-то вглубь или ввысь.

Мои сухановские размышления я могу суммировать и словами Герцена: «Грядущая революция должна начать не только с вечного вопроса собственности и гражданского устройства, а с нравственности человека... все отношения людей между собой ложны... все требуют жертвы, все основаны на вымышленных добродетелях, обязанностях...»

Отвергнув догмы, которыми я руководствовался, когда был преданным слугой государства, охваченный стремлением

прорваться внутрь, в собственное сердце, я в тюрьме сделал в воображаемом лирическом дневнике запись, озаглавленную «Второе рождение»:

Мне снится новое рождение.
Дышу вольней, живу смелей.
Хоть слышу грозное хрустенье
Моих расправленных костей...
Настало время распрямиться,
Не спину — мысли разогнуть.
Еще тесна моя темница.
Душа уже пустилась в путь.
Мой горб — придуманная тяжесть!
Себя не потерять в пути —
Вот все, к чему меня обяжет
Мой долг, пылающий в груди.
Поэт, страданьем умудренный.
Наследник трезвого бойца...
Как дорог мне он, вновь рожденный,
Сын, непохожий на отца.

Странно, но и знаменательно: человек жизнелюбивый, сумевший встретить с поднятой головой угрозы палачей, этот человек на воле, среди людей ощущал себя духовно горбуном, и этот же человек в тюрьме, избитый и загнанный в одиночку, освободился от горба, расправился, поднимаясь навстречу душевному обновлению.

Моральные, общечеловеческие мотивы поведения становились для меня высшим жизненным критерием. Я освободился от представления, будто надлежит во имя абстрактных дальних целей жертвовать тем теплом и теми благами, которые таятся в простых человеческих чувствах и в выполнении долга перед близкими людьми. Я возвращался к непосредственному поэтическому восприятию мира. Тем не менее я не выключил себя мысленно из общества и даже общественной борьбы. «Поэт, страданьем умудренный», должен был стать «наследником трезвого бойца».

Однако в метаморфозе, происшедшей со мной в Сухановской тюрьме, была еще одна сторона, относящаяся не к сфере интеллекта, пожалуй, и не эмоции, а скорее инстинктов. Душевный переворот в тюрьме был также и проявлением стихийной, органической потребности вырваться из пут, физически выпрямиться. Я и это ясно понял только теперь, в эти годы, читая Камю.

В повести Камю «Падение» описывается пребывание узника в средневековой тюрьме, в одиночке с низким потолком и столь узкой, что человек не мог лежа вытянуться. Суха-

новская одиночка была современным вариантом средневековой. «Непреложным приговором узник осужден был сидеть скрючившись день за днем, постепенно осознавая, что его одеревеневшее тело — это его виновность и что невиновность — это наслаждение выпрямиться в полный рост... Невиновность была превращена в какого-то горбуна!»

Замечательно то, что сказанное у Камю содержит одновременно и описание реальных ощущений узника в тесной одиночке, и символическую характеристику состояния человека, ставшего вне тюрьмы «горбуном» под бременем гипертрофированной ответственности, комплекса вины, ложно понятых обязательств. Я испытал и то и другое. Случилось так, что в сухановской темнице чисто физиологическая потребность распрявиться сочеталась с жаждой духовной свободы, с возникшим новым представлением о долге человека и смысле жизни. Так стало возможным второе рождение.

А в 1941 году эволюция, пережитая мною, имела спасительное значение в самом непосредственном, реальном смысле: я сам себя освободил, духовно окреп к тому времени, когда надо мной нависла угроза судебной расправы.

Летом 1941 года подошло к концу мое пребывание в московских тюрьмах. Тогда уже тема «тюрьма и страна» воспринималась мною в трагическом свете войны.

К эвакуации Сухановской тюрьмы приступили еще до начала войны. Встретившись позднее в лагере с жителями Прибалтийских республик, я узнал, что их арестовали и вывезли в лагеря примерно в мае 1941 года, то есть тогда же, когда началась эвакуация заключенных из подмосковной тюрьмы. Все эти мероприятия, видимо, проводились с санкции Сталина. Он с преступной халатностью откладывал решительные меры для обороны от гитлеровской агрессии, но зато по части внутривластных репрессий загодя проявил новую инициативу и распорядительность на случай «внезапного нападения».

7 июля 1941 года в камере появился начальник тюрьмы (тот самый, который присутствовал при избиваниях и которого я выгнал из моей камеры). Начальник тюрьмы принес с собой для каждого из нас копию обвинительного заключения. Он не оставил его, а только давал прочесть и расписаться в том, что подсудимому известно его содержание.

Документ, называвшийся обвинительным заключением, занимал одну или полторы страницы (не помню точно). В нем упоминались некоторые из лживых показаний о моей мни-

мой преступной деятельности, и на этой основе было сформулировано обвинение по самой страшной статье — 58, пункт 1-а, то есть государственная измена: грозный вывод в документе, имевшем характер пустой отписки.

Казалось бы, стиль документов, их лживость в деталях не заслуживают особенного внимания, когда речь вообще идет о безудержном беззаконии и терроре. Какое значение могли иметь перечисленные мною примеры фальсификации, если приговор был предрешен? Как будет видно из дальнейшего, формальная сторона дела имела некоторое значение.

Прочитав внимательно обвинительное заключение, я отказался на нем расписаться, как того требовал начальник тюрьмы. Я сделал на документе надпись, в которой перечислил дефекты обвинительного заключения, и добавил, что оно не имеет законной силы. Начальник тюрьмы уже знал, с кем он имеет дело, его не удивила моя выходка. Он спрятал документ в карман и сказал, усмехаясь: «Эта бумага останется у меня».

После визита начальника тюрьмы за нами пришли конвоиры. Трудно было избавиться от мысли, что, возможно, я вскоре расстанусь не только с тюрьмой, но и с жизнью. Я запомнил большое дерево с густой листвой у самого выхода из тюремного корпуса. Больше я, кажется, ничего не успел заметить.

Нас доставили в Лефортовскую тюрьму, уже мне знакомую. Но поместили меня в камеру незнакомого типа. В ней не было окна. Это меня насторожило, потому что я слышал, что в лефортовских камерах без окон держат подследственных перед приговором к высшей мере. Мне не пришлось предаваться догадкам в одиночестве, в камеру втолкнули еще двух человек. Один из них был тихий, запуганный агроном, а другой — не кто иной, как мой бывший сослуживец В. В., который в третий раз за годы нашего знакомства оказался рядом со мной в трагические часы моей жизни.

Итак, я, обвиненный в государственной измене и будто бы повинный в связи с Германией, должен был предстать перед Военной коллегией Верховного суда в дни войны с Германией. В этот час я не вправе был тешить себя иллюзиями. Так говорил я себе, именно говорил, объяснял по возможности бесстрастно, беспощадно. Но я и тогда не мог усвоить мысль о своей смерти, да еще насильственной. Можно увидеть в воображении собственные похороны, но не казнь. В лефортовской камере, накануне суда я не был в состоянии (или

боялся) представить себе, как со мной поступят после вынесения смертного приговора. Но меня мучили мысли о моей семье.

Почему-то я не предполагал, что жену репрессируют после расправы со мной. Мои мысли были прикованы к другому. Я вспомнил, как в годы охоты за мнимыми вредителями и травли специалистов в газетах публиковались списки расстрелянных инженеров и хозяйственников. С ужасом я подумал, что мои жена и дочь могут прочесть и мою фамилию в опубликованном в дни войны списке разоблаченных и расстрелянных «германских шпионов». Погруженный в мучительные мысли о горе моих близких, я словно забыл ненадолго, что причиной была бы моя гибель. Страшная игра воображения на время вытеснила страх перед казнью. Однако эти мысли меня снова настигли. Это было невмозможным. Больше нельзя было размышлять, надо было что-нибудь предпринять. Пробудилось стремление сделать последние усилия в борьбе с безликим роком.

Я сказал себе: мое дело отличается от многих других. Надо помешать суду отмахнуться от этого. Я потребовал у дежурного бумагу и получил ее, несмотря на поздний час. В заявлении, адресованном в Военную коллегия, я вкратце указал, что защитил свою невиновность, и перечислил правонарушения в моем деле и в обвинительном заключении.

Утром нас по одному вывели из камеры. В те дни в Лефортовской тюрьме, как и в Бутырках, заседало несколько комиссий, каждая из которых именовалась Военной коллегией Верховного суда. Таким образом, можно было одновременно выносить приговоры по нескольким делам. Меня не сразу повели на суд, а поместили в подвале в бокс.

Через несколько часов меня из подвала повели наверх и ввели в довольно обширное помещение, где уже восседали за длинным столом (как мне показалось — на возвышении) три человека в военной форме. Рядом со мной с обеих сторон стали конвоиры. «Судьи», видимо, только что закончили слушание какого-то дела и сразу же занялись мною. Председатель суда Кандыбин, очевидно, назвал себя, иначе мне не была бы известна его фамилия: приговора я не видел. Ни до, ни после суда я не слышал этой фамилии. То был полный пожилой человек в роговых очках; выражение лица не было ни грубым, ни зловещим, мрачное лицо чиновника-юриста. Председатель (или секретарь, не помню) прочел знакомое мне обвинительное заключение. Мне предложили кратко вы-

сказаться перед оглашением приговора. Я сказал о своей невиновности, о том, что я не признал себя виновным, что бесплодно требовал очных ставок с клеветниками. Председатель и члены суда слушали с привычным равнодушием. Но когда я сказал, что год пробыл в Суханове, что я и там не дал живых показаний, и затем перечислил упущения в обвинительном заключении, Кандыбин снял очки и, наклонившись к одному из членов суда, задал ему шепотом какой-то вопрос. Этот молодой человек, вероятно, был представителем следственной части НКВД. Он шепотом дал председателю какие-то пояснения. Тогда Кандыбин неожиданно заявил, что вынесение приговора откладывается и что в заседании суда объявляется перерыв.

Перерыв длился долго, почти сутки. Июльскую ночь перед вынесением приговора я провел в боксе и в подвале. В подвале смертников?

У меня было достаточно времени для томительных поисков ответа на вопрос, спасся ли я от гибели благодаря тому, что на суде опровергал обвинение, или, наоборот, погубил себя, решившись на заседании Военной коллегии заявить во всеуслышание, что я выдержал «физическое воздействие» (слово «пытки» я избегал) и что обвинительное заключение не имеет законной силы. Ведь мне было известно, что судебная процедура — чистая формальность, суд обязан оформить решение, утвержденное начальством при окончании дела. Я слышал достаточно достоверные рассказы о том, как жестоко аппарат репрессий расправляется с людьми, пытающимися на заседании суда предать огласке то, что происходило в тюрьме или в кабинете следователя. И тем не менее все же интуиция (не искусственно подогреваемый оптимизм, а здоровая интуиция) мне подсказывала, что случилось чудо: мне удалось забросить песчинку в смертоносную машину, и она забуксовала. Мое заявление было неожиданным для председателя суда, обнаружилось, что какие-то правила игры, бюрократические правила, не были соблюдены в моем деле. А может быть, проще: даже в самых тяжелых условиях твердое сопротивление беззаконию, защита человеком своих прав не всегда совсем безнадежное дело?

Этой трагической ночью, я был не один. К счастью, моим соседом был человек разговорчивый и державшийся бодро. Когда он назвал свою фамилию — Левентон, я вспомнил, что мы уже встречались. В первые дни февральской революции 1917 года мы с ним, оба студенты, участвовали в занятии полицейского участка, Портового участка в Одессе.

В моей жизни это было эпизодом, а для него началом профессиональной деятельности. Он был студентом юридического факультета, с первых дней революции включился в работу судебных органов и стал жертвой репрессий, уже будучи сам работником прокуратуры.

9 июля 1941 года меня снова повели из подвала на суд. Теперь я уже не забавлял себя мыслью, что жить интересно, как это было в мае 1939 года за час до ареста, но и не дрожал противной неудержимой дрожью, как это бывало, когда меня во Внутренней тюрьме ночью вызывали на допрос, как после пыток в Суханове, и не читал самому себе стихов о бессмертии — теперь в душе все умолкло, воцарилась тишина на напряженного ожидания, я ничего не видел и не слышал, я ждал, только ждал.

В том же зале за большим столом, покрытым красным сукном, сидели те же три человека. Тот же Кандыбин без всяких вступительных слов огласил приговор. Постановление суда снимало с меня обвинение в государственной измене, отменяло применение статьи 58, пункт 1-а. Прочитав эти спасительные слова, Кандыбин сделал паузу и внимательно посмотрел на меня, как бы проверяя, оценил ли я смысл сказанного, понял ли, что останусь жив. Далее вкратце, повторялись знакомые мне облыжные обвинения; приговор гласил: по обвинению в соучастии в деятельности антисоветской организации в Народном комиссариате по иностранным делам — десять лет лагеря по статье 17 (соучастие), статье 58, пункт 6 (шпионаж), статье 58, пункт 8 (террор), статье 58, пункт 11 (организация). Сверх того лишение гражданских прав

Когда приговор был оглашен, конвоиры приготовились меня увести, но я воспользовался заминкой и обратился с вопросом к председателю суда. Я сказал, что даже клеветники не обвиняли меня в причастности к террору, следователи мне такого обвинения не предъявляли — почему же меня осудили и по этой статье? Кандыбин счел возможным дать мне пояснения. (Он, конечно, понимал, что я абсолютно ни в чем не повинен.) Он разъяснил, что я осужден за соучастие в деятельности такой организации, которая занималась и террором (каким? где? когда? — об этом ни слова...). Поэтому, продолжал председатель суда, в приговоре есть ссылка и на статью о терроре. Мне надлежало удовлетвориться пояснением председателя суда, который, вероятно, счел, что я «не в норме». Человек благодаря решению суда в последнюю минуту избег высшей меры, а он вступает с судом в пререка-

ния по поводу формулировок стандартного приговора, даже чуть менее жесткого, чем многие скоропалительные решения судов военного времени.

Вынесение судебного приговора означало, что окончилось мое пребывание в следственных тюрьмах. Но тюремно-лагерный конвейер меня тотчас же подхватил, и я оставался в его власти еще четырнадцать лет...

КОММЕНТАРИИ

АНДРЕЙ БОЛОТОВ.

Памятник претекших времен,
или Краткие исторические записки
о бывших происшествиях
и о носившихся в народе слухах

Текст печатается по единственному полному изданию: Болотов А. Т. *Памятник претекших времен...*. М., 1875. Орфография и пунктуация приближены к современным, за исключением случаев, характерных для индивидуального стиля А. Т. Болотова. Оставлена без изменения авторская архитектоника: нумерация глав и деление на тис.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1796 г. В Богородицке

1

¹ Имеется в виду Франц II (1768—1835) — австрийский государь, последний император «Священной Римской империи».

² То есть третий раздел (1795 г.) Речи Посполитой.

2

¹ *Гудович И В.* (1741—1821) — генерал-аншеф.

² *Суворов А В.* (1729 или 1730—1800) — знаменитый полководец

4

¹ *Магазейн* — склад, хранилище.

8

¹ Кашкин Е. П.

² Исленьев А. А.

10

¹ Дуров С. А.

² *Шильничать* — обманывать, плутовать.

16

¹ Лопухин А. И.

² Бахтин.

22

¹ *Самойлов А. Н.* (1744—1814) — генерал-прокурор и государственный казначей. Слух, что он заменен, неверен.

² *Исленьев П. А.* (1745—1827) — генерал-поручик.

23

¹ *Бабарыкин Л. И.*

² *Репартиция* — распределение.

24

¹ *Директор экономии Хрущов А. Д.*

27

¹ *Богородицкий.*

28

¹ *Таль* — существительное от глагола «таять».

32

¹ *Подшивалов В. С.* (1765—1813) — писатель, издатель, переводчик.

² *Сохацкий П. А.* (1766—1809) — действительный член и секретарь «Общества истории и древностей российских».

34

¹ *Новиков Н. И.* (1744—1818) — русский просветитель, писатель, издатель. В 1792 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда вышел лишь после смерти Екатерины II.

37

¹ *Архаров Н. П.* (1740—1814) — петербургский генерал-губернатор.

47

¹ *Дмитриев И. И.* (1760—1837)

² *Карамзин Н. М.* (1766—1826)

48

¹ *Державин Г. Р.* (1743—1816)

51

¹ Не разобрано одно слово.

53

¹ *Орлов Ф. Г.* (1741—1796) — вместе с братьями был главным участником дворцового переворота 1762 г., с 1775 г. в отставке.

¹ *Турбачить* — беспокоить, тревожить.

² *Павел Петрович* (1754—1801) — сын Екатерины II, наследник престола.

¹ *Болховитинов Е. А.* (1767—1831) — филолог, историк, библиограф (после пострижения в монахи — Евгений).

² *Белец* — живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество.

³ *Епитимия* — духовное наказание за грехи.

¹ *Попов В. С.* (1745—1823) — начальник императорского кабинета и комиссии прошений.

¹ Ода «На счастье» написана Державиным в 1789 году, когда он находился под судом сената.

² *Морганический* — тайный.

¹ Юлия, нареченная Анной Федоровной.

² *Константин Павлович* (1779—1831) — второй сын великого князя.

¹ *Хабар* — барыш, нажива.

¹ *Привилегия* — исключительное право в ремеслах и промыслах.

¹ *Александр Павлович* (1777—1825) — первый сын великого князя Павла Петровича. Екатерина II намеревалась назначить наследником престола Александра Павловича, лишив этого права его отца.

¹ Стихотворение Державина «Хариты».

¹ Причиной этому послужило то, что новая 5-я ревизия, о скорейшем

окончании которой 10 января 1796 года был издан указ, еще не везде была завершена.

88

¹ *Засака* — заповедный лес, где священник при молебстве засек кресты на межевых деревьях. В то же время название «засаки» удерживалось за тульскими лесами с давних пор, служа защитой от набегов завоевателей. Срубленные деревья сваливались без всякого порядка широкой полосой по окраине леса, тянувшаяся на сотни верст лесная ограда представляла труднопреодолимое препятствие для конных полчищ.

94

¹ Польское восстание 1794-го года.

96

¹ Бракосочетание в. к. Константина Павловича с в. к. Анной Федоровной состоялось 15 февраля.

97

¹ *Измайлов М. М.* (1719—1800) — главнокомандующий Москвы.

99

¹ *Безбородко А. А.* (1747—1799) — секретарь и любимый докладчик Екатерины II.

101

¹ Болотов ошибся, Вязмитинов С. К. — губернатор Уфимского наместничества, а пермский губернатор в то время — Колтовский И. В.

² Сбоку рукою Болотова написано: «38 тысяч».

118

¹ *Новосильцов П. И.* (1744—1805) — генерал-провиантмейстер.

119

¹ *Пассек П. Б.* (1736—1804) — генерал-аншеф, могилевский и полоцкий генерал-губернатор.

² *Зубов П. А.* (1767—1822) — последний фаворит Екатерины II, генерал-фельдцейхмейстер (главный начальник артиллерии), генерал-губернатор Новороссии.

120

¹ Теплицкая М. Д.

122

¹ *Прикрый* — противный, дурной.

125

¹ *Салтыков Н. И.* (1736—1816) — президент Военной коллегии, воспитатель великих князей Александра Павловича и Константина Павловича.

126

¹ *Александра Павловна* (1783—1801) — старшая дочь великого князя Павла Петровича.

² *Ливен Ш. К.*

127

¹ 1787 г.

² *Перекусихина М. С.* (1739—1824) — камер-юнгфера (девица для прислуги во дворе).

128

¹ Русско-турецкая война 1787—1791 гг.

129

¹ *Левашев В. И.* (1740—1803) — обер-егермейстер (начальник над придворными егерями — прислугой в охотничьей одежде).

131

¹ *Лопухин А. И.*

137

¹ *Кивотка* — ящик.

138

¹ *Кошт* — иждивение, содержание.

140

¹ Правитель Орловского наместничества Неплюев С. А.

² Тульский губернский прокурор Верещагин П. А.

143

¹ *Вальдмейстер* — лесник, лесничий.

146

¹ *Магницкий М. Л.* (1778—1844).

152

¹ *Зубов П. А.* был первым генерал-губернатором новой Вознесенской губернии.

155

¹ *Понятовский Станислав Август* (1732—1798) — последний польский король (1764—1795).

² *Репнин Н. В.* (1734—1801) — литовский генерал-губернатор.

156

¹ *Куверт* — столовый набор.

² Жена Понятовского великая княгиня Наталья Александровна.

164

¹ *Зубов В. А.* (1771—1804) — командующий армией в персидской войне, брат Платона Зубова. Потерял ногу в польском восстании 1794 года

165

¹ *Потемкин П. С.* (1743—1796) — генерал-аншеф, известный писатель и переводчик, племянник Потемкина Г. А. Генерал Гудович, командовавший войсками на Северном Кавказе, опасаясь, что Павла Сергеевича назначат главнокомандующим Персидского похода, путем интриги решил устранить соперника и обвинил его в убийстве Гедает-хана.

166

¹ То же, что и каретных.

² *Власно* — точно, точь-в-точь.

173

¹ *От коварный.*

176

¹ Ростов-на-Дону.

182

¹ Дуров С. А.

187

¹ То есть Гжельских.

188

¹ *Омшеник* — подвал со срубом, проконопаченным мхом.

² *Альфреско* — способ живописной работы водяными красками обычно по сырой штукатурке.

³ *Окончина* — оконная рама.

189

¹ *Туртать* — тревожить, беспокоить.

² *Кряковка* — санные отводы, не дающие саням падать на бок.

193

¹ *Пеня* — денежное взыскание, штраф.

197

¹ Екатерина II, крайне щедрая для своих фаворитов и других придворных, была прижимиста, выделяя деньги на жительство сыну, отчего Павел Петрович часто одалживался у своих друзей и слуг.

199

¹ *Нелидова Е. И.* (1758—1839) — фрейлина великой княгини Марии Федоровны (жены Павла Петровича), «нравственный друг» наследника престола, с которым ее связывала искренняя платоническая любовь.

200

¹ *Халда* — грубый, бесстыжий человек, крикун.

203

¹ «Санкт-Петербургский Меркурий».

² *Крылов И. А.* (1769—1844) — известный баснописец.

³ *Клушин А. И.* (1763—1804) — поэт и драматург.

⁴ *Может быть, бонмотист* — остряк.

208

¹ Новые пожалования в фельдмаршалы, в том числе и Репнина Н. В., были осуществлены лишь после смерти Екатерины II.

218

¹ *Воспитательный дом* — приют для незаконнорожденных детей и детей бедняков (ныне здание принадлежит Военной академии им. Дзержинского).

² *Орлов А. Г.* (1737—1807/08) — генерал-аншеф, один из главных участников дворцового переворота 1762 г., в результате которого на престол взошла Екатерина II, а ее муж-император был убит. За победы у Наварина и Чесмы в 1770 г. получил титул Чесменского. С 1775 г. в отставке.

230

¹ «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства», членом которого состоял Болотов, главной своей целью провозгласило: «...Все полезные и новые в земледелии и экономии, чужестранными народами поныне изображенные и опытом уже изведенные материи прилежно собирать и сообщать любезным своим согражданам... Также... подробно узнать внутреннее состояние здешних провинций, от-

крыть их недостатки и изыскать полезные к отвращению тех недостатков средства».

² «Труды Вольного экономического общества», где печатались сочинения первых русских агрономов — А. Т. Болотова, И. М. Комова, М. Е. Ливанова, В. А. Левшина и других.

232

¹ *Пронумеровать* — подписаться на что-либо.

² *Дашкова Е. Р.* (1743—1810) — директор Петербургской Академии наук и президент Российской академии.

237

¹ *Шиканить* — притеснять, придираться.

239

¹ То есть отравился.

240

¹ *Заговение* — последний день перед постом, когда еще можно употреблять скоромную пищу.

242

¹ «*Аглая*» — поэтический альманах (вышло только две части).

² Поэтический альманах «Аонида, или Собрание разных новых стихотворений».

³ «*Мелина*» — повесть французской писательницы де Сталь, переведенной и изданной Карамзиным.

243

¹ Потемкин П. С.

246

¹ *Костюшко Тадеуш* (1746—1817) — руководитель польского восстания 1794 г., при подавлении которого русскими войсками ранен и содержался в плену в Петербурге.

248

¹ Дербент был взят позже — 17 апреля 1796 г.

² *Платов М. И.* (1751—1818) — донской казак, награжденный за Персидский поход 1796 г. золотой саблей с надписью «За храбрость».

³ *Корсаков И. С.* (1754—1831) — генерал-майор, бывший фаворит Екатерины II.

251

¹ *Шувалов И. И.* (1727—1797) — генерал-адъютант, первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

² *Ектенья* — вид церковного пения.

254

¹ Муртаза Кулихан.

256

¹ Мордвинов Н. С. (1754—1845).

² *Петров В. П.* (1736—1799) — поэт и переводчик.

257

¹ Фридрих Вильгельм II (1744—1797).

258

¹ Густав IV Адольф (1778—1837).

260

¹ *Кнехт* — наемный солдат.

264

¹ *Долгоруков Ю. В.* (1740—1830) — генерал-аншеф.

² *Смурый* — темного мешаного цвета.

³ Гагарин С. С.

⁴ Орлов А. Г. (см. прим. к № 218) в 1775 г., когда Екатерина II охладела к нему, переехал в Москву и предался хозяйственным занятиям. В частности, завел конский завод, полюбил рысистые бега.

269

¹ В Москве было две церкви во имя св. Иоанна Воина — на Якиманке (ныне ул. Димитрова) и Божедомке (ныне ул. Дурова).

270

¹ *Денной* — в продолжение целого дня.

274

¹ Евгений Болховитинов (впоследствии митрополит Киевский) в одном из писем к своему приятелю В. И. Македонцу говорит про Злобина, что при посещении им Амвросия, митрополита Петербургского и Новгородского, Злобин прекрасно рассуждал об оборотах винного откупа, о стремлении народа к пьянству, о разорении сел и семейств, о возможности повсеместного, кроме городов, истребления кабаков без ущерба для казны и откупщиков.

275

¹ *Ланской А. Д.* (1758—1784) — генерал-адъютант, фаворит Екатерины II с 1779 г. до своей смерти.

² То есть когда был фаворитом Екатерины II.

³ *Хинить, хинью пошло* — даром, без пользы и толку.

276

¹ *Сороки* — праздник сорока мучеников (9 марта).

277

¹ *Троцинский Д. П.* (1749—1829) — статс-секретарь Екатерины II.

278

¹ *Разумовский К. Г.* (1728—1803) — последний гетман Украины (1750—1764), после упразднения гетманства генерал-фельдмаршал.

282

¹ *Экзерциция* — военное упражнение.

288

¹ *Потемкин Г. А.* (1739—1791) — генерал-фельдмаршал, фаворит и ближайший помощник Екатерины II. После присоединения к России Крыма получил титул светлейшего князя Таврического.

² *Румянцев-Задунайский П. А.* (1725—1796) — генерал-фельдмаршал, замечательный полководец.

297

¹ *Татищев Н. А.* (1739—1823) — командир лейб-гвардии Преображенского полка.

² *Кутузов М. И.* (1745—1813) — знаменитый полководец (Болотов путает его отчество).

307

¹ То есть Царское Село.

² *Маврин С. И.* (1744—после 1797) — генерал-провиантмейстер, снимал первый допрос с Пугачева.

313

¹ Болотов ошибается, певчим был Разумовский А. Г.

¹ *Месмер Ф.* (1734—1815) — австрийский врач, создатель понятия «животного магнетизма», посредством которого можно якобы изменять состояние организма, в том числе излечивать болезни.

² *Завадовский П. В.* (1739—1812) — директор государственного банка, бывший фаворит Екатерины II.

322

¹ Высшая награда России.

328

¹ *Фалеев М. Л.* (ум. 1792) — поставщик армии и флота, участвовал в хозяйственном освоении Северного Причерноморья.

336

¹ *Череп* — твердый смерзшийся снег, наст, наледь.

338

¹ *Григориополь* — город на левом берегу Днестра, основанный в 1792 г. для армянских беженцев из Турции Потемкиным Таврическим и названный по имени святого Григория.

339

¹ *Обалахтать* — облапошить, плутовски обмануть.

345

¹ Потемкин П. С. умер 29 марта 1796 г.

349

¹ 22 марта 1796 года Платон Зубов возведен в княжеское достоинство «Священной Римской империи».

350

¹ Разумовский К. Г.

351

¹ *Остерман И. А.* (1725—1811) — вице-канцлер, главноначальствующий над коллегией иностранных дел.

² *Морков А. И.* (1747—1829) — член коллегии иностранных дел, пользовался особой доверительностью у Платона Зубова.

³ Вейдемейер И. А.

355

¹ *Встренуться* — спохватиться.

¹ *Заборовский И. А.* (1735—1817) — генерал-поручик.

¹ *Литеральный* — литературный.

² «Сувориада, поэма героическая, творение Иринарха Завалишина, Фанагорийского полку подполковника. Сочинена в Варшаве 1795 году».

³ Державин откликнулся на сочинение Завалишина эпиграммой:

Сей рифмотворческой, бессмысленной чухой
Геройский звук побед в потомство не промчится:
По имени творца, в пыль тотчас завалится,
И вечно будет жить Суворов сам собой
Или достойною его гомеровской трубой.
Вот вид на эту книгу мой.

¹ То есть по воцелствии на престол Павла I, когда русские войска были отозваны из персидских пределов и война прекращена.

¹ Ростов-на-Дону.

² *Протурить* — прогнать.

¹ *Картузы в лубках* — бумажные пакетики в лубяных коробах.

¹ В 1796 г. армия Наполеона I одержала блестящие победы в Северной Италии, а армии Моро и Журдена на Рейне и Верхнем Дунае.

² Франц II.

¹ 13 августа 1796 г.

² Жена великого князя Александра Павловича.

³ «*Иван Царевич, храбрый и смелый витязь Архидеич*» — сочинение Екатерины II.

⁴ *Нарышкин Л. А.* (1733—1799) — оберштаймейстер (глава придворного конюшенного ведомства).

⁵ *Строганов А. С.* (1734—1811) — оберкамергер, меценат.

¹ 10 сентября 1776 г. Екатерина II и весь двор ждали в тронном зале Зимнего дворца подписания Густавом IV брачного контракта со старшей дочерью наследника престола Павла Петровича. Но шведский король в последний момент отказался от брака, так как русское правительство не соглашалось исключить из контракта пункт об обязанности Александры Павловны остаться в православной вере.

¹ *Оператор* — хирург.

² *Лядвея* — ляжка.

³ *Девятерых*.

¹ Рекрутский набор 1796 г.— один рекрут со ста душ — был отменен императором Павлом I 10 ноября 1796 г.

¹ *Шпанская муха* — нарывной пластырь из жучка того же названия.

² *Зубов Н. А.* (1763—1805) — старший брат Платона Зубова, зять А. В. Суворова.

³ Наследнику престола Павлу Петровичу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого

1

¹ Первым прибыл курьер от Платона Зубова — его брат Николай Зубов.

² Екатерина II скончалась через сутки после прибытия в Зимний дворец сына.

3

¹ Исключительное право жалования голштинским орденом св. Анны (учрежден в 1735 г. герцогом Карлом Фридрихом, дедом Павла) было предоставлено Екатериной II сыну. Разделение этого ордена на три класса последовало 5 апреля 1797 г., и с этого времени он перестал называться голштинским. Может быть, Павел I и до издания 5 апреля «Установления о российских императорских орденах» награждал низшими классами орде-

на, но между узаконений этого времени нет ни одного распоряжения, изменяющих его первоначальный устав, кроме учреждения 12 ноября 1796 г. знака ленты св. Анны в петлицу, для награждения унтер-офицеров и рядовых.

6

¹ *Винтер-квартира* — зимняя стоянка войск.

² Гатчинский одноэскадронный кирасирский полк Павел I в благодарность за прежнюю службу присоединил к лейб-гвардии конному полку.

7

¹ Александр Павлович стал шефом Семеновского полка, Константин Павлович — Измайловского, а Николай Павлович, которому не исполнилось еще и полугода, — конной гвардии.

9

¹ В Совет 4 декабря был назначен Алексей Борисович Куракин (1759—1829), одновременно заняв должность генерал-прокурора. Болотов путает его с родным братом, Александром Борисовичем Куракиным (1752—1818), одним из самых близких друзей Павла I. Александр Борисович был удален в 1782 г. Екатериной II на жительство в Саратовскую губернию, откуда ему дозволено было выезжать в два года раз. За несколько часов до кончины Екатерины II Ростопчин, исполняя приказ будущего императора, отправил к нему в Москву, где он в то время находился, курьера с приглашением поспешить в Петербург, где его 16 ноября назначили вице-канцлером.

² *Васильев А. И.* (1742—1807) — одновременно с назначением в Совет стал государственным казначеем.

³ *Храповицкий А. В.* (1749—1801) — в 1782—1792 гг. исполнял при Екатерине II должность статс-секретаря.

⁴ Хотя Остерман и получил звание канцлера, но несколько месяцев спустя попросил увольнения и переселился на жительство в Москву.

⁵ Тазенгаузен И. А. (1745—1815).

⁶ Гагарин С. С.

⁷ В первый день царствования Павел I назначил к себе в адъютанты С. И. Плещеева и П. А. Шувалова.

12

¹ Екатерина II готовилась к войне со Швецией (из-за неудачи переговоров о браке внучки Александры Павловны с Густавом IV) и Францией.

² *Директор домоводства* — заведующий администрацией земледелия и хозяйства казенных крестьян, член временных рекрутских присутствий.

³ Указ об отмене рекрутского набора был издан 10 ноября.

18

¹ *Укоснять* — замешкаться, опоздать.

22

¹ *Лытать* — уклоняться от дела, проводить время праздно.

² Распоряжение было сделано не через письмо на имя генерал-прокурора, а посредством именного указа от 20 ноября, объявленного президентом военной коллегии Н. И. Салтыковым.

23

¹ *Стамед* — грубая шерстяная ткань.

² Запрещение офицерам носить шубы и муфты было, вероятно, объявлено сначала в приказе на вахт-параде, указ же о том появился лишь 25 декабря 1798 г.

24

¹ *Унгерн-Штернберг К. К.* (1730—1799) — сподвижник фельдмаршала Румянцева, вышел в отставку в 1774 г. в чине генерал-поручика.

² *Голицын И. Ф.* (1731—1798).

³ *Гудович А. В.* (1731—1808) — один из ближайших приверженцев Петра III, после убийства которого отказался продолжать службу при российском дворе.

25

¹ *Гавриил* (1730—1801) — пользовался особенным уважением Екатерины II, которая часто упоминала о нем в своих письмах к Вольтеру.

² *Амеросий* (1746—1818) — известный проповедник и устроитель «новокрещенских школ» для чувашей, черемисов и мордвы.

³ *Иннокентий* (1722—1799) — автор многих проповедей.

⁴ Московский митрополит Платон резко выступил против новой традиции — награждать духовных лиц орденами.

26

¹ Слух, что Новиков помешался в разуме, основан на том, что по освобождении из Шлиссельбургской крепости он стал увлеченным мистиком.

² Среди них автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев.

27

¹ *Бабарыкин Л. И.*

² *Кречетников М. Н.* (1729—1793) — генерал-аншеф, в 1776—1791 гг. генерал-губернатор калужского, тульского и рязанского наместничеств.

¹ *Попещися* — усердно позаботиться.

² Цифры, приведенные Болотовым, неверны. Именным указом от 17 ноября 1796 г. императрице назначено содержание по 500000 руб. в год, Александру Павловичу — 200000 руб., а его супруге 100000 руб.

¹ Указ октября 1795 г.

¹ Вскоре Зубовых все же настигла опала, и они были удалены от императорского двора.

¹ *Архаров И. П.* (1740-е—1815) — московский генерал-губернатор, от имени которого образовано слово «архаровец».

² Ранее начальник Москвы и Московской области назывался главнокомандующим города.

¹ Главнокомандующий Москвы М. М. Измайлов.

² Генерал-майор П. П. Долгорукий.

³ Обер-полицмейстер генерал-майор П. М. Козлов.

⁴ *Часы с осыпью* — часы с драгоценными камнями.

⁵ *Английский клуб (клуб)* — общество высшей московской знати.

⁶ Московский митрополит.

¹ Румянцев не успел исполнить желания Павла I — 8 декабря 1796 г. его поразил смертельный апоплексический удар.

¹ *Петиметр* — шеголь.

¹ Указом от 13 ноября 1796 г. повелено считать приказы, отдаваемые в присутствии государя, при пароле, именными указами.

¹ Митрополит Платон жил в выстроенном близ лавры Вифанском монастыре, более известном под названием скита.

¹ *Лаж* — доплата при обмене денег.

¹ Болотов ошибается, надо: «Воскресенским монастырем».

² Боголюбов Ф. П. — управляющий училищной конторой.

¹ Гессе И. К. (1757—183?) — инструктор гатчинской артиллерийской команды. Павел I назначил его 15 ноября 1796 г. московским плац-майором, а 15 мая 1797 г. — московским комендантом.

¹ Войско цесаревича Павла Петровича, когда он жил в Гатчине, не превышало 2000 человек.

¹ Перемены в гвардейских полках были ненавистны для высшего дворянства России и стали впоследствии одной из главных причин царевубийства.

¹ Герольдия — высшее место при сенате, заведовавшее родословными делами.

¹ Несомненно, что Екатерина II хотела передать престол, минуя сына, старшему внуку, но внезапная смерть императрицы помешала ее намерению. Благородное же поведение Александра Павловича по отношению к отцу сомнительно, что и показало царевубийство 1801 г. Павел I поручал старшему сыну наиважнейшие должности по иной причине, чем предполагает Болотов, — он свято верил в древний закон престолонаследия (от отца к старшему сыну) и считал своим долгом с первых же дней царствования готовить себе преемника.

¹ Морейская экспедиция — экспедиция русских кораблей в 1770 г. к полуострову Морея (Пелопоннес), закончившаяся Чесменской битвой.

² По другим источникам Алексей Орлов был приведен к присяге в своем доме.

³ Это скорее было наказанием, а не честью, так как Алексею Орлову было приказано нести корону убитого им Петра III, после чего Павел I прислал графу в подарок табакерку, на которой, вместо портрета, была изображена виселица («Записки А. М. Тургенева»).

⁴ И. П. Архаров участвовал с Алексеем Орловым в Морейской экспедиции.

66

¹ *Сарданапал* — имя последнего ассирийского царя у многих древних авторов, ставшее нарицательным для деспота, предавшегося роскоши и изнеженности.

² Вскоре Безбородко был пожалован титулом светлейшего князя и многими богатыми деревнями, возведен в высшее звание империи — государственного канцлера.

67

¹ Другие мемуаристы приводят подобные же факты о короновании и погребении останков Петра III.

68

¹ Болотов намекает на дворцовый переворот и цареубийство 1762 г.

² Вот как рассказывает об этом событии сама Дашкова: «Я принуждена была лечь в постель; не было еще двенадцати часов, когда генерал-губернатор Измайлов вошел ко мне. Он, очевидно, спешил в сенат, так как не успел он сесть, как тихо сказал мне, что император приказал ему передать мне от его имени, чтобы я немедленно же вернулась в деревню и помнила бы 1762 год. Я ответила громко, так, чтобы меня слышали присутствующие, что я всегда буду помнить 1762 год и что это приказание императора исполню тем охотнее, что воспоминания о 1762 годе никогда не пробуждают во мне ни сожалений, ни угрызений совести и что, если бы государь продумал события этого года, он, может быть, не обращался бы со мной таким образом; что же касается отъезда моего в деревню, то немедленно же уехать я не могу, так как должна поставить себе пивьки, но что уеду непременно на следующий день вечером или самое позднее через день утром. Генерал-губернатор откланялся и ушел».

69

¹ *Похлебствовать* — «сидти за своим хлебом, выгодой», льстить, угождать.

² *Рамена* — плечи.

70

¹ *Бобринский А. Г.* (1762—1813) — сын Екатерины II и ее фаворита Григория Орлова.

² По имени его строителя банкира Штегельмана.

³ То есть штаб-офицером, майором конной гвардии.

⁴ *Рейтар* — конный солдат.

71

¹ *Поендеспан* — дорогое кружево.

² *Эспантон* — вид сабли, учебное холодное оружие.

³ *Флёр* — тонкая, прозрачная (обычно шелковая) ткань.

72

¹ Дом этот куплен казной у графа З. Г. Чернышева в 1785 г. Ныне в нем Моссовет.

74

¹ Указ от 8 ноября.

75

¹ О манифесте Петра III, по которому дворяне освобождались от обязательной службы государству, Пушкин писал, что это «указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться» (статья «О русской истории XVIII века»).

80

¹ Бригадирский чин был уничтожен указом от 15 мая 1799 г.

82

¹ Павел I очень дорожил званием генерал-адмирала, так как носил его еще будучи великим князем, и, назначив И. Г. Чернышева президентом адмиралтейской коллегии, пожаловал его в достоинство генерал-фельдмаршала по флоту «с тем, однако ж, чтобы он не был генерал-адмиралом».

83

¹ *Филиппов пост* — с 14 ноября (Филиппово заговенье) до 25 декабря (Рождество Христово).

84

¹ Дворец был построен Петром I в 1711 г. и назван Летним домом.

² Первый камень Михайловского дворца (ныне Русский музей) Павел I заложил 26 февраля 1797 г.

³ Архангел Михаил считался покровителем русских государей.

85

¹ *Фузеля* — мушкет, ружье.

88

¹ 1722 г.

¹ То есть при издании учреждения (правила) о губерниях.

² *Нартов А. А.* (1737—1813) — ученый и общественный деятель, почетный академик Петербургской АН, секретарь «Вольного экономического общества».

³ *Соймонов П. А.* (1737—1800) — статс-секретарь Екатерины II.

⁴ *Юсупов Н. Б.* (1750—1831) — министр департамента уделов и член Государственного совета при Екатерине II, известный богач и меценат.

90

¹ *Херасков М. М.* (1733—1803) — автор знаменитой в конце XVIII в. поэмы «Россияда».

² *Бакунин П. П.*

91

¹ *Бастидон Е. Я.*

92

¹ Указ от 11 ноября.

93

¹ *Зазираемая совесть* — укор совести (зазирать — осуждать, порицать).

94

¹ *Простоквашин Е. С.*

95

¹ Часть вторая, рассказ № 50.

² *Консистория* — учреждение по церковным делам при епархиальном архиерее.

³ *Симония* — продажа и продажность званий и мест духовенства.

96

¹ *Ермолов П. А.*

98

¹ *Рекетмейстер* — чиновник, принимающий прошения.

² *Терский А. И.*

³ *Палицын И. Б.*

100

¹ *Татаринов М. С.*

² Должность директора экономии была упразднена 31 декабря 1796 г

ПИСЬМА 1812 ГОДА
М. А. Волковой к В. А. Ланской

Текст печатается по первому изданию: журн. Русский архив. 1872. № 12. Второе издание — журн. Вестник Европы. 1874. № 8—10; 1875. № 1, 2, 8 — дополнено письмами М. А. Волковой к В. А. Ланской за 1813—1818 гг. И в первой и во второй публикации писем допущена ошибка в имени адресата (см.: Голицын. Словарь русских писательниц. Спб., 1889)

¹ *Макао* — азартная игра в карты или кости, основанная на совпадении или несовпадении числа очков у играющих.

² *Шифр* — знак фрейлинского звания.

³ *Российское благородное собрание* — дворянский клуб, имевший на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда свое здание (ныне Дом Союзов).

⁴ Двенадцать выборных старшин.

⁵ *Архаров Н. П.* (1740—1814) — известный деятель царствований Екатерины II и Павла I, доживавший свой век, как и многие другие опальные вельможи, на покое в Москве.

⁶ *Село Высокое* — подмосковное имение Волковых.

⁷ *Ростопчин Ф. В.* (1763—1826) — московский генерал-губернатор в 1812—1814 гг.

⁸ Трагедия В. А. Озерова.

⁹ *Сен-При Эммануил* (1776—1814) — генерал-лейтенант, в 1812 г. — начальник штаба армии Багратиона.

¹⁰ Многочасовой бой корпуса Н. Н. Раевского с войсками маршала Даву 11 июля у деревни Салтановки.

¹¹ *Корпия* — растеребленная ветошь для перевязки ран.

¹² М. И. Кутузов был назначен главнокомандующим 6 августа.

¹³ То есть на Бородинском поле.

¹⁴ Им написаны интересные мемуары: Мертваго Д. Б. «Записки...». М., 1867.

¹⁵ 7 октября.

¹⁶ Ныне музей Революции.

¹⁷ Известный поэт Петр Вяземский.

¹⁸ 12 октября.

¹⁹ День рождения Александра I.

²⁰ Бой 16 ноября на левом берегу Березины.

ИВАН СТОЛЯРОВ.
Записки русского крестьянина

Текст печатается по изданию: Столяров И. Записки русского крестьянина. Париж, 1986.

¹ *Пелена* — нижний край ската крыши.

² *Сельское общество* — собрание всех домохозяев, кому на миру (на сельском сходе) дано право голоса.

³ *Мировой (участковый) судья* разбирал мелкие гражданские и уголовные дела. В 1889 г. заменен земским начальником.

⁴ *Земские больницы*, на которые была возложена обязанность бесплатного медицинского обслуживания сельских жителей, находились, как правило, в уездных центрах.

⁵ *Земство* — выборные органы местного самоуправления (земские собрания, земские управы), введенные реформой 1864 г. Они ведали просвещением, здравоохранением, строительством дорог и т. д. Земство упразднено в 1918 г. декретом Советского правительства.

⁶ *«Волчий» паспорт* — документ с отметкой о неблагонадежности, а также полугодовая отсрочка приговоренному к ссылке преступнику.

⁷ *Задонье* — противоположный, левый берег Дона.

⁸ *Шибай* — перекупщик, барышник.

⁹ *Старновка* — идущие на крышу слегка обмолоченные снопы.

¹⁰ То есть 23 апреля (по ст. стилю).

¹¹ *Обрушенное* — обмолотое, очищенное от шелухи зерно.

¹² *Сорокоустная обедня* — литургия об умершем, которая служится в течение сорока дней после смерти.

¹³ *Струг* — инструмент для строгания.

¹⁴ *Пасомые* — прихожане.

¹⁵ *Митрофан Воронежский (1623—1703)* — первый воронежский епископ.

¹⁶ *Тихон Задонский (1724—1783)* — духовный писатель, в 1763—1767 гг. воронежский епископ.

¹⁷ *Красная горка* — первое воскресенье после пасхальной недели.

¹⁸ 25 марта (по ст. стилю).

¹⁹ *Вербное воскресенье* — последнее воскресенье перед пасхальной неделей.

²⁰ *Епитимья* — духовное наказание за грехи.

²¹ *Епитрахиль* — облачение священника, надеваемое на шею, под ризю.

²² *Плащаница* — изображение на полотне положения во гроб Спасителя.

²³ *Разговляться* — пробовать скоромную пищу впервые после поста.

- ²⁴ 23 ноября (по ст. стилю).
- ²⁵ *Регент* — руководитель церковного хора.
- ²⁶ *Выгонка* — ускоренное выращивание растений.
- ²⁷ *Столыпин П. А.* (1862—1911) — позднее министр внутренних дел и председатель Совета министров.
- ²⁸ *Плеве В. К.* (1846—1904) — министр внутренних дел.
- ²⁹ *Сборная* — помещение для сбора (схода) сельских жителей.
- ³⁰ Последняя главка написана Столяровым в 1952 г., за год до смерти.

ДНЕВНИК НИКОЛАЯ II

Текст печатается по изданию: Красный архив. 1927. № 1—3; 1928. № 2, где дневниковые записи последнего российского императора были воспроизведены без каких-либо купюр с подлинника (ныне хранится в ЦГАОР, ф. 601).

Слова, пропущенные в подлиннике, и части дописанных слов взяты в квадратные скобки, подчеркнутое набрано разрядкой, сокращения и особенности написания некоторых слов сохранены.

¹ Военные представители союзных держав при ставке верховного главнокомандующего.

² Сын Николая II.

³ Жена Николая II Александра Федоровна.

⁴ Григорий Распутин, фаворит Николая II и его жены.

⁵ Дочь Николая II.

⁶ То есть дежурный.

⁷ Анна Вырубова, фрейлина императрицы.

⁸ Дочь Николая II.

⁹ Дочери Николая II.

¹⁰ Брат Николая II.

¹¹ Александр Петрович, принц Ольденбургский.

¹² Международная военная конференция по вопросу о подготовке и начале общего наступления против германо-австрийцев.

¹³ Великий князь Дмитрий Павлович за участие в убийстве Григория Распутина был выслан на персидский фронт.

¹⁴ Великий князь Дмитрий Константинович.

¹⁵ От слов «с ним» в подлиннике проведена стрелка к словам «ген. Алексеевым».

¹⁶ 23 февраля (8 марта н. ст.) произошел революционный взрыв, положивший начало февральской революции. 27 февраля (12 марта н. ст.) всеобщая политическая стачка переросла в вооруженное восстание.

¹⁷ Брат Николая II, умерший в 1899 г.

- ¹⁸ Николай II допустил описку, Холмс — герой повести «Собака Баскервилей», а ее автор — Артур Конан Дойл.
- ¹⁹ После восклицательного знака поставлен крест.
- ²⁰ Далее зачеркнуто: «урока».
- ²¹ После восклицательного знака поставлен крест.
- ²² Сестра Николая II.
- ²³ Кличка собаки Николая II.
- ²⁴ Заграничное путешествие Николая II на Дальний Восток.
- ²⁵ 23 августа 1915 г. Николай II приехал в Могилев и принял на себя верховное командование армиями.
- ²⁶ Народоволец, просидевший четырнадцать лет в Шлиссельбургской крепости, автор воспоминаний «С царем в Тобольске» (Л., 1925).
- ²⁷ Лейб-медик.
- ²⁸ Этой записью кончается тетрадь № 50 и далее дневник продолжался в последней тетради № 51.
- ²⁹ Находился напротив здания, где помещалась царская семья.
- ³⁰ Рассказ Лескова.
- ³¹ Гувернер сына Николая II.
- ³² Сестра Николая II.
- ³³ Крушение царского поезда в Борках 17 октября 1888 г.
- ³⁴ Зачеркнуто слово «дождь».
- ³⁵ Полковой праздник Семнадцатого нижегородского драгунского полка, шефом которого был Николай II.
- ³⁶ Деда Николая II императора Александра II.
- ³⁷ Годовщина отречения Николая II от престола.
- ³⁸ Далее датировка записей ведется только по старому стилю.
- ³⁹ Григорий Распутин был родом из этого села.
- ⁴⁰ На этой странице дневника был нарисован план дома, в котором содержался под стражей последние дни жизни Николай II и его семья. Здесь же надпись его рукою: «Дом Ипатьева в Екатеринбурге».
- ⁴¹ Воспоминания Авдеева «Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге» были опубликованы в журнале «Красная новь» (1928. № 5).
- ⁴² День рождения Николая II.
- ⁴³ Далее каждодневный характер записей нарушается. Нет записей и за три последние дня жизни (с 1/14 по 3/16 июля).
- ⁴⁴ Многоточие в подлиннике.
- ⁴⁵ Председатель Уральского облисполкома.
- ⁴⁶ Сотрудник Чрезвычайной комиссии.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО

Письма к Луначарскому

Текст печатается по изданию: Новый мир. 1988. № 10.

Письма к А. В. Луначарскому Короленко (1853—1921) написал в Полтаве в 1920 году, незадолго до своей смерти. Инициатива переписки, по сообщению В. Д. Бонч-Бруевича, принадлежала В. И. Ленину: «Надо просить А. В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как комиссару народного просвещения, и к тому же писателю» (В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. с. 508).

После встречи с навесившим его в Полтаве Луначарским Короленко написал шесть писем, но ни одного ответа не получил. Сам Луначарский, отвечая в 1930 году на предложение профессора Н. К. Пиксанова переиздать его переписку с Короленко, писал: «Что касается моей переписки с Короленко, то ее издать никак нельзя. Ибо и переписки-то не было» (Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. Н. К. Пиксанова). Неприсылку ответов Луначарский объяснял разными причинами.

Письма получили распространение в списках, а в 1922 году были выпущены в Париже издательством «Задруга». Экземпляр зарубежного издания хранится в кремлевской библиотеке В. И. Ленина. На вопрос редакции «Правда» (приложение от 24 сентября 1922 года, раздел «Тов. Ленин на отдыхе»): «Чем Владимир Ильич интересуется?» — бывший у Ленина в Горках Л. Б. Каменев ответил: «...только что опубликованными письмами Короленко к Луначарскому».

¹ А. В. Луначарский приехал в Полтаву для встречи с В. Г. Короленко 7 июня 1920 года. На митинге в городском театре Короленко обратился к нему с просьбой спасти пятерых местных жителей, приговоренных к расстрелу. На следующее утро Короленко получил записку уже отбывшего из Полтавы Луначарского: «Дорогой, бесконечно уважаемый Владимир Галактионович. Мне ужасно больно, что с заявлением мне опоздали. Я, конечно, сделал бы все, чтобы спасти этих людей уже ради Вас, — но им уже нельзя помочь. Приговор приведен в исполнение еще до моего приезда. Любящий Вас Луначарский» (Вопр. лит. 1970. № 7. С. 37).

² В 1899 году Короленко спас от смертной казни невинно осужденного чеченца Юсупова (Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. М., 1955. Т. 9. С. 528—534).

³ Там же. С. 534—549.

⁴ В то время Х. Г. Раковский был председателем Совнаркома Украины, впоследствии — полпред СССР в Англии и Франции. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР в марте 1938 года. Расстрелян 11 сентября 1941 года в орловской тюрьме. Реабилитирован в 1988 году. Короленко познакомился с Раковским до революции во время своих поездок в Румынию.

⁵ Эксгумация жертв ЧК в Полтаве происходила 2 августа 1919 года.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 124—128.

⁷ Статья В. Г. Короленко «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)» впервые опубликована в журнале «Русское богатство» в марте — апреле 1910 года.

⁸ На эту мысль Бакунина Короленко указывает также в «Истории моего современника» (М., 1965. С. 376) и в письме М. П. Сажину от 14 ноября 1920 года (Русск. лит. 1973. № 1. С. 108—109).

⁹ Корреспонденции В. Г. Короленко, переработанные автором в очерки «В голодный год», печатались в 1892—1893 годах в газете «Русские ведомости». Отдельной книгой выпущены в конце 1893 года.

¹⁰ Речь идет о происходившей в сентябре 1920 года переписке В. И. Ленина с корреспондентом английской газеты «Дейли ньюс» Сегрю Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 277—278).

Комментарии А. В. ХРАБРОВИЦКОГО

ЕВГЕНИЙ ГНЕДИН.

Себя не потерять...

Текст печатается по изданию: Новый мир. 1988. № 7.

Воспоминания подготовлены и опубликованы в «Новом мире» вдовой автора — Н. М. Гнединой.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ БОЛОТОВ. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах	6
ПИСЬМА 1812 ГОДА М. А. ВОЛКОВОЙ к В. А. ЛАНСКОЙ	277
ИВАН СТОЛЯРОВ. Записки русского крестьянина	323
ДНЕВНИК НИКОЛАЯ II	485
ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО. Письма к Луначарскому	585
ЕВГЕНИЙ ГНЕДИН. Себя не потерять...	624
КОММЕНТАРИИ	694

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

Редактор-составитель *М. И. Вострышев*

Художник С. А. Астраханцев
Художественный редактор А. В. Дьянов
Технический редактор В. И. Тумева
Корректоры Е. Е. Полячек, О. И. Ощепкова

ИБ № 5781

Сдано в набор 01.02.89. Подписано к печати 07.09.89. А03003. Формат 84×108¹/₂.
Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 37,8. Усл. кр.-отт.
38,64. Уч.-изд. л. 38,84. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2571. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007,
Москва, Хорошевское шоссе, 62

Каднинский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской
литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект
50-летия Октября, 46

2 р. 80 к.

•СОВРЕМЕНИК•